ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть III
(Июнь – декабрь 1919)

Отдельный оттиск из номеров 163-198 журнала «Вольное Казачество — Вільне Козацтво».

ПАРИЖ. 1936

07171

ТРАГЕДІЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерки на тему: Казачество и Россія)

Часть III

(Іюнь – декабрь 1919)

Отдельный оттиск из номеров 163-188 журнала «Вольное Казачество — Вільне Козацтво»

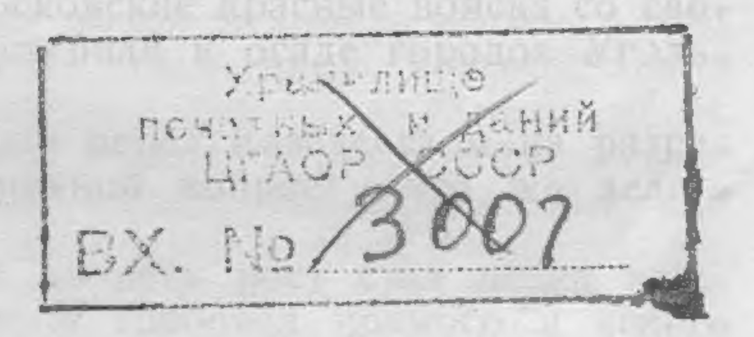
ПАРИЖЪ 1936

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть III
(Июнь – декабрь 1919)

Отдельный оттиск из номеров 163-198 журнала «Вольное Казачество — Вільне Козацтво».

ПАРИЖ. 1936

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть III

(Июнь-декабрь 1919)

Отдельный оттиск из номеров 163-198 журнала «Вольное Казачество — Вільне Козацтво».

ПАРИЖ. 1936

Трагедия Казачества

(Очерк на тему: Казачество и Россия)

Часть III

(Июнь-декабрь 1919 г.)

ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА К ИЮНЮ 1919 Г.

После неслыханно тяжелых кровавых боев в феврале, марте, апреле и мае 1919 г., боев, в которых с обеих сторон принимали участие правильно организованные армии под руководством офицеров генерального штаба, казачьи дивизии сильно потрепали советские армии и принудили их к поспешному и беспорядочному отступлению через Донскую Землю и через Левобережную Украину в Великороссию. В это же время Яицкие и Оренбургские казаки тоже в упорных боях изгоняли московские красные войска со своих территорий и приступили к осаде городов Уральска и Оренбурга.

Сама жизнь ставила перед Казачеством на разрешение большой и сложной вопрос: что же делать дальше?

Если этот вопрос во весь рост стал перед каждым рядовым казаком и требовал прямого и ясного ответа, то тем более он неотразимо преследовал тех казаков, которые занимали высокие посты войсковых атаманов или были членами казачьих правительств или казачьих парламентов. Руководители казачьей внешней и внутренней политики должны были внима-

тельно учесть внутреннее состояние Войсковых Земель, состояние войсковых сил и экономических ресурсов Казачьих Земель, а также военные, экономические и политические силы противника, учесть международную ситуацию, и после этого дать ответ на этот жизненный вопрос. Надо было наиболее правильно и наиболее об'ективно суметь оценить, как внутреннюю так и внешнюю ситуацию Казачьих государст, а также возможное сложение и соотношение борющихся сил, как на ближайшее, так и на отдаленное будущее. Мудрое правило говорит, что уменье управлять заключается в умении предвидеть.

Чтобы яснее и отчетливее можно было представить политическую, военную и экономическую ситуацию, в которой находились тогда Казачьи Войска, оглянемся несколько назад.

Войско Донское в начале 1918 г. пережило первую большевицкую оккупацию, без сомнению, нанесшую большой моральный, физический и материальный урон Войску; тогда погибли первые выборные атаманы Войска и некоторые из выдающихся их помощников, погибло много отважных партизан, смело и непоколебимо ставших на защиту родного Дона; могилами первых смелых донских борцов, павших в открытом бою, или от руки своих предателей и безумцев, или в застенках красных палачей, густо усеялась Донская Земля.

Позже, в повсеместных горячих боях при освобождении Дона от советских войск в апреле-августе 1918 г. многие и многие новые тысячи храбрых защитников Донской земли нашли свою смерть или же были израненены, искалечены, защищая казачьи права. В следующий период борьбы, в сентябре-ноябре 1918 г., при выходе храбрых полков Донских к Лискам, Балашову, Камышину и Царицыну, во время встречных боев с молодыми армиями красной России, новые тысячи донцов пали смертью храбрых или же инвалидами возвратились к семьям своим.

Во время натиска на седой вольнолюбивый Дон четырех советских армий и вынужденного вследствие этого отхода Донских войск с боями за р. Донец в январе-феврале 1919 г., почти 3/4 казачьей Земли под-

верглось разграблению, уничтожению огнем, и снова донские ряды значительно поредели... А какою дорогою ценою — донскими головами — заплатила храбрая Донская армия, охраняя честь, волю и право на свободную жизнь, в беспримерно упорных и тяжелых боях на р. Донце и в Донбассе зимою и весною 1919 года?!

А какие новые огромные жертвы принесло Войско Донское во время беспримерно отважного и доблестнго восстания Верхне-Донцов, во время изгнания с донской территории красных войск в мае-июне того же года...

Строя планы на будущее, мудрый донской политик должен был внимательно и спокойно учесть те великие и невознаградимые потери людьми и имуществом, которые Тихий Дон понес за прошлые полтора года упорной борьбы «за поля, луга родные, за могилы стариков, за напевы удалые»; он должен был точно расчитать, до какой степени и как долго еще можно будет натягивать стальную пружину донского казачьего сопротивления, чтобы эта пружина не лопнула, чтобы донская политика не наложила на Донскую армию и Донской народ такую ношу, которую Дон мог бы не выдержать, под тяжестью которой Дон мог бы в бессилии упасть.

Кубань тоже понесла большие потери и во время первых восстаний весною 1918 г., и во время беспрерывных ожесточенных боев с июня до ноября того же года при освобождении Кубани и Черноморской губ., за время боев в ноябре – декабре в Ставропольской губ., в декабре-январе при освобождении Северного Кавказа до Каспийского моря, потом в Донбассе, в Приазовьи, на р. Маныче, по дороге от Маныча до р. Волги...

Велики были и потери Терека за 1918 и за первую половину 1919 г.... Вообще трупами казаков были густо усеяны и их алой кровью были обильно политы, как казачьи, так и соседние земли. Только благодаря напряжению всех своих духовных и физических сил Донское, Кубанское и Терское Казачество сумело освободить весь широкий Северный Кавказ и просторный Дон...

Теперь могучие очистительные потоки казачьих войск направились на г. Мелитополь, на г. Екатеринослав, на Лозовую и Константиноград, на Славянск-Купянск-Белгород, на Старобельск-Новый Оскол, на Кантемировку – Лиски, на Борисоглебск, Балашов, Елань, Красный Яр, на Камышин и на Царицын. Влево, за р. Днепр была отброшена 14-я сов. армия, но она еще многочисленна и не утратила боеспособности; 13-я, 8-я и 9-я армии, сильно расстроенные, отступили к Полтаве, Курску, к Воронежу, Балашову и Елани, но они еще не были совсем выведены из строя; а 10-я сов. армия еще очень сильно огрызалась у Волги и в упорнейших и ожесточеннейших боях 29 мая-1-го июня сумела удержать г. Царицын, хотя, против нее здесь действовало несколько лучших казачьих дивизий. (Врангель. Записки, т. 1, стр. 152-154)..

Впереди была Великороссия с ее почти стомиллионным население, руководимым единою политической и военной властью, сумевшей перед этим собрать, организовать и бросить против казаков 11-ю и 12-ю советские армии на Северном Кавказе, 13-ю, 8-ю, 9-ю и 10-ю красные армии против Дона, 4-ю, 1-ю и Туркестанскую большевицкие армии против Яицкого и Оренбургского Войск. Та же Великороссия уже гнала Верховного Правителя за Уральские горы, разбила армию Украинской Народной Республики, сражалась на длинном Западном фронте...

В те времена руководителям казачьей политики на Дону и на Кубани не были известны ни соотношение сил на Восточном фронте, ни тем более подробности боев. Но от взора вдумчивых казачьих политиков, чувствовавших всю тяжесть громадной моральной ответственности перед рядовой казачьей массой, не могло ускользнуть то чрезвычайно важное обстоятельство, что армии Колчака, подходившие в апреле к Волге, понесли поражение и отступали на восток. В мае войска Колчака были оттеснены за р. Белую и г. Уфа был взят большевиками, а Колчак «отскочил» от Волги более чем на 400 верст (см. за май-июнь 1919 г. газеты «Вольная Кубань», «Приазовский Край», «Утро Юга» и т. д.). Это указывало на понесение Колчаком серьезного общего поражения, принудившего его не толь-

ко прекратить наступление, но и перейти в поспешное отступление. Советские сводки, проходившие через военную антибольшевицкую цензуру, отмечали, что бои казаков с красными идут под самым г. Оренбургом, но что последний находится все еще в руках большевиков...

Адмирал Колчак удалил от власти русских социалистов в ноябре 1918 г. после того, как они показали свое полное бессилие организовать фронт и тыл. Если теперь, после полугодовой работы сил, выдвинувших Колчака на высокий пьедестал Правителя России, Восточный фронт все же понес весьма серьезное поражение, это указывало, без сомнения, на то, что красный правитель России — Ленин — оказался сильнее белого правителя России — Колчака. Если принять во внимание, что при этом Ленин бросил на Дон целых четыре армии и был связан по рукам и по ногам армиями Южного Казачества, превосходство сил красной России над силами белой России Колчака станет тем более очевидным и ясным.

Вдумчивых казаков не могли, конечно, ввести в обман напыщенные сообщения деникинского «Освага» — Отдела осведомления и пропаганды, подобные следующему:

«В перехваченном письме из Совдепии сообщается, что мобилизованные красноармейцы, посланные на фронт адмирала Колчака, категорически отказываются воевать и разбегаются по домам. В письме пишется: «Колчак бьет без пощады; все красные в страшной панике бегут, а Колчак забираемых больных и пленных красных возвращает обратно, в Совдепию, предварительно одев и обув. Возвращающимся пленным красным Колчак выдает на дорогу белый хлеб и деньги. Они рассказывают, что с момента занятия адмиралом Колчаком какого-нибудь пункта, он сейчас же ввозит все продукты. В тылу у него всего много и все дешево» (сообщение «Освага». «Вольная Кубань» за 14 июня 1919 г.).

Подобной русской развесистой клюквой неправды русские белые вожди хотели поднять и повести за собою доверчивое население. И удивительно было то, что рядом с подобной, совершенно вымышленной, ин-

формацией о состоянии красных русских армий в тех же газетах публиковались и такие сообщения:

«10. 6. 19. Из Константинополя передают, что по сведениям из достоверных источников, полученных Британским правительством, силы большевиков распределяются следующим образом: 24 тысячи челов. на Архангельском фронте, 100 тысяч на Литовском, 100 тысяч на Польском, 130 тыс. на Урале и Волге и 100 тысяч на Южном фронте» («Вольная Кубань», 12 июня 1919 г.).

Если фронтовые казаки и офицеры не имели ни возможности, ни времени для того, чтобы следить за внутренними и внешними событиями, прямо или косвенно влиявшими на успех или на не успех антибольшевицкой войны, то казачьи правители по долгу своей службы Казачеству обязаны были этим заниматься, обязаны были вдумываться в события, происходившие по ту и по сю сторону фронта, чтобы казачью политику направлять такими путями, которые облегчили бы Казачеству тяжелую борьбу и приблизили бы окончательную победу.

Казакам Дона, Кубани и Терека хорошо было известно, какими долгими героическими усилиями, какими великими жертвами была достигнута победа казаков над красными армиями в боях зимою и весною 1919 г. На учете был не только каждый полк, но и каждая сотня казаков. Между тем в мае того же года даже в газетах публиковались сообщения о начатой Деникиным войне с горцами Кавказа, о ликвидации Горской республики, о восстании Чеченцев против власти Деникина, о захвате Деникиным Дагестана, о непосредственной угрозе войны с Азербейджаном и т. д. На Кавказский фронт оттягивались казачьи силы, так страшно нужные на фронте против красных армий. Уже начавшаяся война на Кавказе не могла не тревожить казачьих правителей, если только они в действительности думали об облегчении войны против большевиков, которая и без того уже затянулась и требовала таких великих жертв от Казачества.

Вне сомнения, русские белые, возглавляемые ген. Деникиным, не только не учитывали ни сил противника, ни своих слабых сил, и той новой силы, которую

представляли из себя возрождающиеся национальные молодые государства, но явно страдали неизлечимой манией величия. Для примера укажем на следующее. 5-го мая нов. ст. 1919 г. правительства Англии и Соединенных Штатов признали государственную независимость Финляндии. Финны сумели организовать свое государство, сумели защитить его от русских красных войск. Однако, все это не понравилось Деникину, и он поручил быв. царскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову заявить протест у Великобританского и Американского правительств, так как, по мнению Деникина, «решение финляндского вопроса, принятое независимо от России и без соображения с ее первостепенными государственными интересами, в первую голову, стратегическими, является для русского народа неприемлимым». («Вольная Кубань» за 25 5. 19).

Русская пресса довольно единодушно поддержала Деникина в этом вопросе. Даже именующий себя социалистом В. Мякотин писал, что «история слишком тесно связала интересы России и Финляндии для того, чтобы так легко было разорвать эту связь простым провозглашением независимости Финляндии... При всем уважении к праву самоопределения народов нельзя забывать, что конкретно оно может осуществляться лишь в известных границах, за пределами которых право может обратиться в величайшую несправедливость... Но ясно одно, — что финляндский вопрос не может быть решен помимо России и без нее. Когда Россия станет на ноги, он неизбежно подвергнется перерешению», угрожал Мякотин из Екатеринодара, сидя за казачьей спиной («Утро Юга» 29 мая 1919 г.).

Если белые русские протягивали свои бессильные руки к далекой Финляндии, уже признанной Англией и Соединенными С.-Американскими Штатами, то можно себе представить, как эти белые «союзники» казаков смотрели на казачью государственную самостоятельность. Каково же было положение казачьих республик, отдавших свои вооруженные силы в распоряжение главы русского белого движения!..

Сами представители национальностей часто поддерживали русских единонеделимцев и фактически

только затрудняли национальную борьбу. Для примера укажем на декларацию члена Национального собрания мусульман внутренней России и Сибири, Ю. Музафарова, распубликованную немедленно после об'явления приказа ген. Деникина о подчинении адм. Колчаку. В этой декларации читаем между прочим следующее: «В то время, как решается судьба Юга и Востока России, главным образом населенного мусульманами, — о тех народах, что населяют Крым, Сев. Кавказ, Азербейджан, Туркмению, Бухару, Хиву, Ферган, Туркестан, Урало - Поволжье... Все эти народы ищут спасительного выхода в восстановлении об'единяющей и охраняющей всех своих участников российской государственности... Все возвещенное Верховным Правителем России и генералом Деникиным удовлетворяет требования мусульманских народных масс. («Своб. Речь» 2 июня 1919 г. Екатеринодар).

Казачьи политики должны были находить выход для Казачества из тяжелого положения, в котором оно находилось, а именно: 1) оно не имело ни государственного, ни даже политического единого руководящего центра; 2) оно был разделено, прежде всего, между двумя фронтами — Восточным и Южным и на каждом фронте делилось еще на отдельные казачьи государства — Дон, Кубань, Терек и т. д.; 3) в каждой из этих республик были свои внутренние большие и больные вопросы: иногородне-казачий во всех Войсках, казачье - горский на Тереке, линейско-черноморский на Кубани, казачье - башкирский на земле Оренбургских казаков и т. д.

Фронт Колчака уже откатывался в Уральские горы. Это дало возможность красному командованию начать переброску сил с этого фронта специально на противоказачий фронт на юг.

На активную поддержку со стороны иных народов России при существовавшем тогда фактическом положении особенно расчитывать не приходилось, так как Украина была занята большевицкими войсками; горские народы Кавказа вследствие внутренних и внешних причин были раздроблены, и Деникин стремился прибрать к своим рукам отдельно каждый из этих народов; закавказские республики — Азербейджан,

Грузия и Армения — были заняты разрешением внутренних вопросов и установлением границ и отношений между собою; в то же время член национального собрания мусульман декларировал полное удовлетворение национальной политикой Деникина-Колчака...

О помощи вооруженной силой со стороны Антанты теперь (лето 1919 г.) уже не могло быть и речи. Английская же помощь оружием шла в полное распоряжение ген. Деникина, что принуждало казаков или идти с Деникины, значит, с белой Россией, или прекратить совсем вооруженную борьбу против красной России, шедшей против Казачества с огнем и мечем. Последний выход совершенно исключался в силу невозможности любовь казаков к политической и экономической свободе, к вольной-воле, сочетать с русским большевицким кровавым насилием, сочетать казачий индивидуализм с коммунистической нивеллировкой, сочетать любовь казачью к своему родному краю — с московским интернационалом, вольно-казачий дух с московским деспотизмом... И продолжало Казачество оставаться поневоле «в союзе» с белой Россией, а последняя, не имея собственной армии, принуждена была «сотрудничать» с казаками...

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ СОЮЗ — ЮЖНО-РУССКИЙ СОЮЗ

Убийство председателя Кубанской Рады Н. С. Рябовола

Какие же пути намечали руководители казачьей политики для выхода Казачества из тяжелого положения, в котором оно находилось?

Один путь предлагался русскими людьми. Это тот путь, которым все время шла Добровольческая армия. Предлагалось русскую большевицкую власть заменить русской антибольшевицкой властью, возродить Россию в границах 1914 г. с некоторой поправкой в сторону поляков и финнов. Людям этого направления казалось, что уже имеется общерусская власть в лице адмирала Колчака после признания его ген. Деникиным.

Поэтому самый факт провозглашения ген. Деникиным приказа о подчинении Колчаку вызвал среди русских людей небывалое торжество. «В эти исторические дни мы чувствовали себя в буквальном смысле слова потрясенными», заявил один из присутствовавших во время провозглашения этого приказа. «Никогда до конца своей жизни я не забуду этот исторический момент», говорил другой.

Председатель «Национального Центра» и член Особого Совещания при Деникине, М. М. Федоров, по тому же поводу провозгласил: «Мы пережили незабываемый исторический день. Мы присутствовали при возрождении России. Новая Россия возрождается при самых благоприятных условиях. Это событие создано актом такого благородства, такой высоты духа, такой государственной мудрости, равноценной которому едва ли знает мировая история... В период наибольших достижений, когда блестящими победами почти открыта дорога к сердцу России — Москве, когда, наоборот, сложная стратегическая обстановка армий адмирала Колчака вызвала временную задержку в их наступательном движении к Волге, в этот период вождь армий Юга, памятуя только о благе Родины и неотложной необходимости создания в ней единой власти, как начала государственного единства, — признает власть адмирала Колчака, как Верховного Правителя, верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами. Этим актом благородного бескорыстия, высокого патриотизма, А. И. Деникин, сам поднимаясь на недосягаемую высоту, закрепляет за Россией ее государственное возрождение. Этим актом одновременно разрешаются внешние и внутренние затруднения и противоречия». («Куб. Мысль» за 2 июня 1919 г.).

В словах председателя «Национального Центра» довольно выпукло очерчено все предполагаемое великое историческое значение этого акта. И вот среди казаков нашлись лица, занимавшие высокие посты в военной или гражданской жизни Войск, которые так же сердечно и горячо приветствовали появление, по их разумению, единой всероссийской власти. Среди этих лиц были выборные казачьи Атаманы: генералы Богаевский, Филимонов и Вдовенко; к ним же примыкал

Атаман Оренбургского Войска Дутов, согласившийся принять пост Походного Атамана всех казачьих Войск и инспектора кавалерии при Колчаке. Как мы знаем, и командующий Донской армией Сидорин 1-го июня телеграфировал Деникину: «от лица своего и равно от лица командного состава и всех воинов Донской армии и флота выражаю Вашему Превосходительству полную готовность принести все жертвы, которые потребуются для осуществления начатого Вами дела».

Такие заявления ответственных руководителей казачьей политики русская ежедневная печать и русская пропаганда, по понятным причинам, широко распространяли среди населения освобожденных от большевицкой власти областей, а также за границей. Эти же заявления большевики использовали у себя, доказывая населению, что казаки и русское белое контр-революционное движение преследуют одни и те же цели возвращения старых порядков царской России и что большевики хотят спасти население именно от победы этой контрреволюции. Казаки действительно гордились фактом возрождения исторической казачьей власти в лице выборных Войсковых Атаманов. Русские люди и иностранцы тоже считали Атаманов выразителями казачьей воли, казачьих настроений и желаний. Если эти Атаманы публично поддерживали Деникина-Колчака, это обстоятельство в глазах чужих и своих принималось за выявленіе воли самих Казачьих Войск.

Надо ли говорить о том, что старые казачьи офицеры в своем большинстве и, в первую очередь, подавляющее большинство казачьих генералов, казачьи мелкие и крупные помещики, материальное благополучие которых было подкопано земельными законами Кругов и Рады, и казачье духовенство в своей массе, весьма активно поддерживали Атаманско-Деникинско-Колчаковскую точку зрения на пути выхода Казачества из тяжелого положения.

Держа управление казачьими армиями в своих руках, Деникин - Колчак имели в своем распоряжении очень большие возможности для политической обработки в нужном для русских духе казачьих войсковых частей. Повсюду в войсках, если только позволяла боевая обстановка, при торжественных условиях об'яв-

лялись соответствующие приказы под крики «ура», служились молебны с провозглашением многолетия «Богохранимой Державе Российской, воину Александру (Колчаку), воину Антону (Деникину)» и т. д. устраивались парады войскам, организовывались обеды и ужины с соответствующими речами восхваления славных русских вождей, Матери России и т. д. И при всей этой хитроумной пропаганде пели казачьи хоры, играла казачья музыка и казачьи удальцы удивляли всех казачьими танцами. То же самое делалось в казачьих столицах и во многих казачьих станицах...

Не следует преуменьшать этих могущественных способов пропаганды и политической обработки рядовой казачьей массы. Казаки видели, что выборные их Атаманы и православная церковь действуют вполне солидарно с Деникиным-Колчаком. Если к этому прибавить, что в то время не было ни одной казачьей самостийницкой газеты или журнала, что вся печать, этот могущественный рычаг для направления политической мысли населения, находилась всецело в руках русских политических групп и партий, можно себе ясно представить, насколько широкие возможности открывались перед русскими, так сказать, способами разрешения поставленного самой жизнью вопроса: что же дальше?

И разве приходится удивляться тому, что это государственно - политическое стремление среди казаков на Восточном фронте нашло свое формальное выявление в принятии ген. Дутовым — Атаманом наиболее многочисленного из восточных казачьих Войск — поста Походного Атамана при Правителе России адм. Колчаке; разве приходится удивляться тому, что на Юге упорно и беспардонно игнорировалось почти единогласное решение Кубанской Краевой Рады о неотложной необходимости организации самостоятельной Кубанской Армии и вместе с тем беспрерывно делались упорные попытки навязать Кубани «штаты походного атамана».

Таким образом, высшие представители выборной казачьей власти и казачий генералитет, последний за самыми редкими исключениями, довольно активно поддерживали русскую точку зрения на казачий вопрос. Как мы знаем, для русских людей даже финляндский

и польский вопросы были такими вопросами, которые можно было разрешить только с согласия России. Казачий же вопрос для русских не существовал совсем или был исключительно вопросом внутренней политики России. Нельзя сказать, чтобы рядовое казачество в известной мере не несло ответственности за политику Атаманов, избранных Кругами и Радой, обыкновенно, после всестороннего обсуждения кандидатур.

Если теперь Казачество переживает такие глубоко трагические для него времена, то причину этого весьма и весьма печального и гибельного в жизни его явления надо искать в недавнем и далеком прошлом. Раз долю Казачества так тесно связали с долей белой России, поражение последней неизбежно несло поражние и Казачеству...

Несколько иную точку зрения на наилучшие пути выхода из создавшегося тяжелого для Казачества положения защищала тогда рядовая казачья масса и непосредственно вышедшая из этой массы казачья народная интеллигенция — офицеры, учителя, кооператоры и т. д. В единогласно принятом 1-го июня 1919 г, постановлении Большого Донского Войскового Круга между прочим имеется такой пункт:

«Неотложной ближайшей заботой Войсковой Круг считает заключение в кратчайший срок Юго-Восточного Союза, в первую очередь с Тереком и Кубанью, для укрепления экономической мощи Края и утверждения кровью добытых автономных прав, при сохранении самых искренних дружественных связей и отношений с главным командованием юга России и в боевом сотрудничестве с ним в деле осуществления задач по воссозданию единой великой Родины России».

В этом постановлении можно видеть несколько основных мыслей: 1. Судьбой Дона распоряжаются только Донцы и никто другой. 2. Донцы такое же право в полной мере признают за иными государственными образованиями. 3. Донцы неотложной ближайшей задачей считают заключение в кратчайший срок Юго-Восточного Союза. 4. Этот Союз Донцы желают расширить путем присоединения к нему иных государственных образований до размеров, могущих охватить всю территорию быв. России. Еще большую ясность вло-

женным в это постановление основным мыслям придает последний, 10-й, пункт, говорящий следующее: «Разработку законопроектов по содержанию настоящей декларации Круг поручает Правительству и особой Комиссии Законодательных предположений из членов Круга». Из этого постановления видно, что Донской Войсковой Круг оставлял только за собой право разрешить так или иначе все основные вопросы, касающиеся бытия Донской Республики.

Весьма важно отметить при этом, что Донской парламент ни в одном пункте этой Декларации не заявил о том, что он приостанавливает или хотя бы даже ограничивает действие какого-либо закона, принятого перед этим Донским Кругом. Значит, в полной силе и надалее оставалась Донская Конституция, присяга на верность государству — Донской Отчизне, самостоятельная Донская государственная власть в лице Атамана и Правительства и самостоятельная Донская армия.

В этой Декларации, принятой через два дня после об'явления приказа Деникина о подчинении Колчаку, ничего не говорится о признании Доном власти Правителя России адм. Колчака или о признании власти Деникина. Весьма показательным было желание заключить Союз с Кубанью и Тереком. Обращает так же подчеркнутое в Декларации желание Дона сотрудничать «с самим русским народом» (§ 1 Деклар.),

Нужно сказать, что в момент принятия этой декларации не было известно, как в действительности русский народ относится к большевицкой власти; ненавидит ли он ее так, как об этом единодушно писали все русские газеты по сю сторону фронта, как об этом говорили все русские люди, нашедшие приют на Казачьей земле, как сказал Деникин в приказе о признании власти Колчака, что будто бы: ...«С замиранием сердца весь русский народ следит за успехами русских армий с верой, надеждой и любовью»; или же русский народ, как и в 1918 г. и в начале 1919 г., поддерживает власть большевиков и снова с оружием в руках бросится на Донскую Землю.

Донцы видели, что жалкие остатки 9-й и 8-й сов. армий бегут перед Донскими войсками в Великорос-

сию, что на Украине, давшей перед этим много бойцов в 8-ю и 13-ю красные армии и целую группу войск Махна, теперь пылают повсеместные антибольшевицкие восстания. Казакам говорили, что Колчак успешно наступает на огромном фронте, что его скоро признают все могущественные государства, что в самой Великороссии всюду кипят восстания против большевиков. По поводу восстаний в Великороссии почти ежедневно печатались в газетах вереницы различных данных с указанием районов восстаний и названий пунктов, где взбунтовались красные войска.

Если советские армии бегут перед Донцами, если на Украине повсеместные восстания, если и неказачье население приняло активное участие в восстании Верхне-Донцов, если сообщениями об антибольшевицких восстаниях в Великоросии ежедневно пестрят русские газеты, то разве не логично было допустить, что, в конце концов, и Великороссия действительно восстает против большевицкой власти. Раз это так, то естественно совершенно реально встает вопрос о возможном и даже скором возрождении России.

Русское течение среди казаков, захватившее в свои руки власть над казаками (Атаман А. Богаевский, Правительство Донское, председатель Донского Круга, командующий Донской армией и т. д.) на Дону, делало все, чтобы именно к таким выводам привести рядовую казачью массу, рядовое офицерство — возрождается, встает Великая антибольшевицкая Россия, которая уже имеет единую верховную власть и единого главнокомандующего, поддерживаемого всеми силами всемогущих победителей в Мировой войне — Англии, Франции, Японии, Италии, Соединенных Штатов. Идет во всесилии, идет во всемогуществе и величии Великая Россия, и кто может решиться сопротивляться ей?..

Измученное до крайности войной с большевиками, затурканное в конец «русскими казаками» Донское Казачество все же и при всех этих условиях не отказывалось от созданной им своей Республики и не признавало «признанного» Верховного Правителя России, хотя, естественно, не отказывалось от сотрудничества с русским народом, как не может отказываться от подобного сотрудничества любое государство со своими

соседями. Кроме того, в Декларации сказано, что «вместе с тем Круг не допускает и мысли о мести в отношении к народным массам, хотя бы и брошенным в братоубийственную войну безумною рукою политических проходимцев», что «будущую Россию Войсковой Круг мыслит, как единую свободную демократическую страну с государственным устройством, какое будет дано ей волей и разумом самого русского народа на новом Учредительном Собрании, которое должно быть созвано на началах всеобщего, прямого и равного избирительного права при тайном голосовании», что «Войсковой Круг считает, что это право самому решать свою судьбу — есть неот'емлемое достояние русского народа, оправданное его страданиями, и не допускает мысли, чтобы кто бы то ни было каким бы то ни было способом дерзнул похитить у него это право».

Словом, Донцы поступали по заветам Христа: своему ближнему желали того же, чего желали себе; разрешения судьбы Дона Донцы оставляли только в своих руках, то же право признавали за своим соседом — русским народом. Если русские люди по сю сторону фронта в своих газетах, в речах своих ответственных представителей и даже в официальных актах из всех сил доказывали, что русский народ ненавидит большевиков, что русский народ восстает против них, почему Донские казаки должны были вступать в спор и доказывать противное? Напротив, Донцы желали добра русскому народу и той политической и экономической свободы, в борьбе за которую для Дона казаки пролили столько своей крови.

Весьма важно все эти моменты в декларации Донского Круга отметить и подчеркнуть, так как 1-го июня Круг приостановил свою работу и дальнейшие заседания Донского Большого Войскового Круга возобновились только через четыре месяца — 1-го октября, а до того исполнительная власть Дона, Комиссия законодательных предположений и президиум Круга должны были точно исполнять предначертания Донского Круга, как выразителя воли Донских казаков. Круг не допускал и мысли о том, чтобы без него можно было так или иначе решать судьбу Дона.

Хотя председатель Донского Круга В. Харламов еще осенью 1918 г. категорически утверждал, что Донское Войско, вне сомнения, признает над Доном власть Деникина, эти заявления, как видим, действительности не соответствовали (см. ч. 2 очерка «Траг. Казачества»). Как ни старались некоторые «вожди» сбить казаков с дороги, основная линия казачьей политики оставалась по существу без изменения и при совершенно новых условиях борьбы. Выдержал Донской Круг натиск белой России в сложных условиях войны 1918 г., выдержал сильный кровавый натиск красной России и нажим со стороны Союзников и белой России страшной зимою 1919 г.; неизменной осталась политика казачьей массы и после славных побед весны того же года.

Упорные противники Казачества часто с насмешкой говорили и даже писали о том, что государственная самостоятельность Дона весною 1918 г. была объявлена будто бы по указке и, во всяком случае, по желанию немецкого командования, хотевшего раздробления России. Но вот Германия была поражена Союзниками, немецкие войска ушли домой, появились победители-Союзники, всюду открыто и торжественно заявлявшие о необходимости возрождения Единой и Неделимой России, в угоду этой концепции производилось большое давление и на Казачьи Земли; но Дон, заменив Атамана Краснова Атаманом Богаевским, продолжал охранять свою государственную самостоятельность; ушли Союзные дессанты с Украины и с Крыма, Дон стоял лицом к лицу с Великороссией, война продолжалась, но и теперь Дон упорно оборонял свою государственную независимость; наконец, рядом с красной Россией все яснее и рельефнее вырисовывался черный силуэт белой России во главе с Деникиным-Колчаком, а седой Дон попрежнему, наговорив в декларации целый ворох всяких добрых пожеланий в адрес страдающей соседки-России, неуклонно продолжал оберегать свою государственную независимость. Очевидно, дело было не в желаниях или нежеланиях штабов чужих держав, и не в том, от какой России, белой или красной, приходилось оберегать Донскую независимость, а причины этой последовательной борь-

бы Донцов за свою волю-вольную лежали в самих Донцах, которые молча, но необыкновенно упорно дрались за свою землю. И эта борьба не была напрасной — освобождение Дона снова приходило к счастливому концу.

Исполняя волю Донского Круга, председатель его послал Кубанцам и Терцам телеграфное приглашение прислать представителей для переговоров об организации Юго-Восточного Союза. На Кубани этим вопросом немедленно занялась Кубанская Законодательная Рада, поручив особой комиссии в трехдневный срок подготовить необходимый материал. 5-го июня предложение Донцов обсуждалось уже в пленуме Рады в присутствии председателя Донского Круга В. Харламова и ген. Баратова, назначенного представителем ген. Деникина в Грузии. Комиссия Рады предложила сразу же расширить рамки предполагаемого Союза, что, конечно, по сути не могло противоречить выше приведенным постановлениям Донского Круга. Комиссия высказалась за такую постановку вопроса, чтобы к Союзу могли немедленно приступить, кроме Дона, Кубани и Терека, Яицкое и Оренбургское Войска, Горцы Кавказа, Закавказье и Украина. Организуя Союз, кубанцы хотели добиться немедленного прекращения войны на Кавказе, начатой Деникиным, хотели помочь горцам Кавказа, уже попавшим под власть Деникина, освободиться от этой тяжелой зависимости, хотели не допустить войны с войсками Украинской Республики.

Законодательная Рада настаивала, чтобы Конференция собралась не позже 20-го июня. Каждое из государственных образований должно послать равное число представителей на Конференцию, от законодательных учреждений пять и от исполнительной власти два представителя. На Конференцию пригласить представителей Дона, Терека, Дагестана. Известить о созыве Конференции Осетию, Кабарду, Ингушетию. Сообщить о времени с'езда и составе Конференции в Закавказские Республики: Грузию, Азербейджан и Армению». («Приаз. Край» № 130, 9 июня 1919 г.).

Об Оренбургском и Яицком войсках, а также об Украине не говорилось ничего потому, что в то время

никакой связи с ними не было («Вольная Кубань» № 124, 8 июня 1919 г.).

Тогда же была выбрана и делегация на Конференцию.

Тогда же была принята и следующая резолюция: «Поручить членам делегации Куб. Зак. Рады предложить Конференции выработать в первую очередь прелиминарный договор, которым не допускались бы обособленные выступления какой-либо из договаривающихся сторон, могущие нарушить общие интересы Союза».

Из предыдущей печальной практики сношений с соседями кубанцы знали, что на казачьих политических верхах дела обстоят настолько ненадежно, что возможна перебежка на сторону Деникина, поэтому в самом начале хотели гарантировать Конференцию от нежелательных сепаратных выступлений договаривающихся сторон. Как увидим далее, эти опасения кубанцев, к сожалению, вполне оправдались.

Решение Донского Круга и решение Кубанской Законодательной Рады хотя и выявляли некоторую несогласованность между собою, но оба преследовали одну и ту же цель и в корне расходились с политикой русских людей, особенно торжествовавших после об'явления приказа ген. Деникина о подчинении Колчаку. Действительно, колоссальные успехи казачьего оружия на широком фронте от Волги до Днепра русские приписывали себе, победы казаков над советскими армиями они принимали за свои победы. Поэтому русские совершенно искренне восхищались шагом ген. Деникина, признавшим адм. Колчака, когда, как думал председатель Национального Центра Федоров, «блестящими победами почти открыта дорога к сердцу России». Да, победы были блестящие, но честь их принадлежала не русским и не Деникину, а казакам. Этого важного обстоятельства русские старались просто не замечать. При всем том русские как бы ни видели, что казаки возродили свои казачьи республики, что казаки не только отбиваются от красных русских армий, но упорно строят свою государственную жизнь...

Казачьи армии побеждают, думали русские, значит побеждает Деникин. Дорога на Москву открыта...

И вдруг какая то казачья Конференция собирается без Деникина и Колчака строить Союз государств. Да еще двери этого Союза казаки открывают и для иных народов, и этот Союз по мысли казаков должен охватить те самые земли, на которых в воображении русских возрождалась единая и неделимая Россия. Казаки говорят, что будущую Россию должно построить Всероссийское Учредительное Собрание, а до того казаки собираются удерживать в полной мере свою государственную независимость...

Донской Круг в своей Декларации, принятой 1-го июня, говорит о построении временной всероссийской власти, но это построение основывает «на принципе участия в ней государственных образований». В постановлениях же Кубанской Рады совсем ничего не было сказано и о такой временной всероссийской власти, а просто предлагалось заключить «союз между южными государственными образованиями», и к участию в этом Союзе приглашались Осетия, Кабарда и Ингушетия, которые были уже завоеваны Деникиным и над которыми поставлен им главноначальствующ. Терско-Дагестанского края; к участию в Союзе приглашался и Дагестан, против которого Деникин уже вел войну; далее предполагалось участие Грузии, Азербейджана и Армении, которые, по мысли русских, составляют нераздельную составную часть единой России. Словом, казаки ведут планомерное наступление против единой и неделимой России, и, в случае успеха казачьей политики, задолго до Учредительного Собрания на месте России вырастет Союз Дона, Кубани, Терека, Горцев Кавказа, Украины и т. д., и Учредительному Собранию уже нечего будет учреждать.

Если русские протестовали даже против признания Финляндии со стороны Англии и Соединенных Штатов Америки, то как же эти самые русские могут молчать и терпеть, чтобы какие-то «глубокие провинциалы», «ограниченные казачьи честолюбцы» так дерзновенно с'езжались на Конференцию и сами, без Деникина и Колчака, решали государственные вопросы. Не имея силы оружием прекратить эту явно вредную для единой России работу казаков, русские ста-

ли на путь иных способов воздействия для воспрепятствования проведению в жизнь казачьих планов.

Совершенно естественно было то, что вся русская пресса набросилась на казачью Конференцию. Формы русских писаний по этому поводу определялись только тем, где выходила та или иная русская газета: если на казачьей Земле, то писали поскромнее, а если вне ее, то ругались во всю русскую широкую натуру.

Был применен и путь протеста через специально созванные русские собрания. Так, например, наиболее солидные русские организации — Национальный Центр и Совет государственного об'единения выработали следующий протест:

«а) Исторические заслуги казачества в деле собирания мощи России весьма велики. б) В настоящей гражданской войне и борьбе с большевизмом казачество занимает первое место, как в деле защиты своего края, так и для восстановления единства и былой мощи России. в) Эти великие заслуги казачества, а также особенности его быта и исторически сложившихся сословных (?) преимуществ, дают ему право на самостоятельное устройство своей внутренней жизни и отводят ему почетное место при разрешении вопросов об окончательном устройстве Русского государства. г) Идея организации Юго-Восточного союза, как государственного об'единения, которое должно быть противопоставлено охваченной большевизмом России, имела в свое время известное значение. д) Ныне, когда восстанавливается единство России, при чем представителем ее является в Сибири Верховный правитель России — Колчак, а на Юге — Добровольческая армия, сплотившая все антибольшевицкие силы и ныне победоносно двигающаяся к Москве, возобновление вопроса о создании Южно - русского союза не только не оправдывается современной обстановкой, но и политически вредно, так как препятствует воссозданию единой государственности. е) Стремиться ныне к созданию новых государственных образований значит бессознательно содействовать намерениям Германии и ставить себе целью расчленение России» (Деникин. Очерки, т. 5, стр. 201).

Как видим, даже умудренные опытом государствен-

ные мужи старой России не постеснялись приплести и тут Германию. Раздражение русских против казаков переходило всякие границы и помрачало умы.

Несмотря на энергичные и злобные протесты со стороны русских, все же казачья Конференция собралась в г. Ростове на Дону в следующем составе: **от Дона:** председатель Круга В. А. Харламов, члены Круга И. П. Буданов, В. Шапкин и В. Т. Васильев, войсковой контролер А. П. Епифанов и члены Донского правительства: по делам внутр. дел К. П. Каклюгин и по делам народн. просвещения В. Н. Светозаров;

от Кубани: председатель Краевой Рады Н. С. Рябовол, члены Краевой и Законодательной Рады Ю. А. Коробьин и Д. А. Филимонов, заместитель председателя Законодательной Рады Султан-Шахим-Гирей и кубанский контролер и член Кр. и Зак. Рады И. Л. Макаренко;

от Терека: представители Малого Круга Ф. Т. Синюхаев и В. И. Баскаков; представитель Терского правительства Н. К. Федюшкин и войсковой контролер Ф. И. Овчаренко. («Приазовский Край» от 15 июня 1919 года.).

В первом деловом заседании было решено: членами Конференции могут быть только представители государственных образований; при разрешении основных вопросов голосование производится не персонально, а по государственным образованиям. Эти первые решения имели большое принципиальное и практическое значение. К обсуждению вопроса о Союзе допускались равноправные представители государств, тут не было места для тех, которые охотно и даже с азартом приступали к организации всероссийских правительств чуть ли не в каждом губернском городе. Вопрос стал во всей простоте и ясности: казаки разбили русские красные армии, выгнали их со своих земель, теперь казаки собрались решать свои государственные дела общими силами, так как серьезная угроза нового натиска красных на Казачьи Земли далеко еще не миновала. Непрерывное отступление армий Колчака ясно указывало на то, что красная армия еще достаточно сильна и легко может вновь направить свои силы на Казачьи Земли.

Первое торжественное заседание Конференции состоялось 13 июня в г. Ростове. На этом заседании с большой программной речью выступил глава Кубанской делегации Н. С. Рябовол. Сделав исторический обзор взаимоотношений Кубани и Добровольческой армии, Н. С. Рябовол отметил, что «Кубань не могла признать большевиков и не может признать Особое Совещание». Рябовол подчеркнул, что Кубанцы никогда не думали — «Наша хата с краю». «Мы всегда шли охотно кого бы то ни было освобождать и избавлять от насильников, но были против политики завоевательной. Мы полагали, что с движением в Россию нужно нести такие принципы, которые бы ясно говорили населению, что на смену насильников идет другая власть, дающая право жить. К сожалению, было совсем не так. Когда пришли добровольцы в Черноморскую губернию, освобожденную Кубанскими казаками, и завели там губернаторский режим, то с населением в 200 тысяч они, добровольцы, так управились, что оно сплошь обратилос в большевиков и там теперь идет сплошное избиение наших казаков. В Ставропольской губ. тоже был заведен такой режим, которым никто не был доволен и нам приходилось очень тяжело. В то время, когда мы, Кубанцы, должны были давать вам, Донцам, помощь, нам пришлось посылать части войск для подавления восстания в Ставропольской губ., которое являлось следствием того режима, который был заведен Особым Совещанием... У нас есть еще чувство страха, что в одну прекрасную минуту вся эта работа, которую ведут наши казачьи доблестные войска, может рухнуть, а как фронты могут рухнут, вы это знаете. Завоеванное годами и месяцами может быть уничтожено в один момент...

...Если не будет создана власть, которая представляла бы не совокупность отдельных представителей, а власть, которая представляла бы борющиеся народы, то из этой власти, как бы мы к ней не относились, никакого толку не будет... Положение Особого Совещания (при Деникине) более шатко, более ненадежно, чем было положение Временного Российского правительства», заявил Н. С. Рябовол. При этом он пояснил, что Казачьи государства, и в том числе Кубань, не

отказываются от об'единения с иными государственными образованиями, но только по доброй воле и по договору; что Кубанцы не сбираются жить совершенно изолированно и охотно идут на соглашения...

Смысл речи председателя Кубанской Рады и Делегации сводился к тому, что Кубанцы охотно идут на соглашение с Донцами и с Терцами, но совершенно не хотят признать и не признают никогда ни Деникина, ни Колчака, политику которых Кубанцы осуждают самым решительным образом, ибо эта политика гибельна для казаков, эта политика губит казачье освободительное движение...

Русские на это ответили тем, что в первую же ночь после этой речи убили Н. С. Рябовола. Этим гнусным убийством «союзники» казаков устранили со своей дороги смелого, решительного казака — самостийника, борца за освобождение казаков.

Следствие скоро поймало главных организаторов этого убийства; было установлено также, что они ездили на автомобиле Начальника снабжений Добровольческой армии. Но разве в интересах русских было раскрытие и наказание истинных виновников этого злодеяния?.. Кое кем были приняты меры, чтобы убийцы ушли из рук правосудия, иначе было бы доказано, что вся русская единонеделимческая общественность несет моральную ответственность за убийство главы Кубанского парламента...

Чтобы замазать глаза, вели следствие, продолжавшееся более трех месяцев. На скамью подсудимых посадили, в конце концов, комиссионера гостинницы Коврижкина, который при организации убийства играл третьерядную роль пособника...

Все же и на этом суде нашелся человек, который взял на себя смелость назвать имена главных организаторов насильственной смерти казачьего патриота... Это был Коссович — офицер для производства дознаний при контр-разведке, вызванный на суд в качестве свидетеля. На третий день судебного процесса Коссович показал на суде следующее: «14-го июня расследование убийства было из'ято из ведения местной уголовно-розыскной стражи (г. Ростова) и передано нам (контр-разведке). Я получил приказание об аресте рот-

мистра Коптева, графа Воронцова-Дашкова и Квинихадзе». Свидетель счел необходимым указать начальнику контр-разведки полк. Кублицкому, что нужен розыск, а не дознание. «Но мне было указано, **чтобы никакими розысками я не занимался...** Ко мне были приставлены два лица для мелких поручений, **но розысков эти лица не производили»...** Свидетель считает офицеров Яковлева, графа Воронцова-Дашкова, Коптева, Бологовского и Скородумова — главными организаторами убийства»... («Приазов. Край» за 5 (18) октября 1919 г. Ростов).

Убийство председателя Кубанской Краевой Рады Н. С. Рябовола было совершено в ночь с 13 на 14 июня стар. стиля 1919 г. Судебный процесс был в самом начале октября того же года. Даже на этом запоздалом судебном процессе над злодеем, игравшим только подсобную роль в убийстве, офицер Коссович ясно и во всеуслышание назвал главных организаторов убийства, виновность которых Коссович неопровержимо установил, лично производя следствие по этму делу; эти сведения, данныя Коссовичем в официальном заседании суда, были распубликованы в газетах. И что же? Русский суд оправдывает комиссионера Коврижкина, а сиятельные организаторы убийства остались на свободе.

Нужно сказать, что часть этих офицеров принадлежала к Отряду Особого назначения Кавказской армии, которой командовал Врангель. Эта армия, как известно состояла, главным образом, из кубанских казаков и во время убийства председателя Рады вела вторичные кровавые атаки на г. Царицын. Кубанские казаки умирали под Царицыным от руки русских красных, а в глубоком тылу русские белые самым подлым способом снимали с своей дороги главу Кубанского казачьего парламента. Так казачьей кровью писались страницы трагедии Казачества.

При этом следует отметить, что Донской Атаман Богаевский и телеграфно, и через своих представителей заверял Кубанцев в том, что убийцы председателя Рады будут беспощадно покараны. Эти заверения он делал, когда участники убийства были уже арестованы в Ростове. Нам, к сожалению, сейчас не известно,

по чьему приказу начальник Ростовского отделения контр-разведки полк. Кублицкий, сделал строжайшее распоряжение офицеру Коссовичу, чтобы тот «никакими розысками не занимался», чтобы убийц не искал. Но известно, что когда следствие точно установило, что убийцы председателя Кубанской Рады ездили перед самым убийством на автомобиле Начальника снабжений Добровольческой армии, то Донской Атаман приказал: дело об автомобиле Начальника снабжений из следствия из'ять. Что и было исполнено в точности...

Зимою 1919 г., когда первый Кубанский конный полк прискакал на помощь братскому Дону и геройски вступил в неравный бой с частями 10-й советской армии, наседавшими на Донские полки на восточном берегу р. Дона, против станицы Есауловской, тогда Донской Атаман телеграфировал Кубанскому атаману: «Первые ласточки о братской помощи на ратном поле Кубанцев Донцам принесли радостные вести. Обнаглевший враг, двигавшийся почти безудержно, был встречен 11 и 12 февраля в районе Есауловской могучим ударом славных Кубанцев и отпрянули вспять. Верю, что кровь братьев Кубанцев, пролитая на Донской Земле за общее дело свободы Казачества, явится нерушимым и верным залогом нашего дальнейшего успеха и не забудется никогда Доном. 13 февраля. Донской Атаман ген.-лейт. Богаевский»...

Ровно через четыре месяца на Земле Войска Донского убили председателя Кубанской Рады, убийцы были пойманы и арестованы. Глубокая, сильно болящая рана была нанесена в самое сердце Кубани. Помощь, которой зимою 1919 г. Донской Атаман обещал не забывать... А в действительности, что встретила Кубань со стороны Донского Атамана... О Врангеле и Деникине мы и не говорим. Что иного с их стороны могла ожидать Кубань, не дающая ходу «белым вождям»... В самую тяжелую для Кубани минуту Донской Атаман явился укрывателем гнусных убийц главы Кубанского парламента... Интересы белой России оказались для него ближе и дороже интересов Кубани... Если Донской Атаман обещал не забывать о помощи со стороны Кубани, то и Кубанцы, очевидно, не забудут помо-

щи Донского Атамана в деле наказания убийц Н. С. Рябовола...

Ответ Кубани на убийство председателя Кубанской Рады.

Убийство председателя Кубанской Краевой Рады, организованное и осуществленное русскими «белыми», вызвало среди многих русских вздох «облегчения» и даже нескрываемую и публично проявляемую радость. Русские думали, что насильственным устранением талантливого и смелого кубанского самостийника, открытого и решительного противника политики Деникина, им удастся терроризировать и устрашить казачьи ряды и тем «облегчить» работу «белых» собирателей России. Нет сомнения, что убив этого выдающегося казака-организатора в момент, когда его рабста была наиболее необходима и дорога для Казачества, когда на разрешение был поставлен вопрос организации Союза казачьих республик, русские нанесли казакам незаменимую потерю. Эту глубокую рану, нанесенную казачьему самостийническому движению, очень остро почувствовали казаки.

Уже во время перевезения тела убитого из Ростова в Екатеринодар многие тысячи казаков и казачек сходились к железно-дорожным станциям, чтобы в последний раз проводить великого казака; служились панихиды, и крупные слезы обильно текли из мужественных очей сильных телом и духом детей богатой привольной степи...

Глубоко, остро болящую рану в самое сердце казачье нанесли сиятельные заплечных дел мастера... Это был предательский и бесконечно подлый удар с тыла. Неисчерпаемая и ничем неутасимая ненависть к белым русским «союзникам» спустилась до самых глубин казачьей массы и там засела навеки. Разве после этого можно удивляться тому, что в станицах Кубани уже в 1920 г., во время бегства добровольцев к Новороссийску, казаки и даже казачки в станицах Кубани не давали им даже воды, чтобы утолить жажду. И это происходило в станицах, издавна прославленных гостеприимством и хлебосольством, в станицах,

где так радушно перед двумя годами принимали Добровольческую армию казака ген. Корнилова.

Насильственная смерть председателя Рады нашла живой отклик в Кубанской Законодательной Раде. Весть о подлом убийстве с быстротою молнии облетела столицу Кубани и глубоко взволновала все население города. Публика спешила к зданию Рады. Среди нее было много казаков Екатеринодарского гарнизона. Скоро помещение Рады было настолько переполнено, что дальнейший вход был запрещен и масса желающих попасть в Раду заполняла прилегающие к зданию Рады улицы. Без обсуждения Рада единогласно приняла нижеследующие постановления:

1. Поручить Краевому правительству немедленно закрыть все организации и газеты, занимавшиеся провокацией и травлей Кубанского Казачества и его лучших представителей.

2. На территории Кубани закрыть все отделения добровольческого «Освага» (Деникинский отдел осведомления и пропаганды), а его агентов выслать с территории Кубани.

3. Закрыть все газеты, поносившие высшие установления Края и покойного Н. С. Рябовола, а редакторов их — неуроженцев Края — выслать, а уроженцев отправить на фронт доказывать свой патриотизм.

4. Срочно подготовить законы, карающие лиц, ведущих борьбу против Кубанских краевых установлений.

5. Увековечить память погибшего от руки русских председателя Кубанской Краевой Рады.

Эти постановления Рады, как видим, были направлены против русских организаций и газет, и проведение их в жизнь должно было служить укреплению кубанской государственности.

В этот же день ярко выявилось отношение рабочего класса к убитому главе казачьего парламента. Во время заседания Законодательной Рады, посвященного памяти безвременно погибшего казака-вождя, в Раду прибыла официальная делегция от Совета Союза профессиональных рабочих союзов на Кубани. Эта делегация поспешила явиться в Зак. Раду, чтобы лично выразить свой протест против подлого и предательского

убийства. Заседание Рады было об'явлено закрытым и сейчас же об'явлено было частное совещание членов Рады, на котором и выступила делегация организованных рабочих. Эта делегация заявила: «Совет профессиональных рабочих союзов Кубани горячо протестует против предательского выстрела из-за угла в спину председателя Краевой Рады. Рабочий класс знал Н. С. Рябовола, как стойкого и честного защитника демократии и прав трудящихся. Рабочий класс борется смело и решительно со своими врагами, но борется открыто и прямо, и проклинает гнусного убийцу из-за угла. Рабочий класс в знак всей глубины своего возмущения и протеста в день похорон Николая Степановича об'являет всеобщую забастовку всего, кроме воды, даже света не будет в этот день. Чтобы те, кто, быть может, радуется гнусному злодеянию, провели бы этот день в темноте и не смогли веселиться. Совет профессиональных союзов призывает рабочих г. Екатеринодара принять участие в похоронах Н. С. Рябовола» («Вольная Кубань». 16 июня 1919 г.).

Во время выступления представителей рабочего класса в Раде все почувствовали, что ров между казаками и рабочими, который так старательно выкапывали и русские большевики и русские белые, не только фактически не существует, но Совет проф. союзов понимает и поддерживает ту большую работу, которую проводила Кубанская Краевая Рада под председательством казака Н. С. Рябовола. Не мешает при этом отметить и следующий факт из прошлой борьбы на Кубани: когда 10-го июня 1918 г. началось успешное освободительное движение Кубанских войск с территории Дона на Кубань (см. 1-ю часть «Траг. Каз.»), в двадцатых числах июня организация типографских рабочих г. Екатеринодара, бывшего еще под советской властью, об'явила забастовку, требуя восстановления свободы печати и т.д. Эта забастовка продолжалась три недели, несмотря ни на увещевания, ни на угрозы, ни на аресты со стороны большевиков. Советская власть все это время не могла выпускать своих газет, воззваний к населению и пр. Как открыто признают большевицкие исследователи событий на Кубани, эта забастовка типографских рабочих в самый разгар кро-

вавой схватки казаков с захватчичами власти на Кубани принесла весьма существенный вред большевикам.

Теперь смерть Н. С. Рябовола еще более сблизила трудовые группы населения Кубани. Это был весьма знаменательный и показательный факт, свидетельствовавший о мудрой политике Кубанских казаков. Покойного Рябовола любили и его заслуги перед Краем высско ценили не только казаки, но и организованные рабочие Кубани.

Поведение казаков в этот день на улицах г. Екатеринодара было бурным выявлением ненависти к «картузникам», какая в избытке накопилась в казачьих сердцах и теперь только вырывалась наружу. Нужно сказать, что если бы руководители самостийников-казаков в день смерти Н. С. Рябовола не приняли целого ряда мер, в тот же день екатеринодарские казаки разметали бы некоторые добровольческие учреждения в г. Екатеринодаре. Не поздоровилось бы и штабу Деникина. Нужно ли говорить, что эта тактика самостийников была ошибочной. Русские из их рядов вырвали оружием лучшего казака, а самостийники на это ответили «парламентаризмом».

В день убийства Н. С. Рябовола один русский полковник на улице г. Екатеринодара бросил какую то оскорбительную фразу в адрес покойного. Толпа казаков и не казаков бросилась избивать его. Полковник как-то вырвался и убежал в помещение Кубанского правительства, преследуемый толпой, осадившей потом здание правительства. Весьма показательным было то, что когда в Зак. Раде узнали о том, что толпа осаждает помещение правительства, немедленно из Рады к толпе направились некоторые члены Рады и уговорили ее разойтись. Надо, чтобы торжествовала законность и порядок, думали члены Рады вместе с заместителем председателя Рады, с ведома которого предпринимались меры для того, чтобы вообще казачья толпа не начала хозяйничать на улицах Екатеринодара. Русские не боялись эксцессов, когда убивали председателя Рады, а вот Кубанцы из Рады все думали мирными путями и чуть ли не святым письмом воздействовать на русских людей, убивавших откры-

то казаков Кубани... Так поступали Кубанцы в военное время. Могла ли подобная тактика привести казаков к победе?

Тело председателя Рады было погребено 17-го июня в Екатеринодаре, на крепостной площади, на том месте, где славные Запорожцы при переселении на Кубань в 1792-93 г. г. построили первую сичевую церковь Покрова Пресвятыя Богородицы.

С горячими речами протеста против убийства выступали над могилой Н. С. Рябовола Куб. Войсковой Атаман, историк Кубани Ф. А. Щербина, председательствующий в Зак. Раде Султан-Шахим-Гирей, секретарь Рады А. А. Рябцев, председатель Кубанского правительства П. И. Курганский, представитель Дона Шапкин, председатель Совета проф. союзов на Кубани Е. А. Самойленко, первый министр труда на Кубани Д. Ф. Сверчков и др.

Члены Кубанской Краевой Рады, прибывшие в Екатеринодар на похороны своего председателя в количестве около 150 человек, 19-го июня собрались на частное совещание и, обсудив создавшееся положение, единогласно вынесли следующее постановление:

«Совещание членов Кубанской Краевой Рады, с'ехавшихся на похороны своего председателя Н. С. Рябовола, убитого врагами народа, предлагает всем органам власти. Краевой Радой поставленных, точно и неуклонно соблюдать Конституцию и волю Краевой Рады, чтобы до соответствующего решения Кубанской Краевой Рады и фактически на территорию Кубанского Края не распространялась бы никакая власть, кроме власти Краевой и Законодательной Рады и органов исполнительной власти, ими поставленных — Войскового Атамана и Краевого Правительства.

Кроме того, одобряя принятые 14 июня Законодательной Радой решения, связанные с убийством председателя Краевой Рады Н. С. Рябовола, и предлагая Краевому Правительству в точности их выполнить, совещание считает нужным добавить к ним следующее: 1. все гарнизоны в Кубанском Крае должны состоять исключительно из достаточного числа казачьих и горских частей, 2. подтвердить, что никто и нигде на территории Кубанского Края, кроме как властью Ку-

банского Краевого правительства, не имеет права производить ни обысков, ни арестов, 3. поручить Правительству разработать мероприятия против лиц ведущих борьбу с Кубанскими Краевыми установлениями» («Вольная Кубань» 22 июня 1919 г.).

Таким образом, Кубанская Законодательная Рада и члены Краевой Рады совершенно единодушно стояли на том, чтобы с территории Кубани поскорее убрались все учреждения Добровольческой армии, ибо они не были поставлены Краевой Кубанской властью. Эти постановления, конечно, распространялись и на штаб ген. Деникина.

Во всех этих постановлениях характерным является то, что ни одно из них не говорит о том, чтобы Кубанские вооруженные силы были немедленно из'яты из подчинения ген. Деникину. А раз Кубанские полки и далее оставались в распоряжении русского генерала, открыто боровшегося против основных постановлений Кубанской Краевой Рады, раз на посту Кубанского Атамана и далее оставался русский ген. Филимонов, какую цену имели все эти постановления, которые по сути были меньше нежели полумеры. Надо было рубить связь Кубани с русской добровольческой колымагой. А этого как раз и не было сделано и поэтому Кубань продолжала оставаться между двух русских огней, одинаково гибельных как для нее, так и для всего Казачества.

Все эти события показывали, что постановления Рады были только попытками сформулировать отношение Кубанского Края к русским белым, при чем эти постановления еще не были конечными и логическими выводами из правильно понятой ситуации, в которой находилась Кубань в то время... Если в сторону красной России ясно обозначился казачий боевой фронт, то в сторону белой России казаки переживали примерно такое настроение, какое было в отношении большевиков в конце 1917 г., когда казачья масса, хотя и видела, что с большевиками казакам не по пути, но еще верила, что может быть все обойдется само собою как-то так, что можно будет обойтись без вооруженной схватки. И только тогда, когда большевики взялись за открытый грабеж, Казачество взя-

лось за оружие и начало их изгонять со своей земли.

Белые русские не имели еще таких значительных сил, какие имели русские большевики во время перехода в открытое наступление на казаков, поэтому белые русские рвали из под тишка: четырех Пашковчан убили ночью, Н. С. Рябовола убили тоже ночью и в обоих случаях постарались замести следы преступления. И вообще старались показать, что добровольческие верхи не только не одобряют подобных убийств, но и отмежевываются от них. Так, после убийства Н. С. Рябовола председатель Особого Совещания ген. Лукомский прислал телеграфное сочувствие Кубани от лица ген. Деникина. Филимонов тоже, захлебываясь, больше всех, для виду, протестовал против убийства Н. С. Рябовола. Такое поведение «верхов» запутывало казаков, ибо многое из того, что теперь известно о систематической закулисной предательской работе некоторых русских казаков, тогда совсем не было известно. Казачья доброта верила в честность людскую...

Подробные газетные сообщения и отдельные листовки о трагической смерти председателя Рады, сообщения о постановлениях Законодательной Рады и о совещании членов Краевой Рады, о похоронах и гражданской панихиде, устроенной после похорон, во многих тысячах экземпляров расходились во все концы Кубани, всюду вызывая глубокое возмущение и всенародный протест против гнусного убийства. В то же время Деникин и верные ему кубанские генералы приняли меры, чтобы эти сведения не так скоро дошли до казачьего фронта и чтобы самые обстоятельства, при которых убит Н. С. Рябовол. были представлены в совершенно извращенном виде. В этом Деникину много помогла вся русская печать, стремившаяся представить дело так, что самое убийство было совершено чуть ли не на романтической почве. Вообще, чего-чего только не делали русские, каких только мер не предпринимали, чтобы обмануть казачью массу и чтобы лучшего борца за ее интересы и права еще и очернить в ее глазах.

Из Екатеринодара волна протеста перекинулась в станицы. По станицам собирались станичные сборы, на которых обсуждали злодейский поступок физиче-

ских и духовных убийц председателя Рады и выносили соответсвующие постановления — приговора. Составляя настоящий общий обзор трагических событий на Казачьих Землях в 1917-1919 г., мы по понятным причинам, живя в эмиграции, не можем собрать весь необходимый документальный материал о прошлых радостных и печальных событиях, и, в частности, мы не можем собрать все приговоры станичных обществ по поводу трагической смерти Н. С. Рябовола, хотя хорошо понимаем, что эти приговоры представляют из себя высокой ценности материал для правильной характеристики настроений, переживаний и стремлений самой целинной толщи Кубанского населения. Все же нам удалось собрать приговоры-протесты следующих станиц: Нововеличковской, Пластуновской и Пензенской от 16-го июня 1919 г., Елизаветпольской от 17-го июня, Старомышастовской, Елизаветинской, Пашковской, Петропавловской, Гостагаевской. Уманской и Холмской от 23-го июня, Сергиевской от 24-го июня, Староннжестеблиевской, Должанской и Поповичевской от 30-го июня, Крепостной от 7-го июля (все перечисленные станицы — Кубанского Войска) и ст. Архонской, Терского Войска, от 16-го июня. Кроме того, протест С'езда атаманов всех станиц Кавказского отдела, рабочих г. Армавира, Крымско-Татарской Национальной Директории и Харьковской «Просвиты».

Чтобы можно было представить, какие мысли и чувства охватывали казачью массу в связи с поступившими сведениями о насильственной смерти председателя Кубанской Краевой Рады, приведем здесь выдержки из приговоров некоторых станиц.

Приговор станицы Гостагаевской. «1919 г. июня 23 дня. Мы, нижеподписавшиеся выборные и должностные лица, составляющие станичный сбор ст. Гостагаевской... в присутствии станичного атамана вахмистра Ивана Марковича Николаенко, получив сообщение о предательском и подлом убийстве Председателя Краевой Рады Н. С. Рябовола, воплощавшего собою светлые стремления населения Кубанского Края, присоединяемся к голосам, протестующим против гнусного приема политической борьбы. Мы разделяем тяжелое горе, постигшее всех нас, утративших в лице Н. С.

Рябовола стойкого и неустрашимого борца за счастье Кубанского народа. Да будут прокляты убийцы, поднявшие свою грязную руку на народного избранника, а вместе с тем и на наши лучшие желания, на наши идеалы! Презрение подлым трусам, бродящим во тьме своих животных вожделений, боящимся идейных движений нашего времени. Прочь с дороги жалкая свора народоненавистников! Вы нам давно известны. Вы уже давно куете цепи проявлению свободы, братства и любви, но не удастся вам опутать нас ими. Мы уже давно знаем, к чему клонится ваша политика, основанная на крови достойнейших людей. Мы знаем, что творящаяся вами политика имеет целью гнет над личностью, обнищание народа, экономическое рабство трудящихся и их бесконечное горе и слезы. Мы знаем, что для своего торжества вы не брезгаете ничем. Как символ своей власти, вы хотите создать единоличного тирана и вместе с ним терзать народное тело и его еще неизлечившуюся душу. Как средство для достижения своих мерзких целей вы употребляете ложь и клевету, очернивая ими идейных борцов. Но вам мало было этого: и вам захотелось народной крови и вы ее взяли, убив Н. С. Рябовола. Но помните, что вместо одного избранника Н. С. Рябовола родятся сотни таких же идейных борцов за народоправство, поэтому постановили: убедительнейше просить наше Правительство:

1. Создать свою Кубанскую армию, непосредственно подчиненную Войсковому Атаману и могущую служить оплотом нашему Правительству в его идейной работе и Командующему армией, назначенному из казаков Войсковым Атаманом.

2. Выделить надежные части в достаточном количестве или же сформировать таковые для защиты Правительства и Рады от всякого рода покушений и за всеми командируемыми по делам службы членами Законодательной Рады и Правительства посылать надежный караул, дабы случай, происшедший с Н. С. Рябоволом, не повторялся.

3. Всякие аресты и обыски в Кубанском Крае делать только с разрешения Кубанского Краевого Правительства.

4. Очистить Кубань от залетных монархических элементов и особенно от причастных к высшим сферам самодержавного строя, как например, «Особого Совещания».

5. Ни под каким видом не допускать травли отдельных лиц, а тем более группы стоящих на точке зрения Краевой Рады и вообще Кубанской демократии. Закрывать газеты, которые начнут употреблять испытанное средство провокации, как например: «Великая Россия», «Свободный Казак» и т. д., а их редакторов привлекать к строгой ответственности.

6. Беспощадно бороться с теми, кто старается наложить свою руку на аппарат управления Кубанью.

7. Более интенсивно осведомлять население и особенно армію о целях и задачах ведущейся гражданской войны и в особенности о целях и задачах, поставленных Краевой Радой. Не допускать на фронт монархической пропаганды, сеющей ложь, как газ. «Великая Россия», «Свободный Казак» и т. д. В достаточном количестве снабжать фронт такими газетами, как теперешняя «Вольная Кубань».

8. Поддерживать и создать прессу, проводящую идеи Рады.

9. Немедленно же прекратить монархическую пропаганду, производящуюся путем рассылки монархических газет и отдельных агентов, считая, что эта пропаганда организована Особым Совещанием. Просить немедленно же раскассировать «Осваг», выслав его сотрудников из пределов Кубанского Края. Пропагандистов монархического духа просим арестовывать, предавая их суровому суду, дабы этим предохранить своих избранников от убийств и посягательств на их жизнь и тем предостеречь и нас от перехода от слов к делу.

10. Попустительства врагам народа в Кубанском Крае быть не должно.»

Приговор станицы Уманской (выдержки): ....«В присутствии станичного атамана вахмистра М. И. Скрипки, узнав о гнусном и бессмысленном злодеянии, совершенном в Ростове 14-го сего июня над нашим избранником, Председателем Кубанской Краевой Рады Николаем Степановичем Рябоволом, мы глубоко по-

трясены настоящим тяжелым известием и с возмущением могли задать себе только вопрос, а кто же его убил? Оказывается — монархисты! Что безусловно это сделали они нет никакого сомнения, ибо мы знали, что наших избранников они травили и в прокламациях и в газетах, что являлось несомненно провокацией. Травили они для того, чтобы подорвать всякое доверие к нашему Правительству со стороны населения; но нет, это им не удалось, мы не могли поверить этим прокламациям, составленным проходимцами, и знали, что все это ложь и провокация, мы знаем, что наши избранники, как Краевой, так и Законодательной Рад, служат для блага народа и борятся за народоправство, за землю и волю; но предатели и душители народа, которым нежелательно народоправство и воля, устраняют с своего пути достойных борцов за свободу, дабы впоследствии восторжествовать; они начали свою работу с выстрелов в тоже нашего избранника, сына дорогой, нами любимой Кубани П. Л. Макаренко, а кончили убийством Н. С. Рябовола, стойкого и честного защитника демократии и прав трудящихся.

Но до каких же пор это будет продолжаться? До каких пор мы будем терпеть поношение, травлю и угрозу нашим избранникам. Ведь это недопустимо, чтобы безответственные проходимцы, в то время, как наши отцы и матери посылают своих детей на фронт и наши дети там льют кровь и ложатся костьми за свободу, в то время, когда остаются вдовы и сироты, везде плач и стон, тогда наглые проходимцы, укрывшись за спинами наших страждающих детей, устраивают пир и травлю наших избранников... И так чаша терпения переполнилась, мы не можем дальше терпеть клевету и провокацию, распространяемую монархистами против наших избранников, и в настоящий момент от всего населения открыто заявляем, ибо в настоящее время нельзя умолчать, что мы верили и будем верить только лишь нашим избранникам, как Краевой, так и Законодательной Радам, и что никто не должен вмешиваться в дела наших избранников, так как выявление воли народа принадлежит только лишь Раде... Николая Степановича нет, нет уже одного нашего защитника, он погиб, но идея его не погибнет и мы будем за-

щищать ее до конца; дабы увековечить память погибшего от руки преступника-монархиста, на сооружение памятника Н. С. Рябоволу мы жертвуем пятьсот руб.

Этими выдержками из двух приговоров мы ограничимся, так как и из них достаточно ясно видно, как реагировала казачья масса на смерть председателя Рады. (Скажем только, что между выселенными из пределов Кубани распоряжением большевицкой русской власти в 1932-1933 г. станицами была и храбрая станица Уманская, приговор которой мы привели выше. Эта станица, как и другие, действительно до конца защищала те идеи, которым служил Н. С. Рябовол, убитый русскими белыми. Ее добивают русские красные).

Перечитывая внимательно приговоры станиц, принятые по случаю смерти Н. С. Рябовола, совершенно ясно видишь, что самая толща казачьего населения ненавидела всею душой русских монархистов и готова была железной метлой вымести из пределов Кубани этих «птиц перелетных». В то же время та же казачья масса дала на фронт, за время с весны 1918 г. и до лета 1919 г., более 100 тысяч храбрейших и неустрашимых бойцов, разгромивших несметные большевицкие полчища на просторах от Кавказских гор до р. Волги и до р. Днепра.

Нужно сказать, что при самом спокойном и об'ективном подходе к оценке факта убийства русскими главы Кубанской Краевой Рады Н. С. Рябовола все же нельзя не признать, что более безумного, более преступного дела русские белые придумать не могли. Казачья масса клокотала ненавистью к подлым убийцам. Казаки умирали на фронте в боях против русских красных армий, а с тыла их губили русские белые.

В заключение краткого обзора отношения Кубани к насильственной смерти председателя Рады приведем стихотворение, которое было помещено в органе Кубанского правительства вместе с выше приведенными приговорами станичных обществ:

В блакитнім небі хмарсньки пливуть,
Шепочуться дерева із вітрами...
І в чистих убраннях «месье» веселі йдуть,
Ідуть, щебечучи, «мадмуазель» і «дами»..

Панує літо. Тиха благодать...
І тихо в серці, на душі спокійно
У тих, що в «північ» зазирають мрійно...
Панує літичко, панують і вони...
І тільки плачуть вдови наші й діти:
В боях десь там батьки наші й сини.
А тут вони, годовані й одіті!

Вони ідуть — купаються в теплі,
Тебе-ж, що так любив свою Країну,
Руками злодія поклали в домовину
І вирвали із Рідної землі...
І лицарь буде спать в своїй німій труні;
У смуток вбралася Країна наша бідна,
А злодій буде жить свої ганебні дні...
І буде ця юрба весела й... непотрібна...

О, Лицарі, що там в огні війни, —
Не кидайте свого на глум народу,
Шаблями збережіть, як вірнії сини,
Для Краю честь свою, і силу, і свободу!

НОВАЯ БОРЬБА ЗА КУБАНСКУЮ АРМИЮ.

Еще летом 1917 г. первое Кубанское Войсковое правительство принимало меры для организации Кубанских вооруженных сил, которые подчинялись бы только Кубанской власти. Более остро и во всю ширь стал этот же вопрос после большевицкого переворота в Петрограде. При встрече Кубанского правительственного отряда с отрядом добровольцев и казаков под командой ген. Корнилова в марте 1918 г. за Кубанью, был, как известно, заключен договор о совместных военных действиях против большевиков. Один из пунктов этого договора точно и ясно говорил о необходимости организации самостоятельной Кубанской армии (см. ч. 1 «Траг. Казачества»). Немедленно по прибытии в освобожденный казаками Екатеринодар, 2-го августа 1918 г., Кубанское правительство и Куб. Законодательная Рада поставили вопрос о немедлен-

ной организации Кубанской армии. Как известно, осуществлению договора об организации этой армии фактически всячески противились не только руководители Добровольческой армии, но и русские кубанские люди во главе с Атаманом Филимоновым (см. 1 ч. «Тр. Каз.»).

Уже на Краевой Раде, собравшейся 24 октября того же года в Екатеринодаре, по предложению члена Рады И. А. Билого и при поддержке других членов Рады, вопрос о Кубанской армии был поставлен на решение Краевой Рады (см. Стенографический отчет заседаний Куб. Краевой Чрезв. Рады сессии 1918 г.). Председатель правительства Л. Л. Быч при этом об'яснил, что повестку для заседаний Рады Куб. правительство составило еще в сентябре, вопроса об армии не ставило для обсуждения на Раде только потому, что думало, что этот вопрос разрешится сам собою в виду его полной ясности.

Краевая Рада, несмотря на все происки добровольцев и «русских казаков» с целью сорвать этот вопрос, единодушно приняла в начале декабря 1918 г. закон о Кубанской армии. Избранный на Раде Атаман Филимонов, торжественно поклявшись перед Радой исполнять принятые ею законы, этим самым дал клятву без отлагательства провести в жизнь и закон об армии. Действительно, 1-го февраля 1919 г. Войсковой Атаман Филимонов издал приказ о том, что с этого дня самостоятельная Кубанская армия уже существует, что ею командует походный атаман ген. Науменко, бывший в то же время и членом Кубанского правительства по военным делам. Однако, как потом оказалось, и этот приказ Атамана Филимонова, и соответствующие заявления ген. Деникина по этому же поводу были только очередным и бессовестным обманом Кубанских казаков. Кубанская армия организована не была (см. ч. 2 «Траг. Казачества»).

Совершенно естественно, что кубанские казаки постоянно настаивали на организации самостоятельной своей армии. Поэтому этот вопрос не сходил с порядка дня в Кубанской Законодательной Раде, обязанной следить за проведением в жизнь постановлений Краевой Рады. В ответ на это русские генералы, как до-

бровольческие, так и кубанские, шли на всякие ухищрения, лишь бы не допустить организации Кубанской армии. Так как к этой группе генералов принадлежали Кубанский Атаман и военный министр, русские генералы имели успех в их противоказачьем злом деле. В предыдущей части «Траг. Казачества» мы отметили на основании стенографических отчетов закрытых заседаний Законодательной Рады, что в мае 1919 г. Кубанский Атаман Филимонов громогласно заявил: «Кубанская армия фактически существует, что бы и кто бы не говорил о том, что это не то, что нужно. Я, Войсковой Атаман, заявляю, что Кубанская армия, как таковая, существует. Ее признают все: и общественное мнение, и печать, и союзники определенно ее признают» и т. д. (см. стенограмму заседания 21-го мая).

Уже целый год Кубанцы с присущими им, как казакам, доблестью и храбростью сражались на всех фронтах, очистили от большевицких армий огромные районы, но основное и законное их желание, оформленное в постановлении Кубанской Краевой Рады о Кубанской армии, упорно не проводилось в жизнь. Кубань имела выборного Атамана Филимонова, имела военное министерство во главе с ген. В. Г. Науменком, но о Кубанских войсках некому было позаботиться. Даже ген. Врангель, известный своею жестокостью и слепым стремлением к славе и власти, смотревший на казаков только как на средство для достижения своих целей, и он иногда говорил правду об ужасном положении Кубанских воруженных сил на фронте. Так в письме Врангеля к ген. Деникину, написанном 29 июля 1919 г., ген. Врангель признавал, что Кубанцы после разгрома 10-й Советской армии на р. Маныче в апреле-мае 1919 г. «трехнедельный поход (на Царицын) с беспрерывными тяжелыми боями совершили по бесплодной и местами безводной степи», что «снабжение войск, действовавших на Царицынском направлении особенно страдало; сплошь и рядом батареи в разгаре боя прекращали огонь за неимением снарядов; правая колонна ген. Улагая десять дней наступала, не имея ни одного сухаря; раненые отправлялись в тыл за 300 верст воловыми подводами... Не

взирая на лишения и тяжелые потери, войска шли бестрепетно вперед... Оборванные, изголодавшиеся и обескровленные войска подошли к Царицыну... Кавказская (Кубанская) армия надорвана непосильной работой. Обескровленная, нищая и голодная, она сильна лишь своею доблестью, но и доблесть имеет свой предел — испытывать ее бесконечно нельзя... В то время, когда там, у Харькова, Екатеринослава и Полтавы войска одеты, обуты и сыты, в безводных калмыцких степях их братья сражаются за счастье одной родины — оборванные, босые, простоволосые и голодные. Чем они виноваты? Неужели тем, что кучка негодяев одного с ними края, укрывшись в тылу, отреклась от общей матери — России. Неужели ответственны за них те, кто кровью своей оросил путь от Черного моря до Каспия и от Маныча до Волги» (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 177-181).

Не будем спорить о том, кто в действительности были негодяями, те ли кубанцы, которые посылали в Краевую Раду своих представителей и эти, с'ехавшиеся в количестве более чем 500 человек, требовавшие организации Кубанской армии, или те кубанские и русские генералы, которые всячески противились проведению в жизнь закона Рады об армии, державшие Кубанские войска в своем полном распоряжении, мучившие их голодом и водившие их босыми и оборванными. Были ли негодями те Кубанцы, которые своею доблестью и кровью дали блестящие победы и в приговорах станичных обществ горяче протестовали против убийства председателя Рады Н. С. Рябовола и снова и снова требовали организации Кубанской армии и полного очищения Кубани от «перелетных птиц», или же те, которые послали в Ростов ко времени заседания казачьей Конференции Отряд Особого назначения Кавказской армии для убийства председателя Кубанской Рады.

Не будем спорить потому, что этот вопрос спора у нас не вызывает: Кубанцы честно и открыто шли в бой против русских большевицких армий; Кубанцы не скрывали, за что именно они борятся; а вот русские генералы — Врангели, Деникины, Филимоновы, Науменки почему то цеплялись за Кубанцев, хотя прекрас-

но знали, что этим генералам с Кубанцами не по-пути. Русские генералы стояли за единую и неделимую Россию, а Кубанцы — за самостоятельную Кубанскую республику и за Союз ее с иными казачьими и неказачьими республиками; генералы стояли за оставление земли у помещиков, а Кубанцы уничтожили у себя даже право частной собственности на землю и у своего же военного министра забрали участок земли, оставив ему паевой казачий надел; генералы стояли за диктатуру генералов, в частности, Деникина, а Кубанцы решительно отбрасывали эту диктатуру и не признавали ни Деникина, ни Колчака; генералы шли войною против разных народов, а Кубанцы честно и упорно искали полного мира с этими народами и т. д. Кто же негодяи, по терминологии «высококультурных» генералов?

Во всяком случае, ген. Врангель в своем письме к Деникину нарисовал весьма тяжелую катрину состояния Кубанских войсковых частей в мае-июне 1919 г. в отношении снабжения их огнестрельными припасами, обмундированием и продовольствием.

Во весь рост поднимался вопрос, а куда же смотрел выборный Кубанский Атаман Филимонов, военный министр Науменко и весь подчиненный им аппарат войскового управления? Неужели им не известно было все то, с чем повествовал Врангель? Неужели они были слепы и глухи и так преступно безучастны к положению своих братьев-казаков на фронте? Если Атаман Филимонов не был в силах помочь Кубанским войскам и этим самым не мог исполнить под присягой принятые на себя обязательства, то почему он не созвал Кубанскую Краевую Раду и не доложил ей о тех препятствиях, которые мешали ему исполнить свой долг перед Войсками? Почему военный министр ген. В. Науменко оставался на своем посту, если не мог исполнять своих прямых перед Кубанскими полками обязанностей?

Встает и другой вопрос: куда же смотрела Законодательная Рада, или ей не были известны те ужасные факты о положении Кубанских частей, о которых говорил Врангель Деникину в конце июля 1919 г.? — На основании стенографических и газетных отчетов о

заседаниях Законодательной Рады мы можем дать следующий ответ на последний вопрос.

Когда после разгрома большевицких армий в Донбассе и на р. Маныче в мае 1919 г. Кубанские войска стали продвигаться в сторону р. Волги и в сторону р. Днепра; когда от прибывших на Кубань раненных и в служебные командировки казаков достоверно стало известно об ужасах совершенно недостаточного снабжения Кубанских войск вооружением и огнестрельными припасами, хотя перед этим и в то время из Новороссийска через столицу Кубани — Екатеринодар — провозились пушки, пулеметы, орудийные снаряды, ружейные и пулеметные патроны, доставляемые Англией; когда стало известно от тех же прибывавших с фронта, что Кубанцы совсем не получают обмундирования, хотя из-за границы по той же железной дороге провозится множество прекрасного обмундирования; когда в Раде стало известно из тех же источников об ужасных условиях, в которых пребывают раненые Кубанцы; когда вся обстановка на фронте свидетельствовала о наступившем переломе в боевых операциях, открывавшем возможность вести дальнейшую войну или за осуществление казачьих государственных идеалов или же за генеральские идеалы, Кубанская Законодательная Рада, сознавая всю тяжесть ответственности перед Краем и казачеством, заволновалась...

Было совершенно ясно, что ген. Деникин и его штаб ставят Кубанцев в самое ужасное положение на фронте, давая им наиболее трудные боевые задачи и оставляя их без должного количества вооружения и огнестрельных припасов (командовавший Кубанцами в это время ген. Врангель, пишет, что «сплошь и рядом батареи в разгаре боя прекращали огонь за неимением снарядов»). Смысл такого способа применения кубанских вооруженных сил был ясен: Кубанцы должны были уничтожать наиболее сильные красные войска и этим облегчать русским белым путь на Москву; но в этих же боях Кубанцы гибли массами и этим путем уничтожались Кубанские самостийнические силы, могущие в будущем помешать осуществлению

генеральской русской программы государственного строительства.

Какой же выход для Кубани из такого положения мог быть найден? Бросить фронт и уйти на Кубань совершенно невозможно, ибо без Кубанцев фронт рухет и красные войска придут на Кубань. Оставление фронта не было выходом из создавшегося тяжелого положения. Сказать Деникину, что Кубань капитулирует перед ним и беспрекословно и безповоротно будет воевать до конца за те идеалы, которые выставил Деникин? Но это было бы отказом Кубани от самое себя, от всего, веками освященного, свободолюбивого прошлого и от своего настоящего, которым жила и за которое с оружием в руках так упорно и доблестно боролась Кубань уже второй год. Поэтому Кубань не могла свою вольнолюбивую голову склонить перед белой Россией, как не хотела покориться России красной (покойный председатель Рады высказывал это простой формулой: «Кубань не признает большевиков и никогда не признает Особого Совещания»). Склонение головы перед Деникиным тоже исключалось. Кубань не могла и не хотела идти дорогою некоторых кубанских генералов.

Оставалось третье — борьба за самостоятельность Кубани в союзе с соседними Казачьими Войсками. Но тут то постоянно давала себя знать основная ошибка, допущенная Кубанью еще в марте 1918 г. Как библейские Адам и Ева, послушав речей лукавого змия и с'ев запрещенного плода, обрекли себя на вечное страдание, так и Кубань, заключив военное соглашение с русскими, повергли себя в русский хаос и общерусские муки. Союз с белыми — это первородный грех Кубанской политики, губивший все дело борьбы. Не нашлось, очевидно, тогда на Кубани достаточно сильных и смелых людей, которые бы открыто и смело кликнули клич к борьбе не только против Ленина, но и против Деникина, полумеры же только еще более запутывали положение и затягивали борьбу без надежды на конечный успех.

Принимая во внимание выше изложенное положение Кубанского антибольшевицкого фронта, в Кубанской Зак. Раде самостийники говорили следующее:

«Политические стремления командования Добровольческой армии значительно отличаются от наших политических стремлений... Краевая Рада ясно сознавала, что без армии мы не сможем защитить себя, защитить свои политические идеалы и решила, что должна быть Кубанская армия, как оплот нашего спасения теперь и защиты наших стремлений в будущем.... Войсковой Атаман дал тогда (в декабре 1918 г.) Краевой Раде клятву о создании Куб. армии. 1-го февраля, в день открытия второй сессии Краевой Рады, мы могли прочитать в газетах приказ, что теперь пришло время создания армии Кубани, но прошло с тех пор 3 месяца, а армии все нет. Посудите сами: раньше нас жали большевики и потому нельзя было создавать Кубанской армии; теперь мы жмем большевиков и все же армии нельзя создать, дабы не разрушить фронта, а в это же время происходили грандиозные переформирования, образовалось Главное командование вооруженными силами на Юге России, образовалась Кавказская армия... и все это можно было сделать в разгар боевых действий, и все это сделано, потому что этого неуклонно хотели те, кто это делал. Войсковой Атаман в своем заявлении (21-го мая) сказал, что еще потому нельзя немедленно сформировать Кубанскую армию, что за выделением Кубанцев из Кавказской армии останется лишь несколько полков и дивизионов, из которых никакой армии не составишь; но разве же наша вина, что, помимо Кубанских казаков, не видно там никакой другой силы. Кубанская армия должна быть — это завет Краевой Рады, воля которой для нас священна» (из речи Ф. К. Воронинова в Раде 24-го мая 1919 г.).

Другой член Рады говорил: «Весь вопрос в том, желают или не желают власть имущие, выборные и невыборные, создания Кубанской армии. Тут говорят, что много сделано для создания Куб. армии (утверждали это Войсковой Атаман Филимонов и члены Рады Ив. В. Горбушин и Траценко, (см. отчет о заседании Зак. Рады)... Кубанские казаки сражаются бесконечно доблестно и самоотверженно, как всегда сражались, но они ждут, чьи руки, наконец, оденут их. Получили ли наши доблестные казаки на фронте одежду в фев-

рале, в марте, в апреле, в мае? Нет! Говорящим «много сделано», я расскажу о назначениях «добровольческих» ад'ютантов в кубанские полки и дивизии с целью шпионажа и доносов... Мы спрашиваем подписавших торжественный приказ 1-го февраля — где же армия, которую вы в этом приказе создать обязались?.. Если те, кто честно пошли в бой, не получат того, что им необходимо, вследствие ли нашей деятельности или бездеятельности, тогда действительно будет ужас... Пусть клеветники говорят, что они никогда не докажут, что мы вмешиваемся в военные дела. Мы исполняем лишь постановления Краевой Рады. Ни одно постановление Краевой Рады не будет осуществлено, если мы не будем иметь самого главного — армии. Пусть каждый казак и иногородний Кубани (к сожалению, это понятие еще существует у нас), знает, за что он сражается, знает, что будет сражаться под командованием лица, назначенного выборной Кубанской властью»... (из речи П. Л. Макаренко на заседании Рады 29-го мая 1919 г.).

С подобными речами в защиту немедленной организации самостоятельной Кубанской армии выступали так же члены Военной Комиссии Закон. Рады — полк. Феськов, полк. Гончаров, войсковой старшина Роговец, члены Рады Пироженко, сотник А. Балабас, хор. Макаренко Ив. и др. 29-го же мая Законодательная Рада значительным большинством голосов приняла следующее предложение Военной Комиссии Рады:

«Принимая во внимание постановление Краевой Рады о необходимости организации Кубанской армии и обсудив вопрос о штатах Походного атамана, проведенных Правительством в порядке 57 статьи (еще правительство Сушкова, пользуясь пасхальным перерывом в работах Рады, в угоду Деникину, поспешило издать закон о Штатах Походного атамана), Законодательная Рада постановила: штаты Штаба Походного Атамана, проведенные по 57-й статье, отклонить и поручить члену правительства по военным делам срочно разработать и внести в Законодательную Раду — а) вопрос об организации Кубанской армии, б) штаты штаба командующего армией со всеми вспомогательными хозяйственно - административными органами

и в) в связи со штатами штаба Походного атамана реорганизацию Войскового Штаба Кубанского каз. Войска».

Еще перед голосованием этой резолюции на трибуну Зак. Рады поднялся военный министр Кубани ген. В. Г. Науменко и заявил, что он вполне согласен с этим предложением. Это заявление как будто свидетельствовало о том, что, теперь, наконец, военный министр активно возьмется за разрешение вопроса о Кубанской армии, что Кубанские храбрые войска, в конце концов, получат возможность должного снабжения оружием, боевыми припасами, продовольствием и обмундированием... («Вольная Кубань» за 31 мая 1919 г.).

Приведенные данные совершенно ясно говорят о том, что Куб. Законодат. Рада делала все от нее зависящее, как для облегчения тяжелого положения Кубанских войск на фронте, так и для исключения возможности использования Кубанских вооруженных сил в целях, не предусмотренных Кубанской Краевой Радой. В тот самый день, когда Кубанская Рада вела, как потом оказалось, безуспешную словесную атаку на штаб русских генералов во главе с Деникиным-Филимоновым, 29-го же мая Кубанские войска перешли в самую упорную атаку на красный Царицын, но после горячих боев были с большими потерями отбиты красными русскими войсками и на некоторое время отступили от Царицына.

Именно в это время борьбы русские белые в наибольшей степени нуждались в казачьих вооруженных силах и потому, естественно, не хотели расстаться с кубанскими храбрыми полками. Русские пошли потом на подлое и гнусное убийство председателя Краевой Рады Н. С. Рябовола, дабы очистить для себя дорогу на Москву. Для всякого было понятно, что организация самостоятельной Кубанской армии при сложившихся об'ективных условиях борьбы на фронте и в тылу, без сомнения, означала бы появление на этой дороге уже непреодолимого препятствия, так как у белых русских не было достаточных сил для успешной борьбы с русскими красными армиями, а самостоятельная Кубанская армия, судя по тому, что

так ярко выявилось на Кубани после безвременной смерти председателя Кубанской Рады, конечно же, не пошла бы на Москву ради достижения целей белого движения.

Русские генералы и русские белые вообще боялись тронуть казачью массу, которую думали только хитростью и обманом заставить служить русским целям. Никто из русских вождей публично, открыто и прямо, не высказывался против организации Кубанской армии теперь, когда им казалось, что еще один напор казачьих полков и здание советов разрушится... Нужно было все делать так, чтобы казачья масса, на которой держался фронт, еще продолжала бы находиться в неведении, куда и для чего ее ведут...

Попробуем показать, какими способами не пренебрегали русские вожди, лишь бы все крепче и сильнее запутывать в свои сети казачьи полки. Как мы документально отметили выше, после убийства Н. С. Рябовола масса казачьего населения составляла по станицам не только приговора-протесты, но и выставляла конкретные требования и пожелания к Кубанской власти. Среди этих требований на первом месте стояло обеспечение военной обороны Кубанского Края, требование скорейшего создания Кубанской армии. В это время большинство Кубанских войсковых частей входило в состав т. наз. Кавказской армии, во главе которой стоял ген. Врангель. В самом конце июня Врангель направился в г. Екатеринодар для личного участия в разрешении вопроса о Кубанской армии, конечно, в нужном для генералов смысле. Посмотрим, что делал Врангель с другими генералами публично, на глазах казаков, и что русские генералы делали за кулисами в таком важнейшем вопросе, каким тогда был вопрос о Кубанской армии.

Командующий Донской армией ген. Сидорин еще в начале июня заверил Деникина в готовности Донцов идти за делом Деникина-Колчака. Вопрос сводился к тому, как Кубанцев припутать покрепче к русской генеральской колымаге. Ген. Врангель прибыл в Екатеринодар 30-го июня и в тот же день в русских ранних газетах появилось интервью с ним, заготовленное еще в Царицыне 26-го июня. Генер. будто бы спроси-

ли: «Как Вы смотрите на вопрос о создании самостоятельной Кубанской армии, который ныне поставлен на очередь в Законодательной Раде». Ген. Врангель ответил на это следующее: «Краевой Радой выработано положение о Кубанской армии, во главе которой должен стоять командующий по назначению Войскового Атамана. Таким командующим должен был явиться в сущности Походный атаман. Для меня лично создание армии из однородных элементов является крайне желательным. Если мы восстанавливаем старые полки, дивизии, корпуса, об'единяя тем самым служивших в них ранее, то тем более желательно об'единение элементов, связанных территориально в экономическом и бытовом отношениях. **Против этого ничего возразить нельзя, и в этом отношении высшее командование** (надо разуметь — Деникинъ, Романовский, Врангель и т. д.) **идет навстречу всем пожеланиям.** Уже и сейчас почти все Кубанские части об'единены в Кавказской армии. В ближайшем будущем это об'единение окончательно завершится. Сводятся также Терские части и горцы»... Далее Врангеля будто бы спросили, возможно ли в данный момент сформирование чисто Кубанской армии. Врангель, конечно, ответил, что, к сожалению, это сейчас невозможно, особенно в виду бедности Кубанских соединений в чисто технических войсках, а так же в силу оперативных соображений и т. д. («Свободная Речь» Нр. 141 за 30 июня 1919 г. и др. газеты).

Эти сообщения и заключения Врангеля читали кубанцы и могли думать, что и он сам и все высшее командование действительно идут навстречу горячим желаниям казаков иметь свою армию и что только непреодолимые об'ективные причины мешают осуществлению закона о Кубанской армии, на который прямо ссылался русский генерал.

Уже за границей ген. Врангель распубликовал данные о действительном отношении его и других русских генералов к вопросу о Кубанской армии. «На следующий день, рассказывает Врангель, состоялось совещание с казаками (1-го июля 1919 г.). Совещание происходило на квартире ген. Науменко (Куб. военного министра). Присутствовали генералы: Романов-

ский (начальник штаба Деникина), Плющевский-Плющик (генерал-квартирмейстер у Деникина), атаман Филимонов и ген. Науменко. Ген. Филимонов стал говорить о том, что казаки глубоко обижены несправедливым к себе отношением, что давнишние чаяния их иметь собственную Кубанскую армию, несмотря на неоднократные обещания ген. Деникина, не получили удовлетворения, что будь у казаков собственная армия, все от мала до велика сами стали бы в ее ряды»... Ген. Науменко предложил Врангелю взять на себя командование Кубанской армией. Войсковой Атаман, сообщает Врангель, поддержал генерала Науменко. Далее произошло следующее: «Я (Врангель) решил сразу покончить с делом и раз навсегда совершенно определенно выяснить взгляд мой на этот вопрос: «пока я командующий Кавказской армией, я не ответствен за политику Кубани. С той минуты, как я явился бы командующим Кубанской армией, армией отдельного государственного образования, я стал бы ответственен за его политику. При настоящем же политическом направлении Кубани, мне, ставши во главе Кубанской армии, оставалось бы одно — скомандовать «взводами налево кругом» и разогнать Законодательную Раду»... Наступило общее смущенное молчание», повествует Врангель, «генерал Романовский поспешил закончить совещание, прося атамана и ген. Науменко сделать все возможное для скорейшей высылки в мою (Кавказскую) армию пополнений», заканчивает Врангель. (Врангель. Записки, т. 1, стр. 167-168).

Если это сообщение Врангеля сопоставим с его интервью, распубликованном в газетах накануне, станет совршенно очевидным, с какими русскими белыми портнерами Кубань имела дело во времена борьбы против русских красных. Русские генералы, не моргнув глазом, в глаза казакам говорили неправду и этим путем, путем обмана, думали вывести казаков на Московскую дорогу.

Весьма характерным было и поведение двух казачьих генералов — Филимонова и Науменка. По существу заседание это, происходившее на квартире у ген. В. Г. Науменка, было заговором против Кубани, так как на этом заседании было решено противодейство-

вать проведению в жизнь одного из важнейших законов Кубани — закона об армии. Кубанские генералы, присягавшие служить Кубани, согласились оставить Кубань без армии, а значит, решили оставить Кубань беззащитной во время тяжелой войны против нашествия красной России. И это они делали в то время, когда станицы Кубани своими приговорами требовали осуществления закона о Кубанской армии. Было на этом заседании и другое. Врангель угрожал разгоном Кубанской Законодательной Рады, стремившейся проводить в жизнь постановления Кубанской Краевой Рады. А присутствовавший при этом выборный глава Края, ставший Кубанским Атаманом на основании той самой Конституции, которая устанавливала существование и Кубанской Законод. Рады, не протестовал против этих генеральских намерений Врангеля. Не протестовал и военный министр В. Науменко. Разогнать Раду — значит нарушить Конституцию Кубани, этот высший закон, который и Науменко, и Филимонов клятвенно обязались соблюдать.

Конечно, тогда ни фронтовым казакам, ни даже членам Рады ничего не было известно о заговоре генералов против Кубани. А эти самые генералы продолжали занимать самые высокие и весьма ответственные посты: один — был Атаманом, другой — военным министром, третий — командовал Кубанцами на фронте. четвертый — был начальником штаба вооруженных сил Юга, которому в оперативном отношении подчинялись все Кубанские войска на фронте...

А в это время казаки Кубани храбро бились на р. Волге и на р. Днепре, умирали и калечились сотнями и тысячами на полях брани...

А генералы в тиши кабинетов строили козни против Казачества. Какая ужасная, черная измена и сознательное предательство свили змеиное гнездо в казачьем тылу! И при этих условиях добродушное Казачество продолжало верить русским генералам, ибо они до поры до времени умели весьма ловко обманывать его; а казачьи самостийники проявляли слабодушие и нерешительность, когда надо было каленым железом выпекать злокачественные гнойники на казачьем теле. Вина самостийников уменьшается не-

сколько тем, что они не знали еще тогда об этих генеральских закулисных кознях.

Не только Врангель публично говорил казакам одно, а фактически делал другое. Этими качествами особенно отличался Кубанский Атаман Филимонов. Разница только в том, что ген. Врангель, когда не боялся, старался показать себя решительным человеком, зато Филимонов, как юрист по образованию, вел политику хитрее Врангеля и свое поведение часто старался оправдать документами, которые, по его мнению, могли бы дать возможность оправдаться ему в своих действиях перед казаками.

В день убийства председателя Рады Н. С. Рябовола Кубанский Атаман Филимонов был на Минеральных Водах, в Пятигорске, вместе с Донским Атаманом ген. Богаевским и Терским ген. Вдовенко. Узнав о факте убийства, Филимонов телеграфировал председателю Законодательной Рады следующее:

«Только что узнал о гнусном бессмысленном злодеянии, совершенном над избранником Кубанских казаков Н. С. Рябоволом. Исполненный чувств глубокого возмущения, выезжаю в Екатеринодар. Донской Атаман, разделяя это возмущение, также выезжает на Дон, где примет меры к раскрытию подлого дела. Похороны отложить до моего приезда шестнадцатого. Войсковой Атаман Филимонов».

Потом Филимонов метал молнии и громы в адрес убийц над могилой покойного при погребении, на гражданской панихиде в летнем театре и т. д. Всем, кто близко видел в эти дни Филимонова, бросались в глаза его невероятно трясущиеся руки, временами трясущийся подбородок, общая растерянность. Совершенно не было понятно, почему такъ волнуется Кубанский Атаман. Только теперь, при рассмотрении и сопоставлении собранных нами документов, характеризующих публичную и закулисную генеральскую деятельность Атамана Филимонова в тех страшных в истории Казачества событиях, становится, хотя отчасти, понятным многое из того, что было тогда совершенно необ'яснимо.

В самом деле, если Кубанский Атаман в действительности считал гнусным злодеянием убийство пред-

седателя Рады, то за что он, Филимонов, считал открытые заявления Врангеля, сделанные в присутствии Атамана на квартире Науменки, заявления, говорившие о всоруженной борьбе с тем политическим направлением государственного строительства на Кубани, которое было установлено Кубанской Краевсй Радой, которую и Филимонов называл Хозяином Земли Кубанской, заявления, говорившего о разгоне Рады, значит о пролитии кубанской крови, говорившие о генеральском издевательстве над волей населения Кубани, принесшего все на алтарь борьбы с большевиками. Если Кубанский Атаман и военный министр Кубани возмущались убийством председателя Рады, то как они могли не протестовать против известного им упорного нежелания генералов Деникина, Романовского и Врангеля организовать Кубанскую армию? Как кубанские генералы могли попустительствовать нарушению закона об армии, которое вело к гибели всю Кубань?

«Политический курс Кубани», который так возмущал Врангеля, был установлен Кубанской Краевой Радой. значит был установлен самим Кубанским казачеством. Для проведения в жизнь именно этого курса Кубань хотела иметь свою армию. Кубанский Атаман и военный министр присягой сбязались проводить в жизнь именно этот политический курс и никакой другой. Если этот курс не соответствовал убеждениям генералов Филимонова и Науменка, почему они добивались таких высоких и ответственных постов в Войске Кубанском, а добившись их, почему продолжали так цепко держаться именно за эти посты?

, Ген. Науменко, как военный министр Кубани, должен был, в первую очередь, стараться провести в жизнь законы Рады, касающиеся вооруженных сил Кубани. Этс было его долгом и его обязанностью, как гражданина Кубани, честного человека и офицера. Сверх того, в заседании Рады 29-го мая 1919 г. ген. Науменко заявил, что его удовлетворяет предложение Военной комиссии Рады, обязывавшее военного министра срочно разработать и внести в Законодательную Раду вопрос о Кубанской армии, вернее, вопрос о немедленном практическсм проведении в жизнь основного закона Краевой Рады. Почему же ген. Нау-

менко на совещании генералов 1-го июля не протестовал против заявления Врангеля? Почему после этого совещания ген. Науменко не пришел в Законодательную Раду и не доложил о сопротивлении русских генералов делу организации Кубанской армии? Или почему ген. Науменко просто не вышел в отставку, если не мог провести в жизнь закон об армии или не хотел войти в конфликт с русскими генералами?

И после совещания генералов, состоявшегося в Екатеринодаре, на квартире ген. Науменка, 1-го июля 1919 г., продолжалась сложная игра, направленная к тому, чтобы и Кубанской армии не было организовано и чтобы виновников этого преступления перед Кубанью и Казачеством тоже нельзя было разыскать и покарать. Атаман Филимонов после совещания генералов написал и 4-го июля переслал «Его превосходительству А. И. Деникину, Главнокомандующему вооруженными силами на Юге России» письмо, в котором говорил между прочим следующее:

...«Вам известно, что Кубанская Краевая Рада, в ряде своих постановлений, обязала меня создать эту Армию, возглавив ее особым Командующим с подчинением последнего, в оперативном отношении, Вашему Превосходительству. До настоящего времени по разного рода более или менее уважительным причинам осуществление этого мероприятия не могло состояться. Ныне, по взятии Кубанскими казаками г. Царицына, в виду вероятной перегруппировки войск для дальнейшего продвижения Армии Юга России к Москве, я считаю своевременным вновь возбудить этот затянувшийся и больной вопрос. Начну с напоминания Вашему Превосходительству исторической справки по сему вопросу: 1) в пункте третьем соглашения о подчинении Кубанской Армии Генералу Корнилову, заключенного 17 марта 1918 г. в станице Ново-Дмитриевской Командованием Добровольческой Армии с Кубанцами (соглашение подписано со стороны Добровольческой Армии Вашим Превосходительством и Генералами: Корниловым, Алексеевым, Романовским и Эрдели) буквально сказано: «Командующий Кубанскими войсками и его Начальник Штаба отзываются в состав Правительства для дальнейшего формирования

Кубанской Армии»; 2) Приказ Вашего Превосходительства от 27 Декабря 1918 г. за № 2, в копии прилагаемый, заканчивается словами: «При формировании Штаба Добровольческой Армии принять в соображение создание в дальнейшем Кубанской Армии» и 3) на совещании под Вашим председательством военачальников на станции «Минеральные Воды» 20-го января сего года было вынесено решение о своевременности выделения Кубанской Армии и там-же, по соглашению с Вами, мною был назначен для организации работ по созданию Кубанской Армии Походный Атаман Генерал Науменко. Все изложенное давало мне возможность и право на все нетерпеливые запросы Кубанских казаков и членов Рады мотивированно отвечать, что все будет сделано в свое время. Но не скрою от Вашего Превосходительства, что с течением времени, как убедительность моих доводов, так и вера казаков в мои слова заметно начинают ослабевать и для меня все более становится несомненным, что в случае нового запроса по этому делу, я не сумею дать сколько нибудь удовлетворительный ответ... Ведь нельзя же серьезно говорить как о причине, мешающей созданию Армии, об отсутствии у Кубанцев технических средств, необходимых для самостоятельной Армии, после того, как Кубанскими казаками отбито от большевиков неисчислимое количество имущества всех родов. Равным образом, нельзя оправдывать отсрочку реформы из опасения затронуть самолюбие Терских и Астраханских казаков и Кавказских Горцев, которые, будто-бы также могут пожелать иметь свои Армии. Прежде всего, как мне известно, таких претензий ни со стороны Терцев, ни со стороны Астраханцев и Горцев никогда и ни к кому не пред'являлось и, засим, никто из них не имеет оснований к такого рода претензиям равным тем, кои перечислены мною выше в отношении Кубанских казаков. Смею также утверждать, что в виду колоссального роста Армии Юга России и расширения ее операций выделение Кубанской Армии не может встретить препятствий и со стороны выполнения Армией стратегических задач. Все это накладывает на меня обязанность настойчиво просить Ваше Превосходительство о немедленном выделении

Кубанских казаков в особую армию. Этого требуют заслуги Кубанских казаков. Этого требуют и обязательства, данные Вами мне и Кубанскому Правительству. Неисполненное обещание оставит у казаков, привыкших верить каждому Вашему слову (?), тягостное чувство разочарования. О последующем по сему благоволите меня уведомить»...

5-го июля копия этого письма была передана Председателю Кубанского правительства с надписью: «секретно, для сведения».

В этом вопросе происходила какая-то страшная игра. В самом деле. 1-го февраля 1919 г. Атаман Филимонов издал категорический приказ, что с этого дня Кубанская армия уже существует. По этому поводу Деникин пишет, что «приказ оставался мертвой буквой, при молчаливом согласии Атамана, полк. Науменко ведал только тыловыми, учебными и гарнизонными частями (Деникин. Очерки, 4. стр. 59). Потом, в апреле 1919 г., уже сам Деникин решает, что «мечты Кубанцев иметь свою армию могут быть осуществлены». Однако, на совещании у Врангеля, бывшем в том же апреле, Атаман Филимонов и ген. Науменко согласились с Врангелем, что организация Кубанской армии несвоевременна (Врангель. Записки, т. 1, стр. 130-131). Это, однако. не помешало Атаману Филимонову в мае клятвенно заверять Законодательную Раду на закрытом заседании, что штаб Деникина и Врангель вполне сочувствует делу организации Кубанской армии и что эта армия уже существует, да и не какая-нибудь, а лучшая в Европе (стенограмма заседания 21 мая). 1-го июля Атаман Филимонов ничего не возразил Врангелю на заявление последнего, что он не согласен на организацию Кубанской армии, а 4-го июля тот же Филимонов писал Деникину вышеприведенное письмо и копию этого письма передает председателю Куб. правительства, от которого самостийники Кубани могли знать, что Филимонов «изо всех сил старается об организации армии». И неусыпные заботы Атамана о Кубанской арми можно «документально» доказать, и Деникин доволен — Кубанской армии все таки нет...

Этим «неусыпная забота» Кубанского Атамана и

министра Науменка об организации Куб. армии не ограничилась. Уже давно перед этим ген. Деникин ведал Кубанскими войсками не только в оперативном, а и во всех иных отношениях — он перемещал и назначал новых начальников частей, выдавал награды, производил в чины предавал суду и т. д.; словом, начальники Кубанских частей на фронте находились в полном подчинении у ген. Деникина и у назначенных им начальников Добровольческой и Кавказской армий. И при этих условиях Атаман Филимонов и министр Науменко, с согласия ген. Деникина, решили в свою сложную и ответственную игру втянуть еще некоторых высших начальников, занимавших видное и ответственное положение и непосредственно соприкасавшихся с Кубанскими боевыми силами на фронте. Вместо честного, неуклонного и точного выполнения закона Рады о Кубанской армии, ген. Науменко «обратился с циркулярным письмом ко всем строевым высшим краевым начальникам, в коем запросил их мнение относительно возможности и необходимости формирования Кубанской армии» (Деникин. Очерки рус. смуты, т 4, стр 59. Г. Покровский. Деникинщина. Летопись революции, кн. 7. Берлин. Стр. 167). Было запрошено четырнадцать старших боевых начальников, между ними были: генералы Врангель, Улагай, Покровский, Шкуро, Топорков, Крыжановский, Бабиев, Гейман и т. д. Что в данном случае велась нехорошая игра с Кубанцами, ясно видно из того, что запрос был послан ген. Врангелю, который наиболее сильно ненавидел Кубанскую Раду и все ее постановления и еще только 1-го июля заявлял о том, что он не прочь разогнать Законодательную Раду, и вообще Врангель категорически боролся против организации Кубанской армии, чем и выхвалялся в письме Деникину 29 июля 1919 г.; запрошен был также ген. Шкуро, который был послушным орудием в руках Деникина, и еще в ноябре 1918 года предлагал разогнать Краевую Раду; запросили и ген. Покровского, который вообще ненавидел какое бы то ни было и где бы то ни было демократическое устройство и т. д. Кроме генералов Геймана и Шкуро, находившихся в подчинении русского ген. Май-Маевского со штабом

в г. Харькове, все остальные запрошенные находились в непосредственном подчинении у ген. Врангеля, как командующего Кавказской армией.

Что могли ответить эти генералы? Из 14-ти запрошенных, как говорит Деникин, 13 прислало «ответ резко отрицательный. Мотивы были разнообразные... наконец главный — опасение, что «армия окажется орудием в руках самостийников и крайних федералистов». Только генер. Гейман, находившийся в это время с пластунами на Украине, прислал положительный ответ, но скоро был устранен от командования. Об этом наказании ген. Геймана, осмелившегося подержать мысль о Куб. армии, ген. Деникин умалчивает.

Посредством этой генеральской анкеты Атаман Филимонов и министр Науменко связали круговой порукой целую группу старших начальников и могли более решительно и смело саботировать и далее вопрос о Кубанской армии.

В августе 1919 г., когда Кавказская (Кубанская) армия под ударами 10-й сов. армии откатилась снова почти до самого г. Царицына, Атаман Филимонов явился на закрытое заседание Законодательной Рады и повествовал перед ней о необходимости единения тыла с фронтом, о его, Атамана, неустанных заботах об организации Кубанской армии и при этом прочитал свое письмо Деникину, написанное 4-го июля (см. выше), а также доложил о произведенной между подчиненными ген. Деникину генералами анкете. Атаман, мол, разрывается в заботах об армии, но вот генералы высказались против и т. д.

Тяжело даже через 15 лет писать об этом. Но что должны были испытывать от этой генеральской игры Кубанские казаки, страдавшие, дравшиеся и умиравшие на фронте в борьбе против красной армии... Генералы Филимонов и Науменко всю свою энергию, все свои силы употребили на то, как бы, в угоду русским во главе с Деникиным, не допустить организации самостоятельной Кубанской армии, а в это время Кубанцы, воевавшие на Волге, страдали даже от острого недостатка продовольствия. Нужно же было суметь довести дело так, чтобы полки богатейшей Кубани,

где амбары трещали от пшеницы, голодали на недалеком фронте при условии, что с Кубани до самого Царицына на р. Волге идет прямая железная дорога.

В то же время Кубанские конные части, благодаря плохо организованной поставке лошадей в армию, постепенно становились пешими, а оставшийся наличный конский состав в Кубанских конных частях был измотан до крайней степени. Только в самом конце июля на пленум Законодательной Рады поступил законопроект военного министерства Кубани об ассигновке средств на закупку лошадей. При чем предложенная военным министерством сумма в 7 мил. рублей, при падении курса рубля и огромной потребности в лошадях, была так явно незначительна, что в тот же день, по инициативе самостийников, Законодательная Рада ассигновала 42 мил. рублей на приобретение лошадей для Кубанских частей, и предложила Правительству принять все зависящие меры к скорейшему использованию ассигнованной суммы.

Из всего сказанного по вопросу о борьбе вокруг Кубанской армии ясно, что вся безмерно вредная для дела защиты Края от сил красной России волокита происходила от того, 1) что Кубань была в союзе с русскими белыми силами, которые старались путем обмана втянуть Кубанцев в борьбу за те идеалы, которым служили эти русские силы, 2) что Кубань сначала ошибочно допустила, а потом долго терпела на посту Кубанского Атамана и на посту военного министра таких лиц, которые служили не Кубани и Казачеству, а белой России, 3) что русские генералы — руководители белого движения, пользуясь попустительством и всемерной поддержкой со стороны Кубанского Атамана Филимонова и военного министра В. Науменка, а также со стороны большинства старших начальников Кубанских войсковых частей, сумели военный союз между Кубанью и Добровольческой армией претворить в известного рода фактическое подчинение Кубанских вооруженных сил белым русским генералам.

ЮЖНО-РУССКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Действия русских, стремившихся использовать казачьи военные силы для низвержения советской власти в Москве и для укрепления там русской белой власти, не ограничивались, конечно, убийством председателя Кубанской Рады и недопущением организации Кубанской армии. Одной рукой убивая Н. С. Рябовола, другой рукой они направили Кубанские боевые силы (большую часть) на г. Царицын — этот важный политический, экономический, географический и военный центр на нижней Волге; меньшую же часть Кубанских сил направили в сторону Полтавы, Екатеринослава и Александровска. Известно, что красная Москва принимала все необходимые меры для удержания в своих руках г. Царицына, этого ключа к обладанию нижним течением р. Волги, через которую только и могло произойти соединение и об'единение Восточного и Южного фронтов.

Одновременно с этим один неудержимый поток Донских войск под командой полк. Мамонтова продвигался на северо-восток, другой — на север по р. Хопру, третья Донская ударная группа — вверх по жел. дороге на Лиски — Воронеж, четвертая — вверх по р. Айдару и далее на Валуйки и Новый Оскол; храбрая Терская дивизия добывала г. г. Юзюм-Купянск-Белград.

Как видим, русские люди неплохо распределили казачьи силы для удара на огромном протяжении фронта.

Публично признав над собою власть Колчака, Деникин и его сторонники стремились к тому, чтобы первенство среди белых вождей все же принадлежало никому другому, как самому Деникину. Политический удар русские белые наносили по двум направлениям. 7-го июня 1919 г. ген. Деникин послал за границу особую миссию в составе ген. Драгомирова, Астрова, Нератова и Соколова. Эта миссия должна была рассказать в Париже, как храбро бьются русские витязи на широком фронте от Днепра до Волги, какие колоссальные боевые успехи имеют русские добровольцы над войсками красной Москвы и вообще, как разрослось,

усилилось и укрепилось русское белое движение. Чтобы не было никаких сомнений, и здесь не обошлось без казаков, да еще на каких почетных ролях. Как сообщает быв. член этой миссии проф. Соколов, «для вящего парада при делегации следуют два казака-урядника» (Соколов. Правление Деникина, стр. 141). Казачьи армии громили большевицкие русские армии, а в это время казачьи урядники «для вящего парада» на железно-дорожных станциях и на пароходных пристанях таскали тяжелые чемоданы генеральско-профессорской заграничной миссии. Что же, русские белые вожди придумали не плохое распределение ролей: бить большевицкие армии дома и таскать чемоданы русских вельмож за границей — это работа для «казачков», а вот командовать дома и хвастаться победами дома и за границей — это работа для белых русских.

Убийство председателя Рады и недопущение организации Кубанской армии — это отрицательная, так сказать, программа работы. Заграничная миссия — это хвастовство, бахвальство чужою славою и чужою доблестью. Все таки этим путем до Москвы не дойдешь, если только казаки не пойдут севернее Земли Войска Донского. Надо было осуществлять такую положительную русскую программу, которая бы выводила казаков к Москве. Пробовал Деникин 6-го июня уговорить атаманов Дона, Кубани и Терека признать власть Колчака, а значит таким кружным, далеким путем через Сибирь признать над Казачьими Землями власть Деникина, являвшегося представителем Колчака на Юге.

Хотя казачьи Атаманы наперед готовы были на это признание власти Колчака-Деникина, но это не решало вопроса. Донской Круг 1-го июня уже постановил, что правительство Донское может приготовить только законопроект по вопросам о вхождении Дона в Союз с Кубанью и Тереком, и последнее слово Донской Круг оставил за собой. Такую же позицию занимала и Кубанская Рада. С Терскими казаками именно в этот период шла у Деникина острая борьба и последнее слово имел сказать Терский Круг, собиравшийся в конце июня. Вообще же положение на Казачьих Землях было таково, что беспрекословное и полное согласие Атаманов на подчинение Колчаку-Деникину не мог-

ло быть проведено в жизнь без согласия казачьих парламентов. Это важное обстоятельство принуждало русских искать других путей для осуществления политического подчинения Деникину казачьих государств. Вся реальная обстановка и фактическое соотношение русских и казачьих сил принуждало белых вождей стать на путь переговоров с казаками, так как русские не имели сил для навязывания Казачеству своей политической программы,

Казачьи Атаманы и председатели Кругов должны были бы отказаться от занимаемых ими высоких постов в Войсках, чтобы получить возможность открыто и прямо работать для России. Но отказ от таких высоких постов означал бы для них значительное уменьшение возможности влияния на казачью массу и казачью государственную жизнь в желательном для русских смысле. Поэтому Атаманы и председатели Кругов — г.г. Богаевский, Вдовенко. Филимонов, Харламов и Гу-барев — продолжали оставаться на занимаемых ими постах. В таком случае они принуждены были считаться с волей избравших их казачьих парламентов. Сидение на двух стульях вообще бывает неудобным, а двойственная политика никогда не бывает сильной и плодотворной. Балансирование Атаманов и председателей Кругов между интересами России и Казачества приносило большой вред Казачеству, но в то же время не являлось большой корыстью и для белой России. Казачьи Атаманы и председатели Кругов в известной степени нейтрализовали казачьи самостийницкие силы, все время привязывали казаков к русской телеге Деникина, но все таки за этой телегой Казачество не повели.

Другой политический лагерь — рядовое казачество и народная интеллигенция — были беспрерывно связаны железными путами военных действий и осуществлением огромной и тяжелой хозяйственной и культурной работы, служившей основой всего благосостояния богатых Казачьих Краев и источником для беспечной и сытой жизни политиканствующих русских беженцев, переполнявших необыкновенно разбухшие правительственные учреждения, штабы, различные тыловые организации, огромный Деникинский отдел

пропаганды и осведомления, редакции бесчисленных русских газет и т. д. И здесь установилось разделение обязанностей и прав: казаки и казачки неустанным трудом создавали экономические ценности, а русские занимались делами управления и политической обработкой населения в нужном для них смысле.

Казаки с'езжались на Круги и на Раду, устанавливали казачью точку зрения на происходящие события, издавали законы, выбирали Атаманов и раз'езжались потом на фронт и для хозяйственно-экономической и культурной работы в тылу, поручив Атаманам и правительствам практическое осуществление политической и военной программы Казачества. Политических партий у казаков не было, поэтому казачьи Атаманы, правительства и парламенты были для казаков всем.

Указанные обстоятельства создавали весьма запутанное положение.

Практическим препятствием к осуществлению широкой программы русского государственного строительства в июне 1919 г. была Доно-Кубано-Терская конференция, имевшая своей задачей осуществить организацию Союза этих трех казачьих Войск. Русские поспешили убить самостийника Н. С. Рябовола, бывшего главою наиболее самостийницкой делегации. Кубанская Закон. Рада на место убитого в состав делегации избрала члена Рады И. А. Билого, бывшего перед этим в составе Кубанской заграничной делегации, посланной Краевой Радой в Париж. Председателем Кубанской делегации на Конференцию стал заместитель председателя Законодательной Рады Султан-Шахим-Гирей. После этого опасность для русских со стороны казачьей Конференции не ослабела.

Вследствие этого русские пошли на весьма решительный шаг: Донская и Терская делегации, пользуясь отсутствием делегации Кубанцев, уехавшей из Ростова в Екатеринодар на похороны Н. С. Рябовола, продолжали работу. Почему эти делегации так поспешали с заключением Союза? Разве Донцы и Терцы не понимали, какое горе переживала Кубань, потеряв убитым председателя своей делегации на ту же самую Доно-Кубано-Терскую Конференцию? Разве они не понимали, что присутствие остальных членов Кубанской

делегации на похоронах своего безвременно погибшего коллеги по той же Конференции является простым и элементарным долгом? Разве не возможно было обождать приезда Кубанской делегации, без которой все таки невозможно было заключение Союза Дона, Кубани и Терека? Или же, быть может, решено было игнорировать Кубанцев и заключить только Доно-Терский Союз?

Оказывается, все эти вопросы были решены одним ударом. Как сообщает Деникин, Доно-Терская Конференция 20-го июня вынесла следующее постановление: «Признать безотлагательную небходимость организации временной общегосударственной власти на Юге России» и т. д. (Деникин. Очерки. т. 5, стр. 202).

Дело в том, что 16-17-го июня Кавказская (Кубанская) армия вырвала, наконец, из рук красной 10 й армии г. Царицын на р. Волге и в тот же день 1-ая Кубанская Кавказская дивизия на другом фланге фронта захватила г. Екатеринослав на р. Днепре. Деникин решил, что настал час немедленно об'явить поход «на Москву». 18-го июня Деникин выехал в г. Царицын, 19-го служили там молебен с провозглашением многолетия «Богохранимой державе российской, Правителю России воину Александру и главнокомандующему воину Антону», устраивали парад войскам, на котором маршировали измученные боями казачьи части, а 20-го июня Деникин в Царицыне об'явил свою знаменитую «Московскую директиву»... И надо было какой угодно ценой подводить политический фундамент под все эти широкие начинания.

Как известно, Донцы были инициаторами созыва Доно-Кубано-Терской Конференции для организации Союза трех Войск. Еще 29-го мая Кубанцы получили от председателя Донского Круга В. Харламова следующую телеграмму:

«Войсковой Круг Всевеликого Войска Донского считает необходимым немедленно приступить к воссозданию Юго-Восточного Союза, в составе войск Донского, Кубанского и Терского. Для разработки вопроса об организации Союза Войск Круг предлагает немедленно создать комиссию... Признавая очень важным возможно скорейшее начало работ комиссии, Вой-

ско Донское предлагает срок начала работ на 3 июня. Местом работ комиссии Дон предлагает Ростов, как пункт нейтральный, чуждый посторонних влияний. нейтральный для всех 3-х Войск и богатый научными силами, сотрудничество коих в такой работе необходимо. Правительство Всевеликого Войска Донского обязуется предоставить все удобства для работ и связи со своими правительствами для членов комиссии» («Вольная Кубань», № 117, 31 мая 1919 г.).

Законодательная Рада Кубани, как сказано выше, со всею серьезностью и вниманием отнеслась к предложению Донского Круга. Председатель Круга Харламов поспешил прибыть в Екатеринодар для личной поддержки предложения Круга. Выше мы отметили постановление Законодательной Рады. авансом осуждающее сепаратные выступления договаривающихся сторон.

Первой неожиданностью для Кубанской делегации, во главе с Н. С. Рябоволом прибывшей в Ростов на Дону, было то, что охрану этой делегации, состоявшую всег из пяти казаков и одного офицера, нельзя было поместить в той же гостинице, где было отведено место для членов Кубанской делегации, хотя это была самая большая, многоэтажная гостиница «Палас», где в 1918 г. размещался многочисленный немецкий штаб со всеми вспомогательными учреждениями. Да и во время прибытия в Ростов Куб. делегации в этой же гостинице жило множество всевозможнейших жильцов и между ними, как потом оказалось, был отряд особого назначения Кавказской армии под командой Баранова (часть лиц, названных потом на суде по делу об убийстве Н. С. Рябовола, как главных организаторов этого убийства, принадлежала именно к этому «отряду»). Маленькая охрана Куб. делегации была размещена любезными хозяевами совершенно на другой улице, в весьма значительном отдалении от членов Куб. делегации.

За этим удивительным размещением Кубанской делегации и ее охраны, после первого же заседания Конференции, как мы знаем, последовало убийство Н. С. Рябовола. Теперь, когда Кубань хоронила председателя своей делегации на Конференцию. вдруг последо-

вало сепаратное решение Донской и Терской делегаций, ставившее крест на Юго-Восточном Союзе, предложенном для Кубани Донским Кругом. Совершенно неожиданно для Кубанцев односторонним решением ликвидировалась Доно-Кубано-Терская Конференция.

В угоду Деникину забыто было недавнее единогласное решение Донского Круга о Союзе трех Войск, забыто было, для чего собственно была созвана Конференция, игнорировалась Кубань, понесшая великую потерю в связи с началом работ для организации Союза казачьих государств; забыт был и сам Союз. Так делалась казачья политика.

Совершенно естественно, что Кубанская делегация по телеграфу из Екатеринодара обратила внимание Донских и Терских делегатов на нежелательность и недопустимость вынесения таких важных решений, ликвидирующих Доно-Кубано-Терскую Конференцию и без Кубанцев начинавших новое совершенно дело. Нужно сказать, что уже за границей, описывая эти события в 1926 г., ген. Деникин не мог скрыть своей радости по поводу такого разногласия в казачьей среде. Деникин пишет: «Кубанские представители — Шахим Гирей (председатель) и И. Макаренко — по прямому проводу из Екатеринодара настойчиво, но безуспешно убеждали конфренцию в том, что «переговоры с ген. Деникиным преждевременны». 21 июня делегация конференции в составе Харламова, Баскакова (делегат Терека, бывш. проф. Военной Академии) и Каклютина (управляющий отделом внутр. дел на Дону) во время проезда моего через Ростов познакомила меня с ходом работ и принятыми постановлениями. При этом, повествует Деникин, установлено было полное единомыслие наше относительно идеи построения общерусской власти: Верховный правитель (адм. Колчак) и его полномочный представитель на Юге — главнокомандующий, палата областных и губернских представителей, общее правительство, автономия казачьих войск. Это неожиданное для многих и в том числе для кубанцев превращение **конференции о казачьем союзе — в конференцию об организации южно-русской власти** представлялось тогда огромным шагом вперед в области устроения Юга и консолидации сил

его в борьбе с большевиками. По существу же, 21 июня 1919 г., после 8 месяцев бесплодных исканий, многовластия и тяжелого внутреннего разлада, мы вернули вопрос об Южной власти к тому исходному положению, в каком он находился 16 октября 1918 г., когда я и Особое Совещание предложили казакам проект конституции, отвергнутый Кубанью», заканчивает Деникин (т. 5, стр. 202-203).

Весьма характерным для казачье-деникинских и внутри казачьих отношений было следующее: после свидания с Баскаковым, Каклюгиным и Харламовым, Деникин, отпустив остальных, оставил у себя председателя Донского Круга В. Харламова в вагоне, «где имел с ним продолжительную беседу, во время которой выяснилось еще раз полное согласие между конференцией и главнокомандующим» («Приаз. Край», № 142, 23 июня 1919 г.).

Совершенно ясно было, что Деникин через Харламова проводил среди казаков определенную русскую работу. Деникин говорит, что превращение казачьей конференции о Казачьем Союзе в конференцию об организации Южно-русской власти было неожиданно для многих, в том числе и для кубанцев. Деникин в данном случае говорит до известной степени правду. Ну, а почему Кубанцы еще до начала работ Конференции в Законодательной Раде вынесли постановление о недопустимости сепаратных выступлений? — Кубанцы хорошо знали из предыдущей практики, с кем имеют дело. Не случайным, конечно, было и то, что для охраны Кубанской делегаци не нашлось места в той гостинице, где должна была быть эта охрана; не случайным было и убийство Рябовола (из имеющегося в нашем распоряжении описании всех обстоятельств убийства, описания, сделанного одним из непосредственных участников этого злодеяния, видно, что тогда же хотели убить и иных членов Кубанской делегации и что этого не удалось осуществить по причинам, от убийц независящим); не было случайностью, что игнорировалось отсутствие Кубанской делегации; не было случайностью и то, что 20-го июня Деникин дал в Царицыне войскам «Московскую директиву», и в тот же день Донская и Терская делега-

ции приняли постановление о необходимости организации временной общегосударственной власти на Юге России; не случайной была встреча Деникина с Харламовым и Баскаковым 21-го июня в Ростове, как не было случайностью и то, что после этого свидания еще долго с глазу на глаз беседовали Деникин с Харламовым. Если бы эта беседа требовалась только для установления единства взглядов между казачьим и русским вождями, то она была бы совершенно излишня, так как такое единство существовало с 1918 г. и, кроме того, по конкретному поводу было констатировано и в присутствии Баскакова и Каклюгина...

Русская работа велась по определенному плану. Глава Донской делегации на этом не остановился. Пользуясь поддержкой Терской делегации, В. Харламов действовал теперь смелее. Вскоре в газетах появилось интервью с Харламовым, в котором последний решительно осуждал даже федеративный принцип построения России, говорил также о том, что от этого принципа «отказались представители Дона и Терека и т. д. («Великая Россия», 28 июня 1919 г.). Еще недавно, 1-го июня Донской Круг единогласно, значит и голосом Харламова, высказался за организацию **Союза;** еще недавно сам Харламов телеграммой звал Кубанцев к обсуждению этого вопроса и даже сам приезжал на Кубань ради ускорения этого дела... А теперь? — Так делалась казачья политика: Круг Донской постановлял одно, а его председатель делал другое...

В конце концов, председатель Донского Круга В. Харламов, выступая на конференции русской кадетской партии 29 июня 1919 г., раскрыл весь смысл той сложной игры, которую он вместе с ген. Деникиным и другими вел за казачьими спинами. Партия к.-д. решительно высказалась за построение единой и неделимой России. По поводу этой резолюции на конференции к.-д. Харламов заявил следующее: «Пункт 7 резолюции, говорящий об отношении к краевым правительствам, отвечает моему credo; своим острием он направлен против Кубанских самостийников. Они начинают сдавать свои позиции неприступные, и положение улучшается. На конференции в Ростове мы определенно заявили, что федерализм неприменим в

России. Это — книжная, надуманная схема, и процесс об'единения идет мимо нее. Поэтому надо ясно учесть: идти с ним или против него. Я знаю, что Кубанский атаман и большинство Краевого правительства со мною, они не федералисты. Деникин нашему взгляду вполне сочувствует. С Терека получены известия от Баскакова, что все идет успешно. Переговоры между государственными образованиями и командованием не должны пугать: **это не договор и не сговор, а только форма, обстановка для безусловного подчинения.** Мы хотим лишь областной автономии, которая, обслуживая нас, принесет пользу общему делу» (Деникин. Очерки, 5, 202).

Как видим из этого признания, несчастье Казачества заключалось в том, что его старались просто подчинить вождям белой России.

Та позиция, которую, по соглашению с Деникиным, заняли Донская и Терская делегации, в довольно затруднительное положение поставила Кубанских самостийников, которые, конечно, и слышать не хотели о подчинении Деникину. Предстояла довольно сложная и трудная борьба, ибо Донской, Кубанский и Терский Атаманы, председатели Донского и Терского Кругов, Донская и Терская делегации действительно держались той точки зрения, которую защищал Харламов и которую он так ясно изложил на конференции русской партии к.-д.. С другой стороны, Кубанские самостийники хорошо знали, что казачья **масса,** то, на чем по существу держится вся борьба с большевизмом, является самостийной. Решено было и при этих весьма и весьма тяжелых условиях, вести упорно и последовательно борьбу за казачьи идеалы. Тактика определялась реальными обстоятельствами борьбы, и, в первую очередь, положением дел на фронте и в тылу.

Точка зрения Донского Большого Войскового Круга известна была из Декларации Круга, принятой 1-го июня. Еще не совсем была ясна позиция Терского Войскового Круга. Поэтому Кубанская Законодательная Рада послала на Терек, с целью взаимной информации, специальную делегацию. Надо было обождать решений Терского Круга, так как именно в это время под-

ходила к концу борьба между самостийниками и русскими за Терское Войско. (см. далее).

Хорошо зная настроение Кубанского, Донского и Терского Казачества, кубанские самостийники решили принять необходимые меры для того, чтобы не допустить проведения в жизнь соглашения между Деникиным, Харламовым и Баскаковым. В виду изложенных причин, от'езд Кубанской делегации на Конференцию был отложен на некоторое время. Тем временем появилось в газетах сообщение о том, что 19 июня состоялось заседание Кубанской Законодательной Рады. посвященное заслушанию доклада о работе Конференции; докладчик Ив. Макаренко заявил между прочим: «Мы, южане, вступили на путь государственного строительства в общероссийском масштабе». Это заявление могло свидетельствовать о том, что некоторые Кубанцы думают «в общероссийском масштабе» (Вольная Кубань», 21. 6. 19.).

Несколько позже в газетах было опубликовано сообщение, что у заместителя председателя Куб. Законод. Рады Султан-Шахим-Гирея состоялось совещание членов Кубанской делегации на Южно-Русскую конференцию и некоторых членов Рады, посвященное дальнейшим работам Конференции. В частности обсуждался вопрос об отношении Кубанской делегации и Рады к газетным сообщениям о беседе членов Конференции с главным командованием вооруженных сил Юга России по вопросу о создании всероссийской власти при главнокомандующем. «Присутствовавшие на совещании высказались в том смысле, что взгляды и мнения, высказанные в этой беседе, являются исключительно **личными взглядами беседовавших**, и отнюдь не мнением и решением Конференции... Такой же взгляд существует и среди членов Рады. не принимавших участия в этом заседании», говорилось в этом сообщении. Дело в том, что 23 июня был об'явлен перерыв в работах Законодательной Рады до 15-го июля, поэтому можно было собрать только совещание членов Рады. Во всяком разе, вышеприведенное сообщение ясно говорило о том, что Кубань не пойдет тем путем, который наметили Деникин, Харламов, Баскаков и Каклюгин...

Русские люди послали Кубанцев брать Царицын на Волге и он был взят; послали тех же Кубанцев в сторону Днепра, и они взяли Екатеринослав и Лозовую; Кубанцы уже более года без перерыва и без отдыха бились против красных армий, и кубанские славные полки и батальоны прошли весь Северный Кавказ вдоль и поперек, геройски дрались в Донецком бассейне и на Маныче, прошли к Волге и Днепру... Теперь нашлись русские мудрецы, решившие не только присвоить себе победы Кубанцев, хвастаться этими победами перед своими и чужими, но и **изолировать** Кубанцев в политике и заставить их молча везти русскую колымагу. Но, напрасно торжествовал Деникин, что Кубанцев будто бы уже изолировали; напрасно шушукались Деникин и Харламов за спинами казаков; напрасно Харламов хвастался перед русскими к.-д. своими дипломатическими способностями, при помощи которых он думал обмануть казаков и привести их «под нози» Деникину; напрасно также ген. Баскаков доносил Харламову с Терека, что «все идет успешно»... Если без Кубанцев совершенно не могли обойтись на фронте, то Кубанцы сумеют заставить считаться с ними и в политике, ибо Кубанские самостийники хорошо знали, что Харламов не Дон, а Баскаков не Терек; кубанские самостийники знали, что их поддержут Донцы и Терцы так, как кубанские полки поддерживали своих братьев зимою и весною 1919 г.

Сила Кубанских самостийников заключалась в том, что они шли с большинством казаков. Убийство Рябовола, оплаканное ими, только сделало самостийников еще блее упорными. Русские белые еще до Москвы не дошли, а уже занялись убийством лучших казаков. Если Кубанцы на убийство Рябовола не ответили соответствующим убийством в среде русских вождей, это не значило, что Кубанцы простили или забыли это страшное злодеяние. Вопрос сводился только к тактике...

В то же время Терский Круг принял целый ряд постановлений, говоривших о том, что и там проявился самостийный казачий дух. Особенно важны были постановления Большого Войскового Терского Круга об отношении к власти Колчака, о Юго-Восточном Сою-

зе и об отношении к власти Деникина (см. далее «Борьба за Терек»). Ясно было, что русские не смогли и в сравнительно небольшом Терском Войске задушить казачью самостийность. Само собою понятно, что среди самостийников Кубани эти постановления Терского Круга вызвали радостный вздох облегчения. Теперь уже не страшны были те сети, которые, нужно признать, смелой и не разбирающейся в средствах рукой были расставлены в июне вокруг вольнолюбивых казачьих голов, всецело занятых кровавой борьбой с красными на фронте и хозяйственной работой в тылу.

4-го июля в органе Кубанского Правительства «Вольная Кубань», напечатана была «беседа» с новым председателм Кубанской делегации на Конференцию. Султан-Шахим-Гиреем, который категорически заявил следующее: «Он осуждает сепаратное выступление Харламова и Баскакова (соглашение с Деникиным за спиною Кубанцев, прим. редакции), отвергает проект Донцов и Терцев (собственно, Харламова и Баскакова, прим. ред.) организовать власть при Деникине. Вопрос о создании такой власти, заявил Султан-Шахим-Гирей, для нас отошел на второй план после признания генералом Деникиным адмирала Колчака Верховным Правителем России. Мы (Кубанцы) полагаем, что Южно-Русский Союз, сформировав свои законодательные и исполнительные органы, примет необходимые меры для урегулирования отношений Южно-Русского Союза с Колчаком... В заключение же считаю необходимым напомнить, что все вообще вопросы, разрешенные Конференцией, все равно согласно Конституции подлежат утверждению законодательных органов договаривающихся сторон» («Вольная Кубань» № 145 за 1919 г.).

Как видно из этого заявления, Кубанцы снова отбрасывали всякие попытки подчинить Кубань русскому вождю ген. Деникину.

В виду явно невыносимого положения на Кубани, Деникин перебрался со своим штабом в Таганрог, а свое Особое Совещание из столицы Кубани перевез в Ростов на Дону.

Кубанцы предложили теперь Конференции представителей Терека, Дона и Кубани собраться в Екате-

ринодаре. Это предложение было принято. Конференция собралась 8-го июля в Екатеринодаре.

Политическое нападение белых русских на казаков было отбито, хотя Кубанцы понесли невознаградимую потерю в лице председателя Кубанской Краевой Рады Н. С. Рябовола.

БОРЬБА ЗА ТЕРЕК

Наученная опытом взаимоотношений с Кубанью и Доном в 1918 г., русская военно-политическая организация, именуемая Добровольческой армией, уже во второй половине того же года принимала разнообразные меры с целью подчинения себе Терского Казачьего Войска (см. ч. 2. «Траг. Каз.»).

Терское Войско еще в 1917 г. восстановило свою, утраченную за времена русского владычества, государственность, выбрало Атамана и тогда же вошло в состав Юго-Восточного Союза. Горские народы Терской обл. тоже вошли в состав того же Союза. Из этих фактов видно, что еще до большевицкого переворота внутренними силами Терских казаков и Горских народов был намечен вполне нормальный путь национального возрождения народов Терека.

Когда кубанские войска в конце 1918 г. перешли в энергичное наступление в Терскую обл. и, при поддержке терских казаков и горцев, гнали перед собою деморализованые в предыдущих боях большевицкие войска, успешно освобождая Край, Деникин решил воспользоваться неясностью положения в это время на Тереке и подчинить своей власти этот чрезвычайно богатый Край, являвшийся в то же время дверьми в Закавказье, куда белые русские вожди тоже протягивали свои длинные руки. Деникин об'единил Терскую обл. с Дагестаном в один огромный Терско-Дагестанский край. Уже в половине января 1919 г. на Тереке появился главноначальствующий Терско-Дагестанского края ген. Ляхов.

Русские решили в этом Крае осуществить следующую систему управления: «Высшая гражданская и военная власть в Крае принадлежит главноначальствующему и командующему войсками, назначаемому ген. Деникиным; главноначальствующий во второй своей должности подчинялся непосредственно главнокомандующему вооруженными силами Юга России, а по первой — Особому Совещанию».

Чтобы совершенно раздробить и этим обессилить Терскую обл., русские выделили из войсковой территории Минераловодский район, г. Грозный (нефть) и г. Владикавказ в особые градоначальства. Рядом с этим созданы были особые национальные области. Таким образом, назначенный Деникиным главноначальствующий непосредственно управлял Войском Терским, градоначальствами и национальными областями... При чем «дела общегосударственные, говорит Деникин, разрешаются в порядке законодательства и верховного управления Главнокомандующим вооруженными силами Юга России, в порядке же управления подчиненного ведаются главноначальствующим Терско-Дагестанского края и иными подлежащими органами... В порядке же военного управления Терское Войско и его войсковое начальство подчиняются Главнокомандующему вооруж. силами Юга России. Распоряжения Главнокомандующего приводятся в исполнение через командующего войсками в Крае»... (Деникин. Очерки, т. 4, стр. 115).

Словом, поскользнувшись на Дону и на Кубани, Деникин отводил душу над Терским Войском. Безработные профессора государственного и административного права, тоскующие по высоким должностям генералы, вооружившись законами старой Российской империи, искромсали войсковую территорию, обезличили живой войсковой организм и в краевую жизнь внесли такой административный, военный и хозяйственный хаос, из которого ни злосчастное население, ни великодержавные творцы этого столпотворения Вавилонского выбраться потом никак не могли... Русский армяк и русские лапти не подходили ни к Терским казакам, ни к народам Кавказа... Кроме того, в руках

Деникина пока была только Терская обл., а Дагестанскую обл. еще приходилось завоевывать, чтобы получился желаемый Терско-Дагестанский край...

22 февраля 1919 г. собрался Терский Большой Войсковой Круг. Ему доложили о колоссальных успехах русского белого оружия, о том, что Союзники всецело и безоговорочно поддерживают только Деникина, что Дон и Кубань подчинились Деникину по договору 26 дек. 1918 г., что большевицкая Россия окружена со всех сторон белыми русскими и Союзными войсками и находится накануне падения и т. д. Вместе с тем указывалось на возможность возвращения большевицких войск на Терек со стороны Астрахани и Св. Креста.

Измученное годичной борьбой, большевицкими грабежами и кровавыми насилиями, оглушенное визжанием единонеделимческих сирен, уже ослабленное уходом в Донбасс 1-й Терской конной дивизии, Терское Войско на этом Круге не смогло принять твердых и ясных решений по всем вопросам. Большой Круг ограничился принятием слабо разработанной временной Конституции, выборами Войскового Атамана и выпуском декларации о необходимости тесного сотрудничества с Добровольческой армией.

Чрезвычайно важным и показательным было то, что Терский Круг все же не вынес никакого решения по вопросу о конструкции власти в Терско-Дагестанском крае, хотя положение об этом управлении торжественно и надменно возвестил Кругу, по поручению Деникина, новоиспеченный главноначальствующий.

Войсковой Круг скоро прервал сессию. После него в Пятигорске остался Малый Круг и Войсковой Атаман полк. Вдовенко. Последний назначил Войсковое правительство. А рядом с ними в том же г. Пятигорске находился главноначальствующий ген. Ляхов.

Русско-казачий спор на Тереке перешел в следующую фазу. Что победит: реальная жизнь или кабинетные русские схемы власти, Терское Войско или русские люди?

Уже 31-го марта того же года, менее чем через месяц после перерыва сессии Терского Большого Кру-

га, главноначальствующий докладывал Деникину между прочим следующее:

...«Приходится отметить постоянные неофициальные сношения (моего) управления с новой, образовавшейся в крае, властью в лице Войскового правительства Терского казачьего Войска. Непрерывно возникающие трения на почве резких выступлений указанного правительства по предметам, явно не подлежащим его компетенции, как например, распоряжения в пределах Минераловодского района, в области государственных финансов, передвижения грузов, закрытия границ Терской обл., попытки захватить учреждения бывшего правительственного продовольственного аппарата, постоянно заставляют Управление относиться с особой бдительностью к распоряжениям Войскового правительства — при чем до последнего времени удавалось полуофициальным путем и переговорами с Войсковым Атаманом и его правительством улаживать все недоразумения. Управление однако отмечает, что трения увеличиваются и могут быть весьма серьезными»... (Деникин. Очерки, т. 4, стр. 116).

Как видим, несмотря на то, что на пост Войскового Атамана на Тереке был избран сторонник России, что этот последний назначил соответствующего состава Войсковое правительство, между представителями русской и казачьей власти началась борьба, которая со временем неизбежно должна была усилиться, так как на одной территории не могли ужиться две разных власти.

Один из организаторов натиска русских на Казачьи Земли, проф. Соколов, по поводу русско-казачьей борьбы на Тереке делает следующее общее заключение: ...«Созванный по предложению Главнокомандующего для выборов Атамана Войсковой Круг дал Тереку Конституцию, конечно, исходившую из теории казачьего суверенитета. После этого все позднейшие усилия ввести в берега эту новую «державную» (русский профессор о самостоятельности казачьей говорит не иначе, как с насмешкой) стихию были уже неизбежно обречены на неудачу» и т. д. (Соколов. Правление генерала Деникина, стр. 90).

Когда шли упорные бои казачьих дивизий с красными армиями в Донбассе, на Тереке, для покорения горцев, задерживалась сильная Кубанская конная дивизия и друг. части. «16-23 марта, как повествует Деникин, сильный отряд в составе Кубанских и Терских казаков, под начальством ген. Драценко, нанес поражение Чеченцам особенно тяжелое у аула Алхан-Юрта, где они потеряли до 1000 человек. Бой сопровождался жестокостями с обеих сторон и разрушением нескольких аулов»... (Деникин, т. 4, стр. 126). Чеченский народ временно подчинился Деникину.

Разве не ясна вся преступность этой политики на Кавказе — силою казаков подчиняли Деникину горский Кавказ и этими кровавыми расправами щедрой русской рукой сеяли среди соседей Терского казачества ненависть к казакам. При этом Деникин еще осмеливается говорить, что «только русская власть, чуждая областных интересов, могла иметь известный авторитет в глазах горцев, примирить враждующие элементы и остановить или, по крайней мере, не дать разгореться на Северном Кавказе новому пожару, открывающему путь для новой волны большевизма — пожару, в пламени которого, прежде всего, сгорело бы Терское Войско» (т. 4, стр. 114).

Выходит что вся политика на Кавказе, как будто была направлена к охране Терского Войска. Деникин пишет явную неправду. Он руками казаков завоевывал Кавказ для России и, одновременно с тем, душил Терское Войско...

Безумная русская политика на Кавказе, входившего тогда в сферу влияния Англии, бросала тень и на тогдашнего покровителя Деникина — Англию. Представители Кавказских народов делали все возможное за границей, чтобы открыть глаза Англии на все ужасы этой политики. Вследствие всего этого, 11 марта последовало телеграфное распоряжение из Лондона, требовавшее от Деникина прекращения насилий на Кавказе и предлагавшее «сосредоточить все возможные силы против большевиков России». Вместе с тем, предлагалось Деникину «серьезно пересмотреть вопрос о назначении ген. Ляхова губернатором этого Края; правительство Его Величества смотрит на это назначе-

ние с большим неудовольствием».... Далее, правительство Англии отмечало следующее:

...«Важно, чтобы ген. Деникин избегал всякое действие, военное или другое, могущее увеличить существующие трения между его приверженцами и Грузинами и другими Кавказцами. С другой стороны, будут приложены все усилия, дабы эти народы сохранили нейтральное положение»...

В заключение в Английской ноте говорилось:

...Англичане «полагают, что теперь блестящая победа его войск на Тереке отстранила большевицкую опасность в этом направлении (англичане не знали, или не хотели знать, что честь этих побед принадлежала казакам. Ред.). Ген. Деникин имеет возможность, если будет снабжен необходимым военным материалом, нанести совместно с адмиралом Колчаком решительный удар большевизму и было бы весьма прискорбно, если бы своим нетерпением (Деникин сразу хотел покорить всех. Ред.) и беря направление ни в коем случае не приемлемое для Великобритании, он принудил правительство Его Величества отказать ему в своей поддержке и остановить отправку ныне посылаемых запасов» (Деникин. Очерки, т. 5, стр. 132-133).

Угроза со стороны Англии прекратить отправку оружия для Деникина принудила последнего удалить ген. Ляхова. На его место был назначен новый главноначальствующий Терско-Дагестанским краем, ген. Эрдели.

В виду нажима со стороны Англии, поставщика оружия для Деникина, теперь уже не представлялось возможным продолжать прежнюю политику по отношению к Войску Терскому, тем более, что положение в Донецком бассейне и на р. Маныче становилось угрожающим. Однако, и у эластичного ген. Эрдели «трения с Терскими казаками продолжались» (Деникин. Очерки, т. 4, 117), ибо Терское Войско и не собиралось отказываться от своих казачьих прав в пользу русских.

В мае 1919 г. конфликт между Терским Войском и Деникиным принял более острые формы. Ген. Эрдели препроводил Терскому Атаману и Правительству

«Положение об управлении Терско-Дагестанским краем» с предупреждением, что этот «законопроект» уже получил принципиальное одобрение со стороны главнокомандующего вооруженными силами Юга России ген. Деникина и что он, ген. Эрдели, весьма спешит в Екатеринодар к Деникину, что он немедленно должен выехать туда в связи с вопросом о введении в действие указанного «законопроекта». Даже заявление Терского правительства о том, что Терский Атаман в от'езде по отделам и что, поэтому, правительство затрудняется высказаться само по столь важному вопросу, не могло задержать Эрдели. Заслушав «положение» Терское правительство обнаружилс, что от Войска Терского требуется: 1) признать, что территория Войска ограничивается четырьмя отделами, 2) признать, что Минераловодская группа выделяется в особое генерал-губернаторство, так сказать, в Минераловодскую губернию, а Грозный — в особое градоначальство 3) что Войсковой Атаман, избираемый Кругом, подчиняется главноначальствующему Терско-Дагестанского края; 4) что компетенция власти «автономного самоуправления» Терского Войска распространяется только на вопросы «польз и нужд» узко местного характера, без права ведать таковые в полосе отчуждения железных дорог; 5) что ни одно мероприятие Терского правительства в области хозяйственно-экономической жизни Войска, коренным образом меняющее существующее положение вещей, не должно проводиться в жизнь, не получив предварительного одобрения и утверждения главноначальствующего Терско-Дагестанского края и 6) что войсковые части Терского Войска находятся в полном распоряжении того же главноначальствующего, и целый ряд других требований, фактически низводящих Терское Войско на положение незначительного округа-уезда.

Впечатление, получившееся от знакомства с таким «положением», было ошеломляющим. Не будучи уверенным, что это «положение» не произведет взрыва среди населения, Терское правительство сочло необходимым вести обсуждение его чуть не за семью замками. Даже в отсутствие Атамана правительство нашло нужным немедленно протестовать против такого рода

«законов» («Вольная Кубань», № 120, 4-ое июня 1919 г.). Наскоро, но хорошо составленный письменный протест, переданный генералу Эрдели, Терское правительство заканчивало такими словами: «Если этого не учитывать и не считаться с этими взглядами широких казачьих демократических и общественных слоев Войска, то возможно серьезное коренное расхождение во взглядах и пагубный для обеих сторон разрыв» (Деникин, т. 4, стр. 118). Возвратившийся из поездки Войсковой Атаман и Малый Терский Круг категорически подтвердили мнение Правительства.

Все же возмущение и переполох среди Терцев был настолько велик, что такого рода протестом Терцы ограничиться не могли: решено было ехать Войсковому Атаману, председателю правительства, председателю Большого Круга и делегации от Малого Круга на Кубань, на Дон, к командующему вооруженными силами Юга России, чтобы решительно всеми средствами предотвратить такого рода эксперименты.

И на Дону, и на Кубани и в парламентских кругах, и в кругах правительственных выяснилось резко отрицательное отношение, даже более того, было ясно, что Дон и Кубань просто не допустят умаления прав Терского Войска. Сам же ген. Деникин заявил, что ему якобы мало известен этот «законопроект» и предложил Терцам другой проект с тою разницей, что в пунктах 3 и 5 вместо главноначальствующего был поставлен главнокомандующий вооруженными силами Юга. Само собою разумеется, что эти изменения не могли удовлетворить казаков.

Ген. Деникин свидетельствует, что терские правители «нашли полную поддержку в Кубанских политических кругах, и первое чествование Терских правителей в Екатеринодаре — 27 мая — было ознаменовано речами, направленными против Добровольческой армии — «врага Казачества», против командования и, в особенности, против Особого Совещания» (Деникин, 4.стр. 117).

На Терско-Кубанском совещании Кубанцы отметили, что подобные проекты Деникина для Кубанцев не новость, но Кубанцы эти проекты отбрасывали и теперь готовы решительно поддержать Терцев. С своей

стороны, Деникин отмечает, что сопротивление Терцев усилилось «в особенности после того, как в мае Донское правительство односторонним распоряжением отпустило из Ростовской экспедиции 80 миллионов рублей Тереку и тем уменьшило зависимость Терского правительства от командования»...

Деникин и его Особое Совещание, предлагая Терскому Войску свой проект «положения об управлении Терско-Дагестанским краем» не ожидали ни такого противодействия со стороны Терского казачества, ни такой поддержки Терцев со стороны Кубанцев и Донцов. Все это особенно неприятно было для русских, так как эти события, эта русско-казачья борьба, во времени совпали с подготовкой признания Деникиным Верховного Правителя адмирала Колчака. Так сказать, рождалась во всем величии и красе белая Русь, Деникин преподносил Колчаку богатый Юг, а тут казаки «бунтуют»...

Деникинцы прекрасно поняли, что зарвались, что для демонстрации Деникинского бессилия теперь особенно неподходящий час. Поэтому русские поспешили в день признания Деникиным власти Колчака, 30 мая 1919 г., дать в газеты следующее официальное сообщение:

«По поводу появившихся в Екатеринодарских газетах сообщений о том, что командование Добровольческой армии пред'явило Терскому правительству и Атаману требование о подчинении области закону Особого Совещания об управлении губерниями, политическая канцелярия председателя Особого Совещания сообщает, что вопроса о подчинении Терского казачьего Войска Главнокомандующему на одинаковых основаниях с губерниями — никогда не возникало»... и т. д. («Вольная Кубань», 31 мая 1919 г.).

На это «опровержение» орган Кубанского Правительства «Вольная Кубань» 4-го июня ответила подробным изложением фактической стороны хода Терско-русской борьбы, при чем статья эта заканчивалась следующим: «Имеются неопровержимые данные о подлинном положении вещей и указанное «опровержение» вызывает крайнее недоумение: что это, в конечном счете, — игра в прятки, нащупывание почвы,

закидывание удочки, «тонкая политика» старого Петербурга или просто Мукденская «победа»?!

Нападение русских Терцы отбили при помощи Кубанцев и Донцов. Но все же и после этого положение на казачьем Тереке было не совсем ясным. Все с нетерпением и большим интересом ожидали, что скажет Терский Большой Войсковой Круг. Этот круг собрался в конце июня 1919 г. и приступил к обсуждению всего клубка вопросов, касающихся Терско-русских взаимоотношений. Естественно, что как русские, единонеделимцы, так и казачьи самостийники обратили должное внимание на события на Круге. Сам Деникин поспешил на этот Круг и выступил на нем с громовой речью, решительно осуждающей самостийников. Круг неоднократно прерывал речь Деникина аплодисментами. Деникин пишет, что его принимали на Круге «чрезвычайно тепло» и что, как ему говорили, он парализовал своей речью влияние Кубанской делегации. В этом месте нужно заметить, что эта делегация и не собиралась «влиять», а только прибыла туда по поручению Кубанской Законодательной Рады для приветствия Большому Кругу и для взаимной информации в виду чрезвычайной важности наступивших в июне 1919 г. событий, как на внутреннем казачьем фронте в связи с переходом глав Донской и Терской делегаций на Конференции на сторону русских единонеделимцев (см. выше о конференциях), так и в связи с внешними событиями (признание Деникиным Колчака, издание «Московской Директивы», убийство русскими председателя Кубанской Краевой Рады, казачья конференция и т. д.)...

3-его июля Терский Круг утвердил Временное положение об управлении Терским Войском. В этом Положении сказано следующее: «Территорию Войска составляют: Пятигорский, Моздокский, Кизлярский и Сунженский отделы бывшей Терской области Российской империи, со всеми, находящимися в их пределах, землями, населенными пунктами, не исключая городов». Как видим, это постановление Круга рушило распоряжение Деникина о выделении из территории Войска городов Минераловодской группы, Грозного и Владикавказа.

Далее, в Положении сказано ясно: «Источником высшей власти в Терском Войске является воля его граждан, выражаемая на представительных собраниях (§ 8). Носителями законодательной власти в Терском Войске являются Большой и Малый Войсковые Круги, а носителями исполнительной власти — Войсковой Атаман и Войсковое Правительство Терского Войска» (§9). Этим решительно отбрасывались претензии русских на высшую власть в Терском Войске.

В особом об'явлении от Терского Круга говорилось: «Терские казаки, перенеся тяжелые испытания Российской революции, остаются верными унаследованным от своих предков стародавним заветам, из которых любовь к свободе и государственному правопорядку, основанному на принципах полной законности и широкого народоправства, стали теперь особенно дороги». Этим постановлением Терское Войско решительно отмежевывалось от признания власти Деникина-Колчака.

Чтобы положить конец притязаниям Деникина с его проектом организации Терско-Дагестанской власти, тогда же Терский Большой Войсковой Круг вынес следующее постановление: «Временные основные положения взаимоотношений общегосударственной власти с казачьими войсками», принятые Особым Совещанием, одобренные Главнокомандующим вооруженными силами Юга России и присланные при письме главноначальствующего Терско-Дагестанского края ген. И. Г. Эрдели от 22 июня с. г. за нр. 518/3245, как базу, регулирующую таковые взаимоотношения, **признать неприемлемыми** в виду предстоящего заключения Юго-Восточного Союза».

В этот же день Терский Круг выразил пожелание, чтобы работа Конференции о Юго-Восточном Союзе была ускорена. В заключение по этому вопросу Терский Больш. Круг принял следующее весьма важное постановление:

«Право утверждения Союзного договора (между Тереком, Кубанью и Доном) и подлежащей конституции предоставить Малому Войсковому Кругу или новому органу, учрежденному Большим Войсковым Кругом совместно с правительством».

Не менее важным было и следующее постановление Большого Терского Войскового Круга: ...«Большой Войсковой Круг Терского Войска считает необходимым, солидарно с Доном и Кубанью, безотлагательно принять действительные меры к выяснению существа и природы власти адмирала Колчака и после этого предоставить определить отношение к ней Терского Войска тому законодательному органу, который будет создан настоящим Б. В. Кругом. Впредь до фактического достижения этого, государственная власть остается за Войсковым Кругом и осуществляется солидарно с Доном и Кубанью и главным командованием на юге России на основах местных конституций» («Вольная Кубань» № 147, 6 июля 1919 г.).

Чтобы закончить общий обзор смысла и духа постановлений Терского Б. В. Круга, приведем текст присяги Войскового Атамана, утвержденной этим же Кругом 3-го июля 1919 г.:

«Перед Всемогущим Богом, Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом, под славными боевыми знаменами Терского казачьего Войска, обещаюсь верно и нелицеприятно служить избравшему меня своим Войсковым Атаманом Терскому казачеству, ради славы и процветания его не щадить жизни своей до последней капли крови. Все, что от меня будет зависеть в деле исполнения законов, направлять ко благу Родного Терека и поступать по их смыслу, духу и цели, памятуя, что нет счастья народного без закона, правды и свободы. Боже Милосердный и Истинный! Рука Твоя благая да укажет мне путь правый, ведущий к пользе государственной и к величию Терского Войска, во главе которого я поставлен волею Войскового Круга. Помоги мне в великом служении моем. Аминь».

Если принять во внимание всю совокупность принятых в этой сессии Терск. Б. В. Кр. постановлений, будет совершенно ясно следующее: 1) Терский Круг оставил за собою всю полноту государственной власти в пределах Терского Войска, определив его территорию размерами Пятигорского, Моздокского, Кизлярского и Сунженского отделов быв. Терской обл., 2) к управлению Краем Круг звал все народности, живущие в пределах государственной территории Войска

Терского, 3) Круг не признал над Терским Войском власти ни Деникина, ни Колчака и тем самым не признал с января 1919 г. навязываемую Терскому Войску власть главнокомандующего в Терско-Дагестанском крае, 4) Терский Б. В. Круг стремился к скорейшей организации Союзного государства Терека, Кубани и Дона.

Так, к большой радости всех казаков, благополучно закончилась в описываемый период времени борьба между русскими и казаками за Терек. Терское Войско с честью вышло из этой долгой и запутанной внутренней (на Тереке, как и во всех других Войсках, были сторонники Деникина и Колчака) и внешней борьбы.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ДОНА

Для наиболее правильной, об'ективной и полной оценки дальнейших выдающихся и решающих событий, как на фронте казачьих армий, так и в тылу, мы должны еще раз остановиться на вопросе, какую же, собственно, политику государственного строительства проводил Дон, непосредственно соприкасающийся с Великороссией на своих северных границах.

Если бы историк попробовал ответить на этот вопрос на основании заявлений донцов, занимавших наиболее высокие посты в Войске Донском, он бы увидел, что командующий Донской казачьей армией ген. Сидорин 1-го июня 1919 г. от имени всей этой армии заверял Деникина в готовности Донцов биться за государственные идеалы Деникина-Колчака; что председатель Донского Круга В. Харламов целый месяц июнь 1919 г. употребил на то, чтобы казаков подтянуть поближе и потеснее под власть Деникина, а в самом конце этого месяца на конференции русской партии к.-д. прямо заявил, что «переговоры между государственными образованиями и командованием не должны пугать: это не договор и не сговор, а только форма, обстановка для безусловного подчинения»; что Донской Атаман А. Богаевский в октябре 1919 г. писал

ген. Деникину: «Если бы Дон изменил матери России, я швырнул бы атаманский пернач в лицо моему преемнику, который повел бы мою родину на самоубийство, а сам ушел бы к Вам хоть рядовым»... (Деникин. Очерки, т. 5, стр. 191). Как видим, государственная программа этих трех виднейших представителей Дона не вызывает никаких сомнений. И если бы по ним пришлось давать ответ на выше поставленный вопрос, пришлось бы сказать: Донцы, главным образом, боролись за спасение России.

Однако, историк не мог бы не обратить внимания при этом на более значительные, на более важные факты из истории Дона, нежели политическое поведение отдельных лиц, хотя и занимавших высокие должности в Войске Донском.

После кратковременного и неудачного периода тесного сотрудничества казачьих верхов с русскими генералами в конце 1917 г. и в начале 1918 г. сотрудничества, нашедшего внешнее выражение в организации известного Триумвирата генералов Корнилова, Каледина и Алексеева (см. ч. 1 «Траг. Каз.»), в 1918 г. Донское Войско совершенно самостоятельно организовало вооруженную борьбу против большевиков, самостоятельно очистило всю Донскую территорию от красноармейцев, выработало свою Конституцию без всяких «впредь до», установило свою республиканскую выборную власть, организовало самостоятельную Донскую армию, в которую входили и Донские иногородние, армию, нашедшую в себе силы для ведения успешного единоборства с целой красной Россией, заключило политические, торговые и иные договоры с другими государствами, установило Донскую денежную систему; самостоятельно сносилось с Германией и с Антантой и т. д.

К концу 1918 года выяснилось, что всемогущая Антанта — победительница в Мировой войне 1914-1918 г. — стала всецело на сторону белой России. Казачий Дон, защемленный между большевицкими силами красной России и Антантой, принужден был 26-го декабря 1918 г. признать единое командование в лице ген. Деникина. Но почему Донской Атаман П. Н. Краснов, подписав это признание по принуждению представи-

телей Антанты, главным образом, представителя Англии, спешил об'явить особым приказом Донским казакам, что Конституция Дона нарушена не будет, что «достояние казаков, их земли и недра земельные, условия быта и службы Донских армий затронуты не будут» (Деникин, 4, 73)? Что же, эти заверения Донской Атаман давал казакам в угоду Деникину, который отрицал именно право казаков на свою Конституцию и на свою армию, или же эти заверения нужны были для Антанты, представители которой заявляли себя горячими сторонниками возрождения единой и неделимой России и тоже отрицали казачью государственность? Нет! Это нужно было для успокоения рядового Донского казачества, в своей собственной армии видевшего защиту и своей земли, и своей государственной самостоятельности.

В феврале 1919 г. на смену Краснову пришел «старый доброволец, ген. Богаевский». Почему этот Атаман — генерал свиты его величества, русский патриот до мозга костей, собиравшийся атаманский пернач швырнуть в лицо своему возможному самостийницкому преемнику, почему Атаман Богаевский принужден был оберегать самостоятельность и полную независимость Донской армии даже в самых тяжелых условиях периода кровавых боев на р. Донце, в Донбассе, на р. Маныче и т. д., когда боевая обстановка, часто очень грозная, требовала беспрерывной перетасовки полков и дивизий? Почему ген. Сидорин, как командующий Донской армией, и лично и по телеграфу множество раз настаивал на возвращении в Донскую армию тех или иных частей Донской армии, взятых Деникиным для использования на других участках фронта, тех или иных технических средств? Почему тот же ген. Сидорин так горячо протестовал против вмешательства ген. Покровского в распоряжения начальников Донских казачьих частей, входивших в состав Донской армии, или самовольно забиравшего в свое распоряжение технические средства Донской казачьей армии?

Деникин и его начальник штаба тоже были офицерами генерального штаба и в общем имели теоретическую и боевую подготовку далеко не меньшую в

сравнении с ген. Сидориным и ген. Богаевским. Между тем ген. Деникин, говоря о взаимоотношениях с Доном, признает следующее:

...«Только в военном отношении все оставалось по старому: Донская армия представляла из себя нечто вроде «иностранной - союзной». Главнокомандующему она подчинялась только в оперативном отношении; на ее организацию, службу, быт не распространялось мое влияние. Я не ведал также назначением лиц старшего командного состава, которое находилось **всецело** в руках Донской власти. Такое положение было глубоко ненормальным». (Деникин. Очерки, т. 5, стр. 191).

Нельзя не согласиться с ген. Деникиным, что с русской точки зрения, «такое положение было глубоко ненормально». Донская армия действительно была союзной армией для русской армии Деникина, союзной без всяких кавычек. Почему же глубоко русские люди, генералы Богаевский и Сидорин, удерживали все время это «глубоко ненормальное» положение? Возможно ли было подобное положение в армии Французскй, Английской, Немецкой и во всякой другой, чтобы главнокомандующий всеми вооруженными силами данного государства в какой-либо группе подчиненых ему вcase не мог производить смещения с должностей, назначения и перемещения лиц высшего командного состава и т. д. Конечно, невозможно и недопустимо.

Мы также не сомневаемся в том, что, рассматривая боевые операции всех армий южного антибольшевицкого фронта за 1919 г. с русской точки зрения, генералы Богаевский и Сидорин согласятся с утверждением ген. Деникина. Почему же эти русские генералы, так любившие Россию, боровшиеся за политические идеалы Деникина-Колчака, не отказались от самостоятельности Донской казачьей армии и не подчинили ее во всех отношениях ген. Деникину? Почему генералы Сидорин и Богаевский, на всякие лады и при всяких поводах декларируя любовь к России и полную преданность генералу Деникину, не осмелились сделать малейшего движения в смысле подчинения Донской армии Деникину даже после того, как последний признал власть адмирала Колчака, что в глазах русских означало возрождение единой верховной русской

власти и единого верховного главного командования вооруженными силами всей России? Ясно, конечно, что такое подчинение означало бы отказ от государственной самостоятельности Дона, точно так же, как удержание самостоятельности Донской армии означало удержание самостоятельности Донского государства.

Ответ может быть только один: генералы не могли сделать даже попытки подобного рода подчинения, ибо против этого стояла самостийницкая масса Донских казаков, переломить психологию и взгляды которой не хватало просто сил у этих людей. Поэтому и председатель Донского Круга, и Донской Атаман, и командующий Донской армией говорили о том, что Донские казаки — русские люди, что Дон предан России и т. д., но тронуть донскую самостийницкую массу в том вопросе, который был так близок и так понятен для всякого рядового казака, не смогли и не осмелились. Донской Атаман мог подписывать соглашения с Деникиным о Сенате, о железных дорогах, о денежной единице, о санитарной части и т. д., но, при всей своей преданности России, не смел нарушить самостоятельность армии Донских казаков. Известно, что в конце концов, дело дошло до того, что остатки армии Деникина были подчинены командующему Донской казачьей армии, но не наоборот.

Точно так же Донские правители и законодатели — ген. Богаевский и В. Харламов — не могли открыто пойти на нарушение Донской Конституции. Разбирая некоторые пункты из Декларации Донского Круга, принятой 1-го июня 1919 г., мы уже отметили то важное обстоятельство, что Донской Круг, наметив в этой Декларации довольно обширную программу деятельности, последнее слово в решении всех важных вопросов оставлял только за собой — за Кругом (см. выше «Южно-Русская конференция»).

Следует отметить, что такой большой государственной важности вопрос, каким в каждом государстве является вопрос земельный, Донской Круг разрешил совершенно самостоятельно в том же 1919 г. История учит, что коренные земельные реформы, подобные той, которую провел Донской Круг законом о земле, могла осуществлять только вполне самостоя-

тельная и сильная государственная власть при активной поддержке значительного большинства населения данного государства.

Остановимся еще на одном вопросе. Довольно часто указывается, что только Кубанцы вели самостоятельную заграничную акцию через делегацию Краевой Рады, посланную в Париж, что только Кубанцы посредством этой делегации принесли столько вреда общерусскому делу строительства неделимой России (см. ч. 2 «Траг. Каз.»). Однако, и Дон послал в 1919 г. в Париж свою особую делегацию и эта делегация активно работала там в том самом направлении, как и делегации Кубанская. Для доказательства правильности нашего утверждения, сошлемся на меморандум, поданный Донской делегацией Державам Согласия 15-го мая 1919 г. в Париже. Между прочим, в этом меморандуме читаем следующее:

...«До 18-го столетия Донские казаки были независимы и имели только союз с Московским государством. В течение 18-го столетия они, после неоднократных жестоких усмирений, были подчинены Петербургскому правительству и лишены главного органа самоуправления — Войскового Круга и выборного Войскового Атамана... После революции 1917 г. Донские казаки быстро сорганизовались и восстановили у себя древний образ правления во главе с Войсковым Кругом.

...Прибытие Союзников в Южную Россию значительно изменило положение дел на Дону. Между прочим Союзники потребовали от Атамана Краснова, чтобы он подчинился генералу Деникину, угрожая в противном случае не дать ни одного патрона, ни снаряда. Краснов удовлетворил это требование, подчинив Деникину Донскую армию. Однако, Союзники в дальнейшем заявили, что Донская армия и Донские казаки до тех пор не получат никакой помощи от Союзников, пока Атаманом будет Краснов. Вследствие этого 1-го февраля 1919 г., когда вновь собрался Войсковой Круг, ген. Краснов ушел в отставку и на его место был избран ген. Богаевский... Ныне Дону угрожаеть вновь занятие всей территории врагом, которого Донское население считает самым злым и самым опасным из всех. И Донские

казаки прислали нас сюда, в Париж, где решаются судьбы стран и народов, чтобы заявить следующее: в течение трех с половиною лет мы честно боролись на фронте против нашего общего врага... Мы желаем установить свою жизнь на тех началах, которые отвечают нашему миропониманию и нашим веками сложившимся обычаям. Никому своей воли мы не желаем навязывать, и война, которую мы ведем ныне с большевиками, есть война оборонительная, в которой мы защищаем свое право на жизнь, свой труд и свободу... Мы с нетерпением ждали вашей победы и вашего прихода к нам, которые выполнили свои обязательства по отношению к вам, ибо эта помощь была нам обещана еще в 1917 г. устами английского посла в России сэра Бьюкенена, заявившего Донской делегации: «Если казаки когда либо будут в нужде, то Англия не оставит их». И на основании всего этого и на основании воли нашего народа, выраженной в основных законах Дона, мы позволяем себе обратиться к представителям держав Согласия с следующей просьбой:

1. Оказать Дону в лице его Парламента и Правительства моральную и материальную поддержку в борьбе Дона с большевиками и отпустить в распоряжение Донского Правительства необходимые для борьбы материалы — оружие, аммуницию и медикаменты.

2. Признать Донское Правительство на территории Дона носителем высшей законной власти и всякую необходимую Донской армии и населению помощь отправлять в распоряжение этого Правительства.

3. Признать Донскую Республику в границах, на прилагаемой карте показанных, самостоятельным государственным образованием, безусловно не входящим в сферу влияния Советской власти. Этим признанием Дон был бы огражден от притязаний на него Советской власти, в случае если бы таковая была признана кем либо законной властью России. Председатель Донской делегации член Войскового Круга Г. Карев. Париж. 15 мая 1919 г.».

Приведенные выше факты без сомнения свидетельствуют о том, что Донские казаки и в 1919 г. ревниво оберегали свою полную государственную самостоятельность и эти самостийницкие стремления и же-

лания вынесли даже на международную политическую арену.

Вместе с тем, надо признать, что необыкновенно тяжелая, упорная и кровавая борьба Донцов против России красной на фронте совершенно не позволяла рядовому казачеству повнимательнее присматриваться к тому, что и как делали в тылу его правители.

ЧТО ПРОТИВОПОСТАВЛЯЛО РУССКОЕ БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ КАЗАЧЬЕЙ ПРОГРАММЕ?

«Величайшая в мире бескровная российская революция» 1917 года вскоре привела к вооруженному столкновению сил, в кровавой борьбе решавших самые больные и самые сложные вопросы. С одной стороны, в этих исторических событиях вступила в решительную фазу, никогда перед тем не прекращавшаяся, борьба России с покоренными ею в предыдущих столетиях народами; с другой стороны, шел решительный бой между безземельными и малоземельными хлеборобами и помещаками за обладание землей; далее, шла упорная борьба между сторонниками демократического устройства государства и защитниками деспотического управления и т. д.

Выше мы говорили о том, что казаки сами решали эти вопросы. Но на Востоке и на Юге «союзником» казаков в борьбе против большевизма было русское белое движение, стремившееся побороть русский большевизм и не допустить осуществления казачьей программы, установленной Кругами и Радой. Мы также отметили уже, что именно нес на своих знаменах адмирал Колчак и к каким результатам это привело. Теперь остановимся несколько на вопросе, что же было написано на боевых знаменах Южного белого движения.

Во всех культурных государствах военная наука уделяет большое внимание изучению значения духовного элемента, духовного фактора при ведении войны. Уменье вселять дух в армию и поддерживать этот дух в войсках до полной победы над врагом является од-

ной из важнейших черт всякого выдающегося полководца.

История дает много примеров того, как сравнительно малочисленные, но сильные духом войска одерживали победы над многочисленным, но слабым духом противником. Какой бы случай из прошлого мы ни взяли для иллюстрации этого утверждения, всюду мы можем найти много разительных примеров громадного значения именно духовного фактора для победы. В этом отношении особенно поучительной является многовековая боевая жизнь Казачества; каждое Войско казачье может указать из своего прошлого множество побед, достигнутых только благодаря превосходству духа в казачьих частях над войсками противника.

Глубокая вера в правоту своего дела, уверенность в том, что данная война является неизбежной для защиты самых жизненных интересов народа, твердая уверенность в своих силах, национальная гордость — все это в совокупности создает тот высокий боевой дух, который ведет к победе.

Подготовку к войне с сильным соседом каждое государство, обыкновенно, осуществляет на протяжении долгого промежутка времени, исчисляемого иногда десятками лет, при этом большое внимание обращается не только на боевую и техническую подготовку войск, но и на подготовку «духа» в народе и в войсках.

История так же дает много примеров того, как даже выдающийся полководец и с хорошей армией может проиграть войну, когда против него поднимается не только армия противника, но и все население, весь народ.

В числе причин, приведших огромную Россию к поражению в Мировой войне 1914-1918 г.г., выдающийся русский военный специалист, профессор ген. Н. Н. Головин, указывает и следующую:

...«Мы плохо учитывали зависимость «духа войск» от причин социального и политического характера, причин, получивших особую силу и влияние после превращения профессиональной армии в вооруженный народ. Социальные и политические условия, в которых живет страна, являются первыми данными, влияющи-

ми в современную эпоху на «дух» войск. Раньше, когда армия могла воспитываться оторванно от народа, положение было другое. Но теперь влияние этих двух факторов является громадным... Вот почему в современную эпоху вести войну, непопулярную в массах, есть предприятие безнадежное»... (Мысли об устройстве будущей российской вооруженной силы. Белград. 1925. Стр. 27).

Если причины социального и политического характера так влияют на дух войск при внешней войне, то тем боле велико было значение этих причин в той борьбе, которая присходила на обширных территориях бывшей России в 1918-1919 г.г.

Руководители белого русского движения должны были понимать, что падение царской власти в России, приход на ее место демократической власти, развал многомиллионной русской армии, захват власти большевиками и укрепление их в Великороссии, распадение огромного государства на национальные территории и организация именно национальных государств и т. д. не были вызваны случайными, скоро преходящими причинами, а были подготовлены в процессе национальной, социальной и политической борьбы, предшествующего долгого периода истории народов и земель, входивших в состав величайшего в мире государства.

Присоединение к России любой национальной территории и дальнейшее ее пребывание в составе империи было обильно полито кровью; и все же покоренные Россией национальности сумели сохранить свое национальное «я», и в 1917-1919 г.г., без всякого сговора, все национальности, и малые, и большие спешили возродить свою давно утраченную под ударами России государственность. Из этого видно, какую огромную роль играл национальный вопрос во время войны 1918-1919 г.г.

Другим важным и большим вопросом был земельный вопрос. Движение Разина и Пугачева, крестьянские волнения и бунты всего 19 и начала 20 ст., революции 1905 и 1917 г.г. наглядно и убедительно указывали на необходимость коренного разрешения этого вопроса. Не только большевицкое правительство,

но и Всероссийское Учредительное Собрание в его всего однодневном заседании 5-го января 1918 г. уничтожили право частной собственности на землю; также полное уничтожение права частной собственности на землю или решительное ограничение размеров частного землевладения было произведено в 1918 г. и во всех национальных республиках; особенно характерными в этом отношении являются земельные реформы, произведенные вдумчивой и осторожной рукой казачьих парламентов, имевших возможность обсуждать этот вопрос и до, и после большевицкого переворота. Все приведенные исторические факты с совершенной очевидностью свидетельствуют о том громаднейшем значении, какое имело правильное разрешение земельного вопроса в интересах самых широких масс хлеборобского населения.

Третьим важнейшим вопросом был вопрос о построении местной и центральной власти. Большевики провозгласили и настойчиво проводили в жизнь советскую систему управления, диктатуры пролетариата; казачьи государства и все другие молодые государства основывали свое государственное устройство на демократических началах; Деникин, Колчак и иные белые вожди защищали диктатуру вершителей судеб в прошлом.

Со стороны красной России, как мы знаем, выступали на разных фронтах стотысячные армии. Значит, война, которую вели большевики была войной народной, войной, которую вело большинство населения Великороссии. Чтобы победить большевицкие армии вожди белого движения должны были повести дело так, чтобы белое русское движение сделалось народным, чтобы против сотен тысяч красных бойцов на поле брани вышли сотни тысяч белых русских бойцов.

Чрезвычайно важным обстоятельством было то, что вопрос шел не о том, как вселить победный дух в уже существующую белую русскую армию Деникина, так как этой армии этот вождь еще не имел (к лету 1919 г.). Вопрос шел о том, как в самом процессе борьбы создать боеспособную, сильную белую армию. Без мобилизации населения Деникин никак обойтись не мог. А чтобы мобилизованные массы людей при-

несли с собою в армию победный дух, необходимо было создать такие условия, при которых мобилизованные не только сознательно поддерживали бы цели борьбы, но считали бы, что жизни свои они, мобилизованные, приносят в интересах своих семей, своих близких и вообще в интересах того населения, частью которого эти мобилизованные были. Надо было войну против большевизма сделать популярной в широких народных массах. А для этого, прежде всего, необходимо было основные вопросы — национальный, земельный и государственного управления — разрешить так, как это соответствовало интересам и миропониманию этих масс.

Казаки не только у себя разрешали эти вопросы, но неоднократно казачьи Круги и Рада выносили продуманные постановления о том, как эти же вопросы надо было разрешать на тех землях, которые освобождались казачьим оружием. Для примера укажем на 1) обращение Донского Круга к русскому народу в октябре 1918 г., 2) приказ Кубанской Краевой Рады № 1, 3) постановление той же Рады 13 февраля 1919 г., 4) Декларация Донского Круга 1-го июня 1919 г., 5) постановление Терского В. Круга 3-го июля 1919 г.

Много лет прошло с тех пор. Является полная возможность сделать об'ективную оценку этих постановлений. Мы не уклонимся от истины, когда скажем: если бы эти постановления казачьих парламентов были своевременно проведены в жизнь, это в наибольшей степени обеспечивало бы нормальные условия для полного и всестороннего духовного, физического, политического, национального и экономического развития, как Казачьих Краев, так и соседних с ними Земель, не пришлось бы большевикам господствовать на этих землях, а казакам не пришлось бы идти в долгую и мучительную эмиграцию...

У русских, пишущих о событиях 1917-1919 г.г., очень часто можно встретить попытки высмеивания работы казачьих парламентов и казачьих правительств. Часто подобные русские писания пересыпаны просто издевательствами над государственным строительством Казачества.

Посмотрим, что же несло народу русское белое движение? Что представляла из себя русская белая власть? Что противополагала она казачьей программе?

В конце 1917 г. вожди Добровольческой армии объявили, что они идут в союзе с краями и народами России, что все русские люди, собравшиеся на Юге, будут защищать до последней капли крови самостоятельность этих краев что русские ведут борьбу за Учредительное Собрание («Донская Летопись», т. 2).

Тогда же командующий Добровольческой армией, ген. Корнилов в своей программе писал о том, что он признает «право на самоопределение порабощенных народов», что «Польша, Украина и Финляндия, образовавшиеся в отдельные национально-государственные единицы, должны быть широко поддержаны правительством России в их стремлениях к государственному возрождению, дабы этим еще более спаять вечный и несокрушимый союз братских народов» (Архив рус. револ. т. 9, стр. 285-86). Мы, конечно, не забываем, что ген. Л. Г. Корнилов был казак Сибирского Войска.

Когда в марте 1918 г. на место убитого в бою под Екатеринодаром ген. Корнилова стал ген. Деникин, последний в станице Успенской, на Кубани, выпустил воззвание, в котором говорил о том, что в будущие формы государственного строя он ставит в зависимость от воли Всероссийского Учредительного Собрания, что народоправство должно сменить власть черни и т. д. (Кубанец. От Екатеринодара до Мечетинской. Ростов на Дону, 1918 г. стр. 31.).

С течением времени ген. Деникин забыл и о программе Корнилова, и о своем воззвании и стал упорно работать в направлении установления своей личной власти на обширных просторах земель быв. России. Поэтому личность самого Деникина представляет тоже интерес. Сам о себе Деникин говорит следующее: «По условиям своей жизни и военной службы, главным образом на окраинах, я имел ранее очень мало соприкосновения с миром государственных, политических и общественных деятелей и поэтому испытывал большое затруднение в выборе людей на высшие посты управления» (Очерки, т. 4, стр. 206).

Правая рука ген. Деникина, проф. Соколов, гово-

рит о нем следующее: ...«В генерале Деникине я увидел не Наполеона, не героя, не вождя, но просто честного, стойкого и доблестного человека, одного из тех «добрых» русских людей, которые, если верить Ключевскому вывели Россию из Смутного времени» (Правление ген. Деникина, стр. 40).

Военный соратник Деникина, ген. Врангель, дает следующую характеристику главнокомандующему вооруженными силами Юга России:

«Сын армейского офицера, сам большую часть своей службы проведший в армии, он, оказавшись на ее верхах, сохранил многие характерные черты своей среды, — провинциальной, мелко-буржуазной, с либеральным оттенком... Судьба неожиданно свалила на плечи его огромную чуждую ему государственную работу, бросила его в самый водоворот политических страстей и интриг. В этой чуждой ему работе, он видимо терялся, боясь ошибиться, не верил никому и в то же время не находил в самом себе достаточных сил твердой и уверенной рукой вести по бурному политическому морю государственный корабль»... (Врангель, Записки т. 1, стр. 110-111).

Там, где действительно нужен был вождь, человек знающий, чего он хочет и решительно идущий к раз намеченной цели, оказался человек провинциальный, совершенно неподготовленный к выпавшей на его долю государственной работе, непонимающий совершающихся вокруг него сложных и бурных событий. Действовал он без определенной программы, изо дня в день, от вопроса к вопросу. Поэтому Деникин не мог ни поднять массу на борьбу, ни вселить победный дух в армию. Таков был и его штаб (Врангель).

Из множества бывших русских деятелей Деникин выбрал группу людей, из которых составил при себе нечто вроде правительства, назвав его Особым Совещанием. Этому своему правительству Деникин дает следующую характеристику: «Особое Совещание никогда не пользовалось расположением русской общественности и навлекало на себя суровую критику и тогда, и теперь... Коалиция, в качестве силы действенной, правящей, оказалась трудно применимой в дни революции в дни борьбы. Особое Совещание состоявшее

из лиц, преданных Родине, но по разному понимавших ее интересы, не могло работать с должным единодушием»... (Очерки, т. 4, стр. 206 и 208).

Бывший член этого Совещания, проф. Соколов, о работе Особого Совещания говорит: ...«Наши внутренние политические разногласия стали сказываться с особенной остротой, и механическое сочетание в высшем органе правительства двух разных политических течений давало в результате взаимную их нейтрализацию и полный застой... В частных беседах генерал Драгомиров все чаще жаловался на «политическую борьбу», затрудняющую деловую работу Особого Совещания. Действительно, едва ли не все вопросы вызывали у нас теперь прения с «политической» окраской. Даже кандидатуры в члены Особого Совещания, несмотря на сохранение фикции подбора их по «деловым» признакам, обсуждались с политических точек зрения... Обо всех внутренних неладах конечно, тотчас-же становилось известно в обществе, и это не укрепляло нашего авторитета... Вокруг нас создавалась очень нездоровая политическая атмосфера» (Правление ген. Деникина, стр. 125-127).

В эту бездушную, отжившую среду бывших русских бюрократов, профессоров, генералов и т. д. собирались вдунуть «душу живую». Ген. Деникин рассказывает, что делались самые различные попытки в этом направлении, но «все эти комбинации были совершенно искусственными или носили узок политический характер, не могли иметь почвы и авторитета в стране и не отражали бы ее мнения». В конце концов, додумались до необходимости «создания особого законосовещательного учреждения»... «Но до лета 1919 г. казачьи области не шли на государственное об'единение; земское положение, могущее дать базу для выборов, все еще вырабатывалось, возбуждая бесконечные споры... Три главнейшие течения общественной мысли, представленные на Юге — Совет государственного об'единения, Национальный Центр и Союз возрождения России, невзирая на усилия многих своих членов, не находили обыкновенно ни общего языка, ни общего пути, говорит Деникин (4, стр. 205).

Вокруг Деникина собрались, как говорили, умней-

ше и образованнейшие русские люди, а результаты их работы каковы? Ведь убийственную характеристику Особому Совещанию и трем главным русским организациям дает никто иной, как сам Деникин. Проф. Соколов говорит, что нездоровая политическая атмосфера вокруг этого «правительства» «сама собою порождала стремление выйти из получившегося тупика путем организационного переустройства правительства или только измененния личного состава»... Особое Совещание в самом себе смешивало функции законосовещательные и правительственные — само вырабатывало законы и само же проводило их в жизнь. Было предложено Особое Совещание преобразовать в Совет Министров и рядом с ним создать специальное установление для предварительного рассмотрения законодательных предположений. Однако, Деникин на этом проекте положил резолюцию: Никаких изменений в конструкции власти до соединения с адмиралом Колчаком. «А вскоре все у нас на время перевернулось и перемешалось под влиянием головокружительной перемены, наступившей в наших отношениях к омскому диктатору». (Соколов. Правление Деникина, стр. 128).

Мог ли Деникин, при отсутствии у него предварительной политической подготовки, при присущем ему непонимании совершающихся великих исторических событий, дать ясную программу для работы в самом центре белого движения? Могло ли это сделать Особое Совещание, так характеризуемое самими его создателями (Деникин и Соколов)? Деникин говорит, что «программа правительства не об'являлась» (4, 210). Его помощник, проф. Соколов, свидетельствует: «Из числа препятствий политических главным было именно отсутствие у нас политического курса» (стр. 102 цитиров. работы Соколова). Это очень ценное и, вместе с тем убийственное для белого движения признание. Это движение не имело своей программы государственного строительства. Деникин говорит: «Две речи, сказанные мною в Ставрополе и на открытии Кубанской Рады, исчерпывали официальное из'явление нашей идеологии и политического курса» (4, 210).

За неимением у ген. Деникина политической про-

граммы борьбы, таковую пробовали дать ему союзники. По этому поводу сам Деникин говорит следующее: «В начале апреля (1919 г.) председатель Особого Совещания ген. Драгомиров доложил мне, что ген. Бригс (представитель Англии при Деникине. Ред.) настойчиво просит об'явить декларацию, которая могла бы рассеять предубеждение о реакционности Южной власти, создавшееся в демократических кругах Европы, и дала бы возможность искренним друзьям Добровольческой армии оказывать ей более серьезную помощь. Ген. Брикс предложил и проект декларации»... (4, 115). Деникин внес в предложенный английским ген. Бригсом проект самые незначительные изменения и, по настоянию того же Бригса, эта декларация была подписана всеми членами Особого Совещания и переслана английскому, французскому и американскому представителям. Вот этот документ:

«Прошу Вас довести до сведения Вашего Правительства о том, какие цели преследует Командование вооруженных сил Юга России в вооруженной борьбе с советской властью и в государственном строительстве.

1. Уничтожение большевицкой анархии и водворение в стране правового порядка.

2. Восстановление могущественной единой, неделимой России.

3. Созыв Народного Собрания на основах всеобщего избирательного права.

4. Проведение децентрализации власти путем установления областной автономии и широкого местного самоуправления.

5. Гарантия полной гражданской свободы и вероисповедания.

6. Немедленный приступ к земельной реформе для устранения земельной нужды трудящегося населения.

7. Немедленное проведение рабочего законодательства, обеспечивающего трудящиеся классы от эксплотации их государством и капиталом.»

Вот и все. Если спросить: какое же разрешение давала эта декларация самым важным и самым животрепещущим вопросам, от правильного разрешения которых в полной мере зависел весь успех борьбы, от-

вет будет только один — никакого. Уже полтора года толклись на Казачьей Земле вожди белой России и за это долгое время не могли придумать ничего лучшего, как из предложенного представителем Англии проекта переписать несколько самых общих и расплывчатых, казенным языком изложенных, фраз, ничего не говорящих ни уму, ни сердцу тысяч людей, мобилизуемых в белую армию. Могла ли такая декларация поднять и воодушевить население на кровавую борьбу с большевиками? Конечно, нет!..

Кроме этой декларации, весною 1919 г. было объявлено в газетах письмо Деникина на имя председателя Особого Совещания. В этом письме было сказано, что право частной собственности на землю сохраняется и т. д. Однако, и эти несколько самых общих фраз, касающихся земельного вопроса, вызвали очень большие и острые трения в самой головке русского белого движения. Спорили даже о том, следует ли вообще публиковать подобное письмо. В самом центре белого движения создалось два враждебных лагеря, причем, как свидетельствует сам Деникин, «обе стороны не пришли к соглашению и разошлись еще большими врагами» (Деникин. Очерки, 4, стр. 213).

Была создана комиссия для разработки земельного вопроса. В начале июля 1919 г. эта комиссия закончила разработку «земельного закона», который предусматривал, «что земельные органы приступят к отчуждению (земель) только по истечении трех лет со дня восстановления гражданского мира во всей России». Выходит, что сначала население должно было идти в Деникинскую армию, разбить большевиков по всей огромной территории бывшей России, потом когда то должен был наступить гражданский мир, а после этого должно было пройти еще три года и только тогда можно было приступить к отчуждению за плату части помещичьих земель в пользу малоземельных. Даже Деникин не смог утвердить предложенный законопроект, настолько он был абсурдный. Земельный вопрос так и не получил никакого разрешения (там же, стр. 222).

Не разрешив совсем этого вопроса, в котором непосредственно было заинтересовано многомиллионное

хлебробское население, ген. Деникин издал «Закон об урожае», обязывающий посевщика уплачивать бывшим владельцам земли третью часть хлебов, половину трав и одну шестую корнеплодов. Уже две весны — 1918 и 1919 г. г. — население засевало быв. помещичьи земли, полученные им вследствие совершившейся аграрной революции. Теперь деникинский «Закон об урожае» накладывал на население своего рода дань и, в то же время, путем мобилизации принуждал это население идти в русскую белую армию для борьбы против красной армии.

Совершенно естественно, что эти распоряжения вызвали глубокое возмущение в хлеборобской массе населения, казачьим оружием освобожденного от советской власти. Понятно, что такая политика резко осуждалась казаками. В официальном органе Кубанского Правительства «Вольная Кубань» 10 июля писалось, что наши военачальники-генералы «превращаются в каких то помещичьих конторщиков». «А тем временем, пишет Деникин, за войсками следовали владельцы имений, не раз насильно восстанавливавшие, иногда при поддержке воинских команд, свои имущественные права, сводя личные счеты и мстя» (4, 223). По тому же поводу проф. Соколов говорит: «Бывали вопиющие случаи покровительства помещикам и преследования крестьян» (Правление Деникина, стр. 187). В тылу армий помещики вели свой роковой танец. Порядок удерживался железной рукой воинских отрядов и учрежденной Деникиным государственной стражи, «пользовавшейся общей и дружной ненавистью населения», говорит Соколов (стр. 101 цит. его работы).

Назначенная Деникиным администрация повела дела так, что «население озлоблялось и, постепенно уходя из наших рук», пишет тот же Соколов, «зеленело». По назначению Деникина весною 1919 г. Ставропольскую губ. об'ехал А. А. Эйлер. «Его впечатления были мрачны, он говорил мне, пишет Соколов, что не сумев справиться с Ставропольской губ., мы доказали свое полное административное банкротство» (там же 121-122).

Эту политику Деникина орган Кубанского правительства «Вольная Кубань» называл прямо — «пре-

дательством в тылу». Казачья газета глубоко возмущалась тем, что «великое дело, творимое на фронте, губят «рвачи», рассматривающие борьбу с большевизмом исключительно с точки зрения личного обогащения». При этом, для примера, указывалось, что губернатором Тамбовской губ. уже назначен некто Лопухин, известный только тем, что он ставленник кадетской партии и крупный помещик. «Крестьяне Тамбовской губ, никогда, конечно, не поверят, что Тамбовский помещик будет защищать их интересы, а не свои собственные и своего класса», писала кубанская газета («Вольная Кубань», 10 июля 1919 г.).

Уже за границей ген. Деникин писал: «Таким образом, вся обстановка, создавшаяся на Юге России в 1919 г., психология общественности, соотношение сил и влияний решительно не способствовали проведению в жизнь в молниеносном революционном порядке радикальной аграрной реформы» (4, 225). Таким образом, белое движение не только не разрешило земельного вопроса, но своею политикой в земельном деле бесконечно озлобляло население, чем в значительной мере содействовало успехам большевиков, сводя на нет все колосальные усилия казачьих войск.

Не лучше обстояло дело и с политикою ген. Деникина в рабочем вопросе. Как свидетельствует один из исследователей событий того времени, командование Добровольческой армии произвело разгром рабочих организаций. «На происходившем 1-3 августа 1919 г. в Харькове с'езде профессиональных союзов Юга России развернулась потрясающая картина положения рабочего класса. Разрушение профессиональных организаций, убийства профессиональных рабочих деятелей, запрещение рабочей печати и стачек, конфискация профессиональных касс и имущества, уничтожение всех политических профессиональных свобод. Словом, был установлен полный разгром рабочих союзов» (Г. Покровский. Деникинщина. 1923. Берлин, стр. 88).

Проф. Соколов, этот один из творцов белого русского движения, тоже говорит, что «с рабочими дело обстояло у нас в корне безнадежно. Рабочих, как обывателей, мы не могли удовлетворить так же, как и все

прочие разряды обывателей, просто благодаря нашему бессилию «наладить» жизнь. Рабочие же организованные и «политизированные» были принципиально нам враждебны» (стр. 186).

Еще хуже обстояло дело с национальным вопросом.

Как видим, белое движение, возглавляемое Деникиным, не сумело разрешить самых больших и больных вопросов — земельного, рабочего, национального и вопроса управления. Больше того, мероприятия белой власти именно в этих, так близких для населения, вопросах сводились к реставрации до-революционных отношений и потому вызывали всеобщее возмущение и даже открытые восстания среди того самого населения, из которого белые вожди хотели создавать антибольшевицкую армию.

На Кавказе и на Украине на усмирение антиденикинских народных восстаний Деникин посылал казачьи части и этим не только обессиливал антибольшевицкий фронт, но сеял среди населения ненависть к казакам.

В общем же белое движение было беспрограммно, занималось только возвращением худших сторон дореволюционных порядков и губило все героические усилия казачьих армий на антибольшевицком фронте.

Выше мы привели утверждение профессора ген. Головина о том, что «в современную эпоху вести войну, непопулярную в массах, есть предприятие безнадежное». Русские белые вожди вели именно такую непопулярную в массах войну. И неудивительно, что председатель Кубанской Краевой Рады Н. С. Рябовол, за несколько часов до своей смерти от рук белых русских, заявил: ...«У нас еще есть чувство страха, что в одну прекрасную минуту вся эта работа, которую ведут наши казачьи доблестные войска, может рухнуть; а как фронты могут рухнуть, вы это знаете. Завоеванное годами и месяцами, может быть уничтожено в один момент».

Кто же был прав: те ли казачьи вожди, которые подчиняли казаков русским генералам, или те, которые боролись против такого подчинения и стремились создать самостоятельную казачью государственность?

КАЗАКИ ВЗЯЛИ ЦАРИЦЫН

(Схема 3).

Царицын являлся значительным центром Юго-Востока. Будучи расположен в центре между донским углем, южным хлебом, северным лесом, уральским металлом, туркестанским хлопком и бакинской нефтью, — Царицын был мощным транзитным узлом Казачьих Земель. Главные отрасли промышленности, получившие развитие в Царицыне, были металлургическое и лесное производства. На всех промышленных предприятиях г. Царицына до начала большевицкой войны работало около 30 тысяч человек. Расположенный географически необычайно счастливо там, где западное колено низовьев Волги подходит всего на 60-65 вер. к восточному колену р. Дона, г. Царицын являлся крупным узлом водных и железнодорожных путей. Обладание Царицыном обеспечивало господство над Нижним Поволжьем, северными берегами Каспийского моря и над движением по Юго-Восточной, Донецкой и Владикавказской железным дорогам (Л. Клюев — быв. командующий 10-й советской армией, защищавшей Царицын, генерального штаба офицер. Борьба за Царицын. Москва. 1928).

Еще первый после революции 1917 г. Донской Атаман ген. Каледин, 17-го декабря 1917 г. на Донском Кругу заявил, что казачий Дон должен захватить и присоединить к себе Царицын. Так же смотрел на г. Царицын ген. Краснов, почему уже в конце июня 1918 г. для взятия Царицына были отправлены войска полковника Мамонтова с юго-запада и запада, а войска полк. Фицхелаурова с северо-запада. Однако, благодаря многим причинам, донские казаки взять Царицына тогда не смогли.

Собравшийся в августе 1918 г. Большой Войсковой Круг приказал войскам занять Царицын. После этого донские войска полк. Мамонтова снова осаждали Царицын в сентябре - октябре 1918 г. и снова безуспешно. В это время красные защищали Царицын большим количеством войск, в распоряжении коих бы-

ло 13 бронепоездов, множество артиллерии и пулеметов.

В декабре 1918 г. и в январе 1919 г. Донская армия вновь осаждала Царицын и снова безуспешно («Трагедия Казачества», ч. 2).

И наконец, четвертое наступление на г. Царицын совершила теперь уже Кавказская (Кубанская) армия в мае 1919 г.. И в это время Царицын попрежнему защищала 10-я советская армия. Левым флангом эта армия упиралась в р. Волгу, а правым — в р. Дон. И на Волге и на Дону действовали красные речные флотилии. Особое значение в обороне Царицына имели железнодорожные пути, опоясывающие Царицын по правому берегу р. Волги в виде овала общим протяжением около 40 верст. Отходящие от Царицына три железнодорожные линии и этот овал давали возможность красным организовать впереди овала заградительную зону на 15-20 верст глубины во все стороны, обстреливая промежутки между железнодорожными магистралями и р. Волгой перекрестным огнем с бронепоездов. Кроме того, для непосредственной обороны г. Царицына были построены окопы с проволочными заграждениями, по высотам к 2-3 верстах западнее участка желез. дороги Гумрак-Воропоново и далее через Песчанку на Эльшанка, в общем впереди железнодорожного овала. Севернее Гумрака на высоте 496 был создан редут. Вторая линия окопов, с проволочными заграждениями, была построена вдоль западной и южной окраин города (цитированная выше работа Л. Клюева, стр. 42-43).

Мы уже отметили (см. конец ч. 2 «Траг. Казач.»), что командующий Кавказской армией ген. Врангель хотел взять сильно укрепленный Царицын с налета в самом конце мая 1919 г.. Это безумное предприятие привело только к колоссальным, бесцельным жертвам в Кубанских казачьих войсковых частях. Подготовка к новой атаке царицынских укрепленных позиций заняла свыше 10-ти дней.

В июне 1919 г. 10-я сов. армия, защищавшая г. Царицын, состояла из 32-й, 37-й, 38-й, 39-й стрелковых дивизий, 4-й конной дивизии Буденного, 6-й конной дивизии Апонасенко, отдельной бригады Жлобы,

4-х запасных батальонов и т. д., в общем в 16.500 штыков, 6.500 сабель, при 134 орудиях, 626 пулеметах, 7 бронепоездах, 8 бронемашинах, 6 авиационных отрядах, 2 воздухоотрядах и весьма сильной речной флотилии (Клюев, цит. книга, стр. 44-47). Для сравнения отметим, что быв. командующий Кавказской армией силы 10-й совет. армии к 10 июня 1919 г. определяет в 16.000 штыков, 5.000 шашек, при 119 орудиях, 6 бронепоездах и 4-х дивизионах речной флотилии (Врангель. Записки, т. 1, стр. 158). Нужно сказать, что ко времени генерального боя за обладание Царицыном в июне красное командование усилило Волжскую речную флотилию отрядом судов из Астрахани.

В июне того же года Кавказская армия состояла: а) из 1-го конного корпуса ген. Покровского, в составе 1-й Кубанской и 2-й Терской дивизий; б) 4-го корпуса ген. Шатилова, в составе 1-й конной и Сводно-горской дивизий, и в) 2-го Кубанского корпуса ген. Улагая, в составе 2-й и 3-й Кубанских дивизий и 3-й Кубанской пластунской бригады.*) 1-й корпус занимал участок Качалинская-Карповка, 4-й и 2-й корпуса занимали участок между Карповкой и р. Волгой. После 9-го июня Кавказская армия была усилена 7-й пешей дивизией и дивизионом танков. Кроме того, в армии находился дивизион бронемашин.

К северу от Кавказской армии, на участке Качалинская — Кременская, действовал 1-й Донской корпус полковника Мамонтова. Около 7-го июня этот корпус вышел на линию железной дороги Поворино-Царицын, в районе Арчеда-Липки, потом перешел р. Иловлю и, быстро продвигаясь далее на восток и на ю.-восток, один из конных полков 1-го Дон. корпуса 11-го июня ворвался в посад Дубовку на р. Волге, отрезав 10-ю сов. армию с севера. Это обстоятельство принудило командующего 10-й красной армией Клюева взять из-под Царицына 4-ю и 6-ю конные дивизии, об'единить их в конный корпус под командой Буденного и бросить на север от Царицына с задачей очистить от Донских войск район между реками Вол-

---

*) В состав Кавказской армии входила еще и 4 Кубанская конная дивизия.

гой и Иловлей. Эта оттяжка корпуса Буденного на север от Царицына значительно облегчила задачу Кавказской армии при ее непосредственных действиях против этого большевицкого гнезда на Волге (Клюев, цит. книга, стр. 56-59).

Ген. Врангель решил нанести с юга главный удар на царицынские укрепленные позиции, для каковой цели предназначил ударную группу войск в составе 2-го и 4-го корпусов и 7-й пехот. дивизии, придав к этой группе 4 танка, 6 бронемашин и 4 бронепоезда. 1-й корпус ген. Покровского должен был наступать с запада на Россошинский — Гумрак, дабы обойти Царицын с севера. Начало наступления было назначено на 16 июня (Врангель, т. 1, стр. 157).

Как сообщает быв. командующий 10-й сов. армией Л. Клюев, 15-го июня от перебежчика красное командование узнало о директиве Врангеля начать атаку именно с юга на рассвете 16-го июня. Это дало возможность Клюеву принять соответствующие меры.

Бой за обладание Царицыном 16 июня отличался небывалым упорством с обеих сторон. Все же 10-я сов. армия была разбита и отступила на север по правому берегу Волги. 17-го июня Кавказская армия заняла Царицын, а 18-го командующий этой армией издал следующий приказ:

«Славные войска Кавказской армии! 8-го мая под станицей Великокняжеской вы разбили противника и погнали его к Царицыну. С тех пор, в течение сорока дней, не зная отдыха, вы гнали врага. Ни безводье Калмыцких степей, ни палящий зной, ни отчаянное сопротивление врага, к которому беспрерывно подходили подкрепления, не могли остановить вас. В ряде жестоких боев вы разбили 10-ю и подошедшую 11-ю армии противника и, подойдя к Волге, ворвались в логовище врага — Царицын... За эти 40 дней, противник потерял 40.000 пленных, 70 орудий, 300 пулеметов; его бронепоезда, броневики и другая военная добыча попали в ваши руки. Ура вам, храбрецы, непобедимые орлы Кавказской армии! Слава о новых подвигах ваших пронесется как гром, и весть о ваших победах в родных станицах, селах и аулах заставит

забиться гордостью сердца ваших отцов, жен и сыновей. Генерал Врангель.».

Надо подчеркнуть то обстоятельство, что рядом с казачьими дивизиями под Царицыном весьма самоотверженно и успешно действовали аэропланы под командой доблестного и смелого кубанского казака полк. Ткачева.

Подводя общие итоги Царицынской операции, следует отметить, 1) что взять Царицын удалось только благодаря совместным действиям против 10-й советской армии Кавказской армии, усиленной 7-й пешей дивизией, танками и бронемашинами, и 1-го Донского корпуса, проявившими действительно чудеса храбрости и упорства в боях; 2) что во время всей этой операции Кавказская армия понесла весьма и весьма большие потери в живой силе и вообще была измотана до крайних пределов и 3) что 10-я сов. армия, хотя и понесла огромные потери в людях и в материальной части, но все же сумела выйти из полного окружения, в котором она находилась после захвата донцами Дубовки на р. Волге, и после потери Царицына представляла из себя еще боевую силу, способную отражать натиск Кавказской армии и 1-го Донского корпуса.

«МОСКОВСКАЯ ДИРЕКТИВА» ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА

(Схема 4).

Взятием Царицына завершился полугодовой период упорнейшей борьбы между казаками и силами красных. Как известно, Москва к декабрю 1918 г. на завоевании Казачьих Земель бросила огромные силы, которые в упорных боях с казаками на Северном Кавказе и на Дону потерпели поражение. После падения Царицына фланги казачьего фронта упирались в р. Волгу и в р. Днепр, поднимаясь к Новому Осколку, к станции Лискам и к г. Балашову.

Вожди русского белого движения поспешили воспользоваться создавшимся положением. Донской Атаман ген. Богаевский после взятия казаками Царицына послал ген. Деникину следующую телеграмму:

«От имени Войска Донского приношу Вам горячее поздравление со взятием Царицына доблестными войсками Кавказской армии. Глубоко верю, что ныне пал последний важный оплот большевизма на путях к Москве и к соединению с адмиралом Колчаком, а с ним и к восстановлению великой родины нашей уже нет серьезных преград. Атаман ген. Богаевский».

Примерно так оценивала эту большую казачью победу вся русская белая общественность. Формулировку этого всеобщего настроения должен был дать глава русского белого движения на Юге ген. Деникин. Ген. Деникин, со своим начальником штаба ген. Романовским прибыл в г. Царицын и 20-го июня 1919 г. дал войскам следующую директиву:

«Вооруженные силы Юга России, разбив армии противника, овладели Царицыном, очистили Донскую область, Крым и значительную часть губерний Воронежской, Екатеринославской и Харьковской.

Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, **приказываю:**

1. Генералу Врангелю (Кавказской армии) выйти на фронт Саратов-Ртищево-Балашов, сменить на этих направлениях Донские части и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее Нижний-Новгород, Владимир и Москву.

Теперь же отправить отряды для связи с Уральской армией и для очищения нижнего плеса Волги.

2. Генералу Сидорину — правым крылом, до выхода войск генерала Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин — Балашов. Остальным частям (Донской армии) развивать удар на Москву в направлениях: а) Воронеж, Козлов, Рязань и б) Новый Оскол, Елец, Кашира.

3. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении: Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав — Брянск.

4. Генералу Добровольскому выйти на Днепр от Александровска до устья, имея в виду в дальнейшем занятие Херсона и Николаева.

5. Генералу Тяжельникову (командующий войска-

ми Черноморской области) и Эрдели продолжать выполнение ранее поставленных задач.

6. Черноморскому флоту содействовать выполнению боевых задач генералов Тяжельникова и Добровольского и блокировать порт Одессу.

7. Разграничительные линии: а) между группой генерала Эрдели и Кавказской армией — прежняя; б) между Кавказской и Донской армиями — Калач, граница Донской области, Балашов, Тамбов, Моршанск, все пункты для Донской армии; в) между Донской и Добровольческой армиями — Славяносербск, Старобельск, Валуйки, Короча, Щигры, Верховье, Узловая, Кашира — все пункты для Донской армии; г) между Добровольческой армией и 3 корпусом — северная граница Таврической губернии — Александровск.

8. Железная дорога Царицын — Поворино — Балашов предоставляется в общее пользование Кавказской и Донской армиям.

10. О получении донести.

Царицын, 20 июня 1919 года. № 08878.

Генерал-Лейтенант **Деникин.»**

Если все пункты, названные в этой директиве, найдем на карте, увидим, что Кавказская армия, согласно директиве, должна была очистить от большевицких войск нижнее течение Волги, всю Саратовскую, Пензенскую, Симбирскую, часть Казанской и Нижегородской, и всю Владимирскую губернию; очевидно, та же Кавказская армия должна была принять на себя удары красных армий Восточного фронта, которые московское советское командование, отбросив Колчака за Уральские горы, теперь могло перебросить на Южный фронт. Донская армия, согласно той же директиве, должна была освободить от советских войск всю Воронежскую, Тамбовскую и Рязанскую губернии и часть Курской, Орловской и Тульской губерний.

Добровольческая армия должна была наступать на Москву по сравнительно узкой полосе между Донской армией и р. Десной. При чем в эту армию уже входили: 1-я Терская конная дивизия, во время издания директивы № 08878 действовавшая в западной части Харьковской и в Полтавской губерниях, южнее этой

дивизии действовала 2-я Кубанская пластунская бригада в районе Константиноград — Полтава; еще южнее — 1-я Кавказская Кубанская конная дивизия — к западу от Екатеринослава; на нижнем Днепре также находились Лабинский и Черноморский кубанские конные полки и 42-й Донской конный полк. Хотя Деникин и собирался передать в Кавказскую армию 2-ю Куб. пластунскую бригаду, но делал это при условии, что из этой армии возьмет в Добровольческую 2-ю Терскую казачью конную дивизию, Терскую пластунскую бригаду, Осетинские конный полк и батальон (Врангель. Записки, т. 1, стр. 162).

Как видим, этой директивой приказывалось казакам: 1) очистить все Поволжье от Каспийского моря до Костромской и Ярославской губерний, 2) всю операцию на Москву прикрыть со стороны восточных советских армий, действовавших против адмирала Колчака и разбивших его, 3) очистить от советских войск обширные земли между Поволжьем и почти до самой железной дороги Харьков — Курск — Орел — Тула — Москва, 4) действовать на длинном участке западного фронта на Украине, прикрывая Добровольческую армию со стороны красных войск, отступавших за р. Днепр (схема 4).

«Московская директива» ген. Деникина, надо полагать, давалась армиям после самой всесторонней оценки политического настроения казачьих масс населения и казачьих армий, после оценки настроения населения Украины и Великороссии, после оценки своих военных сил и возможностей, а так же сил и возможностей противника, после учета военно-географических условий театра предстоящих грандиозных боевых операций, состояния путей сообщения, экономического положения страны, фактического отношения к «белым» Англии и других государств, бывших источником получения необходимых запасов вооружения, санитарного имущества, медикаментов и т. д. Учтя все это, русские вожди возложили на казаков не менее трех четвертей всей огромной тяжести выполнения задач, поставленных этой директивой...

Мы уже останавливались на возможно об'ективной характеристике государственных и социально-по-

литических стремлений Казачества, с одной стороны, и русского белого движения, с другой, а так же останавливались и на характеристике взаимоотношений Казачества и русских сил антибольшевицкого фронта. На основании всего выше изложенного можно сказать, что казачья масса совершенно не хотела бороться ни за единую неделимую белую Россию, ни за те порядки, которые насаждало русское белое движение. Казаки весьма упорно боролись только за свою казачью государственность, за свою землю, за казачью волю...

Выше мы также говорили и об отношении к русскому белому движению со стороны русской крестьянской массы и рабочих. И для этих групп уже русского населения Деникинский поход на Москву не только ничего доброго не предвещал, но был явным предвестником возвращения старых царских порядков и помещиков.

На какие же силы собирались опереться русские белые вожди, об'являя «Московскую директиву»?

При дальнейшем изложении мы остановимся на разборе тех событий на фронте и в тылу, которые были связаны с проведением в жизнь этой директивы. Сейчас только отметим отношение к ней со стороны ближайших сотрудников ген. Деникина. Генерал Врангель по этому поводу говорит следующее:

«Директива эта, получившая впоследствии название «Московской», являлась одновременно смертным приговором армиям Юга России. Все принципы стратегии предавались забвению. Выбор одного главного направления, сосредоточение на этом направлении главной массы сил, маневр, — все это отсутствовало. Каждому корпусу просто указывали маршрут на Москву. Прослушав директиву, мы с генералом Юзефовичем буквально остолбенели. Сам генерал Деникин был «Московской директивой», видимо, очень доволен. Закончив чтение, он весело добавил: — «Да, вот как мы стали шагать! Для этой директивы мне пришлось взять стоверстную карту». Мне и поныне непонятно, как мог выйти этот документ из под пера Деникина», говорит Врангель уже за границей при составлении своих «Записок» в 1922 г. (т. 1, стр. 161-162).

Командующий Донской армией ген. Сидорин, хотя и об'являл Деникину преданность всех чинов Донской армии, но тем не менее, как свидетельствует Г. Раковский, «восставал против быстрого продвижения на Москву... Он неоднократно предупреждал Деникина, посылая ему телеграммы, в которых указывал, что нам нужно в первую очередь заняться огромной работой по подготовке тыла к дальнейшему наступлению, что нужно отвести наши слабые, зарвавшиеся вперед войска на юг, пожертвовав даже Харьковом» (Г. Раковский. В стане белых, стр. 2).

Необходимо признать, также и то, что в то время у Казачества не нашлось военных вождей, которые взяли бы в свои руки руководство боевыми силами казаков в полном соответствии с интересами только Казачьих Земель. Выборные Войсковые Атаманы Дона, Терека и Кубани всецело поддерживали мысль о необходимости «похода на Москву». А между тем именно на выборных казачьих Атаманах и назначенных ими военных министрах лежала прямая обязанность организовать всего лишь защиту Казачьих Земель по примеру того, как это сделали бывшие «подданные русского царя» Финны, Эстонцы, Латыши, Литовцы и Поляки.

Раз Казачество связалось с русскими белыми, раз оно не разрывало этой связи и оставляло в руках русского генерала командование казачьими вооруженными силами, оно, колеблясь между казачьей государственной самостоятельностью и Россией, принуждено было дорогою ценою платить за этот неестественный союз, за свою политическую «молодость»...

КОНТР-МЕРЫ КРАСНОЙ МОСКВЫ

Выше мы отмечали уже несколько раз ту большую тревогу, которая охватывала красное командование и вождей советской России при одной мысли о возможности соединения и об'единения Южного и Восточного антибольшевицких фронтов. Особенно этот страх усилился во время подхода Кавказской армии к г. Царицыну в конце мая 1919 г., подхода, совпавшего с успехами Яицких и Оренбургских казаков.

Взятие казаками г. Царицына 16-17 июня 1919г. вызвало среди белых русских такую радость и такие большие надежды, что Деникин в самом Царицыне поспешил дать войскам Южного фронта известную уже «Московскую директиву». То же падение Царицына принудило красный русский штаб принять свои меры для обеспечения дальнейших успехов советского оружия. 19-го июня главнокомандующий всеми вооруженными силами красной России генер. штаба полковник Вацетис обратился к командующему Восточным красным фронтом генер. штаба полковнику Каменеву с телеграммой, в которой обращал внимание на то, что «в связи с падением Царицына возникает угроза для тыла правого фланга Восточного фронта, так как противник (казаки), перебросив часть своих сил на восточный берег Волги, может начать наступление на Урбах-Саратов и установить общий фронт между войсками Деникина и Уральского (Яицкого) и Оренбургского казачества». В виду этой угрозы предлагалось Каменеву усилить свой правый фланг (Н. Какурин. Как сражалась революция. Москва. 1926. Том 2, стр. 275).

«На эту телеграмму командвост (Каменев) сообщил свои предположения о сосредоточении из сил Восточного фронта в районе Саратов-Аткарск и в окрестностях Пензы одной стрелковой дивизии, а на левом берегу Волги двух дивизий в таком районе, откуда ими можно было нанести удар во фланг и тыл противнику, продвигающемуся на север, с одновременным ударом с севера группой, сосредоточенной в районе Саратов-Аткарск. На эти перегруппировки требовалось до трех недель времени», говорит Н. Какурин (там же, стр. 276).

Как мы знаем, 20-го июня ген. Деникин дал войскам «Московскую директиву», приказав Кавказской армии выйти на линию Саратов-Ртищево-Балашов и далее на Пензу, Рузаевку и т. д. (см. схему 4), а на другой день, 21-го июня, красное командование категорически потребовало от командующего Восточным фронтом полк. Каменева «принять все меры к обеспечению тыла Восточного фронта на правом берегу Волги и железнодорожной линии Саратов-Кирсанов,

обратив главное внимание на оборону железно-дорожных узлов Аткарск-Ртищево» (там же, 276). И в этом случае мы должны отметить просто поразительное совпадение распоряжений белого и красного русских штабов: 20-го июня ген. Деникин ставит ближайшей целью для Кавказской казачьей армии выход на линию Саратов — Ртищево — Балашов, а 21-го июня красное командование приказывает принять срочные меры для удержания линии Саратов — Ртищево — Кирсанов, т. е. в директивах белого и красного русского командования идет речь буквально об одном и том же объекте военных действий. Небольшая разница в том, что Деникин для занятия Кавказской армии указывал сильно ломанную линию Саратов-Ртищево-Балашов, а большевики эту линию выпрямляли на Саратов — Кирсанов. Более существенная разница заключалась в том, что белые русские посылали именно казаков добывать те города, которые стремилась удержать в своих руках настоящая, красная Россия.

Разгромив армии адмирала Колчака, красная Россия решила покончить с казаками Оренбургского и Яицкого Войск, а также с Донским, Кубанским, Астраханским и Терским Войсками. Уже 23 июня красный главнокомандующий Вацетис разработал план наступления на Южном фронте. Предполагалось на этом фронте сосредоточить до 150.000 штыков и сабель и более 500 орудий. Начало наступления намечалось на 19-28 июля. Решительный удар должны были наносить 8-я, 13-я и 14-я армии через восточную Украину и Донбасс на Новочеркасск — столицу Дона. Вспомогательный удар наносили 9-я и 10-я сов. армии с Волги, при чем 10-я красная армия должна была отрезать казакам возможность отступления на Северный Кавказ. Излагая этот план, бывший командующий 10-й сов. армией на Маныче весною 1919 г., позже — командующий 14-й армией, а с осени 1919 г. и всеми красными армиями Южного большевицкого фронта, ген. штаба полк. А. И. Егоров, подчеркивает следующее: «Точных данных о группировке главных сил Деникина не имелось, равно как и неизвестен был окончательно принятый ген. Деникиным план» (Егоров. Разгром Деникина, стр. 107-108). Деникин издал свою

«Московскую директиву» 20-го июня, Вацетис разработал свой план уже 23 того же июня; через 11 лет после этого Егоров считает нужным подчеркнуть, что через два дня после издания директивы Деникина она еще не была известна в Москве.

9-го июля 1919 г. красный главком Вацетис был заменен быв. командующим Восточным фронтом полк. Каменевым, а на место командующего Южным красным фронтом Гиттиса был назначен генер. штаба генерал Егорьев. Как видим, спасать красную Россию взялись русские офицеры генерального штаба — Каменев и Егорьев.

Эти русские офицеры пришли на такие высокие посты, очевидно, имея уже готовые планы операций красных армий на Южном фронте. 9-го июля полк. Каменев был назначен на пост главнокомандующего всеми красными русскими армиями, а на другой день, 10-го июля, он уже своей директивой указывал Южному советскому фронту следующие задачи: а) разгромить противника, б) главный удар должны нанести с р. Волги 10-я и 9-я сов. армии, об'единенные под командой Шорина, в) более короткий удар на Воронежском направлении наносила 8-я советская армия.

11-го июля командующий Южным большевицким фронтом Егорьев послал на утверждение Каменеву следующий план: а) основная цель: разбить Деникина, б) все прибывающие на усиление части направить в район Новохоперск — Камышин и с линии Ртищево-Аткарск-Камышин начать наступление, в) с занятием района рек Хопра и Дона до Царицына предполагалось наступать в трех направлениях: Царицын-Лихая, Царицын - Константиновская, Царицын - Великокняжеская г) демонстративное наступление 14-й армии к линии Чаплино-Лозовая (Егоров, цит. его работа, стр. 107-109). К 1-му августа организовывалась вспомогательная ударная группа красных войск генерала Селивачева для наступления между Воронежом и Курском.

Если сравнить «Московскую директиву» ген. Деникина с директивой Каменева-Егорьева, увидим, что белые русские офицеры генер. штаба Деникин-Романовский возлагали, главным образом, на казачьи силы завоевание Москвы (схема 4), тогда как русские крас-

ные офицеры генер. штаба Каменев и Егорьев главный и вспомогательный удары красных русских войск направляли против казаков — на Кавказскую и Донскую армии. Белые русские собирались казачьими силами разбить красные армии России, а красные русские, разбивая казачьи вооруженные силы, этим самым думали разбить русских белых.

В то же время на Восточном фронте красная Россия, разгромив Колчака, набросилась на Оренбургское и Яицкое казачьи Войска. Разные фронты, различная военно-стратегическая обстановка, но суть одна и та же на Востоке и на Юге: казаки гибли, по доброй или недоброй воле, попав между силами красной и белой России. Это отношение России к казакам нашло свое яркое выражение в директивах Деникина-Романовского и Каменева-Егорьева.

Для усиления 10-й, 9-й и 8-й советских армий, предназначенных для нанесения главного и вспомогательного ударов против казачьих армий, красное командование спешно перебрасывало войска с Восточного фронта и приказало в кратчайший срок, не позже 18-го июля, сформировать на средней Волге еще шесть бригад общей численностью до 40 тысяч человек; кроме того приказано было сформировать по одной бригаде с артиллерией в Камышине, Воронеже, Тамбове и Курске для непосредственной их защиты (Какурин. Как сражалась революция, стр. 250).

Весьма большое внимание было уделено и политической подготовке красных войск и населения. В этом месте следует отметить кипучую работу «военного министра» сов. России Льва Троцкого. 2-го июля он писал войскам:

...«Дела наши на Востоке идут прекрасно. Красные войска неутомимо преследуют разбитые, расстроенные, запуганные колчаковские банды... На Юге победы еще нет. Мы только задержали наступление противника. Но это уже великое дело. Во-первых, это показывает, что Деникин израсходовал свои силы и выдохся. Во-вторых, это дает нам возможность подтянуть подкрепления, снабдить и укомплектовать расстроенные части, воссоздать могучий фронт. Руководящие работники южного фронта: Комиссары, коман-

диры, сознательные красноармейцы! Не теряйте ни одного часа... Десятки тысяч пополнения необходимо воспитать, дисциплинировать, превратить в хороших солдат. Южный фронт должен равняться по восточному... Солнце восходит на Востоке, а к полудню поднимается на Юге. Так и победа наша. Она взошла на восточном фронте, а в ближайшие недели солнце победы высоко поднимется над южным фронтом и осветит наши красные знамена в Ростове, Новочеркасске и Екатеринодаре» (Троцкий. Как вооружалась революция, т. 2, кн. 1, стр. 227).

5-го июля Троцкий издал приказ, в котором говорилось: ...«Щадите пленных даже если это заведомые негодяи... Приказываю: пленных ни в коем случае не расстреливать, а направлять в тыл по указанию ближайшего командования. Командирам и комиссарам строжайше следить за выполнением этого приказа»... (там же, стр. 235).

8-го июля появился новый приказ, говоривший о том, что семьи красноармейцев обеспечиваются пайком, что местные советы обязаны приходить на помощь семьям красноармейцев в деле обработки полей. А 19-го июля Троцкий в приказе говорил о недопустимости брать силой у населения различные предметы, нужные для армии...

Вместе с тем обращалось внимание на улучшение положения офицеров в красной армии. По этому поводу Троцкий писал:... «Из среды старого кадрового офицерства тысячи и десятки тысяч честно и мужественно борются в рядах трудового народа. Это все те, которые отказались продавать кровь русских рабочих и крестьян сперва немецкому кайзеру, потом англо-французской и американской бирже. На всех ступенях военной организации, на фронте и в тылу работают эти лучшие представители старого кадрового офицерства и пользуются заслуженным доверием и уважением красной армии и всей советской страны»... (Там же, стр. 91).

Предпринятые в красной России шаги для подготовки войск для удара против казаков в общем могут быть характеризованы так: «Массовые мобилизации нескольких возрастов (в некоторых районах число

возрастных контингентов мобилизованных в этот момент доходило до 15-ти), мобилизации на фронте партийных и профсоюзных работников, поступление в армию добровольцев из рабочих и крестьян как массовое явление — все это было резким и ярким показателем революционной сплоченности пролетариата и трудового крестьянства под угрозой нависшей опасности», говорит Егоров (цит. его работа, стр. 104).

Подавляющее большинство русских крестьян и рабочих, большинство русской интеллигенции и офицерства об'единялись для защиты своей территории от нападения «белой России», породившей «Московскую директиву».

В какое положение попадало Казачество, втянутое в эту борьбу красной и белой России, Казачество, не сумевшее организовать защиту своих Земель от посягательств всякой России, увидим подробнее ниже (хотя достаточно мы это видели уже и выше).

КАМЫШИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

(Схема 5-6).

Ближайшей задачей для Кавказской (Кубанской) армии «Московская директива» ставила: а) выход на фронт Саратов-Ртищево-Балашов, б) очищение нижнего плеса Волги и в) установление связи с Яицкой армией. По мнению авторов этой директивы — генералов Деникина и Романовского достижение этих задач, очевидно, не представляло сколько-нибудь значительных трудностей. Между тем выход на указанный фронт означал необходимость осуществления полного разгрома 10-й сов. армии и всех пополнений, которые были направлены в эту армию с Восточного фронта и из Великороссии; означало преодоление свыше 320 верст сильно пересеченной, гористой местности правого берега Волги от Царицына до Саратова, где, за отсутствием мередиональных железных дорог, можно было пользоваться только обыкновенными грунтовыми дорогами для подвоза всего необходимого для армии; означал выход на тылы 4-й красной армии, действовавшей против Яицкого Войска и базировавшейся на железную дорогу Уральск-Саратов.

Установление крепкой связи с Яицким Войском для Кавказской армии означало необходимость овладения всем левым берегом р. Волги и линией железной дороги Саратов-Урбах-Астрахань, дороги, удаленной от Царицына более чем на 150 верст. В общем же Кавказская армия в ближайшее время должна была освободить от большевицких войск площадь земель большую площади всей Кубани; освободить то самое Поволжье, для удержания которого в своих руках столько усилий и забот прилагало красное русское командование.

Эта большая и трудная задача возлагалась на армию, которая была измучена и обескровлена беспрерывными боями, начиная с р. Маныча и кончая взятием г. Царицына. Врангель говорит, что в день издания «Московской директивы» он, Врангель, «доложил Главнокомандующему о том, что части мои (Кавказской армии) после тяжелого трехсотверстного похода по пустыне и сорокадневных боев окончательно истомлены», что армия понесла большие потери в людях и конском составе, который был сильно измотан; за беспрерывными боями ковка совсем запущена; материальная часть, оружие и снаряжение были в далеко не блестящем состоянии. Деникин согласился с доводами Врангеля. Предполагалось дать армии двухнедельный отдых (Врангель. Записки, т. 1, стр. 162).

19-го июня 1919 г. Врангель приостановил дальнейшее преследование разбитой под г. Царицыном 10-й сов. армии, выслав для «соприкосновения» с ней небольшие конные части.

Бывший командующий 10-й сов. армией во время Царицынских и Камышинских боев, Клюев, признает, что под Царицыном 10-я армия потеряла одну треть пехоты; что после оставления Царицына «состояние частей 10-й красной армии было таково, что вполне боеспособной частью являлся только конный корпус Буденного, из стрелковых же частей лишь 37 и 38 были относительно боеспособны; наименее боеспособными являлись 39 и 32 дивизии, от которых остались лишь небольшие кадры (Л. Клюев. Камышинская операция 10-й красной армии. Июль 1919 г. Москва. 1928. Стр. 5-6). Чтобы яснее стал для нас вопрос о

потерях 10-й армии под Царицыном, отметим, что 39 стрелковая красная дивизия перед началом боев за Царицын имела 4.200 штыков и 400 сабель при 18 орудиях и 108 пулеметах (Л. Клюев. Царицынская операция, стр. 45), а после Царицына от этой дивизии остались, по свидетельству того же Клюева, лишь небольшие кадры.

Понеся такие большие потери в боях с казаками под Царицыном, 10-я армия быстро отступала на север по правому берегу р. Волги, упираясь левым флангом в эту реку, где действовала сильная красная флотилия, а правый фланг защищался конным корпусом Буденного. Увидя, что Кавказская армия прекратила преследование, командующий 10-й армией Клюев приказал ей к 23 июня занять высоты от Быково на р. Волге и далее по линии Варкин-Щепкин-Липовка-Ежовка-Забурунова, последняя на р. Иловле. Для обеспечения занятой линии по обеим берегам р. Иловли, в районе Николаевка-Гусевка-Ягодная (Таловка) располагался корпус Буденного, оттеснивший из этого района 9-ю и 10-ю Донские конные бригады и 3-ю Донскую пластунскую бригаду, входившие в состав 1-го Донского корпуса (схема 5-6).

Наступившее недолгое затишье на фронте красное командование использовало как нельзя лучше: немедленно было приступлено к укреплению позиций красных войск, к приведению частей в порядок, к усиленному их пополнению и т. д. Были приняты меры к соединению правого фланга 10-й армии с левым флангом 9-й сов. армии, отброшенной донцами на р. Терсу. Вследствие этого 10-я армия растянула свой фронт от Быково на Волге до Красного Яра на р. Медведице.

Согласившись на отдых Кавказской армии 20-го июня, ген. Деникин все же распорядился не задерживать переправы тех частей, которые предназначены были для действий на левом берегу Волги. 21-23 июня туда переправилась 3-я Кубанская конная дивизия и начала быстро продвигаться на восток по линии Средне-Ахтубинское — г. Царев (Схема 3).

Однако, Кавказской армии не пришлось воспользоваться обещанным отдыхом: 22-го июня Деникин приказал ей перейти в наступление для преследова-

ния 10-й армии в виду того, что 1-й Донской корпус не мог взять г. Камышина только своими силами (Врангель, 1, 163). Выполнение этой задачи ген. Врангель поручил 1-му корпусу Кавказской армии, считая его силы вполне достаточными для преодоления сопротивления 10-й армии красных. Этот корпус ринулся на позиции красной армии между Волгой и Иловлей. На левом фланге 1-го корпуса действовали части 1-го Донского корпуса. Для уяснения вопроса о соотношении сил и создавшегося в то время на Волге положения приведем телеграмму Командующего Кавказской армией на имя командующего Донской армией ген. Сидорина:

«Новочеркасск. Командарм Дон, копия Екатеринодар Наштаглав. Части первого Кубанского корпуса в районе Балаклея встретили упорное сопротивление противника, получившего подкрепления с Восточного фронта. Трехдневные атаки позиции Щепкин-Варкин-Волга не увенчались успехом. В виду этого и для выполнения основной директивы Главкома я выдвигаю сегодня 4-й конный корпус из района Дубовки на фронт Даниловка-Гусевка, каковую перегруппировку желательно произвести под прикрытием частей 1-го Донского корпуса. В дальнейшем, наступая между Волгой и Медведицей, ставлю корпусам задачей разбить Камышинскую группу противника и выйти на линию Красный Яр — Грязнуха. Прошу указать Вашим частям содействовать мне в овладении Красным Яром. С занятием более короткого фронта и выполнением 3-ей Кубанской дивизией, перекинутой на левый берег Волги, ее задачи по связи с Уральцами, я получу возможность сменить Ваши части и на остальном, назначенном мне директивой Главкома участке до Балашова включительно. 28-го июня 1919 г. № 01129. Врангель».

Из этой телеграммы видно: а) что трехдневные бои Кубанцев с разбитой под Царицыном 10-й сов. армией не дали для казаков желательных результатов, 2) что Врангель решил занять Кавказской армией фронт между Волгой и р. Медведицей, но просил Донцов прикрыть выход 4-го корпуса на позиции между р. Иловлей и р. Медведицей, а также просил помочь взять

Красный Яр, и 3) что для преодоления сопротивления 10-й армии нужны последовательные, хорошо продуманные боевые операции. Во всяком случае то, что в директиве Деникина названо простым и легким «выходом на фронт Саратов-Ртищево-Балашов» в действительности было упорной казачье-русской войной.

Быв. командующий 10-й армией тоже отмечает весьма упорные бои корпуса Буденного в районе Гусевки, Николаевки, Забурунова и т. д., как с кубанскими частями Кавказ. армии, так и с донскими частями 1-го Донского корпуса. В то же время шли бои между конной бригадой Жлобы и донцам в районе с. Котово и х. Серина, а так же в районе Романова, Верхне Коробовского (Коробков), Попова, ст. Островской и выше ее на переправах через реку Медведицу и т. д. Усилиями большевицкой конницы красные оттеснили донцов за р. Медведицу на фронте Кр. Яр — Бурлук. (Схема 5-6).

В это время между ген. Врангелем и донским командованием завязался горячий спор из-за 1-го Донского корпуса: ген. Врангель тянул этот корпус ближе к себе, а донское командование, приступив к выполнению «Московской директивы», с 26-го июня начало переброску этого корпуса на северо-восточные границы Земли Войска Донского (см. далее: «Бои на границах России и Дона»).

В то же время ген. Деникин взял из состава Кавказской армии 7-ю пехотную дивизию и направил ее на фронт Добровольческой армии, а также приказал взять из Кавказской армии 2-ю Терскую конную дивизию, Терские казачьи пластунские батальоны и Осетинские конный полк и баталион и направить все эти части тоже в Добровольческую армию, обещая передать в Кавказскую арм. 2-ю Кубанскую пласт. бригаду. Врангель отпустил 7-ю дивизию, приказов же об отправке в Добр. армию других частей просто не исполнял.

К тому же в конце июня 1919 г. Врангель бросил фронт, отправился в Екатеринодар и там этот строевой офицер, хваставшийся своими твердыми требованиями исполнения своих распоряжений, занялся закулисной борьбой против кубанской самостийности (см.

выше: «Новая борьба за Кубанскую армию»), и в то же время удивлялся и возмущался, что кубанцы не выявляют никакого желания идти завоевывать «матушку Москву». Сам Врангель, даже с русской точки зрения, «Московскую директиву» Деникина называл смертным приговором армиям Юга, но в то же время прилагал усилия, чтобы заставить казаков умирать ради проведения в жизнь этой явно безумной генеральской затеи. И в этом деле ему закулисно помогали Кубанский Атаман Филимонов и военный министр Науменко. В этом был весь ужас положения кубанских казаков.

Пока Врангель политиканствовал в Екатеринодаре и вместе с Филимоновым и Науменком проваливал вопрос о Кубанской армии, красное командование вело планомерную и энергичную работу для усиления красных армий Южного фронта вообще и 10-й сов. армии в особенности. В эту последнюю прибыли Симбирский и Казанский крепостные полки, 2-я бригада 2-й стрел. дивизии, бригада 34-й стрел. дивизии, два конных полка и т. д. Была создана Камышинская крепостная бригада. Вследствие всех этих мероприятий красного командования в начале июля 1919 г. 10-я красная армия имела 22.517 штыков, 9489 сабель, при 136 орудиях, 610 пулеметах, 12 самолетах, 2 воздухоотрядах. В ее распоряжении была также и сильная Волжская флотилия (Л. Клюев. Камышинская операция, стр. 11-16).

Кроме того, красным командованием были мобилизованы необходимые силы и средства для укрепления Камышинского района. Основная линия обороны Камышина начиналась у Липовки, что лежит на берегу Волги севернее Камышина, проходила через д. Ельшанка - Вер. Камышинка — высота 627 — д. Поповка-Нижне Сестренка, в общем около 35 верст. На всей этой линии были построены окопы для стрельбы стоя и впереди их проволочные заграждения в три ряда кольев (схема 5-6).

Распоряжение командующего Южным совет. фронтом фронт 10-й сов. армии в конце июня был удлинен до Елани на р. Терсе. В начале июля 1919 г. 10-я красная армия занимала линию Елан-Красный Яр-Бурлук-

ст. Островская-Рыбинское-Быково общим протяжением около 200 верст.

Как говорит быв. командующий этой армией, со 2-го июля начался систематический нажим казаков на расположение 10-й армии по всему фронту. В это время из состава 10-й армии была взята отдельная бригада Жлобы, переброшена в район Елани и передана в распоряжение командующего 9-й сов. армией, получившей задание отобрать у Донцов города Балашов, Борисоглебск и Новохоперск. Тогда же 32 сов. дивизия, в основе своей состоявшая из ставропольцев, снова начала митинговать и отказывалась выполнять боевые приказы красных властей.

После понесенных весною и в июне 1919 г. поражений 8-я, 9-я и 10-я советские армии к июлю того же года значительно пополнились и привели себя в порядок. Для подготовки общего наступления на Южном фронте красному командованию нужен был известный промежуток времени. Чтобы сохранить территорию России от ужасов непосредственных военных действий и прикрыть подготовку ударных групп (см. выше: «Контр-меры красной Москвы»), красное командование приказало всем армиям Южного фронта производить короткие удары против казаков. Исполняя эту общую директиву, красные войска сумели 5-6 июля вырвать из рук донцов города Балашов, Борисоглебск и Новохоперск, несмотря на то, что Донская армия довольно упорно защищала эти пункты.

Создалось такое общее положение на фронте, которое повелительно побуждало антибольшевицкий фронт поспешить с операциями против Камышина, дальнейшее оставление которого в руках красных явно угрожало казачьему фронту большими осложнениями. Боевая обстановка требовала немедленного сокращения фронта, занимаемого Донской армией; фронт этот начинался у г. Корочи Курской губ., проходил примерно через Новый Оскол-Бирюч-Лиски (несколько южнее этого пункта, занятого большевиками) — Бобров-Поворино — южнее Балашова-Елань-Красный Яр, примерно ст. Островская и далее почти к реке Иловле. Надо было и Камышин брать и защищаться

от красных войск на северных границах Донской Земли.

Деникин одним росчерком пера разрешил затянувшийся спор между Донской и Кавказской армиями из-за 1-го Донского корпуса: 8-го июля 1919 г. Деникин приказал этот корпус взять из состава Донской армии и подчинить его ген. Врангелю, при чем, Врангелю было приказано разбить большевиков на линии Камышин-Балашов.

Согласно официальным данным 1-й Донской корпус во время перехода его под командование Врангеля был в следующем составе: 1) 10-я конная бригада Якушева в составе 3-х полков и батареи — около 1700 шашек, 23 пулем. и 2 орудия, 2) 6-я Донская пластунская дивизия Донскова, из 3-ей Пластунской бригады ген. Сутулова в составе трех пластунских полков, одного конного полка и двух батарей, в общем свыше 2000 шт., 1700 шашек при 37 пулеметах, 7 орудиях, и 4-й пластунской бригады в составе трех пластунских полков общей численностью свыше 1700 штыков и 30 пулем. Кроме того, при корпусе находился отряд полк. Голубинцева неопределенного состава, инженерная сотня и шесть самолетов.

После подчинения Врангелю 1-го Донского корпуса, в руках у него оказалось целых четыре казачьих корпуса: 1-й Конный, 2-й Кубанский, 4-й Сводный и 1-й Донской. Посмотрим теперь, каких результатов достиг Врангель этими силами до начала генерального наступления красных армий на Южном фронте.

Чтобы обеспечить движение по р. Волге транспортной флотилии Кавказской армии, в конце июня из состава 1-го Куб. корпуса был переброшен на восточный берег Волги небольшой отряд, который 28-го июня занял Балыклейские хутора (Врангель, 1, 168), а 1-го июля — Быково (схема 5-6). С своей стороны командующий 10-й красной армией усилил свой левобережный отряд. Неожиданной атакой красные разбили наш отряд, захватив при этом 2 орудия, 6 пулеметов и 500 пленных, а также обоз и строевых лошадей (Клюев. Камыш. опер., стр. 32).

В это же время 3-я Кубанская дивизия, переброшенная, как мы знаем, на левый берег Волги после

взятия Царицына, заняла уже г. Царев и раз'езды ее доходили к железной дороге Саратов-Урбах-Астрахань. Словом, эта Кубанская дивизия за сравнительно короткий промежуток времени достигла значительных успехов. Между тем разгром нашего отряда у Балаклейских хуторов создавал угрозу, как для тыла 3-й дивизии, базировавшейся на г. Царицын, так и для 1-го корпуса, действовавшего против г. Камышина. После этого на левый берег р. Волги был послан новый сборный отряд под командой полк. Львова (Врангель, 1, 169).

Прошло уже более трех недель со времени взятия казаками г. Царицына. «Московская директива» поставила перед Кавказской армией такие грандиозные задачи, как освобождение в один прыжок нескольких русских губерний от советской власти, а эта армия все еще стояла перед Камышиным, и 10-я советская армия все еще висела на фланге и тыле Донской, дравшейся с красными армиями много севернее. Надо было во что бы то ни стало взять Камышин. Поэтому было приказано Кавказской армии и 1-му Донскому корпусу перейти в общее наступление против 10-й армии, успевшей, как мы знаем, пополнить свои ряды и укрепить г. Камышин. Генеральное сражение началось с рассветом 12 июля 1919 г. Главный удар наносила Кавказская армия долиной р. Иловли и между Иловлей и Волгой. В первый же день боя была на-голову разбита сильная 38 стрелк. дивизия в районе Липовки-Ежовки-Забурунова; эта дивизия за один день потеряла целиком три полка, две роты и 6 орудий (Клюев, цит. выше его работа, стр. 37-38). По данным Врангеля здесь было захвачено 3.000 пленных (схема 5-6).

В тот же день большая часть сил 4-го сводного корпуса, в состав коего входила и 10-я донская конная бригада, вступила в бой с конницей Буденного между р. Иловлей и р. Медведицей и не дала возможности этому сильному корпусу ударить во фланг и тыл казачьим частям, наступавшим на г. Камышин с юга.

Одновременно с этим части 1-го Донского корпуса повели атаку на правый фланг 10-й армии в районе

Морец, Вязовка, Караишевка и Судачье и принудили большевиков к отступлению.

В получившийся прорыв на фронте 38 стрелковой красной дивизии была пущена казачья конница в обход Камышина с запада; 13-го июля казаки захватили станцию Авилово на желез. дор. Камышин-Балашов и обходила Камышин с севера. Бои приняли весьма упорный характер. Командующий Южным советским фронтом приказал держать Камышин в руках красных какой угодно ценой, держать его хотя бы в течение еще 10-ти дней. Однако, 14 июля казаки заняли Липовку, что к северу от Камышина, и отрезали пути отступления на север для тех большевицких частей, которые сгруппировались в укрепленном Камышинском районе и были отрезаны казаками от других частей 10-й армии, разрезанной на две части после захвата казаками Барановского, Грязнухи, Кукушкина и Ольховки — все у Камышина. В самом Камышине были зажаты в стальные казачьи клещи 37 стрелк. дивизия, 5-я крепостная бригада и 2-я бригада 34-й стрел. дивизии.

Эти красные части решили пробиться на север. «Заметив отход наших частей из Камышина», пишет быв. командующий 10-й армией, «противник начал стремительное преслодование и около г. Уши конной атакой смял пехоту Камышинской крепостной бригады, захвативши ее в плен, а также захватил всю ее артиллерию и часть обозов... Противник (казаки) окончательно разбил пехотные части 37 стрелковой дивизии и захватил в плен почти всю пехоту, большую часть артиллерии и часть обозов» (Клюев. Камышинская операция, стр. 43-44).

По данным Врангеля за бои 12-15 июля под Камышиным казаки и горцы Кавказской армии взяли 13.000 пленных, 43 орудия, много пулеметов и т. д. (т. 1, стр. 170).

Командарм 10-й красной армии пытался спасти положение под Камышиным путем нанесения удара конным корпусом Буденного во фланг и тыл казачьим частям, охватившим Камышин с юга, запада и с севера. 14-го июля этот корпус совершил перегруппировку в районе участка железной дороги Мокрая Ольхов-

ка-Купцово. С утра 15-го июля, когда решалась судьба Камышина, ударная группа корпуса Буденного перешла в наступление в направлении ст. Авилово. Казачьи и горские части, занимавшие район Ременниково-Скрыпалево — высота 776, были сбиты конницей Буденного и отброшены на левый берег р. Иловли, причем особенно пострадала Сводно-горская дивизия. 16-го июля Буденный нанес новое поражение казакам и в районе Котово-Коростино. За два дня корпус Буденного захватил 6 орудий и 37 пулеметов (Клюев, цит. его работа, стр. 44-45).

Эти операции Буденного не спасли Камышина, попавшего в руки казаков 15 июля, но задержали стремительность преследования разбитой 10-й армии. 17-го июля на самом правом фланге 10-й армии красные повели наступление против донцов 1-го корпуса на фронте Матышева-Борсенкова – Ховринка-Руденкова – Терновой. На этом фронте продолжались встречные бои. Также сводки отмечают упорные бои за Бурлук ю.-з. от Красного Яра. В самом центре красных войск, отходивших от Царицына, некоторые большевицкие части оказывали весьма упорное сопротивление и после Камышинского разгрома; так оперативные сводки говорят, что только «после нескольких повторных атак 4-й Сводный корпус взял высоту 776, что в 7 верстах западнее с. Дворянская» и т. д.

Все эти факты свидетельствуют о том, что 10-я красная армия и после поражения под Камышиным, и после перенесенных ею огромных потерь в людях и в материальной части, представляла из себя все еще некоторую силу. Она понесла полное поражение на своем левом фланге у р. Волги, но зато почти полностью сохранила свое положение на правом фланге по р. Терсе, а в центре 10-й армии продолжал действовать вполне боеспособный конный корпус Буденного.

Какою ценою досталась казакам Камышинская победа? Как свидетельствует ген. Врангель, после взятия Царицына «боевой состав казачьих полков не превосходил 500-600 человек» (т. 1, стр. 162), а после взятия Камышина, по свидетельству того же Врангеля, казачьи полки «насчитывали не более 300-400 шашек, некоторые и того менее, огромный некоплект был

и в пластунских частях... Лошади в коннице и артиллерии были окончательно измотаны; некоторые 4-х орудийные батареи пришлось свести в 2-х орудийные; материальная часть пришла в полное расстройство» (Врангель. Записки, т. 1, стр. 172).

Сопоставив данные о численном составе полков после Царицынской операции с данными о состоянии тех же полков после Камышинской операции, увидим, что казачьи полки за эту последнюю потеряли в боях более трети своего состава. И это в течение одного только месяца. Если при этом принять во внимание, что казаки вообще дрались с необыкновенным геройвом, можно себе представить, какою дорогою ценою казачьей крови была добыта Камышинская победа, как дорого заплатили казаки за те 13.000 пленных и 43 орудия, которые попали в руки казаков за время Камышинской операции.

А как далеко еще было до Москвы, добыть которую русские люди думали казачьими руками!..

МЕЖДУ КАМЫШИНОМ И САРАТОВОМ

(Схема 5-6).

«Между тем», повествует Врангель, «противник сосредоточивал к Саратову, на поддержку отступающим вдоль Волги красным частям, новые, свежие силы. Последние брались частью из внутренних губерний, частью снимались с Восточного фронта. Ставка (Деникин-Романовский-Плющевский Плющик) требовала продолжения нашего — Кавказской армии — наступления, не желая считаться ни с какими доводами», продолжает Врангель. «По овладению Камышином, генерал Романовский вызвал меня к аппарату и лично передал указания Главнокомандующего преследование энергично продолжать. Я ясно отдавал себе отчет в том, что в ближайшее время, несмотря на всю доблесть частей, наступление наше захлебнется», говорит Врангель, составляя свои «Записки» за границей (т. I, стр. 172).

19-го июля 1919 г. ген. Врангель директивой № 01622 задачей для Кавказской армии поставил: помешать противнику сосредоточиться для нового удара; с этой целью одна колона армии, в составе 4-го Сводного корпуса, 2-й Кубанской дивизии и 3 Кубанской пласт. бригады, должна была наступать по Саратовскому тракту вдоль правого берега Волги, а другая колона в составе конного корпуса под командой Покровского должна была наступать долиной р. Медведицы на г. Аткарск.

Из этой директивы видно, что Кавказская армия не была в силах занять фронт Камышин-Балашов и оставляла за собой приблизительно около трети того фронта, который был указан для нее «Московской директивой» и который собирался занять сам командующий Кавказской армией согласно его же телеграмме командующему Донской армией, посланной 28-го июня 1919 г. Занимая такой сокращенный фронт, ген. Врангель продолжал за каждую цену удерживать в своих руках 1-й Донской корпус, поручая ему фронт на правом берегу р. Медведицы.

В виду весьма напряженного положения в это время на огромном фронте Донской Армии (см. далее: «Борьба на границах Дона и России»), такое сужение задач Кавказской армии вызвало большое недовольство у командования Донской армией; поэтому последнее 22-го июля «вновь возбудило ходатайство перед ген. Деникиным о скорейшем возвращении в Донскую армию 1-го Донского корпуса и о необходимости пропорционального распределения фронта между армиями».

Как мы знаем, «Московская директива» возлагала на Кавказскую армию колоссальнейшую и труднейшую задачу. Уже первый месяц борьбы после издания этой директивы показал с абсолютной очевидностью, что белые русские дали для этой армии совершенно фантастическую задачу. Белая Россия командовала казаками, а красная Россия громила казачьи корпуса своими армиями, преграждая надежно пути подхода к Москве белой России.

20-го июля 1919 г. Кавказская армия вышла на фронт: 4-й Корпус под командой ген. Топоркова зани-

мал Лесной Карамыш-Грязноватка-Грязнуха; группа ген. Покровского — Веревкины Хутора-Неткачево-Гречанная (схема 5-6). В этот день «противник перешел в контр-атаку», говорит Врангель. 4-й конный корпуса был атакован силами красной конницы Думенко. После упорного боя, понеся большие потери в людях и конском составе и потеряв часть своей артиллерии (3 орудия), ген. Топорков вынужден был отойти назад в район Пановка-Гнилушка. На следующий день ген. Топорков снова перешел в наступление и, хотя и отбросил противника, но сам вновь понес большие потери...

Группа ген. Покровского, занявшая Красный Яр и выдвинувшаяся к 22 июля на линию Тетеревятка-Грязнуха-Вер. Добринка, так же столкнулась с превосходными силами красной конницы. В течение трехдневных, 22-24 июля, упорных боев ген. Покровский разбил конницу Буденного. К вечеру 24 июля части армии вышли на линию Нижне Банное-Французская-Карамышево-Верховье-Добринка. «Этот новый успех стоил нам очень дорого, говорит Врангель, части понесли большие потери, и особенно значительные потери среди командного состава. Силы армии были надломлены» (Врангель, I, 174-175).

26-го июля Врангель прибыл на фронт Кавказской армии и 27-го в селении Каменный Овраг устроил военное совещание в составе начальника штаба и командиров корпусов. К этому времени обстановка представлялась в следующем виде:

«На фронте адм. Колчака противник продолжал одерживать крупные успехи, преследуя отступавшие по всему фронту войска Верховного Правителя. Учитывая опасность, в случае занятия нами Саратова, противник, используя свои успехи на востоке, снимал с Сибирского фронта ряд дивизий, спешно перебрасывал их к Саратову. Из внутренних городов России беспрерывно подходили свежие пополнения. Спешно производилась мобилизация в прифронтовой полосе.

Напрягая крайнюю энергию, красные в середине июля успели сосредоточить в Саратов большую часть своей 2-й армии. Силы, коими располагал противник,

достигли 40.000, превосходя численностью Кавказскую армию во много раз. Результаты ошибочной стратегии главного командования начали сказываться... Значительно усилившийся, превосходивший нас во много раз численностью, противник должен был ежечасно перейти в наступление и наши части должны были неминуемо быть отброшены к югу. Единственный наш коммуникационный путь — Волга — был под ударами врага. Наша транспортная флотилия состояла всего из двух захваченных нами в Царицыне буксиров, весьма слабой силы. На своевременный подход подкреплений расчитывать было нельзя. При значительном удалении от базы и отсутствии путей подвоза, артиллерийское снабженеи пришло в расстройство. Вплоть до Царицына подготовленных узлов сопротивления не было. Войска, отброшенные к югу, неминуемо должны были сотни верст катиться назад. Имей мы силы продолжать наступление и атаковать противника в Саратове, не дав ему закончить сосредоточение, обстановка могла бы круто измениться в нашу пользу. Однако, в настоящих условиях об этом нечего было и думать. Не только продолжать наступление, но и рассчитывать продолжительное время удержаться на настоящих позициях мы не могли. Надо было думать лишь о том, чтобы сберечь армию впредь до прибытия подкреплений и возможности с помощью их перейти в контр-наступление» (Врангель, т. I, стр. 176).

Трудно сказать, когда ген. Врангель сделал такую в общем правильную оценку положения Кавказской армии на р. Волге тогда ли, когда помогал Деникину тянуть насильно казаков на Москву, или тогда, когда составлял за границей свои записки. Во всяком случае, из этой оценки видно, что составители «Московской директивы» или были людьми, ничего не понимавшими в происходящих исторических событиях, или они совершенно сознательно вели Казачество на уничтожение.

Выше упомянутое военное совещание под председательством Врангеля 27 июля приняло решение: «в случае перехода противника в общее наступление, избегать решительных боев и медленно отходить, задерживаясь на каждом рубеже, лишь нанося короткие

удары врагу, с целью выигрыша времени» (Врангель, т. I, 176).

В тот же день ген. Врангель послал Деникину длинную телеграмму, в которой пояснял, какие большие силы стянул противник в районе Саратова, говоря о том, что «обстановка повелительно требует полного использования Камышинской победы и неустанного продвижения на Саратов, дабы не дать красным закончить сосредоточение». Однако, «полное расстройство снабжения вследствие невозможности иметь впредь до падения Астрахани водный транспорт, крайнее истощение частей Кавармии, сделавшей за три месяца с непрерывными боями более тысячи верст и огромный некомплект в единственно боеспособных Кубанских частях исключал возможность дальнейшего продвижения Кавармии на Саратов. На военном совете комкоров, собранном мною в Каменном Овраге, дальнейшее продвижение на север единогласно признано невозможным» (там же, стр. 177).

Все эти факты были неопровержимым доказательством того, что русское белое движение и на Южном фронте потерпело уже крах и что продолжение борьбы за белую Россию было продолжением политики вредительства казачьим интересам, которые требовали немедленной организации защиты казачьей территории.

29-го июля Врангель послал Деникину предлинное письмо, в котором резко осуждал стратегию и тактику Деникина. В этом же письме Врангель хвастался перед Деникиным своими большими заслугами перед Россией, проявившимся в последовательной борьбе Врангеля при помощи Атамана Филимонова и военного министра Науменко, в течении нескольких месяцев против организации самостоятельной Кубанской армии; хвастался тем, что он готов разогнать Кубанскую Законодательную Раду, настаивавшую на организации Кубанской армии. И, в заключение, писал: ...«Моя совесть чиста и упрекнуть мне себя не в чем; но мысль, что я, оставаясь во главе моей армии, могу невольно явиться палачем ее, не дает мне покоя»... (стр. 182).

Как видим, у этого необыкновенно честолюбивого генерала вдруг заговорила совесть...

Это напоминает нам до некоторой степени те мучения, которые переживал Кубанский Атаман Филимонов в марте 1918 г. после оставления г. Екатеринодара. Временами он сознавал, какую ужасную роль сыграл он, передав Кубанские вооруженные силы в руки Покровского. Тогда Филимонов восклицал: ...«Я сам искренно считал себя преступником» («Белое Дело», т. 2, статья Филимонова; а также «Трагедия Казачества ч. 1, стр. 71-90).

Из этого видно, что русские генералы, тянувшие казаков на борьбу за неделимую Россию, сами иногда оценивали свою роль...

При этом следует припомнить, что в том самом июле 1919 г., когда ген. Врангель в своем письме к Деникину так беспощадно бичевал всю политику генералов и самого себя, кубанские генералы Науменко и Филимонов сделали анкету между старшими начальниками кубанских строевых частей на фронте о том, следует ли осуществить закон Кубанской Рады о Кубанской армии, и из 14-ти запрошенных 13-ть ответило: не следует. Так сомкнулся круг людей, оставивших Кубань беззащитной в тяжелые времена кровавой борьбы против надвигавшейся на Казачьи Земли красной русской армии. Часть этих генералов, бывших на военном совещании в Каменном Овраге, ясно сознавала, очевидно, до чего она довела Казачество, почему и решено было — отступать... Только у этих генералов не хватило моральной силы публично признать свою вину перед Казачеством и отойти в сторону с казачьей дороги. Генералы остались на своих местах, а Врангель то писал требовательные и дерзкие телеграммы главнокомандующему, то летал на Кубань с требованием все новых и новых пополнений в армию, то вел негласную агитацию с целью спихнуть Деникина и самому сесть на его место...

28-го июля командующий Донской армией вновь категорически настаивал перед Деникиным на понуждении Кавказской армии занять фронт от Волги до г. Балашова, указанный для нее «Московской директивой». В это же время 4-й Донской корпус под командой ген. Мамонтова прорвался через большевицкий

фронт и направился на Тамбов, производя страшные разрушения и сея панику в тылах красных армий.

28-го же июля Кубанская Законодательная Рада настаивала на срочной закупке лошадей для Кубанских конных частей и для этой надобности отпустила 42 миллиона рублей.

Казачество хотело бороться против большевизма на своих землях. Казачество шло на огромные жертвы людьми и имуществом, но носители идеи «Московской директивы» своим вмешательством в казачье-русскую войну явно губили казачье дело.

БОИ НА ГРАНИЦАХ ДОНА И РОССИИ

(Схема 7).

16-го июня 1919 г. Донское казачество торжественно праздновало освобождение Родной Земли.

Через четыре дня, 20-го июня, русское белое движение, возглавляемое Деникиным, «Московской директивой» хотело возложить на Донское Войско задачу «похода на Москву».

В июле того же года красная Россия решила нанести главный контр-удар с р. Волги именно на территорию Дона (см. выше: «Контр-меры кр. Москвы»).

Сопоставляя эти факты, видим, что Донская армия и Донская территория для белой и красной России являлись тогда центром внимания. По мнению русских белых Донское Войско должно было нанести мощный, решающий удар по красным силам России, а красная Россия, путем разгрома Донской казачьей армии, думала достичь ликвидации сил белой Росси.

Начало генерального удара на Юге красное командование относило к первым числам августа 1919 г. События на Донском фронте, охватывающие период времени от издания «Московской директивы» до начала этого удара, имеют первостепенное значение для определения соотношения борющихся сил; эти события также с большою очевидностью могли предсказывать и самый исход борьбы Севера и Юга; они же были проверочным экзаменом для наметившихся двух ос-

новных линий казачьей политики — самостийницкой и русской: на фронте напряженной, изнурительной и безмерно кровавой борьбы Донской, с одной стороны, и русских красных армий, с другой, решался вопрос, кто прав, те ли казаки, которые тянули в Москву, или же те, которые боролись за казачью государственную независимость.

Ко времени издания «Московской директивы» Донская армия, состоявшая в то время из трех корпусов, вышла в общем на линию Новый Оскол, несколько южнее станции Лиски, Балашов, далее северо-восточнее и восточнее границ Донской области до района Гусевки на р. Иловле. К этому времени Донская армия, насчитывавшая около 42 тысяч бойцов, занимала фронт длиною около 550-600 верст, т. е. в среднем на одну версту фронта приходилось 70-76 бойцов (схема 7).

Уже одно сопоставление длины фронта и количества бойцов с совершенной очевидностью говорит о том, во-первых, что сил Донской армии было далеко недостаточно для удержания такого огромного фронта, и во-вторых, что Донцы могли действовать успешно, только собирая в нужных местах ударные группы и искусно маневрируя ими. Принимая во внимание все это, а также соотношение общего количества русского и казачьего населения, одержанную большевиками победу над армиями Колчака и успешные действия красных на иных, кроме Южного, фронтах, Казачество могло с успехом вести только активную оборону своих границ, отбросив в сорный ящик всякие «Московские директивы» и вместе с тем, порвав решительно с политикой создателей подобных, вредных для Казачества, директив.

Если линию фронта, занимаемого Донскими войсками в описываемое время провести на этнографической карте Восточной Европы, будет видно, что Донская казачья армия в июне 1919 г. вышла в общем за восточные и северные границы Донской Земли, а от г. Новохоперска на запад до района Нового Оскола Донская армия оказалась приблизительно на границах украинской и русской этнографических территорий. Севернее этого фронта в общем начиналась подлинная

русская земля. Это обстоятельство имело чрезвычайно важное значение в последующем ходе войны: во первых перед каждым рядовым казаком теперь поднимался жгучий вопрос — ради каких целей, ради чьих интересов казаки пойдут далее на север проливать свою и чужую кровь; во-вторых, перед каждым рядовым красным воином поднимался свой вопрос о необходимости защиты **своей** родной земли.

Казачья масса думала, что дальнейшее продвижение казачьих армий на север совершенно не вызывалось насущными интересами Казачества. В глазах же массы русского населения большевицкое правительство и большевицкое командование являлись организаторами защиты русской территории от нашествия казаков. Как приближение Колчака к русской территории всколыхнуло массы русского населения и в самый короткий срок дало на Восточный противоколчаковский фронт более 50-ти тысяч новых красных бойцов, так приближение казаков к землям, населенным русскими, поднимало на борьбу ту же русскую народную массу.

Вот эти настроения основной массы Казачества и основной массы русского народа и определяли, в общем, дальнейший ход борьбы на границах Дона и России. И не удивительно, что русские исследователи казачье-русской войны подчеркивают то весьма характерное и важное обстоятельство, что **только с отходом на настоящую русскую территорию разбитых казаками в зимних и весенних боях 1919 г. красных армий явилась полная возможность «привести их (армии) в порядок, устроить, пополнить и сделать вновь боеспособными»** («Гражданская война 1918-1921 г.». Москва, т. 3, стр. 240).

По мере приближения донцов к территории России, возрастало сопротивление красных войск. Обладание такими железно-дорожными узлами, как Лиски, Поворино и Балашов, через которые проходят железные дороги на Новочеркасск, на Царицын и на Камышин, имело первостепенное значение для обеих борющихся сторон. Поэтому во второй половине июня 1919 г. разыгрались упорнейшие бои за обладание железной дорогой, связывавшей Балашов-Поворино и Лиски.

Конница ген. Секретева обходным движением с востока и северо-востока 16-го июня захватила станцию Лиски, но в тот же день красные перешли в упорнейшие контр-атаки и после ожесточенных боев 16-17 июня советские войска снова завладели этим важнейшим железно-дорожным узлом, а 19 июня красные принудили донцов очистить и г. Бобров, лежащий к востоку от станции Лиски на железной дороге Лиски-Балашов (схема 7).

19 июня, после упорных боев, донцы захватили г. Балашов и г. Борисоглебск, но уже 23 июня красные выбили донцов из Новохоперска, а 24 июня заняли и г. Балашов; 21 июня донцы взяли Новый Оскол, а 24 июня советские войска вытеснили казаков из этого города. В то же время оперативные сводки отмечают весьма упорные бои в районе Острогожска, Боброва и станции Таловой. 25 июня в руки красных попадает ст. Таловая, а 26 июня советские войска захватывают и г. Бирюч. Только после двухдневных упорнейших боев вокруг г. Балашова 26 июня донцы под командой ген. Коновалова снова завладели этим городом. В последующие дни шли упорнейшие бои к северу и востоку от Балашова. Такие же упорные бои шли и в районе р. Терсы, при чем русские войска делали настойчивые попытки, чтобы снова ворваться на Донскую Землю. Так, например, 27 июня красные наступали из селения Елани на селение Тростянку Донской области.

При этом следует припомнить, что в тех же двадцатых числах июня Кавказская армия встретила упорнейшее сопротивление 10-й советской армии между р. Волгой и р. Иловлей (см. выше: «Камышинская операция»), а также красные войска вели наступление с трех сторон на г. Екатеринослав, протягивали руки и к г. Харькову (см. далее: «Бои на Левобережной Украине» и «Бои за обладание Днепром»).

Русский народ не ограничился организацией сопротивления казачьим войскам в выше указанных районах. Отношение толщи народной к казакам и к советской власти выявилось и в следующем показательном факте: 26 июня поднялось противоказачье крестьянское восстание в целом ряде больших сел в районе г. Новохоперска — в Алферовке, Троицком, Подоси-

новке, Пыховке и т. д., восстанием руководил учитель Яков Баранов, собравший отряд в 3000 человек при трех пулеметах. Восстание шло под лозунгом борьбы за советскую власть. Это восстание, охватившее большой район, показало, как дорога советская власть для самых низов русского населения...

Как видим, на длинном фронте от г. Корочи до г. Балашова и далее до г. Красный Яр на р. Медведице всю вторую половину июня русские 8-я, 9-я и часть 10-й советских армий оказывали упорнейшее сопротивление казачьему продвижению на север. Особенно крепко русские держали в своих руках Лискинский железно-дорожный узел. Все усилия донцов овладеть Лисками после издания «Московской директивы» не увенчались успехом.

Выполняя эту директиву, Донская армия приступила к соответствующим перегруппировкам, при чем все силы 1-го Донского корпуса, действовавшего перед этим между р. Медведицей и Волгой, намечено было перебросить ближе к району г. Балашова, вправо от которого до самой реки Волги должна была занять фронт Кавказская армия. Против этого перемещения 1-го Донского корпуса решительно запротестовал генерал Врангель, настаивавший на том, чтобы Донской корпус оказал помощь ему в боевых операциях на фронте Камышин-Красный Яр против 10-й сов. армии.

В общем же уже через несколько дней после появления «Московской директивы» выяснилось, что эта директива накладывала на Донское Войско недостижимые задания. Донцы дрались с переменным успехом на фронте с оправившимися и быстро пополнявшимися советскими армиями — всей 8-й, всей 9-й и частью 10-й (39 дивизия). Для документальной характеристики положения на русско-донском фронте в конце июня 1919 г. приведем следующий документ:

Телеграмма Начальника Штаба Донской армии генерала Кельчевского Начальнику Штаба ген. Деникина ген. Романовскому:

«Наштаглав. Копия Врангелю.

09228. В дополнение № 0261/К считаю долгом доложить, что обстановка на фронте Донской армии повелительно требует принятия решительных мер по пе-

реводу частей 1 Корпуса в район нового сосредоточения и скорейшей перегруппировки в духе Директивы Донской армии № 0263, что находится в зависимости от операций Кавармии по выходе ее на линию Камышин-Балашов; необходимость разгрома 10-й Красной армии отлично мною сознается, чем и была вызвана телеграмма № 0261.

В настоящее время обстановка на Донском фронте усложнилась еще больше:

1. противник заметно усиливается в районе Балашова за счет той же 10-й армии, выдвинув туда части 29 дивизии и подтянув свежие подкрепления из центра России,

2. Обнаружено также значительное усиление красных и их активность в районе Бобров-Лиски, а также на Оскольском направлении,

3. Самым последним серьезным событием является восстание крестьян, организованное коммунистами в тылу Донской армии в районе Пыховка-Алферовка-Таволжанка-Троицкое, очевидно, с целью облегчения операций противника вдоль железной дороги Грязи-Царицын.

Утомленные беспрерывными боевыми действиями в период очищения Дона донские войска в настоящее время без выполнения перегруппировки в духе директивы № 0263 не в состоянии будут не только выполнить главной задачи движения на Москву, но даже сохранить настоящего занимаемого положения и, быть может, принуждены будут отойти на Донскую территорию из района Борисоглебск-Новохоперск для перегруппировки.

Перегруппировка 1-го Отдельного Корпуса начата 26 июня и отмена ее может повести к очень серьезным осложнениям на фронте Балашов-Новохоперск-Лиски, не говоря уже об излишней форсировке и без того крайне ослабленных войск.

№ 4347/К. 28 июня 1919 г. Кельчевский».

Кавказская армия не имела достаточных сил для того, чтобы занять фронт Камышин-Балашов, предписанный ей ген. Деникиным, а Донская армия без непосредственной помощи своего 1-го корпуса не могла справиться с поставленной ей задачей на фронте Ба-

лашов-Короча. Всего через 8 дней после опубликования «Московской директивы» начальник Штаба Донской армии говорил, что Донские войска «не в состоянии будут не только выполнить главной задачи движения на Москву, но даже сохранить настоящего занимаемого положения, и быть может, принуждены будут отойти на Донскую территорию». Что это утверждение начальника Донского Штаба (генерала не казака) было построено на реальных данных, последующие события подтвердили в полной мере.

Отмечая это, мы не можем умолчать и о том, какую оценку настроению и соотношениям сил русских и казачьей армий почти в то же время сделал казак генерал Сидорин. 6-го июля в газетах было распубликовано следующее заявление:

«Донская армия находится на главном операционном направлении на Москву. Во время последнего наступления наше продвижение вперед было настолько быстро, что все тылы и снабжение армии сильно отстали. Поэтому дальнейшее продвижение пришлось задержать до того момента, когда снова будут подтянуты все тыловые учреждения... Моральное состояние наших войск отличное. Все сознают необходимость прямого движения на Москву и **все жаждут прийти туда скорее»** («Приазовский Край, № 152, 6 июля 1919 г.).

Свою действительную волю, свое настоящее отношение к русской «красной» и к русской «белой» власти русский народ вполне ясно проявил в том, что русские «красные» армии — 3-я, 2-я, 5-я и 1-я — разгромили армии адмирала Колчака и отбросили их за Уральские горы; выявил в том, что в южные противоказачьи «красные» армии вливались свежие десятитысячные пополнения, что поголовно восстали крестьяне района Пыховки, Алферовки, Таволжанки, Троицкого и т. д. ради защиты советской власти. Воля русского народа проявилась в быстрой реорганизации, в быстром пополнении рядов 10-й, 9-й и 8-й советских армий, упорно защищавших огромный противоказачий фронт на южных границах действительно русской территории — от Камышина до Балашова и от Балашова до станции Лисок и далее до г. Корочи.

Кого же имел в виду командующий Донской ар-

мией, когда утверждал, что все сознают необходимость прямого движения на Москву?

В начале июля красное командование приказало своим войскам перейти в наступление против Донской армии в районе г. Балашова и выйти на фронт Борисоглебск-Елань. Русская 9-я армия, поддержавшая 10-й и 8-й перешла в энергичное наступление по всему фронту и действительно, после упорных и ожесточенных боев, 5-го июля красные заняли города Новохоперск, Борисоглебск и Балашов. Вследствие этой победы, донцы были вытеснены с русской территории на границы России и Дона (схема 7).

В ответ на это ген. Сидорин 7-го июля директивой № 0289/К поставил следующие задачи для своей армии: 1. содействовать Кавказской армии в ее наступлении в общем направлении на Камышин, 2. овладеть железно-дорожной линией Красный Яр-Елань, 3. готовиться к выполнению основной задачи — к движению на Москву. Если эту директиву сопоставить с выше приведенной оценкой положения Донской армии к концу июня 1919 г., сделанной начальником Штаба этой армии ген. Кельчевским, если принять во внимание и то, что русская 8-я армия держала в своих руках Острогожск, Лиски и Бобров, а 9-я захватила только что Новохоперск, Борисоглебск и Балашов, станет совершенно ясным, насколько слепо ген. Сидорин проводил в жизнь «Московскую директиву».

Над самым Тихим Доном нависла явная и непосредственная угроза нового завоевания русскими армиями, а командующий Донскими казачьими силами приказывал казакам готовиться «к движению на Москву». Между тем, Донскому командованию достоверно было известно, что красные войска, обвеянные победами на фронте Верховного Правителя России, спешно перебрасываются на фронт Донской армии, что сюда же беспрерывно вливаются свежие пополнения из России...

Исполняя директиву № 0289/К, 2-й корпус Донской армии, занимавший фронт против 9-й армии, перешел в решительное наступление и части его 11 июля ворвались в г. Новохоперск и сел. Алферовку. Однако, в тот же день они отуда были выбиты. Части

того же корпуса вели упорные бои к югу от г. Балашова, имея целью овладение этим городом.

В это же время Кавказская армия все еще задерживалась перед г. Камышином, хотя между реками Иловлей и Медведицей ей помогала 10-я донская конная бригада, а на р. Терсе работали донские пластуны. Как мы знаем, распоряжением ген. Деникина 8 июля 1-й Донской корпус был подчинен командующему Кавказской армией ген. Врангелю и об'единенным силам этой армии и 1-го Донского корпуса было поставлено задачей выход на линию Балашов-Камышин.

Русское белое командование казачьими боевыми силами все еще не бросало мечты о походе на Москву. Поэтому решено было на Донскую армию возложить чрезвычайную задачу — особой ударной группой выйти на тылы Южных красных армий с целью расстройства управления ими, дезорганизации подвоза подкреплений и боевых припасов (см. далее: «Рейд Мамонтова»).

12 июля Кавказская армия перешла в весьма решительное наступление против 10-й армии. В тот же день, 12 июля 1919 г. Донское командование дало директиву № 0300/К, поставив следующие задачи Донской армии: 1. предупреждение удара противника, 2. подготовка к главной операции на Москву и 3. содействие уничтожению восточного ударного крыла красных. В этой же директиве более подробно говорилось о задачах Донского корпуса, предназначенного для прорыва советского фронта и выхода на тылы красных армий. 2-му Донскому корпусу было приказано «выдвинуться за линию Балашов-Уварово-ст. Мордово», а 3-му Донскому корпусу — разбить при содействии 4-го (предназначенного для прорыва Южного фронта красных) Таловскую группу противника и «**овладеть узлами Бобров-Лиски** и выдвинуться правым флангом на линию ст. Мордово — ст. Графская-г.Коротояк, подготовляя захват Воронежа с севера» (схема 7).

Эта директива ставила перед Донской армией весьма широкие задачи для действий на чисто русской территории. Согласно официальным данным Штаба Дон. армии 15 июля 1919 г. она насчитывала всего 25 пеших полков, 3 отряда, 9 баталионов, 43 конных полка, 1

конную дивизию, а всего 23768 штыков, 18690 шашек, 177 орудий и 743 пулемета.

В этом месте необходимо обратить особенное внимание на следующее. В своем месте мы отметили телеграмму Командующего Донской армией на имя генерала Деникина по поводу признания последним власти адмирала Колчака. Тогда ген. Сидорин уверял Деникина в том, что все воины Донской армии горят готовностью «принести все жертвы, для осуществления» начатого Деникиным «великого дела». В начале июля тот же ген. Сидорин уверял русскую общественность в том, что будто бы в Донской армии «все сознают необходимость прямого движения на Москву и все жаждут прийти туда скорее». В своих основных директивах, данных Донской армии в июле 1919 г., ген. Сидорин разными словами говорил все об одном и том же: о подготовке донцов к походу на Москву.

В действительности же после 15 июля командование Донской армией, учитывая действительные настроения донских казаков, принуждено было **демобилизовать четыре старших возраста донцов;** вследствие этого чрезвычайно важного акта, Донская армия была ослаблена на 10 тысяч пехоты и на две с половиною тысячи конницы и на 1-е августа того же года в Донской армии оставалось 14.200 штыков и 16.000 шашек (официальные данные Донской армии).

Красные армии, действовавшие против Донской армии, около 15 июля, согласно данным Штаба Донской армии, имели 96 пеших полков, 31 конный, 8 дивизионов и 4 эскадрона, а всего 48.900 шт. и 8850 сабель при 279 орудиях (данные о числе пулеметов собраны не были).

Из сравнения приведенных данных видим, что около 15 июля русские имели против донцов более чем вдвое больше штыков, но донцы имели более чем вдвое больше сабель. В общем же у русских было на 14 тысяч бойцов больше, нежели в Донской армии.

1-й Донской корпус, действуя совместно с Кавказской армией, вышел в общем на линию р. Терсы в районе Елани - Красного Яра, при чем по течению этой реки всю вторую половину июля шли упорнейшие бои с переменным успехом в районе Елани, Вязовки,

Караишевки, Судачье, Матышево, Ильмень. Рудки и т. д. (см. схемы 5-6 и 7). К концу июля фронт в общем проходил в районе р. Терсы. Здесь донцы прикрывали свою территорию с северо-востока.

Надо заметить, что события на этом фронте и место его нахождения в значительной мере определялись событиями на фронте вправо расположенной Кавказской армии (см. выше: «Между Камышином и Саратовым»). Эта армия все время отставала уступом далеко позади правого фланга 1-го Донского и особенно 2-го Донскоого корпусов, хотя, согласно «Московской директиве», должна была выйти на фронт «Саратов-Ртищево-Балашов». Значительно выдвинутое вперед положение Донской армии принуждало донское командование постоянно опасаться за свой правый фланг.

Бои на фронте 2-го и 3-го Донских корпусов к югу от г. Балашова, в районе станции Поворино, г. Новохоперска, в районе с.с. Бутурлиновки, Мечетки, к югу от ст. Лиски временами носили весьма и весьма упорный и ожесточенный характер. Все же Балашовская, Бутурлиновско-Таловская и Лискинская группы красных не только удержались в занимаемых ими районах, но часто сами переходили в весьма энергичное наступление, с большим трудом отбиваемое донцами.

Оперативные сводки отмечают, например, следующее: 20 июля красные Таловско-Бобровской группы продвинулись вперед и заняли Бутурлиновку и Архангельское; 21 июля донцы вырвали Бутурлиновку из рук красных, но снова были вытеснены оттуда советскими войсками; 22-го июля было приказано Донской армии во что бы то ни стало разбить Бутурлиновско-Таловскую и Лискинскую группы красных и овладеть узловой станцией Лиски; 23 июля донцы занимают Бутурлиновку и Макогоново, но контр-атакой красных снова были выбиты из этих пунктов; 24 июля донцы опять берут Бутурлиновку, Козловку и Великоархангельское и теснят большевиков на Озерки, но все усилия их, направленные к овладению недалеким г. Бобровым, не увенчались успехом, благодаря большой устойчивости русских войск; сводки отмечают ожесточенные бои в районе Анновки, Сафоновки, ужасные

бои в районе Шестаково, Колыбельки, Репинского, Глуховского, Мечетки, Владимирского и т. д.; весь район от Бутурлиновки до Боброва обильно был полит казачьей кровью; несмотря на то, что 4-й Донской корпус ген. Мамонтова 27-28 июля прорвал большевицкий фронт и пошел работать по тылам у красных армий, все же к началу общего наступления красных 2-3 августа на Дон, г. Острогожск, г. Коротояк, станция Лиски и г. Бобров оставались в руках 8-й советской армии.

Бои 2-го Корпуса донцов с 9-й сов. армией в районе Новохоперска, Поворино, Борисоглебска, Пески, Кардаила, Родничек и т. д. в течение всей второй половины июля 1919 г. тоже отличались большим упорством, но тоже не достигли тех целей, которые были поставлены корпусу директивой от 12 июля 1919 г.

31 июля командующий Донской армией ген. Сидорин снова приказал этому корпусу уничтожить Балашовскую группу красных войск. Но и это строжайшее приказание 2 корпус не мог выполнить по многим причинам. Во-первых, потому, что против него, насчитывавшего к 1-му августа того года 4200 штыков и 5000 сабель, при 47 орудиях, действовала вся возрожденная, обновленная и значительно пополненная бойцами и техническими средствами 9-я сов. армия, имевшая тогда 10700 шт. и 5400 сабель при 53 орудиях; значит, против 9200 донских бойцов действовало 16.100 русских бойцов; второй причиной неуспеха было то, что Деникин продолжал оставлять 1-й Донской корпус в подчинении ген. Врангеля, вследствие чего 1-й Корпус во время июльских боев не оказал необходимого содействия правому флангу 2-го Донского корпуса при операции на Балашов; давая 2-му Корпусу задачу уничтожить Балашовскую группу большевиков, донское командование 31 июля снова обратилось к Деникину с настойчивой просьбой «привлечь 1-й Донской корпус к Балашовской операции, так как при неудаче на этом направлении, пояснял ген. Сидорин, трудно надеяться на успех на Аткарском направлении», на каковом действовала Кавказская армия. Но и после этого Деникин оставил 1-й Донск. корпус по прежнему в подчинении ген. Врангелю, а последний, как об этом говори-

лось выше (см.: «Между Камышином и Саратовым»), 27 июля 1919 г. на военном совещании с командирами корпусов Кавказской армии решил: в случае перехода противника в общее наступление... медленно отходить на юг.

Если примем во внимание то, что силы 9-й сов. армии почти вдвое превосходили силы 2-го Донского корпуса, что 3-й Донской корпус не мог взять Лискинского узла, что Кавказская армия решила отступать на юг, будет ясна часть причин, не давших возможности 2-му Корпусу овладеть вновь г. Балашовом.

На самом левом фланге Донской армии, в районе Нового Оскола-Бирюча, занимаемом левым флангом 3-го Донского корпуса, никаких выдающихся событий за июль месяц не произошло. Донцы занимали Н. Оскол и севернее его ст. Чернянку. Левее их занимал фронт русский 1-й добровольческий корпус, который в июле не продвигался на север (см. далее: «Бои на Левобережной Украине»).

Следует при этом отметить, что донские войска 3-го Корпуса на фронте от района ст. Лисок до района Н. Оскола-Корочи, протяжением более ста верст, защищали от красной России, собственно украинскую территорию (см. схему 7). Если бы войска Украинской Народной Республики были в силах в то время выйти на границы России и Украины, как донцы вышли на границы России и Дона, если бы украинские антибольшевицкие войска смогли тогда взять на себя защиту всей северной границы Украины от вторжения русских войск, само собою отпала бы тяжелая необходимость для Донской армии растягивать свой фронт далеко на запад от пределов Донской Земли.

Не только свои собственные ошибки Казачества, не только напор со стороны России «красной», не только пагубное вмешательство в казачьи дела сил России «белой», но и слабость национальных сил Украины в то время ставили Казачество в весьма тяжелое положение...

Таким образом, за время с 20 июня до конца июля 1919 г. бои донцов с русскими шли, главным образом, за обладание железно-дорожными линиями Лиски-Балашов и Балашов-Красный Яр, при чем к концу ию-

ля русские удержали в своих руках Острогожск, Лиски, Бобров, Таловую и Балашов. Следовательно, цель, которую красное русское командование поставило для 8-й и 9-й армий — задержать продвижение казаков на север до времени сосредоточения двух ударных групп русских войск — была в общем достигнута.

В то же время не только «Московская директива» Деникина осталась на бумаге, но и более близкие задачи, поставленные Донской армии ее командованием 12 июля — овладение Лискинским и Балашовским железно-дорожными узлами и выход на линию Балашов-Уварово-Мордово-Графская-Коротояк — не были достигнуты (схема 7). Весьма важным в этой борьбе было и то, что донцы не позволили красным армиям продвинуться на Донскую Землю

Большая часть июля была использована донским командованием также на подготовку удара донских войск по тылам красных армий. В виду того, что вопрос о рейде корпуса Мамонтова более тесно связан с последующими августо-сентябрьскими операциями, мы обратимся к рассмотрению вопроса об этом рейде несколько позже.

Мы уже не раз обращали внимание на то чрезвычайно важное обстоятельство, что рядовое казачество боролось только за освобождение своей Земли от власти советов, что казачья масса совершенно не хотела вмешиваться в разрешение спора или борьбы за власть в самой России (Великороссии), спора и борьбы, которые вели между собою русские «красные» и русские «белые».

Припомним события 1918 г. Генерал Фицхелауров, согласно его собственным утверждениям в телеграммах на имя Донского Атамана П. Краснова, за май-июль 1918 г. сформировал 22 пеших, 19 конных казачьих полков и 16 батарей двухорудийного состава. Казачья масса поднялась сама на борьбу и выгнала красные войска за пределы Донской Земли. При чем выход донских полков за пределы Дона на восток в сторону Царицына уже вызвал брожение среди казаков. Все же казаки пошли к самому Царицыну, так как пони-

мали, что, не разрушив этого большевицкого гнезда, казаки не могут быть спокойны за Донскую Землю.

Совершенно иначе отнеслись казаки Дона к походу на г. Камышин в том же 1918 г. Чтобы не быть голословными, обратимся к документам. Генерал Фицхелауров в короткое время мог сорганизовать и повести в бой 22 пеших и 19 конных полков, но тот же генерал не мог вывести казаков к Камышину, несмотря на все свое огромное влияние на казачью массу. 6 августа 1918 г. ген. Фицхелауров послал Донскому Атаману телеграмму, в которой говорил:

...«Желательна особая телеграмма Донского Атамана к войскам моего района с об'яснением необходимости для Войска Донского операции для овладения Камышиным. Насколько казаки привыкли к мысли о необходимости взять Царицын, настолько же **для них неясна и неожиданна задача взять Камышин.** Начать же подготовку умов казачьих к тому я не мог»...

В тот же день Донской Атаман ответил длинной телеграммой, в которой об'яснял Донским войскам необходимость занятия Царицына, Камышина, Балашова, Борисоглебска, Новохоперска, Таловой и Калача. В этой телеграмме Атаман писал:

...«Приказываю широко оповестить об этом казаков, об'яснить им при этом, что границы Области столь велики, что прикрыть их от вторжения противника можно лишь путем занятия узлов железных дорог и ближайших населенных пунктов, находящихся вне области, что уже и делается на западной нашей границе, где нами занято ближайшее гнездо красногвардейцев — г. Богучар.

В частности, город Камышин и г. Царицын обвеяны славой казацкой вольницы, в них гулял старый казачий атаман — Стенька Разин.... Старая Донская река Волга прикроет станицы и хутора с востока до Астраханской границы, где станут союзные с нами Астраханские казаки; на севере реки Подгорная, Хопер, Елань, Терса и Камышинка дадут возможность сократить наш фронт и облегчить **пограничную службу.**

Донцы! Еще одно последнее усилие для полной свободы Донского Края!

Донской Атаман Краснов».

Как отмечают дальнейшие документы, целых три Донских полка в полном составе отказались идти на Камышин. 9 августа из Михайловки, что на р. Медведице, генерал Фицхелауров снова телеграфировал Донскому Атаману:

...«Брожение в казачьих частях на почве нехотения переходить границу Области, несмотря ни на какие об'яснения... Считаю необходимым принятие каких-либо особых мер воздействия Правительства и станиц. В 1 и 4 полках митингуют Верхне и Нижне Кундрюченцы. При указанных признаках разложения предпринятие дальнейших операций нежелательно для успокоения умов».

13 августа Краснов приказал полки расформировать, произведя следствие и представив списки виновных для доклада Кругу и исключения из казачества (№ 1180/К).

Обратимся теперь к событиям, происходившим на границах Дона ровно через год, т. е. в 1919 г. Донские казаки на своей земле, в полном смысле слова, разгромили 9-ю советскую армию и остатки ее в июне выбросили за р. Терсу и за г. Балашов. Потом этот русский город русская армия отобрала у казаков. После этого все усилия ген. Деникина и Донского командования двинуть 2 Дон. корпус на занятие Балашова во второй половине июля 1919 г. не имели успеха.

Точно так же казаки Верхне-Донского округа в течение долгих февраля, марта, апреля и мая месяцев 1919 г. сумели защищаться от во много раз сильнейшего противника (см. 2-ю часть очерка «Трагедия Казачества»), но в июле того же года 3-й Донской корпус не смог взять Лисок-Боброва, значительно удаленных от границ территории Войска Донского, хотя ту же 8-ю сов. армию перед этим казаки несколько раз основательно разгромили в районе г. Луганска и отбросили ее остатки далеко на север (см. ч. 2 «Траг. Каз.»).

То же самое видим и на востоке, в районе рек Терсы и Медведицы. Попытки красных снова утвердиться на донской земле в июле 1919 г. весьма энергично и успешно ликвидировались казаками, но в то же время донцы не выявляли в общем такой же энергии и лихости казачьей, когда казакам приходилось выходить

за р. Терсу, а значит удаляться от своей территории и входить в глубь Русской Земли.

Почти то же самое наблюдаем и на левом фланге Донской армии — в районе Н. Оскола и г. Бирюча. Деникин неоднократно обращал внимание Донского командования на «вялость» действий донцов в этом районе.

В чем же дело? Где основная причина этого общего явления?

Командующий Донской армией еще 1 июня телеграфировал Деникину: ...«От лица своего и равно от лица командного состава и всех воинов Донской армии и флота выражаю Вашему Превосходительству полную готовность принести все жертвы, которые потребуются для осуществления начатого Вами великого дела»... В начале июля тот же ген. Сидорин утверждал, что «все сознают необходимость прямого движения на Москву и все жаждут пойти туда скорее».

Так говорил командующий Донской армией. Однако, провозглашенный русскими «поход на Москву» не зажег сердца донских казаков, которые весьма доблестно и с выдающимся упорством дрались, защищая свою Землю, но проявляли «вялость», удаляясь за пределы Дона.

Вопрос о «вялости действий» Донской армии за пределами Донской Земли весьма тревожил не только Деникина и его Штаб, но тот же вопрос вызывал волнения и тревогу и в Штабе Донской армии. Последний путем внимательного изучения настроений рядовых бойцов старался найти действительные причины этого печального, с русской точки зрения, явления, ничего доброго не сулившего строителям единой и неделимой «белой» России.

В разультате этого изучения генкварм Донской армии генерального штаба полковник Кислов пришел к некоторым весьма замечательным выводам, суммированным в особом докладе, поданном им 8 августа 1919 г. командующему армией ген. Сидорину. Суть этого доклада сводилась к следующему:

«Сравнение действий казачьих и добровольческих армий указывает на то, что **переход границы Области внес перелом в казачью армию.** Об'ясняется это, пи-

сал полк. Кислов, непониманием широкими слоями рядового казачества необходимости борьбы за пределами области.

Для восстановления боеспособности генкварм считает необходимым следующее: 1. немедленная помощь добровольческими частями на Балашовском и Воронежско-Купянском направлениях для влития бодрости в казачьи войска по примеру весенних операций; 2. прибегнуть к системе вкрапливания или перемешивания добровольческих и казачьих частей, **дабы добровольцы могли за собой тянуть казачьи части, а казачьи армии могли бы оказать помощь добровольцам.** Меры эти генкварм считает небходимыми для удержания в рядах бойцов за единую Россию казачьих Войск с целью более скорейшего разрешения настоящей борьбы».

В этом коротком резюме генкварма Донской армии, как видим, авторитетно подтверждается, что действительно «переход границ области внес перелом в казачью армию». Это знаменательное явление было весьма показательным и предостерегающим для казачьих защитников борьбы за единую и неделимую Россию. На поддержку со стороны казачьей массы русские не могли расчитывать. Только генкварм Кислов совершенно неправильно об'яснял причину этого явления. Дело было не в непонимании «широкими слоями казачества необходимости борьбы за пределами области», а в совершенно ясном нежелании рядового казачества бороться за те идеи, которые преследовало русское белое движение, нежелание идти строить какую бы то ни было Россию.

Все основные постановления всех Донских Кругов 1917-1919 г.г. были выражением одной главной идеи — необходимости борьбы за государственную самостоятельность Дона. Казачья масса никогда не принимала и не усваивала той политической программы, которую ей навязывали казачьи верхи, свыкшиеся с мыслью необходимости борьбы за неделимую Россию. Нежелание казаков бороться за те или иные порядки в России очень выпукло и иногда болезненно проявлялось, как мы знаем, уже в 1918 г., когда Дон был очищен от красных войск. Осенью того же года потребовалось прибегнуть к проведению через Большой Войсковой

Круг постановления о необходимости для Донской армии занять Лиски, Борисоглебск, Балашов, Камышин и Царицын, чтобы двинуть донцов за пределы Дона; пришлось, как видим, необходимость выхода их за пределы Дона подкреплять и утверждать волею всего Донского казачества через его прямых представителей на Большом Кругу.

30 июня 1919 г. Деникин подчинился Колчаку. Создалась видимость единой русской власти. Командующий Донской армией ген. Сидорин поспешил провозгласить свою и всей Донской армии преданность идее, носителями которой были Колчак и Деникин. Председатель Донского Круга В. Харламов делал все, чтобы Конференцию для создания Доно-Кубано-Терского государственного Союза перетворить в Конференцию для признания власти Деникина. Русские убили председателя Кубанской Рады Н. С. Рябовола. Кубанский Атаман Филимонов и военный министр Науменко, вместе с Врангелем и другими русскими и казачьими генералами, всеми мерами боролись против создания Кубанской армии. Верхи Дона — Атаман, председатель Круга и Командующий армией — всецело поддерживали Деникина.

Только часть кубанцев открыто защищала самостийность, поэтому вся ненависть, весь огонь русского устного и печатного слова был перенесен на эту часть кубанских политиков. Русская общественность не останавливалась абсолютно ни перед чем, чтобы запугать самостийников, чтобы искалечить, задушить проявление самостийницкого духа в среде казаков, чтобы носителей идеи казачьей самостийности всячески очернить в глазах рядового казачества, чтобы заставить массу пойти на поводу у защитников единой и неделимой России.

Мы знаем, что настроение казачьей массы на Тереке, в конце концов, вылилось, в общем, в самостийнических постановлениях Круга в начале июля 1919 г. Только эти постановления русские постарались замолчать, не заметить, не допустить их распространения.

Вслед за этим, в том же июле, на сцену борьбы выпукло выступила воля рядовой казачьей массы, в среде которой, после перехода границ Дона, насту-

пил «перелом», замеченный даже на верхах Донской армии, склонных более поддерживать Деникина, нежели желания донских казаков.

Казачья народная толща переживала в это время глубочайшую, но безмолвную трагедию: она сражалась на фронте с организованными и хорошо вооруженными, управляемыми русскими офицерами, красными армиями народной России; сотни русских орудий, тысячи русских пулеметов и десятки тысяч русских ружей ежедневно вырывали из рядов казаков огромные кровавые жертвы; ежедневно казачьи полки хоронили своих собратьев-бойцов, павших от руки «братьев» русских; ежедневно в тыл увозились новые сотни раненых и искалеченных на всю жизнь казаков; эту живую, реальную, а не лелеянную в мечтах русской интеллигенции, захватническую Россию казаки видели ежедневно перед собою в тяжелых боях на огромном фронте русско-донских границ. А в это время с атаманского дворца, от президиума Круга, из штаба Донской армии неслись призывы к казакам о любви к доброму, богобоязненному, любвеобильному русскому народу, неслись призывы и приказы о походе «на матушку Москву».

Казаки не могли бросить борьбу и разойтись по домам, ибо «братские» штыки с трех сторон нависли над Казачьей Землей и несли ей кровь, разорение, насилия и порабощение... В то же время казачья масса, сбитая с толку руководителями, не могла крикнуть во всеуслышание: Долой руководителей Казачества, защищающих не казачьи интересы! Долой с обманом!...

В эти страшные времена у рядовой казачьей массы не нашлось сильных и смелых вождей — **самостийников**, под руководствомъ которых казаки вымели бы русский политический мусор на верхах и железной стеной стали бы об'единенно на защиту Родной Земли, отбросив в сторону всякие призывы о «спасении России», о походе «на Москву» и тому подобные ненужные им и неосуществимые мысли. Казачья масса в то время осталась в действительности без вождей. С ней были доблестные командиры частей, переживавшие все ужасы боевой жизни и умиравшие рядом с простыми казаками от русских пуль, от русских шты-

ков, от русских шашек. Но не эти командиры создавали «Московскую директиву», не они задавали основной тон казачьей политике.

Впереди казаков была вооруженная, наступающая Россия, позади — Родной Дон, а в глубоком тылу Атаман, Председатель Круга, Правительство, Командующий армией, все вместе подтягивающие Седой Дон к русской колымаге генерала Деникина.

Казаки и не собирались к походу на завоевание России, но не могли позволить русским снова завоевать Дон, как не могли идти за идеями Богаевских, Харламовых и Сидориных. Поэтому в июле 1919 г. Донская армия стальной каймой опоясывала Донскую Землю несколько восточ. р. Медведицы или на самой этой реке на фронте Ст. Островская — Красный Яр, далее по р. Терсе примерно до села Елани, еще далее боевая линия проходила южнее г. Балашова, потом чрез Поворино, еще далее — примерно через Бутурлиновку, южнее Лисок и г. Острогоржска и далее в общем на Новый Оскол. Если красные пробовали прорваться на Дон с востока через р. Медведицу, или с р. Терсы или со стороны Балашова-Новохоперска-Бутурлиновки, казаки весьма доблестно дрались и решительно не допускали русских на Донскую Землю.

В то же время ст. Лиски, г. Бобров и г. Балашов оставались в руках красных, хотя, нет никакого сомнения в том, что при существовавшем тогда соотношении казачьих и русских боевых сил на этом фронте донские казаки сами смогли бы разгромить Лискинскую и Балашовскую группы большевиков, как несколько позже Донцы разгромили 9-ю сов. армию, нахлынувшую на Дон. Землю, переступившую р. Хопер.

Казачья масса без всяких заседаний, без всяких с'ездов и видимых сговоров установила свою, Донскую, казачью стратегию и тактику, которая решительно разошлась, как с политикой создателей «Московской директивы», так и с завовевательными стремлениями «красной» России. Ярко и выпукло проявлялась коллективная, народная воля Казачества. Дон был очищен от войск русских «красных», но казаки **не пошли** за русскими «**белыми**».

БОИ НА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ

(Схема 8).

Летом 1919 г. на антибольшевицком фронте между р. Волгой и р. Днепром действовало три армии — Кавказская (Кубанская), Донская и Добровольческая. Выше, в общих чертах мы остановились на разборе действий первых двух армий — Кавказской (Кубанской) и Донской — за время, истекшее от издания «Московской директивы» ген. Деникина до начала августовского генерального сражения на казачье-русском фронте борьбы (см. выше: «Камышинская операция», «Между Камышинсм и Саратовом», «Бои на границах Дона и России»).

Теперь перейдем к общему обзору событий на фронте собственно Добровольческой армии, действовавшей под командованием ген. Май-Маевского. «Московская директива» ставила для этой армии следующие задания: «Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении: Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав-Брянск (см. схему 4).

Ко времени издания этой директивы войска, носившие название Добрсвольческой армии, занимали фронт в общем от г. Корочи несколько севернее г. Белгорода до района сел. Борисовки на р. Ворскле и далее к югу через г. Богодухов до района г. Екатеринослава, переходя к западу от этого последнего за р. Днепр, и к югу от Екатеринослава по Днепру до самого Черного моря.

Северную часть этого фронта, от г. Корочи до г. Богодухова, занимал добровсльческий корпус генер. Кутепова, пополнявшийся, гланым образом, за счет мобилизованных на Украине и в незначительной степени действительными добровольцами и даже пленными. Псэтому даже этот корпус можно было назвать **добровольческим** теперь уже только с некоторой натяжкой. Русские политики продолжали удерживать это название ради прошлого и ради «политики» дома и особенно за границей. Смотрите, мол, сколько «русских людей» добровольно идет на борьбу с большеви-

ками! При этом, неизменно, победы казачьих армий приписывались «русским добровольцам». Так совершался обман своих и чужих. А что из этого вышло?!

С фронта именно этого корпуса должно было начаться движение на Москву. Если казачья масса и самостийнических настроений казачья интеллигенция и не собиралась идти «походом на Москву», то, очевидно, Добровольческой армии должны были быть чужды подобные казачьи самостийнические настроения. Кому же, как не русским воинам из Добровольческой армии идти «спасать Матушку Москву»?!

Оценивая уже заграницей свою «Московскую директиву», ген. Деникин говорит следующее: «Не закрывая глаза на предстоявшие большие трудности, я был тогда оптимистом. И это чувство владело всем Югом — населением и армиями. Это чувство нашло отклик там на севере, за линией фронта, среди масс, придавленных еще большевицким ярмом и с нетерпением, с радостью ждавших избавления... Оптимизм покоился на реальной почве: никогда еще до тех пор советская власть не была в более тяжелом положении и не испытывала большей тревоги... Все мечтали «идти на Москву», и всем давалась эта надежда» (Деникин. Очерки, т. 5, стр. 109).

Если бы эта оценка соответствовала действительности, выходило бы, что Россия не хотела большевицкой власти и с нетерпением и радостью ждала прихода «белых». В утверждениях Деникина непонятно, во-первых, то, почему Россия ждала, а не бралась за оружие и не выгоняла так ненавистных ей (в устах Деникина) захватчиков власти; почему русские люди не сделали так, как это сделали казаки всех казачьих Войск, как это сделали все «окраины» вообще.

— Потому, вероятно, что в действительности настоящая Россия, рабочие и крестьяне, целую зиму и весну 1919 г. посылали все новые и новые многотысячные пополнения в русские армии, не только защищавшие большевицкую власть в России и неприкосновенность чисто русской территории, но и разгромивших уже армии адмирала Колчака, шедшего именно освобождать Москву «от большевиков». Те же русские войска в мае-июне вели ожесточенные бои с Кавказской

(Кубанской) армией за обладание г. Царицыном, а в июле — за г. Камышин на Волге, и в конце июля между Камышином и Саратовом решительно и окончательно приостановили дальнейшее продвижение Кавказской армии вдоль Волги «на Москву».

В действительности русские армии стали крепкой стеной на границах Дона и России и в упорных боях в июле 1919 г. вырвали из рук Донской армии города Балашов, Борисоглебск, Новохоперск, а перед этим узловую станцию Лиски и г. Бобров.

Если эти действительные события на Колчаковском фронте и на фронтах Оренбург., Яицкой, Кавказ. (Кубанской) и Донской казачьих армий, события, в которых с обеих сторон принимали участие многотысячные армии, вооруженные тысячами пулеметов и сотнями орудий, сопоставим с выше приведенным мнением ген. Деникина, станет очевидным, что Деникин совершенно не понимал происходивших вокруг него исторических больших событий или же свою политику, в корне вредную, гибельную для Казачества, старался прикрыть «оптимизмом».

Если русские люди по ту сторону и по сю сторону фронта так неутолимо жаждали скорейшего освобождения от большевицкой власти, почему это их предполагаемое всеобщее настроение не вылилось в соответствующих действиях Добровольческого корпуса, волной весенних и летних казачьих побед поднятого на высоту городов Корочи и Белгорода, т. е. на самые границы действительно Русской Земли?

Деникин настойчиво и упорно подталкивал Кавказскую (Кубанскую) и Донскую армии к движению на север, «на Москву»; в июле 1919 г. казачьи армии в полном смысле слова **истекали кровью в борьбе с русскими армиями** у Камышина, у Красного Яра, на р. Терсе, у Балашова, у Борисоглебска и Новохоперска, у Бутурлиновки, Боброва и Лисок, у Острогожска, Бирюча и Нового Оскола... А в это время войска ген. Май-Маевского толклись на одном месте у г. Корочи, Томаревки, Борисовки, Красного Кутка, Хотмыжска и Гайворона.

Только 24-25 июля, в связи с продвижением на север 4 Донского корпуса ген. Мамонтова, Доброволь-

ческий корпус Май-Маевского продвинулся из района Хотмыжск-Борисовки на 25-30 верст на север и занял узловую станцию Готня и к востоку от нее ст. Ракитное и сел. Ракову. В оперативных сводках Добровольческой армии за июль 1919 г. довольно часто отмечается: на Корочевском, Обоянском, Судженском направлениях или на фронте Корочевско-Курском «спокойно, ничего существенного, без перемен» и т. д. И это происходило в то время, когда, по словам Деникина, русские люди «с нетерпением, с радостью ждали избавления» и «все мечтали идти на Москву»...

Ген. Деникин по своей доброй воле дал войскам 20 июня «Московскую директиву». И совершенно было бы естественным выявление наибольшей активности на том участке фронта, который занимали Корниловцы, Марковцы, Алексеевцы, Якутцы и Самурцы, составлявшие Добровольческий корпус. Ведь, и географически и психологически им ближе всего была «Матушка Москва».

Если «никогда еще до тех пор советская власть не была в более тяжелом положении и не испытывала большей тревоги», как утверждает Деникин, то почему главнокомандующий не спешил с русскими войсками прогнать «насильников русского народа» — большевиков. Ведь, в это время Донская и Кавказская (Кубанская) армии надежно сковывали силы 8-й, 9-й и 10-й красных армий и этим в полной мере облегчали задачу Деникина на Курско-Московском направлении.

Пока Деникин на северном фронте Добрармии топтался на месте на границах Украины и России, пока он не выступал с Украины в Россию, красное русское командование спешно проводило мобилизацию новых десятков тысяч русских солдат и русских офицеров и бросало их на фронт против Донской и Кавказской (Кубанской) армий; сюда же оно перебрасывало значительные силы с Восточного фронта. В то же время русское красное командование разработало и подготовило осуществление плана нанесения удара по Кавказской и Донской казачьим армиям (см. выше: «Контрмеры красной Москвы»).

Сравнивая действия русского белого и русского красного командования, следует отметить, что именно

за конец июля 1919 г. оперативные сводки отмечают полную бездеятельность северной части фронта Добровольческой армии: 27 июля — «на Курском направлении спокойно», 29 июля — «на Курском направлении ничего существенного, 31 июля — «на фронте 1 Корпуса день прошел спокойно»... А в это же время на другом конце фронта, у р. Волги, совещание командиров корпусов под председательством Врангеля решило: «в случае перехода противника в общее наступление избегать решительных боев и медленно отходить», так как Кавказская (Кубанская) армия в боях с русскими на р. Маныче, у Царицына и Камышина и севернее этого последнего понесла весьма тяжкие потери, была измучена в конец и обессилена (см. «Между Камышином и Саратовом»).

Обратимся теперь к западному, центральному участку фронта Добровольческой армии, к общему рассмотрению боевых действий на Ахтырском, Полтавском и Новомосковском направлениях.

20 июня части Якутского полка наступали на запад из г. Богодухова, лежащего, примерно, верстах в 50 на северо-запад от г. Харькова, и заняли Купьеваху и Козиевку. Но на этом направлении красные немедленно перешли в контр-наступление, отбросили Якутцев далеко на восток и захватили г. Богодухов. 27 июня красные заняли станцию Гаврыши, селение Максимовку и приблизились с запада на расстояние 30-35 верст к самому г. Харькову.

Якутцы и Дроздовцы 27-29 июня переходили в горячие контр-атаки, имея целью вернуть г. Богодухов. Оперативные сводки говорят, что бои отличались большим упорством. Тем не менее красные разбили Якутцев и Дроздовцев у Крысина, Бабинки и Клиновки. Все усилия вырвать г. Богодухов из рук красных в боях 27-го июня — 2-го июля не увенчались успехом. Таким образом, с северо-запада надвигалась весьма серьезная угроза г. Харькову.

Одновременно с этим красные наступали со стороны г. Полтавы на г. Харьков вдоль железной дороги и заняли район Искровки, Коломака, Ландыша, Алек-

сандровки, Мозулева и т. д., и с этой стороны приблизились к тому же Харькову верст на 50. При этом сводки отмечают, что «противник энергично наступает и хорошо маневрирует конницей».

Таким образом, красные теснили белых по линии железной дороги Ахтырка-Богодухов-Харьков и вдоль железной дороги Полтава-Харьков и южнее ее, ставя под удар этот последний пункт, где находился Штаб Добровольческой армии.

В это же время третий кулак красных продвигался из Полтавы на Константиноград и четвертый со стороны Губинихи и Петриковки на г. Новомосковск.

Вместо наступления в сторону «Матушки Москвы» русское командование должно было спешить с мерами спасения своего положения в самом Харькове.

Из предыдущего изложения мы знаем, что как только создавалась серьезная угроза на фронте, занимаемом Добровольческими частями, на выручку им Деникин немедленно бросал казачьи части (см. ч. 1 и 2 «Траг. Каз.»). Точно так поступило русское командование и в этом случае — для ликвидации угрозы г. Харькову с северо-запада и с запада была применена все та же, как будто неутомимая и неисчерпаемая, сила казачьего оружия.

Хорошо зная соотношение русских красных и русских белых сил, Деникин предусмотрительно задержал к западу от Харькова 1-ю Терскую конную дивизию после того, как она в июне совершила свой блестящий рейд, последовательно заняв города Изюм, Купянск, Волчанск и Белгород и обошла Харьков с севера и северо-запада (см. ч. 2 «Траг. Каз.»). К концу июня Терская дивизия была выдвинута в разрез между железными дорогами Ахтырка-Харьков и Полтава-Харьков (см. схему 8) и 1-2 июля сосредоточилась в районе сел Мурафа — Мирное. К этому времени особенно усилился нажим большевиков из района г. Богодухова: 2 июля красные снова заняли Максимовку и наступали на Харьков; другая группа красных войск, как сказано выше, наступала со стороны Полтавы.

В этот опасный момент русское командование приказало Терской дивизии энергично ударить по тылам

красных, сосредоточившихся в районе Богодухов- Гаврыши-Максимовка. 3 июля Терская дивизия выступила из Мурафы-Мирного, перерезала линию железной дороги в тылу выше названной группы большевицких войск и 4 июля заняла сел. Дмитриевку — верстах в 10-ти на северо-запад от г. Богодухова. Потом быстрым маршем дивизия направлялась далее на северо-запад к р. Ворскле. Доблестная 1 Терская дивизия 5 июля уже захватила в глубоком тылу красных узловую станцию Кириковку и в 25 верстах вправо от нее селение Большую Писаревку (схема 8). Немедленно эта славная дивизия вступила в новый бой за обладание г. Ахтыркой, что находится верстах в 18 влево от Кириковки. 6 июля Терцы захватили этот город.

В то же время, как говорит оперативная сводка Добровольческой арм., 6 июля «Дроздовцы сменили Терцев в Кириковке». Как видим, в течение всего трех дней Терцы очистили от красных большой треугольник: Мурфа-Б. Писаревка-Г. Ахтырка (см. схему 8). Могучим казачьим ударом красные, занимавшие район Богодухова-Максимовки, были совершенно деморализованы и начали очищать Богодуховский и Краснокутский районы. В связи с этим, оперативные сводки отмечают: Дроздовцы, Якутцы и Партизаны взяли Богодухов, а 3-ий баталион Дроздовцев занял г. Краснокутск. Угроза Харькову с северо-запада была быстро ликвидирована.

Выше было отмечено, что одновременно с нажимом на Харьков со стороны Ахтырки- Богодухова, большевики наступали на Харьков и со стороны г. Полтавы. Для ликвидации этой угрозы была брошена та жа Терская казачья дивизия. После взятия г. Ахтырки 6-го июля Терцы несутся на юг и уже 7 июля оказываются на р. Мерля — в районе сел Колонтаево и Любовки, а 8 июля разбивают красных на левом берегу этой реки в районе Константиновки-Приют-Ковалевки, ликвидируя таким образом левый фланг группы большевицких войск, наступавших на Харьков со стороны Полтавы.

Одновременно с этим Терцы б'ют уже и непосредственно по тылам этой же группы советских войск в районе железной дороги Полтава-Харьков. В боях 7-9

июля Терцы разгромляют красных в районе станций Искровки-Скороходово и, при помощи Самурцев, отбрасывают большевицкие войска к Полтаве.

После этого красные, силою до дивизии, при поддержке бронепоездов, снова повели было упорное наступление вдоль железной дороги со стороны Полтавы на станц. Искровку, но, как говорит оперативная сводка Добровольческой армии, «Терцами и нашей пехотой противник был отброшен к Полтаве».

Вследствие этих побед угроза Харькову со стороны красных, наступавших по линии желез. дороги Полтава-Скороходово-Харьков, была также быстро ликвидирована.

Третья группа красных войск, действуя одновременно и в согласии с двумя первыми группами, наступала по линии железной дороги Полтава-Константиноград. Четвертая группа советских войск стремилась захватить г. Новомосковск (схема 8). Константиноградское и Новомосковское направления защищала 2-я Кубанская пластунская бригада. Части этой казачьей бригады были разбросаны более чем на стоверстном фронте от района г. Константинограда до р. Днепра; причем 4-й баталион этой бригады был направлен на правый берег Днепра для защиты железной дороги из Екатеринослава на Верховцево. Вследствие такой разбросанности частей бригады, командир ее, ген. Гейман, не мог собрать значительного кулака для противодействия противнику на линии железн. дороги Полтава-Константиноград. После весьма упорных боев в районе Варваровки, Поповки, Марьяновки и, особенно, у станции Ланной красные, потеснили пластунов и 7-го июля заняли г. Константиноград. Однако дальнейшее их продвижение было решительно остановлено пластунами на линии Россоховатый-Крутояровка-балка Вшивая... (схема 8).

Большевики, наступавшие 20-23 июня в направлении на г. Новомосковск, контр-ударами пластунов были разбиты и отброшены на фронт сел Николаевка-Губиниха. Однако, большевицкое командование после этого повело весьма решительное наступление на г. Новомосковск широким фронтом через Петриковку, Николаевку и Губиниху. Сил 2-й Кубанской пластунской

бригады, одновременно защищавшей города Константиноград и Новомосковск, было совершенно недостаточно для ликвидации этого удара красных на Новомосковск. Поэтому командующий Добровольческой армией ген. Май-Маевский приказал 1-й Кубанской дивизии, защищавшей в это время г. Екатеринослав с запада, на левом берегу реки Днепра, молниеносным маршем перебросится через г. Екатеринослав на левый берег Днепра и разбить большевицкий кулак, прорывавшийся к г. Новомосковску и угрожавший самому г. Екатеринославу. Всего в течение двух дней эта казачья дивизия блестяще выполнила поставленное ей задание (см. об этом далее: «Борьба за обладание Днепром» и схему 9-тую).

Для содействия Кубанским пластунам 2-й бригады, упорно и самоотверженно боровшимся с Константиноградско-Полтавской группой красных, была брошена часть Терской 1-й дивизии из района Скороходовс-Исковка через Кочубеево-Максимовку на Карловку, в тыл советским войскам, занимавшим Константиноград. Оперативная сводка Добр. армии за 11-е июля отмечает, что «по показаниям пленных в рядах красных начинается паника вследствие появления в их тылу Терцев»... Константиноградская группа красных была сдавлена пластунами с юго-востока, востока и с северо-востока, а Терскими казаками с северо-запада. В двухдневных боях, при помощи гвардейцев, Константиноградская большевицкая группа была разбита и отброшена на Полтаву.

Даже командующий Добр. армией генер. Май-Маевский принужден был особо отметить выдающееся значение участия казаков в разгроме и этой большевицкой группы.

После этого начинается непосредственная операция по взятию г. Полтавы. Сводка Добровольческой армии за 14 июля говорит между прочим следующее: «Наша конница (Терцы) вышла в тыл Полтавской группе противника, который отступает на всем фронте». В это время часть сил Терской дивизии была брошена в тыл Полтавской группе красных с целью перерезать у станции Абазовки железную дорогу Полтава-Киев. Большевики в панике бежали. 15-го июля «гвардия подошла к Пол-

таве», говорит оперативная сводка, «и на плечах бегущего противника ворвалась в город». Та же сводка свидетельствует о том, что казаки принимали и непосредственное участие во взятии г. Полтавы: ...«Одновременно Терцы, переправившись через р. Ворсклу, ворвались в Полтаву с востока и с юга» (сводка за 15-7-1919 г.).

После взятия Полтавы части Терской дивизии были направлены вниз по р. Ворскле и 18 июля казаки заняли г. Белики, а 19 июля и г. Кобеляки — верстах в 60 южнее г. Полтавы.

Как видим, 1-я Терская конная дивизия, с 3-его по 19-е июля 1919 г., с боями прошла огромный район от Мурафы-Мирного до Большой Писаревки, Кириковки и г. Ахтырки на р. Ворскле, далее до Колонтаева, Любовки и Константиновки, еще далее до Скороходово и Карловки, потом в тыл Полтавы и еще далее до г. Кобеляки (см. схему 8). О действиях этой дивизии в описываемый период борьбы находим в печати того времени следующий отзыв: ...«Покрывшие себя славой доблестные Терские казаки попрежнему действуют по тылам противника, как истинные партизаны, не зная устали и препятствий. Их движение неуловимо для большевиков: были под Курском, но неожиданно очутились в тылу Харькова (см. ч. 2-ю «Трагедии Казачества»), были в Ахтырке — очутились в тылу Константинограда, наконец, были в тылу Полтавы и совершенно неожиданно для красных очутились в тылу городов Белики и Кобеляки, которые были взяты Терцами так быстро, что красные, наступавшие на Новомосковск, очутились в совершенно критическом положении» (газета «Вольная Кубань» 23 июля 1919 г.).

Выдающееся значение 1-й Терской дивизии в ликвидации Ахтырско-Богодуховской, Полтавско-Харьковской и Полтавско-Константиноградской групп красных войск не подлежит никакому сомнению. Терцы прошли с победами всю левобережную часть бассейна реки Ворсклы от Б. Писаревки до Полтавы и правобережную от Полтавы до г. Кобеляки.

Кубанские казаки 2-й Пластунской бригады под командованием ген. Геймана также сыграли выдающуюся роль в борьбе с красными на длинном фронте от района несколько севернее г. Константинограда до р. Днеп-

ра, а 4-й батальон этой бригады блестяще работал на правом берегу Днепра в районе г. Екатеринослава-г. Верхнеднепровска.

Ген. Деникин дает, конечно, свою оценку июльским боевым операциям на Левобережной Украине, приведшим к очищению от красных войск всего течения р. Ворсклы от г. Ахтырки до самой р. Днепра. Деникин пишет: ...«На западе Добровольческая армия, отбросив 13 сов. армию и группу Беленьковича взяла Полтаву» (Очерки, т. 5, стр. 109). Пишется так, чтобы читатель мог думать, что 13 сов. армию и группу Беленьковича разбили русские добровольцы. Между тем, главная честь побед на р. Ворскле и р. Орели, без сомнения, принадлежит казакам 1-й Терской конной дивизии, 2-й Кубанской пластунской бригаде и 1-й Кубанской (Кавказской) конной дивизии. Однако, это не мешает бывшему главнокомандующему Деникину представлять военные события того времени в неправдивом виде. Пусть, мол, знают потомки, что «русские добровольцы» имели такие большие успехи в борьбе против русского большевизма. Мы, конечно, не отрицаем участия незначительного числа действительных русских добровольцев в боях на Украине, но отводим им то место, которое они занимали в действительности, а не в фантазии русских «патриотов».

Выше мы отметили уже, что Деникин сохранял пассивное положение на северном участке фронта Добровольческой армии, от г. Корочи до г. Гайворона, и в то же время он стремился продвинуться на запад и северо-запад вглубь Украины. Между красной и белой Россией завязалась упорная борьба за обладание Украиной.

Кроме множества различных советских комиссаров, наводнявших Украину, в июле 1919 г. туда же прибыл сам Л. Троцкий и посетил 4-го июля Ворожбу, 6-го Лохвицу и Ромодан, 6-го же — Бахмач, 8-9 июля Кременчуг, 8-го г. Полтаву, 21-го Миргород, 22-го — Лубны, 26-го Конотоп и т. д., т. е. из'ездил всю Левобережную Украину вдоль и поперек. Троцкий всюду призывал население к борьбе за советскую Украину,

к организации украинской красной армии, к борьбе с Деникиным и т. д.

Что представляла из себя в это время Украина? Она была охвачена восстаниями против большевицкой власти. Даже большевицкие исследователи борьбы на Украине в 1919 г. признают, что «в течение мая, июня и июля против советской власти организовалось множество «банд». В Переяславском и Золотоношском уездах Полтавской губ. и в ближайших районах Киевской действовали повстанцы атамана Зеленого, 2000 повстанцев Тютюнника оперировали в Звенигородском, Уманском и иных уездах; в Черниговской губ. действовал атаман Струк; в Радомышльском — атаман Мордалевич, в Гайсинском — атаман Волынець, в районе Сквира-Тальное-Вапнярка-Сокол, в Киевской и Подольской — атаман Шепель; в Полтавской и Черниговской — атаман Ангел; в Киевской — атаман полковник Дяченко и т. д. Поэтому советская власть на Украине держалась только в больших центрах, опираясь на войска» (Б. В. Козельский. Шлях зрадництва и авантур. 1927. Стр. 19-22).

8-го июля 1919 г. Л. Троцкий писал: ... «Советской Украине больше всего сейчас нужен твердый порядок... Первым делом нужно покончить с бандитизмом. Нельзя дальше терпеть ни одного дня, чтобы развратные негодяи под именем атаманов и батек набирали себе столь же развратные банды... разрушали железнодорожные сооружения, устраивали крушения поездов, губили сотни и тысячи человеческих жизней. Чуть не каждый день появляются мелкие атаманы. Они захватывают оружие, вербуют в свои банды дезертиров, то темных солдат красной армии, то кулаков из деревень и сел... От этих банд нет житья на Украине... Еще несколько месяцев безобразной, бесчестной, кровавой анархии и украинский народ превратится в труп», писал Троцкий, этот организатор русских красных сил для порабощения Казачества и Украины (Троцкiй. Как вооружалась революция. Т. 2-й, книга 1, стр. 141-258).

Занятая упорной борьбой против Донской и Кавказской (Кубанской) армий, советская Россия не могла тогда бросить большие, чисто русские силы на Украину. Красные же части, набранные из украинского на-

селения, не проявляли большой устойчивости. Не удивительно, что поповоду потери г. Полтавы Л. Троцкий писал: ... «Сдали Полтаву бесславно. Если про Харьков и Екатеринослав еще можно было сказать, что нас застигли врасплох, то насчет Полтавы этот довод не годится. После сдачи Харькова и Екатеринослава было у нас время подготовиться. Более того, незадолго до сдачи Полтавы мы взяли Константиноград. Дела шли как будто хорошо... И вдруг и Полтава пала. Хотите знать, товарищи красноармейцы, кто предал Полтаву? Скажу вам по совести: Полтаву предал беспорядок в самой красной армии. У нас **два полка из бригады бандита Богунского самовольно снялись и пошли, куда глаза глядят.** Вот кто предал Полтаву. При смене негодного командира начинается митингование шкурников и бездельников: принять или не принять нового, поставленного советской властью командира. По поводу боевых приказов опять-таки разговор, пересуды, митингование... Соблюдаются ли строго правила охранения? Нет, не соблюдаются! Наши украинские части нередко дают застигнуть себя врасплох. Ведется ли серьезная разведка? Нет, разведка ведется кое-как. Поддерживается ли правильная связь? Посылаются ли своевременно донесения. Нет и нет! Действуют, как взбредет на ум или как случится. Порядка нет, дисциплины нет, строгой ответственности нет... Нужен только порядок... Тогда вернем Полтаву. Не только Полтаву, но и Харьков, и Екатеринослав, и Донецкий бассейн, и Северный Кавказ. Тогда разгромим Деникина как Колчака», писал Троцкий 21 июля 1919 г. в Миргороде (там же, стр. 252-253).

Говоря о разработке планов красной Москвы для ликвидации Казачьих армий, мы отметили выше, что первоначальный план красных, предложенный в июле 1919 г., намечал нанесение главного удара через восточную Украину на Донецкий бассейн и далее на Новочеркасск-Ростов. Однако, потом красное командование это свое намерение изменило и решило нанести главный удар против Кавказской (Кубанской) и Донской армий со стороны русских губерний Тамбовской и Саратовской.

С другой стороны, и Деникин, не имея достаточ-

ных русских сил, решил разгромить своего русского же противника войсками тех же казачьих Донской и Кавказской (Кубанской) армий.

Пока красное командование подготовляло этот удар, белое командование облегчило противоказачью работу советской власти, во первых, тем, что конец июня и весь июль 1919 г. оставляло пассивной северную часть фронта Добровольческой армии и, во вторых, тем, что значительные казачьи силы были сняты с антикрасного фронта и переброшены на Украину для осуществления здесь намерений белой России.

Красная Россия зимою 1919 г. прилагала большие усилия, чтобы поднять Украину против Деникина, а этот белый генерал принял меры, чтобы силы казаков использовать для завоевания Украины. Поэтому мы видим, что здесь действуют не только 1-я Терская, 1-я Кавказская конные дивизии, 2-я Кубанская пластунская бригада, но и другие казачьи части.

Вместо борьбы против красной России, Деникин повел борьбу против Украины. Если серьезно отнестись к оценке намерений руководителей русского белого движения, выразившихся в «Московской директиве» и в фактическом распределении сил на фронте летом 1919 г., то станет очевидным, что Деникин, как выразитель настроений и желаний белой России, хотел, чтобы казаки помогли ему усесться в Москве и чтобы те же казаки помогли России покорить Украину, а в результате и сами казаки должны были быть послушным орудием в руках «матушки России».

Если бы казачьими силами распоряжались не русские, а казачья власть, она не допустила бы того, что мы видим в действительности и что привело Казачество на самый край бездонной пропасти.

БОРЬБА ЗА ОБЛАДАНИЕ ДНЕПРОМ

I.

(Схема 9).

Руководили красных армий отдавали себе отчет в том, что на юге сов. России ведет войну с группой казачьих Войск — Донским, Кубанским, Терским и Астраханским — и с Украиной. Как известно, советское правительство к концу 1918 г. поставило на юге две самостоятельных, но тесно связанных между собою, задачи: 1) уничтожение казачьих армий Дона, Кубани и Терека и 2) советизирование Украины, т. е. создание здесь советской власти, работающей по указаниям Москвы.

Хорошо задуманная правителями России программа политической, национальной, экономической и военной деятельности на Казачьих Землях потерпела полный крах в первой половине 1919 г. Ко второй половине июня русские красные армии принуждены были совершенно очистить Казачьи Земли и уйти на окраины русской территории.

Почти в полной мере провалилась и большевицкая программа деятельности на Украине.

Руководители русского белого движения решили воспользоваться в своих интересах создавшимся на Украине положением. И здесь мы снова должны особенно подчеркнуть то важное обстоятельство, что русское белое движенie решило свою русскую, единонеделимческую программу работы на Украине осуществить при помощи казачьей военной силы. Разбирая «Московскую директиву», мы отметили, что не менее трех четвертей всей тяжести борьбы по захвату Москвы русские белые руководители возложили на Казачьи армии и что для наступления на Москву своей Добровольческой армии Деникин оставил только одно направление Курск-Орел-Москва. Кроме того, русские белые вожди решили казачьими войсками постепенно очистить и территорию Украины от советских войск, и на очищенной казаками территории попробовать создать русскую армию для борьбы за идеалы, которые преследовало русское белое движение.

В соответствии со своей политической программой Деникин распределял казачьи войска на фронте. Во второй половине июня 1919 г. казачьи полки и батальоны занимают длинный фронт от г. Богодухова до проходов в Крым: в районе города Богодухова-Краснокутска действовала 1-я Терская дивизия, на направлении Константиноград-Полтава работала 2-я Кубанская пластунская бригада, растянувшая свой левый фланг до самого Днепра; на правом берегу Днепра в районе Екатеринослава храбро работала 1-я Кубанская Кавказская конная дивизия и части 4-го Куб. пл. батальона; весь левый берег Днепра от Екатеринослава до г. Александровска и южнее был очищен Кубанскими пластунами той же 2-й бригады, при чем, как отмечает оперативная сводка от 20-го июня, «доблестные Кубанские пластуны по линии железной дороги к югу от Александровска отбили у противника два бронепоезда, красные бежали за Днепр»; еще южнее 2-й Лабинский полк очистил от большевиков весь район Малой и Большой Белозерки и Малой и Большой Знаменки, подойдя к берегу Днепра напротив г. Никополя, а 42-й Донской конный полк очистил от красных земли к западу от г. Мелитополя — район селений Гохфельд, Екатериновки, Тернового — и далее на запад в направлении Каховки-Бериславль. Следует отметить, что самая встреча войск, наступавших из района Мариуполя-Юзовки на нижний Днепр, с войсками 3-го Корпуса, действовавшего в Крыму, начиная с Акманайских позиций, произошла на станции Рыково, удаленной всего верст на 20 от Крыма (Чонгарский полуостров). (См. схемы 8 и 9).

Мы знаем, что 2-я советская армия на Украине, в июне 1919 г. переименованная в 14 сов. армию, была расстроена и дезорганизованна не только казачьими победами, но и уходом из ее состава массы украинских селян, перед этим обманом и террором втянутых в красную армию. Весь правый берег Днепра кипел в огне антисоветских восстаний. Большевицкие исследователи событий того времени признают, что повстанцы занимали в июне-июле 1919 г. огромный район от г. Никополя на р. Днепре до Елисаветграда, Ново Украинки и г. Вознесенска. «Эти шайки... легко сдавали

под фронтальными ударами хорошо организованных частей с тем, чтобы затем опять нависнуть на их фланги, тылы и сообщения» (Н. Какурин. Как сражалась революция, т. 2-й, стр. 285).

Вследствие такого положения дел на Правобережной Украине, как мы отметили уже в разделе «Бои на Левобережной Украине», советская власть не могла удерживать здесь сплошного фронта, так как красные войска боролись и против казаков и против повстанцев. Обыкновенно, большевицкое командование собирало вокруг крепких красных или интернациональных частей той или иной величины ударные кулаки и при их помощи старалось осуществить задания Москвы.

Вызванный об'ективными обстоятельствами такой способ ведения большевиками войны на Украине давал широкую возможность казакам применять маневр, охват флангов противника, выход на его тыл, внезапность удара. Так 16 июня Кубанцы налетом захватили г. Екатеринослав, лежащий на правом берегу Днепра, хотя им было приказано занять только екатеринославский железнодорожный мост (см. приказы по 1-й Кавказской дивизии за июнь 1919 г.). Этот блестящий казачий маневр разрезал большевицкие силы на р. Днепре на две части: 60 сов. дивизия отходила на Полтаву, а 58 сов. — Крымская — дивизия заняла фронт по р. Днепру от Екатеринослава вниз до г. Херсона (С. Урицкий. Между Одессой и Николаевым. Гражданская война, т. 1, стр. 96).

Одновременно с усилиями красных продвинуться вперед на Ахтырско-Харьковском, Полтавско-Харьковском и Полтавско - Константиноградском направлениях, усилиях, разбиваемых, главным образом доблестными 1-й Терской дивизией и 2-й Куб. пластунской бригадой, в июне-июле 1919 г. большевики стремились во чтобы то ни стало снова овладеть г. Екатеринославом, без обладания которым они не могли закрепиться на Днепре. При этом большевицкое командование, одновременно или последовательно один за другим, наносило удары на Екатеринослав по трем направлениям: а) правым берегом Днепра вдоль железной дороги Пятихатка - Верховцево - Екатеринослав, дававшей широкую возможность большевикам применять бронепо-

езда; б) по степным дорогам с юго-запада и с юга через Карнауховские хутора и селения Михайловское и Сурское и в) левым берегом Днепра в направлении Новомосковска и Нижнеднепровска (см. схему 9).

После взятия Екатеринослава Кубанская 1-я Кавказская дивизия, в составе Хоперской и Партизанской бригад, весьма успешно маневрируя на правом берегу Днепра, защищала подступы к Екатеринославу. 19 июня она занимала район селения Михайловки, 20 июля продвинулась в район сел. Марьевки, удаленной верст на 65-70 на юго-запад от Екатеринослава. Необходимо отметить, что оперативная сводка за этот последний день отмечает, между прочим, следующее: «Сведений о близости крупных сил противника не поступило (район Марьевки-Авдотьевки). По сведениям жителей везде бродят мелкие шайки, оставшиеся после развала и распадения красных частей. По зарослям и хлебам скрываются партии по 3-5 человек местных коммунистов. Местами встречаются и партии «Григорьевцев». Нужно сказать, что именно в это время «Махно со своей бригадой, которая входила в состав дивизии (59-й), сначала занял неясную позицию по отношению к советской власти, а затем оголив фронт в районе Никополя, ушел в Знаменские леса» (там же).

Эти данные белого и красного русского командования наилучше характеризуют условия борьбы на Днепре летом 1919 г.

Было приказано 1-й Кавказ. казачьей дивизии двинуться далее на юго-запад и на запад от Екатеринослава, в сторону Кривого Рога. В это время одна из ударных групп большевицких войск, в 4 тысячи пехоты с 3-4 бронепоездами и бронеавтомобилями, повела весьма энергичное наступление на Екатеринослав с запада, вдоль железной дороги, захватила станцию Запорожье и сел. Михайловку. Большевики вели бой с Кубанскими пластунами уже у станции Сухачевки всего верстах в 10 от Екатеринослава (боевые приказы по дивизии).

Молниеносным ударом Кавказской дивизии во фланг и тыл красным, а Кубанских пластунов с фронта советская ударная группа понесла полное поражение в районе станций Запорожье, Воскобойная, Верхне-

днепровская и Верховцево. За два дня казачья конница и пехота очистила от красных весь район от Екатеринослава до г. Верхнеднепровска и района селения Алферовки, что находится верстах в 90 на запад от Екатеринослава.

Здесь мы должны отметить факт, ярко освещающий всю политику русских в отношении казаков и украинского населения. Мы знаем из предыдущего изложения, что 14 июня в г. Ростове русские убили председателя Кубанской Краевой Рады и председателя Кубанской делегации на конференцию представителей Дона, Кубани и Терека, имевшей заданием скорейшее создание Доно-Кубано-Терского Союза. Мы также знаем, что после взятия казаками большевицкой твердыни на р. Волге — Царицына генерал Деникин в этом городе издал свою «Московскую директиву». 21 июня в Ростове на Дону на совещании Деникина с председателем Донского Круга Харламовым и председателем Терской делегации на выше названную Конференцию ген. Баскаковым была установлена программа дальнейшей русской работы по возрождению единой и неделимой России.

Как же Деникин отнесся к факту блестящих побед казаков на другой большой реке — на Днепре? Председатель Кубанского Парламента убит. Кубанцы взяли Царицын, «Московская директива» выпущена, с председателем Донского Круга и председателем Терской делегации поладили. Кубанцы взяли Екатеринослав и геройски разбили четырехтысячную большевицкую группу и почти за сто верст загнали остатки ее к западу от Екатеринослава. И Деникин едет на Днепр с целью политического закрепления за русскими казачьих побед над большевиками. Для характеристики русской «белой» политики в то время приведем следующий документ»:

«Приказ 1-й Кавказской казачьей дивизии № 047. 24 июня 1919 г. Селение Тепловка.

Завтра на станцию Адамовское прибудет Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал Деникин в сопровождении генерала Шкуро... Генерал Деникин произведет дивизии смотр.

На 25 июня приказываю:

1. Для встречи — почетный караул, трубачи и т. д. Коменданту озаботиться наличием депутации от жителей с хлебом и солью, а также от местных жительниц — с полевыми цветами.

2. Для парада всей Дивизии, за исключением сотен и орудий, высланных на ст. Граново и Божедаровка, построиться на поле...

3. Коменданту условиться с духовенством о подготовке благодарственного молебна, на котором поминать: 1) Единую Великую Державу Российскую, 2) Верховного Правителя России воина Александра (Колчака), 3) Главнокомандующего вооруженными силами юга России воина Антона (Деникина), 4) партизана земли Русской воина Андрея (Шкуро), 5) победоносное христолюбивое Российское воинство и провозгласить вечную память павшему на поле брани воину Лавру (Корнилову), в Бозе почившему воину Михаилу (Алексеев) и всем воинам на поле брани за Веру и Отечество живот свой положивших.

4. После молебна церемон. мар. и т. д.

Подписал: врем. исп. обяз. начальника дивизии полковник Шифнер-Маркевич»...

Из этого приказа ясно видно, какими способами и какую политику осуществляли «аполитичные» командиры казачьих войсковых частей на фронте: по приказу появлялись «депутации» с хлебом и солью, а «также от местных жительниц с полевыми цветами», по приказу же духовенство прославляло державу Российскую и воинов-генералов.

После этого услужливые и подобострастные русские «военные корреспонденты» разносили по всему свету сообщения о том, как «все население с восторгом и слезами радости встречало главнокомандующего, как «прославляло избавительницу — Добровольческую армию» (которой, кстати сказать, и близко не было), как «казаки кричали ура Деникину»...

Казаки своею доблестью и своею кровью добывали победы над большевицкими войсками, а русские старались принудить казаков делать русскую политику, хотя казачьи Парламенты не признавали власти ни Деникина, ни Колчака. Пренебрегая волей Казачества, пользуясь оторванностью казачьих боевых частей от

Родных Краев, русские правители с полным пренебрежением относились к постановлениям казачьих Кругов и Рады.

За несколько дней перед этим русские убили председателя Рады Кубани. Вся народная Кубань горячо протестовала против этого злодеяния. Рядовая казачья масса приговорами десятков станиц требовала энергичной охраны самостоятельности и независимости Кубани, а в это же время Кубанские части принуждались на фронте прославлять непризнанного Кубанью Правителя России.

Рядом с этим, используя казачьи победы, Деникин бросал вызов всей Украине, с которой Казачество хотело жить в дружбе. Вот к каким печальным и гибельным последствиям приводило сотрудничество казаков с «белой» Россией».

Пока Деникин в Екатеринославе разыгрывал роль «собирателя России», севернее г. Екатеринослава, в районе Петриковки, Николаевки и Губинихи, появились группы красных войск силою до 5 тысяч бойцов и наступала на г. Новомосковск с целью охватить самый Екатеринослав с северо-востока и с востока. Надо было спасать положение, так как тонкая цепочка Кубанских пластунов могла и не выдержать натиска красных. Но где взять войска для того, чтобы отбить нападение красных, которые в это же время сильно нажимали на Харьков с двух сторон и на г. Константиноград (см. выше: «Бои на Левобережной Украине»).

26 июня Кавказской дивизии было приказано самым быстрым маршем переброситься из района Тепловки через Екатеринослав на левый берег Днепра, разбить красных и очистить весь район между реками Самарой и Орелью. За один день сделав переход около ста верст, эта казачья дивизия была уже в назначенном для ее новых боевых операций районе сел. Каменки, что на левом берегу Днепра. Угроза Новомосковску и Екатеринославу была очень быстро ликвидирована усилиями 1-й Кавказской дивизии и частями 2-й Кубанской пластунской бригады.

Пока стальная Кавказская дивизия молниеносными ударами ликвидировала большевицкое наступление на

левом берегу реки Днепра между реками Самарой и Орелью, новая угроза Екатеринославу надвигалась, теперь уже с юга. Видя, что удар советских войск на Екатеринослав по железной дороге с запада потерпел полное крушение, бывший командующий Крымскими красными войсками Дыбенко собрал к югу от Екатеринослава третью ударную группу красных войск, в состав коей вошла, между прочим, лучшая бригада имени Ленина, и ударила на злополучный город. 27 июня Дыбенко занял все села к югу и юго-западу от Екатеринослава и через селение Селецкое подходил уже к самому городу.

Неутомимая Кавказская казачья дивизия в ночь с 28 на 29 июня бросилась из Каменки к Екатеринославу и на рассвете 29 июня атаковала противника у самой южной окраины города. Бои отличались особенным упорством с обеих сторон. Однако, казаки снова оказались победителями над превосходными силами красных. В военном обзоре, с 21 июня по 1 июля 1919 г., по поводу этих боев читаем следующее:

...«Последние два дня красные вели энергичное наступление в направлении Екатеринослава, сосредоточив здесь все силы, успевшие пробиться из Крыма, а также подвезенные из Одесского района. Наши славные Кубанцы нанесли частям Дыбенко ряд серьезных ударов, захватив 2000 пленных» («Приазовкий Край», № 151, 5-7-1919).

Так казаки в течение 7-8 дней разгромили целых три ударных группы красных войск, наступавших на Екатеринослав с запада, с северо-запада и с юга, при чем казачья дивизия, как вихрь, носилась на путях к Екатеринославу, нанося смертельные удары советским войскам. К первым числам июля 1919 г. Кавказская дивизия очистила от красных большой район правого берега Днепра от Екатеринослава до Кичкаса, при чем только в районе Сергиевки-Башмака эта дивизия полностью уничтожила 8-й Крымский ударный полк, захватила 6 орудий, до 10 пулеметов и броневик «Дыбенко».

В это время 3-й Деникинский корпус, пестрого состава, подойдя из Крыма к нижнему течению реки

Днепра, в полной мере бездействовал, прикрываясь широкой рекой.

42-й Донской и 2-й Лабинский казачьи полки, по окончании очищения северной Таврии от красных войск, были переброшены в район Екатеринослава на помощь 1-й Кавказской дивизии и Кубанским пластунам 4-го баталиона.

Во время ликвидации Кавказской дивизией группы Дыбенко к югу от Екатеринослава, большевицкие войска большими массами повели новое наступление на этот город широким фронтом с запада. 11-го июля Кавказская див. из района Широчанских хуторов бросается в тыл группе красных войск, скопившихся в районе селений Михайловка-Криничка. Мощными ударами Кавказ. дивизии с тыла, а 42 Донского и 2 Лабинского полков — сводной бригады ген. Склярова — с фронта 12 июля и эта группа красных была разгромлена и в панике бросилась на ст. Воскобойню, станц. Верховцево и на сел. Марьевку.

Однако, и после этого поражения левый фланг красной группы продолжал упорно держаться на станции Запорожье — 2, 4, 9 и 49 советские полки и 6 бронепоездов — и на станц. Верховцево. 42 Донскому и 2 Лабинскому полкам, составлявшим бригаду ген. Склярова, была дана задача наступать на юг от Екатеринослава на г. Никополь. Кавказская дивизия 13 июля захватила станц. Верховцево и ударила с тыла на ст. Верхнеднепровск, где встретила упорнейшее сопротивление противника. «Дивизия четыре раза переходила в атаку и только последняя во главе с начдивом решила бой в нашу пользу», говорит официальная оперативная сводка. Здесь казаки взяли 6 орудий, бронепоезд, бронемашину и свыше 1.000 пленных.

13-15 июля в районе Запорожье-Воскобойная снова шли ожесточенные бои между Кавказ. див. и 4-м Кубанск. пласт. батальоном, с одной стороны, и красными войсками, с другой. Бои отличались большим упорством потому, что Москва категорически потребовала от своих войск какой угодно ценой взять Екатеринослав и выйти на восточный берег р. Днепра, дабы спасти положение красных на фронте Полтава-Константиноград и Полтава-Харьков, где 1-я Терская

конная дивизия и 2-я Кубанск. пласт. бригада наносили смертельные удары красным (см. выше: «Бои на Левобережной Украине»). Тем не менее казаки снова заразгромили красных к западу от Екатеринослава и заняли весь район от города Верхнеднепровска до станции Верховцево и селения Кринчики.

В это же время на юго-запад и на юг от г. Екатеринослава успешное наступление вели 2 Лабинский и 42 Донской конные полки, встречая иногда упорное сопротивление со стороны противника — например, у Трейтузина. К 20-му июля эти два полка занимали уже Канцеровку и Хортицу, удалившись от Екатеринослава верст на 70 на юг. Наступление красных через сел. Чумаки в тыл этим полкам было ликвидировано Хоперской бригадой Кавказ. дивизии, снова совершившей стоверстный рейд. 23 июля Кубанцы и Донцы овладели уже г. Никополем, что лежит на правом берегу Днепра, и наносили удары в западном направлении, в сторону станции Долгинцево и Кривого Рога.

23 июля Кавказ. казачья дивизия взяла узловую станцию Пятихатки, удаленную на 100 верст к западу от Екатеринослава. Эта победа была последним актом блестящих действий стальной казачьей дивизии и 4-го Куб. пласт. баталиона, ликвидировавших все усилия превосходных сил противника, стремившегося снова овладеть г. Екатеринославом. Исключительно о казачью доблесть разбились все усилия 14-й советской армии и Крымской группы красных войск.

Кубанская конная дивизия в составе 4-х полков, 4-й Куб. баталион, 2-й Лаб. и 42-й Донской полки, как видим, достигли выдающихся успехов, охраняя фланг и тыл армий, обращенных лицом на север и занимавших длинный фронт от р. Волги до р. Ворсклы.

Ильские победы 1-й Терской дивизии и 2-й Кубанской пластунской бригады на левом берегу Днепра с совершенной очевидностью свидетельствовали не только об общеизвестной доблести казачьих частей, но и о сравнительной слабости красных сил на Украине. Ген. Деникин, оставляя пассивным участок фронта Добровольческой армии севернее Харькова, а также

фронт 3-го Корпуса на нижнем Днепре, предоставляя Донской и Кавказской (Кубанской) армиям вести борьбу на длинном фронте от г. Корочи до р. Волги и за этой рекой, решил продолжать продвижение вглубь Украины. С этой целью он усилил 7-й дивизией, взятой из Кавказской армии, и другими частями свои войска, действовавшие на фронте Ахтырка-Полтава и двинул их на Киев. Кроме этого, в районе Екатеринослава к 20-м числам июля, для той же цели, была сосредоточена весьма сильная по тем временам группа войск. О боевом составе, расположения и задачах этой группы достаточно ясно говорит нижеследующее распоряжение вр[illegible]енно командующего этой группой войск генерала Ирманова:

«Телеграмма Начдиву 1-й Кавказской, ген. Хозову, полковнику Цыбульскому, генералу Склярову.

24 июля противник вытеснен Терскими пластунами из гор. Верхнеднепровска. 1-я Кавказская каз. дивизия овладела станцией Пятихаткой, выдвинув передовые части к станциям Зеленая и Желтые Воды. В направлении на Долгинцево сотней 4 Куб. пласт. батальона с 2-мя бронепоездами занята станция Божедаровка. Бригада ген. Склярова, овладев гор. Никополем, продолжает теснить противника к р. Бузулук.

Во исполнение директивы Комкора 2 № 0775 я решил: выдвинув активный заслон в сторону Долгинцево-Кривой Рог, нанести решительный удар в направлении Александрия-Крюков с целью разбить шестую Советскую дивизию, отходящую на Кременчуг и Александрию, и овладеть переправой у Крюкова.

Во исполнение сего приказываю:

1) Генр. Хозову (5, 6, 7 и 8 Терские пластунские баталионы, 2-я Куб. пласт. батарея, тяжелая батарея Гвардейской бригады, Волчанский див. и военная флотилия), выдвинув 25-го разведывательные части на линию Мишугин Рог — река Омельник, 26-го перейти в решительное наступление вдоль правого берега р. Днепра в направлении Куцеволовка-Крюков, поддерживая связь с колонной ген. Оссовского, наступающей левым берегом Днепра для овладения гор. Кременчугом.

2) Ген. Шифнер-Маркевичу (1-я Кавказская див.),

выступив из района Пятихатки 26 июля, овладеть гор. Александрия, станцией Користовка, развивая успех к переправе у Крюкова.

3) Полк. Цыбульскому (4-й Кубан. пласт. бат., 13 и 15 Терские пласт. баталионы, 5-я батарея 2-й артил. бригады, 2-я Терская гаубичная батарея, дивизион бронепоездов), прочно удерживая железно-дорожные узлы Верховцево и Пятихатка, выдвинуть часть сил с бронепоездами в сторону Кривой Рог и Доглинцево.

4) Генер. Склярову (42-й Донской и 2-й Лабинский казачьи полки) продолжать выполнение поставленной задачи, стремясь овладеть станц. Долгинцево.

5) Донесения присылать на ст. Верхне-Днепровск, где установлен телеграф штаба корпуса.

Пятихатка. 25 июля 22 часа. Подписал генерал от артил. Ирманов. Верно, Ген. штаба полк. Соколовский.

Как видим, 2-й Корпус состоял из 6-ти казачьих конных полков, 7-ми казачьих пластунских баталионов и нескольких батарей, что в общем представляло силу более 12-ти тысяч бойцов-казаков. Кроме того, на левом берегу р. Днепра в это время действовали 1-я Терская казачья конная дивизия и 2-я Куб. пластунская бригада. **В общем же в казачьих конных и пеших частях и в казачьих батареях в это время было на Украине около 18-20 тысяч бойцов-казаков.** Этой казачьей армии, брошенной Деникиным на завоевание Украины, русские люди давали название Добровольческой.

Группа войск ген. Ирманова имела своим заданием быстрое продвижение вверх по течению р. Днепра и вдоль железной дороги Екатеринослав-Пятихатка-Александрия - Користовка - Знаменка - Бобринская, чтобы прикрыть с юга операции группы ген. Бредова, по приказанию Деникина спешившей на Киев. Скорейший захват Киева имел для русских выдающееся политическое значение, так как в это время с запада двигалась на Киев армия Украинской Народной Республики. Утверждение в Киеве власти Правительства Украины, по мнению вождей русского белого движения, могло разрушить планы русских, стремившихся к возрождению неделимой России.

II.

(Схема 10).

Руководители русской акции на Казачьих Землях и на Украине, особенно Штаб ген. Деникина и «Особое Совещание», хорошо были осведомлены, как о составе антибольшевицких армий Юга, так и о той сравнительной скромной роли, которую в составе этих армий играли действительно русские люди. Группа войск ген. Эрдели, действовавшая на Астраханском направлении, состояла из казаков и горцев, Кавказская и Донская армии были почти исключительно казачьи. В самой Добровольческой армии все те же казаки имели первостепенное значение, как по количеству бойцов, так и особенно по их выдающимся качествам. Большую часть среди остальных бойцов Добровольческой армии составляло мобилизованное население Украины.

Знали русские и то, что им неудалось побороть казачью государственную самостоятельность, несмотря на поддержку, какую белые вожди встретили со стороны части казачьей интеллигенции и офицерства.

При этих условиях укрепление Правительства Украины в Киеве усиливало, конечно, самостийницкие ряды. Как известно, в 1918 и в начале 1919 г. между Украиной, Доном и Кубанью уже существовало взаимное признание государственной самостоятельности, скрепленное договорами (см. часть 2-ю «Траг. Казач.»). Правда, действие этих договоров временно было приостановлено захватом Украины и большей части Дона русскими красными войсками. Но эти переговоры и все вытекающие отсюда последствия могли быть легко возобновлены. Именно этого боялись русские люди.

Поэтому, хотя ген. Деникин, на основании сообщений командования Донской и Кавказской армий, и на основании данных своего же Штаба за июль 1919 г., прекрасно и достоверно знал о сосредоточении в районе Балашова-Саратова русской красной ударной группы войск для нового завоевания Казачьей Земли, он, Деникин, пренебрег этой непосредственной угрозой для Казачества. В то время, когда Донцы истекали кровью в жестоких боях в районе Лисок, Бутурлиновки, Ново-Хоперска, Балашова и реки Терсы, когда Кавказская

(Кубанская) армия несла тяжелые потери в боях за гор. Камышин и севернее его, Деникин бросил на Украину около 18-20 тысяч лучших казачьих бойцов ради достижения русских целей.

Штаб Деникина после взятия Камышина воспрепятствовал переброске достаточных сил Кубанцев за Волгу для установления боевой связи с армией Яицких казаков, и все внимание обратил на завоевание Украины.

Руководите русских красных армий могли только радоваться тому, что командование казачьими войсками занялось войною против Украины, бросив на Днепр прекрасные казачьи полки и баталионы, так нужные для подкрепления казачьих дивизий на фронте Короча-Лиски-Балашов-Камышин.

Украина в то время кипела антибольшевицкими восстаниями. Украинская армия, растянув свой фронт от Пинских болот на юг до района станции Вапнярки, гнала перед собою большевиков, имея целью захват столицы Украины — Киева. Туда же спешили русские. Группа войск ген. Ирманова быстрыми маршами направлялась все далее на северо-запад от Екатеринослава, против течения р. Днепра. Скорым маршем 2-я Терская пласт. бригада ген. Хозова наступала правым берегом этой реки; вдоль железной дороги на Александрию летели полки 1-й Кавказ. дивизии генерала Шифнер-Маркевича; казачьи баталионы полк. Цыбульского, прикрывая всю эту операцию с юга, в то же время наносили удары в сторону Кривого Рога, а казаки ген. Склярова наступали на этот же район с востока, со стороны гор. Никополя (Схема 10).

Уже 25 июля Кавказ. дивизия была в Александрии. Отсюда эта дивизия наступала в двух направления — Партизанская бригада на север, на Крюков-Кременчуг, а Хоперская бригада на северо-запад, на Знаменку. 28 июля Партизанская бригада Кавказской дивизии овладела гор. Кременчугом, а Хоперская — узловой станцией Знаменка. В тот же день ударом пластунов с севера по двум железным дорогам — Верховцево-Долгинцево и Пятихатка-Кривой Рог — и ударом казачьих конных полков с востока был захвачен Криворожский район.

Большевицкая власть на Украине трещала по всем швам. После занятия казаками станции Знаменка, победители узнали, что в г. Елисаветграде, находящемся верст в 35 на юго-запад от Знаменки, украинцы сбросили советскую власть. Об этом событии начальник Кавказ. дивизии сообщил высшим военным инстанциям. Штаб Добровольческой армии распорядился немедленно послать в Елисаветград русский гвардейский баталион «для закрепления Елисаветграда»; в то же время представители местной украинской власти подверглись жестокому преследованию.

После занятия гор. Кременчуга Партизанской казачьей бригадой эта последняя была направлена для занятия г. Черкасс. Как видно из приказа по Кавказ. дивизии от 1 августа 1919 г. № 066, данного еще в гор. Кременчуге, к Партизанской казачьей бригаде «прида ется батальон Севастопольского пехотного полка для закрепления г. Черкасс».

При движении от г. Кременчуга к г. Черкассам Партизанская бригада встретила довольно упорное сопротивление большевицких войск в районе Жовнина, Матвеевой, Гусиного и Еремеевки. Все же 3 августа казаки разбили противника в этом районе, взяв при этом 900 пленных, 4 орудия и 5 пулеметов. 5-го августа Партизанская бригада была уже в г. Черкассах. Отсюда она была брошена на юг, к станции Бобринской на помощь 2-й Терской пластунской бригаде, встретившей весьма упорное сопротивление большевиков на линии железной дороги Каменка-Бобринская. 7-го августа казаки завладели узловой станцией Бобринская, отбросив большевиков на станцию Цветково (схема 10).

Таким образом, за второй период борьбы на Днепре, с 24 июля по 7 авгсута, казаки прошли с боями по линии железной дороги от Пятихатки до Бобринской и вдоль Днепра от г. Верхнеднепровска до г. Черкасс, очистив от большевиков полосу земли около 100 верст шириною и около 180 верст длиною, удалившись от г. Екатеринослава на северо-запад верст на 250.

В то же время другая группа казачьих войск очистила от красных весь Криворожский район, и продвигалась на запад в район действий повстанцев против

советской власти, занимавших степные просторы далеко на северо-запад, на запад и на юго-запад от Криворожского района.

В обширном повстанческом районе и южнее располагалась 58 сов. дивизия, одна бригада которой находилась в районе станции Долинской, другая — в гор. Херсоне и третья бригада — в г. Николаеве.

Под влиянием казачьих побед и повсеместных восстаний украинского населения против советской власти в этой дивизии началось разложение, в конце июля и в начале августа вылившееся в открытые бунты, в разграблении солдатами интендантских складов и в переходе к повстанцам Махно целой бригады 58-й советской дивизии в районе станции Долинская (Урицкий. Между Одессой и Николаевым, стр. 98).

Начальник 58-й красной дивизии 3 августа доносил высшему красному начальству, что только при помощи броневых автомобилей в самом Николаеве удалось прекратить разграбление солдатами советских складов, что большая часть команды советских бронепоездов с оружием направилась для соединения с Махно, а меньшая самовольно пробивается в Одессу, что «при подобном настроении частей едва ли удастся удержать Николаев». В тот же день начдив 58 доносил, что «разложение частей в соприкосновении с повстанческими массами достигло максимума, наводненные махновскими агентами части боеучастка Кочергина (Долинская) с большинством командного состава перешли на сторону Махно; штаб боеучастка захвачен Махновцами, настроение частей, находящихся в Николаеве, махновское; команда бронепоездов послала делегацию к Махно, оцепила вокзал и штаб дивизаи, собрала вооруженный митинг, требуя ареста штаба дивизии и присоединения к Махно... Весь район на север от гор Николаева в руках повстанческих и махновских банд» и т. д. В общем, на сторону Махно перешло целиком две бригады 58-й стрелк. советской дивизии «Гражданская война», т. 3, стр. 251).

В это же время поднялось антисоветское восстание в немецких селениях между Николаевым и Одессой.

Из предыдущего схематического описания боевых действий казаков на р. Днепре мы знаем, что больше-

вицкое командование всю первую половину июня 1919 г. посылало войска против казаков, защищавших подступы к гор. Екатеринославу, при чем все усилия красных разбивались геройскими контр-ударами храбрых казачьих частей. В этот же период времени к северу от Екатеринославского района большевики наступали с реки Ворсклы на Харьков, Константиноград и Новомосковск. Но и там были разбиты, главным образом, благодаря доблестным усилиям 1-й Терской дивизии и 2-й Кубанской пл. бригады. За этот месяц упорной борьбы на фронте Богодухов - Полтава - Верхнеднепровск-Никополь большевики исчерпали почти все свои силы, которые могли выставить на этот длинный фронт. Важным было то обстоятельство, что население не только не верило большевикам, но поднимало против них повсеместные восстания. Как мы видим, разложение охватило даже советские войска.

Начиная с 20-х чисел июля Деникин перешел в наступление на Киев, широко используя для этой цели казаков. После того, как казачьи полки и баталионы захватили Никополь, Кривой Рог, Александрию, Кременчуг и Знаменку; после того, как явное разложение охватило части 58-й сов. дивизии, защищавшей нижнее течение Днепра с городами Херсоном и Николаевым; после того, как Деникин заручился активной поддержкой со стороны боевого флота Англии и Франции на Черном море, 30-го июля 1919 г. он приказал 3-му корпусу, в течение месяца простоявшему в низовьях Днепра, «овладеть в кратчайший срок Херсоном и Николаевым и выйти на линию Вознесенск-Раздольная, овладев Одессой» (Деникин, т. 5, стр. 117).

Разложившаяся внутри, теснимая повстанцами со всех сторон, уже отрезанная от Москвы казаками на Днепре, 58-я красная дивизия отдала 3-му корпусу ген. Шиллинга города Херсон и Николаев. Однако, и после этого красные части все же сумели организовать оборону Бугского лимана и нижнее течение р. Буга и не позволяли деникинцам продвинуться далее на запад. Но в это время, как утверждают большевицкие исследователи прошлой войны, «казаки форсировали р. Буг у г. Вознесенска и, таким образом, опять угрожали нашему — 58-й дивизии — тылу» (Граждан-

ская война, т. 1-й, стр. 102, статья С. Урицкого: «Между Одессой и Николаевым»).

Район самой Одессы занимали части 47-й сов. дивизи. Вокруг Одессы господствовали повстанцы — немцы и украинцы. Деникин решил, что настало время для занятия этого города русскими войсками. При помощи английского флота был высажен русский дессант у Одессы и, как говорит официальная сводка Добр. армии от 2 августа, «наш дессант, действуя совместно с восставшими, после боя занял Одессу».

Как видим, благодаря казачьим победам на Днепре в июле-августе 1919 г. русские стали господами положения в Херсоне, Николаеве и Одессе, как перед этим благодаря майским и июньским победам казаков на обширных землях от Донецкого бассейна до нижнего Днепра, русские в июне завладели Крымом (см. часть 2-ю «Траг. Казачества»).

В ходе сложных событий на Украине выдающееся значение имела та борьба, которую вела армия Украинской Народной Республики. В то время, как казаки из района Екатеринослава наступали на юг к Никополю, на юго-запад в район Кривого Рога и на северо-запад вдоль железной дороги Екатеринослав-Бобринская и вверх по реке Днепру, Украинская армия вела успешное наступление из района Каменец-Подольска и Проскурова по трем направлениям: на северо-восток на Староконстантинов, Шепетовку, Новгород-Волынский, Корестень, на восток — на Винницу, Калиновку, Казатин, Бердичев Житомир, Фастов и Киев, на юго-восток — на Жмеринку Вапняру, Рудницу и Одессу и на Брацлав, Гайсин, Христиновку, Умань (Схема 10).

Ко времени занятия казаками города Черкасс — 5-го августа — и Бобринской — 7-го августа, Украинская армия занимала уже фронт, примерно: Новгород Волынский - Житомир - Казатин - Шпола - Гайворон-Рудница (см. схему 10).

Занявъ станцию Бобринская, казаки обеспечивая себя от ударов с юга по железной дороге Бобринская-Ново Украинка - Вознесенк - Одесса, продвинулись на запад и заняли узловую станцию Цветково. 8-го августа произошло весьма и весьма важное в истории борьбы Юга с Севером событие — на станции Сигна-

евка встретились раз'езды казачьи с раз'ездами Украинской армии.

10-го августа командование Украинской армии приказало своим войскам не начинать боевых действий против войск, находящихся под общим командованием ген. Деникина. 11-го августа это приказание было повторено.

Фактическое соединение Казачьего и Украинского фронтов между Шполой и Цветковым запирало пути отступления на север большевицким войскам, находившимся к югу от Украинского-Казачьего фронта.

Из района Одессы-Николаева-Херсона вело через р. Днепр на север четыре железных дороги: 1) Херсон - Екатеринослав - Харьков - Курск, 2) Николаев - Знаменка - Кременчуг, 3) Одесса - Вознесенск-Ново Украинка - Бобринская - Черкассы и 4) Одесса-Жмеринка - Киев или Жмеринка - Коростень. Три первые дороги уже были перерезаны казаками, а на четвертой сидели правофланговые части Украинской армии.

Об'единение Казачьего и Украинского фронтов на линии железной дороги Цветково-Вапнярка ставило в безвыходное положение части 58-й, 47-й и 45-й советских дивизий, занимавших совершенно изолированное положение в районе Одессы, Вознесенска, Ново Украинки, Ольвиополя и Балты. Согласованными действиями казачьих и украинских боевых частей, без сомнения, эта группа советских войск была бы ликвидирована, вся Правобережная Украина была бы освобождена и у казаков и украницев освободились бы руки для борьбы исключительно на севере, на фронте Мозырь - Гомель - Курск - Воронеж - Саратов.

Огромная и богатая Украина, испытав теперь все ужасы большевицкого владычества, могла бы дать необходимые военные силы и материальные средства для защиты своих северных границ от империалистических налетов красной России. Все казачьи силы могли бы освободиться для борьбы на фронте между рекой Волгой и союзной Украинской армией.

Именно этого возможного казачье-украинского об'единения больше всего боялись русские белые и русские красные. Поэтому генерал Деникин принял все

меры к тому, чтобы не допустить этого об'единения, для осуществления которого налицо были все данные. Известно, что еще перед наступлением на Киев Украинское Правительство предложило Союзникам план совместных действий против большевиков украинской армии и армий, бывших под командованием Деникина.

Этот план заключался в том, что Украинская армия освобождала весь правый берег Днепра и выходила на направление Киев-Чернигов и Киев Нежин; правее последнего направления действуют армии, возглавляемые Деникиным (схема 10). Проведение этого плана в жизнь освобождало все казачьи и иные войска, действовавшие на Украине, для выхода на фронт Конотоп-Курск-Воронеж-река Волга. Если в то время только казачьи войска на Украине составляли прекрасных боевых качеств армию в 18-20 тысяч человек, что помимо казачьих войск в распоряжение Деникина было на Украине в конце июля и в начале августа 1919 г. около 10-ти тысяч бойцов, правда, пестрого состава; все эти войска силою до 30 тысяч бойцов, в случае соглашения с Украиной, появились бы на антибольшевицком фронте на севере и, без сомнения, помогли бы разрешить так затянувшуюся борьбу Севера и Юга в пользу антибольшевицких сил.

Сам Деникин рассказывает в своих «Очерках русской смуты», что «в сношениях своих с представителями держав Согласия Украинское командование определяло временную линию для разграничения действий против большевиков между армией Украинской и ген. Деникина: Днепр от устья до Кременчуга и далее Кременчуг – Ромны – Конотоп – Новгород Северский» (том 5, стр. 255).

Но неразумные, политически слепые, белые вожди отвергли это предложение. Почему? На этот вопрос Деникин дает такой ответ:

...«Предоставить огромные материальные и людские рессурсы правобережной Малороссии Петлюре (и Махно?), вооружать и снабжать его армию руками союзников, представлялось по меньшей мере нелепым. Наконец, идти вместе с Петлюрой, стремящимся к отторжению от России Украины и Новороссии, значило

бы порвать с идеей Единой, Неделимой России» (Очерки, т. 5-й, стр. 257).

И Деникин, как выразитель стремлений и желаний белых русских, усилил борьбу против украинского освободительного движения, против всего украинского.

Деникин отверг предложение украинцев о совместных действиях против большевиков и 3 августа 1919 г. поспешил сообщить Союзникам «о невозможности какого бы то ни было взаимодействия нашего с Петлюрой» (Деникин. Очерки, т. 5-й, стр. 257). Рядом с этим руководители русского белого движения приняли меры в том направлении, чтобы Союзный военный флот в Черном море не только не помогал Украинской армии при овладении Одессой, но чтобы Союзный флот огнем своих могучих батарей встретил возможное появление украинских войск в г. Одессе (там же).

Одною из серьезных мер для воспрепятствования утверждению авторитета Украинского Правителсьства в глазах народной массы было стремление Деникина первому захватить Киев в свои руки. После поражений, понесенных красными в июле в боях с казаками на Днепре и на Ворскле и в боях с повстанцами, большевицкие войска, находившиеся в Полтавской губернии, были совершенно деморализованы и дезорганизованы. Командующий Екатеринославским районом генерал Ирманов в разговоре с представителями печати так оценивал положение на Украине в начале августа 1919 г.:

...« Положение в тылу советских войск безнадежное. Украина охвачена огнем восстаний. Население ненавидит коммунистов. Крестьяне с оружием в руках изгоняют большевиков. Состояние наших войск — блестяще. Особенно отличаются Кубанцы, наводящие панику на большевиков». («Призовский Край», 14 августа 1919 г.).

Командование советскими войсками, носившими название 14-й советской армии, 30 июля послало своему высшему начальству следующее радиотелеграфное сообщение:

...«Армия бежит, командный состав отсутствует.

Мы катимся, как яблоко, и не известно, где остановимся»...

Повстанцы Черниговской губернии, руководимые атаманом Ангелом, держали в руках своих железную дорогу Киев-Нежин. 3-го августа большевики начали эвакуацию Киева, к которому с запада приближались украинские войска.

В это время главное большевицкое командование и командующий Южным фронтом красных все свое внимание сосредоточили на организацию и проведении удара на казачьи армии со стороны Саратова-Балашова и между Воронежом и Белгородом (см. об этом ниже: «Ликвидация прорыва ударной группы генер. Селивачева», «Героическая борьба Кавказской армии», «Новая борьба за Донскую Землю»). 1-3 августа уже началось энергичное наступление двух сильных ударных групп красных войск против Кавказской (Кубанской) и Донской армий. Кавказская армия начала быстро откатываться на юг вдоль правого берега р. Волги. Большевики также прорвали левый фланг Донской армии и клин красных войск все глубже врезывался между Донской и Добровольческой армиями в направлении Валуек-Купянска и Харькова.

Деникину страшно хотелось захватить Киев и в то же время надо было спасать положение на главном фронте борьбы. Без казаков нельзя было обойтись на Украине и те же казаки нужны были для борьбы против красных армий на севере. Поэтому 1 августа было приказано Кавказской дивизии: а) Хоперской бригаде обеспечивать железно-дорожный узел Знаменка впредь до смены Терскими пластунами, «после чего приступить к погрузке для отправления по новому назначению», б) Партизанская бригада той же дивизии, как сказано выше, была брошена левым берегом Днепра на г. Черкассы, чтобы облегчить 7-й дивизии ген. Бредова продвижение на Киев (схема 10).

Несмотря на создавшееся весьма критическое положение между Белгородом и Лисками в связи с прорывом красных войск, все же Кавказскую дивизию всю задержали на Днепре до тех пор, пока казаки не взяли Черкассы и Бобринскую. Какая нужда была в казаках, свидетельствует тот факт, что 7-го августа ка-

заки захватили Бобринскую и в тот же день началась отправка частей Кавказской дивизии по маршруту Полтава-Харьков-Белгород, в район Гостищево-Прохоровки с целью спасения Харькова. Все же и после этого Волчий дивизион Кавказ. дивизии послали еще ближе к Киеву для занятия узловой станции Цветково, причем «комкор приказал немедленно по занятии ст. Цветково отправить по желез. дороге Волчий дивизион в район нового сосредоточения Корпуса на станции Гостищеов».

Эти факты свидетельствуют о том, как русские хотели одну и ту же казачью дивизию использовать и для облегчения захвата Киева раньше Украинских войск и для спасения Харькова от красных русских войск.

После отправки 1-й Кавказской дивизии в район Харькова – Белгорода русское командование оставило 2-ю Терскую пластунскую казачью бригаду в районе Бобринская-Цветково для дальнейшего наступления в сторону Киева правым берегом р. Днепра.

Южнее 2-й Терской бригады, в районе Новой Украинки и гор. Вознесенска действовали 2-й Лабинский и 42-й Донской казачьи полки (схема 10).

В то же время Украинская армия, успешно разбивая большевицкие войска, приближалась к Киеву с запада: 11 августа части Украинской армии заняли Фастов и Белую Церковь, 13 августа — г. Васильков и, наконец, 17 августа войска Украинской Народной Республики заняли Киев.

Приближение Украинской армии к Киеву вызвало невероятное волнение среди руководителей белого движения. 10-го августа корреспонденты русских газет обратились к командующему Добровольческой армией ген. Май-Маевскому с тревожным вопросом, не займут ли Киев украинские войска раньше русских. Ген. Май-Маевский ответил: «О взятии Киева Петлюрою не может быть и речи вследствие слабости его армии». Эти «авторитетные» успокаивающие слова были немедленно распубликованы в русской прессе (см. например, «Приазовский Край», 11 августа 1919 г.).

В то же время было приказано 7-й дивизии ген. Бредова всеми мерами ускорить марш на столицу Ук-

раины, тем более, что впереди этой дивизии не было сколько-нибудь значительных сил красных, всецело занятых борьбой против Украинской армии на правом берегу Днепра; например, сводка Добровольческой армии за 7-е августа отмечает: «Разведчики левой колонны 7-й дивизии в числе 20-ти человек лихим налетом заняли г. Переяслов» (схема 10).

Несмотря на все усилия, русские подошли к Днепру у Киева тогда, когда столица Украины уже была занята украинскими войсками. Все таки было приказано 7-й дивизии войти в Киев. Так как перед этим, как отмечено выше, командование Украинской армии, считая за главного противника красные войска, приказало украинским войскам уклоняться от боевых стычек с войсками Деникина, о чем хорошо было известно командованию 7-й дивизии, это важное обстоятельство облегчило задачу русских при вступлении 7-й дивизии 18 августа в столицу Украины.

Вызванный неразумной и захватнической политикой вождей белого движения конфликт между антибольшевицкими казачьими армиями и Украинским народом явился одним из наибольших преступлений так назыв. русского белого движения.

Из приведенных уже документальных данных мы знаем, что только благодаря казачьему оружию были освобождены оба берега Днепра. Роль русских в этом деле была подсобная, обыкновенно они «закрепляли» города, освобожденные казаками или самим украинским населением. Известно также, что казаки в 1917, 1918 и в 1919 годах искали соглашения с Украиной, искали мира с нею, искали союза в борьбе против общего врага — красной России. Несмотря на все это, русские вожди, приписав казачьи победы русскому оружию, пренебрегли волей казаков и украинцев и вступили в открытую войну с Украиной.

Свое презрительное отношение к украинскому освободительному движению русские белые запечатлели, между прочим, в документе, носящем названаие: «Обращение главнокомандующего к населению Малороссии», вышедшем в свет 12 августа 1919 г. Это обращение было составлено, как говорит Деникин, «в управлении народного просвещения, при близком уча-

стии проф. Новгородцева». Деникинское управление народного просвещения проявило всю свою культурность... в беспощадной ликвидации украинских школ всех ступеней.

Началась форменная свистопляска на Украине — закрывались государственные, земские и общественные школы, преследовались украинские организации и украинская печать, производились всюду аресты украинских учителей, кооператоров, журналистов, политических деятелей, срывались украинские флаги, уничтожались портреты украинских деятелей... Всюду насаждались русские власти, с необыкновенным рвением бравшиеся за преследование всего украинского...

Советские войска 58-й, 47-й дивизий, оказавшиеся в мешке в районе Новой Украинки, Вознесенска, Ольвиополя, Бирзулы, решили пробиться на север к своим красным армиям.

Тогда большевики решили ударить вдоль линии желез. дороги Вознесенск-Ново Украинки-Бобринская-Черкассы. Оперативная сводка Добр. армии за 7-е августа отмечает большие силы коммунистов с 9 бронепоездами. На этом пути большевики встретили энергичное противодействие 42 Донского и 2 Лабинскаго конных полков. Сводка Штаба ген. Деникина за 16 августа говорит: «Ольвиопольское направление. Протвник, при содействии бронепоездов, неоднократно переходил в наступление на Вознесенск; доблестные Донцы и Лабинцы разбили противника и обратили его в бегство, взято 500 пленных, 15 пулеметов и много оружия».

И после этого сводки почти ежедневно отмечают упорные бои в районе Ново Украинки, Плетеного Ташлыка, Ивановки, Софиевки и т. д. При чем в этих боях особенно отличились выше названные казачьи полки.

Потеряв надежду на прорыв по железной дороге на Жмеринку, а так же не прорвавшись по жел. дороге Ново Украинка-Бобринская-Черкассы, и убедившись в том, что не только не произошло об'единения украинского и казачьего фронтов, но между войсками Деникина и Украины началась война, большевицкая

группа войск, руководимая Кировым и др., решила пробиться на север между украинским и деникинским фронтами, в направлении Калиновка-Житомир. Искусно маневрируя и совершая большие переходы, большевики этой группы достигли своей цели и 5-6 сентября у гор. Житомир соединились с частями 12-й красной армии. «С момента прибытия этих частей, мы возобновили борьбу за Киев», говорят большевики («Боевая работа Красной армии и флота». Под общей редакцией В. Антонова-Овсеенко и Б. Шапошникова. Москва 1923, стр. 59).

После ухода этой группы большевицкихъ войск на север, между Днепром, Днестром и Черным морем остались войска Украинского Правительства, казаки, деникинцы и украинские повстанцы. Осуществляя свою политику, русские вступили в открытую борьбу с украинскими войсками. Оперативные сводки Добровольч. армии отмечают бои между русскими войсками и украинцами на железной дороге к северу от Одессы у станции Затишье, Перекрестово и т. д.; на железной дор. к западу от Ольвиополя у ст. Любашевка; в районе жел. дор. к западу от Цветково, в Гайсингском направлении и т. д. На Уманском направлении действовали 42-й Донской и 2-й Лабинский казачьи полки, а на Казатинском — 2-я Терская пласт. бриг. (Схема 10).

Так казаки связавшись с русским белым движением и подчинив свои войска русскому генералу, постепенно втягивались в явно ненужную со всех точек зрения войну с Украиной. При чем русские вожди, вбивая клин между Казачеством и Украиной, направили непосредственно против Украинской армии казаков всех трех Войск, находившихся в их распоряжении: Донцов, Кубанцев и Терцев. Эта новая война казаков против Украины была тоже одной из причин страшной трагедии, которую переживает ныне Казачество в СССР и за границей. Эта же война вызвала тогда большую радость среди большевиков.

ПОЛОЖЕНИЕ СТОРОН ПЕРЕД РЕШИТЕЛЬНЫМ СРАЖЕНИЕМ

В результате выше рассмотренных нами почти полутора месечных боев в Поволжьи, на границах России и Дона и на Украине, к концу июля Кавказская (Кубанская) армия вышла на линию Нижне Банное-Добринка. Донская армия прикрывала с северо-востока и с севера Дон, а на Украине казаки подходили к гор. Черкассам и к станции Бобринской; пассивным, в общем, оставался фронт Добровольческой армии на участке Короча-Гайворон.

Возможно ли было иметь надежды на такое усиление Кавказской (Кубанской) армии за счет новых пополнений с Кубани, которое дало бы возможность этой армии выполнить ту огромную задачу, которая была поставлена ей «Московской директивой»? В виду решительного расхождения между Кубанью и белыми русскими, как в определении конечных целей борьбы, так и способов их достижения, в виду диаметрально противоположной политики этих двух центров борьбы в вопросе об отношении к национальным освободительным движениям, в земельном вопросе, в рабочем законодательстве и рабочей политике, в административном устройстве освобожденных от советской власти областей — белое движение вело борьбу за единую, неделимую Россию, стремилось снова привести под власть России те народы, которые боролись за свою государственную независимость, белое движение насаждало помещиков, преследовало рабочие организации, воскрешало ненавистный централизм и бюрократизм, а Кубань боролась за свою государственную самостоятельность, за федеративное или союзное, договорное и полюбовное об'единение молодых Казачьих республик, Кубань уничтожила право частной земельной собственности на землю, последовательно восстанавливала казачье устройство своей жизни — при этих условиях совершенно невозможно было надеяться на то, чтобы Кубань добровольно производила новые мобилизации своих сынов для борьбы за достижение государствен-

ных, национальных и социальных идеалов русского белого движения.

Эти русские идеалы не только были чужды подавляющему большинству казачьего и неказачьего населения Кубани, но последняя определенно боролась против проведения в жизнь национальной, земельной и общественно-административной программы русского белого движения. Не только ответственные руководители внутренней и внешней политики Кубани, но и сравнительно высоко развитая в политическом отношении рядовая масса Кубанского казачества прекрасно понимала необходимость защиты Казачьих Краев со стороны нижней Волги, а значит ясно сознавала необходимость удержания гор. Царицына в казачьих руках.

В то же время коренные кубанцы, за исключением немногих помещиков, обиженных кубанской радикальной земельной реформой, за исключением крикунов, нанятых руководителями русского белого движения, да окаменевших в политической косности бывших царских чиновников, купцов и биржевиков да нескольких политиканствующих духовных, коренные кубанцы и не собирались к «походу на Москву».

Вследствие всех этих причин Кавказская армия, состоявшая, главным образом, из кубанцев, и через полтора месяца после появления этой директивы не вышла даже на линию Балашов-Саратов и готова была откатиться к самому Царицыну.

Разбирая июльские события на Донском фронте, мы также документально установили наличие сознательного нежелания рядовой массы Донского казачества уходить далеко за пределы Дона или тем более драться за осуществление задач русского белого движения. Донцы весьма упорно и доблестно сражались за Дон, а не за Россию. И здесь, как и на Кубани, исключение составляли те же сравнительно малочисленные, хотя и влиятельные, группировки среди основного населения.

Сказанное о Кубани и Доне можно в полной мере отнести и к Тереку.

Были, конечно, и различия между названными казачьими землями. На Дону за двести лет русского

владычества в значительной мере была усыплена мысль об отдельности казачьего населения от русского народа, в то время как на Кубани было еще совершенно свежо в памяти большинства казаков их происхождение от Запорожской Сечи.

На Дону помещичий казачий класс был однороднее, организованнее и сильнее немногочисленных казаков - помещиков на Кубани. Донские казачьи роды имели столетнюю историю, в то время как кубанские в подавляющем большинстве свою давность измеряли только десятками лет. Донские помещики издавна имели свое дворянское собрание, а кубанские — не имели его совсем. Донские имели Кадетский корпус, а кубанцы не имели такового и т. д.

Несмотря на все это, надо признать, что наличие казачьего дворянства, тянувшего в сторону Москвы, тянувшего к вождям русского белого движения, в большинстве таким же генералам и дворянам- помещикам, только усложняло и затрудняло борьбу, но не могло существенно изменить общее нежелание Донского, Кубанского и Терского Казачества идти на «Москву».

В тылу Казачьих Земель находились горские народы Кавказа. Полки, укомплектованные из горцев Кавказа, как в силу своей численной слабости, так и, особенно, в силу отрицательного отношения горцев Кавказа к программе белого движения, не могли быть той военной силой, на которую мог бы опереться Деникин при движении на Москву. Беспрерывные восстания горских народов против власти Деникина были предостерегающим показателем истинных настроений горских народов.

Что касается населения Украины, в сторону которой казаки так успешно расширяли владения Деникина в июле-августе 1919 г., то и здесь вдумчивые деникинцы не могли расчитывать найти серьезную поддержку. Явно отрицательное отношение основной массы населения Украины к русскому белому движению достаточно выявилось уже во время неудачных зимних 1919 г. операций русских в Одесском районе и в Таврии, где очень быстро провалилась начатая русскими организация Крымско-Азовской армии; выявилось так же и

в весенних походах войск Махно против деникинцев в Донецком бассейне.

Сельское население Украины не пошло за Деникиным. Русское городское население Украины было сравнительно немногочисленно, чтобы Деникин мог из его состава черпать достаточные силы для пополнения Добровольческой армии до такихъ количественныхъ и качественных размеров, которые дали бы возможность белому командованию с надеждой на успех вступить в единоборство с красным командованием, располагавшим русскими красными армиями. Провал движения Колчака был плохим предзнаменованием для русских белых вождей на Юге, стремившихся укрепить свою власть на Кавказе, на Казачьих Землях и на Украине.

Во всяком случае, ни основная масса Казачества Дона, Кубани и Терека, ни основная масса населения Кавказа и Украины не могли явиться сколько-нибудь надежной и серьезной опорой для русского белого движения. Эти три группы населения Юга не принимали программы Деникина. Белое движение для этого населения не являлось и не могло явиться об'единяющим, направляющим и движущим центром политической вооруженной борьбы.

Без сочувствия населения, без его активной и сознательной поддержки белое движение не только не могло победить своего красного противника, но явно было обречено на неминуемую гибель.

К сожалению, мы не имеем об'ективных данных о количественном составе русской части войск Южного антибольшевицкого фронта к 1-му августа 1919 г., т. е. к началу генерального сражения. О количественном же и качественном составе казачьих армий будет сказано в соответствующих частях последующего изложения.

Перейдем теперь к общему обзору сил красной России. Обновленная русская держава довольно успешно защищала свои границы, отражала натиск белых на Петроград, расшатала северный антибольшевицкий фронт и разгромила Колчака, отбросив деморализованные остатки его армии далеко за Уральские горы.

Согласно советским данным перед завязкой решительной борьбы на Юге, все вооруженные силы крас-

ной Республики были сгруппированы в три фронта и отдельную армию.

1) Западный фронт с 12-й армии, работавшей на правом берегу Днепра, — около 140.000 штыков и сабель, 797 орудий.

2) Южный фронт, считая резервы и части, перебрасываемые с Восточного фронта, — 171.600 штыков и сабель, свыше 611 орудий.

3) Восточный фронт — около 125.000 штыков и сабель, 445 орудий.

4) 6-я Отдельная армия, действовавшая на Архангельском фронте, — 14.000 штыков и сабель, 136 орудий.

Всего около 450.600 штыков и сабель, свыше 1544 орудий.

Во внутренних округах находились на формировании только вспомогательные и запасные части и части некоторых дивизий, общей численностью 14.400 штыков, 74 орудия и 186 пулеметов, и, наконец, вспомогательные роды войск и войска специального назначения имели около 180.000 штыков и 763 пулемета (Гражданская война 1918-21, т. 3, стр. 250).

С своей стороны, бывш. главнокомандующий Южным фронтом, ген. Деникин, утверждает, что «в середине июля советскому командованию удалось довести состав своих Южных армий до 180.000 при 700 орудиях (Деникин. Очерки, V, 119).

За спиной этой внушительной военной силы стояла красная Россия, поддерживавшая морально и материально свои войска, защищавшие, как родную территорию, так и новый политический, хозяйственный и социальный порядок — советский строй своего государства.

Советская власть обратила весьма большое внимание на духовное сплочение своих солдат, на пояснение и раз'яснение им основных целей борьбы. Не только армии, но часто и дивизии имели свои типографии и выпускали в огромном количестве плакаты, воззвания и газеты...

Советская пропаганда была хорошо продумана, широко поставлена, говорила народу о доступных и понятных для него вещах, ставила перед народом яс-

ные цели борьбы, доходила до самых низов народных, до красноармейской массы и, конечно, делала свое дело.

Совсем не то было у Деникина. Какую программу мог он об'явить казакам, когда они имели свои Круги и Раду, свои конституции, свое самостоятельное законодательство по самым жизненным и основным вопросам народной жизни. Этой казачьей политики, этого казачьего законодательства не принимало и не признавало русское белое движение. Роль этого движения сводилась к тому, чтобы, пользуясь поддержкой казачьих же неделимцев, сбить казаков с казачьей дороги и потянуть их на Москву.

Какую программу могли об'явить белые вожди населению Украины, которая уже имела свое Правительство? С чем шли деникинцы к горцам Кавказа?

Казаки имели свою программу, Украина — свою, а Кавказ — тоже свою. Деникин растопырил ноги — одной стоял у Дербента на берегу Каспийского моря, а другой — в Киеве, и бессильными руками ловил среди казаков и на Украине попутчиков для похода на Москву.

Армии, бывшие под общим командованием этого генерала, не представляли из себя органического целого, не были спаяны ни общностью конечных целей борьбы, ни действительно единым командованием.

Донская армия продолжала оставаться в общем самостоятельной и по своему вела боевые операции, защищая от красных территорию Дона.

Командующий Кавказской армией, ген. барон Врангель, беспрерывно фрондировал, посылая Деникину и его начальнику штаба ген. Романовскому дерзкие и вызывающие телеграммы и письма, посвящая в эту закулисную генеральскую борьбу своих военных и гражданских приближенных и единомышленников, добивавшихся еще более «правого» курса политики русского белого движения... Деникин и его начальник штаба не оставались в долгу (см. для примера, «Очерки рус. смуты», т. V, стр. 109-116, Врангель, Записки, т. 1, стр. 170-183).

Сам Деникин по этому поводу говорит следующее: ...«Эта систематическая внутренняя борьба создавала

тягостную атмосферу и антагонизмы. Настроение передавалось штабам, через них в армию и общество. В борьбу вовлекалось и английское представительство, как я узнал впоследствии... Я терпел без меры, без конца пререкания, создавшие вокруг ставки смутную и тяжелую атмосферу и подрывавшие в корень дисциплину. В этом я вижу свою большую вину перед армиями и историей», резонерствует Деникин уже за границей, погубив казачье освободительное движение там... (Деникин. Очерки, V, стр. 110 и 114).

В свое время Деникин не мог поставить на свое место капризного, страдавшего манией величия барона, и в то же время собирался победить хорошо организованный большевицкий русский генеральный штаб, располагавший уже почти семисот-тысячной армией, большим резервуаром человеческих сил и большими материальными средствами.

Независимость Донской армии и постоянная фронда со стороны ген. Врангеля ясно говорят о фактическом отсутствии единого командования.

«Каковы бы ни были истинные причины этой склоки», говорит бывший командующий Южным русским красным фронтом Егоров, «представляется достаточно ясным, что среди них немалую роль играли мотивы личного честолюбия Врангеля: поход на власть, как называет это сам Деникин. Свое стремление столкнуть Деникина и стать самому на его место Врангель оформлял в письмах памфлетах, рассылая их среди широких слоев генеральской клики Доброволии. Эти письма имели одну цель — подрвать авторитет главного командования (Деникина и его начальника Штаба Романовского), что при той обстановке напряженной политической борьбы, какая велась между Деникиным и Донской и Кубанской общественностью, имело большое значение. А так как эти же письма находили свое распространение и за границей, то в глазах руководящих кругов Западной Европы, поддерживавших белое движение, последнее мало по малу теряло облик достаточно прочной силы, могущей оказаться серьезным фактором в борьбе с большевиками. Подрывая авторитет Деникина, как идеолога и выразители чаяний контрреволюции Юга России, внутри самой

Доброволии и за пределами ее, ген. Врангель подрывал также боевую мощь армий белых, которую и без того уже к описываемому периоду в силу различных причин была далеко не на той высоте, с какой эти армии вышли на борьбу в начале 1919 г. — обострение противоречий внутри армий, разнузданность политики деникинских губернаторов, восстановление помещичьего режима в захваченных областях» и т. д. (А. И. Егоров. Разгром Деникина, 1919. Москва. 1931).

Ни своей внутренней и внешней политикой, ни количеством бойцов, действительно шедших за идеалами Деникина, ни своей внутренней спайкой белое движение далеко не представляло из себя той реальной силы, которая могла бы победить красную Россию.

КАЗАКИ МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

Уже первый месяц боев после издания «Московской директивы» достаточно убедительно говорил о том, что поставленная этой директивой армиям задача совершенно неосуществима. Гор. Астрахань не был взят, несмотря на то, что, как свидетельствуют сами большевицкие вожди, «летом уральские казаки овладели с. Джамбай — на берегу Каспийского моря, и их разведывательные партии, начали появляться даже в ближайших окрестностях Астрахани, в восточных устьях Волги»... (Н. Какурин. Как сражалась рев. т. 2).

Деникин не позволил бросить за р. Волгу достаточные казачьи силы для действительного об'единения Южного и Восточного фронтов. Астраханская красная заноза, оставаясь в глубоком тылу Кавказской армии, не только вызывала постоянную боль, но с каждым днем готова была разростись в весьма опасную рану на казачьем фланге и на тылах. Не вынув этой занозы, невозможно было продвинуться на север.

По совершенно непонятным причинам Деникин оставлял Астрахань в руках красных войск, а сам продвигался не только на Кавказ, но перешагнул даже через Каспийское море и Закаспийский край, «подчинил» Главнокомандующему Терско - Дагестанского края. В Закаспийский край были посланы подкрепления с Се-

верного Кавказа (Деникин. Очерки, т. 5-й, стр. 241).

Принуждали ли Деникина к этому шагу англичане, снабжавшие Деникна оружием и желавшие использовать его силы для прикрытия от большевицкого влияния Персию и Индию — эту Ахиллесову пяту английских владений в Азии, или к заморскому походу на Красноводск-Асхабад побудила Деникина его ненасытная и «широкая» русская душа, все равно это была чистейшей воды авантюра.

Если у Деникина хватало реальных сил для продуманного и серьезного похода в Закаспий, почему он не взял лежащую под носом Астрахань? Почему Деникин не осуществил здесь своей же «Московской директивы»? Почему Деникин не допустил действительного об'единения через Волгу двух казачьих фронтов — Южного и Восточного? Яицким казакам не пришлось бы потом совершать ужасный поход по восточнму берегу Каспийскго моря, а Кавказской (Кубанской) армии не пришлось бы иметь постоянную и реальную угрозу на своем тылу и на своем фланге. Далеко неблагополучно было на правом фланге сил Юга. Не были блестящи дела и в центре Южного антибольшевицкого фронта: как сказано выше, Донская армия в июле 1919 г. принуждена была отдать большевикам Балашов, Борисоглебск, Новохоперск, Таловую, а перед этим, в июне, большевики захватили Бобров и Лиски...

Несмотря на явную слабость своих (русских) сил, на тяжелое положение Донской и Кавказской (Кубанской) армий, белое командование, об'единившись с казачьими неделимцами, не оставляло мысли о походе на Москву. В виду явной неудачи июльского фронтального наступления на север Донской и Кавказской армий, белые генералы решили испытать счастье путем нанесения могучего удара по тылам армий красного фронта. Но какими войсками мог ген. Деникин осуществить эту смелую и рискованную задачу, долженствующую, быть может, решить исход затянувшейся борьбы? Генералы решили возложить эту весьма и весьма ответственную и очень трудную задачу на Донскую казачью конницу. Донцы должны были прорвать красный фронт и разметать тылы красных армий.

Уже перед этим Кубанская и Терская казачьи конные дивизии и Кубанская и Терская пластунские бригады начали расчищать путь Деникину на Киев. Таким образом, казаки должны были освободить для белых вождей широкую дорогу на «Матушку Москву», казаки же должны были привести Деникина к овладению «матерью городов русских — Киевом», и все те же казаки Кавказской (Кубанской) армии — должны были удерживать «матушку Волгу-кормилицу». Таков был общий план белых русских вождей.

Для полноты картины следует отметить, что и на фронте разбитых и отброшенных далеко за р. Тобол армий Колчака, в конце июля и в начале августа 1919 г. была надежда только на Сибирских казаков (Гинс. Сибирь. Союзники и Колчак, ч. 2-я, стр. 258 и 266).

Несколько иначе, нежели белые вожди, представляли себе красные вожди интересы России, задачи происходящей борьбы и роль казаков в ней. Если белые генералы думали придти в Москву, опираясь, главным образом, на казаков, то красные генералы решили выбить из под белых эту опору путем нанесения главного удара по Кавказской (Кубанской) и Донской армиям. В течение июля 1919 г. красное командование сосредоточило между р. Волгой и г. Балашовым ударную группу Шорина следующего состава :

1) 9-я советская армия — 14, 23 и 36 стрелков. дивизии — общим количеством около 13.000 штыков и 5.500 сабель при 360 пулеметах и 70 орудиях;

2) 10-я сов. армия — 32, 37, 38 и 39 стр. дивизии, 4-я Кавалерийская див. — всего около 12.000 штык. и саб., около 3.000 дивизионной и 3.500 в стратегической конницы; пулеметов 320, орудий 88;

3) резерв группы — 56 и 28 дивизии с Казанской крепостной бригадой, всего около 21.000 штыков, 400 пулеметов и 86 орудий.

Всего в ударной группе — около 45.000 штыков, 12.000 сабель, 1080 пулеметов и 240 орудий.

Из остальных 8-й, 13-й и 14-й армий Южного красного фронта была выделена вспомогательная группа советских войск под командованием генерала Селивачева. В эту группу вошли:

1) 8-я армия — 12, 13, 15, 16, 33, 40 и 31-я стрелковые дивизии с количеством штыков 24.000, сабель 3.500, пулеметов 1.170, орудий 193;

2) из состава 13-й армии — 3 и 42 дивизии — штыков 8.800, сабель 450, пулеметов 237 и орудий 58.

Всего в группе ген. Селивачева — 32.800 штыков и около 4000 сабель, 1407 пулеметов и 251 орудие. Эта группа должна была навалиться на левый фланг Донской армии между Лисками и г. Короча.

Как видим, в приволжской ударной группе Шорина и в группе ген. Селивачева, согласно большевицким данным, было сосредоточено 77.800 штыков, 16.000 сабель, 2487 пулеметов и 491 орудие (Егоров. Разгром Деникина, стр. 112).

Это не были красноармейские банды конца 1917 г. и первой половины 1918 г., это были настоящие, сравнительно хорошо организованные, с правильным управлением русские войска. На них была возложена задача — раздавить Кавказскую (Кубанскую) и Донскую армии, при чем. ген. Селивачев должен был отрезать Донскую армию от Украины, а Шорин — быстрым движением на г. Царицын должен был перехватить пути отступления Кавказской армии на Кубань.

Задача красной России была ясна. Для достижения ее были собраны весьма большие силы. Если бы красная Россия смогла осуществить эту задачу в назначенный срок — к октябрю 1919 г. — для нее оставалась бы второстепенная задача —покончить с армией Деникина на Украине.

Подготовляя эту операцию против казаков, красная Россия надеялась, что утомленные долгой беспрерывной борьбой, начавшейся еще с ранней весны 1918 г., казачьи войска не смогут оказать значительного сопротивления красным войскам, и задачи красной России на Казачьих Землях будут так же скоро достигнуты, как перед этим красная Россия быстро справилась с армиями адмирала Колчака.

Наступал новый решительный момент в истории казачье-русской упорной борьбы. Нам предстоит разобраться в весьма сложных событиях, происходивших, как на фронте, так и в тылу.

РЕЙД ДОНСКОГО КОРПУСА МАМОНТОВА

(Схема 7).

В полном соответствии с серьезностью задач, возложенных на Донские войсковые части, предназначенные для прорыва Южного большевицкого фронта и для разрушения тылов советских армий, Донским командованием была произведена соответствующая подготовка. В ударную группу были собраны лучшие по своим боевым качествам Донские войсковые части и командиры. Собранные войска были названы 4-м Донским корпусом. Во главе этого Корпуса был поставлен весьма популярный среди казаков, очень энергичный ген. Мамонтов.

Численность 4-го Корпуса ген. Деникин определяет в 7 тысяч (Деникин. Очерки, 5, стр. 120). Согласно же большевицким данным «общая численность корпуса достигала 9.000 сабель и штыков» (М. Рымшан. Рейд Мамонтова. Издание Управления по исследованию и использованию опыта войн. Москва. 1926 г. стр. 17).

Должно быть также признано, что весьма удачно было выбрано место для прорыва красного фронта — стык 8-й и 9-й сов. армий, внимание которых было приковано: 8-й жаркими, почти беспрерывными боями в районе Лиски - Бутурлиновка, а 9-й — такими же боями в районе Балашова, Борисоглебска и Новохоперска.

Согласно директиве № 0300/К, от 12 июля 1919 г. Командующего Донской армией ген. Сидорина, 4-му Корпусу ставилось задачей а) прорвать фронт большевиков в промежутке между Новохоперском и Таловой, б) оказать содействие 3-му Дон. корпусу в ликвидации Таловской группы красных и в) направиться в глубокий тыл и овладеть г. Козловым, где помещался штаб Южного сов. фронта.

Приказом того же командующего от 20 июля было указано: «4-му Корпусу ударом в направлении на Таловую — узловая станция на железн. дороге Балашов-Лиски и далее **по тылам противника на запад содействовать разгрому** 3-им Дон. Корпусом Бутурлиновской группы красных и соседних с ней частей и **занятию**

Лискинского узла, начало операции 22 июля» (курсив редакции).

Из сравнения этих двух директив видим, что первая из них главной задачей для 4-го Корпуса ставила взятие г. Козлова, а вторая указывала на необходимость движения в общем на г. Воронеж, т. е. в первом случае, движение на север, а во втором, на запад или северо-запад.

Штаб Донской армии пояснял, что «уклонение 4-го Корпуса от направления, намеченного директивой № 0300/К, вызвано настойчивыми просьбами Наштакора 3-го Дон. корпуса о более существенной помощи 4-го Корпуса в операции 3-го Корпуса, **без чего у Наштакора 3 не было надежды на выполнение операции против Лискинского узла»** (курсив редакции). Это признание Наштакора 3 следует помнить при оценке дальнейших операций 3-го Донского корпуса.

Выход корпуса Мамонтова в тыл 8-й сов. армии, крепко занимавшей важный Лискинский железно-дорожный узел и ведшей упорнейшие бои в районе р. Битюга и Бутурлиновки, мог бы иметь решающее значение в деле разгрома этой красной армии, что, без сомнения, могло бы иметь значительное влияние на последующую борьбу. Однако, Мамонтов не исполнил приказания **о непосредственной помощи** 3-му Донскому корпусу, ведущему неравную борьбу на огромном фронте от г. Корочи до Бутурлиновки включительно.

Неисполнение этого важного и ясного приказа ген. Мамонтов, в донесении Штабу Донской армии от 6 августа 1919 г., пояснял следующим образом:

...«С 27 на 28 июля, Корпусом предпринят был маневр с целью обхода Архангельской группы противника через Еланское Колено на Макарово. Решение было принято на основании данных воздушной разведки, произведенной вечером 27 июля. Начавшийся ночью ливень, обративший лощины и овраги в потоки, в которых плавали повозки и тонули лошади, не позволил выполнить намеченный маневр. С невероятными усилиями 4-й Корпус сосредоточился к 12 часам в Еланское Колено. В 16 часов обозначалось наступление

красных со стороны Макарово: наступал 358 полк 3-ей бригады 40-й дивизии. Красные были разбиты наголову и полк полностью — свыше 500 чел. — при 4-х пулеметах взят в плен. Части Корпуса непосредственно после боя двинуты были вечером 28 июля на Макарово (на север, примеч. редакции). Условия движения в ночь на 29 были столь же тяжелы, как и накануне, от возобновившегося проливного дождя и вязкости грунта. На рассвете 29 июля части Корпуса выбили красных из Макаровских двориков и повели наступление на дер. Макарово, которое занималось 359 и 360 полками. В виду крайнего утомления лошадей и непролазной грязи, бои пришлось вести почти исключительно в пешем строю... В виду непрекращающегося дождя и крайне тяжелых дорог к западу от р. Савала, Корпус 30 июля был двинут по левому берегу р. Савалы на север, где вследствие песчанного грунта дороги находились в лучшем состоянии. **В виду так неблагоприятно сложившейся обстановки, пришлось изменить и ближайшие задачи действий корпуса, наметив для уничтожения вместо Архангельской группы части противника, высаживающиеся на ст. Терновая, а также разрушение железной дороги Борисоглебск-Грязи»...**

Таким образом, Корпус Мамонтова, вместо западного направления, взял северное и северо-восточное. Директива Командующего Донской армии осталась невыполненной, и 3-ий Донской корпус продолжал сам вести борьбу на выше означенном огромном фронте. Это скоро привело к весьма печальным последствиям.

Согласно тому же донесению командира 4-го Дон. корпуса от 6-го августа, захват участка названной железной дороги имел следующие последствия для красного фронта: ...«30 июля Корпус не встретил сопротивления красных. Высаживающиеся войска на ст. Терновка оказались пополнением для 31-й сов дивизии, наполовину вооруженные винтовками. Всего в этот день взято свыше 3-х тысяч человек пленных и, кроме того, распущено в районе Макарово-Терновки до 5-ти тысяч мобилизованных. В этот день нами захвачено между Терновкой и Жердевкой несколько паровозов и около 250 вагонов, груженных снарядами,

патронами, ручными гранатами и интендантским имуществом»...

Получив сведения о прорыве казаками фронта русских армий, командующий Южным советским фронтом издал следующий приказ командующему особой ударной группой красных в составе 9-й 10-й сов. армий:

«Конные части генерала Мамонтова, прорвавшись на стыке 8 и 9 армий, продолжают распространяться вглубь расположения армий фронта в направлении на Тамбов и Грязи. По некоторым данным можно предполагать, что за конницей следует и неприятельская пехота со стороны Новохоперска и Борисоглебска в направлении на Жердевку. Левофланговые части 8-й армии боем восстановили положение. Правый фланг 9 армии пришел в расстройство; 13 и 8 армии 2 августа приступают к выполнению операции (переход в общее наступление), согласно директиве... С получением сего предписываю Вам принять решительные меры для немедленной ликвидации прорыва на стыке 8 и 9 армий и для восстановления фронта. Девятой армии иметь в виду, что потеря времени на руку только противнику, который, использовав его для развития успеха, может сорвать операцию 13 и 8 армий. Вместе с тем **приказываем вам ускорить переход в общее наступление армий вверенной вам группы,** который, на ходясь в планомерной связи с действием правого фланга армий, должен вылиться в исполнение общей наступательной операции Южфронта, указанной в директиве прошлой» (М. Рымшан. Рейд Мамонтова, стр. 19).

Из этого приказа видно, что красное командование ни на один день не задержало осуществления общего плана наступления главной (Шорина) и вспомогательной (ген. Селивачева) ударных групп Южного сов. фронта. Все же исследователь этих событий ген. штаба полковник Егоров признает, что «красное командование было сразу же поставлено в чрезвычайно затруднительное положение: конница, которую следовало бы противопоставить этому сильному вторжению, находилась далеко на левом фланге группы Шорина у Красного Яра. Приходилось отрывать пехоту от выполнения поставленных ей задач на фронте и уже к вечеру 29 июля обе группы, и Шорина, и Селивачева,

должны были по директиве командюжа назначить 31-ю дивизию (из 8-й армии) и 36-ю дивизию (из 9-й армии), что, конечно, не могло не оказать ощутимого отрицательного влияния на ход предполагаемого наступления красных. А когда командюж следующей своей директивой возложил задачу ликвидации рейда на Шорина, последний вынужден был помимо 36-й дивизии назначить для ликвидации Мамонтова и свой резерв — 56-ю дивизию. Требование командюжа — закрыть образовавшийся прорыв силами 9-й армии — поставило эту последнюю в очень затруднительное положение, ибо вся группа по той же директиве фронтового командования должна была начать общее наступление»... (цит. выше работа Егорова, стр. 115-116).

Приведенные выше большевицкие данные ярко характеризуютъ то, какое значение имел этот смелый казачий рейд в своей первоначальной стадии развития.

В то же время сам Мамонтов в своем донесении Штабу Донской армии пояснял: ...«Переутомление лошадей в течение 27, 28, 29 и 30 июля при необычайно тяжелых условиях вынудило отказаться от больших переходов, вследствие чего 30 июля корпус перешел в район Туголуков-Тандинцево, ближайшей целью оставалось овладение г. Тамбовом»... Тем не менее и все дальнейшие действия этого корпуса отличаются большой продуманностью и выдающейся, чисто казачьей, энергией и быстротой удара.

Из района г. Кирсанова против Мамонтова была направлена 56 стрелк. дивизия, имевшая ближайшей целью охрану железной дороги Балашов-Тамбов. Но 2 августа 48 Донской конный полк перехватил эту ж. дор. в районе Чакино-Осиновка, разгромив и обратив в паническое бегство стрелковый полк красных, при чем казаки привели в полную негодность этот участок железной дороги.

С юго-востока против войск Мамонтова форсированным маршем наступала Кавалерийская бригада 36-й стрел. дивизии, но, как признают большевики, у деревни Сукманка эта бригада была на голову разбита казаками и рассеялась по всему району (Рымшин. Рейд Мамонтова, стр. 21).

Прервав сообщение по жел. дороге Грязи-Борисо-

глебск и по желез. дор. Тамбов-Балашов, Мамонтов направился на гор. Тамбов, бывший главной базой южного советского фронта. «К югу и западу от Тамбова имелись укрепленные позиции противника — окопы полной профили, укрепленные полосой проволочных заграждений в три-четыре ряда кольев. Чтобы обойти укрепленную полосу, Корпус 3 августа перешел в район д. Липовцы, а 4 августа двинут был на Арапово... 4 августа взорваны были мосты в районе Селезни у ст. Самбурово. 5-го августа части Корпуса при сильном сопротивлении противника вошли в г. Тамбов... В районе Тамбова распущены по домам до 15-ти тысяч мобилизованных... Вся операция от Абрамовки — место прорыва большевицкого фронта — до Тамбова построена была на маневре, вследствие чего наши потери ничтожны — всего до 20 казаков убитых и раненых» (из донесения Мамонтова Штабу Донской армии).

Таким образом, в короткий промежуток времени, с 27 июля по 5 августа, казаки корпуса Мамонтова прошли с боями около 200 верст, достигнув весьма больших успехов: они перерезали три железных дороги — Грязи-Борисоглебск, Тамбов-Балашов и Козлов-Саратов, **прервали связь между штабом Южного сов. фронта и командующим группой из 9-й и 10-й советских армий Шориным, вследствие чего Москва приняла непосредственно на себя руководство действиями Шорина;** Мамонтов распустил по домам более 20-ти тысяч мобилизованных русских (из сводки Донской арм. за 12-е августа 1919 г.).

Еще более важное значение имела моральная сторона этого блестящего нового рейда казачьей конницы. «Видя неустойчивость вновь сформированных частей, разбегающихся при появлении лишь раз'ездов противника», говорит автор исследования о рейде Мамонтова коммунист Рымшин, «а также стремительное продвижение корпуса Мамонтова вглубь фронта», на борьбу с конницей Мамонтова были брошены не только 56 и 36 стрелковые дивизии, принадлежавшие к советским армиям Южного фронта, но была вызвана 21 стрелковая дивизия с Восточнаго, противо-колчаков-

ского фронта (Рымшин, выше цитированая его работа, стр. 22).

В виду непосредственной угрозы со стороны 4-го Донского корпуса месту пребывания штаба южного советского фронта — г. Козлову, уже 4-го августа «часть штаба была свернута и погружена в вагоны; вывезти весь штаб считалось пока еще преждевременным, так как это деморализующим образом отозвалось бы на работе штаба группы Селивачева. На случай небходимости драться в самом городе, предполагалось наиболее важные документы уничтожить, а ответственным сотрудникам драться до последнего патрона. Все угрожаемые районы спешно укреплялись».

«Однако, плохая организация, пассивность некоторых созданных для борьбы на местах революционных сколоченных частей, отсутствие в распоряжении командования опытного и стойкого командного и политического состава — все это имело своими последствиями неудачу всех мер, предпринимаемых для остановки прорвавшегося противника.

С другой стороны, меры принятые самим Мамонтовым, обеспечивали ему, правда, весьма кратковременный и крайне непрочный, но все-же успех. В числе этих мер наибольшее сочувствие населения вызвала раздача разграбленного Мамонтовцами советского, общественного и даже частного имущества»... (там же, стр. 23).

Пребывание казаков в Тамбове и его районе чрезвычайно обеспокоило большевицкий Центр. 5 августа Троцкий писал:

...«Белогвардейская конница прорвалась в тыл нашим войскам и несет с собою расстройство, испуг и опустошение в пределы Тамбовской губ... Задача ясна и проста: крепкой облавой окружить деникинскую конницу, которая оторвалась от своей базы... Опасность должна подстерегать белых бандитов изо всех углов, из-за каждого холма, изо всякого оврага...

При приближении (казаков) **крестьяне должны угонять своевременно лошадей, скот, телеги, увозить хлеб и всякую снедь.** Чего не успеют увезти — уничтожить. Советская власть покроет все понесенные убытки...

Коммунисты, на передовые посты!.. Нужно прекрасно поставить разведку... Там, где белые вздумают заночевать, их должен пробудить пожар. Их конница должна натолкнуться на колючие проволоки там, где накануне был открытый и свободный путь... На территорию Тамбовской губ. ворвалась деникинская стая хищныхъ волковъ, которые режут не только мужицкий скот, но и рабочий люд. На облаву, рабочие и крестьяне! С ружием и с дубьем! Не давайте хищникам ни времени, ни сроку, гоните их со всех концов! Ату белых! Смерть живорезам» (Как вооруж. революция, т. 2-й, книга 1-я, стр. 271).

Так истерически вопил большевицкий военный министр. Подобные призывы Троцкий повторял и в последующие дни.

Пока Россия организовывала силы для уничтожения корпуса Мамонтова, последний из Тамбова двинулся на г. Козлов. Сильными короткими ударами уничтожая на своем пути все препятствия, 9-го августа Донцы захватили самый Козлов, принудив штаб южного фронта бежать в г. Орел.

«Хозяйничанье Мамонтова принимало все более и более угрожающие формы. Главное командование пришло к заключению, что командование южным фронтом не в силах удеражть наседающего Деникина и одновременно ликвидировать прорвавщуюся массу конницы. Вследствие такого раздвоения, фронтовое командование не могло выделить достаточных сил, чтобы сразу пресечь беспрепятственное разгуливание Мамонтовской банды по тылам, наводя ужас и панику на тыловые неокрепшие красные части и население. Требовались срочные организационные меры, с привлечением, помимо красных частей, всех местных советских организаций и населения для того, чтобы общим дружным напором уничтожить опьяненную успехом банду Мамонтова, которая от грабежей и пьянства начинала уже разлагаться. 10 августа революционный военный совет республики возлагает на члена РВС Южного фронта т. Лашевича ликвидацию мамонтовского рейда, подчинив его в оперативном отношении командованию этого фронта. Совет Обороны Республики постановляет об'явить на военном положении:

Рязанскую, Тульскую, Орловскую, Воронежскую, Тамбовскую и Пензенскую губернии и учредить в губернских и уездных городах военно-революционные Комитеты. К казакам Мамонтова 11 августа было выпущено воззвание, в котором председатель революционного военного совета, обратившись к ним, как к обманутым людям, обрисовал им достигнутые уже Красной армией успехи по ликвидации рейда и, считая их положение безвыходным, предложил казакам примириться с рабочими, крестьянами и красноармейцами всей страны, выдав своих «преступных командиров» (там же, стр. 29).

Выше приведенные слова большевицкого исследователя прошлых событий свидетельствуют, какое огромное значение имел рейд казачьей конницы.

Дальнейшее развитие этого рейда находится в полной зависимости от событий на общем фронте казачье-русской борьбы. В это время успешно продвигалась вперед главная ударная группа красных войск Шорина вдоль р. Волги, а также по р. Медведице и р. Бузулуку. Вспомогательная ударная группа советских войск ген. Селивачева тоже достигла больших успехов между Воронежом и Белгородом в направлении на Валуйки-Купянск и на Харьков.

ЛИКВИДАЦІЯ ПРОРЫВА УДАРНОЙ ГРУППЫ ГЕН. СЕЛИВАЧЕВА

4-й Донской корпус Мамонтова, прорвав большевицкий фронт 27-28 июля у станции Абромовки, как мы знаем, не пошел в тыл Лискинской большевицкой группе войск, а направился на север, в общем на г. Тамбов. В первые дни своего рейда Мамонтов оказался в тылу правого фланга 9-й советской армии, входившей в состав ударной группы войск Шорина. Ударная же группа советских войск ген. Селивачева при прорыве Мамонтова потеряла только два полка своей левофланговой 40-й дивизии, да из состава этой же группы была назначена для ликвидации 4-го Донского корпуса

31-я стрелковая дивизия, в действительности остававшаяся в районе своего прежнего расположения.

При таких обстоятельствах большевицкое командование решилось осуществить свой основной план операций на Южном фронте нанести сокрушительный удар по казачьим армиям, как группой Шорина с Волги, так и группой войск генер. Селивачева.

Располагая на фронте 3 и 42 дивизиями из состава 13-й сов. армии и 12, 13, 15, 16, 33 и 40 дивизиями 8-й красной армии, Селивачев перешел в наступление 2-го августа 1919 г. против 3-его Донского корпуса на длинном фронте от Бутурлиновки до района Нового Оскола (схема 11).

Перед самым началом этих боев фронт 3-го Донского корпуса начинался в районе станции Чернянки, севернее Н. Оскола, проходил далее на восток до района сел. Солдатка на р. Усердец, потом через сел. Глуховское северо-восточнее гор. Бирюча, далее верстах в 15-20 южнее гор. Острогожска и ст. Лиски и тянулся до района Бутурлиновки.

Общее протяжение фронта только этого Донского корпуса равнялось приблизительно 200 верстам, в то время, как силы корпуса исчислялись к этому времени всего в 8 тысяч штыков и сабель (см. донесение Комкора от 8 августа 1919 г.).

Припомним, что ударная группа красных войск генерала Селивачева насчитывала 32.800 штыков и 4000 сабель (Егоров. Разгром Деникина, стр. 112), при чем вся 8-я сов. армия действовала исключительно на фронте 3-го Донского корпуса. Следует при этом помнить и о моральномъ состоянии войск Донской армии, о чем говорилось выше («Бои на границах России и Дона»).

Можно предполагать, что Штаб Донской армии или совсем не имел сведений о долго подготовляемом красным командованием генеральном ударе по 3-му Донскому корпусу или же не придавал должного значения мероприятиям красного командования.. Во всяком случае, в тот самый день, когда войска ген. Селивачева уже переходили к осуществлению широко задуманной операции, командующий Донской армией приказал 3-му Корпусу: 1) оставив заслон на Старый Оскол, ударить на Быково-Круглое с задачей продви-

нуть Донской фронт на линию р. Потудань и развить общий успех на г. Коротояк и 2) с юга ударить на Малахин-Острогожск. Силы корпуса были слишком недостаточны для осуществления этих активных задач.

Под натиском превосходных, хорошо вооруженных сил противника уже к утру 3 августа части 3-го Донского корпуса отошли: 5-я дивизия на линия Юдин-Станкевичи-Прилепы-Владимировка, 3-я дивизия — к Алексеевке-г.Бирюч, 2-я и 8-я дивизии к Марьевке-Глинному-Погромцу (схема 11).

Донцы оказывали упорное сопротивление, переходя часто в контр-атаки и неся при этом большие потери. Следует отметить особенную доблесть левофланговой 8-й Донской дивизии, в жарких встречных боях 3 и 4 августа взявшей 500 пленных, 600 винтовок и 6 пулеметов. Но своими малыми силами 3-й Корпус не мог сдержать ударную группу красных войск. За первые три дня на фронте Н. Оскол-Острогожск Донской фронт осадил на 35 верст.

Генерал Селивачев производил главный нажим на казачий фронт между городами Нов. Оскол и Бирюч. При чем, как пояснял командир 3-го Корпуса, на этом «участке наибольшего нажима части наши располагаются следующим образом: 2-я дивизия 1200 штыков и 400 шашек, 8-я дивизия 1800 штыков и 700 шашек, а всего 3000 штыков и 1100 шашек».

И чти четыре тысячи бойцов занимали фронт протяжением в 60-70 верст в местах наибольшего напора русских дивизий.

Видя отступление 3-го Донского корпуса на всем широком фронте от р. Дона до Н. Оскола, ген. Деникин посылал командующему Донской армией ген. Сидорину телеграммы с выражением глубокого возмущения такими делами на Донском фронте, очевидно, забывая о том, что Донцы принуждены были отступать под напором нескольких дивизий — русских войск, руководимых коллегою Деникина генералом Селивачевым.

В ответ на поток упреков со стороны Деникина командир 3-го Донского корпуса 8 августа указал на следующие основные причины этих неудач:

1) в центре 3 корпуса «80% снарядов не разрывается, подрывая доверие войск к артиллерии»,

2) 3-й Корпус в 8 тысяч бойцов на фронте в 200 верст сражается против 40 тысяч русских при 100 орудиях с бронепоездами и бронемашинами, в то время, как в казачьем Корпусе **ужасающая слабость техники,**

и 3) крайняя неустойчивость пехоты, состоящей из мобилизованных крестьян.

Имели место, например, такие факты: ...«В районе Варваровка – Рыбальчино – Нагольное – Камышеватое при отходе большая часть мобилизованных Воронежской губ. разбежалась, захватив с собою оружие»...

Выше приведены факты, в достоверности которых не может быть никакого сомнения, неопровержимо и выразительно говорят о том ужасном положении, в котором очутилось Казачество, попав в руки руководителей русского белого движения. Русское командование казаками ловко использовало казачьи силы для завоевания Украины, бросив туда для этой цели бригаду ген. Склярова в составе 42 Донского и 2 Лабинского полков, 1-ю Кавказскую и 1-ю Терскую конные дивизии и 2-ю Кубанскую и 2-ю Терскую пластунские бригады (см. выше: «Бои на Левобережной Украине», «Борьба за обладние Днепром» и соответствующие схемы). В то же время важнейший участок всего южного фронта — гор. Короча – Н. Оскол – Острогожск — был весьма слабо защищен, чем не замедлили воспользоваться «красные коллеги» «белых» генералов.

Кричащим, просто бьющим в глаза фактом является и следующее: по понятным причинам во время войны 1919 г. сравнительно легко можно было налаживать, как военную, так и политическую разведку; несмотря на это, штаб Деникина или ничего не знал о подготовлявшемся в течение месяца ударе русских-красных группы Селивачева, или же не обращал должного внимания на происходящее планомерное накопление войск противника...

Широкий прорыв белого фронта красными войсками и чрезвычайно быстрое их распространение в сторону городов Валуек, Купянска, Волчанска и Белгорода, естественно вызвали весьма большую тревогу в штабах Добровольческой, Донской и Кавказской армий, тем

более, что в это самое время главная ударная группа русских войск Шорина, в составе 9-й и 10-й армий, тоже успешно продвигалась вперед вниз по течению рек Волги, Медведицы и Бузулука, а 11-я советская армия вела против казаков атаки за Волгою и на правом берегу нижнего течения этой реки. Надо было как-то выходить из создавшегося грозного положения в самом центре антибольшевицких армий Южного фронта.

Но где взять войска для этого? Красные дивизии Селивачева, ободренные первоначальными успехами, быстрыми маршами продвигались вперед и несли с собою совершенно реальную угрозу захвата даже г. Харькова, где, как известно, находился штаб командующего Добровольческой армией ген. Май-Маевского.

Генерал Деникин и его штаб прекрасно понимали, какую большую опасность для Казачьих Земель представляла из себя продвигающаяся вперед лавина 10 и 9 красных армий, ворвавшихся уже на Донскую территорию. Деникин так же был отлично осведомлен о том, что с запада, со стороны р. Збруча, в то время войска Украинской Народной Республики вели успешное наступление в сторону Киева и Одессы. Русские руководители белого движения абсолютно достоверно знали так же и о понесенном «Правителем России» Колчаком генеральном поражении от войск красной России.

При создавшейся боевой и политической обстановке на фронтах борьбы большевицких и антибольшевицких сил, само собою напрашивался для проведения в жизнь казачье-украинский Союз. Но между этими двумя силами впутались силы белой России, военный руководитель которых, к тому же, командовал казачьими армиями.

Деникин, выражая волю и желание подавляющего большинства «белых» русских, решил 1) при помощи казаков продолжать безостановочное движение на запад с целью захвата столицы Украины — Киева, 2) предоставить самим казакам вести борьбу против нахлынувших на Донскую Землю русских войск группы Шорина и 3) ударную группу «красного» генерала Селивачева ликвидировать силами все тех же казаков.

Происходило удивительное явление: «красный» генерал Селивачев протягивал вооруженную руку к са-

мому Харькову, штабу Доброволии, а «белый» генерал Деникин в это время просовывал свою руку к Киеву. Если отбросить весьма условные названия русских генералов — «красный» и «белый», суть русской политики в отношении Казаков и Украины станет совершенно ясной.

В описываемое время славный корпус Мамонтова, действуя в глубоком тылу и Селивачева, и Шорина, захватил базу красного Южного фронта — гор. Тамбов и из гор. Козлова стальной метлой вымел весь русский штаб этого противо-казачьего и противо-украинского фронта. И не простым стечением обстоятельств, а железной логикой происходящих грандиозных событий было то, что Деникин принужден был силами казаков спасать свой добровольческий штаб в Харькове.

Сколько раз уже казаки спасали Добровольческий штаб в 1918 и 1919 г.г.! Так было и теперь. Только что казаки 1-й Кавказской дивизии захватили прадавний казачий гор. Черкассы на Днепре, только что казаки этой дивизии, совместно с казаками 2-й Терской пластунской бригады, взяли станцию Бобринскую, как немедленно казачью конницу курьерскими поездами через Полтаву бросили к Харькову.

К г. Белгороду, из района станции Басы, бросили 1-ю Терскую конную дивизию.

Из этих двух дивизий составили 3-й Конный корпус во главе с ген. Шкуро. Этот корпус подчинили непосредственно командующему Добр. армией ген. Май-Маевскому.

Для характеристики действий штаба Деникина в это жаркое время отметим следующий факт: когда ударная группа Селивачева прорвала тонкую линию фронта 3-го Донского корпуса и, быстро продвигаясь вперед, захватила уже города Новый Оскол и Бирюч и приближалась к г. Валуйки и г. Волчанску, начальник штаба вооружен. сил Юга России, ген. Романовский, 7-го августа предупреждающе телеграфировал из Таганрога в Харьков Май-Маевскому: ...«Установлено сосредоточение значительных сил красных в районе Острогожска-Бирюча для ведения широкого наступления в направлении на Валуйки-Купянск» и т. д. Штаб Деникина шел позади событий...

Так как войска были все время в движении, положение фронта беспрерывно менялось. К 12-му августа в общем в местах соприкосновения казачьих сил с войсками ген. Селивачева, фронт проходил: несколько южнее г. Павловска, что лежит на р. Дону, далее тянулся на запад через Побединскую, поворачивал на юго-запад на Новопостоялый, Ольховатку, Могильный, Попасной, далее поворачивал на юг — на Избушку, Белый Колодец, спускался к селению Кисловка, что лежит верстах в 15 к юго-востоку от г. Купянска; заняв этот последний город, красные держались пассивно, так что Донской бронепоезд мог обстреливать самый г. Купянск; из района Купянска фронт поднимался на северо-запад к р. Северному Донцу, примерно, у Старого Салтова, потом шел прямо на север несколько западнее г. Волчанска и г. Корочи, по восточнее сел. Нов. Слободки (схема 11).

Если сравнить положение фронта перед началом наступления дивизий Селивачева, 2-го августа, с выше указанным положение фронта к 12 августа, увидим, что за 10 дней красные успели продвинуться вперед: по линии Лиски-Евстратовка верст на 40, на линии Алексеевка, что на р. Тихая Сосна, — Попасной верст на 60, по линии Нов. Оскол — Купянск или Бирюч-Купянск верст на 140, по линии Н. Оскол-Волчанск верст на 100 и на линии Короча-Белгород верст на 30. Основание большого русского клина, вбитого Селивачевым между Донской и Добровольческой армиями, по линии Короча-Павловск равно было приблизительно 200 верстам, а высота — около 100-120 верст.

Решено было ударом Кубанцев и Терцев с юго-запада и с запада, со стороны Харькова-Белгорода в направлении на Волчанск-Нов. Оскол, и ударом Донцов в направлении в общем на г. Бирюч срезать у основания этот русский красный клин.

Состав, расположение и задания 3-го Конного корпуса ген. Шкуро перед самым началом этой операции, решающей судьбу фронта, видны из приказа по этому корпусу, данного в г. Харькове 12-го августа.

«Приказ 3-му Конному Корпусу № 0723. Гор. Харьков. 12 августа 1919 г. Красные, развивая прорыв против левого фланга Донской армии, 11 августа заняли

Волчанск. Разведка 1-й Терской дивизии на фронте Скриково-Нечаево оттеснена красными на правый берег р. Короча. Атаки противника в районе города Корочи усиленно отбивались 1-й пехотной дивизией. Согласно указаниям Командарма я решил разбить группу красны, действующих на фронте Волчанск-Короча и, развивая успех, овладеть городом Валуйки.

Во исполнение сего приказываю:

1) Генералу Шифнер - Маркевичу (Партизанская-Кубанская бригада со 2 и 3 батареями, полтора батальона Самурского полка и батарея 3-ей артил. бригады), **сосредоточившись в городе Харькове** и, наступая через Веселое, атаковать группу красных, занявших г. Волчанск. Для обеспечения высадки и разведки на фронте Старый Салтов и Волчанск в Веселое выдвинуть головной дивизион 1-го Партизанского полка. Подробную ориентировку получить в Штакор 1-го Армейского.

2) Генералу Агоеву с 1-й Терской дивизией, прикрывая восточные опушки лесов на фронте Стариково-Тюрино, сосредоточиться 12 августа для занятия исходного положения для атаки в районе Сетное-Тюрино.

3) Хоперской бригаде — Кубанская из состава 1-й Кавказ. дивизии, — оставаясь в моем резерве и припрывая опушки лесов (на фронте) Шебекино - Стариково исключительно, сосредоточиться 12 августа в районе Меловой-Ушаково.

4) Волчанскому дивизиону и Стрелковому полку 1-й Терской дивизии и 1-й Кавказской оставаться в моем резерве в гор. Белгороде.

Генерал Шкуро. Начштаба полк. Соколовский.

1 час 40 минут, 12 августа 1919 г. Харьков».

В тот же день, 12 августа, было приказано Донским войскам, находившимся в районе Могильный-Попасной - Белый Колодец - Айдара, из района Избушки-Шевцова нажимать на гор. Валуйки с востока, а через Данилов - Кукоречин - Юрков ударить в направлении гор. Бирюча.

С своей стороны, красное командование решило широко использовать первоначальные успехи группы Селивачева и потому 13 августа, давая общую директиву армиям Южного фронта, приказало группе Се-

ливачева занять Харьков и Евстратовку, последняя на железной дороге Лиски - Новочеркасск (Егоров. Разгром Деникина, стр. 118).

Свои намерения красное русское командование проводило в жизнь русскими войсками, а белое свои стремления осуществляло — казачьими войсками.

Донская группа войск под командой ген. Гусельщикова, двигаясь в направлении на г. Бирюч, 13 августа прорвала большевицкий фронт, а 14 августа уже вышла на железную дорогу Лиски-Волуйки, на участке Алексеевка - станция Бирюч, захватила большую военную добычу и разрушила ж. д. путь. Но появление русского противника в тылу этой казачьей группы в районе Шелякино-Варваровка, принудило ген. Гусельщикова повернуть на юг. 15-го августа противник был отброшен к западу и казаки Гусельщикова сосредоточились в районе Варваровка - Марьевка - Шелякино. В связи с упехами ген. Гусельщикова было приказано всему 3-му Дон. корпусу перейти в общее наступление (схема 11).

После этого Донские части, действовавшие в районе Избушки, Ножина, Ярочкина, Малакеевой, Варваровки, Славгородской, Кулешевки, Марьевки и т. д. — все перечисленные пункты находятся верстах в 30-50 на юго-восток от гор. Бирюча и между железными дорогами Лиски-Валуйки и Лиски-Евстратовка, — проявили чудеса храбрости, прекрасно маневрировали, но в силу своей численной слабости и большого упорства противника не могли в полной мере выполнить те задания, которые им ставил штаб Деникина. В то же время Донское командование не могло усилить свой левый фланг, так как в это время Донская армия вела жаркие бои с 9-й и частью 10-й советскими армиями, всей своей массой навалившимися на Донскую Землю с северо-востока.

Обратимся теперь к действиям 3-Конного корпуса ген. Шкуро. Начиная с 12 августа, этот Корпус, поддержанный мелкими частями Добровольческого корпуса, вел энергичнейшее наступление на фронте Короча-Волчанск и южнее, встречая на своем пути упорнейшее сопротивление превосходных сил противника, часто переходившего в яростные контр-атаки.

1-я Терская дивизия в районе г. Короча нанесла решительное поражение 3-ей и 42-й советским дивизиям и принудила их к поспешному отступлению на г. Новый Оскол. При этом казачьи части понесли весьма большие потери, как в командном составе, так и в рядовых бойцах. Только 15 августа был убит командир одного из полков этой дивизии генер. штаба полковник Колесников, был тяжело ранен начальник штаба дивизии полковник Химич, контужен нач. дивизии ген. Агоев.

13-14 августа Кавказская дивизия, под руководством Шифнер-Маркевича, вела упорнейшие бои на левом берегу р. Донца в районе сел Ильмень-Ивановки-Синельниково, что лежат к югу от гор. Волчанска. Однако, после ожесточенных боев принуждена была отступить несколько на запад, за р. Северный Донец. Сосредоточившись в районе Старицы, 15-16 августа Кавказ. дивизия все же разбила противника и отбросила его на восток, за железную дорогу Волчанск-Купянск.

17-18 августа эта дивизия вела весьма упорные бои с девятью пешими и тремя конными полками русских в районе М. Волчья-Ефремовка-Белый Колодец. К утру 19 августа Кавказская дивиз. принуждена была отступить снова к г. Волчанску, хотя 17 августа части этой же дивизии заняли г. Купянск.

19-го августа командующий Добровольческой армией ген. Май-Маевский приказал «3-му Конному корпусу **полным напряжением сил в кратчайший срок разбить эту группу красных»** (Харьков, № 08787).

Красные сражались храбро. Все же 20-го августа казаки разгромили их в районе Романовки-Васильевки-Ивановки и Захарьевки, при этом в руках казаков осталось 680 пленных, 15 пулеметов, 5 орудий и много другой добычи. После этого поражения красные дивизии хлынули на восток.

1-я Терская дивизия, работавшая между г. Короча и Н. Осколом, все время теснила перед собою 3-ю и 42-ю русские стрелк. дивизии, и 17 августа Терцы ворвались в Н. Оскол, перерезав таким образом железную дорогу Валуйки - Н. Оскол - Старый Оскол-Касторная.

После этого Терская дивизия ударила главными силами на юго-восток, в направлении Александровки-Грушевки, действуя во фланг и тыл группе советских дивизий, упорно дравшихся против наступающей все далее на восток 1-й Кавказской дивизии. Как говорит официальное сообщение штаба Деникина за 20-е августа, «доблестными частями ген. Шкуро — Терской дивизией — к югу от Н. Оскола разбита бригада противника, захвачено 1600 пленных, 28 пулеметов».

21-го августа в районе Грушевки Терцы на голову разбили 12-ю сов. дивизию. Остатки ее отступали на г. Бирюч и в леса, что к северу от г. Валуек. Следует отметить, что, по данным разведки 3-его Корпуса, особенной упорно дравшаяся 1-я бригада 12-й советской дивизии имела следующий состав: ...«100-й полк бригады сформирован из Лейб-гвардии Литовского полка, 101-й из Лейб-гвардии Кексгольского полка; комбриг 1-й бывший капитан Шибаев, его поомщник бывш. прапорщик Гусев; командир 101-го п. бывший Лейб-гвардии Литовского полка капитан Домонтович... бригада сформировна из 1-й Петроградской революционной отдельной бригады» (разведывательная, к 20 часам 23 августа 1919 г.).

Как видим, дивизии группы Селивачева в боях 13-20 августа попали в железные тиски казачьих полков: Донская группа войск Гусельщикова нажимала с юго-востока на железную дорогу Купянск-Валуйки-Лиски, а 7-я Донская пластунская бригада наступала с юга вдоль той же железной дороги; Кубанцы и Терцы громили красных в треугольнике между городами Волчанском, Новым Осколом и Купянском. В это же время остальные войска 3-го Донского корпуса сильно нажимали на красных Селивачева к северу от Евстратовки и к югу от гор. Павловска. А стальной, неуловимый 4-й Донской корпус Мамонтова, после взятия гор. Козлова, наводил панику в тылах группы русских войск того же Селивачева, заняв г. Елец, а потом и узл. станцию Касторную.

Только недавно, 13-го августа, красное командование приказало Селивачеву занять Харьков и Евстратовку; но не выдержали русские казачьих ударов и 21 августа «красный» генерал Селивачев отдал приказ

№ 18 об отходе красных на линию Н. Оскол-Бирюч-Павловск-Воробьевка (Егоров, выше цитиров. его работа, стр. 118). Этот приказ означал признание понесенного русскими поражения.

Говоря о ситуации на фронте в момент наибольших успехов войск Селивачева, т. е. 12-го авуста 1919 г., мы привели выше приказ командира 3-го Конного казачьего корпуса для документального установления состава войск, предназначенных Деникиным для спасения Харькова-Белгорода и для разгрома зарвавшегося противника. Из приведенного документа, мы видели, что эти войска состояли почти исключительно из казаков. Всего девятидневная их работа принудила Селивачева не только отказаться от захвата Харькова и Евстратовки, но и к фронтовому отступлению. Что 3-й Дон. корпус был казачий по своему составу, в этом нет никакого сомнения.

Для документального установления состава 3-его Конного корпуса Шкуро непосредственно после приказа Селивачева об отступлении и для характеристики положения на фронте этого Корпуса, в то время, приведем приказ по войскам Корпуса от 24 августа:

«Полковнику Галат. Копия начдиву 1-й Терской, Начдиву Кавказской, Командиру Сводно - Стрелкового полка.

Харьков Генкварм. Добр. и Наштакор 1 Арм.

Белгород Наштадив 1 Пехотной.

1-я Терская и 1 Кавказская дивизии вели фронтальный бой с значительными силами пехоты и конницы противника, развернувшимся на фронте Серебрянка -Николаевка - Лутовиновка - Покровский - Волоконовка (все пункты к востоку от железной дороги Н. Оскол-Валуйки). После упорного боя нашей конницей прорвать фронт противника не удалось и к ночи 24 августа конница сосредоточилась: бригада 1-й Терской дивизии в районе Ново и Старо Ивановки, 1-я Кавказская дивизия в районе Слоновская переправа. Около 12 часов нами (вновь) занят Новый Оскол.

1.Полковнику Галат (Стрелковый полк 1-й Терской дивизии, батальон Марковского полка, батальон Корниловского полка, 4 орудия, 2-я сотня волков) с получением сего выступить из района Грушевки и сле-

довать на переправу у Н. Ивановки в район Коровино-ст. Ивановка, где расположиться, войдя в связь со Штадивом 1-й Терской, находящемуся в Н. Ивановке. Эскадрон 1-го Конного полка передать полковнику Морозову, которому ставится задача наблюдать переправы на участке Петровская-Волоконовка (через р. Оскол) и держать под действительным артиллерийским огнем железную дорогу на этом участке и высоты левого берега.

2. Генералу Агоеву — 1-я Терская дивизия, удерживая свое расположение, вести энергичную разведку на фронте р. Оскол - Покровский до Лутовиновки включительно.

3. Генералу Шифнер Маркевичу с 1-й Кавказской дивизией сосредоточиться в районе Слоновской переправы, поддерживая тесное соприкосновение с противником, вести энергичную разведку на фронте Лутовиновка-Красное-Н. Оскол-Шараповка.

4. Полковнику Гравицкому (Сводно - стрелковый полк., 1-й Горско-Моздокский полк, 2 орудия запасной батареи, 3-я Терская батарея и Волчий дивизион), удерживая Н. Оскол, конницей продолжать преследование противника.

Слоновка. 24 августа, 22 часа 30 минут. Нр. 0905.

Подлиный подписал Генер.-Лейт. Шкуро

Верно: Генштаба полк. Соколовский».

Как видно из этого приказа, неказачьими частями в Корпусе были: батальон Марковского полка, батальот Корниловского и эскадрон 1-го Конного полка.

Еще 4-5 дней большевицкие части оказывали сопротивление казакам между городами Н. Оскол-Бирюч и южнее последнего. Окружение прорвавшихся большевицких частей не удалось, так как по отмеченным выше причинам Донцы не смогли взять г. Бирюч и завершить окружение разбитых дивизий генерала Селивачева. С другой стороны, красные не смогли удержаться на линии Бирюч-Новый Оскол, 2-го сентября казаки заняли г. Бирюч.

1-я Терская дивизия через Веселое и Верхосенск была направлена в сторону гор. Старого Оскола, а 1-я Кавказская гнала большевиков через г. Бирюч на северо-восток к р. Потудань; вдоль линии железной

дороги Валуйки-Острогожск-Лиски и правее весьма успешно действовали 7-я Пластунская Донская бригада и группа Донских частей ген. Гусельщикова. В это время с севера на тылы 8-й русской армии надвигался 4-й Донской корпус Мамонтова.

5 сентября 1919 г. в селении Репьевка на р. Потудань 1-я Кавказ. дивизия вошла в связь с частями ген. Мамонтова.

Таким образом, ударная группа ген. Селивачева, прорвавшаяся было глубоко в тыл и подошедшая на расстояние 30-40 верст к самому Харькову, в упорных боях была разгромлена казаками и отброшена на 40-60 верст севернее и северо-восточнее той линии фронта, с которой эта группа начала свое смелое наступление 2-го августа 1919 г. В этих беспрерывных боях, тянувшихся со 2 августа до начала сентября между Харьковом и Воронежом, казаки ликвидировали часть завоевательных планов красной Москвы.

За это же время Деникин захватил Киев и пробовал закрепить в нем русскую власть. Зато Донская и Кавказская армии под ударами красных войск Шорина значительно отступили на юг и дошли до Царицына и среднего течения р. Дона.

ГЕРОИЧЕСКАЯ БОРЬБА КАВКАЗСКОЙ (КУБАНСКОЙ) АРМИИ

(Схемы 3 и 5-6)

Немедленно после разгрома казаками на р. Маныче, в начале мая 1919 г., 10-й советской армии, 8-го мая ген. Деникин приказал ген. Эрдели, занимавшему пост Главноначальствующего Терско - Дагестанского Края, овладеть г. Астраханью. Но ген. Эрдели ни в мае, ни в июне не сумел выполнить этот приказ.

Данная Деникиным 20 июня «Московская директива» подтвердила эту задачу для войск ген. Эрдели. Однако, для осуществления этого важного задания не было дано достаточных сил. Деникин воевал против Грузии, вел войну в Дагестане, посылал войска в За-

каспийский Край, захватывал Украину, но, как бы идя навстречу желаниям красного командования оставлял гор. Астрахань в руках советских войск.

Оставление северных берегов Каспийского моря, нижнего течения р. Волги и железной дороги Астрахань-Урбах-Саратов в руках советской власти, дало последней полную возможность в течение июля 1919 г. возродить 11-ю советскую армию и производить сильный нажим на тылы Кавказской (Кубанской) армии. На правом берегу р. Волги, в районе Черного Яра, красные собрали довольно сильную группу своих войск и из Черного Яра и сел. Старицкого повели энергичное наступление на Царицын.

2 августа 1919 г. красные после жаркого боя, в котором был ранен командующий казачьими войсками в этом районе, ген. Савельев, принудили казаков к отступлению. После этого красные заняли село Вязовку, приблизившись к железной дороге Царицын-Тихорецкая верст на 50-60.

Уже одно это планомерное наступление 11-й сов. армии с юго-востока и востока к г. Царицыну ставило Кавказскую армию, главные силы которой находились верстах в 250 к северу от этого города, в очень тяжелое положение, тем более, что в распоряжении этой армии не было меридиональной железной дороги, а транспортирование войск по Волге затруднялось отсутствием достаточных перевозочных средств.

О боевом составе и моральном состоянии Кавказской армии к началу генерального наступления ударной группы советских войск Шорина мы говорили уже выше в разделе «Между Камышином и Саратовом». Командующий этой армии ген. Врангель, все время занимался более внутренней «политикой», посылкой дерзких телеграмм и писем Деникину и его начальнику штаба Романовскому, занимался больше работой по выдвижению себя на место Деникина, борьбой с Кубанью и т. д., нежели заботами о вверенных ему казачьих частях.

Совершенно не умея наладить снабжение армии всем необходимым, Врангель вправо и влево метал телеграммы, стараясь свою вину свалить на чужие плечи. Охваченный манией величия, Врангель уже видел

в своей особе полновластного, всеми признанного диктатора, могущего распоряжаться жизнью и имуществом населения.

Набрасываясь на Деникина, Врангель дарил и Кубанскую власть телеграммами, пересыпанными необоснованными обвинениями в нежелании заботиться о снабжении армии, в нежелании посылать пополнения в армию и т. д. Богатая Кубань ежемесячно отпускала для питания Кавказской (Кубанской) армии большие запасы продуктов питания, но большая часть отпускаемого не доходила до фронта, задерживаясь в пути вследствие нераспорядительности или небрежности белых властей (а может быть и просто распродавалась ими).

Кубанский Атаман Филимонов и Кубанский военный министр ген. В. Науменко почти всю свою энергию, все свое уменье и время уделяли борьбе с кубанской самостийностью. Выборная военная власть Кубани более заботилась о подсаживании Деникина на высокий трон диктатора Кубани, Дона, Терека, Кавказа и Украины, более заботилась о политической подготовке Кубанцев к выходу на «широкую Московскую дорогу», нежели о Кубанской армии и об осуществлении ясно выраженных желаний населения Кубани.

Русские и кубанские-русские генералы и полковники видели в Кубанских войсках только средство к достижению генеральских целей, а не живых носителей идеи казачьего освободительного движения.

В разделе «Бои на границах России и Дона» мы подчеркнули полное нежелание Донской казачьей массы воевать за интересы какой бы то ни было России. В неменьшей, если только не в большей, степени это настроение было присуще и Кубанцам. И чем дальше от Кубани уводили Кубанские войска руководители русской политики на Казачьих Землях, тем в большей мере, тем глубже в казачью среду проникало это настроение. Особенно после взятия г. Царицына и последовавшего после этого движения кубанцев вдоль Волги на север заметно было явное усиление этого, пока что молчаливого и пассивного, но твердого нежелания «идти спасать Россию».

На верху Кубанских вооруженных сил видим Де-

никина, Врангеля, Филимонова, Науменко и целый ряд генералов и полковников, ведших сознательную борьбу за Россию, а внизу — боевую казачью массу, действительно героически и весьма успешно дравшуюся против больших сил большевиков в 1918 г. на Кубани, в Черноморской и Ставропольской губерниях, в 1919 г., доблестно воевавшей в Терской области, в Донецком бассейне, в степях Украины, на р. Маныче, на р. Сале и на р. Волге у Царицына и у Камышина, но упорно не желавшей воевать «за Россию»; наверху была правящая группа русских и кубанских людей — защитников России, а внизу — казачья самостийницкая масса, которую русские люди хотели использовать для русских единонеделимческих целей. Зная хорошо о самостийнических настроениях этой массы, генералы глубоко ненавидели ее, а потому и не хотели заботиться о ней.

Это столкновение русских и казачьих сил на антибольшевицком фронте поставило казаков вообще и, в частности, Кубанцев в самое ужасное, глубоко трагическое положение.

В начале августа 1919 г. Врангель послал на Кубань своему единомышленнику — военному министру Кубани Науменко следующую телеграмму:

«Полки растаяли. Из предназначенных нам за июнь 131 вагонов интендантских грузов, не прибыло ни одного. Полученный нами на Кубани, взамен леса, груз муки, задержан Вашими заставами на границе. Ежели так будет продолжаться, то не только войска откажутся воевать, но и повернут в тыл против тех, кто заставляет их голодать» (Врангель. Записки, т. 1, стр. 183).

В этой телеграмме барон не пояснял, почему Кубанские полки действительно растаяли, и в то же время говорил явную неправду о том, что будто бы таможенные заставы задержали отправку хлеба для Кавказской (Кубанской) армии. Отмечаем также, не первую уже, генеральскую угрозу расправиться военной силой с Кубанью.

Непосредственно перед самым началом общего наступления 10-й советской армии против Кавказской армии, командующий последней, ген. Врангель, бросил

фронт и поспешил в глубокий тыл, в Екатеринодар, будто бы с целью «путем личных переговоров добиться у Кубанского Правительства срочной высылки мне подкреплений и наметить меры упорядочения снабжения» (там же). В наступившие дни тяжелых испытаний для Кавказской армии она фактически попала в руки капитана-генерала Покровского, летчика по военному образованию.

3 августа начальник штаба Кавказской армии ген. Шатилов послал в Таганрог начальнику штаба Деникина и в Новочеркасск, командующему Донской армией, следующую телеграмму:

«Таганрог. Наштаглав. Копия Новочеркасск — Командарм.

Сообщаю копию телеграммы генерала Покровского: «Доношу общее число войск группы не превышает 2 тысяч шашек и 2500 штыков, из коих неизвестного качества Астраханский полк. Из конных дивизий боеспособными считаю только 1-ю, 2-ю и 4-ю Кубанские. Части четвертого Корпуса после понесенных значительных потерь включительно и в материальной части нельзя признать боеспособными. Пластуны, переутомившись, наполовину раздеты, что при наступившей холодной ненастной погоде резко отражается на их боевых качествах. Непрерывные бомбардировка и борьба изнурили и измотали войска в конец. Под влиянием сырой погоды появилась значительная заболеваемость. Необходимы чрезвычайные меры к ускорению подхода крупных частей. Сказывается отсутствие могучих технических средств. В данной обстановке положение фронта считаю угрожаемым. Пановка. № 0957. Покровский».

Царицын. 3-го августа 1919 г. Подписал: ген. Шатилов».

Кто же довел доблестных Кубанских пластунов до такого ужасного состояния?

В это время Кавказская (Кубанская) армия на северном участке фронта своего занимала лишь линию между р. Волгой и р. Медведицей (см. диаграмму 5-6). К ее левому флангу примыкал 1-й Донской корпус, занимавший фронт от района Красного Яра до Тростян-

ки – района Марьевского – Никоноровского – Уваровского.

На 1-е августа 1919 г. в Корпусе было 4000 штыков, 4500 шашек, 13 орудий и 124 пулемета. Этот Корпус был подчинен командующему Кавказской армией еще с 8 июля.

Против Кавказской армии и 1-го Донского корпуса наступала 10-я сов. армия в составе 12 тысяч штыков и 6500 сабель.

Перейдя в энергичное наступленіе по всему фронту, 10-я сов. армия главный нажим производила одновременно на двух участках фронта: на стыке Кавказской армии и 1-го Донского корпуса в районе Красного Яра и вдоль Саратовского тракта на Камышин. Уже 1-го августа 10-я Донская конная бригада под сильным давлением противника отошла на правый берег р. Медведицы к частям своего Корпуса.

Того же 1-го августа части 10-й сов. армии заняли Красный Яр, разделив таким образом Кавказскую армию и 1-й Дон. корпус. В этот прорыв хлынула большевицкая кавалерия и пехота, направляя один удар вниз по течению р. Медведицы, а другой — в обход левого фланга Кавказской армии, вдоль железн. дороги от Красного Яра на станц. Неткачево (схема 5-6).

Этот успех большевиков в самом начале боев поставил Кавказскую армию в весьма тяжелое положение. В то же время, хорошо зная, что Кубанские пластуны измотаны предыдущими тяжелыми боями, что они полураздеты и что среди них появилась значительная заболеваемость (см. выше донесение Покровского от 3 августа), красное командование, после предварительной весьма сильной артиллерийской подготовки, ударило по частям 3-ей Пластунской бригады, расположенным тонкой ниткой на десятиверстном фронте от с. Макарово до Французской возле Саратовского тракта.

Вследствие беспрерывной бомбардировки и настойчивых повторных атак красных и слабости сил пластунов, советские войска прорвали фронт 3-ей Кубанской пластунской бригады и принудили ее к поспешному отступлению. При этом красные потеснили

левый фланг 4-го конного корпуса, занимавшего фронт между Саратовским трактом и р. Волгой.

Широкий прорыв в центре Кавказской армии и глубокий обход ее левого фланга со стороны Красного Яра и все усиливающийся натиск превосходных сил противника принудил эту армию к общему отходу — сначала на линию Меловое - Ельшанка - Грязнуха-Добринский, а 6-го августа — на линию Н. Добринка у р. Волги - Нов. Норки — Купцово (схема 5-6).

Но и на этом фронте Кавказская армия не смогла удержаться. Красные безостановочно продвигались все дальше на юг, все время своей конницей охватывая левый фланг Кавказской армии и нанося сильные удары в центре. Обстоятельства на фронте сложились так, что Кавказская армия вынуждена была без боя отдать Камышин и к 9 августа отошла еще далее — на линии р. Сестренка - Белая Горка — Таловка - Саломатино...

Создалось грозное положение на всем Южном антибольшевицком фронте. В это время ударная группа ген. Селивачева прорвала левый фланг Донской армии и захватила города Бирюч, Валуйки, Нов. Оскол и Корочу и приближалась к Купянску, Волчанску и Белгороду (см. выше: «Ликвидация прорыва ударной группы ген. Селивачева»). За первые 9 дней натиска 10-й красной армии Кавказская армия отскочила на юг между Волгой и Медведицкой, более чем на сто верст. 11-я армия сильно нажимала на Царицын с востока и юго-востока...

Находясь в беспрерывном отступлении, Кавказская армия производила перегруппировку своих частей — пехота сосредоточивалась к правому флангу, а конница — к левому. Командующий армией ген. Врангель такими словами характеризует ее состояние в описываемое время:

...«Армия, ведя арьергардные бои **и неся тяжелые потери,** продолжала отступать. Численный состав конных полков дошел до 100-150 шашек. Стрелковые полки конных дивизий почти полностью были выведены из строя. Астраханский полк 6 дивизии был уничтожен вовсе. В двух гренадерских полках оставалось вместе 450 штыков, 3-я Пластунская бригада была сведена в батальон. В артиллерии вследствие значитель-

ных потерь в материальной части, убыли и изнурения лошадей батареи сведены были в двух и даже одно орудийные» (Записки, т. 1, 187).

10 августа командующий Кавказской армией просил 1-й Донской корпус, задерживавшийся значительно впереди Кавказской армии на правом берегу р. Медведицы, ударить в тыл 10-й сов. армии, но командир 1-го корпуса отказался это сделать в виду того, что своими сравнительно малыми силами корпус занимал фронт в двести верст.

Создалась непосредственная угроза гор. Царицыну. Ген. Врангель приказал начать эвакуацию этого города. Было также приказано 3-ей Кубанской конной дивизии оставить левый берег р. Волги, перебраться на правый и сосредоточиться в Царицыне.

Только теперь Деникин отпустил с Украины 2-ю Куб. пластунскую бригаду. Около 15 августа она сосредоточилась так же к г. Царицыну. Но спор из-за 1-го Донского корпуса все еще продолжался — командующий Донской армией весьма настойчиво просил Деникина возвратить этот Корпус в Донскую армию, находившуюся в весьма тяжелом положении в виду энергичного наступления ударных групп противника на обоих ее флангах, а Деникин продолжал оставлять этот корпус в подчинении командующему Кавказской армии.

Как главное советское командование в лице ген. штаба полк. Каменева, так и командующий Южным красным фронтом Егоров весьма категорически требовали от командующего 9-й и 10-й советскими армиями безостановочного и быстрого продвижения вперед, и, в частности, скорейшего захвата г. Царицына (Какурин. Как сражалась революция, т. 2-й стр. 293,294).

К 23 августа Кавказская армия приготовилась к бою за Царицын следующим образом: на правом фланге, начиная от берега р. Волги до ст. Гумрак, в общем верстах в 10-12 к северу от Царицына, расположились Саратовский пехот. полк, 2-я Куб. пласт. бригада, остатки 3-ей Куб. пласт. бригады, 4-я Куб. конная дивизия и Сводно-Горская конная дивизия; у станции Котлубань, верстах в 25-30 на северо-запад от Царицына, расположилась конная группа ген. Улагая в

составе 1-й Конной, 2- и 3-ей Кубанских казачьих конных дивизий и Ингушской конной бригады.

23 августа наиболее сильная 28 советская дивизия 10-й красной армии весьма энергично ударила против правой группы Кавказ. армии, а 37, 38 и 39 сов. дивизии повели наступление против конной группы, сосредоточенной у Котлубани. На стороне большевиков работала сильная сухопутная и речная артиллерия. Бой носил весьма упорный характер. «Атакованный по всему фронту Саратовский пехотный полк, пополненный пленными, не выдержал и при приближении красных цепей к проволоке, прекратил огонь и начал сдаваться; благодаря измене Саратовского пехотного полка, весь атакованный участок укрепленной позиции перешел в руки красных», повествует Врангель (т. 1, стр. 197). Лихой атакой 4-й Кубанской и Горской дивизией положение было быстро восстановлено.

Несмотря на невероятные усилия 10-й сов. армии, несмотря на беспрерывные атаки пехоты красных, как против Царицына, так и против Котлубани, Кавказская армия отстояла Царицын.

В тот же день 11-я сов. армия энергично наступала на Царицын по правому берегу р. Волги, с юго-востока, но и здесь большевики были разбиты.

24 августа большевики снова перешли в наступление на Царицын, но не имели успеха.

25 и 26 августа советское командование вновь и вновь требовало от 10-й армии какой угодно ценой взять Царицын. 27 августа Кавказская армия снова нанесла весьма серьезные удары по расстроенной и павшей духом 10-й армии и отбросила ее верст на 40 к северу от Царицына.

«В боях 23-27 августа 10-я 11-я красные армии были жестоко разгромлены, оставив в наших руках около 18 тысяч пленных, 31 орудие и 160 пулеметов», говорит Врангель (см. описание боев в «Записках» Врангеля, т. 1, стр. 194-202).

Можно отметить здесь весьма показательный факт: приближение красных к Царицыну означало нависание новой угрозы над Кубанью. Поэтому «пополнение с Кубани стали подходить; укрывавшиеся в станицах казаки массами возвращались на фронт, полки быстро

пополнялись... Захваченной у противника артиллерией укомплектовывались наши батареи, число орудий в большинстве батарей стало нормальным. Огромные, попавшие в наши руки неприятельские обозы, давали возможность сформировать войсковые и армейские транспорты», утверждает Врангель в своих «Записках» (стр. 202).

Потерпев поражение к северу от Царицына, большевики усилили напор на Царицын с юго-востока. «Между тем на Черноярском направлении упорные бои не прекращались. Подтянув к Черному Яру части, взятые из состава 4-й и 11-й красных армий, противник перешел в наступление против частей ген. Савельева (Астраханская конная дивизия, вновь сформированные стрелковые полки 2-й Кубанской и Горской дивизий), стремясь выйти к Сарепте на сообщения Кавказской армии. Я решил после победы 27-го августа перебросить на Черноярское направление 3-ю Кубанскую дивизию, об'единив командование всеми войсками на этом направлении в руках начальника последней ген. Бабиева. Ему ставилось задачей разбить противника и в дальнейшем овладеть Черным Яром... Рядом успешных боев ген. Бабиев отбросил противника в укрепленный Черноярский лагерь. Часть конницы, обойдя Черный Яр с юга, вышла к Волге на участке Грачевская-Соленое Займище. С 1-го по 10-е сентября части ген. Бабиева захватили около 3000 пленных, 9 орудий и 15 пулеметов» (Врангель, 1. 203).

После понесенного 23-27 августа поражения под Царицыном 10-я сов. армия быстро пополнялась и приводила в порядок свои потрепанные ряды. 7-го сентября 10-я армия вновь перешла в наступление на Царицын, но в боях 8-11 сентября снова понесла поражение и отступила к Дубовке. На этом фронте наступило сравнительное затишье.

Командующий Кавказской армией решил покончить с Черноярской группой большевицких войск. К ген. Бабиеву была направлена вновь укомплектованная Кубанцами 3-я пластунская бригада. Однако, войска Бабиева и после упорныхъ атак не смогли взять Черноярской укрепленной позиции. 3-я Куб. пластунская бригада «понесла громадные потери и к дальнейшим ак-

тивным действиям оказалась уже неспособной». Такою дорогою ценою платила Кубань за «политику» русского командования, спешившего захватить столицу Украины, но оставлявшего Астрахань в руках советской власти.

Истекая кровью, неся огромные потери, Кавказская (Кубанская) армия удержала в своих руках Царицын и его район. Но как далеко было еще к «Матушке Москве»!

НОВАЯ БОРЬБА ЗА ДОНСКУЮ ЗЕМЛЮ

Вся предыдущая борьба советской России против Казачества убедила правительство ее в том, что одно только появление красных войск на Казачьей Земле поднимет все казачье население на борьбу против советских войск. Это важное обстоятельство было учтено красным командованием при составлении плана общего наступления на Дон в августе 1919 г.

Согласно данным штаба Донской армии на 1-е августа 1919 г. русские выставили против Дона 56.700 штыков, 6600 сабель и 243 орудия. Из того:

9-я арм.:	19.500 шт.,	3100 шаш.	66 ор.
8-я арм.:	30.200 шт.,	3350 шаш.	155 ор.
лев. фланг 13-й арм.:	7.000 шт.,	150 шаш.	22 ор.

Согласно тех же данных в Донской армии на 1-е августа было в составе 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Корпусов 14.200 штыков, 16.000 сабель и 161 орудие. Без 4-го корпуса, ушедшего в конце июля под командой Мамонтова в рейд по тылам советских армий, в трех Донских корпусах на фронте оставалось 14.200 штыков и 11.500 шашек и 141 орудие. Иначе говоря, русские имели 63.300 бойцов и 243 орудия против 30.200 бойцов и 161 орудия казачьей армии.

Помимо того, что против Донской и Кавказской (Кубанской) армий в двух ударных красных группах — Шорина и Селивачева — были сосредоточены весьма большие силы, самое осуществление намеченного русского плана было проведено так, чтобы в кратчайший срок преодолеть сопротивление Донской Земли. Во-первых, путем настойчивого и упорного

продвижения Лискинской группы красных войск на Евстратовку, г. Павловск, Н. Мамон и на Богучар, а Бутурлиновской советской группы на г. Калач большевицкое командование охватывало Донскую Землю с северо-запада; во-вторых, хорошо зная сравнительную численную слабость и крайнюю изнуренность беспрерывными боями войск северного фронта Кавказской армии, хорошо зная об упорной борьбе, происходившей между Кубанью и руководителями русского белого движения, русское красное командование сосредоточило между Волгой и р. Медведицей весьма большие силы 10-й сов. армии Клюева и сильный корпус конницы Буденного, снабдило эти войска могущественными техническими средствами в виде массы орудий и пулеметов, броневых машин и артиллерии речной Волжской флотилии и наносило по Кавказской армии удар за ударом, быстро отбрасывая ее сначала к Камышину, а потом и к самому Царицыну.

Если принять во внимание то, что перед началом генеральных августовских боев Донская армия занимала, примерно, фронт от Красного Яра по р. Терсе, почти до самого г. Балашова, Поворино, несколько южнее Бутурлиновки, Лисок и Острогожска, несколько севернее г. Бирюча и до района станции Чернянки, что севернее г. Нового Оскола; если принять во внимание, что Кавказская армия за первые 20 дней августа 1919 г. отступила из района Лесного Карамыша до Царицына и Котлубани, т. е. за 18-20 дней откатилась более чем на 200 верст; если принять во внимание и то, что ударная группа красных ген. Селивачева к 12-14 августа прорвалась в сторону Бирюча-Валуек-Купянска на 140-150 верст в тыл, на соответственное растояние загнув левый фланг Донской армии, станет совершенно ясным, какое грозное положение вновь создавалось и для Донской Земли и для Донской армии, взятых в железные клещи советских русских войск. 15-20 августа левый фланг Донской армии был заломлен к селению Кисловка, в 15 верстах к юго-востоку от гор. Купянска, а правый к устью р. Иловли; красные армии обступали с запада и с востока Донскую область.

Если 10-я сов. армия была направлена почти ис-

ключительно против Кавказской (Кубанской), то 9-я сов. армия из группы Шорина действовала всецело против Донской армии. По данным штаба этой последней 9-я армия на 1-е августа имела 19.500 штыков, 3100 шашек и 66 орудий. Весь фронт против этой красной армии занимал 2-й Донской корпус, по данным того же штаба Донской армии, на 1-е августа насчитывавший 42000 штыков и 5000 шашек, при 59 орудиях и 175 пулеметах.

2-го августа части 9-й армии прорвали фронт 2-го Донского корпуса у слободы Купавы и заняли слободу Николаевку, выйдя в тыл Донским частям этого Корпуса, находившимся в районе сел. Горелки, станции Родничек и сл. Терновки (схема 7). В течение нескольких дней происходили самые горячие и кровавые бои в районе всех выше названных пунктов.

Во время этих боев правый фланг девятой армии был в известной мере дезорганизован нахождением в близком тылу его 4-го Донского корпуса Мамонтова, поэтому в районе Новохоперска и Борисоглебска в начале операции большевики вели себя нерешительно, ожидая удара Мамонтова по частям 9-й армии. Кроме того, Мамонтов оттянул на себя часть одной из дивизий 9-й армии и всю резервную 56-ю дивизию, а также распустил и разогнал пополнения, направлявшиеся к войскам ударной группы Шорина, уничтожил Тамбовскую базу Южного русского фронта, взял место пребывания штаба этого фронта — г. Козлов, прервал совершенно линии железнодорожного, телефонного и телеграфного сообщения между командующим 9-й и 10-й красными армиями и красным штабом Южного фронта и т. д. О всех этих важных обстоятельствах следует помнить при оценке действий противников в первый период наступления 9-й и 10-й армий против армий казачьих.

Не делая теперь общей оценки значения рейда 4-го Донского корпуса по тылам большевицких армий, все же следует отметить, что левый фланг 8-й армии, принадлежавшей к ударной группе Селивачева, и правый фланг 9-й армии, из группы Шорина, проявил далеко меньшую активность, чем большевицкие дивизии, значительно удаленные от района действий слав-

ного 4-го Донского корпуса: левый фланг Шорина — 10-я армия — и правый фланг 8-й армии Селивачева, как мы знаем, за первые 15-20 дней августа проявили большой наступательный порыв, пока у Царицына и у Харькова-Белграда не разбились о доблесть казачьих дивизий.

Прорыв Донского фронта у Купавы русские осуществили почти одновременно с прорывом центра Кавказской армии у Саратовского тракта и одновременно с прорывом на стыке Кавказской и Донской армий у Красного Яра. После захвата этого последнего, части 10-й красной армии повисли на правом фланге 1-го Донского корпуса.

Завладев всем течением р. Терсы, красные войска вошли в пределы Донской Земли на всем фронте от Купавы до ст. Островской. 9-я армия постепенно, но упорно продвигалась вперед, стремясь выйти сначала на линию жел. дороги Поворино-Царицын.

В это время тяжких испытаний для Казачества снова выявилось в полной мере пагубное фактическое отсутствие единого руководства боевыми операциями Казачьих армий. Для иллюстрации и подтверждения высказанной мысли укажем на некоторые факты. Барон Врангель с 8-го июля задерживал в своем подчинении 1-й Донской корпус. В виду наступивших грозных событий на Донском фронте, Командующий Донской армией ген. Сидорин 5-го августа вновь настойчиво просил Деникина о возвращении 1-го Донского корпуса в Донскую армию. Деникин отказал ген. Сидорину в этой просьбе, хотя штаб Кавказской армии фактически уже не мог руководить боевыми операциями этого корпуса в виду того, что Кавказская армия, сравнительно быстро отступая на юг, оторвалась от 1-го Дон. корпуса, действовавшего к северу от р. Медведицы. В разрыве между этим Корпусом и Кав. армией весьма энергично, смело и с большим успехом действовал красный корпус Буденного. Командир 4-го Донского корпуса Мамонтов не исполнил боевого приказания командующего Дон. армией о выходе на тылы Лискинской группы красных и направился на север. Деникин и Врангель продолжали играть «в поддавки» и в самый разгар боевых

операций на всех фронтах «диктатор» Деникин сочинял предлинное письмо своему «подчиненному» барону Врангелю, отвечая на «обвинительный акт» последнего, написанный 29 июля того же года. 10-го августа Деникин направил свое послание Врангелю, стремясь осадить назад своего развязного конкурента. Сочинители подобных посланий, конечно, не могли уделить должного внимания руководству армиями при создавшейся весьма сложной обстановке. Разве приходится удивляться тому, что штаб Деникина просто проморгал долгие подготовительные работы красного командования, собиравшего ударные группы Шорина и Селивачева. Разве приходится удивляться тому, что, когда фронт белых был прорван уже в нескольких местах красными войсками, когда красные языки русских войск уже глубоко врезывались в наш фронт на р. Волге, у Красного Яра, у Купавы, между Воронежом и Харьковом, только 7-го августа начальник штаба ген. Романовский телеграфировал в Харьков о том, что «установлено сосредоточение значительных сил красных в районе Острогожска-Бирюча» и т. д. (см. выше: «Ликвидация прорыва ударной группы ген. Селивачева»). Деникин, в августе отпустив 2-ю Кубанскую пластунскую бригаду с Украины в Кавказскую армию, все же продолжал задерживать на Украине 2-ю Терскую пласт. бригаду и конную бригаду в составе 42 Донского и 2-го Лабинского полков, стремясь их втравить в открытую войну с армией Украинской Народной Республики; а 1-ю Терскую и 1-ю Куб. конные дивизии бросил на спасение штаба Добровольческой арм. в Харькове. В то же время Деникин посылал упреки 3-му Донскому корпусу в вялости его боевых действий, хотя этот Корпус имел против себя Бутурлиновскую и Лискинскую группы русских войск и все левофланговые части прорвавшейся глубоко в тыл ударной группы Селивачева, хотя этот казачий Корпус получил от Деникина снаряды, 80% которых не разрывались, хотя мобилизованные крестьяне разбегались массами, унося с собою оружие...

Вообще, в августе 1919 г. фронт казачьих армий и их боевых операций представляли из себя довольно

пеструю картину: войска ген. Эрдели пропрежнему не могли взять г. Астрахань, а 4-й Донской корпус Мамонтова в это же время уничтожал русскую Тамбовскую базу Южного фронта и выгнал из г. Козлова в г. Орел весь штаб этого фронта; Кавказская армия откатывалась все ближе к Царицыну, а в это время части 2-го Донского корпуса продолжали драться далеко на севере — у Грибановки, Борисоглебска и Поворино; большевики прорвали фронт этого Корпуса у Купавы и расширяли этот прорыв на юг к Преображенской и на запад к Алексиково - Ярыжинской, а группа Донских войск ген. Гусельщикова сделала смелый налет на железную дорогу в районе станций Бирюч-Алексеевка; левый фланг Донской армии беспомощно повис к юго-востоку от Купянска, а в это время 1-я Кавказ. и 1-я Терская дивизии вели энергичнейшее наступление от Харькова и Белграда на северо-восток и восток; части ген. Гусельщикова, в силу своей численной слабости, не могли зажать с юго-востока и востока прорвавшиеся войска Селивачева и закончить их полное окружение в районе Валуек-Волоконовки; ясно было, что боевая обстановка неумолимо требует самого срочного подкрепления этого участка фронта, а в это время 2-я Терская бригада была оторвана от казачьего фронта волею русских «вождей» и действовала далеко на правом берегу р. Днепра между Бобринской и Белой Церковью; Донской и Кубанский конные полки — в районе Кривого Рога, Вознесенска и Ново-Украинки; Кубанская бригада задерживалась на берегу Черного моря между Геленджиком и Туапсе, иные казачьи части по приказу Деникина действовали в горских районах Кавказа.

Весь этот недопустимый и явно преступный перед Казачеством хаос, как в общем руководстве боевыми операциями армий, так и в распределении боевых сил на фронте происходил от того, что русские генералы руководили казачьими войсками, что этим войскам были поставлены Казачеству явно недостижимые, ненужные задачи «освобождения Матушки Руси», которая под политическим руководством Ленина и военным руководством своего, родного генерально-

го штаба во всеоружии шла на завоевание Казачьих Земель.

Упорно дрались Донские Корпуса за Родную Землю, но не могли устоять против явно превосходящих численно сил противника, проявлявшего к тому же большую настойчивость на всем фронте, а иногда и большую смелость.

Сравнительно быстрый отход Кавказской (Кубанской) армии вдоль Волги и р. Иловли к Камышину и к Царицыну поставил 1-й Донской корпус в весьма тяжелое положение на р. Медведице. Части 10-й армии делали почти беспрерывные и весьма настойчивые атаки на переправах через эту реку с целью выйти на ее правый берег, в тыл 1-му Дон. корпусу. Оперативные сводки отмечают упорные бои на переправах — 3-го августа в районе Красного Яра, 10 августа у сел. Лопуховки, 14 августа у Островской, Ореховки и Даниловки и т. д. При этом следует отметить, что оперативная сводка Дон. армии за 14 августа говорит о гибели в бою 3-ей Донской пластунской бригады. Равняясь по фронту Кавказской армии, правый фланг 1-го Дон. корп. постепенно отходил вдоль р. Медведицы вниз.

В это же время 8-я сов. армия своим левым флангом и центром все далее продвигалась от Бутурлиновки-Лисок на юго-восток и на юг и 13 августа заняла гор. Павловск на р. Дону.

Командующий Донской армией ген. Сидорин принужден был 14 августа издать следующий приказ: считаясь с событиями на фронте 1-го и 2-го корпусов и с возможностью отхода для перегруппировки с целью нового наступления, было указано на этот случай — 1-му Корпусу отходить с целью прикрытия ст. Усть-Медведицкой, а 2-му Корпусу долиной Бузулука и Хопра отходить в Казанском направлении.

Таким образом первые две недели упорных боев Донской армии с ударными группами русских войск привели к необходимости общего отступления Донской армии, отдачи значительной части Донской Земли в руки красных и отвода войск к р. Дону ниже устья р. Хопра.

Для обрисовки положения казачьего Дона в авгу-

сте отметим также и ниже следующие факты. 10-го августа командующий Донской армией ходатайствовал перед Деникиным об отпуске лошадей для Донской армии, так как за полтора года войны Дона с Россией, когда то богатейший конский запас на Дону был совершенно исчерпан. 15-го августа Дон обратился к Деникину с новой, весьма настойчивой просьбой о возвращении в Донскую армию 1-го Донского корпуса, все еще остававшегося в подчинении Врангелю. 17-го августа Командарм Донской ген. Сидорин телеграфировал главкому Деникину следующее:

«В связи со сложившейся обстановкой необходимо разрешение следующих вопросов:

1) До сих пор не получен ответ на мою телеграмму от 15-8, Нр. 0368/К с просьбой о подчинении мне 1-го Корпуса... Дальнейшее промедление в этом отношении считаю опасным.

2) На правый фланг необходима переброска сил для восстановления положения. **В силу отсутствия резервов** прошу по ликвидации Валуйской группы красных (Селивачева) временно передать часть фронта 3-го Корпуса (Донского) включительно до Лискинского узла Добрармии. Освободившиеся части 3-го Донского корпуса можно будет направить на правый фланг армии и, по восстановлении здесь положения, фронт Донской армии может быть вновь растянут на запад.

Обстановка на правом фланге вынуждает меня считаться с возможностью дальнейшего отхода на линию Дон-Хопер (кстати сказать, указание об этом было дано войскам еще 15 августа. Редакция). Для сохранения возможно большей территории Дона, могущей вновь и при об'явлении испрашиваемой мной дополнительной мобилизации, предположенной с максимальным напряжением, необходимы указанные меры тем более (что) из Верхне-Донского округа уже получено донесение Окружного Атамана о готовности сдержать натиск...

В заключение считаю необходимым доложить, что в случае подчинения мне вновь 1-го Корпуса и передачи временно Воронежского направления, мною имеется в виду усилить 1-й Корпус мобилизованными,

собрав кулак на правом фланге, облегчить положение Кавказской армии. 17 августа. Нр. 0377/К. Миллерово».

Из этой телеграммы видно, что Донская армия не имела резервов, что она принуждена отойти на линию р. Хопра и р. Дона, что Донское командование просит освободить Дон от непосильной обязанности своими силами защищать Воронежское направление и в то же время Дон собирается помочь Кавказской армии, попавшей в тяжелое положение у Царицына.

18-го августа Командарм Дон получил от начальника штаба Деникина, ген. Романовского, следующую телеграмму:

«На Нр. 0377/К. Удержание Царицына важно, как Кавказской, так и для Донской армий. 1-й Донской корпус генерал Врангель не предполагал переводить на левый берег рек Иловли и Дона, а поставил ему ближайшей задачей уничтожить противника, наступающего правым берегом р. Медведицы, после чего действовать во фланг красным, наступающим между Иловлей и Медведицей.

Маневрируя же между реками Волгой и Иловлей слабыми частями Кавказской армии, командарм предполагает удержать Царицын до подхода подкреплений. Если это не удастся и Царицын мы принуждены будем временно оставить, 1-й Донской корпус немедленно перейдет в Ваше распоряжение, а разграничительная линия — р. Дон до Калача и далее граница области — остается прежней.

Что касается передачи Добрармии Лискинского направления, то в настоящее время это невозможно, ибо растяжка армии (Добровольческой) чрезмерно велика, на 1-й Корпус (Добровольческий) противник ведет настойчивые атаки, окончательно выпустить инициативу из наших рук нельзя. Что в настоящее время возможно сделать: железная дорога Валуйки-Елец передана Добрармии (эту дорогу заняли, наступая со стороны Харькова-Белграда, 1-я Кубанская и 1-я Терская казачьи дивизии; при чем тут Добрармия? Примечание Редакции). Если обстановка в дальнейшем позволит, фронт Донской армии будет еще

сокращен. Таганрог. 18 авг., 12 часов, Нр. 012035. Ген. Романовский».

Эта телеграмма характеризует общее положение всего Южного антибольшевицкого фронта. Московская директива оказалась, как и следовало ожидать, созданием безудержной фантазии беспочвенных генералов. Фактически вопрос шел уже не об «освобождении матушки Москвы», а об организации действительной защиты Казачьих Земель от полчищ России, наседавших с трех сторон на Дон.

Послав выше приведенный ответ командующему Донской армией, генералы послали строгое приказание 1-й Кавказской и 1-й Терской дивизиям «полным напряжением сил в кратчайший срок разбить» группу войск Селивачева между Валуйками, Нов. Осколом и Бирючем, а Кавказской армии — какой угодно ценой удержать Царицын. 1-й Донской корпус все же был передан в Донскую армию.

Как сказано было выше, во второй половине июля в Донской армии было демобилизовано четыре старших возраста, что вызвало ослабление численности бойцов этой армии на 10 тысяч пехоты и две с половиной тысячи конницы. В период тяжелых августовских боев, которые Донская армия вела с двумя ударными группами русских войск, Дон. армия на фронте 1-го и 2-го Корпусов принуждена была отойти за р. Дон и р. Хопер, а на фронте 3-го Корпуса подалась за гор. Павловск и сильно загнула фронт на левом фланге этого Корпуса (ниже г. Купянска); Донцы понесли большие потери, как убитыми, так и ранеными.

Грозные обстоятельства принуждали напрягать все усилия, чтобы спасти Дон от нового завоевания. Поэтому 19 августа была об'явлена мобилизация всех Донских казаков до 48 летнего возраста, при чем эта мобилизация должна была быть проведена в течение 5-ти дней.

К этому времени Кавказская армия отошла к самому Царицыну, а 1-й Донской корпус за р. Дон. В тот же день этому Корпусу было приказано «не допускать переправы противника через Дон от устья р. Иловли до станицы Усть-Хоперской». Шло энергич-

ное пополнение этого Корпуса мобилизованными казаками.

Около 1-го августа 1-й Корпус занимал фронт от района Н. Добринки по реке Терсе, а 20 августа был уже за р. Доном. За 20 дней Корпус отошел на 180-200 верст.

В период отступления Кавказской армии к Царицыну, 1-го Донского корпуса к р. Дону, 2-го Дон. корпуса к р. Хопру, 1-я Терская и 1-я Кубанская дивизии разбили советские дивизии ген. Селивачева в районе Корочи, Волчанска и восточнее этих городов и гнали эту большевицкую ударную группу все далее на восток и северо-восток. Видя поражение войск Селивачева, командующий Южным советским фронтом Егорьев решил выручить из беды войска Селивачева и 20 августа послал следующую телеграмму командующему 9-й и 10-й советскими армиями Шорину:

«Продолжающийся нажим противника на группу Саливачева с запада на Бирюч, приведший уже к частной победе его над 42 дивизией, и в направлении на Лиски, где в течение двух дней наши части оттеснены на 20 верст, **самым властным образом требует энергичного движения вашего фланга в указанном направлении на Калач.** Нр. 9435. Командюж Егорьев. Член РВС Лашевич».

(Какурин. Как сражалась революция, т. 2, стр 294)

Этой телеграммой было приказано 9-й армии немедленно двигаться с реки Хопра на запад на г. Калач (схема 7).

22 августа командюж Егорьев снова указывает Шорину на неотложную необходимость выхода 9-й сов. армии на линию р. Дона у г. Павловска, Богучара, станиц Казанской и Вешенской с целью облегчения положения 8-й сов. армии у Лисок и Богучара (там же).

Так как Донское командование, с своей стороны, хотело **удержать в своих руках фронт по р. Хопру,** а красное командование стремилось отбросить Донцов от этой реки и выйти на р. Дон, между частями 2-го Донского корпуса и 9-й сов. армией завязались вновь весьма горячие и упорные бои на переправах через р. Хопер в районе станиц Слащевской, Федосе-

евской, Усть-Бузулукской, Акишевской, Бурацкой и Луковской (схема7). В этот период Донцы снова проявили чудеса храбрости, нанося удар за ударом наседающим с востока и с севера русским войскам: 25 августа Донцы разбили большевиков в районе Краснополье-В. Реченский, 26 авг. — у Луковской, за два дня захватив 3000 пленных, 2 орудия и 12 пулеметов.

Все же русские в нескольких местах переправились через р. Хопер и распространялись языками все далее на юго-запад.

28 августа командующий Донской армией приказал войскам ликвидировать большевицкие войска на правом берегу р. Хопра. Снова разыгрались ожесточеннейшие бои в треугольнике между Хопром и Доном. 29-го августа к югу от г. Калача Донцы уничтожили 499 полк русских. взяв 1200 пленных и 2 орудия; в тот же день у Криуши рагромили 502 полк, захватив 9 пулеметов и 700 пленных...

В это время жарких боев на полях между Хопром и Доном, правый фланг Донской арм. и Кавказская армия тоже находились в тяжелом положении. 20-го августа начальник штаба Донской арм. послал нач. штаба Деникина следующую телеграмму:

«Таганрог. Наштаглав. Копия Царицын — ген. Шатилов. Копия Усть-Медведицкая Комкору 1.

Из оперативной сводки Кавармии к 24 часам 20 августа видно, что в целях сокращения фронта части армии займут к утру 20 августа фронт от Пичужинской до устья р. Иловли, сосредотачивая одновременно всю Ингушскую бригаду за центром расположения в хут. Широком. По приказанию Командарм Дон докладываю, что 1-й Донской корпус в настоящее время располагает только одним пешим полком в 600 штыков и конницей около 2000 шашек. Названные части должны бороться на фронте в 130 верст, что, конечно, им не под силу. Командарм, признавая важное значение Царицынского направления, приказал, однако, ввиду сложившейся обстановки, а также ввиду того, что на Дону сейчас об'явлена мобилизация всех казаков до 48 летнего возраста, временно, до прибытия подкреплений в 1-й Корпус, то-есть до первых чисел сентября, ходатайствовать перед Главкомом

увеличить несколько фронт Кавармии, поручив ей во имя общего дела оборону Дона на участке от устья Иловли до станицы Кременской включительно. Только при этих условиях можно расчитывать, что красные не используют указанный выше не занятый войсками участок Дона и не зайдут в тыл Кавармии или частям 1-го Корпуса. О последующем с доклада Главкому не откажите срочно уведомить. 20 авг. 1919 г., Нр. 0385/К.

Ген.-лейт. Кельчевский».

Остановимся далее на одном весьма важном обстоятельстве. Согласно данным штаба Донской армии, на 1-е августа 1-й Донской корпус насчитывал 4000 штыков, 4500 шашек при 13 оруд. и 124 пулем. Согласно же данным, приведенным в только что изложенном документе, в том же Корпусе на 20-е августа было только 600 штыков и около 2000 шашек. Значит, за 20 дней силы 1-го Корпуса уменьшились на 3400 штыков и на 2500 шашек, или в общем, произошло уменьшение на 5900 бойцов. Чем бы ни об'яснять эти потери, но они были просто ужасны. Если даже допустить, что начальник штаба Дон. армии несколько и преуменьшил силы Корпуса на 20 августа, то все равно это преуменьшение не могло выражаться тысячами бойцов.

На выше приведенную телеграмму начальника штаба Донской арм. 21 августа от начальника штаба Деникина пришел такой ответ:

«Командарм Дон.

Три пешие дивизии и конный Корпус Думенки, усиленные частями, переброшенными с Восточного фронта, теснят ослабленные непрерывными боями части Кавармии, создавая серьезную угрозу Царицыну. При этих условиях правофланговые части Донармии никакой помощи со стороны Кавармии ожидать не могут. Таганрог. 21 авг. 1919 г. Нр. 012325. Ген. Романовский».

А 24 августа ген. Романовский послал следующую дополнительную телеграмму:

«НаштармДон. Копия НаштармКав.

Царицынский узел Великого водного и железнодорожных путей — последняя база большевиков на

Юго-Востоке России. Заняв его и сосредоточив там необходимые силы и средства, они снова будут оттуда угрожать Уральцам, Северному Кавказу — Кубани и Дону. Третьего нельзя. Кавармия должна напречь все свои силы, чтобы удержать этот важный для нас узел. Стоя перед такой задачей, Кавармия не может растянуться далее к западу, а с отходом Донцов за Дон такая растяжка и теряет свой смысл».

Таганрог. 24 авг. 19 г., Нр. 01237. Ген. Романовский».

Большевики не замедлили, конечно, воспользоваться слабо защищенным прорывом между левым флангом Кавармии и правым флангом Донармии и начали переправлять свои войска на правый берег Дона в районе станиц Трех-Островянской и Григорьевской (см. схему 3). Однако Донцы блестящими ударами ликвидировали переправившиеся через Дон русские части.

В свою очередь Кавказская армия, как сказано выше («Героическая борьба Кавказ. армии»), 23-27 августа нанесла очень серьезное поражение 10-й сов. армии на самых подступах к Царицыну, захватив при этом множество пленных и другую добычу.

Потерпев большое поражение под Царицыном, 10-я армия снова бросилась к переправам через реку Дон с целью выхода на правый берег и дальнейшего распространения по Донской Земле во исполнение приказов большевицкого Главкома и командюжа: 30 августа под прикрытием очень сильного артиллерийского огня противник вновь переправился на правый берег Дона в районе ст. Трех-Островянской и занял хутора Хлебный, Задонский и Авилов. Одновременно станицы Сиротинская, Григорьевская и Кременская обстреливались огнем русской артиллерии. Несмотря на это, к 3-ему сентября Донцы снова очистили от русских войск весь район станицы Трех-Островянской.

4-го сентября значительные силы русских войск снова появились на правом берегу Дона у той же Трех - Островянской, но исключительно блестящими действиями 14-й Донской конной бригады снова были отброшены на левый берег Дона. При этом было

разгромлено две бригады 39-й сов. дивизии, взято 500 пленных, 18 пулеметов; кроме того, красные бросили две батареи. Так же успешно Донцы 1-го Корпуса ликвидировали все последующие попытки русских войск закрепиться на правом берегу р. Дона в районе станиц Трех-Островянской и Кременской.

Наступление войск Шорина на фронте Кавказской армии и Донской определенно захлебнулось. Дальше р. Дона русские войска прорваться не смогли. Напрасно Москва подстегивала их самыми грозными приказами. Наступил явный перелом в боевых действиях противников на Донской Земле.

В то же время казаки ликвидировали прорыв ударной группы ген. Селивачева между Харьковом и Лисками.

Упорно держалась 8-я армия в районе узловой станции Лиски. Еще 21 августа ген. Деникин приказал Донской армии «приложить все усилия к скорейшей ликвидации Лискинской группы противника».

24 августа было послано категорическое распоряжение Мамонтову, работавшему со своим Корпусом в тылах красных армий, двигаться на юг — к Воронежу-Лискам-Валуйкам, имея задачей **уничтожение** 8-й сов. армии.

27 августа командующий Донской армией ген. Сидорин приказал армии: 1) возможно скорее нанести удар с фронта вверх по р. Медведице, по левому ее берегу частями 1-го Корпуса, а по правому — частями 2-го Корпуса, 2) одновременно частям конницы Мамонтова, по ликвидации Лискинско - Валуйской группы красных, **нанести удар по тылам противника в направлении Лиски - Поворино - Царицын** с одновременным наступлением на Балашов, Ртищево и на Камышин, 3) 3-му Корпусу двинуть конницу ген. Савельева для соединения с конницей ген. Мамонтова...

30 августа Деникин «приказал ген. Мамонтову по овладению Воронежом и прочном его закреплении за собой, идти, если это потребуется, на Лиски, уничтожить имеющуюся в этом районе живую силу противника и в дальнейшем действовать по его тылам в общем направлении на Балашов-Ртищево и Саратов»...

Выше приведенные приказы выразительно гово-

рят о намерениях Деникина и Сидорина силами казаков, во-первых, ликвидировать 8-ю сов. армию, крепко засевшую в районе Лиски-Коротояк-Острогожск-Бобров – Бутурлиновка, и во-вторых, выходом 4-го Дон. корпуса Мамонтова на тылы 9-й и 10-й сов. армий и ударом казаков с фронта ликвидировать и эти две русские армии.

Но была ли в силах Донская армия с успехом выполнить возложенные на нее задачи?

Для частичного ответа на этот вопрос приведем здесь документы, характеризующие некоторые стороны Донармии в описываемое время:

«Наштаглав. Таганрог.

Генкварм Кавказской телеграммой Нр. 02448 от 29 августа, ссылаясь на приказ Главкома, просит о высылке в Кавармию первого Донавиотряда только что прибывшего в армию после перевооружения английскими аппаратами. **Донармия в данное время находится в крайне тяжелом положении в отношении снабжения техническими средствами вообще и в частности аэропланами. Воздушная разведка давно уже не производится, не было возможности в течение месяца связаться с ген. Мамонтовым и только последние дни удалось привести в исправность несколько машин для связи.** Первый отряд крайне необходим для разведки на фронте первого Корпуса, также предположено поставить на Воронежское направление для налаживания более прочной связи с конницей Мамонтова. Недостаток аппаратов вынуждает ограничивать число полетов.

Не будет ли признано возоможным подкрепить Кавармию иным способом. Обещана была присылка аэропланов с английскими летчиками для связи с Мамонтовым, но до сих пор, к сожалению, нет.

Миллерово. 31 августа 1919 г. Нр. 6073/К. Командарм ген.-лейт. Сидорин».

Можно ли относится с недоверием к утверждениям, исходившим из уст командующего Донармией, который был сторонником Деникина и России? И могла ли выполнить широчайшие задачи армия, находившаяся «в крайне тяжелом положении в отношении снабжения техническими средствами»?

Обратимся к другой стороне жизни Донармии, о которой говорит следующий документ:

«Таганрог — Главнокомандующему.

«Распоряжением генерала Лукомского в занятый Донской армией район была послана ремонтная комиссия для закупки лошадей, которой я не счел возможным разрешить производить закупку по следующим соображениям: **некомплект лошадей Донской армии, безостановочно прогрессируя, достиг в настоящее время таких размеров, с которыми далее мириться невозможно. Многие конные полки числятся таковыми только по названию, в действительности они давно стали пешими; батареи одна за другой выводятся из боевой работы из-за невозможности запреч, так как для артиллерии одного лишь первого Корпуса не достает 756 лошадей.** В Новочеркасске вполне готовы несколько английских батарей, **для которых нет ни одной лошади.** Про транспорты продовольственные и санитарные и говорить не приходится. Неся ответственность за поддержание боевой готовности армии, я убедительно прошу Ваше Превосходительство оставить в силе мое распоряжение, так как занимаемые нами части Тамбовской и Воронежской губерний являются последними источниками пополнения, да и то опустошенными большевиками. По отношению к Донской армии это будет тем более справедливым, что значительное число донских лошадей поступило в части Добровольческой и Кавказской армий.

Миллерово. 1 сентября 1919 г. Нр. 6098/К. Командарм г.-л. Сидорин».

Этот недостаток лошадей в Донской армии связывал казачьи части по рукам и по ногам. За отсутствием лошадей, не могли проявляться, укрепленные вековой борьбой и освященные традицией, блестящие качества прирожденных Донских кавалеристов. При слабости конных частей невозможно было применять в необходимых размерах маневр, при помощи которого казаки побеждали более сильные численно русские войска.

5-го сентября командир 1-го Донского корпуса подтверждал официально, что «мобилизованные казаки являются **без шинелей и многие без сапог.** Такое

отношение является отличной характеристикой наших широких масс, призываемых для защиты своих же очагов». Трудно сказать, о чем свидетельствовало это явление, о бедности ли казаков обувью и обмундированием или же о все сильнее проявлявшемся утомлении бесконечной войной.

Русские генералы, как заклинатели духов, кричали все о походе на Москву, о спасении матушки России, а сами проводили явно антинародную политику, которая, как хорошо понимали казаки, не могла привести к победе.

Россия, которую белые собирались «спасать», заливала Дон своими армиями.

Большевицкое командование не оставляло мысли об осуществлении скорейшего разгрома Донской и Кавказской армий и о завоевании Казачьих Земель. 25 августа 1919 г. красный главком ген. штаба полковник Каменев категорически потребовал вновь от командующего ударной группой Шорина энергично продолжать дальнейшее наступление по Донской Земле, при чем Главком телеграфировал Шорину:

...«Дальнейший ход Вашей (Шорина) операции определяется следующими этапами»: 30 августа Богучар — Аксай; 9-го сентября — Чертково-ст. Ремонтная; 20 сентября: Каменская - Константиновская — район Ремонтаная и затем Таганрог - Новочеркасск-Воронцовская» (Как сраж. револ., 294).

Как видим из этой директивы, красный Главком предполагал в октябре 1919 г. покончить дело полным захватом Донской Земли.

26 Главком Каменев подтвердил командующему Южным сов. фронтом, что план наступления его фронта остается без изменения, а именно: «Главный удар следует наносить группой Шорина, имеющей задачей **уничтожение врага на Дону и на Кубани.** В виду этой цели Главком предлагал: 1) правый фланг группы Шорина направить западнее Луганска, 2) не ослаблять ни на одну часть группу Шорина, 3) на остальном фронте всячески развить активность, чтобы воспрепятствовать противнику производство перебросок на правый его фланг» (там же).

Из приведенных документов видно, какое боль-

шое значение придавал красный Главком продолжению наступления именно группой Шорина. На пути осуществления намерений красной Москвы стальной стеной стали славные Кавказская (Кубанская) и Донская армии, с выдающимся геройством отстаивавшие занятую в двадцатых числах августа линию: примерно от Пичужинской, что лежит на берегу Волги севернее Царицына, через Котлубань к р. Дону и далее вверх по этой реке к устью р. Хопра. Между р. Хопром и р. Доном продолжались упорнейшие бои между войсками 2-го и частью 3-го Донских казачьих корпусов с одной стороны, и 9-й и частью 8-й сов. армий, с другой.

ПРОДОЛЖЕНIЕ РЕЙДА МАМОНТОВА

(Схема 7 и 11).

Выгнав из гор. Козлова штаб Южного советского фронта 9-го августа, Мамонтов оставался в этом городе до 12 августа. В это время вновь назначенный «командующий войсками внутреннего фронта» Лашевич принимал самые энергичные меры с целью уничтожения 4-го Донского корпуса. Лашевич отдал всем революционным комитетам следующее распоряжение: 1) немедленно организовать мелкие отряды, 2) приспособить, где есть возможность, бронелетучки и 3) все прилегающие губернии к району пребывания конницы Мамонтова об'являются на военном положении. По советским войскам был отдан приказ — немедленно сосредоточиться в районе Тамбова, где предполагается создать крупный кулак, с которым можно будет приступить к преследованию и ликвидации противника.

Ревкомам и начальникам гарнизонов категорически поставлена задача оказывать всяческое сопротивление казакам Мамонтова: «Ни в коем случае город без боя не сдавать под угрозой расстрела шкурников, паникеров и дезертиров. Ревкомам эвакуироваться последними и только в крайнем случае». Все части ставятся в известность, что оставление занимаемых пунк-

тов командование не допускает. Все обязаны драться до последнего человека. За всякий отход виновные будут предаваться суду трибунала для осуждения по законам военного времени.

Однако, «своевременно принятые Лашевичем твердые и решительные меры сразу оказать большого действия не могли», говорит один из исследователей событий, связанных с рейдом Мамонтова, «так как организация на низах была не на высоте; наспех сформированные небольшие отряды, материально плохо обеспеченные, скверно вооруженные, не обстрелянные, не могли полностью изжить страх и панику перед противником; **достаточно было появиться небольшому раз'езду противника в любом месте, как иногда отряд, располагающий даже пулеметом, в панике разбегался».** (М. Рымшан. Рейд Мамонтова, стр. 30).

Мамонтов пробыл в окрестностях Козлова только два дня и 12 августа продолжал движение. Главные силы казачьего Корпуса направились на запад — на Лебедань; правый отряд Донцов 14 августа занял гор. Раненбург, а раз'езды левого отряда 13 августа были у станции Песковатка на железно - дорожной линии Козлов-Грязи-Воронеж. За трое суток пройдя около 90 верст, 15 августа казаки заняли без боя гор. Лебедань.

Главное советское командование, следя за донесениями с внутреннего фронта и видя продолжающуюся неустойчивость красных частей, решает напомнить еще раз командованию Южного фронта о принятии им более твердых и решительных мер:

«Приказом Совета Обороны и Революционного военного совета республики вам даны чрезвычайные права для создания сил и средств борьбы с казаками Мамонтова и вы обязаны создать эти силы во что бы то ни стало и всеми способами в кратчайший срок, и выдвинуть их к району действия казачьего рейда. Между тем, до сегодняшнего дня никаких существенных результатов этого развития не видно, за исключением рязанского ревкома, усилиями которого достигнут первый успех у гор. Раненбурга. Приказываю напречь все силы в этой работе и к вечеру сегодня же, 16 августа, мне донести, что сделано. Обращаю ваше

внимание, что, независимо от планомерной борьбы с ядром казаков, организуемой т. Лашевичем, следует вести самую энергичную партизанскую борьбу с казаками, облепив весь занятый ими район мелкими отрядами всякой численности в 30-40 бойцов. Эти отряды должны нападать на раз'езды, заставы и другие мелкие отряды противника, очищать от него населенные пункты, леса, урочища, непрерывно тревожить его, не давая покоя ни днем, ни ночью. Для цели особенно полезны авто-пулеметные отряды и отряды на подводах с пулеметами, а также велосипедные отряды. Требую: 1) формирования таких отрядов и посылки их в район борьбы и 2) всем ревкомам и волсоветам немедленно донести, что сделано в этом направлении» (там же, 32).

В день издания этого приказа казаки Мамонтова занимали огромный район — главные силы корпуса находились в центре треугольника городов Козлов-Лебедань-Липецк, разведывательные и охранительные отряды были расбросаны во все стороны. В непосредственной близости к частям 4-го Донского корпуса находились следующие русские войска: полк коммунистов на станции Грязи, другой полк коммунистов в гор. Липецке, отряды Фабрициуса в 4500 штыков в г. Ельце, в районе Данкова-Астапово около 2500 штыков; с востока на гор. Козлов наступала кавалерийская бригада 56 стрелковой дивизии при поддержке курсантов и броне-авто-отряда.

Начальнику советской авиации было приказано усилить воздушную разведку и бомбардирование по казакам.

Большевицкое командование предполагало, что главные силы Мамонтова движутся на гор. Липецк. В действительности казаки направились на гор. Елец.

Причины неуспешности действий против Мамонтова большевики поясняют следующим образом. Предпринятое наступление красным командованием не могло дать больших результатов, так как противник, обладая почти исключительно конной массой, легко и быстро мог появляться в любом месте, опережая и обходя красные части. Последние, имея исключительно пехоту, при том наспех сколоченную, конечно, не мог-

ли противостоять и угнаться за конным противником. На категорические требования командования о принятии самых решительных мер стал поступать целый ряд просьб от командующих отрядами о придаче им небольших конных частей, в противном случае они не в силах, при всем желании, выполнить приказ.

Тем временем Мамонтов испортил участки железных дорог: Раненбург-Астапово-Елец, Козлов-Грязи, Козлов-Тамбов, Грязи-Жердевка, Грязи-Елец-Ефремов, и вся жизнь Южного советского фронта стала функционировать только по линии Тула-Орел-Курск и Орел-Верховье-Мармыжи.

Трудно было установить намерения Мамонтова в дальнейшем, так как можно было ожидать, что не позже, как через неделю-две, а возможно и раньше, обнаружится попытка его прервать железно - дорожную линию Орел-Курск. «Между тем противник», говорят большевики, «учитывая благоприятную для себя обстановку — отсутствие конных частей у красных в этом районе — плохо налаженную связь, продолжал хозяйничать по всему тылу, забирая город за городом, разрушая все железнодорожные пути и нормальную жизнь тыла, расстреливая всех попадающихся ответственных работников, вооружая население и побуждая его к партизанским действиям».

В ночь на 19-е августа Мамонтов занял г. Елец без всякого сопривления. Занятие Ельца произошло настолько быстро, что советские учреждения не успели эвакуироваться и остались в городе...

Во всем смелом и блестящем рейде 4-го Донского корпуса гор. Елец явился поворотным пунктом. Отсюда Мамонтов мог двинуться прямо на Москву, до которой оставалось пройти верст 300; мог направиться на гор. Орел, куда бежал штаб Южного советского фронта — до Орла надо было пройти всего около 150 верст, мог пройти по тылам большевицких армий до самой р. Волги; мог выбрать и четвертое направление — пробиться обратно на Дон.

Корпус двинулся на юг, в общем направлении на гор. Воронеж. Движение совершалось тремя колонами: правая, пройдя за один день около 70 верст прямо на юг, 24 августа после жаркого боя с бригадой

3-й советской дивизии захватила узловую станцию Касторную, лежащую на перекрестке жел. дорог Воронеж-Курск и Елец-Валуйки; средняя колона из гор. Ельца двигалась на юго-восток и 23 авг. заняла г. Задонск; небольшой левый отряд Донцов, двигаясь тоже на юго-восток, 23 августа разобрал у станц. Козинки, что между Липецком и Грязи, железную дорогу, у станций Дрязги и Прибыткова разрушил железную дорогу Воронеж-Грязи. 24-го августа эта колона заняла самую станцию Грязи.

«Движение ген. Мамонтова от Ельца на юг породило опасение в возможности нового прорыва Южного фронта, как с севера, казаками Мамонтова, так и с юга — идущим последнему на выручку корпусом ген. Шкуро», говорит Рымшан. «Предположения, а частью и подтверждающие их сведения, имелись в штабе Южного фронта, и, естественно, сильно озабачивали все высшее командование Красной армии. **Считалось необходимым не только не допустить такого прорыва, но окружить самого Мамонтова.** Поэтому, помимо войсковых частей, участвовавших с самого начала прорыва в его ликвидации и вновь созданных для той же цели местных формирований, на Южный фронт была переброшена 21-я стрелковая дивизия, и в распоряжение командующего фронтом была передана из состава 10-й армии 37 стрелк. дивизия. Эту дивизию командующий фронтом пока не снимал еще с фронта армии, имея в виду перебросить ее на правый фланг 9-й армии.. Имелось также в виду направить для противодействия движению Мамонтова с фронта 9-й армии 22 стрелк. дивизию... В дальнейшем главнокомандующий высказывал необходимость теперь же — 25-26 августа **подготовить конный корпус тов. Буденного для переброски против Мамонтова, пред'являя требование, чтобы последний ни на один день не был допущен в ст. Урюпинскую.**

Корпус тов. Буденного должен был быть поддержан крепкой и сильной пехотой и **переброшен в район Новохоперска...** Согласно этих предположений, уже 28 августа корпус тов. Буденного должен был сосредоточиться на ст. Арчада линии Царицын-Поворино —

для дальнейшей переброски на станицу Урюпинскую» (там же, 37-38).

Все выше перечисленные мероприятия красного командования показывают, какое огромное значение в жизни всего Южного фронта имел рейд доблестного 4-го Донского корпуса.

Должно быть особенно подчеркнуто, что отвлечение конного корпуса Буденного **из состава 10-й армии на борьбу с Мамотновым весьма заметно ослабило эту красную армию**, чем было облегчено положение Кавказской армии под городом Царицыном. Если бы конница Буденного принимала участие в боях у Царицына 23-27 августа, неизвестно удалось ли бы измученной в конец Кавказской армии удержать этот город в своих руках и спасти положение всего Южного антибольшевицкого фронта (см. выше: «Героическая борьба Кавказской армии»).

Точно так же захват мамонтовцами 24 августа узловой станции Касторная, находившейся в ближайшем тылу 13-й и 8-й армий, в весьма значительной степени облегчил работу 3-го Кубано-Терского конного корпуса (см. выше: «Ликвидация прорыва ударной группы генерала Селивачева»). Кроме железной дороги Валуйки-Касторная, в распоряжении 8-й сов. армии была еще одна железная дорога, идущая с севера на юг — это жел. дор. Воронеж-Лиски. Выход Корпуса Мамонтова на эту дорогу у Воронежа, очевидно, ставил 8-ю армию в весьма тяжелое положение, чем облегчалась работа 3-го Донского корпуса, нажимавшего с юга на эту, самую сильную после 10-й армии на всем Южном фронте, красную армию.

Все эти обстоятельства и факты должен принимать во внимание каждый об'ективный иследователь при установлении значения рейда славного корпуса Мамонтова.

Оперативная сводка Донской армии за 30-е августа 1919 г. констатирует следующее:

«При разборке документов корпуса Мамонтова, в дополнение к ранее об'явленным результатам, выяснены нижеследующие данные, характеризующие успех рейда нашей конницы, в смысле нанесения ущерба снабжению Южного фронта красных:

1) **в районе Тамбова,** на станции Пушкари, уничтожена артиллерийская база противника, имевшая 200 тысяч трехдюймовых снарядов, 9 погребов пороха, громадное количество пироксилина, несколько миллионов патронов, громадное количество снарядов других калибров: все это 7-го августа взорвано, при чем взрывы продолжались от 4-х до 18-ти часов;

2) **в Козлове,** в период за 11-12 августа, уничтожены интендантская база, инженерный и санитарный склады, громадный склад артиллерийский, аэропланы, автомобили и мотоциклеты;

3) **в Ельце,** в период с 18 по 22 августа, захвачены 2 бронепоезда и броневики, сопровождавшие затем нашу конницу и принимавшие участие в боях. Здесь же уничтожены починочная автомобильная мастерская Южного фронта, склад боевых припасов, где имелось 50 тысяч трехдюймовых снарядов, интендантские склады, починочные мастерские 8-й и 13-й армий с громадным количеством станков и инструментов, вагон винтовок, взорвано еще 36 вагонов снарядов и, кроме того, захвачено до 60 миллионов денег, 20 тысяч пар интендантских сапог, 30 тысяч пар заготовок;

4) в тот же период **на ст. Боборыкино** взято 12 грузовиков с интендантским имуществом, а на ст. Измайловка уничтожены составы с нефтью и керосином;

5) **на ст. Грязи** 24 августа взорван бронепоезд «Атаман Чуркин» и захвачено 2 эшелона с имуществом коммунистов, бежавших из Воронежа, и громадные склады награбленного коммунистами имущества; в момент занятия станции на ней было 19 паровозюв и 4 тысячи вагонов.

Начальник штаба Донской арм., ген. Кельчевский»

Советская власть со всех сторон стягивала войска против Корпуса Мамонтова. Проводилась лихорадочная работа, чтобы поднять население на борьбу с мамонтовцами. Военный министр Л. Троцкий носился вокруг района, занимаемого казаками, издавал приказы, выпускал воззвания и т. д. 22-го августа Троцкий писал:

Рабочие и крестьяне, выходите на облаву! Кавалерия Мамонтова еще не раздавлена. Она продолжает

бесчинствовать и зверствовать... Сельские, волостные, уездные и губернские исполкомы и партийные организации на 50–100 верст вокруг мамонтовского пятна должны все свои силы отдать делу борьбы с конными грабителями и убийцами... Задача поставлена ясно. Не дать мамонтовцам прорваться на север, к Туле и Москве! Не допускать их на юг, в тыл нашим красным войскам Воронежского и Курского участков фронта. Отрезать им путь на запад и на восток. Истребить их на месте, уничтожить, как бешеных собак! Замыкайте круг, рабочие и крестьяне! Выводите народ на облаву, товарищи коммунисты! Смельчаки, на первое место». (Л. Троцкий. Как вооружалась революция, т. 2-й, кн. 1, стр. 282).

29 августа появился известный призыв того же Троцкого:

«Прелетарий, на коня! Главная беда Красных Армий в недостатке конницы. Война наша имеет маневренный характер, требует наивысшей подвижности. Это отводит коннице большую роль... Теперь разрушительный налет Мамонтова остро поставил вопрос о создании многочисленных красных кавалерийских частей. Недостаток у нас конницы имеет не случайный характер. Революция же пролетариата родилась в больших промышленных центрах. У нас нет недостатка в пулеметчиках, в артиллеристах. Но мы испытываем большую нужду во всадниках... Советской Республике необходима конница. Красные кавалеристы — вперед! На коня, пролетарий!» — заканчивал Троцкий свое длинное воззвание, из которого мы берем самую незначительную часть.

Весь рейд Мамонтова можно разделить на четыре части: 1) от прорыва фронта до гор. Тамбова, с 28 июля по 6-е августа, 2) от Тамбова до Ельца, с 7 по 19 августа, 3) от Ельца до Воронежа, с 20 до 29 августа и 4) возвращение, с 30 августа до 6 сентября.

Если во время трех первых частей рейда Корпус Мамонтова проявил большое искусство в маневрировании, то в последний период тактика Мамонтова была просто изумительной.

Красное командование делало большие усилия, что-

бы не дать 4-му Корпусу возможности прорваться через советский фронт на юг.

Ген. Мамонтов сначала весьма сильно нажал на тылы 33 дивизии 8-й армии в районе г. Боброва; большевицкое командование предполагало, что именно в этом районе 4-й Дон· корпус будет прорываться на Дон, и потому предприняло необходимые меры для воспрепятствования этому прорыву. Тем временем главные силы Мамонтова переправились с восточного берега р. Дона на западный в районе севернее Давыдовки и ударили на 16-ю сов. дивизию с тыла. С юго-запада против этой же дивизии действовала 1-я Кавказ.-Кубанская дивизия. Встреча Донцов и Кубанцев, как сказано выше, произошла 5-го сентября на р. Потудань, в районе с. Репьевки.

Бывший главнокомандующий Южным антибольшевицким фронтом, ген. А. И· Деникин, дает следующую оценку рейду ген. Мамонтова:

«По всему пути генерал Мамонтов уничтожал склады и громадные запасы противника, разрушая железнодорожные мосты, распустил несколько десятков тысяч мобилизованных, вывел целую бригаду крестьян-добровольцев, нарушил связь, снабжение и вызвал среди большевиков сильнейшую панику. Но, обремененный огромным количеством благоприобретенного имущества, корпус не мог уже развить энергичную боевую деятельность. Вместо движения на Лиски и потом по тылам 8-й и 9-й сов. армий, куда требовали его боевая обстановка и директива, Мамонтов пошел на запад, переправился через Дон, и, следуя по линии наименьшего сопротивления, правым берегом его вышел 5 сентября к Короткову (Коротояку!). на соединение с корпусом генерала Шкуро, наступавшим с юга на Воронеж. Открылись свободные пути и потянулись в донские станицы многоверстные обозы, а с ними вместе и тысячи бойцов. Из 7 тысяч сабель в корпусе осталось едва 2 тысячи... После ряда неудавшихся попыток ослабленный корпус только 23, после взятия генералом Шкуро Воронежа, двинулся в ближний тыл Лисок и тем содействовал левому крылу Донцов в овладении этим важным железнодорожным узлом·

Это было единственное следствие набега, отразившееся непосредственно на положении фронта.

Генерал Мамонтов поехал на отдых в Новочеркасск и Ростов, где встречен был восторженными овациями. Ряды корпуса поредели окончательно. Будем справедливы: Мамонтов сделал большое дело, и не даром набег его вызвал целую большевицкую литературу, отмеченную неприкрытым страхом и истерическими выпадами... Но Мамонтов мог сделать несравненно больше: использовав исключительно благоприятную обстановку нахождения в тылу большевиков конной массы и, сохранив от развала свой корпус, искать не добычи, а разгрома живой силы противника, что несомненно вызвало бы новый крупный перелом в ходе операции» (Деникин. Очерки рус. смуты, т 5-й, стр. 122).

Бывший командующий Южным советским фронтом ген. штаба полковник А. И. Егоров, изучив на основании документов прошлую войну Севера с Югом, в 1930 году пришел к следующим заключениям о рейде 4-го Донского корпуса Мамонтова:

«Своим движением на север вместо района Лисок Мамонтов бесконечно расширил цели и задачи своих действий, в расчете очевидно на восстание крестьянства и городской буржуазии против советской власти. Это, конечно, авантюра, но Мамонтов, имея более сильные средства для достижения менее обширных задач, был здесь в меньшей степени авантюристом, чем сам Деникин. К тому же Мамонтов в отличие от Деникина сам осуществлял свои идеи, и — надо быть откровенным, — имел с первых же дней рейда много ярких доказательств правильности некоторых своих расчетов. Мамонтов не добился основного: крестьянство не восстало. При наличии в этот период колебаний среди крестьянства оно все же поверило посулам Мамонтова.

Перечислим коротко те реальные достижения, каких добился Мамонтов своим рейдом для белого оружия:

1) Хотя рейд мало содействовал непосредственному поражению красных войск и успеху белых на

фронте, но он все же производился в достаточной связи с основными операциями фронта, имевшими задачей сорвать готовящееся наступление красных и облегчить успех своего наступления. Утверждают, что рейд не помешал начать красным в срок свое наступление; однако мы видим, во что вылилась вся деятельность армий фронта...

2. За время совершения рейда ген. Мамонтов привлек на себя следующие силы красных: а) с фронта — одну бригаду 40-й дивизии, 31-ю дивизию, 36-ю дивизию, 56-ю дивизию, части 3-ей стрел. дивизии, конный корпус Буденного; б) из глубоких тылов — 21-ю дивизию, 4 полка коммунаров, 5-й Латышский полк, Тамбовские пехотные курсы, бронепоезда и бронелетучки, многочисленные местные формирования и отряды.

3. Мамонтов коренным образом нарушил управление на Южном фронте, лишив группу Шорина в наиболее ответственный момент связи с командюжем, и, заставляя штаб фронта метаться между Козловом и Орлом, в еще более значительной степени усложнил управление фронтом.

4. Он основательнейшим образом испортил участки железных дорог: Раненбург - Остапово - Елец, Козлов - Грязи, Козлов-Тамбов, Грязи-Жердевка, Грязи-Елец-Ефремов. У Южного фронта остались действующими две нити — Тула-Орел-Курск и Орел-Верховье-Мармыжи. Стоило нарушить функционирование еще одной только дороги Тула-Курск, и положение фронта было бы катастрофическим.

5. Наконец разграбление и уничтожение складов, баз и запасов Южного фронта нанесли весьма тяжелые удары всему снабжению армий, что при том низком экономическом уровне, на котором находилась страна, не могло не иметь значительных последствий...»

(А. И. Егоров. Разгром Деникина, стр. 120).

Казачество по заслугам может гордиться рейдом доблестного Донского корпуса ген. Мамонтова, рейдом, равных которому немного найдется в военной истории народов.

ЗАВЕРШЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО РУССКО-КАЗАЧЬЕГО СРАЖЕНИЯ

(Схема 7 и 11)

В результате упорнейших боев на казачье-русском фронте, от р. Волги до железной дороги Харьков – Белград, создалось следующее положение: 1) Кавказская (Кубанская) армия с тяжелыми потерями отошла с фронта Н. Добринка-Лесной Карамыш- Золотое к самому Царицыну и здесь в многодневных боях за обладание этим городом нанесла 10-й сов. армии настолько сильное поражение, что последняя уже не имела достаточных сил для дальнейшего продвижения на юг и на юго-запад; 2) сильный конный корпус Буденного еще перед боями за Царицын был взят из состава 10-й сов. армии и переброшен в северо-западную часть Донской области с целью недопущения возвращения на Дон 4-го Донского корпуса, совершившего свой знаменитый рейд по тылам красных армий Южного фронта; 3) правый фланг 10-й сов. армии, действовавшей на фронте от устьев р. Иловли до устьев р. Хопра, не мог укрепиться при переправах на правом берегу р. Дона с целью развития дальнейшего продвижения по Донской территории к Новочеркасску; 4) усилиями 3-го конного Кубано-Терского корпуса и 3-го Донского корпуса был ликвидирован прорыв Южного антибольшевицкого фронта войск ген. Селивачева, и сильно потрепанные дивизии 8-й и левого фланга 13-й советских армий были отброшены казаками значительно севернее линии Богучар-Новый Оскол; 5) несмотря на это поражение, 8-я сов. армия продолжала удерживать в своих руках Лискинский железно-дорожный узел; 6) 4-й Донской корпус ген. Мамонтова совершил свой блестящий рейд и возвратился на казачий фронт, соединившись с войсками Кубано – Терского конного корпуса северо-западнее станции Лиски; 7) 9-я сов. армия вышла на линию р. Хопра и употребляла все усилия, чтобы отбросить 2-й Донской корпус далее на юго-запад и выйти на линию р. Дона от гор. Павловска вниз до устья р. Хопра...

Выше было отмечено, что ген. Деникин еще 24

августа 1919 г. приказал корпусу Мамонтова двигаться на юг с целью уничтожения Лискинской группы большевицких войск. 30-го августа Деникин повторил этот приказ в самой категорической форме.

Пока ген. Мамонтов, находясь в районе гор. Воронежа, в тылу 8-й сов. армии, нащупывал наиболее удобное место для прорыва большевицкого фронта, пока 3-й Кубано-Терский корпус и левый фланг 3-го Донского корпуса отбрасывали все далее на север и северо-восток разбитые части 13-й и 8-й сов. армий, весьма упорные бои происходили между 2-м Донским корпусом и 9-й сов. армией в районе между Хопром и р. Доном: в трехдневных упорнейших боях, с 31-го августа по 1-е сентября, славные и беззаветно храбрые Донцы отбрасывают части 9-й сов. армии на левый берег р. Хопра в районе станицы Усть - Бузулукской, при этом казаки берут 3 тысячи пленных и много винтовок; но в районе к западу от станицы Бурацкой красные потеснили Донцов; 1-го и 2-го сентября шли упорнейшие бои по ликвидации красных, переправившихся на правый берег Хопра в районе ст. Слащевской; только за эти два дня Донцы захватили здесь 2000 пленных, 4 орудия и 16 пулеметов; 3 сентября шли новые упорные встречные бои западнее ст. Слащевской и ст. Бурацкой, и 4-го сентября весь правый берег р. Хопра, от устья до ст. Акишевской, был очищен от красных войск; но в тот же день «на всем фронте 2-го Донского корпуса красные перешли в наступление и переправились на правый берег Хопра у Дундукова, Усть-Бузулукской и Акишевской...

Во время этих боев 2-го корпуса с наседающей 9-й сов. армией, части 8-й сов. армии заняли гор. Калач, Воронеж. губ., и начали сильно нажимать на левый фланг и тыл славного 2-го корпуса; но к юго-востоку от гор. Калача «сводная дивизия генерала Савельева 4-го сентября почти полностью уничтожила бригаду 56-й сов. дивизии, взяв 1200 пленных, 5 орудий и много другой военной добычи» (из оперативной сводки Донармии).

За это время на большевицком фронте произошло событие, имевшее весьма большие последствия:

конный корпус Буденного, выйдя из состава 10-й сов. армии в районе станции Арчеда, на линии железной дороги Царицын-Поворино, и, направляясь на борьбу с корпусом Мамонтова, прибыл в район ст. Урюпинской - гор. Новохоперска (схема 7), расположившись в ближайшем тылу 9-й сов. армии. Так как Мамонтов из района гор. Воронежа не пошел на юго-восток, прямо в пределы Дона, а круто свернул на юго-запад и очутился к северо-западу от станции Лиски, силы корпуса Буденного не пришлось использовать непосредственно для борьбы с Донским корпусом Мамонтова. Большевицкое командование получило возможность применить корпус Буденного на фронте между Хопром и Доном, где 9-я сов. армия все еще никак не могла преодолеть сопротивление Донского 2-го корпуса.

Для облегчения об'ективного понимания ближайших событий на русско-донском фронте, остановимся теперь на вопросе о соотношении сил противников на этом фронте. По данным Донского штаба на 5-е сентября 1919 г. в Донской армии было: 21 пеший полк, 6 батальонов и 52 конных полка, всего 20.500 штыков и 19 тысяч шашек, при 175 орудиях и 724 пулеметах. Из того:

	штык.	саб.	оруд.	пул.
1-й корпус	3000	5000	24	112
2-й »	6000	7000	51	261
3-й »	7500	2500	78	258
4-й »	4000	4500	22	93

Из этого числа на фронте находилось от 16500 до 14500, 153 орудия, 631 пулемет.

По данным того же штаба в красных армиях на Донском фронте находились:

	штык.	саб.	лег.	тяж. ор.
10-я армия	14200	7100	46	
9-я »	29200	4430	97	16
8-я »	28600	4940	94	12
Всего	72000	16470	237	28

Хотя из сопоставления выше приведенных данных о количестве бойцов в красных армиях в указанное время с данными иными можно сделать вывод, что данные Донского штаба силы красных показывали в несколько преувеличенном виде, все же несомненно, что русские боевые силы почти в два раза превосходили силы Донской армии.

6-го сентября командующий Донской армией приказал:

1) 2-му Корпусу ударить в направлении Бутурлиновки с целью действительного разрушения железно-дорожной линии Лиски – Поворино и воспрепятствовать соединению 8-й и 9-й красных армий;

2) 3-му Корпусу ударить в тыл 8-й армии на Таловую-Бобров, остальным наступать между р. Доном и р. Тихой Сосной с целью овладения Лискинским железно-дорожным узлом;

3) 4-му Корпусу Мамонтова продолжать энергичное наступление вдоль левого берега р. Потудань для содействия овладению Лискинским узлом с целью уничтожения 8-й армии и дальнейшего движения в направлении Таловая-Новохоперск для удара в тыл 9-й армии красных.

Этот приказ был дан Донским командованием во исполнение следующего приказа ген. Деникина, данного накануне:

«Командарм Добр. Копия Командарм Дон. Обстановка требует полного напряжения всех сил по уничтожению 8-й сов. армии **до подхода к ней конного корпуса Буденного** (курсив редакции журн. «В. К.»). Между тем в этом направлении силы ослаблены. Из сегодняшнего донесения вижу, что и Корпус ген. Шкуро свернул на север и имеет задачей выйти на линию Уколово-Петровский-Валахонская. Если сворачивание Корпуса вызвалось желанием обойти реку Усердец, дабы не вести фронтальных боев за переправы на ней, то с этим согласен. В отрицательном случае в третий раз требую решительных действий против 8-й армии, а от корпуса Шкуро проявить полное напряжение и, не считаясь с разграничительной линией (этот Кубано-Терский казачий корпус был подчинен непосредственно командующему Добровольческой

армией ген. Май-Маевскому и между Донской и Добровольческой армиями существовала разграничительная линия. Ред.), совместными действиями с Донцами в кратчайший срок уничтожить 8-ю сов. армию. Таганрог. 5 сентября 1919 г. Нр. 012964. Деникин».

Как видим, и приказ Деникина, и приказ Сидорина говорили о необходимости **уничтожить** 8-ю сов. армию.

Надо сказать, что после того, как казаки в августовских боях разгромили ударную группу ген. Селивачева и отбросили ее за р. Потудань, после того, как корпус Мамонтова вышел на фронт 3-го Кубано-Терского корпуса, создалось очень тяжелое положение, как на левом фланге 13-й сов. армии, так и, особенно, на правом фланге 8-й сов. армии. Под ударами казачьих корпусов Мамонтова и Шкуро этот фланг 8-й армии начал быстро откатываться на восток, к реке Дону, отрываясь от левого фланга 13-й- сов. армии. Командующий 8-й советской армией, стремясь сохранить сильно расстроенные ряды своих войск, 6-го сентября приказал своим дивизиям спешно отойти на левый, восточный берег р. Дона между Лисками и Воронежом.

В тот же день командующий Южным русским фронтом Егорьев приказал:

1) 13-й армии сосредоточить ударные кулаки в районе Мармыжи и Нижнедевицка для удара от них «в направлениях сообразно обстановке»,

2) 8-й армии активно обороняться

и 3) группе Шорина — 9-я и 10-я сов. армии — **энергично продвинуться** с р. Хопра на р. Дон **и в кратчайший срок овладеть гор. Богучаром,** находящимся, как известно, на правом берегу р. Дона. (Схема 7).

Насколько советское командование было озабочено скорейшим продвижением вперед группы Шорина, видно из того, что того же 6-го сентября 1919 г. главнокомандующий всеми вооруженными силами советской России, ген. штаба полковник Каменев, телеграфировал командующему Южным фронтом:

«Обстановка на Южном фронте **требует маневра** со стороны особой группы Шорина. Первая задача — выход на р. Дон на фронте Павловск-Усть-Медведиц-

кая, для скорейшего выполнения которого должна быть использована 22 дивизия путем развития удара на запад вдоль Дона: Выдвижение 9-й армии на Дон **должно быть выполнено в 3-х дневный срок»** (Н. Какурин. Как сражалась революция, т. 2, стр. 309).

В это время главное советское командование еще не теряло веры в возможность завоевания Дона к первым числам октября 1919 г. и в соответствии с этими намерениями издавало свои распоряжения по армиям.

Под ударами правого фланга 3-го Донского корпуса, под сильными ударами 4-го Донского корпуса Мамонтова и Кубано-Терского корпуса Шкуро 8-я армия была отброшена за реку Дон у гор. Коротояка и севернее его.

Корпус Шкуро направился на север, в сторону Землянска — Воронежа, а 4-й корпус в точности выполняя распоряжения Деникина и Сидорина, бросился через р. Дон для преследования оступающей 8-й красной армии и приблизился верст на 15 с запада к станции Лиски. Однако здесь, на восточном берегу р. Дона этот корпус постигло большое несчастье. В оперативной сводке Донской армии за 9-е сентября читаем следующее:

4-й Корпус прорвал фронт красных к западу от Копанище (это селение лежит к западу от станции Лиски верстах в 10-12, как и Лиски, на левом, восточном берегу р. Дона. Ред.) и захватил 1000 пленных. 11-я конная бригада опрокинула противника у Троицкое (это селение лежит на левом берегу Дона, верстах в 20 на северо-запад от ст. Лиски), отбив 20 пулеметов, 2 оруд., 700 пленных. Противник перешел в контр-атаку и принудил отойти к Дону. Тяжело ранены командир батареи Ковалев, тяжело ранен комбриг 13 генерал Попов, легко ранен комбриг 9 ген. Татаркин, убит ген. Максимов, ранены командиры батарей Белобоков, Волошинов и Волков. В одной батарее перебита вся прислуга»...

Вследствие этого наступление на Лиски не удалось; 8-я армия еще очень сильно защищалась, хотя сами большевики признавали, что в это время 8-я ар-

мия находилась в очень тяжелом положении. В официальной большевицкой сводке читаем следующее:

«Беспрерывные бои, продолжавшиеся 2 недели, привели армию к полному расстройству в смысле потери тыловых учреждений и больших потерь в дивизиях. 12 и 13 дивизии, имея до 500 штыков каждая, понесли большие потери в материальной части и командном составе и в настоящее время небоеспособны; 15 дивизия, имевшая 7 сентября 1700 штыков, в бою 8 сентября потеряла батарею и целиком два полка. 16 дивизия имеет только одну бригаду, составленную из двух сильно потрепанных полков; 33 дивизия ежедневно в боях несет большие потери, а к 2 сентября имела до 4000 штыков; 31 дивизия, будучи совершенно деморализована, частью разбежалась, частью обезоружена и направлена в распоряжение ревтрибунала» (Какурин. Как сраж. revол. т. 2, стр. 310).

Когда 8-я армия оступала за р. Дон, 2-й Донской корпус и правый фланг 3-го Дон. корпуса продолжали вести успешные бои между р. Хопром и р. Доном, угрожая флангу и выходом в тыл ослабленной 8-й сов. армии, занявшей фронт с севера на юг вдоль течения р. Дона, от Воронежа до гор. Павловска включительно.

10 сентября ген. Сидорин послал ген. Деникину телеграмму, настаивая на окончательной ликвидации 8-й сов. армии и **Приволжской** группы противника — 9-й и 10-й сов. армий, захвативших значительную часть Донской казачьей земли. «Тогда», телеграфировал Сидорин, «в истинном смысле этого слова будет открыта широкая дорога на Москву, **в противном случае на правом фланге вооруженных сил Юга России будет висеть постоянная угроза.** Еще более убеждаясь в особенном значении нанесения полного разгрома 8-й сов. армии и **сокрушающего удара по восточной группе красных**, полагаю необходимым приступить к выполнению этой операции безотлагательно и совместно с корпусом Шкуро, а потому прошу уведомить о Вашем решении», 10-9-1919, Нр. 0427/К. Миллерово. Сидорин.»

В тот же день Сидорин послал начальнику штаба Деникина такую дополнительную телеграмму:

«Прошу обратить внимание на оперативную сводку ШтармДон к 24 часам 10-го сего сентября за Нр. 6349. Упорство наступления 9-й красной армии на Хопре с одной стороны и упорство обороны остатков 8-й армии (в) Лискинско-Калачевском (районе) с другой, при наступлении против которой части 3 и 4 Донских корпусов понесли тяжелые потери особенно в командном составе, подтверждают мои соображения в телеграммах на имя Главкома Нр. Нр. 0423/К и 0427/К относительно направления Корпуса Шкуро. Миллерово. 10 сент. Нр. 0428/К. Командарм Дон ген.-лейт. Сидорин».

10-го сентября Командующий Донской армией приказал: 1) разбить Калачовско-Павловскую группу красных и тем открыть фронт на Таловую, 2) уничтожить Лискинскую группу с обходом ее с севера.

3-й Донской корпус упорными боями продвигался к Лискам с юга, вдоль жел. дор. Евстратовка-Лиски и с юго-запада, вдоль жел. дороги Валуйки-Лиски; 2-й Корпус продолжал вести упорные бои между Доном и Хопром: 11-го сентября к юго-западу от ст. Усть-Бузулукской донцы уничтожили полностью 41 и 42 полки красных, взяв 2500 пленных и 2 орудия.

Тогда для спасения положения в этом районе и с целью осуществления директивы красного главкома о скорейшем выходе 9-й армии на р. Дон, командующий 9-й и 10-й советскими армиями Шорин выдвинул конный корпус Буденного на стык 8-й и 9-й армий.

Снова наступил один из решительных моментов борьбы. Донская казачья армия была измотана беспрерывными боями. Корпус же Буденного более двух недель не принимал никакого участия в боях.

12 сентября начальник Штаба Донармии в телеграмме на имя начальника Штаба Деникина сделал следующую оценку создавшегося тогда на фронте положения:

«Боями 10 и 11 сентября установлено присутствие 6-й и 4-й дивизий конного корпуса Буденного на Новохоперско-Калачевском направлении. Овладев 10-го сентября гор. Калачем, Буденный после боя 11 сентября, оттеснив конную группу ген. Савельева с большими для нее потерями в районе к юго-востоку от ст.

Криуша, имея видимо задачей совместно с группой из 23 и 22 дивизий красных, действующих от низовьев р. Хопра на станицу Вешенскую. захватить в клещи доблестно дерущийся 2-й Корпус и, отбросив его за р. Дон, ударить по нашим глубоким тылам.

Предположено, отбросив красных в низовьях Хопра, всю конницу 2-го Корпуса, совместно с группой ген. Савельева, обратить против Буденного, но это может оказаться недостаточным, особенно если затянется ликвидация Лискинской группы противника. Последняя задача выполняется главным образом корпусом Мамонтова, но расчеты на него должны быть осторожные, так как **в последних боях у гор. Коротояка Корпус потерял до одной трети боевых сил,** особенно велики потери в командном составе.

При успехе нашей конницы с севера на направление Бобров-Таловая-Калач представляется благоприятный случай не только совершенно вывести из строя остатки 8-й армии, но и прикончить с главной группой Приволжского фронта — Буденным, переброшенным с Саратовского направления на Воронежское; при неудаче надо ожидать весьма серьезного осложнения на фронте Донармии. Между тем по сведениям Командарм Дон, находящийся сейчас в районе Лиски ген. Шкуро направлен на Касторную (схема 7).

Командарм Дон признал (необходимым) изложенное донести и вновь просить Главкома об изменении направления ген. Шкуро (Кубано-Терский конный корпус, примеч. редакции) для совместного действия с Мамонтовым.

Миллерово. 12 сент. 17 час. Нр. 0429/К. За наштарм Дон полк. Кислов».

В тот же день нач. Штаба вооруженных сил Юга ген. Романовский сделал следующие телеграфные указания командующему Добровольческой армией ген. Май-Маевскому:

«Харьков. Командарм Добровольческой, копия Командарм Донской.

На Нр. 0427. Мне обстановка представляется в следующем виде: Вами разбита 13-я армия и дорога на Орел открыта. 8-я армия и часть 13-й отошли на северо-восток за Дон и усилили там группу Шорина,

ведущую активную операцию против Кавказской и Донской армий. Красные употребят очевидно все усилия к удержанию Лискинского узла, владение которым дает им устойчивость и маневренную свободу. Таким образом успех под Лисками и возможность Донцам развить операцию на восток и северо-восток являются лучшим обеспечением нашего правого фланга, почему действия 3-го (Кубано-Терского) конного корпуса должны главным образом сводиться к помощи Донцам в Лискинской операции, то есть, если ген. Шкуро не вышел из боя, то продолжать начатую операцию, если вышел, то ударить по флангу и тылу Лискинской группы в зависимости от обстановки где-либо между Лисками и Воронежом... Нр. 013517. Ген. Романовский».

На р. Дон создалось положение, при котором невозможно было медлить ни одного дня. Поэтому ген. Сидорин того же 12 сентября **приказал:** 1-му Донскому корпусу, занимавшему фронт по р. Дону от устья р. Иловли вверх до устья р. Хопра, оставив самое жидкое наблюдение за р. Доном между Иловлей и ст. Клецкой, **форсировать Дон между устьями Медведицы и Хопра**, содействуя тем 2-му Корпусу по разгрому противника, действующего в низовьях Хопра; 2-му Корпусу **закончить в кратчайший срок разгром левофланговой группы 9-й армии в низовьях Хопра, перебросить свою конную группу на левый фланг Корпуса и совместно с конной группой ген. Савельева разбить конный корпус Буденного»...** (курсив редакции).

Однако, 2-й Донской корпус не смог осуществить этих заданий, так как 14 сентября конный корпус Буденного разбил измотанную беспрерывными боями конную группу ген. Савельева, и потому в тот же день Командир 2-го Дон. корпуса ген. Коновалов приказал отвести конницу за р. Дон, оставив за собой плацдарм на левом берегу Дона между станицами Вешенской и Казанской.

Только после этого 9-я сов. армия заняла фронт по р. Дону от г. Павловска до Усть-Медведицкой станицы (схема 7).

Согласно большевицким данным в это время 9-я сов. армия насчитывала в своем составе 18630 шты-

ков, 2766 сабель при 165 орудиях, имея против себя части Донской армии в количстве 14400 штыков, 13000 сабель при 141 орудии (Какурин. Как сражалась революция, т. 2-й, стр. 311). Надо сказать, что эти данные значительно отличаются от данных Дон. штаба.

Этим закончилось генеральное полуторамесячное русско-казачье сражение. Исполняя полученные директивы, 9-я сов. армия начала готовиться к переправе через р. Дон с целью нанесения удара на гор. Богучар.

БЕЛОЕ КОМАНДОВАНИЕ И ДОНСКАЯ АРМИЯ

Для характеристики отношения белого командования к работе Донской армии за рассмотренный выше полуторамесячный период генеральных боев и ради более об'ективной оценки создавшегося на фронте положения к концу генерального сражения, т. е. к половине сентября 1919 г., остановимся на части телеграфной переписки между ген. Деникиным и ген. Сидориным.

19 сентября Деникин послал ген. Сидорину следующую телеграмму:

«Миллерово. Командар Дон. Операции Донской армии, за последнее время отошедшей по всему фронту без достаточных оснований за Дон, отличаются исключительной пассивностью. Не вижу работы и 4-го Корпуса, по Вашим донесениям имеющего в своих рядах до 10-ти тысяч штыков и шашек. Все предположения основываются на Корпусе Шкуро, который уже сделал большую работу, захватив Воронеж. Требую от войск Донской армии самых энергичных действий и скорейшего освобождения ген. Шкуро для использования успехов Добрармии в движении на север.

Таганрог. 19 сентября 1919 г. Нр. 013148. Деникин».

На другой день ген. Деникин обратился к ген. Сидорину с такой телеграммой:

«Миллерово. Командарм Дон.

Директивами моими номера 012078 и 013116, как главная задача Донской армии поставлено овладение

Лискинским узлом, имеющим исключительно важное значение, как для развития дальнейшей операции на Балашов-Ртищево, так и для движения Добрармии на север. Только в виду Ваших настойчивых донесений о недостаточности Ваших сил для выполнения этой задачи, мною был передан в Ваше временное подчинение 3-й Конный (Кубано-Терский, прим. редакции) корпус, столь необходимый для развития операции на север. Между тем из всех последних донесений я вижу, что Вами ничего не делается для выполнения моей директивы: части, ранее сосредоточенные в районе Лиски, рассосредотачиваются под влиянием одних угроз, генерал Мамонтов, вместо выполнения поставленной задачи, **гуляет по пустым местам,** уклоняясь от столкновения с той группой противника, которая должна явиться первым об'ектом его действий, **остальные части стоят пассивные** и вся задача возложена на ген. Шкуро.

Категорически требую исполнения моей директивы, для чего сосредоточить все возможные силы и средства для ликвидации Лискинской группы, направления ген. Мамонтова для исполнения той же задачи и перехода к активным действиям на всем фронте армии, дабы не дать возможности и противнику сосредоточить все к угрожающему пункту.

Таганрог. 20 сент. 1919 г. Нр. 013166. Деникин».

21-го сентября Командующий Донской армией ответил Деникину:

«**Донская армия не заслужила той обидной оценки ее деятельности, которая сделана в телеграммах Ваших** за номерами 013148, 013152 и 013166. Первоначальный отход с фронта Новохоперск-Балашов, как Вам известно, был вызван быстрым отходом Кавказской армии к Царицыну. С начала его Донармия была поставлена в трудное положение, так как главный удар армий Южного фронта красных был направлен на нее. Все время активно обороняясь с непрестанными боями, я все же, во имя интересов всего нашего фронта, нашел возможным выделить свой лучший Конный Корпус **для рейда в глубокий тыл красных.** Громадное значение (его) оценено даже противником. Уничтожение его баз в Тамбове, Козлове, Ельце, разрушение важ-

нейших железнодорожных узлов облегчило в сильной мере продвижение правого фланга Добрармии. Роспуском 100 тысяч пленных и мобилизованных он не только ослабил вдвойне фронт красных, но создал благоприятную политическую обстановку для дальнейшего продвижения наших армий к центру России. Борьба 2-го Корпуса против всей 9-й армии также не носит и признака пассивности. Только постоянным маневром удалось ему в сильной мере расстроить 9-ю армию красных. Уже одно количество пленных, взятых этим Корпусом, — за последние три недели 17 тысяч, т. е. в два раза больше, чем число своих бойцов, наглядно указывает на активную борьбу Корпуса. Отход за Дон совершен по моему приказу для перегруппировки с целью начать новую серьезную операцию, а также для того, чтобы дать необходимый отдых измотавшимся до крайних пределов частям 2-го Корпуса.

1-й Корпус, наиболее слабый численно, активно оборонял Дон, разбив три бригады красных, пытавшихся переправиться, и в настоящее время успешно форсирует Дон для дальнейшего наступления согласно моей директиве 0440/К от 17 сентября.

3-й Корпус, тоже действуя активно, натолкнулся на сильное сопротивление в районе Лисок, понеся большие потери при попытках форсировать Дон, вынужден был остановиться до окончания перегруппировки.

Таким образом по всему фронту Донармии активные действия не прекращались ни на одну минуту, о чем свидетельствуют и взятые за время с 25-го августа по 20-е сентября трофеи в количестве 24 орудий, 162 пулеметов и 25 тысяч пленных.

Медленное продвижение вперед, и в частности, временный отход 2-го Корпуса вызывается не отсутствием активности, а большим превосходством сил противника (русских братьев генерала Деникина. Ред.), который все время не ослабляет, а увеличивает свои силы, так, например, за выше указанный период документально и пленными точно установлено участие в боях против Донармии новых дивизий — 56-й, 22-й, 5-й, 47-й, Конного корпуса Буденного, и, предположительно, 20-й. Кроме такого значительного превосходства сил противника, прошу принять во внимание

при оценке боевой работы Донармии и те тяжелые условия, в которых она находится, а именно: отсутствие в районе железных дорог, без которых для всякой перегруппировки требуется срок не менее 7–10 дней; до крайности затрудненный благодаря той же причине подвоз всего снабжения; полное отсутствие технических средств, которыми армия совершенно не снабжается; недостаток боевых припасов, которые начали поступать только в последнее время; громадный недостаток офицерского состава, в пополнении которого Вами отказано.

Однако, несмотря на все эти условия, Донская армия не падает духом и продолжает с полным напряжением борьбу, а Донское казачество попрежнему несет на себе тяготу гораздо большую, чем все остальные части России, становясь почти все под ружье.

О всем изложенном считаю долгом донести и доложить, что если Ваши телеграммы касаются не Донской армии, а ее Командующего, то я во всякий момент готов передать командование лицу более достойному по выбору Вашему и Донского Атамана.

Миллерово. 21 сент., 14 часов. Нр. 0453/К. Сидорин».

Разве здесь нужны какие-либо пояснения, чтобы понять, насколько несправедливы, как глубоко обидны для Донского Войска были обвинения, брошенные ему Деникиным. Даже сторонник того же Деникина, генерал Сидорин, принужден был протестовать.

Видно Деникин глубоко задел командующего Донской армией, так как в тот же день ночью ген. Сидорин послал Деникину дополнительную телеграмму:

«Главкому. Секретно. Оперативная. Нр. 013386.

В своих донесениях за номерами 0458 и 0453/К я докладывал Вам, что обстановка на фронте армии побудила меня для выполнения поставленной Вами задачи произвести перегруппировку и атаковать Лискинскую группу не в лоб, как это уже дважды делалось, а в другом направлении. Докладывал Вам также, что в этих атаках части понесли большие потери. В группе генерала Гусельщикова выбыл весь старший командный состав во главе с самим Гусельщиковым и его командирами бригад, начальниками штабов и несколь-

кими командирами полков. При таких условиях вновь заставлять войска форсировать Дон там же, где они уже дважды потерпели кровавую неудачу, считаю бесполезным и вредным.

Кроме того, считаю себя вправе в выборе способов выполнения задач применять тот, который наиболее соответствует обстановке, в деталях известных мне, как ближнему, более, чем Вам. В этом я не видел неповиновния и иначе поступить не мог. В настоящее время еще раз ходатайствую не отменять моей директивы и не производить новой перегруппировки в смысле подтягивания в район Коротояка-Лиски сил, уже сосредоточенных в районе Богучар-Павловск, и особенно сейчас, когда определилась группировка 14, 25 и 56-й дивизий красных на участке Казанская-Богучар. Это займет не менее 5-ти дней и приведет к срыву всей операции. С корпусом Мамонтова у меня нет постоянной связи, **так как нет ни радиостанций, ни летательных аппаратов, о присылке которых я много раз ходатайствовал.** Основная же задача ему поставлена — содействовать овладению Лискинским узлом.

В заключение с сознанием честно исполненного долга прошу Вашего разрешения передать командование лицу по Вашему выбору для того, чтобы не подвергать Донскую армию незаслуженным ею обидам.

21 сентября 1919 г., 23 часа 35 минут. Нр. 0452/К. Сидорин».

Как мы знаем из предыдущего изложения, в августе и первой половине сентября 1919 г. Донская и Кавказская армия и 3-й Кубано-Терский конный корпус приняли на себя планомерно подготовленные и настойчиво проведенные удары красных войск ген. Селивачева и Шорина, насчитывавших вместе около 94 тысяч бойцов при 2487 пулеметах и 491 орудии (см. выше: «Казаки между двух огней»).

Неся огромные потери, казачьи армии не только остановили бешенный натиск части 13-й сов. армии, всей 8-й, 9-й, 10-й и 11-й армий, но могучими ударами настолько сильно потрепали великорусские войска, что последние не были в состоянии осуществить поставленные им широкие задания. Натиск красных войск

снова разбился о казачью грудь, хотя и очень дорогою ценою были достигнуты эти победы.

Несмотря на это, Деникин нашел возможным, уместным и оправданным бросать Донской армии настолько тяжелые и несправедливые обвинения, что даже единомышленник Деникина, генерал Сидорин, принужден был протестовать против такой клеветы на доблестную Казачью армию.

Можно предположить, что Деникин сам понимал всю необоснованность брошенных им обвинений. 23 сентября он послал генералу Сидорину такую телеграмму:

«Только Командарм Дон.

0452, 0435, 0454. Мои телеграммы не имели в виду тот период деятельности Донармии, который Вы указываете и который отмечен несомненными успехами, а исключительно период, когда появление корпуса пресловутого Буденного вызвало отход всего 2-го Корпуса за Дон. Оттягивание значительных сил из под Лисок на 100 верст к югу в район Богучара и движение Корпуса генерала Мамонтова не для охвата Лискинской группы, а опять в глубокий тыл для операции быть может способствующей, но не непосредственно решающий. Достаточно имею опыта в командовании, чтобы не вмешиваться в сферу деятельности моих подчиненных, но вместе с тем я привык требовать, чтобы намеченная общая операция исполнялась. Я никогда от Вас не требовал лобовой атаки и нисколько не одобрял приведшие к ней движения Мамонтова правым берегом Дона. Для обходной же операции не требуется уходить за четыре перехода в сторону. Что касается передачи командования, то если бы это я имел в виду, то сообщил бы Вам. Операцию, намеченную Вами, ввиду законченного сосредоточения разрешаю продолжать, имея все же целью захват Лискинского узла.

Севастополь. 23 сентября 1919 г., 19 часов. Нр. 251. Деникин».

(Отметим кстати, что в ночь под 23 сентября славные Донцы взяли уже так долго неприступную станцию Лиски, так что Деникин, впустую выдвигал тре-

бование — «имея все же целью захват Лискинского узла»).

На свою гибель связалось Казачество с русским белым движением. Красная Россия по своей доброй воле наступала на Казачьи Земли, а белые русские помещики, генералы и «политики» звали казаков «спасать Россию».

Мы ищем исторической правды и об'ективного освещения прошлых грозных событий, приведших Казачество к тому состоянию, в котором оно теперь находится. Мы далеки от того, чтобы бросать пустые фразы, ни на чем необоснованные обвинения или чтобы заниматься общими, не основанными на фактах, утверждениями. Тем более мы не желаем даже по адресу нашего северного соседа, столько зла причинившего казакам, бросать огульные обвинения в желании захватить чужое, ограбить Казачество и т. д.

Что говорят сами русские люди, что говорят факты? Русский по убеждениям и политическим взглядам ген. Сидорин в официальной телеграмме на имя русского же ген. Деникина 21 сентября 1919 г. категорически утверждал, что ген. Мамонтов во время бессмертного рейда 4-го Донского корпуса по тылам красных армий **распустил сто тысяч русских пленных и мобилизованных.**

Против кого собирались идти **войною эти сто тысяч здоровых, способных носить оружие русских людей?** Ясно против кого — **против казаков.**

Далее. В той же официальной телеграмме ген. Сидорин, как командующий Донской армией, утверждал, что **только за время с 25 августа по 20 сентября 1919 г. Донская армия взяла 25 тысяч пленных.**

Из людей какой народности составлялись эти 25 тысяч, пришедших с огнем и мечем в Донскую Землю? Ответ один и ответ ясный — эти 25 тысяч принадлежали, почти исключительно, к великорусскому народу.

Обратимся еще к одному русскому источнику. Ген. Врангель категорически утверждает, что в боях под Царицыном 23-27 августа 1919 г. Кавказская армия взяла только пленных 18 тысяч человек, да в боях той же армии на Черноярском направлении, с 1-го по 10-е

сентября того же года, было взято казаками еще 3000 человек пленных. Значит, с 23 августа по 10 сентября, Кавказская (Кубанская) армия взяла 21 тысячу пленных.

Ни в телеграммах ген. Деникина на имя командующих Донской и Кавказской армиями, ни в написанных ген. Деникиным уже за границей «Очерках Русской Смуты» мы не находим и намека на опровержение справедливости этих утверждений генералов Сидорина и Врангеля, командовавших казачьими армиями. А из этих официальных утверждений выходит, что только за время с 23 августа по 20 сентября 1919 г. две казачьих армии взяли в плен свыше 45 тысяч бойцов, составлявших красные армии.

Припомним здесь же, что, на основании официальных сводок, 3-й Кубано-Терский конный корпус, сыгравший главную роль в ликвидации прорыва группы красных войск под командованием ген. Селивачева в августе-сентябре того же года, взял в этой операции не менее 5-ти тысяч пленных.

Таким образом, за время генерального русско-казачьего сражения в августе-сентябре 1919 г. Донская и Кавказская армии и Кубано-Терский корпус взяли только в плен свыше 50-ти тысяч великорусских солдат, шедших завоевывать Казачьи Земли. А сколько еще было убитых и раненых в жестоких и упорных боях; а сколько еще осталось солдат в красных 8-й, 9-й 10-й и 11-й армиях, направивших штыки в доблестную казачью грудь, не желавшую брать чужое, но храбро защищавшую свое, родное...

Сто тысяч русских распустил Мамонтов, 50 тысяч казаки взяли в плен, и далеко больше 50-ти тысяч еще оставалось в перечисленных советских армиях...

И после всего этого находятся люди, которые осмеливаются утверждать, что Россия не воевала против Казачества! И после этого Деникин осмеливался бросать упреки славной, истекающей кровью в борьбе с захватчиками, доблестной Донской армии, состоявшей из казаков 28 призывных возрастов...

Красные полчища уничтожали казаков, кровавыми лаптями и сапогами топтали Казачьи Земли и Казачьи Права, издевались над седовласыми казаками, над жен-

щинами и над малолетними детьми, а белый генерал бросал казакам еще и обвинения...

И это делал Деникин в то время, когда Донская армия, быстро произведя перегруппировку по указаниям своего командования, снова перешла в общее наступление.

Из глубокого тыла, из города Севастополя 23 сентября Деникин посылал Донской армии свою спесивую телеграмму — «я привык требовать»... «что касается передачи командования, то если бы это я имел в виду, то сообщил бы Вам» и т. д. А в ночь под этот день Донская армия взяла узловую станцию Лиски... И, снова неся огромные потери, гнала со своей Земли красные армии...

КАК БОЛЬШЕВИКИ ОБ'ЯСНЯЮТ ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ НАСТУПЛЕНИЯ СЕЛИВАЧЕВА И ШОРИНА

В течение всего июля 1919 г. красное командование планомерно и энергично работало над подготовкой решительного удара по Казачьим армиям двумя сильными группами своих войск — Шорина и Селивачева.

Начавшееся в первых числах августа на огромном фронте генеральное сражение закончилось около половины сентября полным поражением 8-й и 10-й армий и решительной приостановки дальнейшего продвижения 9-й сов. армии на среднем течении реки Дона и 11-й сов. армии на нижней Волге.

Самые решительные и строгие приказы командующего Южным красным фронтом Егорьева и Главнокомандующего советскими армиями Каменева не могли уже двинуть вперед красные войска. Бывший командующий сначала 10-й, потом 14-й сов. армиями, а с конца сентября 1919 г. и Южным фронтом, генер. штаба плоковник А. И. Егоров, говорит: «Действия войск Южного фронта развернулись в соответствии с планом главного командования, разработанным в полном контакте с командюжем; **действия эти закончились, как мы видели, катастрофической неудачей...** План ни в какой мере не отвечал реальной обстанов-

ке на Южном фронте ни в политическом, ни в географическом, ни в стратегическом отношениях»... (Разгром Деникина, стр. 129).

Разбираясь более подробно в причинах этой катастрофической неудачи, А. Егоров говорит:

...«Донская область должна быть отнесена к числу тех территорий, а Донская армия — к числу тех армий, кои **сильны своими оборонительными свойствами.** Нам кажется неоспоримой, — и мы это подчеркивали в своем труде не раз, — полная безнадежность требовать от Донской армии наступления, ибо эта армия **не имела по существу ни импульса, ни желания выходить за пределы своей области, но зато была весьма активна в обороне.** И вместо того, чтобы оставить против нее слабые заслоны (с некоторой поправкой на Кубанские части, оперировавшие вдоль Волги) и сосредоточить максимум своих сил на центральном участке против Добровольческой армии, мы располагаем сильнейшую группировку сил своих против Донской армии (ставя этой группировке наступательные задачи), а слабейшую — против добровольцев. За это мы жесточайшим образом и платимся» (там же, стр. 222)...

...«Озлобленность Донского казачества против советской власти и красных армий, что не могло явиться секретом для командования красной стороны, заранее предрешала труднейшие условия действий войск. В действительности **борьба в той части Донской области, которая оказалась занятой 9-й армией, приняла ожесточенный характер,** о чем красноречиво свидетельствуют донесения штаба Юго-восточного фронта. **В борьбе принимали участие иногда даже женщины и дети; обозы и тыл подвергались постоянным нападениям; положение красных в Донской области было вполне аналогично нахождению во вражеской, неприятельской стране; чем дальше шло продвижение, тем озлобленность и отпор вызывало оно со стороны Казачества. Мы действительно грудью шли на Дон, увеличивая с каждым шагом казачий барьер перед собой»...** (там же, стр. 130; курсив редакции «В. К.»).

К таким выводам приходит Егоров после подробного и обстоятельного изучения прошлой русско-ка-

зачьей войны и эти выводы публикует в 1931 г. в Москве.

Бывший военный министр советской России, Л. Троцкий, в сентябре 1919 г. писал следующее:

...«Априорно выработанный план на Южном фронте оказался безусловно ложным. Неудачи на Южном фронте об'ясняются в первую очередь ложностью основного плана.

1. В основе плана лежало отождествление Деникинской белогвардейской опасности с Донским и Кубанским казачеством. Это отождествление имело больший или меньший смысл, пока центром Деникина был Екатеринодар, а пределом его успехов — восточная граница Донецкого бассейна. Чем дальше, тем больше отождествление становилось неверным. Задачи Деникина — наступательные, задачи Донского и Кубанского казачества — оборонительные в пределах их областей. С продвижением Деникина в Донецкий район и на Украину элементарные соображения подсказывали необходимость отрезать его выдвинувшиеся на запад силы от их первоначальной базы — от казачества (выше мы, на основании неопровержимых документов и общеизвестных фактов, наглядно показали, что и на Украине Деникин воевал **казачьими силами;** см. выше: «Борьба на Левобережной Украине», «Борьба за обладание Днепром» и схемы 8-ю и 9-ю, Редакция «В. К.»). Удар на Харьков-Таганрог или Харьков-Бердянск представлял собою наиболее короткое направление по территории, населенной не казачеством, а рабочими и крестьянами, и обещал наибольший успех с наименьшей затратой сил...

...4. Для проверки оперативного плана не лишне посмотреть на его результаты. Южный фронт получил такие силы, **какие никогда не имел ни один из фронтов: к моменту наступления на южном фронте имелось не менее 180.000 штыков и сабель, соответственное количество орудий и пулеметов.** В рзультате полуторамесячных боев мы имеем **жалкое топтание на месте в восточной половине фронта и тяжкое отступление, гибель частей, расстройство организации в западной половине...**

...7 Причины этой неудачи необходимо искать

целиком в оперативном плане. Мы пошли по линии наибольшего сопротивления, т. е. части средней устойчивости направили по местности, населенной сплошь казачеством, которое не наступает, а обороняет свои станицы и очаги, атмосфера «народной Донской» войны оказывает расслабляющее влияние на наши части...

8. В той области, где меньшие силы с нашей стороны могли дать несравненно большие результаты на Донце и на Украине, мы предоставили Деникину полную свободу действий и, таким образом, дали ему возможность приобрести колоссальный резервуар новых формирований.

9. Таким образом, в то время, как мы напирали грудью на Дон, увеличивая казачий барьер перед собой, Деникин почти без помехи занимается на всей территории новыми, особенно кавалерийскими формированиями.

10. Ошибочность плана сейчас настолько очевидна, что возникает вопрос: как вообще этот план мог возникнуть... (Л. Троцкий. Как вооружалась революция, т. 2-й, книга 1-я, стр. 301-303. Курсив наш., редакция «В. К.»).

Когда много лет спустя после описываемых событий Л. Троцкого выбросили за границу его же товарищи, бывший военный министр советской России и председатель Военного совета Республики в 1930 г. издал в Берлине свой большой труд «Моя жизнь». Во 2-м томе этой работы находим такое место:

...«Главное место в гражданской войне занял Южный фронт. Силы врага состояли **из двух самостоятельных частей: казачества, особенно Кубанского и Добровольческой белой армии, набранной со всей страны.**

Казачество хотело отстоять свои границы от натиска рабочих и крестьян. Добровольческая же армия хотела взять Москву. Эти две линии сливались лишь до тех пор, пока добровольцы составляли на Северном Кавказе общий фронт с Кубанцами. Но вывести Кубанцев из Кубани представляло для Деникина трудную, вернее сказать, непосильную задачу... Кубань была главной базой добровольцев. Ставка решила поэтому решающий удар нанести по этой базе с Волги.

Пусть Деникин зарывается и тянется головою к Москве. Мы тем временем за его спиною **разметаем его Кубанскую базу.** Деникин повиснет в воздухе, и мы возьмем его голыми руками. Такова была общая стратегическая схема.

Если бы дело шло не о гражданской войне, она была бы правильной. По отношению же к реальному Южному фронту она оказалась чисто академической и сильно помогла врагу. Если Деникин **не мог поднять казачество на далекий поход против севера,** то, ударив по казачьим гнездам с Юга, мы помогли Деникину. Отныне казаки не могли защищаться только **на своей собственной земле.** Мы сами связывали их судьбу с судьбой Добровольческой армии (стр. 187).

Несмотря на тщательную подготовку нами операций и сосредоточение значительных сил и материальных средств, **мы не имели успеха. В тылу Деникина казаки образовали могучий оплот. Они вросли в свою землю, держались за нее зубами и когтями. Наше наступление поставило на ноги все казацкое население. Мы тратили силы и время и толкали в состав белой армии всех способных носить оружие.** Деникин тем временем разлился по Украине, пополнил свои ряды, двинулся на север, взял Курск, взял Орел и угрожал Туле»... (там же, стр. 188).

Так большевицкие политические и военные вожди об'ясняют основные причины неудачи наступления красных армий, входивших в состав ударных групп ген. Селивачева и Шорина.

Казаки Юго-Востока об'единенными усилиями, в течение зимы и весны 1919 г., не только отбили нападение целых четырех красных армий в Донецком бассейне и на р. Маныче, но и выбросили остатки потрепанных сов. армий за пределы Казачьих Земель. После этого красное командование и Московское правительство целых полтора месяца собирали силы и средства для нового и решительного удара по Казачьим армиям и Землям. Но в упорнейших августовских и сентябрьских боях казаки разрушили хорошо задуманный и тщательно подготовленный план нового и окончательного завоевания Казачьей территории...

Потерпев катастрофическую неудачу, как говорит Егоров, вожди красной России искали нового решения поставленной ими на Юге задачи.

ДОБРАРМИЯ ГУБИЛА ГЕРОИЧЕСКИЕ УСИЛИЯ И ВЕЛИКИЕ ЖЕРТВЫ КАЗАЧЕСТВА

Сделанный нами выше обзор боевых действий, происходивших с половины июня до половины сентября 1919 г., со всею очевидностью говорит о том, что для отражения натиска красных армий на Казачьи Земли Донскому, Кубанскому и Терскому Казачеству пришлось напрягать все свои силы, всю свою энергию.

Хотя красные и не смогли разгромить Казачьи армии в августовских и сентябрьских боях, хотя их командование и не сумело достичь поставленной им цели — уничтожения Казачьих армий, все же к половине сентября 1919 г. красные удержали в своих руках северные берега Каспийского моря, нижнее течение р. Волги от этого моря через гор. Царицын до Дубовки, и далее — весь левый берег р. Дона, от устья р. Иловли до района г. Воронежа. Вследствие этого опасность нового завоевания грозила Казачьим Землям в виде целых четырех советских армий: 11-й на нижней Волге, 10-й от Волги до р. Хопра, 9-й от устьев Хопра до района гор. Павловска и 8-й от г. Павловска к самому г. Воронежу...

К этому времени русско-казачья война достигла наивысшей степени напряжения. По обеим сторонам фронта прекрасно понимали, что наступают решающие события, которые должны окончательно развязать в ту или иную сторону, так затянувшуюся кровавую бойню. Для всех разумных людей было понятно то роковое обстоятельство, что «голодный север шел войной на сытый юг, и юг отстаивал цепко, с огромным напряжением свое благополучие» (слова ген. А. Деникина: «Очерки рус. смуты», т. 5-й, стр. 128).

Этим Югом являлось Казачество и Украина. Они должны были организовать свою активную самозащиту

от наступающего Севера — России, несущей порабощение, ограбление и кровь.

К глубокому сожалению, Казачество и Украина не сделали этого так, как того требовали неумолимые реальные условия борьбы. Вместо того, чтобы взять исключительно в свои руки руководство всей кровавой, ужасающей борьбой, Казачество в значительной степени пошло на поводу у «белой» России. Представители этой последней пробовали прибрать к своим рукам все управление в освобожденных землях и руководство всеми сторонами жизни населения на обширных равнинах от среднего течения р. Днепра и от р. Днестра к р. Волге и к Каспийскому морю.

Часть руководителей казачьей жизни, как известно, весьма активно поддерживала стремление «белых» русских укрепить свою власть над Казачеством, а казачьи самостийники уже в то время вели борьбу против осуществления подобных желаний «русских вождей».

Кто же из казачьих политиков был прав, те ли, которые тянули казаков за руководителями «белого» русского движения, или же те, которые защищали казачью государственную самостоятельность? Чтобы можно было об'ективно ответить на поставленный вопрос, посмотрим, что фактически принесло с собой установление «белой» власти на освобожденных от советской власти землях.

Нужно сказать, что лево-социалистическая часть русской антибольшевицкой общественности не признавала власти Деникина-Колчака, считая эту власть антинародной и контр - революционной. Представители этого политического направления вели соответствующую работу, как в Сибири, так и на Юге, а также и за границей. Если обратимся к печатным изданиям этой части русской общественности того времени — к газетам, журналам, прокламациям, воззваниям и т. д., найдем там полное осуждение реставрационных стремлений русских «белых» правительств. Лозунгом этого течения было: «Ни Колчак, ни Ленин!»

Всю ответственность за политику «белого» движения несут, как известно, все русские, начиная от «цен-

тральных» и «правых» социалистов и кончая самыми правыми монархистами.

В дальнейшем при изложении ответа на выше поставленный вопрос — какое из казачьих политических течений, самостийницкое или русское, заслуживают одобрения и поддержки со стороны Казачества и какое подлежит полному осуждению, мы обратимся к русским источникам. Пусть сами русские люди скажут, что принесла их власть тому населению, которым они пробовали управлять.

По этому вопросу за 15 лет, истекших после описываемых событий, появилась богатейшая литература, как в СССР, так и за границей. Однако, ни наши задания, ни размеры нашей работы не позволяют нам подробно останавливаться на разборе этих ценных материалов, дающих полную картину всего того, что за спинами казаков творилось в Добрармии и в местах, находившихся под управлением ген. Деникина и его «Особого Совещания». Ограничимся сообщениями, во первых, проф. К. Соколова, который, как известно, был ближайшим советником и вдохновителем ген. Деникина, был членом «Особого Совещания», членом чрезвычайной Миссии заграницу летом 1919 г., был главным руководителем Отдела Осведомления и Пропаганды; во вторых, сообщениями быв. председателя «Особого Совещания» — ген. А. С. Лукомского.

Возвратившись из заграничной командировки в августе 1919 г. и ознакомившись с положением дел в Добрармии, проф. К. Н. Соколов сделал следующую характеристику управления:

...«Вниматлеьно прочитав обширную информацию Отдела Пропаганды, переговорив со своими сотрудниками и повидавшись с разными общественными и политическими деятелями, я убедился, что в областях, находящихся под управлением Главнокомандующего, неблагополучно. «Хорошего управления», которое могло бы завоевать симпатии населения к национальной диктатуре, нет, да, пожалуй, нет и вовсе никакого управления. «Провинция» оторвана от центра. Интеллигенция недоверчива, рабочие угрюмо враждебны, крестьяне подозрительны. Население попрежнему не дается в руки власти и реагирует на ее административ-

ные опыты более или менее бурными движениями. Вместо земельной политики — бесконечные аграрные разговоры. Центральные ведомства работают вяло и явно не справляются с чудовищно огромными задачами, выдвигаемыми жизнью. Всякое общее политическое руководство отсутствует. Особое Совещание барахтается в безвоздушном пространстве, ни на кого не опираясь и нигде не встречая настоящей поддержки... Пока же правительство не имеет ни физиономии, ни программы. На политической авансцене, в тесно ограниченном пространстве все те же три «общественные» организации, как будто, еще ведут такую борьбу. Но это только фасад. А затем политическая жизнь выражается в непрекращающейся свалке мелких групп, подгрупп, кружков, центров и союзов, которые интригуют, «подсаживают», доносят, клевещут, кого то «валят» и, больше всего, болтают и сплетничают»... (К. Н. Соколов: Правление ген. Деникина. София. 1921. стр. 162).

Далее проф. Соколов говорит, что фактически был «политический паралич власти» (там же, 164), что «благодаря сохранявшемуся по-прежнему «равновесию» политических течений и отсутствию властной и направляющей воли, Особое Совещание все больше и больше приобретало характер политического клуба, чему очень способствовала и любезная председательская манера ген. Лукомского... Если Особое Совещание, обросшее разнообразными комиссиями и комитетами, было практически неработоспособно, то такою же вялостью и пухлостью отличались и все наши центральные управления. Готовясь к работе «в государственном масштабе», они постепенно восстанавливали у себя, под теми или иными названиями, многочисленные органы министерств старого режима и расширяли штаты. Кроме желания быть во всеоружии в тот день, когда Добровольческая армия вступит в Москву, — специальная комиссия уже разрабатывала план «административной кампании» в Москве, — здесь играли роль два обстоятельства, свойственные Югу России: сравнительно низкая «производительность» чиновничьего труда и мизерное вознаграждение служищих»... (стр. 178).

...«Было ли у нас при таких условиях на местах «хорошее управление». Было ли управление вообще», спрашивает проф. Соколов. И сам дает такой ответ: «Конечно, нет! Были судорожные, некоординированные движения огромной неорганизованной массы более или менее бедствовавшего чиновного люда. Нет надобности перебирать «специальные» отрасли управления. Они все находились приблизительно в таком же безотрадном состоянии»... (там же, стр. 182).

Об армии проф. К. Соколов говорит следующее: «Наша армия была неизменно плохо снабжена, одета и оплачена... Плохо обстояло дело и с обмундированием. Правда, нам неоднократно сообщали о том, что солдаты торгуют выдаваемым обмундированием и, действительно, несмотря на строжайшие кары, на городских базарах, в станицах и деревнях всегда можно было видеть в изобилии английские форменные вещи. Но все же при отступлении в каждом покидаемом нашими войсками городе противнику оставлялись огромные интендантские запасы, а части отходили полураздетые, и для гражданских служащих никак нельзя было добиться выдачи казенных вещей. Особенно грозным делалось это положение ввиду приближения холодной поры года. К осени уже было ясно, что с наступлением морозов войска будут мерзнуть. В сентябре еще шли разговоры о спешной заготовке теплого платья и, в значительной степени под их влиянием, было решено учреждение Комиссии по Обороне. Но было поздно, слишком поздно. Какой то коренной порок военной администрации и несчастный выбор лиц успели уже сделать свое дело и подготовить элемент грядущей катастрофы»... (стр. 192).

...«В тылу, кто мог, поправлял свои дела подсобными, более или менее «безгрешными» доходами. На фронте делать это было еще проще. «Реалдоб» вошел в правы наших войск еще в то время, когда «реализация военной добычи» была главным, если не единственным, источником средств Добровольческой Армии. Рядом с «реалдобом», закономерным и даже подотчетным, укоренился групповой или индивидуальный «реалдоб», который представлял собою ни что иное, как самый откровенный грабеж. При случае, можно было

«реквизнуть» те или иные соблазнительные вещи, и «бесплатные реквизиции» тоже стали в Армии «бытовым явлением». Сознание безнаказанности разнуздывало зверя, воспитанного часто в очень мирном и благодушном человеке месяцами кровавой войны, а кричащие недостатки снабжения помогали отделываться от последних укоров совести. С этим злом велась порою борьба, то там, то здесь грабители в военной форме подвергались смертной казни, и мы добивались возможности широко оповещать население об этих действиях власти. Но это были, сравнительно, редкие исключения. Правилом было беспрепятственное и систематическое ограбление жителей, в котором принимали участие лица разных рангов и положений. Грабежи озлобляли население, приходившее к выводу, что при добровольцах так же плохо, как и при большевиках, и в то же время довершали процесс разложения армии» (Соколов. Правление Деникина, стр. 193)....

...«Были еще и другие опасные явления в жизни Армии. По мере того, как расширялся наш фронт, войска, и прежде всего войска добровольческие, стали, так сказать, уходить из рук Главного Командования. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что уже осенью 1919 г. ясно чувствовалось то отчуждение между фронтом и Ставкой, которое окончательно вскрылось только после новороссийской катастрфы. Офицеры, роль которых в гражданской войне особенно важна, не могли не задумываться над причинами ошибок и преступлений беспомощной военной администрации. Среди них было не мало прекрасных и чистых юношей, болезненно переживавших режим «самоснабжения» и «бесплатных реквизиций», искавших его «интеллектуальных» виновников и естественно находивших их на верхах нашей иерархии... Негодование Армии на неумение или нежелание Ставки устранить непорядки в области военной администрации долго с жестокою конституционной корректностью сосредоточивалось на сотрудниках Главнокомандующего. Теперь оно подымалось выше. С осени в кругах не только сановного, но и рядового офицерства имя Главнокомандующего начали упоминать с кощунственною непочтительностью. Падению популярности ген. Дееникина, помимо его

скромности и неподвижности, содействовало и политическое расхождение между ним и добровольческим офицерством» (там же, стр. 194-195).

В действительности положение в тылу и в армии было более безотрадно, нежели то, которое изобразил проф. Соколов, несущий весьма большую ответственность за все «дела» русского белого движения и, как правильно и не раз отмечали его коллеги по кадетской партии, стремящийся своей книгой «Правление генерала Деникина» свою вину свалить всецело на иные плечи.

Важно отметить, что этот самый проф. Соколов был одним из главных организаторов военного переворота на Кубани, осуществленного в ноябре 1919 г. Если проф. Соколов не заграницей, а еще там, в тылу Добрармии, в 1919 г., видел все те преступления, о которых он пишет в книге «Правление генерала Деникина», и которые неизбежно вели к катастрофе все движение, то тем более должна быть ужасной его роль в перевороте. Соколов прекрасно знал, что фронт держится казаками, и, тем не менее, этот «вождь» поднял руку против казачьей Кубани, отдавшей все для борьбы. Этот русский профессор помог надеть петлю на шею всей Кубани, на шею Кубанского народного законного представительства, на шею защитника и проводника казачьей политики А. И. Кулабухова (Врангель. Записки, т. 1-й).

Бывший председатель Особого Совещания ген. А. С. Лукомский, с своей стороны говорит: «Части войск, выдвинутые для обеспечения Курска, как магнитом тянулись к северу. Противник серьезного сопротивления не оказывал, и части постепенно продвигались вперед, стараясь скорей приблизиться к Москве. В октябре был занят Орел.

Но, наряду с успехами на фронте, из тыловых районов армии все чаще стали поступать сведения о возрастающем неудовольствии среди крестьян и рабочих.

Неудовольствия и возмущения среди крестьян происходили вследствие участившихся случаев бесплатных реквизиций, грабежей и поддержки войсками помещиков, вымещавших на крестьянах свои потери и убыт-

ки» (А. С. Лукомский. Воспоминания, т. 2-й, стр. 158).

Далее тот же ген. Лукомский повествует: «Полковник, недавно приехавший в Ростов из Острожского уезда, сам крупный помещик, рассказывает, что крестьяне в этом уезде, вооружившиеся против большевиков и имеющие хорошо припрятанными где-то не только винтовки и пулеметы, но даже орудия, теперь готовы пустить все это в ход против Добрармии, доведенные до этого грабежами, чинимыми войсками, а также безудержно разыгравшимися аппетитами помещиков, поощряемых местной администрацией. Оставленным большевиками в тылу наших войск ячейкам для организации восстаний, таким образом, задача донельзя облегчается, а насколько банды в тылу наших войск обещают быть хорошо организованными, может служить доказательством то, что в Острогожском уезде у крестьян в укромных уголках, скрыты отличные верховые лошади с полной конной аммуницией»... «Бывший предводитель дворянства, крупный помещик, пишет из Курска: «У нас в губернии... благодаря администрации, царит полный кавардак, который выльется не сегодня-завтра в махновщину и зеленых. Предела аппетитам помещиков не существует, при этом все это делается чорт знает как».

«Все вышеизложенное побуждает придти к заключению, что без оздоровления администрации и принятия реальных мер против грабительства отдельных представителей армии все успехи Добрармии на фронте будут аннулированы созданием в тылу новых кадров махновцев, зеленоармейцев и прочих банд, пополняемых, главным образом, отчаявшимися во внесении в его жизнь начал права и порядка, так как вера в организацию и силу Добрармии утеряна крестьянством» (там же, стр. 159).

Попав за границу, «русские вожди» хватились за работу перьями, чтобы свою вину свалить на других: проф. Соколов валит на ген. Деникина, а последний тем же платит проф. Соколову. Вот как, например, Деникин пишет о работе Отдела Осведомления и Пропаганды — «Освага», во главе которого стоял проф. Соколов:

...«Но в конечном результате работа отдела пропа-

ганды принесла больше вреда, чем помощи, прежде всего благодаря самому факту всеобщего отрицательного отношения к нему и недоверия ко всему, что носило печать «Освага». Я остановлюсь на важнейших только органических причинах неуспеха этого учреждения. Прежде всего, проповедуя единство России, оно нашло жесточайших врагов в стане национального и областного сепаратизма и среди всех принципиальных противников правительства. Оно встречало противодействие и осуждение не только в аналогичных учреждениях новообразований, но и наших крупных штабах и учреждениях, желавших эмансипироваться от отдела пропаганды и вести свою агитацию, свое осведомление. Та официальная идеология, с которой шли за армией органы пропаганды, вступала иногда в большое противоречие с заявлениями войсковых начальников, вызывая разброд в определениях целей борьбы и недоверие в населении. Практика некоторых войсковых частей, проходивших с карами и местью, не вязалась с проповедью порядка и мира. Эти об'ективные причины, не зависевшие от отдела пропаганды, далеко, однако, не исчерпывали вопрос.

Личный состав отдела часто не удовлетворял минимальным условиям технической подготовки и полезности работы... Остов действующих лиц пропаганды обрастал неимоверным количеством вторых персонажей из ненаходивших другого применения своему труду представителей интеллигенции и бюрократии, бронированных от военной службы молодых людей, дам, и девиц, придававших сумбурный характер всему учреждению. Усилия мои расчистить его встречали упорное сопротивление: штатные должности упразднялись, но выростали нештатные — «секретных сотрудников» (Деникин, т. 4-й, стр. 233).

Не можем не привести здесь характеристику того же «Освага», сделанную русским журналистом Г. Н. Раковским, в свое время близко стоявшим не только к Отделу Пропаганды Добрармии, но и к таким особам, как командующий Кавказской армией ген. Врангель и командующий Донской армией ген. Сидорин. Характеризуя «Осваг», Г. Раковский делает оценку всей политики Добрармии. Он пишет:

...«Борьба с большевиками велась под лозунгом — «Национальное возрождение великой, единой, неделимой России». Этот лозунг был выдвинут руководящими кругами Добровольческой армии, во главе которых находилось Особое Совещание — высший орган гражданского управления при главнокомандующем. Кроме этого лозунга, весьма неопределенного, чуждого широким массам народным, — вся идеология тех, кто противопоставлял себя большевикам, носила чисто отрицательный характер... Говорили: это у большевиков плохо, то никуда не годится, при советском режиме нельзя жить и т. д. Но, взамен этого, не могли указать, а что же, какой именно политический и социальный строй противопоставляется советскому, что же, в сущности, несут с собою вооруженные силы юга России и Добровольческая армия в частности.

Выразителем этой идеологии явился отдел пропаганды Особого Совещания («Осваг»), возглавляемый профессором Соколовым. Бездарно копируя большевицкие способы пропаганды и агитации, расходуя на это колоссальные денежные суммы, создавая огромное количество учреждений с тысячами служащих, массу синекур, — отдел пропаганды, монополизировав бумагу, монополизировал тем самым печать, взял на откуп почти всю южно-русскую журналистику. Этот «осважный» период пропаганды письменной и устной, продолжавшийся в течении всего 1919 года, сыграл роковую роль в общем ходе борьбы с большевиками. Пошлость, бессодержательность, отпечаток какой-то тупой ограниченности, поразительной бездарности носили газеты, листовки, брошюры. Крикливо монополизированный патриотизм, замалчивание истины, самая откровенная подтасовка фактов с агитационной яко-бы целью, близорукость политическая, общественная и военная, курение фимиама властям предержащим, пагубная нетерпимость в отношении всех инакомыслящих — вот отличительные особенности печати, формировавшей общественное и политическое самосознание, вдохновлявшей армию на борьбу с большевиками. Такой же штамп бездарности, казенного патриотизма носила и устная агитация».

«Между руководящими течениями на антисовет-

ских территориях юга России с того момента, когда главную роль стали играть круги, группировавшиеся вокруг ставки и Особого Совещания, началась ожесточенная, нездоровая борьба, раскалывавшая силы, обострявшая взаимную ненависть, ставившая Добровольческую армию, а с ней и казачьи войска, в изолированное положение в отношении других противосоветских сил и государственных образований типа Украины, Грузии и др.. Между теми, кто возглавлял Добровольческую армию, и руководителями Казачества на Дону, Кубани и Тереке, в особенности на Кубани, благодаря непримиримой централистической и, в сущности, антидемократической, бездарной политике Особого Совещания, существовал явный и тайный антагонизм. Члены Особого Совещания, подавляющее большинство чинов Ставки не скрывали своих антипатий к правительствам и представительным учреждениям Дона, Кубани и Терека. Они считали местные государственные образования и вообще децентрализацию временным, пока терпимым злом, местных политических деятелей — жалкими провинциалами. Они твердо верили в то, что лучшие люди, могущие управлять Россией — это они и только они. Эта своеобразная самостийность Добровольческой армии под флагом борьбы с самостийностью казачьих образований насаждалась с каким то фанатическим ослеплением, вызывая среди политических деятелей Дона, Терека и Кубани чувство горечи, разочарования, переходившее временами, в особенности в последний период, нами рассматриваемый, в открытую вражду» (Г. Н. Раковский: В стане белых. Константинополь. 1920, стр. 3-5).

Так Добрармия своей политикой вызывая повсеместную ненависть среди широких кругов населения, подготовляла страшную катастрофу, погубившую героические усилия и великие жертвы Казачества. И те казаки, которые тянули Казачество к Добрармии, большое зло причиняли казакам, так как казачье освободительное движение связывали с обреченным на неминуемую гибель русским «белым» движением. Часть казаков протестовала против такой политики, но эти словесные протесты, конечно, не могли помочь там, где надо было действовать...

БЕЗНАДЕЖНЫЕ ПОПЫТКИ ОБ'ЕДИНЕНИЯ

Мы уже останавливались на обрисовке событий, приведших Доно - Кубано - Терскую конференцию, имевшую целью, по мнению одних, создать «обстановку для безусловного подчинения» Деникину Казачьих Областей, а, по мнению других, — осуществление серьезной попытки организации нового государственного об'единения из уже существовавших в то время государств, возникших на территории бывшей России.

Русская сторона, хотя и имела ясную цель — возрождение неделимой России, но в то же время не имела достаточных военных сил, чтобы просто заставить казаков делать то, что было желательно русским. Потому они шли на переговоры с казакми.

Казачьи самостийники в то время не были еще настолько сильны и не были настолько подготовлены, чтобы они могли совершенно игнорировать «русских казаков» и все ведение войны и построение государственной жизни взять исключительно в свои руки. На линию поведения самостийников решающее влияние имело, как известно, то обстоятельство, что державы-победительницы в Мировой войне все вооружение, так необходимое для успешного ведения войны с большевицкой Россией, давали исключительно в русские руки. Другим, не менее важным и роковым, обстоятельством было то, что среди казаков, особенно на казачьих верхах, нашлось значительное число людей, защищавших русские, а не казачьи интересы, строивших русское, а не казачье государство.

Русские «белые» имели совершенно достаточное количество иностранного вооружения и снаряжения, но не имели столько бойцов, чтобы самим разбить своего красного противника; а казаки имели достаток храбрых бойцов для защиты Казачьих Земель, но не имели вооружения. Это и приведо обе стороны на Южно-русскую конференцию (см. выше: «Юго-Восточный Союз — Южно - Русский Союз. Убийство председателя Кубанской Краевой Рады Н. С. Рябовола», Южно-Русская Конференция»).

Убийство председателя Рады Н. С. Рябовола русскими руками еще свежо было в памяти Кубанцев. Глубокая рана, нанесенная деникинцами Кубани, еще сильно болела. Кубанские станицы еще выносили единодушные приговоры горячего казачьего протеста против русской политики на Кубани. Но, тяжелое положение на колчаковском и Южном фронтах не давало русским возможности игнорировать Кубанцев. Поэтому, в тяжелых условиях происходящей войны продолжая вести политику обмана, выискивания помощников и пособников себе из среды самих народов, которых они собирались покорить, руководители Добрармии и их помощники из казаков решили сначала попробовать силами «русских казаков» провести через Конференцию, состоявшую сначала только из казаков, такие постановления, которые были желательны для русских.

Руководители политики Добрармии нашли более удобным для себя пока не посылать на Южно-русскую конференцию своих прямых представителей, а ограничиться временно заседаниями представителей только Дона, Кубани и Терека.

Русские надеялись, что на этой конференции их политику будут проводить делегации Донская, во главе с известными нам председателем Донского Круга В. Харламовым, и Терская — во главе с генералом Баскаковым. Однако, положение усложнялось тем, что обе эти делегации были связаны в своих действиях решениями Донского и Терского Кругов, почему эти делегации, хотя и готовы были поддержать Деникина, но открыто этого делать не могли, так как ни Донской, ни Терский Круги на условия, предлагавшиеся деникинцам, не пошли бы.

Для определения существовавших тогда отношений и для характеристики действительного положения в глубоком тылу Казачьих армий отметим, что в июле 1919 г. здание Войсковой гимназии в г. Екатеринодаре, где временно заседала эта конференция, и днем, и ночью охранялось сотней Кубанских казаков в количестве окол 170 человек.

В первом же заседании Конференции, 8 июля 1919 г., глава Донской делегации В. Харламов высту-

пил с пространным докладом: а) о соглашении между Доном, Кубанью и Тереком, б) об автономных правах Всевеликого Войска Донского — соответственно Кубанского Края и Терского Войска и в) о положении о Правителе Юга России. Положение об автономных правах в проекте Донцов исходило из той мысли, что Войско Донское есть нераздельная часть государства Российского, но управляется на основе собственных законов Всевел. Войска Донского, с теми изменениями и дополнениями, которые будут приняты Войковым Кругом. По проекту Донской делегации Войско передавало в ведение общегосударственной власти в порядке управления и законодательства целый рад дел: внешние сношения, право об'явления войны и заключения мира и т. д. (газета «Приазовский Край», № 155, за 10-23 июля 1919 г.).

Характерным для применявшихся тогда приемов политической борьбы было появление в русских газетах, в день начала работ Конференции, сообщения о том, что Терская делегация идет с Донской и что «кубанцы раскололись на две группы: Д. Скобцов, инж. Ланко и Коробьин присоединились тоже к В. Харламову и его единомышленникам, а Султан - Шахим Гирей — заместитель председателя Законодательной Рады, Ив. Макаренко и И. Билый заняли непримиримую позицию» и т. д. Подобное сообщение имело целью внушить читателям, что Дон, Терек и часть Кубани идут с Деникиным, с Россией, и только часть Кубанцев противится этому. Так как в то время не выходило ни одного самостийнического печатного органа, не приходится умалять большого значения подобной «белой» пропаганды.

Как бы в ответ на это, в официальном органе Кубанского Правительства — газете «Вольная Кубань» была напечатана передовая: «Донской проект Южно-русской власти», в которой читаем между прочим следующее:

«Донская делегация представила Южно - русской конференции проект положения о правительстве Юга. Проект этот не рассматривался и даже незнаком Донскому Войсковому Кругу, а, очевидно, наспех составлен в вагоне по пути в Екатеринодар. В том ви-

де, как оно составлено, «положение» является чем то вроде утверждения диктатуры.

По §1 «положения» — «впредь до окончательного создания Всероссийской общегосударственной власти (про всероссийское Учредительное Собрание — ни полслова) правительство Юга России составляют:

1) Правитель Юга России.
2) Совет министров.
3) Палата областных представителей».

Ясных указаний на диктатуру в этом пункте как будто не имеется, но попробуем его расшифровать.

Пункт 1-й поясняется 12-м: «Совет министров Юга России действует на основании особого положения». Какое это «особое положение» — не известно, ибо такового не приложено.

Пункт 14-й: «Палата областных представителей действует на основании особого положения». Опять «положение» не сообщено, и оно остается загадочным.

Зато п. 2-й — является вполне ясным: «Подчиняясь Верховному Правителю государства Российского, Правитель Юга осуществляет полноту государственной власти на Юге России: а) в области военного командования — единолично, как Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России; б) в области управления **через** совет министров, в) в области законодательной — **совместно** с Палатой областных представителей; г) в области судебной — через судебные установления, возглавляемые Правит. Сенатом».

Мы подчеркнули слова **«через»** и **«совместно».** Слово «через» — обозначает также единоличную власть, ибо, ведь и в области военной Правитель Юга России будет осуществлять свою власть **через** находящиеся при нем штаб и другие воинские управления».

...«Признавая необходимость полной свободы действий главнокомандующего в области военной, мы решительно против диктатуры в гражданском управлении и в сфере суда. Краевая Рада — единственный орган, имеющий право высказывать решительное сло-

во по этому поводу, приняла определенную Конституцию и целый ряд постановлений, коими и обрисовывается ясно сфера возможных соглашений и установлений общей власти для всего Юга России»...

...«Мы всею душою и целиком присоединяемся к пункту 3-му: «Существующие ныне при Главнокомандующем Вооруж. силами на Юге России Особое Совещание упраздняется». Этот пункт можно только приветствовать, и мы уверены в его единогласном принятии без прений»... В заключение, автор передовицы приглашал в первую очередь разобрать положение о совете министров и о «палате областных представителей. («Вольная Кубань», 11 июля 1919 г., № 151).

Как видим, официальный орган Кубанского Правительства отмечал, а) что проект, предложенный председателем Донской делегации Харламовым, не известен Хозяину Земли Донской — Большому Кругу, б) что этот проект организации власти Кубань не принимает и в) что из всего проекта Кубань принимает без прений только предложение об упразднении деникинского правительства — «Особого Совещания».

Появление этой передовицы в кубанском правительственном органе не вызывало у русских сомнений в непоколебимости занятой Кубанцами с 1917 г. позиции в вопросах государственного строительства. А так как Донская и Терская казачья масса была настроена тоже самостийнически, что не раз выявлялось в постановлениях Кругов; так как Южный антибольшевицкий фронт держался, главным образом, силами казаков, для честных русских политиков из Добрармии оставался один путь — прекратить попытки через Конференцию привести казаков к признанию диктатуры русского генерала и не мешать казакам строить самим свою государственную жизнь.

Но не таковы были вожди «белого» движения. 12 июля «генерал Деникин пригласил к себе члена Конференции — председателя Донского Войскового Круга В. А. Харламова; вернувшись от Деникина около полуночи, Харламов поделился с Конференцией результатами своего посещения»... О чем же бе-

седовали до полуночи ген. Деникин и председатель казачьего Парламента?

...«По некоторым сведениям, со времени встречи В. А. Харламова и ген. Деникина в Ростове 21 июня, установившей тогда полное совпадение точек зрения, во взглядах ген. Деникина произошла значительная перемена в пользу **чистой диктатуры»**, сообщали газеты (например, «Приазовский Край» 17 июля 1919 г.).

15 июля, после трехнедельного перерыва, начались пленарные заседания Кубанской Законодательной Рады. И в этот же день преседательствующий в Раде Султан-Шахим Гирей, он же и председатель Кубанской делегации, подал весьма подробное освещение обстоятельств, приведших к замене Доно-Кубано-Терской конференции об организации Казачьего Союза Южно-русской конференцией для организации Южно-русской власти. При обсуждении в Раде этого доклада возник вопрос о целесообразности дальнейшего участия Кубанской делегации в работах этой новой, при таких ненормальных условиях возникшей, Конференции. Все же Законод. Рада в тот же день приняла нижеследующее постановление:

«Выслушав доклад Кубанской делегации о работах Конференции по образованию Южно - русской власти и имея в виду, что результаты работ Конференции подлежат утверждению органов законодательной власти в Кубанском Крае, Законодательная Рада признает позицию Кубанской делегации на Конференции правильной и уполномачивает ее на дальнейшее участие в работах Конференции».

Стремление ген. Деникина к диктатуре и вышеприведенное постановление Рады ясно говорили о том, что русские оставались на своих позициях, а казаки — на своих. Потому надежд на соглашение не могло быть. Очевидно, каждая из борющихся на антибольшевицком фронте сторон верила, что дальнейшее развитие событий приведет к победе ее точки зрения.

Тем не менее 17 июля все же состоялось первое совместное заседание представителей Дона, Кубани и Трека с представителями Доброволии — А. С. Щетининым, В. Н. Челищевым, М. М. Федоровым, Н. А.

Савичем и г. Носовичем. Заседание было исключительно информационным.

Вторая встреча представителей казаков с представителями Доброволии произошла 19 июля. Разговор шел о функциях Палаты областных представителей, но ни к каким решениям не пришли, так как казаки на уступки не пошли, а «представители главного командования не имели полномочий отклоняться от данных им генералом Деникиным директив».

На этом, собственно, можно было бы совсем и навсегда прекратить всякие разговоры о соглашении, настолько различны были и по своему происхождению, и по своему характеру и, главное, по своим стремлениям власть казачья и русская «белая» власть.

31-го июля — 1 августа вопрос о работах Конференции снова стал на обсуждение в Кубанской Законодательной Раде. Когда было установлено, что русские на уступки не идут, в Раде открыто был поставлен вопрос об отозвании Кубанской делегации с этой Конференции. Тогда Кубанский Атаман А. Филимонов выступил на Раде с длинной речью, всячески убеждая Раду не разбивать Конференцию. В результате горячего обсуждения 29 членов Рады проголосовало за дальнейшее участие Кубани в работах Конференции, а 25 членов Рады воздержалось от голосования. При этом члены Кубанской делегации — Султан-Шахим-Гирей, И. Л. Макаренко и И. А. Билый сложили свои полномочия. Рада освободила Султан-Шахим-Гирея от обязанностей члена делегации, отказа же остальных двух не приняла. На место горца Султан-Шахим-Гирея Рада избрала горца Мурата Хатгогу. Председателем Кубанской делегации стал И. Макаренко.

Конференция в составе представителей Кубани, Терека и Дона продолжала заниматься выработкой положения об органах государственной власти на Юге России. Было решено, что «высшими органами государственной власти на Юге являются: а) Правитель Юга России, б) Палата Областных представителей, в) Совет министров и г) Сенат.

Для образования государственной власти собирается Учредительный С'езд в составе членов Конференции, Войсковых Атаманов, Председателей законо-

дательных учреждений и Правительств Дона, Терека и Кубани, а также Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России и его представителей. Палата Обл. представителей должна иметь характер **законодательный,** а не законосовещательный.

Главы трех казачьих делегаций — В. Харламов, И. Макаренко, и ген. В. Баскаков — в августе 1919 г. два раза посетили ген. Деникина с целью выяснения основных точек зрения казачьей и русской сторон на важнейшие вопросы предстоящего государственного строительства.

В первом свидании, 12 августа, В. Харламов изложил ген. А. И. Деникину точку зрения Конференции на вопрос об общегосударственной власти. Речь шла о Палате Областных представителей. Выслушав сообщение, ген. Деникин категорически заявил, что ни о каком создании **законодательного** органа и речи быть не может. Не может быть вообще речи об общегосударственной власти, так как она есть и он ее **никому не уступит.** Есть национальная диктатура и через нее Россия должна пройти. При диктаторе есть законосовещательный орган, в котором может быть половинное представительство от населения и другая половина — по назначению диктатора. Министры назначаются диктатором самостоятельно и не перед кем, кроме него, неответственны (из доклада И. Макаренко на заседании Куб. Зак. Рады 22 октября 1919 г.).

При встрече 15 августа Деникин заявил казакам:

1. Пока он жив, законодательный орган допущен не будет ни в коем случае. «Я не допущу, чтобы над моей головой стал многоголовный совдеп».

2. Коллегиальное установление остается с правом законосовещательного органа впредь до установления всенародным или учредительным собранием той или иной формы государственного устройства и т. д. (из протокола заседания Кубанской делегации 16 августа 1919 г.).

Когда во время этого же свидания зашла речь об автономных правах Всевеликого Войска Донского, поднялся вопрос о дальнейшем существовании Донской армии. При этом Деникин сказал: «Кто гово-

рит об автономной армии, тот предатель» (из того же сообщения 22 окт. 1919 г. в Куб. Зак. Раде).

Таким образом, ген. Деникин категорически настаивал на безоговорочном признании его диктатуры. Эта же точка зрения была ясно проведена в проекте построения власти, выработанном комиссией Особого Совещания при Деникине. Для иллюстрации приведем некоторые статьи из этого русского проекта:

1. Русское государство, как единое целое, с момента признания в нем единой верховной власти в лице верховного правителя адмирала Колчака, восстановлено. Впредь до Учредительного Собрания, которое должно определить основы постоянного устройства России, никакое устройство ни целого, ни частей Русского государства, при настоящих условиях, не может принять силу, как по воле Верховного Правителя или его полномочных заместителей.

2. Главнокомандующий вооруженными силами на Юге России в делах законодательных и управления действует от имени Верховного Правителя и создание при нем каких бы то ни было органов, согласно ныне временно существующему правовому порядку в России, осуществляемой через главнокомандующего вооруженными силами на Юге России; вследствие сего никакой учредительный с'езд не может быть признан правомерным основанием к созданию означенных органов.

3. Переговоры и соглашения с представителями отдельных областей могут иметь значение лишь обмена мнений предварительного и подготовительного характера и юридически основанием к созданию государственных учреждений не являются.

4. Число представителей отдельных областей при указанном предварительном обмене мнений может быть равно числу представителей от главнокомандующего, как органа власти всероссийской, но решающего юридического значения никакое число голосов и никакое соглашение при этом обмене мнений иметь не может; юридическое значение могут в данном случае иметь лишь акты верховной власти.

5. Высшие органы управления, которые будут созданы этими актами при главнокомандующем во-

оруженными силами на Юге России, могут именоваться правительством, и так как конечной целью стремлений южных армий является север с Москвой во главе, то это правительство было бы неправильно именовать правительством Юга России: область его действий может захватить и Юго-Запад, и Север, и Поволжье и Восток. Это должно быть правительство областей, занятых армиями главнокомандующего на Юге России.

6. При наличии диктаторской власти, каковой является власть верховного правителя, и высшая общегосударственная власть в отдельных областях России, действующая от имени верховного правителя в условиях переживаемого времени, должна иметь всю полноту и независимость в целях управления и законодательства. Посему требование зависимости главнокомандующего в деле образования правительства от представительного органа является при данных условиях неосуществимым, тем более, что орган этот представляется лишь законосовещательным.

7. В совет начальников управлений могут быть допущены представители от Казачьих Областей с портфелями по своим делам.

10. Все территории, посылающие своих представителей в высший совет должны признавать единую верховную власть верховного правителя России адмирала Колчака и видеть в главнокомандующем вооруженными силами на Юге России главу правительства, действующего от имени верховного правителя на всей территории, которая занята армиями, подчиненными главнокомандующему.

11. Отдельные области русского государства могут заключать между собой соглашения для целей культурного и экономического характера, но образование ими союзов государственно-правового значения стояло бы в противоречии с идеей государственного единства России.

12. Порядок местного законодательства и управления, на основании которого действуют органы власти в автономных казачьих областях, утверждается главнокомандующим от имени верховного правителя».

Если внимательно присмотреться к этому проекту и сравнить его с Конституциями Казачьих Республик и со всем законодательством Казачьих Парламентов, станет совершенно очевидным, что между русской и казачьей точками зрения существовала глубокая, непроходимая и неустранимая пропасть. Никакие конференции, никакие переговоры не могли устранить этой пропасти.

Русские уже исходили из того, что единая русская государственная власть будто бы уже существовала в особе адмирала Колчака; Казачьи же Республики не признавали ни Колчака, ни Деникина. Русские стояли за военную диктатуру, а казаки, признавая необходимость единого командования, в то же время защищали исторически испытанный казачий демократический образ правления. Отсюда и непримиримый, и бесконечный спор о том, какими правами должна была пользоваться Палата Областных представителей и т. д.

Этот столетний казачье-русский спор о правах народов нашел только свою новую формулировку и выявление в работах Конференции...

Несмотря на это коренное противоречие, русские, опираясь на прямую поддержку и помощь со стороны части казачьих верхов, продолжали делать большие усилия с целью внести раз'единение в казачью среду, с целью сначала разбить казачьи силы, а потом взять Казачьи Войска по частям...

Для примера приведем выдержки из газеты «Свободная Речь» органа русской кадетской партии, к которой формально принадлежал председатель Донского Круга В. А. Харламов и некоторые иные видные казачьи деятели; 28 августа 1919 г. по поводу работ Конференции эта газета писала:

«Из авторитетного источника сообщают, что во взглядах Донской и Терской делегаций, с одной стороны, и Главным командованием (ген. Деникиным), с другой, установилось полное взаимное понимание; особняком по прежнему стоят Кубанцы во главе с И. Л. Макаренко. И если недавно в печати отмечалось, что позиция Кубанцев не отличается прежней непримиримостью и соглашение может быстро наладиться,

то в последние дни в процессе работ Конференции кажется вероятным, что от ожидаемого соглашения еще далеко, что работы Конференции затянутся на весьма продолжительное время и весьма вероятно окажутся безрезультатными. В этом отношении вся вина падает на Кубанскую делегацию. В области своих политических притязаний Кубанцы остаются на прежней позиции и действительно с необыкновенным упрямством продолжают твердить о том, что уже давно сдано в архив»...

А 29 августа та же газета писала: ...«Невозможность добиться честного и прочного соглашения с упрямыми самостийниками уже вполне доказана. Зачем же в таком случае связывать свою судьбу с их происками? Не лучше ли будет для более дальновидных Донцов и идущих с ними Терцев недвусмысленно продемонстрировать свою готовность идти дальше с Главным командованием, хотя и без непримиримой Кубани. Здесь, как и всегда, только сплоченные действия большинства способны преодолеть саботаж и интриги меньшинства»...

На какие силы опирались составители подобных призывов к раз'единению казаков? Точка зрения казачьей массы, выявившаяся в постановлениях Кругов и Рады, была, казалось, ясна. Казачество строило свою возрожденную и возобновленную государственную жизнь и вело упорнейшую войну против армий сов. России, стремившейся уничтожить казачью государственную самостоятельность, казачьи вольности и стародавние права. Неся огромные жертвы людьми и имуществом в оборонительной войне с Россией красной, Казачество, естественно не могло пойти на признание русской белой власти на своей Земле.

В грозные часы тягчайших испытаний для Казачества на казачьих политических верхах не было сильной единой казачьей власти, которая об'единила бы казачьи усилия в борьбе с опасным северным соседом. Больше того, часть казаков продолжала тянуть Казачество из под власти красной под власть белой России.

В писаниях кадетской и иной русской прессы

правдой было то, что в то время обстоятельства сложились так, что на долю Кубанской делегации на Конференции выпала нелегкая задача быть последовательным и упорным защитником казачьих прав, имея против себя не только Особое Совещание и ген. Деникина, но и некоторых казачьих представителей в составе самой Конференции.

Начавшиеся 5-го сентября 1919 г. совместные заседания представителей Дона, Кубани и Терека с представителями Деникина, не могли, конечно, внести ничего существенно нового. Между казаками и русскими продолжился «упорный торг». Как говорит один из главных членов русской делегации, проф. Соколов, «в этом торге сила была на стороне казаков; во-первых, они были вооружены до мелочей продуманной схемой разграничения всех «предметов» на три категории — дела, подлежащие ведению общегосударственной власти в порядке законодательства и управления; дела, в порядке законодательства подлежащие ведению общегосударственной, а в порядке управления — краевой власти; дела, подлежащие ведению краевой власти в порядке законодательства и управления. А кроме того, они вносили в защиту «местных особенностей» подлинный жизненный пафос, между тем как мы, в сущности, отстаивали принцип, идею» (Правление генерала Деникина, стр. 205).

Русские делегаты, по существу, представляли из себя русских беглых людей, укрывшихся на Казачьих Землях. Русская жизнь выбросила их за борт, хотя эти люди в царской России принадлежали к правящим классам, к привиллегированным и образованным верхам русской общественности.

Русский народ нашел для себя новых вождей, под руководством которых разметал русских помещиков, буржуазию, бюрократию, офицеров, профессоров, земских деятелей, и отдельных представителей этих классов и групп населения старой России, принудил или приспособиться к новым условиям политической, экономической и социальной жизни советского государства, или же заставил их отойти в сторону от политической и общественной жизни...

Лишенные опоры в своем родном русском наро-

де, выброшенные за пределы собственно русской земли на земли казаков, деникинские деятели оказались в нелегком положении людей без территории и без народа...

Новая русская «красная» власть, новая русская «красная» армия защищала Россию, шла войной на соседей, продолжая следовать старой русской практике, а деникинские деятели, как говорит проф. Соколов, «в сущности отстаивали принцип, идею», хотя весь смысл и вся глубина и их принципа, и их идеи сводилась к защите старых, отживших форм русской государственности и общественной жизни.

Чем жили, во что верили эти, оторванные от настоящей русской жизни, люди?!

Один из вдохновителей «белого» русского движения на этот вопрос дает такой ответ:

«У многих, пожалуй, возникает недоумение, — как же, собственно, при таком положении вещей мы могли сохранять ту непоколебимую веру в конечный успех, которая одушевляла нас вплоть до зимних месяцев 1919 г.. Как могли мы, зная о том, что творится у нас в тылу, думать о Москве и серьезно готовиться к ее занятию.

Действительно, несмотря ни на что, вера в победу еще не покидала нас ни на минуту. Но с осени она приобрела какой-то новый оттенок. То была не спокойная уверенность опытного шахматиста, бесстрастно оценивающего шансы сторон и систематически передвигающего свои фигуры. То была скорее азартная вера счастливого карточного игрока, убежденного, что он нашел свою карту и смело делающего на нее ставку за ставкой.

С осени все чаще и чаще слышались у нас такие фразы: «К зиме мы, во что бы то ни стало, должны быть в Москве». Иные поясняли: «Если в ноябре мы не будем в Москве, наше дело плохо». Подробности военного плана Главного Командования, конечно, были нам неизвестны. Но получалось впечатление, что и военные действия приобрели некоторый форсированный, азартный характер. При чрезвычайной растянутости фронта с востока на запад усиленное развитие операций в центре, на главном, «Московском» на-

правлении, повидимому указывало тоже на намерение в кратчайший срок, во что бы то ни стало, захватить Москву.

Когда 30 августа в Таганроге в разговоре с Начальником Штаба о проекте Высшего Совета, я, между прочим, сказал, что хорошо было бы, если бы Совету пришлось иметь всего несколько заседаний до переезда в Москву, генерал Романовский ответил: «Так оно, вероятно, и будет. Месяц у вас уйдет на переговоры с казаками, месяц на формирование Совета, а там вскоре мы и преподнесем вам Москву» (Соколов. Правление ген. Деникина, стр. 191).

— «Их» вдохновляла мысль поскорее и за каждую цену попасть в Москву, где русские вожди собирались быть уже в ноябре 1919 г.

У казаков была совсем другая мысль — как защититься, как оборонить свои Земли от красных армий, посылаемых сов. правительством, уже крепко сидевшим в Москве.

И беда Казачества заключалась в том, что оно не сумело создать свою, казачью военную и гражданскую об'единенную власть, которая не занималась бы бесполезными и вредными мечтаниями о Москве, а железной рукой организовала бы защиту Казачьей Земли, и от московских «батюшек», и от московских «матушек», и от московских коммунистов.

Казачья политика, к глубокому сожалению, в 1919 г. растянулась между казачьей и московской дорогами.

Одним из проявлений этой ошибочной политики было участие казаков в Южно-русской конференции. На совершенно ненужную для казаков русскую затею казаки тратили силы, убивали время, когда то и другое надо было использовать на организацию казачьей государственности и на ее защиту от нашествия армий русских «братьев»...

ДОНЦЫ ПРОТЕСТУЮТ ПРОТИВ ПОЛИТИКИ БЕЛЫХ

В виду того, что «белое» движение комплектовалось главным образом из людей, принадлежавших к буржуазным, правящим кругам русской общественности царской России, в нем преобладала и первостепенную роль играла русская интеллигенция, с которой весьма близко и тесно духовно были связаны те казаки, которые тянули к России, к матушке Москве.

Обладая достатком русских интеллигентных сил, белое движение, весьма слабое на фронте вооруженной борьбы, оказалось очень сильным в тылу: тысячи русских интеллигентов заполняли всевозможные центральные, губернские и уездные правительственные и общественные учреждения и организации.

Победа казачьей государственности, укрепление казачьих республик, вне сомнения, привели бы к переходу государственных и общественных учреждений этих республик в руки казаков и к решительному сокращению числа русских служащих в них, а, значит, к увеличению и так многочисленных кадров безработной русской интеллигенции, изгнанной из советской России или же добровольно оттуда ушедшей.

Поэтому не только привычка к управлению русского народа другими народами, не только желание укрепить это господство на будущие времена, но и материальные стремления и интересы русской интеллигенции, ее желание сохранить свое господствующее положение на Казачьих Землях ставили эту русскую интеллигенцию в ряды бойцов против казачьей государственности.

Всячески уклоняясь от непосредственного участия в вооруженной борьбе на фронте, оберегая свои животишки от риска ранений и смерти в боях против красных армий, русские интеллигенты бросались толпами в тыловые учреждения. Особенно много этих людей скопилось в деникинском Отделе Осведомления и Пропаганды — «Осваге».

Этот «осваг» или целиком содержал или выдавал субсидии множеству русских газет, распускавших рус-

ский политический чад на широких просторах земель Казаков и Украины, от Днестра до Волги и гор Кавказа... «Осваг» издавал множество листовок и книжек; «Осваг» покрыл города, села и станицы густой сетью своих агентов, стремясь обработать население «в русском духе», стараясь убедить население в необходимости посылки своих сыновей и братьев в армию Деникина для борьбы за «мать Россию»...

В то время, как казаки, умиравшие на фронте в борьбе с красными армиями, были часто полураздеты (см. выше: письмо Врангеля генералу Деникину от 29 июля 1919 г., телеграмму ген. Покровского от 3 августа того же года, прения в Кубанской Законод. Раде в мае и сентябре 1919 г., телеграммы ген. Сидорина Деникину в октябре того же года и т. д.) и вследствие этого подвергались простуде и различным заболеваниям, на закупку обмундирования не было средств; в то время, как сплошь и рядом не хватало перевязочных средств и лекарств для раненых; в то время, как на закупку самых необходимых товаров для населения не хватало средств, деникинцы выбрасывали колоссальные средства на «Осваг».

Чтобы не быть голословными, приведем фактические данные: официальный руководитель «Освага» проф. К. Н. Соколов, дабы обелить деятельность «Освага», дабы оправдать в глазах современников и будущих поколений деятельность русской кадетской партии во времена напряженнейшей борьбы Юга с Севером, дабы оправдать самого себя, уже за границей издал в 1921 г. в г. Софии книгу: «Правление ген. Деникина». В этой книге проф. Соколов сообщает: «С 19 января по 1 декабря 1919 г. Отдел пропаганды стоил ровным счетом 211 миллионов **донских рублей...** Это составит в среднем 21 миллион в месяц» (стр. 114).

Иначе говоря, даже по данным самого проф. Соколова на русскую пропаганду, на обработку населения Казачьих Краев и Украины в русском духе ежедневно тратилось 700 тысяч донских рублей. Надо полагать, что проф. Соколов, публикуя эти данные, не преувеличивал расходов на «Осваг».

Видя явно вредную для Казачества деятельность

русского «Освага», Кубанская Законодательная Рада 14 июня 1919 г. постановила: поручить Куб. Правительству закрыть «Осваг» и его агентов выслать с территории Кубани. Хотя Кубанское Правительство Курганского — Безкровного и не осуществило формально этого постановления, все же деятельность «Освага» на Кубани была значительно затруднена.

Одним из способов борьбы русских против Казачества было внесение розни в самую казачью среду. Русская пропаганда старалась особенно подчеркивать, что только кубанцы являются самостийниками, что среди донских и терских казаков не было самостийнических течений и т. д. Вообще же «Осваг» обратил особое внимание на пропаганду своих идей среди населения Казачьих Земель.

Донцы имели свой собственный Донской Отдел Осведомления — «Донотос». Вследствие этого на Донской Земле параллельно действовали «Осваг» и «Донотос».

«Донотос» должен был популяризировать среди населения Донскую конституцию, Донские учреждения, Донской Земельный Закон, согласно которому на Дону была ликвидирована крупная и средняя земельная собственность; «Донотос» должен был пропагандировать среди населения необходимость организации Союза Дона, Кубани и Терека; по существу «Донотос» должен был вести пропаганду вольно-казачьих идей...

Так как русское белое движение в отношении стремлений русского народа являлось явно контр-революционным, а в отношении не-русских народов явно насильническим и захватническим; так как это движение являлось вообще выразителем и носителем идей и стремлений русских помещиков, бюрократов и генералов-единонеделимцев, естественно, «Осваг» занимался распространением идей, которые находились в полном противоречии с теми идеалами, которым служило Казачество.

Вследствие этого параллельная работа «Донотоса» и «Освага» на Донской территории сеяла полный разброд в умах населения, вызывала идейную дезорганизацию, вносила ужасную неразбериху, затемняла це-

ли борьбы и ослабляла моральную сопротивляемость населения Донского Войска.

Недолгая практика летних месяцев 1919 г. наглядно показала, что кто-то должен был уступить, уйти с политической сцены: или Казачество со своей вольно-казачьей идеологией или же русские «белые» со своей единонеделимчески – помещичьей идеологией.

Пагубные результаты осважной работы на Донской Земле особенно гибельно проявились во время августовских тяжелых боев казачьих армий с наседавшими на Казачью Землю русскими войсками Шорина и Селивачева. Почти по всей Земле Донской происходили те или иные столкновения между уполномоченными «Донотоса» и агентами «Освага». Доходило до того, что во многих местах местная выборная казачья администрация начала ограничивать или просто пекращать работу «осважников»...

Так как Донской Атаман А. П. Богаевский всей душой был вместе с русскими единонеделимцами, так как он всецело сочувствовал работе «Освага», в те тяжелые для Дона времена с атаманского дворца не раздался звучный и властный атаманский голос, в корне пресекавший гибельную работу «Освага» на Казачьей Земле. Напротив, Донские миллионы потоками лились в широкие осважные карманы и поощряли русских на более интенсивную работу для дальнейшего уродования доверчивых казачьих душ.

Молчал и председатель Большого Круга В. Харламов, на Южно-русской Конференции отдавшийся всецело работе по подведению казачьего фундамента под власть ген. Деникина.

В конце концов, не выдержало казачье сердце — горячий протест против тлетворной работы «Освага» бурливо вырвался 2-го сентября 1919 г. на заседании Донской Комиссии Законодательных предположений Большого Войскового Круга. Член Донского Круга и этой Комиссии И. П. Буданов в горячей речи, построенной исключительно на фактах, утверждал, что «Осваг» всюду подрывает авторитет Донского Войскового Круга и его мероприятия, критикует Земельный Закон, выработанный Кругом... И. Буданов «предлагал проявить мужество и покончить с «Освагом» на Дону». «Де-

ло такта и уменья Правительства так или иначе выкурить «Осваг» с Дона», заявил И. Буданов.

Против этого предложения энергично выступил председатель Круга В. Харламов. Он предостерегал Комиссию Законодательных предположений от такого политического шага, как закрытие «Освага», тем более, что 4–5 сентября «должны начаться окончательные переговоры с представителями Главнокомандующего ген. Деникина об организации общегосударственной власти», пояснял В. Харламов.

Этому протесту В. А. Харламова удивляться не приходится: уже второй год он работал над тем, чтобы Казачество подчинить Деникину. И вдруг донцы предложили покончить с «Освагом». Какое же соглашение могло быть между Казачеством и «белым» движением, когда, казалось лояльные донцы предлагают «выкурить с Дона» «Осваг», распространявший русские политические идеи...

Однако, «Осваг» так допек донцам, что даже Окружной Атаман Черкасского Округа ген. Г. Янов на том же заседании Комиссии Законодательных предположений, подвергши деятельность «Освага» резкой критике, предложил удалить это учреждение за пределы Донской области; что касается его, ген. Янова, то он в своем Черкасском Округе обязуется «в 24 часа покончить с «Освагом».

Член Донского Круга сотник Бирюков там же заявил, что он предпочитает «необработанную почву засоренной плохими семенами». На это В. Харламов заметиль «Значит, пусть почву засевают агенты Ленина и Троцкого?». На что член Круга Бирюков ответил: «Такие, как Востоков, хуже Ленина и Троцкого».

Во время прений несколько раз брал слово председатель Круга В. А. Харламов и решительно настаивал на том, чтобы Комиссия Законодательных предположений не принимала постановления о ликвидации «Освага» на Донской Земле; по мнению В. Харламова такое постановление чревато тяжелыми последствиями. Несмотря на это, Комиссия большинством 14 против 7 голосов приняла следующее постановление:

§1. В виду того, что как «Донотос», так и «Осваг» преследуют общегосударствненые идеи;

что существование двух органов ведет к непроизводительному расходованию материальных и людских сил и средств и приводит к столкновениям агентов этих органов, предложить Войсковому Правительству войти в сношения с Главнокомандующим вооруженными силами на Юге России об оставлении на территории Войска одного «Донотоса», который возьмет на себя обязанности распространения общегосударственных идей, согласовав в этом отношении свою программу.

§2. Комиссия находит более целесообразным деятельность осведомления сосредоточить в одном отделе, куда должны войти отделения информации и агитации... печать и курсы агитаторов.

§3. Органы печати на Дону должны согласовать свою деятельность с «Донотосом».

§4. Предложить Правительству обратить особое внимание на личный состав центрального органа «Донотоса», привлекая по преимуществу лиц, знакомых с жизнью населения Донского Края и избегая лиц случайно находящихся на Дону.

§6. Обратить внимание Правительства на то, что газета «Донские Ведомости» не удовлетворяет широкие массы Донского казачества, что направление деятельности этой газеты надо согласовать с принципами, установленными Войсковыми Кругами и Казачеством.

§7. Обратить внимание «Донотоса» на необходимость создать и поддержать органы печати в Округах, создав особое Бюро печати в центре, которое снабжало бы органы эти руководящими статьями.

§8. Принимая во внимание плодотворную деятельность журнала «Донская Волна», предложить Правительству поддержать этот журнал с целью его удешевления и более широкого распространения.

§9. Предложить Правительству воссоздать

сквозные тракты, а Окружные станицы соединить прямыми проводами.

§10. Предложить «Донотосу» создать читальни на местах.

§11. Предложить Пра-ву восстановить закрытые почтовые станции.

§12. Предложить «Донотосу» командировать в Округа фотографов для снятия разрушенных большевиками храмов, хурулов и прочих разрушений.

§13. Предложить Пр-ву предоставить программу деятельности Донского отдела осведомления на обсуждение Войскового Круга.

§14. Предложить Пр-ву упростить своевременное поступление сведений в «Донские Ведомости».

§15. «Донотос» должен направить деятельность своих агентов не только к осведомлению правительства о населении, но в особой мере к осведомлению населения о деятельности Правительства».

Это постановление Комиссии Законодательных предположений имеет принципиальное значение — двумя третями голосов Комиссии «Осваг» изгонялся за пределы Земли Донской. Так Казачья Земля хотела избавиться от чужих плевел.

Ясно было, что русская и казачья политика не могли уживаться на одной земле. Подавляющее большинство Донского казачества не хотело допустить, чтобы русские белые в каком-либо отношении распоряжались на Казачьей Земле.

Однако, этим дело не ограничилось. Казачество видело, что политика Добрармии в отношении крестьянства губит все достижения казачьего оружия на фронте. Бывший начальник разведывательного и оперативного отделений штаба Донской армии, ген. штаба полк. Добрынин в своей работе «Борьба с большевизмом на юге России» подчеркивает следующее:

«Говоря о наступлении летом 1919 г., нельзя обойти молчанием еще одного серьезного фактора, безусловно оказавшего влияние на развитие успеха операций и послужившего одной из главных причин ката-

строфы 1919-1920 г. г. на фронте вооруженных сил Юга России. В Украину следом за наступающей армией двинулись помещики. Они не только приступили к восстановлению своих «законных» прав, но даже начали мстить виновникам своего разорения.

Как только в штабе Донской армии были получены определенные данные по этому возмутительному делу, командованием немедленно было послано в штаб Главнокомандующего подробное донесение с указанием фактических данных и с изложением мнения Донского командования о необходимости принятия самых энергичных мер против этого зла. Одновременно в издававшейся при штабе армии газете «Вестник Донской Армии» был помещен ряд статей, имевших целью отрезвить тех, кто смотрел на грядущие события с точки зрения личных интересов» (стр. 83).

Для иллюстрации приведем выдержку из одного такого протеста Штаба Донско йармии:

> «Генерал - Квартирмейстеру штаба Главнокомандующего Вооруж. с. Ю. Р.
>
> ...Есть нечто другое, что в данное время волнует его (крестьянство) и на чем играют... большевики — это вопрос земельный, разрешение которого напряженно ждет крестьянство... Таким фактором, обусловливающим сомнение крестьянства в благоприятном разрешении аграрного вопроса, является прежде всего деятельность помещичьего класса... Именно помещики вооружают против себя крестьян непомерным повышением арендной платы сравнительно с прошлым годом, стремясь, очевидно, этим путем вознаградить себя за убытки, причиненные им комиссарами и советами.
>
> Тогда плата была установлена в 25-30 руб. за десятину — в настоящее время 400 и свыше. Это обстоятельство, в связи с непомерным вздорожанием рабочих рук, заставляет крестьян предполагать, что хлеб будет стоить для них очень большие деньги, а естественный вывод такого предположения воздержание от аренды земли и одновременно с этим сознательное нежелание засевать ее помещиками; в результате этого кре-

стьянский хлеб был свезен с полей и обмолочен, хлеб же помещичий во многих местах стоит до сих пор (сентябрь) неубранным.

В связи с таковой деятельностью помещиков у крестьян растет уверенность, что и земля не будет им дана вовсе, а останется в руках настоящих собственников — крупных землевладельцев...

Поэтому разрешение земельного вопроса и при том неотложное является необходимым шагом новой власти, так как именно его благоприятное разрешение даст возможность сразу поставить на свою сторону крестьянство и получить в нем сильную поддержку...

...Крестьянство нервничает, сомневается, колеблется»...

Различие между казачьей и русской политикой по всем важнейшим вопросам государственной жизни было так велико, что в сентябре 1919 г. Донская Комиссия Законод. предположений требовала удаления добровольческого «Освага» за пределы Дона, а Штаб Донской армии официально протестовал против политики «белых» в крестьянском вопросе.

Но «белые» были глухи и слепы...

УКРЕПЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ КУБАНИ

История учит, что даже самые могущественные и внутренне сконсолидированные государства могут вести внешнюю войну только до известного предела напряжения своих сил. Если государственная власть ставит для своей армии, для своего населения такие задания, достижение которых явно превосходит силы и возможности страны, наступает, обыкновенно, крах или же необходимость выхода державы из состояния войны путем тех или иных уступок и жертв в виде уплаты контрибуции, срытия укреплений, сокращения или даже полного уничтожения армии и т. д.

Русское правительство, вступив в 1914 г. в войну с Центральными державами, возложило на русское государство явно непосильную задачу. Казачеству эта война не была нужна. Несмотря на это, казачьи полки доблестно дрались на Западном и Турецком фронтах, неся большие потери.

Казачество не было подготовлено к наступившей в 1917 г. революции и сопровождавшей ее политической, экономической, национальной и социальной борьбе и неслыханной разрухе.

Все обстоятельства этой борьбы принудили Казачество задуматься над своим положением и при весьма трудных условиях искать дорогу к лучшему будущему. Перед Казачеством стали большие и сложные вопросы: как наилучше устроить внутренюю жизнь населения в каждом Казачьем Крае, как организовать защиту своих экономических, политических и культурных интересов и своих Земель.

Ход событий на всей территории бывшей России определил тактику Казачества. Когда весною и летом 1917 г. во всех слоях общественности, почти у всех народов бывшей России не иссякла еще вера в возможность устройства огромного государства на таких началах, которые в полной мере обеспечивали бы возможность экономического, культурного и политического развития всех народов, племен и краев единого государства; когда все народы бывшей России, за исключением поляков и финнов, говорили только об автономных правах, тогда и Казачество, как на Кругах и С'ездах по отдельным казачьим территориям, так и на двух Общеказачьих с'ездах в Петрограде, выдвигало тот же принцип автономии и создало в Петрограде Общеказачий Совет Союза Казачьих Войск для защиты общеказачьих интересов в будущей «свободной России».

Необходимо подчеркнуть, что даже в этот первый период революции и национальной борьбы Казачество фактически возродило свою бывшую государственность, возглавлявшуюся выборными Атаманами.

Когда в следующий период все нарастающих событий, от июля до октября 1917 г., политика русского Временного Правительства и всех русских партий, по-

всеместно захвативших в своих руки новую форму местной власти — советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, — все с большей очевидностью убеждала все нерусские народы бывшей России в том, что и новая русская власть и вновь пришедшие к власти в государстве русские классы — интеллигенция, рабочие и крестьяне — в сущности продолжают централистическую и захватническую политику старого царского правительства и потерявших власть всероссийских помещиков, всероссийской буржуазии и всероссийской бюрократии, — все народы, входившие в состав бывшей России, начали отказываться от провозглашенного в первые месяцы революции принципа построения государства на автономных началах и все настойчивее и энергичнее выдвигали принцип федерации.

Эти стремления нашли свое выражение и оформление на С'езде Народов в Киеве, в конце сентября 1917 г. Не было, конечно, случайностью присутствие на этом С'езде и казачьих представителей, как не было случайностью и то, что этот С'езд и за казаками признал право на самоопределение.

К этому же, второму периоду революции относится конфликт между Казачеством и Россией, при чем в этом столкновении выступило наиболее сильное и географически ближе всего к России расположенное Войско Донское. И знаменательно, что к этому же периоду относятся и первые серьезные попытки организовать об'единение Казачьих Войск, территориально связанных между собою. Тогда из глубин казачьей жизни, как известно, вырос Юго-Восточный Союз.

И, наконец, когда к власти в России пришли крайние и наиболее энергичные выразители стремлений и чаяний русских народных масс — большевики и левые соц. - революционеры, Казачьи Войска об'явили свою самостоятельность, однако, не навсегда, а до построения всероссийской, признанной казаками, власти.

Колебавшаяся и постепенно в своем политическом развитии прогрессивно выроставшая казачья масса, в этот период не поддержала оружием возрожденную казачью государственность, и поэтому в первые ме-

сяцы 1919 г. советская власть завладела Казачьими Краями.

Тем не менее, вскоре наступившие повсеместные вооруженные казачьи восстания показали, что казачья масса не потерпит властвования на своей земле русской большевицкой партии.

Первая половина 1918 г. была знаменательна не только этими восстаниями. Не менее важным было и решение вопросов: кто возьмет в свои руки политическое водительство Казачеством; кто возглавит государственное строительство казачьей толщи, не только пробудившейся к самостоятельной государственной жизни, но и взявшей в руки оружие для защиты своих очагов; кто наилучше сформулирует, кто наиболее успешно воплотит в жизнь казачьи чаяния и казачьи стремления?

Так было всегда у других народов, так оно произошло и у казаков — к власти пришла гражданская и военная интеллигенция, она возглавила казачье движение. Вот тут то и произошло наиболее трагическое по своим последствиям явление: большая часть казачьих верхов потянула казаков на общерусские пути, постаралась втянуть Казачество в общерусскую внутреннюю борьбу.

Русские рабочие и крестьяне восстали против экономическаго гнета и политической власти «помещиков и капиталистов». Революционные и контр-революционные силы России схватились в жестокой борьбе за власть, за землю, за права.

Казачество возродило на своих землях свои исторические учреждения. Поэтому казакам одинаково были чужды, по сути, и русские принципы монархической власти, и русские принципы власти советской. Казачество советы изгоняло, а монархизма не допускало.

Казачество не принимало большевицкой земельной программы, но зато на своей Земле казаки отобрали земли у помещиков, у монастырей и т. д. и, вместе с казенными землями, обратили их на наделение малоземельных и безземельных хлеборобов.

Казаки категорически были против диктатуры пролетариата, но не принимали и диктатуры буржуазной.

Казаки отрицали русскую «красную» и «белую» по-

литику насилия над национальностями и признавали полное равноправие национальностей.

Словом, по всем основным и жгучим в то время вопросам государственнного строительства, Казачество резко отличалось, как от большевицкой, так и от антибольшевицкой России.

При всех этих условиях казаков могла спасти только борьба за свою полную государственную самостоятельность. Следовательно, нельзя было ограничиваться только вооруженной борьбой с русским большевизмом, надо было решительно отмежеваться от русских помещиков и капиталистов, от русских и казачьих политиков, втягивавших Казачество в абсолютно излишнюю и явно непосильную для казаков борьбу за какую бы то ни было Россию, предоставив самим русским решать свои дела.

Дон имел свое государство и свою самостоятельную армию. Часть донских верхов тянула казаков в Россию, другая же часть отстаивала самостоятельность Дона и даже требовала ликвидации русскаго «Освага» на Донской Земле. Эта внутреняя борьба, вне сомнения, ослабляла Донскую Землю.

Но особенно острые формы приняла внутреняя борьба на Кубани, а также борьба самостийнической части Кубани против всяких посягательств со стороны «белых» русских.

Извѣстно, что Кубанские вооруженные силы имели большие успехи в открытой борьбе против красных армий, как на самой Кубани, так и в Черноморской и Ставропольской губерниях в 1918 г., как на Северном Кавказе, так в Донецком бассейне, на путях к Царицыну и Камышину, и на путях к Полтаве и Екатеринославу и по всему среднему Днепру в 1919 г. Кубанцы взяли Пятихатку, Знаменку, Користовку, Бобринскую... Кубанцы заняли Кременчуг и Черкассы. Кубанцы же успешно дрались, спасая Харьков, в августе 1919 г. и, вместе с Терской дивизией и донцами, ликвидируя прорыв ударной группы красных войск генерала Селивачева.

К глубокому сожалению, в военном и политическом водительстве на Кубани не только не обозначилось ясности позиций, но часто проявлялись большие

шатания вообще и упорная борьба между самостийническими и русскими течениями политической мысли на Кубани.

В наши задачи не входит желание обелить или очернить какую-либо казачью группировку или же отдельных лиц. Анализируя события прошлого, мы ищем об'ективной правды, и потому мы одинаково относимся, как к своим противникам, так и к своим собственным ошибкам и промахам. Только путем вскрытия фактов проявления казачьими политиками или казачьими массами непонимания политической и военной обстановки, проявления халатности, малодушия, трусости, предательства, клятвопреступления, а рядом с этим, фактов героизма, жертвенности, доблести, глубокого понимания основных исторических процессов, мы можем раскрыть действительные, а не мнимые, решающие, а не второстепенные причины рокового проигрыша Казачеством титанической борьбы 1917-1920 годовъ.

Как было уже сказано выше, 15 июля 1919 г. Кубанская Законодательная Рада обсуждала вопрос о дальнейшем участии Кубани в работах Южно-русской конференции и решила этот вопрос положительно: надо было в практическом и органическом сотрудничестве с представителями казаков Дона и Терека попробовать вытянуть казачий воз из той политической трясины, в которую он попал. Ясно было, что разрозненная и несогласованная военная и экономическая политика казачьих государств ослабляет силы казаков и не может привести к окончательной победе над сильным своей массой и вооружением противником.

В тот же день — 15 июля Кубанский Атаман А. П. Филимонов, председатель Кубанскаго Правительства П. И. Курганский и член того же Правительства по военным делам ген. В. Г. Науменко — подписали и, 17 июля, в органе Куб. Краевого Пр-ва — «Вольной Кубани» — распубликовали, нижеследующий приказ по Кубанскому Краю:

«Родные Кубанцы, верные сыны Края и Великой России!

Крепко спаянные единым фронтом, вы победоносно продолжаете доблестный путь освобож-

дения Великой Родины. На ваших боевых знаменах развеваются начертанные Краевой Радой лозунги — «борьба до победного конца с насильниками и грабителями за возрождение истинно свободной Великой России»... Вы, движимые чувством беззаветной любви и преданности к поруганной Великой Родине, нанося поражение за поражением большевицким ордам, вышли уже из пределов Казачьих Земель и направились в глубь России, в широкие степи страдальца — русского народа...

Благословение пережившего ужас Кубанского, Донского и Терского народов сопровождало ваши доблести, боевые знамена на дальнейшие подвиги к окончательному сокрушению большевиков, погубивших нашу общую Великую Родину — Россию...

...Бог в помощь Вам, родные Кубанцы, в последнем героическом походе на Москву, к сердцу новой, свободной возрождающейся нашей общей Родины — Единой Великой России!» («Вольная Кубань» 17 июля 1919 г. № 156).

Смысл этого приказа ясен: кубанская исполнительная власть призывала кубанских бойцов к борьбе не за казачью государственность, а за Россию. В этом приказе мы не видим осуждения национальной и земельной политики Деникина и Особого Совещания, нет отмежевания от русского «белого» движения вообще.

Что могли сказать русские крестьяне и русские рабочие, узнав об этом приказе? Они могли сказать только одно: казаки хотят взять у них власть и передать ее царскому генералу Деникину; казаки помогают помещикам отбирать земли у крестьян; казаки своим оружием помогают укреплению власти Деникина и всех его приспешников...

Получалась ужасная картина: Законодательная Рада внимательно и горячо обсуждала вопрос об установлении союзных или федеративных отношений с соседями, а в тот же день кубанская исполнительная власть «провозглашала последний героический поход на Москву к сердцу новой свободной... единой великой России».

Если Россия должна быть единая и неделимая, то зачем же тогда велись переговоры на Конференции? Зачем же тогда Кубанская делегация посылалась на эту Конференцию?!

Если на кубанских политических верхах было такое шатание, такая неразбериха и путаница, что можно было требовать от массы кубанского населения, что можно было требовать от кубанских боевых частей?

Обратимся к дальнейшим фактам, характеризующим политический хаос на Кубани. Хотя Куб. Законодательная Рада в день убийства Н. С. Рябовола и постановила предложить Кубанскому Правительству закрыть на Кубани пресловутый добровольческий «Освага», но Кубанское Правительство не провело в жизнь этого важного постановления Рады, и «Осваг» продолжал и далее вносить деморализацию и разложение в ряды населения Кубанского Края. Отдельские и станичные власти на Кубани, хорошо зная об этом постановлении Рады, но не дождавшись прямого и ясного распоряжения со стороны Куб. Правительства, находились в большом смятении. В отдельных станицах станичные атаманы сами прекращали деятельность отделений «Освага». Были случаи арестов в станицах осважных агентов и конфискации осважных материалов по приказанию станичных атаманов. Но Кубанское Правительство упорно молчало далее, хотя не только Законодательная Рада, но и многие станицы приговорами требовали ликвидации «Освага». Постановление Рады оставалось на бумаге, а «осважники» развращали народную душу.

Рядом с этим Кубанское Правительство занялось организацией Кубанского Отдела Пропаганды — «Копа», призвав для этого подходящих людей и ассигновав необходимые суммы для этого нужного дела. И выходило, что на Кубани, как и на Дону, русская пропаганда действовала прараллельно с казачьей пропагадной. Кубанское Правительство не закрыло «Осваг» на Кубани, а председатель Донского Круга изо всех сил боролся против ликвидации «Освага» на Дону. Так делалась казачья политика в вопросе, где дело шло о душе народной, об организации массы населения во-

круг определенных идей, непосредственно касавшихся важнейших вопросов государственного строительства...

Кубанская Законодательная Рада затратила целых три месяца на ликвидацию Правительства Сушкова, всецело поддерживавшего политику Деникина, а пришедшее на его место Правительство П. И. Курганского-К. Я. Безкровного – В. Г. Науменка – В. Н. Иваниса издавало приказы, подобные выше приведенному, призывая казаков к походу «на Москву», хотя некоторые из членов этого Правительства формально принадлежали к группе самостийников Кубани...

Внутреннее положение в самой Законодательной Раде не позволяло тогда идти на весьма рискованный шаг отставки этого нового Куб. Пр-ва. Поэтому кубанский политический корабль был в незавидном положении неустойчивого равновесия.

Рядом с «осважной» и кубанской правительственной пропагандой велася весьма интенсивная пропаганда, осуществляемая членами Кубанской Законодательной Рады. Для этого было использовано празднование первой годовщины освобождения кубанских станиц от большевицкой власти. Так как это освобождение Кубани в 1918 г. шло с севера на юг и на юго-восток, в том же направлении шла в 1919 г. волна этих всенародных празднеств, а вместе с тем проходила и волна пропаганды со стороны членов Рады, в июле-сентябре 1919 г. посетивших все районы Кубанского Края.

Русские круги так же обратили весьма серьезное внимание на использование тех же кубанских торжеств в своих целях. Фактическим возглавителем их пропаганды в то время был Кубанский Атаман ген. А. Филимонов. Это новое публичное столкновение двух политических направлений непосредственно перед глазами населения, вне сомнения, показало, что кубанская народная стихия в своем явном большинстве идет за своими самостийническими, а не за русскими идеями.

Те кубанцы, которые стремились к укреплению государственной самостоятельности Кубани, прекрасно понимали, что невозможно было проводить на Кубани радикальные реформы без об'единения большинства населения вокруг известных идей; без той же внутрен-

ней консолидации Кубани невозможно надеяться на успех во внешней борьбе, как против русских красных, так и против русских белых сил.

Известно, что до 1860 г. в северо-западной половине Кубани существовало отдельное Черноморское Войско, состоявшее из прямых потомков Сичи Запорожской и казаков - переселенцев из Полтавской, Черниговской и Харьковской губерний. Юго - восточную часть Кубани до 1860 г. занимало Войско Линейное, растянувшееся по равнинам и предгорьям Кавказа до самого Каспийского моря. В 1860 г. Черноморское войско было соединено с частью войска Линейного и из этих двух Войск тогда было организовано одно Войско Кубанское. Из остальной части Линейного Войска было образовано Войско Терское.

Сравнительно недавняя организация Войска Кубанского, известного рода различия, существовавшие между Линией и Черноморией на Кубани, с 1917 г. были широко использованы русскими для внесения розни в политическую жизнь Кубани (см. ч. 1-ю «Траг. Каз»). Эта же рознь была перенесена в Кубанскую Краевую и Законодательную Рады. Без ликвидации ее в самой Раде, как показал долгий и тяжелый опыт работы Законодательной Рады в первой половине 1919 г., совершенно невозможно было надеяться на успех в работе Рады, на ликвидацию шатаний в политике Кубани.

Другим злом кубанской жизни было существование двух основных, почти равных по численности, групп населения Кубани — казаков и иногородних. Известно, что разумные кубанские политики с 1917 г. стремились к тому, чтобы примирить между собою все основные группы населения Кубани. Нужда в этом примирении и об'единении чувствовалась всегда и особенно с лета 1919 г., когда, параллельно с успехами казачьего оружия на фронте, росли претензии и бесцеремонность обращения с населением представителей русского «белого» движения.

Как мы знаем, в августе 1919 г. две весьма сильные численно группы русских советских войск Шорина и Селивачева повели успешное продвижение вперед в двух направлениях — между Воронежом и Бел-

городом и вдоль реки Волги. Казачьи армии отступали. На фронте создалось весьма грозное положение.

В это же время, 12 августа 1919 г., Деникин издал свое известное «Обращение к населению Малороссии», ликвидировавшее все национальные украинские школы и организации, и об'являвшее открытую борьбу всему украинскому.

12 и 15 августа состоялось свидание председателей Донской, Кубанской и Терской делегаций Южно-русской конференции с ген. Деникиным и последний, как известно, категорически заявил казакам, что он, Деникин, уже является диктатором и что от власти диктатора он не откажется, что не может быть и речи о построении «общегосударственной власти, так как она (уже) есть и он ее никому не уступит» и т. д.

За несколько дней перед этим командующий Кавказской армией барон ген. Врангель, прибыв в столицу Кубани, выступил на заседании Кубанского Правительства с длинным докладом, в котором в самых мрачных красках изобразил действительно тяжелое положение Кавказской (Кубанской) армии на р. Волге; свой доклад Врангель пересыпал явными угрозами Кубанскому Правительству и Кубанской Зак. Раде, мешавшим русским вести их политику. Тогда же Врангель пытался с подобным докладом выступить и в Законодательной Раде, но на это не получил разрешения. Здесь не мешает припомнить телеграмму, которую Врангель, в начале августа 1919 г., послал военному министру Кубани из гор. Царицына. Эта телеграмма заканчивалась такими словами: «Ежели так будет продолжаться, то не только войска откажутся воевать, но и повернут в тыл против тех, кто заставляет их голодать».

В дополнение ко всему этому, 17 августа 1919 г Кубанский Войсковой Атаман ген. Филимонов выступил с весьма обширным докладом в закрытом заседании Кубанской Законод. Рады и, между прочим, сообщил впервые, что, из 14-ти запрошенных старших начальников кубанских войсковых частей о желательности и своевременности организации Кубанской армии, **тринадцать** ответило отрицательно.

Такимъ образом, в августе 1919 г. обозначился

весьма сильный, угрожающий натиск на Казачество русских красных армий на огромном протяжении фронта от Волги до гор. Харькова; а рядом с этим обозначилось откровенное наступление представителей «белой» Руси в тылу от Днепра до Каспийского моря, внешним выявлением чего было поведение русских на Украине, на Кубани и на землях Горских народов.

Ко всему тому и поведение и намерения выборных казачьих Войсковых Атаманов у наблюдательных людей не вызывали уже сомнений: Донской, Кубанский и Терский Атаманы были всецело на стороне Деникина.

Все эти грозные для Казачества события **принудили** кубанских самостийников — членов Кубанской Законодательной Рады пойти на известные **уступки** депутатам «линейских» отделов с целью об'единения в Раде **крепкого и подавляющего** большинства для осуществления так неотложных мероприятий. То, что исподволь подготовлялось в течение нескольких месяцев, надо было **немедленно провести в жизнь.** Поэтому была наспех написана и 17 августа 1919 г. подписана «Программа и тактика Об'единения группы федералистов - республиканцев».

Представители целых шести отделов Кубани (из семи) об'единились в практической работе, направленной к укреплению государственной самостоятельности Кубани. Только казаки — представители Лабинского отдела, из которого происходил Атаман А. Филимонов, и иногородние — представители городов — не вошли в это об'еднинение.

Самый факт возникновения этого политического Об'единения на Кубани в период наибольших внешних успехов русского «белого» движения на Юге был показателен, ибо он свидетельствовал о том, что подавляющее большинство населения Кубани относится отрицательно к политике «белого» движения.

Если до возникновения этого Об'единения открытая и планомерная устная самсотийническая пропаганда ограничивалась только четырмя отделами Кубани: — Ейским, Таманским, Екатеринодарским и Кавказским, то это Об'единение дало возможность перебросить эту пропаганду и на отделы Майкопский, Лабин-

ский и Баталпашинский. Кубанская «Линия», на которую столько надежд возлагали русские, на территории которой велась интенсивная работа «Казачьего Круга», проповедывавшего необходимость поддержки России и Деникина, как и следовало ожидать, оказалась тоже в значительной мере защитницей кубанской самостийности.

Еще перед возникновением этого Об'единения было много сделано для внутреннего примирения между собою двух враждующих групп населения Кубани — казаков и иногородних: 2 августа 1919 г. Кубанская Законодательная Рада приняла единодушно Закон о широкой амнистии осужденных или подлежащих осуждению за участие в большевицком движении. В том же августе во всех городах Кубани были произведены выборы в органы городского самоуправления на основании весьма демократического закона, подготовленного Кубанским правительством и одобренного Зак. Радой. В августе 1919 г. Законодательная Рада закончила весьма интенсивную работу над рассмотрением Закона о земле в Кубанском Крае и 2 сентября этот закон был распубликован (следует отметить, что Войсковой Атаман Филимонов уклонился от подписания этого Закона, и этот Закон за Атамана подписал Председатель Правительства Курганский).

Первая статья этого Закона гласила: «Все находящиеся в пределах Кубанскаго Края земли, воды, леса и недра без всякого исключения, в силу Закона Кубанской Краевой Рады от 7 декабря 1918 г., составляют достояние Края». Статья вторая: «Ведение и распоряжение всеми землями, лесами и недрами принадлежит Кубанскому Краю в лице центральных органов краевой власти и органов местного самоуправления», и т. д.

Если вспомнить, что в то время на землях, находившихся под управлением Деникина, помещики возвращались в бывшие свои имения, накладывали на крестьян налоги, занимались поркой их; что такая политика русских бар поддерживалась органами деникинской власти, а в то же время на Кубани земли отбирались у частных собственников, — можно себе представить, какое раздражение и какую ненависть у всех

земельных собственников вызвало распубликование Закона о земле в Кубанском Крае.

В начале сентября Зак. Рада также приняла особый Закон об обеспечении образованием детей лиц, погибших или искалеченных в гражданской и Европейской войнах.

В то же время велась весьма интенсивная и ускоренная разработка Закона о выборах в Краевую и Законодательную Рады; при чем было принято, что правом выбора пользуется, наряду с коренным населением — казаками, горцами и коренными иногородними, — и все пришлое население при условии пятилетнего ценза пребывания на Кубани.

Все эти мероприятия кубанских властей вносили успокоение и примирение в среду всего трудового населения Края, и в то же время вызывали большое недовольство и крайнее раздражение среди кубанских земельных собственников, среди монархистов и сторонников единой и неделимой России, видевших свое спасение только в победе русского белого движения, возглавляемого Деникиным. Кубанские помещики под осень 1919 г. совершенно ясно почувствовали, что работа органов демократической власти на Кубани весьма серьезно бьет по их интересам.

Организовавшееся в Кубанской Зак. Раде Об'единение депутатов 6-ти отделов Кубани, не только значительно ускорило так необходимую для Кубанского Края законодательную работу, но то же Об'единение оказало большое давление на Кубанское Правительство, в смысле чистки административного аппарата на Кубани. Во время быстрого укомплектования в 1918-1919 г. личным составом органов управления на Кубани, в правительственные учреждения просочилось весьма значительное количество людей, для которых дело белой России Деникина было ближе и дороже дела государственного строительства Кубанской Республики. Русские люди вообще и деникинское Особое Совещание в частности, прилагали большие усилия в том направлении, чтобы путем насыщения русскими людьми административного аппарата в Казачьих Республиках приобрести максимум влияния на управление в Казачьих Краях. Особенно опасным для моло-

дых Казачьих Республик было то, что некоторые высшие должностные лица и даже министры этих республик сами, потихоньку, но настойчиво и активно, содействовали успеху этой русской политики.

Поэтому одним из заданий Об'единения депутатов 6-ти отделов Кубани в Законодательной Раде явилась чистка, как состава самого Кубанского Правительства, так и высших органов управления Краем. Принужден был уйти министр Продовольствия и снабжения Верещака; 30 августа Рада принудила уйти министра финансов Трусковского, при чем необходимость удаления этого последнего была уже настолько очевидной, что недоверие ему было принято всеми голосами Законодательной Рады при 5-ти воздержавшихся; было уволено значительное число различных чиновников.

Так как лица, уходившие или увольняемые из административного аппарата на Кубани, перед этим, в меру сил своих и фактической возможности, поддерживали политику Деникинского правительства — «Особого Совещания», — это последнее принимало теперь перебежчиков с распростертыми об'ятиями, назначая их на различные должности в Добрармии. До чего доходила эта «бескровная» борьба между Казачеством и белой Россией показывает работа даже такого совершенно, казалось, аполитичного управления, каким должно было бы быть кубанское ведомство продовольствия и снабжения и соответствующих органов «Особого Совещания»: 1) в августе 1919 г. ушел помощник начальника кубанского управления снабжения Г. Разутов и поступил в ведомство торговли и промышленности «Особого Совещания»; 2) ушел помощник начальника управления кубанского «Маслопродукта» Щукин, привлеченный к ответственности за злоупотребления вместе с С. Ф. Назаровым и др., и этот Щукин получил назначение в «Особом Совещании» в один из уездов Курской губ.; 3) ушел начальник отделения «Маслопродукта» и появился на Кубани из «Особого Совещания» в это кубанское ведомство, в погонах статского севетника и с назначением — «Управляющим Кубанско - Черноморскими государственными имуществами», хотя Кубань ни в каком отношении небыла подчинена этому самому «Особому Со-

вещанию»; 4) уволен был Шустов — секретарь отдела по товарообмену и получил в «Особом Совещании» новое назначение — представителя на Кубани отдела продовольствия и снабжения «Особого Совещания»; и т. д. и т. д. («Вольная Кубань» 3. 9. 1919 г.).

Можно бы привести множество фактов, характеризующих никогда не прекращавшуюся и упорную борьбу между Кубанью и Добрармией, борьбу, вносившую дезорганизацию и серьезные перебои в работу аппарата управления, политически и морально разлагавшую население.

Но самым большим несчастьем для Казачества было, конечно, то, что его вооруженными силами распоряжались русские генералы. Выше мы уже неоднократно останавливались на описании фактов борьбы между Кубанью и Деникиным из-за Кубанской армии. Несмотря на все усилия кубанских самостийников, все-же, Кубань оставалась без своей армии и во главе кубанских, действующих на фронте сил, стоял наиболее крайний русский монархист барон Врангель. Поэтому, понятно, что одной из самых важных причин организации Об'единения членов Зак. Рады было стремление добиться, в конце концов, организации самостоятельной Кубанской армии и обеспечить ее всем необходимым.

После подписания соглашения об Об'единении действий депутатов 6-ти отделов, немедленно были приняты соответствующие меры и в этом вопросе. Член Военной Комиссии Зак. Рады, пожилой и опытный полк. Феськов, путем личного осмотра складов обмундирования и обуви для Кубанских войсковых частей установил, что эти склады почти пусты, что никаких серьезных и действительных мер для обеспечения обмундированием и обувью кубанских казаков на фронте, собственно, и не предпринималось... В то же время, уже в августе 1919 г. с казачьего фронта поступали сообщения о том, что казаки, особенно пластуны, весьма плохо одеты, вследствие чего в войсках сильно распространена простуда (см. выше телеграмму ген. Покровскаго от 3 августа).

Члены Рады с ужасом вспоминали страшные картины из жизни войск прошлой зимы, имевшие место

вследствие плохого обмундирования и кричащего недостатка медикаментов. Военные действия затягивались. Приближалась новая зима со всеми ужасами зимней кампании. Рада, по долгу присяги перед Краем, должна была принять необходимые меры к устранению всех недостатков в деле снабжения и снаряжения кубанских войсковых частей. Кубанская Рада должна была позаботиться и о том, чтобы Кубанские вооруженные силы не использовались для тех целей, которые противоречили желаниям населения Кубани, выраженным в постановлениях Кубанской Краевой Рады. Ясно было, что затеянная Деникиным война на Кавказе и на Украине ведет к неизбежному провалу всей антибольшевицкой войны. Ясно было и другое, что насаждение помещиков на Украине и антиукраинская политика «белых» вообще, не только является недопустимой и нетерпимой, но и ведет к гибели казачье освободительное движение. Поэтому снова весьма остро стал вопрос об организации Кубанской армии.

Идя законным и **парламентарным** путем, Законодательная Рада в закрытом заседании 30 августа **1919** г. поставила военному министру Кубани ген. В. Науменко вопрос, как обстоит дело со снабжением армии обмундированием и обувью? На подготовку к документальному и обстоятельному ответу на этот запрос Рады было дано две недели. 14 сентября ген. В. Науменко дал об'яснения в закрытом заседании Зак. Рады. Сообщение ген. Науменка встретило весьма резкую критику и осуждение со стороны депутатов целых шести отделов Кубани. Депутаты с негодованием упрекали ген. В. Науменка в том, что он не исполняет основной, принятой под присягой, своей обязанности — организовать Кубанскую армию, о существовании которой уже не раз официально об'являлось. Выступив с новыми об'яснениями в том же заседании Зак. Рады, ген. В. Науменко с раздражением заявил Раде, что он Кубанской армии не организовывал до сих пор и организовывать **не будет.**

Так как ген. Науменко был военным министром на Кубани без перерыва с декабря 1918 г., т. е. около 9-ти месяцев, и ничего не сделал для организации Кубанской армии, на чем настаивала Краевая Рада; так как

14 сентября, давая об'яснения в Раде, ген. Науменко вызывающе сделал выше приведенное заявление о нежелании организовывать Куб. армию, Законодательная Рада, подавляющим большинством голосов, в том же заседании, 14 сентября, выразила ему свое недоверие, принудив его выйти в отставку.

Так как ген. Науменко, занимая 9 месяцев пост военного министра на Кубани и всячески не допуская организации Кубанской армии, осуществлял, собственно, политику не только свою собственную, но и политику Атамана А. П. Филимонова, этот последний постарался продемонстрировать свое единодушие с ген. Науменком после того, как последний оставил пост военного министра Кубани. Атаман Филимонов устроил весьма торжественный прощальный обед для Науменка, произносились торжественные речи, в которых прославлялись несуществующие заслуги ген. Науменка перед Кубанью, и позванные на этот обед многочисленные офицеры демонстративно покрывали громким «ура» эти хвалы в адрес человека, который мог «похвалиться» только тем, что действительно много поработал с целью недопущения осуществления постановления Кубанской Краевой Рады о Кубанской армии.

Так в атаманском дворце была хорошо организована демонстрация против политики Законодательной Рады, стремившейся к проведению в жизнь постановлений Краевой Рады. Пропасть между Зак. Радой — выразительницей чаяний народных, и Куб. Атаманом — защитником России и Деникина, значительно углубилась.

Все законодательство Рады, осуществляемая ею чистка состава Кубанского Правительства, вся пропаганда членов ее по всей обширной Кубани, единодушная поддержка членов Рады со стороны широких кругов населения Кубани, укрепление самостийности Кубани — все это решительно противоречило с законодательством, со всей монархической практикой, со всем единонеделимческим, помещичьим направлением русского «белого» движения.

Это прекрасно понимали в Законодательной Раде, но решали продолжать дело борьбы против боль-

шевизма и монархизма до конца, ибо тогда такова была воля всего казачьего и неказачьего населения Кубани. С гор Кавказа явно доносились в Раду стоны народов Кавказа, попавших под власть Добрармии. Начиная с конца июля 1919 г. к некоторым членам Рады приезжали тайно делегаты из Екатеринославской и Херсонской губерний с жалобами на дела деникинцев на Украине, на возвращение помещиков, на порки селян, на преследование всего украинского. Те же делегаты сообщали членам Рады о готовящемся повсеместном восстании против деникинцев, если только их насильническая политика не изменится к лучшему.

Подписав 17 августа 1919 г. соглашение и приступив к его неукоснительному проведению в жизнь, большинство членов Законодательной Рады, хорошо учитывая создавшуюся обстановку, признало необходимым принять особые меры к военной охране Зак. и Краевой Рад. Так как Атаман А. Филимонов и высшие чины кубанского военного управления принадлежали к горячим сторонникам Деникина и вели пока что скрытую борьбу против проведения в жизнь постановлений Кубанской Краевой Рады; так как значительная часть кубанских офицеров тоже принадлежала к определенным сторонникам русского «белого» движения; так как неумолимая логика событий на фронте, в тылу и даже на международной арене с каждым днем вела к дальнейшему обострению отношений между самостийной Кубанью, с одной стороны, и Добрармией, с другой, — пребывание охраны Рады в распоряжении Атамана Филимонова, как главы вооруженных сил Кубани, не давало никаких действительных гарантий для защиты законодательных учреждений Кубани от возможных нападений.

В виду этого было решено особым Законом об охране Рады подчинить эту охрану только председателю Рады, предоставив только ему право назначения и увольнения всех чинов этой охраны. Скоро был составлен и Зак. Радой принят соответствующий законопроект. Войсковой Атаман категорически отказался утвердить этот законопроект. После этого Зак. Рада, 12 сентября, вновь рассмотрела Законопроект об охране Рады и, несмотря на горячие протесты немногочисленных членов Рады — сторонников Филимонова и Деникина,

большинством 2/3 голосов Рада утвердила этот законопроект без изменений, в первоначальной его редакции. Согласно Кубанской Конституции этот законопроект принял силу закона после его опубликования.

Самый факт возникновения этого закона и его принятие в Раде большинством 2/3 членов Рады, среди которых было много офицеров, пожилых и опытных людей, был красноречивым показателем, как происходящей внутри кубанской борьбы, так и упорнейшего нежелания Казачества идти на поводу у русской реакции и единонеделимчества.

Припомним, что 2 сентября 1919 г. Комиссия Законодательных предположений Донского Круга тоже 2/3 голосов приняла постановление об изгнании добровольческого «Освага» из пределов Земли Войска Донского. Дону не приходилось вести борьбу с Деникиным за организацию Донской армии, ибо таковую Дон уже имел и ревниво оберегал ее самостоятельное существование. На Кубани же затянувшаяся борьба за Кубанскую армию, исключительно по вине ген. Филимонова, ген. Науменка и всех их единомышленников, приняла такие болезненные формы. Прямая ответственность за недопущение организации Кубанской армии падает всецело на быв. Атамана Филимонова и на его ближайших помощников — ген. Науменка, ген. Звягинцева, полк. Лещенко и др., которые в силу своего чисто служебного положения в Кубанском Крае и Войске, в силу принятой ими присяги, в силу чести и достоинства офицерского имени — были призваны к честному и неукоснительному осуществлению закона об армии, принятого Кубанской Краевой Радой еще в 1918 г.

Кому служили эти кубанские офицеры? Какими мыслями и какими чувствами руководствовались они, когда игнорировали законнейшее и единодушное желание Кубанского Казачества иметь **свою Кубанскую армию?**

Настойчивость и последовательность Кубанской Законодательной Рады в проведении весьма важных законов, в деле очистки правительственного аппарата заботах о кубанских боевых частях и т. д. находились от неделимцев, в ведении пропаганды по станицам, в

в полной зависимости и непосредственной связи с событиями в кубанских станицах и на фронте. В то время все яснее и ярче проявлялось явно пренебрежительное и даже презрительное отношение русского «белого» движения к идеалам Казачества; полное игнорирование «белыми» тех лозунгов и идей, на борьбу за которые поголовно восстало Казачество. Если даже такие люди, как окружной атаман Черкасского округа, ген. Янов, с раздражением требовали выкурить русских «осважников» с Дона в «24 часа», очевидно, русская «белая» политика допекала казаков до мозга костей.

Что же могла переживать, что могла чувствовать казачья масса, когда у себя, на Казачьих Землях видела такую русскую политику!..

На фронте в это время происходили ужасные дела: Кавказская (Кубанская) армия, напрягая все свои силы, дралась против советских 11-й и 10-й армий на подступах к Царицыну; Донская армия, после упорнейших полуторамесячных боев с наседающими частями 10-й, 9-й и 8-й советских армий, принуждена была отступить за р. Дон, оставив в руках красных Усть-Медведицкий и Хоперский округа; хотя 17 сентября Кубано - Терский конный корпус и захватил г. Воронеж, но в район этого города спешил сильный конный корпус Буденного, по данным донской разведки, в значительной мере состоявший из донских и кубанских казаков.

Как видим, политика «белых» вождей уже давала свои плоды.

Чтобы иллюстрировать гибельный для успеха борьбы все углубляющийся процесс морального разложения Казачества, вследствие одновременного воздействия на него двух направлений государственного сторительства — казачьего и русского, приведем некоторые данные из официального письменного сообщения инструктора Отдела Пропаганды Кубанского Краевого Правительства члену того же Правительства по внутренним делам: ...«С 29 июля по 8 августа сего года мне удалось об'ехать населенные пункты Таманского полуострова — ст. Голубинскую, ст. Ахтанизовскую, ст. Вышестеблиевскую, ст. Фонталовскую и ст. Запорожскую в

целях выяснения политического настроения и создавшейся обстановки. Путем бесед с представителями административных учреждений, общественных организаций и личных моих наблюдений удалось подметить следующие, общие всему населению полуострова, характерные черты: 1) усталость и скрытая озлобленность против непрекращающейся братоубийственной войны и связанными с ней тяжелыми утратами, 2) отсутствие определенного политического настроения вследствие плохой информации и неустойчивости политики часто меняющихся правительств; 3) озлобленность против всех видов недостатков и произвольного хозяйничанья лиц, ничего общего с интересами Края не имеющих и 4) попустительство должностных лиц, часто своими поступками и распоряжениями идущих в разрез интересам и пожеланиям Правительства. Все перечисленные причины убивают у населения не только веру в лучшее будущее, но и всякий интерес к общественно - политической деятельности, почему последнее, чутко прислушиваясь и присматриваясь ко всем поступкам должностных лиц, затаило в себе недоверие и нежелание проявить свое творчество.

Причины, вызывающие негодование и недоверие населения: 1) отсутствие солидарности между начальниками гарнизонов и атаманами станиц, часто непонимающих своих задач и обязанностей, вредит делу общего строительства жизни Кубанского Края. Например: а) приговором станичного сбора ст. Таманской требуется прекращение деятельности «Освага». Начальник же гарнизона ст. Таманской, поручик Бутенко, не только что не контролирует деятельность «Освага», но даже позволяет вывешивать в витринах деморализующие настроение населения сомнительного качества приказы Главнокомандующего, идущие в разрез с постановлениями Кубанского Краевого Правительства, как то видно из приложенной при сем копии приказа; б) беззаветная верность служения Правительству оскорбляется поступками должностных лиц, как то видно из поведения полк. Кривцова, назвавшего Правительство, Законодательную Раду и все изданные последними законы, бандитами и бандитизмом...; поведение местного священника ст. Таманской Колушкина, наз-

вавшего Земельную Комиссию (Рады) большевицкой... г), явное покровительство со стороны начальника гарнизона поручика Бутенко лицам, ведущим и распространяющим противоправительственную деятельность путем распространения в ст. Таманской керченской газеты «Голос Жизни», каковую, как видно из приложенной при сем копии приговора ст. Таманской от 7 июля с. г. за номером 140, общество станицы Таманской, в виду ее пагубного влияния, просит начальствующих лиц Кубанского Края распространение прекратить, в противовес какового ходатайства начальник гарнизона... разрешает таковой и т. д.

Все выше указанные факты заставляют безнадежно смотреть на будущее и халатно относиться к преступным деяниям, явно укрывающихся от службы, как то видно из заявления начальника гарнизона ст. Старотитаровской и представителей общества той же станицы о пребывании в указанной станице дезертиров в количестве 60 человек и отсутствию мер со стороны общества к поимке преступников, укрывающихся в ст. Старотитаровской.

Доводя до сведения о всех выше приведенных фактах, прошу члена Правительства по внутренним делам и Атамана Таманского отдела издать приказ, требующий от всех начальствующих лиц строгого и неуклонного исполнения всех законов и распоряжений Кубанского Краевого Правительства под страхом строгого наказания, виновных же в оскорблении высшей правительственной власти в Кубанском Крае предать суду»...

Как видим, отсутствие совершенно ясной, неизменной и твердой казачьей политики в центре и на местах; деморализующее влияние «сомнительного качества приказов Главнокомандующего, идущих в разрез с постановлениями Кубанского Краевого Пр-ва; русская «работа» и полная безнаказанность русских «осважников» по станицам; агитация лиц, «возмущенных» кубанским законодательством — морально разлагали самые низы казачьего населения, подрывая веру в полезность и успех борьбы, стоившей таких великих жертв. А в результате — появление дезертиров среди казаков... Другая же часть казаков, правда, чис-

ленно незначительная, в сравнении со всей массой казачьего населения, пополняла ряды корпуса Буденного и с августа 1919 г. сделала этот корпус непобедимым.

Так «белый союзник» Казачества — Добрармия — постепенно, но верно подготовлял поражение Казачества.

Кубанские самостийники, осуществляя определенный план работы для укрепления сопротивляемости населения Кубани в отношении русских большевиков и русских монархистов, решили организовать выпуск ежедневной газеты, которая бы несла в население те идеи, которые защищала Кубанская Краевая Рада. Известно, что Кубанское Правительство Сушкова еще 9 марта 1919 г. закрыло единственную на Кубани самостийническую газету «Кубанский Край». С того времени самостийническая пропаганда печатным словом замолкла на Кубани, предоставляя единонеделимческой прессе, финансово поддерживаемой со стороны добровольческого «Освага», широкое поле деятельности.

В сентябре ведомство Торговли и Промышленности Куб. Правительства отпустило по твердой цене 5 тысяч пудов саломаса» для реализации его в Новороссийске по рыночной цене. Разница между твердой и рыночной ценой на этих 5 тысячах пудов «саломаса» была передана в руки Об'единения членов 6-ти отделов в Куб. Зак Раде. На эти средства, через один из банков в Новороссийске, было закуплено достаточное количество газетной бумаги, а в Екатеринодаре было организовано издание большой ежедневной газеты «Кубанская Воля», явившейся официозом выше названного Об'единения членов Зак. Рады. Эта газета, начав регулярно выходить в свет со второй половины сентября 1919 г., явилась серьезным оружием пропаганды в руках самостийников. Она не только систематически опровергала все лживые сообщения русской прессы, но и указывала населению пути к лучшему будущему, беспощадно изобличая работу руководителей «белого движения»...

Из предыдущего рассмотрения событий на фронте и в тылу мы убедились в том, что, главным образом, благодаря только героическим усилиям доблестных

казачьих конных и пеших частей в июле-августе 1919 г. деникинцы смогли укрепиться на обоих берегах р. Днепра и захватить даже столицу Украины — Киев.

Так же известно, что всю тяжесть упорной борьбы против двух ударных групп русских «красных» войск, под командой Шорина и Селивачева, в августе-сентябре того же года, приняли на себя казачьи, Донская и Кавказская (Кубанская), армии и 3-й Кубано-Терский конный корпус. Начиная с конца августа, большевицкое командование делало, как известно, большие усилия, чтобы продвинуть вперед, с р. Волги и с р. Дона, по Казачьей Земле 8-ю, 9-ю, 10-ю и 11-ю красные армии. Вследствие этого, на конец августа и на сентябрь месяцы, выпадают встречные бои между казачьими и русскими войсками у Черного Яра и у г. Царицына на р. Волге, на переправах через р. Дон от устья р. Иловли до р. Медведицы, на реке Хопре, и снова на р. Дону в районе Павловска, Лисок, Коротояка и Воронежа. Как мы знаем, огромное значение имел также знаменитый рейд по тылам большевицких армий 4-го Донского корпуса.

Этой второй фазой генерального казачье-русского сражения ловко воспользовались деникинцы и в сентябре ринулись на север на фронте Белгород — р. Десна и 7 сентября захватили Курск.

Когда ген. Деникин, благодаря стечению выше отмеченных обстоятельств борьбы на Украине и на казачье-русском фронте, стал продвигаться уже по русской территории «на Москву», он усилил нажим в Дагестане, начал открытую уже теперь войну против Украинской армии и посылал самые недопустимые и незаслуженные, глубоко оскорбительные, обвинения в адрес доблестной Донской армии (см. переписку Командующего Донск. армией ген. Сидорина и ген. Деникина осенью 1919 г.).

Тяжелое положение на казачье - большевицком фронте борьбы и несогласованность действий Дона, Кубани и Терека не позволили казачьим самостийникам уже осенью 1919 г. активно выступить против русских насильников справа.

Приблизительно в таком же положении находились и руководители белого движения в сентябре 1919

г. Не решаясь сразу на немедленное применение против Кубани мер чисто военного характера, русское командование 19 сентября 1919 г. по телеграфу об'явило экономическую блокаду Кубани, запретив ввоз на Кубань каких бы то ни было товаров без разрешения Управления торговли и промышленности «Особого Совещания», и приказав прекратить приемку грузов на железных дорогах Кубани без разрешения выше названного русского Управления торговли и промышленности.

После этого, хотя обе стороны и не прибегли к применению оружия, но борьба между Добрармией и Кубанью приняла совершенно открытый и упорный характер.

К рассмотрению событий, вызванных блокадой Кубани, мы обратимся несколько позже. Теперь же отметим только некоторые факты, которые дадут возможность еще более рельефно и точно представить взаимоотношения двух центров антибольшевицкой борьбы: Кубанское Краевое Правительство в сентябре отозвало своих представителей из совещания по рабочему вопросу, открывшемуся в Ростове при «Особом Совещании» Деникина, мотивируя этот отзыв тем, что рабочий вопрос на Кубани не подлежит компетенции деникинского «Особого Совещания»; кубанские делегаты на Конференции об организации Южно-русской власти еще с большей последовательностью и упорством повели работу с целью недопущения соглашения между казаками и Деникиным на условиях, неприемлемых для Казачества; после об'явления блокады Кубани представители большинства Законодательной Рады обратились к Кубанскому Войсковому Атаману А. Филимонову с весьма настойчивым предложением назначить начальником гарнизона гор. Екатеринодара такое лицо, в преданности которого Кубани в то время не могло быть никакого сомнения, при этом были выдвинуты кандидатуры членов Зак. Рады полк. К. Гончарова и войск старшины Роговца; Атаман категорически отказался дать согласие на подобное назначение, чем в достаточной мере выявил свое действительное отношение к происходящим событиям (к слову сказать, в это же время ген. Фили-

монов, как сказано выше, в Атаманском дворце организовал торжественный прощальный обед для ген. В. Г. Науменко, удаленного Зак. Радой с поста военного министра Кубани за нежелание осуществить Закон Кубанской Краевой Рады о Кубанской Армии); в силу особого Закона об охране Куб. Краевой и Законодательной Рад, президиум последней в сентябре произвел набор казаков в охрану Рады, доведя численность этой охраны до 180–200 казаков при соответствующем количестве офицеров; несмотря на сопротивление со стороны Атамана ген. Филимонова и военного ведомства Кубани в Законодательную Раду было привезено 15 тысяч винтовочных патронов (охрана Рады помещалась в здании Рады в полном составе); здание Рады стало складом многочисленной литературы, которую издавал правительственный Кубанский отдел пропаганды — «Коп»... Начало деникинской блокады Кубани совпало с началом выхода самостийнической газеты «Кубанская Воля», ведшей ежедневные схватки со всей русской периодичекой печатью...

Русские всей душой ненавидели самостийную Кубань, а последняя тем же платила им. Сильный общий враг — русские красные армии — заставлял эти оба центра борьбы держаться пока вместе. По многим причинам Кубань в то время явилась авангардом борьбы Казачества против русской реакции; поэтому вожди «белого» движения главные свои удары направляли против самостийников Кубани. Все же, для полной об'ективности, следует хорошо помнить, что именно во второй половине сентября 1919 г. между Командующим Донской армией ген. Сидориным и ген. Деникиным завязался серьезный закулисный «телеграфный бой».

Все эти события не могли, конечно, содействовать укреплению фронта и успокоению и упорядочению тыла.

«Союз» Казачества с русским «белым движением» трещал по всем швам.

КАЗАЧЬЯ и «БЕЛАЯ» ПОЛИТИКА В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

Чем внимательнее об'ективный историк будет присматриваться к прошлой жизни Казачества, чем глубже и всестороннее он будет ее изучать, тем чаще он будет с удивлением останавливаться перед фактами, свидетельствующими не только о выдающихся качествах казаков, но и о их широком культурном и хозяйственном строительстве, о разумном разрешении сложных вопросов своей государственной жизни.

Одним из наиболее сложных, из наиболее трудно разрешимых и острых вопросов в жизни каждого государства, обыкновенно, является вопрос об установлении добрых отношений с соседними народами и государствами.

В тяжелые, кровавые годы возрождения казачьей государственности, в 1917-1919 г.г., в годы разрешения внутренних чисто казачьих вопросов, в годы установления устойчивых, жизненных форм хозяйственной, культурной и государственно-политической жизни, установления сотрудничества между казаками и иногородними внутри каждого казачьего Края, в годы исканий форм построения единого казачьего государства, Казачество разрешало и вопрос о взаимоотношениях на севере — с Россией, на западе — с Украиной, на юге — с народами Кавказа.

Враждебная Казачеству русская «красная» и «белая» повоенная историческая литература в совершенно ложном освещении изображает многогранную и весьма сложную творческую деятельность Казачества вообще и в частности однобоко и неправдиво освещает вопрос о взаимоотношениях Казачества с соседями в те бурные годы войны и революции. Цель, которую преследуют эти исказители истории Казачества, совершенно ясна: русские хотят ослабить и унизить Казачество не только физически, но и духовно.

К глубокому сожалению, к этим русским голосам хулителей Казачества иногда присоединяются и отдельные голоса даже из среды тех народов, которые в 1917-1919 г.г. были весьма надежно защищены ка-

зачьими полками от надвигавшихся с севера красных русских армий, несших порабощение и разорение.

Выше было уделено достаточно места общему рассмотрению казачье-русских и казачье-украинских взаимоотношений в рассматриваемый период второй половины лета и начала осени 1919 г. Теперь обратим свои взоры к южным границам Казачьих Земель и, хотя в общих чертах, остановимся на рассмотрении взаимоотношений Казачества с Горскими народами Кавказа, а также на вопросе о том, какую роль в то время играли на Кавказе силы «белой» России и иностранных государств.

Припомним, во-первых, весьма интересный и показательный факт: как только в 1917 г. Донцы, Кубанцы и Терцы приступили к разрешению вопроса о построении союзного государства на землях между Азовским и Каспийским морями, они совершенно дружески пригласили Горские народы Кавказа к равноправному участию в этом государственном строительстве. Так было осенью 1917 г. при организации Юго-Восточного Союза. В разработке договора об этом Союзе и в его подписании — 20 октября 1917 г. — приняли участие представители Горцев Северного Кавказа — Пшемахо Коцев и Айтек Намиток и представители Дагестана — Гайдар Баммат и Топа Чермоев («Дон. Лет.», книга 2-я).

Когда при совершенно новых обстоятельствах внутреннего и внешнего положения Казачьих Земель и Кавказа в июне 1918 г. был реально поставлен вопрос о создании Доно-Кавказского Союза, наряду с казаками в этом важном деле взяли непосредственное и равноправное участие Горцы Кавказа через своего представителя Пшемахо Коцева.

Напоминая об этих двух фактах, мы хотели бы отметить проявившееся в них полное миролюбие казаков и горцев, одинаковое взаимное понимание общих об'единяющих интересов, приведшее к установлению новых форм государственного сотрудничества.

Наряду с этим общеказачьим, так сказать, разрешением вопроса о казачье-горских взаимоотношениях, существовало и местное, частичное разрешение все того же национального вопроса: уже к осени

1917 г. между Кубанскими казаками и горцами Кубани состоялось совершенно добровольное соглашение по всем основным вопросам государственного строительства на Кубани. Черкесы, проживающие, как известно, по левому берегу р. Кубани и р. Лабы, и Карачаевцы, занимающие самую юго-восточную часть Кубани, в 1917-1919 г.г. принимали совершенно равноправное участие, как в работах Кубанской Рады и Кубанского Правительства, так и во всех делегациях Кубани, посылавшихся для разрешения тех или иных вопросов с соседями или даже с иностранными государствами. Так же горцы, наряду с казаками, несли все тяжести боевой жизни на антибольшевицком фронте.

Уместно также будет отметить здесь и постановление Терского Б. Войскового Круга, от 3 июля 1919 года, о необходимости «решительного устроения и упрочения государственности на территории Терского Войска собственными силами всех общественных групп и народностей в их полном и дружеском сотрудничестве».

Выше было уже не раз отмечено, что белая Россия Деникина шла войною против Горских народов Кавказа, а Горцы принуждены были на войну отвечать войной. После кровавых операций ген. Драценка против Горцев в марте-апреле, в мае 1919 г. поднялось восстание в Кабарде, но было сравнительно легко подавлено.

Во второй половине июня того же года снова поднялись Ингуши. Им было пред'явлено Деникиным ультимативное требование о полной покорности русской белой власти. Ингуши не подчинились ультиматуму, после чего 24 июня против них начались боеные операции. (Деникин, том 5-й, стр. 242; «Приазовский Край» за 4 июля 1919).

«Но если в указанных районах (в Осетии, Кабарде, Ингушетии) внутренняя борьба носила характер локальный», пишет Деникин, «и велась местными средствами», иначе обстояло дело в Чечне и Дагестане. Области эти становились новыми театрами войны, отвлекая на себя крупные по нашему масштабу силы. это было тем более опасно, что Чеченско-Дагестан-

ский театр находился в клещах под возможными ударами — с севера, от Астрахани большевиков, с юга — сохранявшего вооруженный нейтралитет Азербайджана. Во второй половине июня в нагорном Дагестане вспыхнуло восстание, поднятое Али-Хаджи. В течение месяца шли бои. Войска петровского отряда взяли штурмом непокрные аулы»... (Там же).

Начатая русскими война с Горскими народами была для Казачества совершенно не нужна и для успеха борьбы против красной Росссии бесконечно вредна. Так как Деникин в войне против Горских народов старался применять и казачьи военные силы, совершенно естественно, что горцы весьма энергично протестовали против такого участия казаков в русско-горской войне.

Вместе с тем представители Горских народов, а также закавказские государства — Азербейджан и Грузия — организовали широкую акцию в Западной Европе, как через газеты, так и подачей письменных заявлений правительствам держав Антанты, с целью пресечения завоевательных стремлений «белых» на Кавказе. Помимо того, представители кавказских народов в Париже обращались непосредственно к бывшей там Делегации Кубанской Краевой Рады с протестами по поводу участия Кубанцев в нашествии деникинцев на Земли Горских народов.

Считая желание Горских народов Кавказа стать полными хозяевами на своей горской земле так же оправданным, как и желание казаков быть хозяевами на своей земле; стремясь к созданию нормальных условий для мирного государственного сожительства казачества и народов Кавказа; стремясь к обеспечению военного сотрудничества Казачества с народами Кавказа для борьбы против завоевательных стремлений России, Кубанская Заграничная Делегация в Париже подписала нижеследующий **Проект «Договора Дружбы** между Правительствами Кубани и Республики Союза Горских народов Кавказа»:

> «Кубанская Делегация с одной стороны и Делегация Союза Горских народов с другой, исходя из твердого убеждения, что политическое, культурное и экономическое преуспеяние Кавка-

за и пользование благами мира возможно лишь при упрочении дружественных отношений между Кавказскими государствами и при взаимной их поддержке, признали необходимым заключить между собою нижеследующий договор:

1. Правительство Кубани и Правительство Республики Горских народов Кавказа настоящим торжественным актом признают взаимно государственный суверенитет и полную политическую независимость Кубани и Республики Союза Горцев Кавказа.

2. Установление территориальных границ между Кубанью и Республикой Союза Горских народов имеет быть предметом особых последующих дружественных соглашений между договаривающимися сторонами.

3. Договаривающиеся стороны обязываются не предпринимать ни самостоятельно, ни в форме соучастия с кем бы то ни было никаких мер, клонящихся к уничтожению или умалению суверенных прав Кубани и Республики Горских Народов Кавказа.

4. Войсковые части одной из договаривающихся сторон могут переходить на территорию другой стороны не иначе, как по просьбе или с согласия Правительства этой стороны; войска одной стороны, находящиеся на территории другой, поступают в подчинение Правительства этой последней.

5. Признавая желательным самое тесное экономическое сближение между договаривающимися сторонами, Правительство Кубани и Правительство Союза Горских народов обязуются урегулировать путем особых дополнительных договоров вопросы: а) товарообмена и таможенный, б) транспорта (железнодорожных, водных и грунтовых путей), почт и телеграфов и г) денежного обращения и др.

6. Настоящий договор подлежит утверждению в порядке, установленном конституциями договаривающихся сторон.

Договор сей составлен в двух экземплярах в городе Париже... Июля 1919 г.
Председатель делегации Республики Союза Горцев Кавказа А. М. Чермоев.
Члены делегации Союза Гор. Кавказа: Ибрагим Бек Гайдар, Гайдар Баммат, Хадзар.
Председатель Кубанской Делегации Л. Быч.
Члены Кубанской делегации: А. Кулабухов, А. Намиток, генерал Савицкий».

Этот проект договора должен был потом поступить на рассмотрение и решение органов Кубанской исполнительной и законодательной власти.

Если бы русские не помешали созданию Доно-Кубано-Терского Союза, этот Союз в целом решил бы вопрос об установлении отношений между ним и Горскими народами, и необходимость сепаратного выступления Кубани в таком случае исключалось бы.

Следует подчеркнуть, что выше приведенный проект договора совершенно не касался разрешения вопроса о границах между Войском Терским и Горскими народами. В этом проекте еще более важным является то, что договаривающиеся стороны отрицали право России распоряжаться судьбами Казачества и Горских народов.

Горцы не признавали над собою власти Деникина. В августе новое восстание охватило Чечню и Дагестан. Как видно из оперативных сводок, восставшие скоро очистили от деникинских войск горную часть Дагестана и Чечни и повели наступление на Дербент, на Темир-Хан-Шуру, на Петровск и на Грозный. К концу августа горцы вплотную подошли к железной дороге на всем ее протяжении от гор. Дербента до гор. Грозного. Деникинцы при этом понесли большие потери у Дербента, Леваши, Дешлагира и Темир-Хан-Шуры.

В начале сентября упорные бои шли уже у самого г. Грозного — у Устар Гордой. Особенным упорством отличались бои в самом г. Дербенте; например, оперативная сводка за 10-9-1919 г. говорит: «8-го

сентября нашей (добровольческой) бомбардировкой уничтожен мусульманский квартал Дербента, что сильно подняло дух нашего гарнизона».

Чеченцы тем временем захватили железную дорогу Петровск-Грозный. продвинулись севернее этой дороги до Старого Терека. Во второй половине сентября восставшие держали в руках своих весь Дагестан, кроме Темир-Хан-Шуры и Петровска, держали и весь район до Грозного и Кизляра. Оперативные сводки за конец сентября и начало октября подчеркивают упорнейшие бои в районе всей железной дороги Дербент-Хасав Юрт-Грозный.

Эта война поставила в весьма тяжелое положение Терское Войско.

Следует отметить, что в августе 1919 г. Союзники решили забрать свои войска с Архангельского и Мурманского фронтов. Тогда же Англия уводила свои войска из Закавказья и под английской оккупацией оставался только гор. Батум на берегу Черного моря. Вместе с тем Английская миссия при ген. Деникине послала к Горцам полк. Роландсона, который широко распространил в Дагестане и Чечне нижеследующее «Обращение к Горцам»:

> «Я, представитель английской миссии при генерале Деникине, полковник Роландсон, обращаюсь к представителям Ингушетии, Чечни и Дагестана и говорю: правительство Англии поддерживает генерала Деникина и его цели... Вы не должны думать, что Англия вывела свои войска из Тифлиса и Баку потому, что она против Деникина... Англия помогает Деникину снаряжением, танками, аэропланами, пушками, пулеметами и будет помогать до исполнения Деникиным его цели. Будет очень жалко, если придется обратить это оружие против горцев, и их аулы будут разрушены...
>
> ...Конец большевизма близок, так как войска Деникина в 300 верстах от Москвы»...

Как видим, Англия уводила свои войска с Кавказа, с Архангельска и Мурманского края в то время, когда борьба с большевизмом достигла наиболь-

шей степени напряжения; и та же Англия помогала Деникину против Горцев.

Почти в те же дни, как на Кавказе появилось выше цитированное обращение представителя Англии к Горцам Кавказа, делегация Горской, Грузинской и Азербейджанской республик обратилось к Мирной конференции в Париже с новым меморандумом, в котором указывали на желание этих народов остаться независимыми, и, вместе с тем, эти делегации просили об удалении войск Деникина с территорий своих республик.

Почему мы говорим здесь о русско-горских отношениях? Да потому, что эти отношения находились в непосредственной и прямой связи с событиями на фронте русско-казачьей войны.

В глубоком тылу казачьих армий Деникин создал условия не мира и успокоения, а борьбы, которая гибельно отражалась на фронте русско-казачьей войны.

Не следует забывать, что Горцы Кубани, рука об руку с казаками, вели борьбу против большевизма, начиная с 1-го ноября 1917 г. — дня разоружения запасного артиллерийского дивизиона в Екатеринодаре. Горцы Терека в 1918 г. тоже вели борьбу против советской власти. После освобождения Северного Кавказа от большевицких войск была создана Горская дивизия, дравшаяся на Маныче, под Царицыном и Камышином.

Нет сомнения в том, что при разумной национальной политике на Кавказе, не пришлось бы там, в горах Кавказа, держать казачьи и иные войсковые части, не пришлось бы ослаблять антибольшевицкий фронт на севере. Нет сомнения также и в том, что разумная политика на Кавказе дала бы возможность вывести с Кавказа на борьбу против красных армий далеко большие горские силы, нежели те, которые находились в Кавказской и Добровольческой армиях.

Вместо этого усиления антибольшевицкого фронта горскими войсками, мы видим ослабление противобольшевицкого фронта, так как Деникин держал войска на Кавказе. Деникин уже за границей писал:

«Я не буду останавливаться на ходе военных операций, имевших характер «малой войны» — затяжной,

изнурительной и неизбежно жестокой... Военно-политическая обстановка на Кавказе имела своими ближайшими последствиями: срыв нашей операции против Астрахани и удержание на Северном Кавказе от 10 до 15 тысяч бойцов» (Деникин. Очерки, т. 5-й стр. 245).

Кроме войны на Тереке и в Дагестане, Деникин вел почти настоящую войну и на Черноморском побережьи.

Деникин говорит, что «на Черноморском побережьи с лета 1919 г. и до весны 1920 г. нам приходилось держать отряд силою разновременно от 2 1/2 до 6 1/2 тысяч» (Деникин. Очерки, т. 5-й, стр. 248).

В 1919 г. Грузию постиг неурожай. Грузинское Правительство предложило Кубани заключить торговый договор, обеспечивающий обмен кубанской пшеницы, вывозимой в Грузию, на грузинские товары, нужные для Кубани. Этот договор вызвал большое недовольство в русских политических кругах Доброволии. (Деникин. Очерки, т. 4-й стр. 228-229).

«Особое Совещание», хорошо зная о недороде в Грузии, решило не дать возможности осуществить кубано-грузинский торговый договор. 19-го сентября 1919 г. об'явив блокаду Кубани, Деникинское правительство этим самым одновременно старалось ударить и по Грузии и по Кубани.

Тем не менее новые государства, выроставшие на территории быв. императорской России, не хотели подчиниться ни русскому Ленину, ни русским Колчаку-Деникину, и продолжали вести борьбу за свое существование всеми доступными им средствами. Одним из таких способовъ борьбы было обращение молодых республик к Мирной Конференции, работавшей в Париже.

8-го октября 1919 г. представители Азербейджана, Северного Кавказа, Кубани, Украины, Латвии и Литвы обратились с письмом к председателю мирной Конференции. В этом письме между прочим говорилось следующее:

«Верховный Совет союзных держав с самого момента своего учреждения был поставлен перед фактом существования новых государств, возникших вследствие распадения бывшей российской империи,

рухнувшей в октябре 1917 г. Эти новые государства учредились согласно принципу права народов на самоопределение и в действительности организовались на широких демократических основах... Со времени своего основания эти государства оказались вынужденными защищаться против всех разрушительных большевицких и реакционных сил, которые пытаются вооруженной рукой проникнуть в эти страны.

Кровавая война, которую эти две партии (большевики и «белые») ведут между собою в пределах России, не препятствует им, каждой с своей стороны, к нападению на эти новые демократические государства. Так как последние нуждаются в моральной и материальной поддержке, то было необходимо формальное признание их независимости и оказание им международной помощи против всяких нападений.

А, между тем, несмотря на все деклорации и ходатайства этих государств, им не было предоставлено ни это признание, ни эта международная помощь... ...Принимая во внимание эти соображения и искреннее желание наших народов вступить, путем принятия в Лигу Наций, в семью других свободных и цивилизованных народов, мы вновь возвышаем наш голос и просим Вас, господин президент, доложить Верхоному Совету союзных держав следующее наше ходатайство:

1. Признать каждую из упомянутых выше республик самостоятельным государством.

2. Немедленно приступить к исследованию территориальных, финансовых, экономических и прочих вопросов, вытекающих из факта такого признания».

Стоит только сопоставить суть этого коллективного письма представителей целого ряда новых государств с целями, которые преследовало русское белое движение, как станет совершенно ясным, какая непроходимая пропасть разделяла эти два лагеря на Востоке Европы.

Спор между ними могла решить только открытая вооруженная борьба. К сожалению, другого выхода не было тогда, как нет его и теперь .

ИГРА ЖИЗНЯМИ И ИМУЩЕСТВОМ ЛЮДЕЙ

Согласно большевицким данным в начале июля 1919 г. на территории Украины располагались следующие красные армии: от р. Припети до Черного моря, включая район гор. Одессы, была расположена 12-я советская армия, обращенная лицом к западу; от гор. Херсона вверх по р. Днепру и далее на север до г. Полтавы располагалась 14-я сов. армия; огибая г. Харьков с северо-запада и с севера, занимала фронт 13-я сов. армия. В 12-й и 14-й армиях в июле большевики насчитывали около 90 тысяч бойцов, из этого в 14-й армии было 53 тысячи бойцов.

Благодаря восстаниям на Украине и уходу к повстанцам бойцов из набранных на Украине советских армий, благодаря последовательным ударам казачьих конных и пехотных частей с востока и натиску армии Украинской Народной Республики с запада, в течение июля-августа 1919 г. 14-я и 12-я советские армии были выброшены к рекам Десне и Припети. Согласно большевицким данным 14-я сов. армия, например, в начале июля насчитывала в общем 52 тысячи бойцов, а в начале августа в ней оставалось только 16.470 бойцов (Егоров. Разгром Деникина, стр. 104 и 112). Значит, боевой состав этой армии в течение одного месяца уменьшился на целых 69 процентов. Это произошло, главным образом, потому, что мобилизованные большевиками украинские хлеборобы бросали ряды советской армии.

Так как большевицкое командование в июле-августе 1919 г. все свое внимание обратило почти исключительно на достижение разгрома Донской и Кавказской армий, так как с запада к р. Днепру продвигалась армия Украинской Народной Республики, а севернее ее, тоже на восток, тогда наступала Польская армия, большевицкое командование не имело ни сил, ни возможностей обратить должное внимание на пополнение редеющих рядов 12-й и 14-й красных армий, отброшенных в северные районы Украины. Что касается 13-й сов. армии, нужно заметить, что ее левофланговые 3-я и 42 дивизии были введены большевицким командованием в состав ударной группы войск

ген. Селивачева, всей своей тяжестью навалившихся на левое крыло Донской армии.

Вследствие всех этих причин и обстоятельств 13-я и 14-я сов. армии, занимавшие трехсотверстный фронт от района г. Белграда к нижнему течению р. Десны, в августе 1919 г. насчитывали всего на всего 25 тысяч штыков и 2000 сабель (Егоров, цит. его работа, стр. 112).

Учитывая создавшуюся на всем Южном фронте обстановку, в августе Деникин направил конный корпус ген. Юзефовича для захвата северной части Полтавской губ. и Черниговской губ., а 1-й пехотный корпус ген. Кутепова был двинут на север — к гор. Курску. 15 августа были заняты Обоянь, Суджа, Белополье, Ворожба, Конотоп, Бахмач. При этом следует помнить, что в самом начале августа в направлении на Сумы-Ворожбу действовала известная нам доблестная 1-я Терская конная дивизия, на Курском направлении работали Кабардинцы (сводка за 11 авг.), а на Козелецком направлении — Осетинский полк (сводка за 7 августа).

В том же августе, как говорилось выше, происходили упорнейшие и ожесточеннейшие бои Донской и Кавказской армий и 3-го Кубано-Терского корпуса с ударными группами советских войск Селивачева и Шорина на фронте от Харькова до самой р. Волги, а 4-й Донской корпус, забравшись в глубокий тыл красных армий, уничтожал большевицкие резервы, склады оружия и огнеприпасов, военные мастерские, перерывал железнодорожные и телеграфные линии и т. д. в обширном районе городов Тамбова, Козлова, Лебедани, Липецка, Грязи, Ельца, Касторной, Землянска Усмани и Воронежа...

На огромном фронте от нижней Волги до гор. Ст. Оскола славные казачьи войска сковали русские силы 11-й, 10-й 9-й, 8-й и части 13-й советских армий. В это же время Штаб Южного красного фронта, спасаясь от казаков Мамонтова, в панике мотался по железной дороге между Козловым и Орлом. Сам Троцкий слал истерические приказы о поимке и уничтожении 4-го Донского корпуса. Воронежская, Тамбовская, Пензенская, Тульская, Рязанская и Орловская губер-

нии были об'явлены на военном положении; вновь назначенный командующий войсками внутреннего фронта ком. Лашевич издавал неистовые приказы... У самих красных владык дрожащие руки тянулись к чемоданам...

К началу сентября 1919 г. в боях под самым гор. Царицыном 10-я сов. армия потеряла 18 тысяч пленных, 31 орудие и 160 пулеметов; 9-я сов. армия вела кровавые бои на р. Хопре; разбитая казаками, 8-я сов. армия спешно отходила за р. Дон. 6-го сентября славный 4-й Донской корпус ген. Мамонтова возвратился к родным войскам из блестящаго рейда.

Все эти обстоятельства чрезвычайно облегчили задачи 1-го корпуса Добровольческой армии, наступавшего на гор. Курск. Ген. Деникин в 5-м томе своих «Очерков» говорит: «7 сентября 1-й арм. корпус генерала Кутепова, разбив на голову 12-ть советских полков, взял Курск» (стр. 123). Вообще взятие гор. Курска было расписано русской прессой, как выдающееся событие, открывающее прямую дорогу «на Москву». Однако, об этой победе один из исследователей прошлой войны говорит, что «в действительности здесь (под Курском, прим. редакции) было разбито всего два полка: 20-й и 605-й Тульские полки» (Егоров. Разгром Деникина, стр. 125).

Уместно здесь будет привести общую оценку августовского и сентябрьского наступления Добровольческой армии, оценку, сделанную ближайшим помощником ген. Деникина — генералом А. С. Лукомским: «С переходом штаба в Таганрог я видел главнокомандующего только раз в неделю и не был поэтому в курсе всех текущих ежедневных оперативных распоряжений. Издали получалось впечатление, что основная директива не зарываться вперед, а заняться приведением в порядок войск и устройством тыла, нарушалась войсками Добровольческой армии самовольно; при чем, с продвижением войск вперед и занятием все новых и новых пунктов штаб мирился, как с совершившимся, и при том приятным фактом.

Курск был занят для более надежного прикрытия Харькова и обеспечения железнодорожного сообщения в пределах Харьковской области. Части же войск,

выдвинутые для обеспечения Курска, как магнитом тянулись к северу.

Противник серьезного сопротивления не оказывал, и части постепенно продвигались вперед, стараясь скорей приблизиться к Москве. В октябре был занят Орел» (Лукомский, Воспоминания, т. 2-й, стр. 157-158).

Напрасно ген. Лукомский старается вину ген. Деникина и его штаба переложить на войска, так как последние в точности исполняли распоряжения Деникина. Например, 12 сентября 1919 г., т. е. всего через пять дней после взятия гор. Курска, Штаб Деникина следующим образом оценивал положение на фронте Добровольческой армии: а) 13-я армия разбита и дорога на г. Орел открыта, б) часть 13-й сов. армии и вся 8-я ушли на восток за р. Дон и усилили там группу войск Шорина, состоявшую, как известно, из 9-й, 10-й и 11-й армий. В тот же день командующему Добровольческой армией генералу Май-Маевскому было приказано: операцию по очистке левого берега Десны произвести в срочном порядке и **ни в коем случае не останавливаться «продвижения на Орел и Брянск, которое при быстроте может спутать все карты противника»** (из телеграммы начальника штаба Главнокомандующего ген. Романовского номер 013.517).

Красная Россия вела против Казачества и Украины хорошо продуманную войну, а Деникин и его штаб, впутавшись между этими тремя силами, быстрым продвижением на Москву собирались «спутать все карты противника», как перед этим быстрым продвижением на Киев и захватом его Деникиным «спутал карты» украинцам, принеся этим самым большую пользу красной России.

В каком положение находилось русское белое командование?

Дон, Кубань и Терек все еще не признавали власти Деникина на Казачьих Землях.

В начале сентября Донская Комиссия законодательных предположений 2/3 голосов постановила удалить с Донской территории «Осваг».

На Кубани в августе-сентябре была усилена ак-

ция освобождения Кубани от какого бы то ни было влияния Деникина и сторонники белого движения были удалены из состава Кубанского Правительства.

На Кавказе велась форменная война.

В Черноморской и Ставропольской губерниях значительно усилились «зеленые», против которых действовали регулярные воинские части.

В некоторых местах Украины — в районе г. Ромны, Чугуева, станции Пятихатка, Фундуклеевка и т. д. начались восстания против деникинских властей, хотя со времени захвата Деникиным этих мест не прошло еще и месяца. Работы Южно-русской конференции ни на один шаг не приближали так желанного для русских дня признания казаками власти Деникина. И, что важнее всего, все события на фронте и в тылу, происшедшие в течение июля-сентября, должны были воочию убедить русских в том, что Казачьи Армии ни в коем случае не пойдут отбивать Москву у русских «красных», чтобы передать ее русским «белым». В то же время Кубань упорно и настойчиво добивалась организации Кубанской армии, а между командующим Донской армией ген. Сидориным и главнокомандующим ген. Деникиным почти без перерыва происходила телеграфная переписка, убедительно говорившая о неизживной и неизбежной казачье-русской борьбе.

Адмирал Колчак с остатками своих деморализованных войск скрылся далеко за горы Уральские и безостановочно катился все далее на восток по неизмеримым просторам холодной Сибири...

Что могли делать русские «белые» вожди при таких условиях?

Они никак не могли понять, что царская Россия, вместе с домом Романовых, уже отошла с исторической сцены; они не могли уразуметь, что попытка представителей старой России установить диктатуру под осень 1917 г. окончилась Быховым; что попытки русских генералов, сделанные в конце 1917 г. и в начале 1918 г., организовать на Дону борьбу за «белую Россию» окончились крахом; русские белые вожди не хотели отдать себе отчет в том, что, только присосавшись к силам возрождающегося Казачества, белое движение могло подняться до Курска; белые не

видели или же не хотели видеть, что идет война между новой Россией и восставшими против нее народами...

И приходилось белым вождям, или отказаться от дальнейших попыток повернуть назад колесо истории, или же... продолжать вести явно азартную игру жизнями и имуществом людей. И решили русские люди: а) об'явить войну Украине и уничтожить в самом зародыше центр украинского освободительного движения, б) усилить войну на Кавказе, в) об'явить экономическую блокаду Кубани, г) заставить Кавказскую и Донскую казачьи армии сковать на Волге силы 11-й, 10-й и 9-й сов. армий и уничтожить 8-ю сов. армию между Лисками и Воронежом, д) казачьими руками крепко держать г. Воронеж и обеспечить правый фланг Добровольческой армии и ж), что чрезвычайно важно, просить Польшу занять своими войсками р. Днепр к северу от Киева и, таким образом, прикрыть левый фланг Добровольческой армии.

«Предпринимая наступление в направлении Киева», говорит Деникин, «я имел в виду огромное значение соединения Добровольческой армии с польскими силами, наступающими к линии Днепра. Это соединение выключало бы автоматически весь западный фронт и освобождало бы значительную часть сил Киевской и Новороссийской областей для действий в северном направлении. Наступление польских войск к Днепру отвлекало бы серьезные силы большевиков и обеспечивало бы надежно с запада наши армии, идущие на Москву. Наконец, соединение с поляками открывало нам железнодорожные пути в западную Европу — к центрам политического влияния и могущества, к источникам материального питания армии» (Очерки, т. 5-й, стр. 175).

Поэтому «прием Польской миссии 13 сентября, в Таганроге, носил характер торжественный и сердечный», поясняет Деникин (там же).

Белые, опираясь на силы казаков, сумели подняться с линии Новороссийска-Владикавказ за линию Киев-Курск-Воронеж. Теперь, при помощи тех же казаков, а так же при помощи Польских войск, Деникин

решил с линии Курск-Воронеж подняться до самой Москвы.

Как свидетельствует проф. К. Н. Соколов, начальник штаба Деникина — ген. Романовский 30 августа 1919 г. был уверен в том, что месяца через два Москва будет взята Добровольческой армией; а 12 сентября тот же ген. Романовский приказал добровольцам быстро продвигаться на Орел-Брянск, что, думал Романовский, «может спутать все карты противника».

Хорошо понимая, что нет никаких надежд на то, чтобы казачьи армии пошли походом на Москву, ген. Деникин еще 19 августа 1919 г. приказал Донской армии, «перейдя к обороне на всем своем фронте, обратить исключительное внимание на левый фланг, свернуть к Воронежу и бывший в набеге конный корпус генерала Мамонтова, чтобы совместными действиями с Добровольческой армией (собственно, с 3-м Кубано-Терским корпусом) разбить расстроенную уже 8 сов. армию и овладеть Лисками и Воронежом» (Деникин. Очерки, т. 5-й, стр. 120).

Как мы знаем, около половины сентября 9-я сов. армия вышла, в конце концов, на среднее течение р. Дона и готовилась у ст. Казанской и Богучара к переправе на южный берег этой реки. 10-я красная армия продолжала драться под Царицыном, а 11-я — у Черного Яра. Астрахань оставалась в руках красных.

Несмотря на это, ген. Деникин «17 сентября новь предписал Донской армии ограничиться в центре и на правом фланге обороной, чтобы сосредоточить надлежащие силы на своем левом фланге, против Лиски и Воронежа» (Деникин. Очерки, т. 5-й, стр. 22).

В том же сентябре 1919 г. произошли значительные события на верхах военного руководства в Советской России. Геройская борьба Кавказской и Донской армий в течение августа и первой половины сентября убедили, казалось, советское командование в невозможности осуществить принятый в июле 1919 план военных действий советских армий на Южном фронте, план, имевший целью, наступлением с северо-востока, захватить всю Донскую область и выйти в Донецкий бассейн и на Северный Кавказ.

Очевидно, красное политическое и военное руко-

водство пришло к заключению, что на Юге фактически существует два отдельных фронта — Казачий и Добровольческий, наступавший теперь на русскую землю между р. Десной и р. Доном; что действующие на этих фронтах антибольшевицкие армии отличаются между собою, как составом своим войск, так и конечными целями борьбы. Учтя таким образом реальную обстановку борьбы на Юге, красное командование 17 сентября 1919 г. разделило Южный фронт на два — Юго-Восточный, в составе 11-й, 10-й и 9-й армий, под командованием Шорина, и — Южный в составе 8-й, 13-й и 14-й армий; между этими фронтами была установлена следующая разграничительная линия: Шацк - Моршанск — станция Рассказово — ст. Токаревка - ст. Анна - Бобров - устье р. Икорец - р. Дон до Нов. Калитвы и далее на Старобельск (Какурин. Как сражалась револ., т. 2-й, стр. 312).

23 сентября был смещен командующий Южным фронтом ген. штаба ген. Егорьев, и 25 сентября на его место был назначен ген. штаба полк. Егоров, бывший перед тем нач. штаба и врем. командующим 10-й сов. армией, а потом командующим 14-й сов. армией.

Хотя 8-я сов. армия, действовавшая в районе Павловска-Лисок-Боброва и Воронежа, была включена в состав Южного сов. фронта, однако, фактически она действовала на Казачьем фронте, так как во второй половине сентября 1919 г. Казачий фронт тянулся до самого г. Воронежа и даже северо-западнее его — до г. Землянска.

На наиболее выдвинутой на север дуге фронта Добровольческой армии около 25 сентября 1919 г. силы противников занимали следующее положение:

1) на фронте Петровское, что верстах в 75 на северо-запад от г. Воронежа, — Ливны-Грязное (исключительно), протяжением около 120 верст, действовала 1-я Марковская пехотная дивизия Добр. армии численностью около 4900 штыков и 400 сабель;

2) на фронте Грязное-станция Еропкино-Кромы, протяжением около 90 верст, наступала Корниловская дивизия численностью около 4000 штыков и 300 сабель;

3) на участке Богородицкое-Севск и юго-западнее

его, протяжением около 130 верст, развернулась дивизия Дроздовского численностью в 6400 штыков и 300 сабель.

Эти три дивизии составляли 1-й Армейский корпус ген. Кутепова. В резерве 1-я див. имела около 2500 шт. В общем же на фронте около 320-340 верст корпус ген. Кутепова имел всего 17.800 штыков и 1000 сабель.

Левее этого корпуса до Борзны, на протяжении около 140 верст, располагался 5-й конный корпус ген. Юзефовича силою около 4000 сабель.

Против этих сил красные имели:

1) на фронте Петровское – Кромы (искл.) 13-ю сов. армию численностью в 16.000 штыков и 2200 сабель;

2) юго – восточнее г. Брянска был сосредоточен резерв главкома в составе Латышской стрелковой дивизии, бригады Павлова и кавалерийской бригады Примакова, общей численностью 10.000 штыков и 1.500 саб.;

3) против дивизии Дроздовского находились главные силы 14-й сов. арм., около 10.000 штыков;

4) против Юзефовича на правом берегу р. Десны занимала фронт 46 стр. дивизия неизвестной в то время силы. (Гражд. война 1918-1921, т. 3-й, стр. 268-270).

Таким образом, согласно большевицким данным, на центральном участке фронта, растянувшегося более чем на 450 верст, 25 сентября Деникин имел в 1-м Корпусе и группе ген. Юзефовича около 21.800 бойцов, что дает в среднем около 48 бойцов на 1 версту фронта. Для сравнения отметим, что согласно данным ген. Деникина на 1-е октября 1919 г. в Добр. армии было 20.500 бойцов (Очерки, т. 5-й, стр. 323).

Левее Добровольческой армии, на фронте от района Бахмача через Киев до Белой Церкви, располагались деникинские войска Киевской области численностью в 9.000 бойцов на 1-е октября (там же). Занимая огромный фронт и прикрывая гор. Киев с запада и с севера-запада от нападения 12-й сов. армии, Киевская, как видим, сравнительно малочисленная, группа войск ген. Деникина не могла оказать какого-либо

заметного содействия. Добровольческой армии, стремившейся, согласно стратегии белых вождей, быстрым продвижением на север перепутать карты большевикам.

Так как желанного для Деникина об'единения русского белого фронта с Польскими войсками не произошло; так как войной с войсками Укр. Нар. Республики Деникин связал все свои правобережные войска на Украине; такъ как казаки на Москву не шли и боролись только за свою Землю, вся тяжесть «похода на Москву» должна была лечь на плечи Добровольческой армии, насчитывавшей всего 20-21 тысячу бойцов.

Вследствие этого вся московская операция вождей «белого» движения не имела на что опереться.

Пока большевицкое командование занималось вопросами, связанными с разделением Южного фронта на два фронта, вопросами замещения высших должностей на этих фронтах, спорами о том, как наилучше использовать ударную группу, собранную к юго-востоку от г. Брянска (вопрос подчинения ее командующему 13-й или 14-й армией, начало удара и его направление и т. д.), ослабленная 13-я сов. армия, растянувшись в нитку, занимала длинный фронт от г. Кромы до Петровского — свыше 200 верст.

Кроме того, в конце сентября 1919 г. внимание большевицкого командования было сосредоточено на завязавшихся весьма серьезных боях в районе г. Воронежа, на изыскании мер противодействия начавшемуся новому наступлению Донской армии, а также на организации защиты гор. Петрограда...

Деникин воспользовался всеми этими обстоятельствами и, прорвав фронт 13-й сов. армии, 30 сентября захватил г. Орел.

Однако, даже «красные» коллеги ген. Деникина по русской Академии Генер. Штаба признают, что «начиная с сентября 1919 г. стратегия белого командования уже не основывается на данных действительной обстановки и строгого учета сил, а является игрой азартного игрока, надеющегося одним ударом сорвать ставку крупной игры» (Какурин. Как сраж. рев., т. 2-й, стр. 306).

Мы были бы необ'ективны, если бы позволили

себе утверждать, что только сам ген. Деникин несет ответственность за всю политику белых и явно неудачную стратегию, результатом которых была напрасная гибель десятков тысяч людей и разорение Казачьих Земель. Ведь, поименно можно назвать добрую сотню русских генералов и полковников генерального штаба, можно назвать сотню русских профессоров, тысячи адвокатов, докторов, администраторов, земцев, журналистов и т. д. и т. д. которые не только разделяли политику Деникина, а сами были, в той или иной степени, ее создателями и проводниками в жизнь. Вообще русская военная и гражданская интеллигенция, захватив в свои руки политическое и военное руководство антибольшевицкой борьбой, в полной мере несет ответственность за провал антибольшевицкой борьбы на Юге.

Деникин, его штаб, назначенные Деникиным командующие армиями и командиры корпусов и главнокомандующие несут всю тяжесть ответственности за все то зло, которое они причинили Казачеству.

В самом деле, весь сентябрь 1919 г. Деникин, безудержно гнал Добровольческую армию **на север** — к Курску, к Орлу, Брянску, Ельцу, Новосилову, Туле, а в это время на правом фланге и на тылах стремившейся к северу Добр. армии, нависали 8-я, 9-я, 10-я и 11-я сов. армии, фронт которых, круто уходя на юго-восток, спускался к самому Каспийскому морю; и в это же время левый фланг Добровольческой армии от гор. Орла круто поворачивал на юго-запад и на огромном протяжении до самого г. Киева был весьма слабо прикрыт Корпусом ген. Юзефовича и войсками Киевской области.

Если длиннейший фронт от г. Воронежа до г. Астрахани все же был надежно прикрыть казачьими боевыми силами, то длинный фронт от г. Орла до г. Киева защищался весьма слабо.

Хотя 12-я сов. армия, ведя борьбу на запад против поляков на фронте Житомир-Хойники, на юго-запад против войск Укр. Нар. Республики и на юго-восток против войск Киевской области (среди последних была 2-я Терская казачья пласт. бригада), и не приняла прямого участия в генеральном сражении на

Орловском направлении; однако, как признают военные руководители Сов. России, 12-я армия «имела косвенное и немаловажное влияние на его исход, явившись тем резервуаром, откуда сначала главное командование, а затем командование Южным фронтом черпали силы для питания решительного сражения. Так, готовясь передать Эстонскую дивизию из своего резерва в распоряжение командующего Южнынм фронтом, Главное командование предварительно вывело в свой резерв, район г. Вязьмы, 45-ю стр. дивизию 12-й армии. Командование Южным фронтом, в свою очередь в целях подтолкнуть вперед 14-ю сов. армию, приказало командарму 12-й сменить своими частями 46-ю стр. дивизию, которая вслед за тем направилась на Севское направление» (Какурин. Как сражалась рев., т. 2-й, стр. 320-321).

Один из видных коммунистов, С. Меженинов, говорит, что из состава 12-й сов. армии через станц. Коростень-Калиновичи-Гомель «30 тысяч бойцов пехоты, 2000 бойцов кавалерии и до 180 орудий подтянулось в район Чернигова для решительного боя не только за самый город, но и за весь район Черниговщины и Нежинщины, как подступов к Киеву» (Гражд. война 1918-1921, т. 1-й, стр. 281).

Ни главное, ни южное большевицкое командование в сентябре 1919 г. не давало 12-й сов. армии прямых указаний на необходимость захвата гор. Киева. Но в конце сентября эти войска сами перешли в частичное наступление на г. Киев, сбили деникинцев с позиций перед Киевом и 1 октября с северо-запада ворвались в столицу Украины.

Так так защищавшая Киев 7-ая добровольческая дивизия не могла справиться с большевицкими войсками, захватившими Киев, к столице Украины были направлены войска ген. Оссовского из района Христиновки, а также 2-я Терская пласт. бригада.

Трое суток происходили упорные бои на улицах гор. Киева. Хотя совместными усилиями 7-й дивизии, Терской бригады и частей ген. Оссовского Киев был освобожден от красных войск, не поддеражнных ни южным, ни главным командованием, но самый факт захвата Киева советскими войсками в то время, когда

деникинцы взяли г. Орел, был весьма характерным для той игры, которую вели руководители белого движения.

Сам Деникин уже за границей распубликовал следующую характеристику войск Киевской области: «На западе войска Киевской обл. ген. Драгомирова, против ожидания весьма мало пополнившие свой состав, с трудом выполняли свою задачу — очищения правого берега Днепра и левого — Десны». (т. 5, стр. 233).

ВОССТАНИЯ НА УКРАИНЕ.

Казачество, возрождая свою государственность и борясь за ее сохранение и укрепление, такое же право в полной мере признавало за всеми соседними народами.

Русское белое движение, стремясь восстановить былую Россию, не только не признавало такого права за другими народами, но стремилось всячески задушить их национальные освободительные движения. Не имея достаточных сил для осуществления этих своих намерений, вожди белого движения, как известно, пускались на всякие ухищрения, лишь бы казачьи вооруженные силы использовать для своих целей.

Захватив казачьими руками земли Украины от гор. Мариуполя до гор. Вознесенска, Умани и Белой Церкви, от Перекопа до Белгорода и Старого Оскола; при помощи казаков укрепившись в Харькове, Екатеринославе, Полтаве и в Киеве, а также в Херсоне, Николаеве и в Одессе, во второй половине августа 1919 г. белые вожди считали уже себя неоспоримыми и полновластными господами положения на великих просторах Земли Украинской.

Напрасно казаки не раз указывали на всю безрассудность политики своих белых «союзников», напрасно казачьи парламенты взывали о необходимости осуществления иной политики в отношении широких масс хлеборобов, напрасно предупреждали о том, что русская противонациональная и противонародная политика неизбежно приведет к катастрофе антибольшевицкого фронта.

Деникин 12 августа 1919 г. выпустил свое извест-

ное «Обращение к населению Малороссии», 15 августа категорически заявил председателям Донской, Кубанской и Терской делегаций на Конференции, что он, Деникин, уже считает себя диктатором, не желающим поделиться своей властью с представителями Казачьих Земель. В августе и сентябре 1919 г. тот же Деникин отверг предложения Правительства Украины установить контакт в совместных действиях против красных армий; в сентябре того же года вожди русского белого движения на Юге начали осуществлять одновременно два задания: а) уничтожение армии Украины между Днестром, Збучем и Днепром и б) поход на Москву через Курск-Орел-Тулу. Политически слепые, в руководстве антибольшевицкими вооруженными силами Юга бездарные, белые вожди пренебрежительно при этом игнорировали волю Казачества и Украины.

Естественно, такая политика встретила противодействие со стороны народных масс Юга. На насилия «белых» население Украины ответило восстаниями. Уже в августе 1919 г. официальные сообщения Добровольческой армии отмечали следующее: 17 августа восстало население к северо-западу от г. Ромны, а также в районе Чугуева; 23 августа повстанцы атамана Коцюры с артиллерией захватила Фундуклеевку; в тот же день отмечена усиленная деятельность повстанцев снова в районе г. Чугуева; 2-го сентября повстанцы напали на станцию Тальное, а у станции Пятихатки повстанцы захватили поезд, шедший из Екатеринослава и убили коменданта станции и 18 офицеров... И т. д. и т. д.

По всей Украине уже слышались, пока еще глухие, звуки наростающего народного гнева.

Еще в мае-июне 1919 г., под сильными ударами 1-й Кубанской-Кавказской дивизии, 2-й Кубанской пластунской бригады и конной бригады в составе 42-го Донского и 2-го Лабинского казачьих полков, рассыпалась 2-я сов. армия в степях Украины. Главные силы этой армии — дивизия Махна — ушли за р. Днепр или же распылились по домам — по селам Таврии, Екатеринославской и Херсонской губерний.

По мере продвижения казаков от гор. Екатерино-

слава на северо-запад вверх по р. Днепру и вдоль железной дороги Екатеринослав – Верховцево – Пятихатка – Знаменка – Бобринская; — и на запад и юго-запад от Екатеринослава — к Никополю, Кривому Рогу, и далее к Вознесенску, Ново Украинке и т. д., повстанцы Украины постепенно отступали в район Умани. Оперативные сводки Добровольческой армии отмечают: 4-го сентября у Доброводы, что к востоку от Умани, находится до 4-х тысяч махновцев; 9-го сентября махновцы принудили добровольцев отступить в район сел. Покотило, что к юго-западу от Умани...

К повстанцам, сосредоточившимся в районе Умани, просачивались селяне из разных районов Украины и приносили вести о насилиях деникинцев, о преследованиии всего украинского, о возвращении помещиков, о порке хлеборобов, о тяжелых налогах, и ко всему тому... о мобилизации населения в армию Деникина для борьбы за единую и неделимую Россию.

Эта политика очень скоро привела к соответствующим результатам: в августе-сентябре у Махна было сформировано четыре бригады пехотных и кавалерийских войск, отдельный артиллерийский дивизион и пулеметный полк — всего около 15.000 бойцов. Значительную часть этих войск составляли селяне южной части Украины — Екатеринославщины, Херсонщины и Таврии.

Крутой перелом в направлении движения махновцев наступил 12-13 сентября 1919 г. 13 сентября под Перегоновкой махновцы нанесли поражение деникинцам и всей своей массой двинулись на восток. 15-го сентября махновцы были уже в Ново-Украинке, 16-17 сент. захватили гор. Елисаветград и станцию Долинскую; 21 сентября, захватив Кичкас, переправились на восточный берег р. Днепра и захватили гор. Александровск; 23 сентября в их руки попал гор. Орехов и 24 сентября они завладели Гуляй-Полем.

С 13-го по 24-е сентября, всего за 11 дней, Махно прошел 600 верст (П. Аршинов. История махновского движения. Берлин. 1923 г., стр. 139-143. Кубанин М. Махновщина. Ленинград, стр. 85-87. Деникин. Очерки смуты, т. 5-й, стр. 234. Оперативные сводки).

28-го сентября махновцы завладели городом Бердянском на берегу Азовского моря, где захватили большую военную добычу — 16 орудий, множество патронов, 30 грузовых автомобилей и т. д.

6-го октября махновцы взяли гор. Мариуполь и угрожали непосредственно городу Таганрогу, где находилась ставка ген. Деникина.

К этому времени Махно владел уже огромным районом Екатеринославской и Таврической губерний. «Положение становилось грозным и требовало мер исключительных», говорит ген. Деникин (там же).

КАЗАКИ СНОВА СПАСАЮТ ДОБРАРМИЮ

Каково было в то время положение на фронте антибольшевицкой войны?

1 октября большевицкие войска захватили Киев и в последующие ближайшие дни шли упорные бои за обладание этим гордом.

30 сентября деникинцы взяли гор. Орел и на всем фронте от гор. Орла до гор. Кромы и далее до гор. Севска шли упорные бои, сначала с переменным успехом, но уже 7-го октября красные снова и окончательно взяли гор. Орел, после чего деникинцы начали откатываться на юг...

На правом фланге Добровольческой армии большевики сосредоточили в районе Воронежа конный корпус Буденного, подкрепили его пехотными частями и последовательно и упорно наносили удар за ударом по казачьей конной группе, состоявшей из 3-го Кубано - Терского и 4-го Донского Корпусов, поддержанных левофланговыми частями 3-го Донского корпуса. В конце концов, после трехнедельных боев, Буденный 11-го октября вытеснил казаков из гор. Воронежа.

22-23 сентября Донская армия перешла в решительное наступление против 8-й, 9-й и части 10-й красных армий.

Кавказская армия, принуждена драться на три фронта — на север, на восток и на юго-восток, была бессильна продвинуться значительно на север от гор.

Царицына и поддержать таким образом успешно начавшееся наступление Донской армии...

В общем же, если внимательно присмотреться к событиям на длинном фронте и попробовать оценить их об'ективно, можно придти к такому заключению: с одной стороны, казачьи армии успешно защищали Казачью территорию от нашествия русских войск или из Казачьей Земли изгоняли зарвавшиеся туда русские красные войска; с другой стороны, красные войска активно и успешно защищали русскую территорию (Великороссию) от армий противников; русские белые выдвинулись было на русскую Землю в районе городов Курска-Орла, но были побиты красными войсками; в третьих, русские белые вожди попробовали было в июне-августе снова укрепить свою власть на территории Украины, но уже во второй половине сентября вся Степная Украина оказалась в руках повстанцев, угрожавших захватом ставки Деникина...

Совсем недавно, в августе 1919 г., казаки спасли положение штаба Добровольческой армии в гор. Харькове, отстоявши железную дорогу Харьков-Белгород (см. выше: «Ликвидация прорыва ударной группы ген. Селивачева»); еще недавно Деникин заявил украинскому народу: «Ваша карта на Петлюру бита»; еще недавно Деникин говорил о том, что он скоро будет пить чай в Москве... А теперь самому Деникину приходилось спасать свое положение в г. Таганроге, находившемся в глубоком тылу; приходилось спасать главные артиллерийские склады Добровольческой армии, находившиеся на станции Волноваха, что лежит в степи, верстах в 50-ти к северу от гор. Мариуполя...

Но где взять силы для этого?

Добровольцы тянулись от гор. Курска к гор. Орлу. Фронт Добровольческой армии растягивался в ниточку, готовую разорваться в любом месте... На левом фланге деникинцы набросились на Украинскую армию и в то же время старались перетянуть на свою сторону Галицкую армию...

Клокотала Украина, кипел Кавказ, Казачьи армии изнывали в тяжелой борьбе. Упорнейшее, решающее судьбу всего Южного фронта, боевое состязание шло

между казачьей и красной конницей у гор. Воронежа...

Донская армия, приготовившись к натиску, 22-23 сентября сделала львиный прыжок через р. Дон и гнала 8-ю и 9-ю армии на северо-восток...

В это время напряженнейшей борьбы на казачье-русском фронте от Воронежа до Черного Яра на Волге, борьбы, во время которой казачье командование держало на учете каждого казака, из гор. Таганрога раздался следующий приказ:

«Ростов. Копия Миллерово генкварм Дон. Харьков генкварм Добр.

Главком (Деникин) приказал 1-й Саперный Донской батальон, направленный на Кантемировку, отправить спешно кратчайшим путем на Волноваху. Желательно, чтобы к утру батальон высадился в Волновахе, где ему поступить в распоряжение полковника Васильева. Туда же направить одну из конных дивизий генерала Шкуро. Всемерно содействуйте ускоренію этих перебросок.

Таганрог. 25 сент. 1919 г. Плющевский-Плющик.»

26 сентября штаб Деникина послал командующему Донской армией новое приказание:

«Командарм Дон. Главком приказал срочно перебросить в район Волноваха, в распоряжение генерала Ревишина одну конную бригаду. Прошу сообщить, какая бригада будет назначена и когда и где начнется ее разгрузка. Перевозку надлежит произвести с полным напряжением».

А 27 сентября опять новое приказание:

«Главком категорически настаивает на немедленном назначении в распоряжение ген. Ревишина одной конной бригады с батареей. Обстановка не позволяет медлить, почему необходимо назначить из ближайших к железной дороге бригад, чтобы возможно скорее начать посадку... Нр. 0135404. Плющевский-Плющик».

В тот же день командующий Донской армией телеграфировал в Таганрог:

...«Мой единственный резерв — Тульская бригада — была бы уже введена в бой в Лискинской операции, если бы состояние бригады в смысле снабжения ее теплой одеждой позволяло. В данное время,

когда завязались упорнейшие бои на всем фронте и Донармия испытывает **небывалое напряжение,** кроме назначенных уже к отправлению Саперного батальона, полка Тульской бригады и учебной батареи я снять с фронта ничего не могу.

Миллерево. 27 сентября 1919 г. 10 час. Нр. 0482/К. Генерал Сидорин».

28-го сентября махновцы заняли гор. Бердянск, а 29 сентября из штаба Деникина летел такой приказ казакам:

«Командарм Дон, Командарм Добр., командующему войсками Киевской, копия Волноваха ген. Ревишину... Передаю для немедленного исполнения телеграмму наштаглав: «Главком приказал принять все меры к ускорению переброски Терской дивизии и Донской бригады; первую направить в район Очеретино – Авдеевка, а вторую — Волноваха. Дальнейшее направление дать генералу Ревишину в зависимости от обстановки. Сверх того, без всякого замедления сосредоточить в районе Синельниково-Чаплино все части 9-й дивизи без партизанского полка. Дальнейщее направление также по обстановке по указанию генерала Ревишина. Новороссийск. 29-9-19. 17 час. Нр. 285. Романовскій».

Таганрог. Нр. 013680. Плющевский Плющик»...

Один из очевидцев следующим образом описывает переброску Донской конной бригады полк. Морозова на фронт против махновцев:

...«Первой из фронтовых частей форсированными маршами, бросая обозы, отсталых людей и лошадей, прибыла на махновский фронт Донская конная бригада.

После тяжелого боя с конницей противника в районе к северо-востоку от города Богучара, закончившегося поздно ночью, бригада собралась было стать на ночлег в ближайшем селе, как вдруг получается приказание: немедленно готовиться к выступлению на ст. Кантемировка, где уже приготовлены поезда для следования на фронт Добрармии; второе приказание: выступить с рассветом. В эту ночь никто не спал, начиная с командира бригады и кончая последним обозным казаком... Задолго еще до рассвета полки стали строиться на сборных местах... Чуть забрезжил рас-

свет, бригада с грустью стала покидать еще вчера сулившее приятный отдых село, а вместе с тем и свои родные станицы и хутора, за которые она так долго и горячо билась. Все отлично понимали, что трудно будет без них на Дону, но в то же время знали, что там где-то... далеко... у добровольцев еще труднее... Семидесяти-верстный переход до Кантемировки (место посадки в поезда) пройден был в одни сутки, а через два дня (2 октября) бригада уже выгрузилась на ст. Волноваха, где поступила в распоряжение ген. Ревишина, руководившего операциями против Махно. Туда же двумя-тремя днями раньше прибыл из Новочеркасска Донской саперный батальон, состоявший исключительно из молодых казаков, отлично обученных не только своему техническому делу, но и штыковому бою»... (Журн. «Казачьи Думы», за 1923 г., номер 10, стр. 10-11).

3-ий Кубано - Терский конный корпус, состоявший из 1-й Кавказ. - Кубанской и 1-й Терской дивизий, в августе 1919 г., как мы знаем, сыграл выдающуюся роль в ликвидации прорыва ударной группы войск ген. Селивачева. 17-го сентября этот корпус занял гор. Воронеж и с 20-х чисел того же месяца вел ожесточеннейшие бои с конным корпусом Буденного за обладание районом города Воронежа.

Терская дивизия этого корпуса сыграла блестящую роль в деле выгона большевицких войск из Украины в мае-июне 1919 г. (см. ч. 2-ю «Траг. Казачества»); потом эта же дивизия прославила себя новыми успехами в боях в бассейне реки Ворсклы (см. выше: «Борьба на Левобережной Украине»).

Теперь эту славную казачью дивизию Деникин вырвал из состава 3-го Корпуса именно в те дни, когда упорнейшая борьба вокруг гор. Воронежа достигла наивысшей степени напряжения.

Махновцы приближались к Мариуполю... Штаб Деникина нервничал в Таганроге и посылал одну телеграмму за другой командованию Донской армии. Так, 4-го октября нач. штаба Романовский запрашивал командование Дон армии о том, чем вызвана задержка в погрузке и отправке Терской дивизии (в то время Кубано - Терский корпус ген. Шкуро был временно

подчинен командующему Дон. армией). В тот же день наштарм Дон ответил:

«Донская бригада отправлена своевременно. Вследствие боев под Лисками нарушена связь с штакором 3-го Конного (Шкуро) и до сих пор в штарм Дон неизвестно местонахождение всех частей этой дивизии. Терско – Моздокский полк, по сведениям из штакора 3-го Донского, вел сегодня бой в районе с. Гольшевское. Приказание отдается и по получении сведений будет донесено немедленно. Миллерово. 4-10-19. 24 часа, нр. 0567/К. За наштарм Дон полк. Кислов».

4-го же октября штаб Добровольческой армии телеграфировал командующему Донской армии: «Главком приказал: минуя всякие препятствия, завтра 5-го октября. двинуть Терскую дивизию на юг в распоряжение генерала Ревишина».

30-го сентября добровольцы захватили г. Орел и в первых числах октября в районе этого города разыгрались весьма серьезные и решающие бои между войсками «белой» и «красной» России. Такие же ожесточенные бои шли в районе гор. Воронежа между казачьей и красной конницей... Шла упорная борьба за обладание гор. Киевом. Большевицкая угроза непосредственно висела над городом Царицыном...

При всех этих условиях Деникин вел наступление против антибольшевицкой Украинской армии и в то же время вел упорные бои за обладание Дагестаном.

6-го октября сам Деникин телеграфировал:

«Командарм Дон. По последним сводкам Горско-Моздокский полк в бою восточнее Давыдовки, а Волгский полк опять введен в дело у Воронежа. Приказываю немедленно вывести дивизию из боя и спешно везти на юг. Махновцами заняты Александровск-Мелитополь – Бердянскъ и сегодня они ведут наступление на Мариуполь. **Преступление задерживающих дивизию ничем оправдано быть не может.**

Таганрог. 6-10-19. 4 часа. Нр. 33 Ген. Деникин».

6-го октября Махно занял гор. Мариуполь и направился в сторону Таганрога. На севере красные

выбили деникинцев из гор. Орла. Грозовые тучи нависли над головами белых вождей...

Для уяснения общего положения на фронте и в тылу в то время приведем здесь еще некоторые документы.

«6-го октября Мариуполь занят махновцами. Главком приказал принять исключительные меры для ускорения Терской дивизии. Нр. 214. Ген. Плющевский-Плющик».

«Генкварм Дон. Наштаглав приказал отыскать во чтобы то ни стало 2-ю бригаду Терской дивизии и спешно направить ее по назначению. Для восстановления связи с ней использовать все средства включительно до самолетов и отдельных паровозов. Таганрог. 6 октября. Нр. 013844. Плющевский-Плющик».

«Оперативная. Секретно. Главком. Таганрог.

«Приказал производить посадку и отправлять на Лихую из Кантемировки мой единственный резерв — Тульскую бригаду, не успевшую еще закончить приведение себя в порядок с только что влитым в нее необученным укомплектованием и не одетую. Кроме выдачи имеющихся запасов обмундирования Корпуса приказываю выделить из Новочеркасска запасов на Лихую, что можно. Вместе с тем докладываю, что 1-й эшелон Горско – Моздокской бригады отправлен со ст. Лиски по назначению сегодня в 17 час. 30 мин. Погрузка бригады заканчивается утром 7-го октября. Прошу подтвердить приказание, надо ли отправлять при таких условиях Тульскую бригаду, особенно имея в виду серьезное осложнение обстановки на флангах Донской армии.

Новочеркасск. 6-го октября 23 часа 45 мин. Нр. 0588/К. Ген. Сидорин.»

...«Командарм Дон. Главком приказал теперь же перебросить в его распоряжение через ст. Лихую, в район Авдеевка – Доля – Иловайская, Тульскую бригаду в полном составе с артиллерией. Желательно, чтобы бригада перед отправлением была снабжена обувью и обмундированием, которые будут возвращены Донармии из запасов вооруженных сил Юга России. Таганрог. 7 октября, нр. 013368. Ген. Романовский».

7-го октября командующий Добровольческой армией ген. Май-Маевский из гор. Курска телеграфировал командиру Кубано - Терского корпуса ген. Шкуро о категорическом требовании ген. Деникина «немедленно, минуя всякие препятствия» отправить Терскую дивизию в распоряжение ген. Ревишина. При этом ген. Май-Маевский сообщал, что для расследования причин задержки дивизии отправлен ген. Лихачев.

8-го октября командующий Добр. армией ген. Май-Маевский снова телеграфировал:

«Ген. Шкуро, копия наштаглав, копия генкварм Добр., копия — ген. Ревишину, копия Командарм Дон.

Мариуполь занят махновцами, **что создает уже угрозу ставке.** Надеюсь, что ввиду такой обстановки, несмотря на известное мне трудное условие, в котором Вы находитесь до подхода частей Мамонтова, все же со свойственной Вам энергией примете немедленно и решительно все меры к тому, чтобы Терская дивизия была переброшена к генералу Ревишину в наикратчайший срок. Сообщаю для сведения, что директивой Главкома отряд ген. Ревишина подчинен мне. Ст. Становой Колодезь. 8-го октября 1919 г. 9 часов. Нр. 0085. Ген. Май-Маевский».

При рассмотрении всех этих обстоятельств борьбы следует особенно подчеркнуть и тот факт, что именно 8-го октября в Таганроге, на Совещании генералов Деникина и Врангеля, было решено **подготовить и произвести вооруженный переворотъ на непокорной вольнолюбивой Кубани,** дабы всю ответственность за возможные неудачи «белого» движения возложить на головы кубанских самостийников, дабы очистить «белым» вождям пути отступления на Кубань, дабы избежать заслуженной кары со стороны Казачества, поставленного на самом краю пропасти всей политикой «белых» русских и русских-казачьих вождей. Русские генералы решили совершить еще одно тягчайшее преступление перед Казачеством (см. об этом далее).

Пока генералы разыскивали спасительную Терскую дивизию, 30 сентября, как сказано выше, со

станции Кантемировка началась уже спешная отправка Донской конной бригады. Только благодаря усилиям казаков этой бригады и были спасены артиллерийские склады на ст. Волноваха; благодаря этой же бригаде Деникин мог оставаться в г. Таганроге...

Как сказано выше, Донская бригада высадилась на ст. Волноваха 2 октября. «Несмотря на чрезмерное утомление бригады, ей не было дано, что называется, ни отдыха, ни срока. Один полк немедленно был отправлен походным порядком к ст. Цареконстантиновка, на которую наседал Махно, а с другой — для разведки на широком фронте — в сторону с. Гуляй-Поле. Таким образом полки в незнакомой им боевой обстановке сразу были лишены об'единяющего начала в лице своего командира бригады... Защита городов Бердянска и Мариуполя была поручена местным гарнизонам, но они были настолько малочисленны и деморализованы быстротой движения Махно, что после слабого сопротивления быстро откатились в сторону Таганрога. Это создало большую угозу ставке Главнокомандующего».

«Нужно было во что бы то ни стало, не теряя ни одного дня, снова занять Мариуполь и очистить весь приморский район, дабы спасти штаб и обеспечить ему спокойную работу»... И действительно, Донская бригада заняла Мариуполь. «Ей одной принадлежит и честь защиты Ставки от возможного разгрома», повествует один из участников всей операции (журн. «Казачьи Думы», нр. 10 за 1923 г.) Оперативная сводка Добр. армии 8-е октября 1919 г. сообщила:

«Сводная Донская бригада полковника Морозова после боя выбила махновцев из Мариуполя, захвачено 2 орудия и пулеметы».

После взятия г. Мариуполя Донская бригада направилась далее на запад. Эта казачья бригада заняла потом Н. Спаское, гор. Бердянск, Черниговку, В. Токмак....

В это время прибыла Терская дивизия, направленная в район Гуляй Поля. 18 октября эта дивизия занимала район Покровское - Богодар - Гуляй Поле. Особенно упорные бои произошли у станции По-

логи и сел. Гуляй Поле. Потом Терцы заняли Омельник, г. Орехов, Жеребец, Дарьевку...

Ударом Донской бригады с юга, а Терской дивизии с востока и с севера 23 октября был занят г. Александровск. Официальная сводка Добр. армии 24 октября с восторгом сообщала: «Значительные силы махновцев, неуспевшие переправиться через р. Днепр, **массами уничтожаются в районе ст. Янцево – Александровск»...**

По воле Деникина в октябре 1919 г. на Украине работало 9-ть конных казачьих полков (4 полка Терской дивизии, два полка Донской бригады полковника Морозова, 42-й Донской, 2-й Лабинский и Черноморский полки) и 2-я Терская пластунская бригада. Этим облегчались задачи красной России, стремившейся завоевать Казачьи Земли.

Казаки, спасая русских «белых», губили свое казачье освободительное движение.

ОСЕННЕЕ ГЕНЕРАЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ

Августовское продвижение 9-й и 10-й советских армий в пределы Дона чрезвычайно встревожило донцов. Донское Правительство и, особенно, донское командование должны были принять необходимые меры для освобождения той части Донской Земли, которая в августе была занята красными армиями. Наряду с об'явлением Донским Правительством 19 августа 1919 г. новой мобилизации казаков (до 48 летнего возраста) донское командование принимало все возможные меры для полного очищения Дона.

Уже 27 августа командующий Донской армией ген. Сидорин приказал 1-му и 2-му Донским корпусам возможно скорее нанести удар вверх по р. Медведице, а 4-му корпусу ген. Мамонтова, по ликвидации Лискинско – Валуйской группы красныхъ, **ударить по тылам противника в сторону р. Волги...** Приказ командующего Донской армией, данный армии 6-го сентября, проводил ту же мысль о необходимости скорейшей ликвидации красных войск, захвативших к тому времени значительную часть Дон-

ской территории (см. выше: «Завершение генерального русско-казачьего сражения»).

10-го сентября Донское командование весьма настойчиво убеждало ген. Деникина о необходимости окончательной ликвидации Приволжской группы красных войск.

Так как лобовые удары по 8-й сов. армии, с целью захвата узловой станции Лиски, не дали для казаков желательных результатов и причинили только огромные потери казачьим частям, то Донское командование того же 10-го сентября приказало войскам разбить Калачевско – Павловскую группу советских войск и, путем обхода Лискинской группы красных войск с севера, уничтожить и эту последнюю.

12 сентября начальник штаба Донской армии по телеграфу пояснил начальнику штаба ген. Деникина, что «при успехе нашей конницы с севера на направлении Бобров – Таловая – Калач представляется благоприятный случай не только совершенно вывести из строя остатки 8-й армии, но и прикончить с главной группой Приволжского фронта — Буденным».

В тот же день, 12 сентября, командующий Донской армией вновь приказал всем четырем Донским корпусам перейти в общее наступление.

Мы уже знаем, что наступление донцов между р. Доном и р. Хопром не удалось. Больше того, 2-й корпус принужден был даже несколько осадить назад и временно уйти на правый берег р. Дона.

Теперь и 9-я сов. армия вплотную подошла к левому берегу р. Дона между городом Павловском и устьем р. Хопра, а 8-я армия занимала фронт вверх по течению р. Дона от г. Павловска через Лиски и далее до Борщева.

Согласно распоряжениям красного командования известный нам сильный корпус Буденного должен был переправиться через р. Дон у станицы Казанской и ударить в юго-восточном направлении непосредственно по тылам 2-го и 1-го Донских корпусов с целью облегчения дальнейшего продвижения вперед 9-й и 10-й советских армий. 16-го сентября корпус Буденного был уже в районе ст. Казанской и приступил к организации переправы на правый берег р. До-

на. 17-го сентября главнокомандующий красными армиями полк. Каменев «настойчиво добивался направления Буденного на юго-восток от Богучара» (Егоров. Разгром Деникина, стр. 151 и 178).

Вновь наступил весьма решающий и критический момент в казачье-русской войне: Усть-Медведицкий и Хоперский округа Дона были заняты красными; целых три русских армии — 10-я, 9-я и 8-я, в состав коих входило два лучших сильных боевых корпуса красной конницы — Буденного и Думенко, — нависали на всем течении среднего Дона, от гор. Воронежа до района гор. Царицына, и каждую минуту готовы были всей своей тяжестью ринуться через р. Дон с целью дальнейшего захвата Казачьих Земель...

«Оценивая серьезную угрозу этой группы, Донское командование обращалось неоднократно к главнокомандованию с просьбой прежде всего уничтожить эту группу и, лишь после этого, продолжать марш на север», говорит бывший начальник разведывательного и оперативного отделений штаба Донской армии генерального штаба полковник Добрынин; «предлагалось сосредоточить всю массу конницы Юга России в Воронежском районе и ударом по тылам Приволжской группы в общем направлении на Балашов и далее, по обстановке, на Саратов или Камышин, разбить ее. Эта операция сразу изменяла положение на всем фронте и выводила его на всем протяжении за границу области, разрешая тем самым острый вопрос так называемой «пограничной болезни» казаков, неохотно удалявшихся от границ Дона» («Борьба с большевизмом на Юге России», стр. 83).

Однако, и теперь снова **интересы Казачества резко столкнулись с интересами «русского белого движения»** — казаки бились **за свою землю и волю,** а Деникинъ делал последнюю ставку, стремясь во что бы то ни стало пробиться к Москве. Поэтому Деникин «17-го сентября вновь предписал Донской армии ограничиться в центре и на правом фланге обороной, чтобы сосредоточить надлежащие силы на своем левом фланге против Лиски и Воронежа» (Деникин. Очерки Смуты, т. 5-й, стр. 232).

Сопоставляя этот приказ ген. Деникина с выше приведенным приказом главкома Каменева, данным в тот же день 17-го сентября, видим, что красная Россия собиралась нанести главный удар именно по Казачьим армиям, а белая Россия старалась в это время опереться на казаков при движении «белых» на Москву. Чтобы не быть голословным, отметим, что 18 сентября 1919 г. (1-го октября по нов. стилю) главком Каменев, в разговоре по прямому проводу с командующим Приволжской группой красных армий Шориным, подчеркнул: **«центр тяжести операции против Деникина лежит на вас»** (Егоров. Разгром Деникина, стр. 151). Это указание красного главкома тем более характерно и показательно, что Деникин еще 7-го сентября захватил гор. Курск и поднимался к гор. Орлу. И при этих условиях казачьи армии являлись наиболее опасным противником красной России.

Насущные интересы Казачества и реальная боевая обстановка на Донском фронте не позволили донскому командованию выполнить выше приведенный приказ Деникина. 17-го сентября ген. Сидорин отдал директиву о переходе Донской армии в общее наступление с целью, не выпуская инициативы действий из своих рук, **разбить** 8-ю и 9-ю сов. армии. Было приказано: 1-му корпусу выйти на фронт Арчеда-Усть Бузулукская; 2-му Корпусу — форсировать Дон и выйти на фронт Усть-Бузулукская — гор. Калач; 3-му форсировать р. Дон на участке Богучар-Павловск и наступать на фронте Подгорная и Осеред; 4-му корпусу Мамонтова и 3-му Кубано-Терскому действовать во фланг и тыл 8-й сов. армии с севера.

Так как красное и донское командование ставили активные задачи для своих войск, занимавших фронт по р. Дону, на всем казачье-русском фронте началось новое генеральное сражение.

Обратимся теперь к действиям 4-го Донского корпуса ген. Мамонтова. Выполняя диективу командарма, данную еще 12 сентября (см. выше), этот корпус 12-13 сентября прорвал фронт 12-й сов. дивизии, переправился на левый берег р. Дона в районе Борщова,

что севернее гор. Коротояка, и ударил по тылам 8-й сов. армии в общем направлении на станцию Таловую.

Один из большевицких исследователей прошлых событий об этом рейде 4-го корпуса между прочим говорит следующее:

...«Занятие ст. Таловой конницей Мамонтова нарушило связь штаба 9-й армии с его правофланговыми частями и, в случае ее дальнейшего продвижения, создавало сильную угрозу Новохоперскому району. Поэтому командование Юго - Восточным фронтом (Шорин) на борьбу с этим рейдом бросило значительные силы. Против корпуса Мамонтова направились конный корпус Буденного, кавалерийская группа 9-й армии под командованием Блинова, 21-я стрелковая дивизия — резерв фронта, располагавшаяся в Новохоперске, 22-я железно - дорожная бригада и разного рода местные формирования» (Какурин. Как сражалась рев., т. 2-й, стр. 314).

Количество и сила войсковых частей, брошенных красным командованием на ликвидацию второго рейда корпуса Мамонтова, убедительнее всего говорят о том, какое фактичесткое значение имел этот новый казачий рейд.

Выше было отмечено, что 17-го сентября главком Каменев настойчиво требовал скорейшего перехода корпуса Буденного на правый берег р. Дона для облегчения перехода на тот же берег всей 9-й советской армии. Однако, Буденный, получив сведения о новом рейде Мамонтова по тылам красных армий, не выполнил боевого приказа о переправе на южный берег р. Дона и **самовольно направился со своим корпусом на север для преследования Мамонтова:** 18-го сентября через ст. Криушу Буденный двинулся на север — на Таловую, находящуюся верстах в 150 к северу от станицы Казанской; 23-го сентября Буденный был уже в районе Чесменки — севернее гор. Боброва, выйдя на правый фланг 8-й сов. армии (Егоров. Разгром Деникина, стр 179).

Командующий Юго - Восточным советским фронтом царский офицер генерального штаба Шорин, 19-го сентября сообщая главнокомандующему Каменеву о

самовольном уходе Буденного на север, заявил: «Раз уж так вышло, то прошу дать ему задачу разбить этого Мамонтова». Главком Каменев на это ответил: «Очень печально, что у Вас так исполняются приказания. Теперь ничего не остается, как только согласиться с Вашим решением» (там же, стр. 152).

Самовольный уход Буденного со среднего Дона на север от железной дороги Лиски-Балашов создал новую и неожиданную обстановку на фронте. Даже большевицкие исследователи прошлых больших событий признают, что уход Буденного на север для поисков Мамонтова **сорвал всю намеченную операцию перехода 9-й сов. армии на правый берег р. Дона.** Это было первым, как видим, весьма существенным последствием второго рейда Донской конницы Мамонтова (о первом рейде на Тамбов - Козлов - Елец и т. д. см. выше).

Не менее важным было и то, что второй рейд Мамонтова отразился резко отрицательно на состоянии и боеспособности 8-й сов. армии, уже сильно потрепанной казаками в августовских и сентябрьских боях.

Бывший командующий Южным советским фронтом полк. Егоров о состоянии 8-й сов. армии пишет следующее:

...«22 сентября в одну из фланговых частей 9-й армии прибыл уполномоченный от штаба 8-й армии с докладом о состоянии частей, который по телеграфу был передан в центр. В этом докладе командование армией рисует состояние частей последней в самых мрачных красках. В результате потери Воронежа, сильнейшего нажима по всему фронту армии и особенно в центре и на левом фланге, нахождения в тылу рейдирующего корпуса Мамонтова, а равно и в силу отсутствия всякой связи с соседями и высшими штабами (отсутствовала даже радиосвязь), при полном истощении боеприпасов всякого рода, — армия потеряла возможность не только наступать, но и оказывать какое-либо противодействие угрозе обхода противника... Было ясно, что для спасения армии от окончательного развала и возможного уничтожения надо было не требовать от нее наступательных дей-

ствий, как это делало фронтовое командование, а стремиться к выводу ее из-под ударов противника и, воспользовавшись каким-либо естественным прикрытием, заняться приведением ее частей в порядок, пополнением боеприпасов и только тогда приступить к продолжению борьбы. Это решение на свой собственный страх и риск принял временно командующий армией т. Ратайский, причем в качестве прикрывающего рубежа им была избрана река Икорец от ст. Тулиново до ее впадения в Дон. Сюда-то и начался 22 сентября тяжелый отход армии под не прекращавшимися ударами белых. За этот промежуток времени Мамонтов успел сделать налет на Таловую, чем сорвал, как мы видели, наступление 9-й армии и облегчил в свою очередь наступление Донской армии. К 22 сентября, возвращаясь к Воронежу на соединение с корпусом Шкуро, Мамонтов находился в районе Московское. Таким образом отходящим правофлангвым дивизиям пришлось встретиться при своем отходе с Мамонтовым, вследствие чего отход совершался медленно и с большими потерями»... (Егоров. Разгром Деникина, стр. 178-179).

Вследствие этого вынужденного отхода 8-й сов. армии станция Лиски 23 сентября попала, наконец, в руки частей 3-го Донского корпуса.

Следует отметить, что в это время донское командование настаивало на том, чтобы конный корпус Шкуро из района гор. Воронежа тоже ударил в юго-восточном направлении с целью ликвидации 8-й сов. армии. На это ген. Деникин 19-го сентября ответил следующей телеграммой:

«Срочно. Секретно. Миллерово — Командарм Дон. Дополнение нр. 013148 и на нр. 0447/К. Генерал Шкуро совершенно прав, что отвлекает на себя силы, так как глубокое продвижение Добрармии запутает все карты противника и заставляет его снимать силы с Вашего фронта, дабы заткнуть пустое место перед фронтом Добрармии. Несомненно прав Шкуро в стремлении обеспечить частью сил Воронеж. Совершенно непонятно для меня появление ген. Мамонтова в районе Воробьевка - Бутурлиновка вместо выполнения прямой задачи содействия овладению Лискинскимъ уз-

лом. Потребуйте прежде всего от постоянных Ваших подчиненных выполнения поставленных им задач, дабы ген. Шкуро не было поводов уклоняться от исполнения Ваших приказов. Жду точных донесений, где ген. Мамонтов и почему он оказался совсем не там, где ему надлежит быть.

Таганрог. 19-9-19. Нр. 013152. Деникин.»

В этот же ден ген. Деникин телеграфировал командующему Донской армией: ...«Ген. Мамонтов, вместо выполнения поставленной задачи, гуляет по пустым местам»... и т. д. (см выше: «Русское командование и Донская армия»).

Чтобы закончить общее рассмотрение второго рейда ген. Мамонтова, сошлемся на донесение его штабу Донской армии 22 сентября 1919 г.:

«Оперативная. После ряда успешных боев у Аношкино, Давыдовки, Можайское, Криуша, Таловая, Нов. Чилга, Чесменка, Рогачевка и Подклетное Корпус вышел в район Усман (Собакино). Взято свыше 8 тысяч пленных и комиссаров совет. Республики и бронированный поезд совершенной конструкции, два вполне исправных действующих бронеавтомобиля, три легких и два грузовых автомобиля, шесть поездных составов груженных интендантским имуществом.

Сегодня Корпус переходит в район Рогачевки, двигаясь в общем в направлении на Средн. Икорец»...

24 сентября, заметая следы своих нападок на Донскую армию (см. «Русское командование и Дон. армия»), ген. Деникин телеграфировал командующему Донской армией:

«Генералу Сидорину. Май-Маевскому.

Сердечно благодарю Вас и прошу передать **доблестным** частям ген. Мамонтова и ген. Шкуро мою искренюю благодарность за их последнюю боевую работу, закончившуюся разгромом частей 8-й советской армии и захватом важного железно-дорожного Лискинского узла.

Севастополь. 24-9. 1919 г.»

Так как Кубано - Терский конный корпус ген. Шкуро 17-го сентября занял г. Воронеж и продвигался далее на север, на северо-восток и на восток от этого города, а корпус ген. Мамонтова рейдировал по

большевицким тылам к юго-востоку от гор. Воронежа, весь Южный советский фронт оказался разорванным в районе Воронежа, при чем 8-я сов. армия, принадлежавшая к составу армий Южного красного фронта, была оторвана от соседней справа 13-й сов. армии и прижата к 9-й армии, входившей в состав Юго-Восточного сов. фронта.

Как мы знаем, корпус Буденного, самовольно ушедший из расположения армий Юго - Восточного фронта, 22-го сентября оказался на правом фланге 8-й сов. армии, т. е. в расположении Южного сов. фронта. Командующий этим последним фронтом решил немедленно воспользоваться корпусом Буденного и 23-го сентября следующим образом определял задачу для действий этого сильного большевицкого корпуса: «Поскорее покончить с этим конным кошмаром и дать возможность 9-й сов. армии основательно закрепиться на Дону». Красный главком, давая свое согласие на это решение, заявил: «Буденный, давя на Мамонтова, а затем на Шкуро, окажет значительную поддержку 8-й армии» («Гражданская война», т. 3, стр. 265).

24-го сентября корпус Буденного был подчинен командующему Южным советским фронтом. Командующий этим фронтом следующим образом формулировал боевую задачу для Буденного:

«Мамонтов и Шкуро соединились в Воронеже и действуют на Грязи — разыскать и разбить их» (там же).

С конца сентября 1919 г. началось боевое состязание казачьей и большевицкой конницы в районе гор. Воронежа (см. об этом далее).

Тем временем разыгрались решительные события на центральном участке фронта, занимаемого Донской армией.

Начатая еще 19 августа 1919 г. новая мобилизация на Дону (до 48 летнего возраста) дала весьма значительные пополнения в Донскую армию. Не имея точных данных о результатах этой мобилизации к началу общего наступления Донской арми, т. е. 19-22 сентября того года, приведем официальные данные

Донской армии по этому вопросу к 1-му октября 1919 г.:

Мобилизация казаков Дона, с 19-го августа по 1-е октября 1919 г., дала:

	пеших	конных	артилл.	всего
1-й корпус	6586	2733	443	9762
2-й корпус	2628	565	146	3339
3-й корпус	4193	1222	114	5529
4-й корпус	—	—	—	—
Всего:	13407	4570	703	18630

Если сравнить достигнутые этой мобилизацией результаты с силами Добровольческой армии, увидим, что за пять недель в Донскую армию вновь поступило по мобилизации 18630 бойцов, тогда как вся Добровольческая армия, согласно данным Деникина, на 1-е октября того же 1919 г. состояла только из 20500 бойцов. Кроме этих войск Деникин имел в Киевской области 9 тысяч бойцов и на правом берегу Днепра в общем 15 тыс., при чем в состав этих войск входили 2-я Терская пластунская казачья бригада и 42-й Донской и 2-й Лабинский конные полки. (Деникин. Очерки, т. 5-й, 117 и 230 страницы).

Об'ективный исследователь должен признать, что, вообще говоря, план перехода в наступление Донской армии был разработан весьма искусно и что преодоление такой водной преграды, какой в действительности является река Дон, было проведено блестяще. Также направление корпуса Мамонтова против правого фланга и в тылы наиболее ослабленной предыдущими боями 8-й советской армии было задумано и осуществлено в полном соответствии со всей обстановкой на казачье - русском фронте во второй половине сентября 1919 г.

Одновременно с сильным ударом 4-м Донским корпусом по правому флангу и тылам 8-й советской армии, части 3-го Донского корпуса 19-22 сентября переправились на левый берег р. Дона в районе Гороховки, Н. Калитвы, Карабута и Семейки, нанося удары на стык 8-й и 9-й советских армий, в обхват левого фланга 8-й армии.

В то же время части того же 3-го Донского корпуса производили сильный натиск на 8-ю сов. армию у Лисок, Урыва и у Борщева...

Смелый охват флангов 8-й армии, казачьи удары на ее центральные дивизии и рейдирование 4-го Донского корпуса на ее тылах принудили эту армию уже 21-го сентября начать отступление на линию р. Икорец.

В этой первоначальной фазе общего наступления Донской армии особенно сильные, часто встречные, бои разыгрались между р. Подгорная и р. Осеред на левом берегу Дона. Некоторые населенные пункты в течение ряда дней по несколько раз переходили из рук в руки... Со стороны красных в этом районе весьма упорно дрались части 40-й (из состава 8-й армии), 36-й, 56-й и 14-й (последние три дивизии из состава 9-й сов. армии) красных дивизий. Казачьи части, хотя и несли значительные потери, все же принудили красные русские войска к отступлению, при чем 40-я дивизия, упорно обороняясь, постепенно отходила на север, а 56-я, 36-я и 14-я дивизии 9-й армии отходили на северо-восток и на восток...

23-26-го сентября и части 2-го Донского корпуса переправились через р. Дон на фронте г. Богучар-станица Казанская, у Голиевки и Белой Горки, и шаг за шагом продвигались вперед, в общем направлении на северо-восток. И на фронте 2-го Донского корпуса красные дрались упорно и наносили казачьим частям иногда весьма значительные потери, но не могли остановить боевого порыва доблестных донских частей, стремившихся выгнать противника с Донской Земли

Бои частей 3-го и 2-го Донских корпусов в районе г. Павловска, г. Калача, Криуши и т. д. иногда по необходимости принимали характер борьбы на уничтожение сил противника... Тем не менее командующий Юго-Восточным фронтом Шорин вынужден был 30-го сентября приказать 9-й сов. армии отойти на линию: устье р. Икорец – Бутурлиновка – Успенская-Тишанская – Кумылженская – Арчедин (Какурин. Как сражалась революция, т. 2-й, стр. 315).

Красный главком Каменев не согласился с этим

распоряжением фронтового командования и 1-го октября приказал 9-й армии восстановить утраченное на р. Дону положение.

Однако под мощными ударами Донской кавалерии и пехоты 8-я сов. армия откатывалась все далее на север — к линии железной дороги г. Бобров-ст. Таловая, а 9-я сов. армия почти безостановочно отходила к р. Хопру, неся значительные потери пленными и в материальной части.

Казаки выбили красных из ст. Лисок, г. Павловска, сел. Бутурлиновки, г. Калача и из целого ряда станиц, сел и хуторов между реками Доном и Хопром.

Обратимся теперь к событиям на фронте 1-го Донского корпуса, который, согласно директивам командующего Донской армией, данной 17-го сентября 1919 г., должен был выйти на фронт Арчеда-Усть Бузулукская.

19-20 сентября в районе станиц Клецкой и Перекопской части этого корпуса переправились на левый берег. р. Дона и заняли хутора Дружилинский, Сарминский, Н. Затонский и Орловский, частью изрубив и частью взяв в плен 415-й и 416-й стрелковые красные полки и захватив 6-ть орудий...

23-24 сентября казаки переправились на левый берег р. Дона между устьями р. Медведицы и р. Хопра и захватили ряд хуторов между этими реками.

Почти одновременно совершена была переправа к востоку от станицы Усть-Медведицкой, причем был уничтожен 177-й сов. полк и захвачено 800 пленных. 27-го сентября была занята ст. Н.-Александровская; 1-2 октября на правом берегу р. Медведицы были заняты станицы Глазуновская, Скуришенская и Арчединская, но 3-го октября под ударами красных донцы очистили эти станицы и отошли на южный берег р. Медведицы в район станицы Кепинской.

Дело в том, что еще 27-го сентября командир 1-го Донского корпуса опасался наступать далее, ввиду пассивности Кавказской армии, остававшейся значительно позади вправо от этого корпуса. Вообще го-

воря, боевые операции на фронте соседней Кавказской армии имели весьма большое влияние на ход операций, как 1-го Донского корпуса, так и всей Донской армии, вновь перешедшей в решительное и весьма энергичное наступление против красных армий, захвативших значитльную часть Донской Земли.

27-го сентября, очевидно, с целью сорвать успешно начавшееся наступление Донской армии, 10-я советская армия перешла в решительное наступление против Кавказской армии по всему фронту между р. Волгой и р. Доном (см. выше: «Героическая борьба Кавказской армии»). При этом конница красных под командой Думенко и Жлобы направилась из района станицы Качалинской прямо на юг с целью выйти в тыл Кавказской армии.

28-29 сентября красная конница прорвала фронт Кавказской армии в районе хутора Вертячий и 29-го сентября, выйдя в глубокий тыл Кавказской армии, заняла станцию Карповка на линии железной дороги Царицын - Лихая.

Когда совершался этот рейд красной конницы на тылы Кавказской армии, командующий этой последней ген. Врангель 29 сентября имел важное совещание с командующим Донской армией ген. Сидориным на станции Чир. «Мы только что сели завтракать», повествует ген. Врангель, «как ген. Шатилов (нач. штаба Кавказской армии) вызвал меня к телеграфному аппарату (со станции Воропоново, что у Царицына). Он успел передать мне, что станция Карповка красными занята, как ток прервался» (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 206-207).

Совещание Сидорина и Врангеля немедленно было прервано. Можно себе представить, какое впечатление на командующего Донской армией произвел этот весьма серьезный большевицкий прорыв фронта Кавказской армии именно в то время, когда все четыре Донских корпуса перешли в наступление по всему фронту от гор. Воронежа до стыка с Кавказской армией сравнительно недалеко от гор. Царицына.

К тому же командующий Кавказской армией барон Врангель 30 сентября, т. е. на другой день после прерванного большевицким прорывом свидания его

с ген. Сидориным, послал последнему нижеследующую телеграмму:

«Командарм Дон. Конница красных, занявшая вчера район хуторов Россошинский, Бабуркин, станцию Карповка, после упорного боя сегодня утром оттеснена к хуторам Вертячий – Пащинский. Сегодня к вечеру в этом районе обнаружены все полки конного корпуса Думенко с многочисленной артиллерией и броневиками. **Все попытки выбить противника из района Вертячий – Пащинский успехом не увенчались и положение на левом фланге армии остается серьезным.** Намеченная Вами переброска двух конных бригад в район Трехъ-Островянской и угроза отсюда тылу неприятельской конницы чрезвычайно облегчила бы положение Кавказской армии. Прошу сообщить, к какому сроку могу расчитывать на эту помощь. 30-9-19. Врангель.»

Кавказская армия, принужденная драться на три фронта, находилась в очень тяжелом положении. Кроме того, она была подорвана морально политикой русского «белого» движения, руководители которого дошли уже до того, что в сентябре, как мы знаем, об'явили «экономическую блокаду Кубани», храбрые сыны которой составляли большинство бойцов Кавказской армии...

Вследствие такого положения дел на фронте этой армии, командующий Донской армией ген. Сидорин был лишен возможности продолжать наступление правым флангом своей армии, почему того же 30 сентября отдал приказ по Донской армии, ставивший ей такие задачи: 1-му корпусу держать р. Дон, 2-му — развивать достигнутый успех и конницу двинуть в северном направлении, 3-му корпусу — овладеть гор. Бобровым и продолжать движение на Таловую, а 4-му — разбить Буденного и двигаться на станцию Анну.

Как видим, задачи 1-го Донского корпуса, имевшего на своем правом фланге Кавказскую армию, сводились только к удержанию течения р. Дона. Это обстоятельство, понятно, имело весьма и весьма большое отрицательное влияние на весь дальнейший ход так прекрасно задуманного и блестяще начатого наступления Донской армии.

1-го октября усилиями славных частей Кавказской армии смелый налет красной конницы на тылы этой армии был ликвидирован (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 205-208).

Сковав у Царицына Кавказскую армию путем сильных нажимов на нее с юго-востока частями 11-й сов. армии(со стороны Черного Яра), и из-за Волги, а также с севера, главным образом, пехотой, советское командование сняло красную конницу Думенка с фронта Кавказской армии и перебросило ее сначала на фронт против 1-го Донского корпуса, а потом — и против 2-го.

Кавказская армия к 10-му октября вышла на линию Дубовка - хутор Шишкин, заняв таким образом фронт между Волгой и р. Доном верстах в 40-45 к северу от гор. Царицына.

Командующий этой армией, ген. Врангель, с начала октября занялся не руководством боевыми операциями, а весьма усиленной подготовкой военного переворота на Кубани. Кавказская армия далее к северу не продвигалась, хотя все об'ективные данные говорят за то, что это продвижение, так необходимое для обеспечения правого фланга перешедшей в наступление Донской армии, можно было осуществить, если бы командование Кавказской армией находилось в казачьих руках... В бою 27-го сентября того года пал смертью храбрых доблестный генер. Мамонов... Ген. Улагай «окончательно изнервничался» (Врангель. Записки, т. 1-й стр. 223)... Генералы же Врангель, Покровский и Науменко... митинговали в Екатеринодаре, подготовляя переворот.

Кавказская армия, оставаясь пассивной в районе Царицына, естественно, сковывала действия правого фланга Донской армии. Хорошо осведомленное о положении Кавказской армии большевицкое командование получило полную свободу действий против Донской армии.

Выше мы говорили о том, что во второй половине сентября 1919 г. противоденикинское восстание охватило всю степную Украину и что в конце сентяб-

ря и в начале октября Деникин весьма настойчиво требовал выделения боевых частей из состава Донской армии на внутренний фронт. И действительно в самый разгар начавшегося наступления Донской армии из ее состава была вырвана сводная бригада полк. Морозова и брошена к Азовскому морю.

Самый факт восстания населения Украины в глубоком тылу антибольшевицких армий морально обессиливал противобольшевицкий фронт.

Между тем важное дело ликвидации 8-й сов. армии вступило в самую решительную фазу. Решался вопрос: или эта, уже охваченная казаками с трех сторон, армия будет совершенно выведена из строя, или же красному командованию удастся сохранить ее, усилить новыми пополнениями и снова сделать ее серьезным орудием на противоказачьем фронте.

23-го сентября донцы заняли станцию Лиски и к вечеру того же дня донские стрелки, двигаясь в направлении на гор. Бобров, достигли уже ст. Сред. Икорец, захватив в плен начальника штаба советской дивизии. Как видно из оперативной сводки, 25-го сентября «стрелки, по грудь в воде переправившись через реку Икорец», повели внезапную атаку на красных у Николаевки.

Части 4-го Дон. корпуса, выступив 23-го сентября из Рогачевки, 24-го сент. выбили части 8-й сов. армии из селения В. Икорец и преследовали противника в направлении переправ через р. Битюг.

26-го сентября части корпуса Буденного появились у Чесменки, повисая на левом фланге частей 4-го Донского корпуса, наступавших в направлении гор. Боброва с северо-запада.

Это появление Корпуса Буденного на правом фланге 8-й сов. армии изменило в пользу красных соотношение сил противников в районе Воронеж-Бобров. Это обстоятельство, как уже было отмечено, выше, незамедлило учесть красное командование. Оно быстро привело в порядок части 8-й армии, пополнило их бойцами и боевыми припасами, наладило связь. Был отдан приказ командующему Юго - Восточным красным фронтом «оказать всемерное содействие 8-й армии в деле восстановления ее боевой мощи».

29-го сентября командующий Южным сов. фронтом отдал директиву, следующим образом определявшую задачи корпуса Буденного и 8-й армии:

«Противник продолжает развивать операции против Орла, Новосиля и Ельца и в районе Павловска. Последние данные разведки указывают на начавшееся движение неприятельской конницы из района Воронежа на север и северо-восток (возможно 3-го конного корпуса Шкуро).

Приказываю: 1) Комкору конного Буденному, с приданными ему кавчастями 8-й армии, разбить эту конницу противника и способствовать своими активными действиями 8-й армии при выполнении ею поставленной ниже задачи.

2) Командующему 8-й перейти в решительное наступление на всем фронте армии, в кратчайший срок выйти на линию р. Дона до Ендовище на севере включительно, приняв соотвествующие меры по обеспечению своего левого фланга.

3) Комкору Буденному и командарму 8-й обратить особое внимание на поддержание непрерывной связи друг с другом.

4) О получении сего и сделанных распоряжениях донести. Нр. 10825/оп. Комфронт Егоров. Члены РВС Лашевич, Сталин. Начштаба Петин».

(Егоров. Разгром Деникина, стр. 181).

Так как селение Ендовище находится на правом берегу р. Дона северо – западнее гор. Воронежа, осуществление выше приведенной директивы означало необходимость разгрома корпусов Шкуро и Мамонтова и вытеснение их из района этого города на западный берег реки Дона.

Что в действительности представляла из себя в то время эта казачья конная группа из двух корпусов?

4-й Донской корпус понес большие потери за время сентябрьских боев; кроме того, этот корпус был значительно ослаблен вследствие ухода казаков в отпуск. Как видно из официального донесения, «4-й отдельный конный корпус, по сведениям к 1-му октября, состоял и состоит из 9-й Донской дивизии, в которую входят 8, 11 и 12 конные бригады и 10-й Донской дивизии из 9-й и 13-й конных бригад. Бригады

9-й Донской дивизии за малочисленностью сведены были каждая в сводный полк с соответствующими номерами»...

Сверх того, в конце сентября командир корпуса ген. Мамонтов отбыл в тыл в связи с тем, что 1-го октября в Новочеркасске начиналась сессия Большого Войскового Круга и ген. Мамонтов собирался лично выступить на Круге с докладом о рейде на тылы красных армий Южного фронта.

Действовавший севернее 4-го корпуса, Кубано-Терский корпус ген. Шкуро был так же наполовину обессилен тем, что из его состава в самом начале октября Деникин взял Терскую дивизию и отправил ее на борьбу с украинскими повстанцами (см. выше: «Казаки снова спасают Добрармию»). Ген. Шкуро тоже уехал в тыл...

В начале октября 1919 г. Кубано-Терским корпусом временно командовал ген. Губин, а 4-м Донским, так же временно, ген. Секретев.

Согласно директиве командарм Дон ген. Сидорина 4-й Донской корпус должен был направиться из района Усмань (Собакино) – Рогачевки снова на тылы 8-й сов. армии в общем направлении на станцию Таловую, находящуюся верстах в ста на юго-восток от гор. Воронежа. В то же время Кубано-Терский корпус растягивался на север, имея целью захват узловой станции Грязи, удаленной от г. Воронежа верст на сто в северо – восточном направлении...

Буденный, обходя г. Воронеж с востока, 2-3 октября главными своими силами поднялся в район Чебышевки и мог легко бить в разрез расходящихся направлений казачьих корпусов. Эту угрозу сразу почувствовалъ временно командующий Кубано-Терским корпусом ген. Губин, почему 2-го октября обратился к командующему Донской армией и к командующему Добровольческой армией ген. Май-Маевскому с настойчивой просьбой об'единить в одних руках командование обоими казачьими корпусами «с целью разбить конницу красных в районе Орлово – Рождественское – Тулиново – Графская».

С этим предложением 3-го октября согласился командующий Донской армией и просил ген. Деникина

а) «немедленно об'единить конницу 3-го Кубано-Терского и 4-го Донского корпусов под начальством вридкомкора 4-го конного ген. Секретева» и б) «ограничить задачу этой конной группы лишь разгромом Буденного, не требуя занятия узла Грязи» (телеграмма нр. 0547/К).

Вместе с тем донское командование приостановило дальнейшее движение 4-го корпуса на юго-восток, уже сосредоточившегося в районе Московское-Кондрашино.

Вообще же и во всей Воронежской операции казачьей конницы так ярко проявились гибельные последствия пребывания высшего руководства боевыми операциями казачьих частей в руках русского командования: Деникина манил к себе малиновый звон московских колоколов и он тянул казаков на север; а ген. Сидорин тянул Воронежскую казачью группу войск на юго-восток...

Желание одновременно использовать казаков для русских и для казачьих целей весьма пагубно отразилось на судьбе Казачества и в то же время не принесло пользы русским.

Единая цель и единое командование давали большое преимущество «красной» России.

Теперь посмотрим, что представляли из себя об'единенные силы конного корпуса Буденного и 8-й сов. армии, которым 29 сентября была поставлена задача — скорейшего выхода на р. Дон. Согласно большевицким данным к 27-му сентября эти силы заключались в следующем:

	шт.	саб.	оруд.
Корпус Буденного	590	7450	26
8-я армия	22500	373	200
Всего	23090	7823	226

(Егоров. Разгром Деникина, стр. 226)

Эта группа большевицких войск, хотя и входила в состав Южного советского фронта, но действовала

исключительно против казаков. Кроме этой группы большевицких войск, казачьи армии имели против себя весь Юго-Восточный сов. фронт под командованием Шорина. В состав этого фронта, как известно, входили 9-я, 10-я и 11-я русские армии. К 6-му октября в этих трех армиях было 60.000 штыков и 10.000 сабель (Егоров. Разгром Деникина, стр. 144).

Таким образом в начале октября 1919 г. на противо-казачьем фронте, растянувшемся от г. Воронежа до г. Астрахани, «красная» Россия имела 83 тысячи штыков и около 18-ти тысяч сабель, или в общем свыше 100 тысяч бойцов.

Для сравнения отметим, какие силы имели большевики на фронте войск Деникина. Согласно тем же большевицким данным, 6-го октября 1919 г. на фронте против Добрармии красные имели:

13-ю арм.	24.935	штык.	1053	сабель
14-ю арм.	17.778	штык.	3429	сабель
Всего	42.713	штык.	4482	сабель

12-я сов. армия, действовавшая тогда против Польши на фронте Паричи-Мозырь-Житомир и против войск Деникина Киевской области на фронте Фастов-Чернигов-Сосница, насчитывала 35 тысяч штыков и 1188 сабель Согласно данным Деникина, из состава 12-й сов. армии против войск Киевской обл. действовало до 25 тысяч (Деникин. Очерки, т. 5-й, стр. 230).

Таким образом в 12-й, 14-й и 13-й красных армиях на фронте Деникина действовало тогда в общем около 72 тысяч бойцов.

Как видим, в начале октября 1919 г. «красная» Россия на противо-казачьем фронте имела свыше 100 тысяч бойцов, а против Деникина около 70 тысяч бойцов. Хотя эти данные, как и вообще все данные о численном составе войск на тех или иных фронтах войны 1918-1920 годов, и не могут считаться за точные, но все же они дают общее представление о силах противников.

Возвратимся теперь к общему рассмотрению боев на левом фланге казачьего фронта.

На участок фронта Графская-Бобров большевицкое командование направило корпус Буденного и 12-ю, 15-ю, 16-ю и 33-ю дивизии из состава 8-й сов. армии, что представляло силу около 20-ти тысяч бойцов.

Против этих красных сил действовали ослабленные конные корпуса Шкуро и Мамонтова и левофланговые части 3-го Донского корпуса. Остальные части 3-го Донкорпуса действовали с юга против 40-й и 13-й дивизий 8-й сов. армии.

Хотя казачьи части весьма упорно дрались и умело маневрировали у Юдановки, Козаково, Можайского, Запрудского, Масальского, Московского, Рогачевского, Рогачевки, Усмани (Собакино) и т. д., но все же принуждены были сдавать под напором явно превосходных сил противника. Во время этих боев ослабленные силы 4-го Донкорпуса должны были помогать корпусу Шкуро, который согласно требованиям Деникина тянул на север, и в то же время тот же 4-й корпус должен был помогать и левофланговым частям 3-го Донкорпуса, защищавшим фронт по среднему и нижнему течению р. Икорец — против Давыдовки и Лисок. Вследствие этого силы 4-го корпуса разбрасывались на большом фронте. Так, например, 2-го октября главные силы корпуса были в районе Рогачевки, имея по полку (бывшие бригады) в Масальском и Усмань (Собакино), т. е. фронт численно слабого корпуса был растянут свыше чем на 50 верст. 3-го октября 4-й корпус дерется к северо-востоку от Усман-Собакино, в тот же день части его ведут бой у Казаково-Брилиантовки, и в тот же таки день бросаются в сторону Ср. Икорца «для уничтожения Лискинской группы красных». Иначе говоря, 4-й Донкорпус рассыпается на фронте протяжением около 70 верст...

Неразумная стратегия Деникина разбросала силы Кубано-Терского и 4-го Донского корпусов, ослабленные уводом Терской дивизии против Махно, на огромном пространстве от Воронежа до г. Землянска, Графской, Рогачевки и Можайского. Хотя каза-

ки и храбро дрались и весьма часто в отдельных районах наносили красным жестокие удары, но не могли удержать такой обширный район.

Русские генералы вели явно безумную игру с казачьими вооруженными силами: 1 октября большевики ворвались в Киев; Деникин подтягивает к Киеву 2-ю Терскую пластунскую бригаду, а 42 Донской и 2-й Лабинский казачьи полки продолжает направлять против украинцев.

29-го сентября красная конница Думенко прорвалась в тыл Кавказской армии; Донская армия, неся большие потери, геройски наступала на север и на северо-восток на большом фронте между р. Доном и р. Хопром; 3-й Кубано - Терский корпус Шкуро сражался в районе Воронежа, а в это время из штаба Деникина несутся грозные требования вырвать из состава этого Корпуса Терскую дивизию для спасения штаба Деникина в Таганроге...

И в то самое время, когда корпус Буденного и 8-я сов. армия систематически и сильно нажимали на фронте Воронеж - Лиски, из штаба Деникина несется один приказ грознее другого — во что бы то ни стало выхватить с антибольшевицкого фронта крепкую и доблестную казачью дивизию... Получалась ужасная картина: красный командующий Южным фронтом полк. Егоров 29 сентября приказал «в кратчайший срок» взять гор. Воронеж, а белый командующий Южным антибольшевицким фронтом ген. Деникин как-бы облегчает эту задачу...

Если нужно было защищаться от войск Махно, разве нельзя было взять с противо-украинского фронта 42-й Донской и 2-й Лабинский полки, а также 2-ю Терскую пластунскую бригаду?...

Несмотря на то, что морально придавленная Кавказская армия оставалась в районе Царицына, удерживая у устьев р. Иловли правый фланг 1-го Донского корпуса; несмотря на то, что из центра Донской армии Деникин взял сводную конную бригаду полк. Морозова, а из Воронежского района увел в тыл целую казачью дивизию, — правый фланг 3-го

Донкорпуса и весь 2-й Донской корпус почти безостановочно продвигались вперед и 7-8 октября вышли на линию железной дороги Бобров-Таловая, а также переправились на восточный берег р. Хопра.

Так как части 3-го Донского корпуса с юга, юго-востока и с востока теперь подходили уже к самому гор. Боброву, а гор. Воронеж все еще находился в руках казаков, 8-я сов. армия попадала как-бы в мешок. «Получался весьма уязвимый клин с очень узким основанием», говорит быв. командующий Южным красным фронтом полк. Егоров, и «малейшая неудача на правом фланге всей (8-й) армии грозила полнейшей катастрофой. Командюж вынужден был приказать командарму 8 снять все армейские резервы и направить их на правый фланг. Следует отметить всю опасность этого мероприятия по приведенным нами выше соображениям; но фронтовое командование опиралось во-первых на крепость и устойчивость корпуса Буденного, который к этому времени подходил на 10-15 километров к Воронежу, а во-вторых на ослабление Добровольческой армии в целом и в частности **на Воронежском направлении, что вызывалось оттяжкой части белых для борьбы с восстаниями в тылу.** Оба эти обстоятельства обусловливали директиву командюжа от 6-го октября нр. 11045/оп., в которой последний требовал от корпуса Буденного не втягиваться в позиционное расположение и действовать совместно с частями 8-й армии, чтобы в кратчайший срок овладеть Воронежом, после чего ожидался стремительный маневр на направление Касторная-Курск» (Егоров. Разгром Деникина, стр. 183).

И действительно, как говорит оперативная сводка Донской армии за 6-е октября, «6 октября противник обрушился по всему Воронежскому фронту большими массами конницы; в результате упорных боев наша конная группа отошла на фронт Масловка-Придача-ст. Отрожка; нами потеряны 3 орудия, больше 10 пулеметов, бронепоезд ген. Гусельщиков».

Сопоставляя факты, видим, что 4-го октября 1-я Терская дивизия фактически ушла с Воронежского фронта в тыл (находилась в пути на Лиски и далее), а 6-го октября оставшиеся под гор. Воронежом каза-

ки несут серьезное поражение от явно превосходных сил противника, оставляя в его руках орудия и пулеметы; вообще же оттяжка 1-й Терской дивизии в тыл явилась весьма важным поворотным пунктом в боях за обладание Воронежом...

Донское командование теперь уже, кажется понимало, насколько гибельной для Казачества в действительности являлась политика русских генералов, захвативших в свои руки высшее руководство антибольшевицкими вооруженными силами. Очевидно, не случайным было то, что Донское командование к 5-му октября подвело итоги наступления Донской армии, которые представляются в следующем виде:

«В результате перехода Донской армии в наступление с 22-го сентября взято до 20-ти тысяч пленных, 62 орудия, более 100 только зарегистрированных пулеметов. Уничтожена 14-я дивизия красных, почти окончательно разбиты 36 и 56, расстроено две бригады 38-й, бригаду 21-й, уничтожено бригаду 40-й, расстроено 20-ю, 32-ю и 39-ю дивизии, вызвана оттяжка конных корпусов Буденного и Думенко. Армия вновь захватила в свои руки инициативу, которую противник опять пытается вырвать, обозначив новый нажим на фланги армии — к северу от Кременской и в Лискинском районе»...

Вся глубина гибельности для Казачества русской политики Деникина нашла свое яркое отражение в нижеследующей телеграмме ген. Сидорина на имя ген. Деникина:

«Срочно. Секретно. Таганрог. Главкому.

По долгу службы не имея в виду иной цели, как пользу общего дела, считаю себя нравственно обязанным доложить о следующем:

Еще полтора месяца тому назад я, обрисовывая общую обстановку на фронте Кавказской и Донской армий, докладывал о весьма серьезном значении Приволжского фронта и крайнем напряжении Советского командования для достижения решительного успеха между Волгой и Доном. При ослабленном состоянии Кавказской армии трудно было дать решительный от-

пор и на Донском фронте. Пришлось принять решение: ценою потери трети Области, предоставленной разорению, оторваться от противника, отойти за р. Дон и под его прикрытием собрать последний резерв, призвав в армию казаков - стариков и неказачье население.

Эти меры дали возможность в 20-х числах сентября перейти в решительное наступление на всем Донском фронте, вырвав инициативу у противника. Для успеха операций я вынужден был пустить в дело все наличные силы, не оставив резервов, кроме Тульской бригады, нуждавшейся в приведении в порядок. Главные задачи Донской армии — ликвидация Лискинской группы противника и удар на Поворинско-Балашовском направлении уже близки были к разрешению, **но начавшиеся осложнения в тылу фронта** вооруженных сил Юга России **отразились на операциях и Донского фронта.** Постепенное ослабление последнего путем вывода из боевой линии частей (Сводной бригады полк. Морозова из конной группы ген. Коновалова и Терской дивизии) уже урезало порыв Донского фронта в развитии достигнутого успеха: 1-й корпус, притянув на себя значительную часть Царицынской группы противника с конным корпусом Думенко, вынужден перейти к обороне, отходя за Дон; приостанавливается в своем движении и 3-й корпус, лишившись поддержки 4-го корпуса, потянутого на усиление нашей Воронежской группы; и только на фронте 2-го корпуса продолжается операция в духе моей основной директивы.

В мои расчеты входило, закончив пополнение, снабдив обмундированием и оружием, выдвинуть в боевую линию Тульскую бригаду и с ее помощью закончить ликвидацию Лискинской группы, расширив фронт 3-го корпуса, что, в свою очередь, могло бы освободить для маневрирования конницу 2-го и 4-го корпусов. Этих средств я лишаюсь и, вместе с тем, вынужден приказать ген. Шкуро, не связывая себя удержанием Воронежа, и не допускать форсирования противником Дона на стыке Донской и Добрармии, откуда конница противника, действующая сейчас в районе Воронежа, может повести более глубокую опе-

рацию с самыми серьезными для нас последствиями.

Таким образом, использовав все возможные средства и добившись было успеха, **я вынужден на Донском фронте, на большей части его протяжения, перейти к обороне, передавая инициативу в руки противника.**

Оставаясь убежденным, что борьба с Советской Россией может быть разрешена только разгромом Приволжской группы ее Южного фронта, считаю необходимым:

1. Дать возможность Кавармии перейти в решительное наступление на север, усилив ее необходимыми средствами.

2. Помочь Донармии, вернув возможно скорее Тульскую бригаду и конницу к ее корпусам (бригаду Морозова и Терцев), при каких условиях смогу добиться решительного успеха, используя конницу большими массами и имея в постоянных соединениях для действий по тылам Приволжской группы противника.

3. Отказаться временно от движения на север на фронте Добрармии, образовав за этот счет достаточный разерв за ее правым флангом, дабы решительно парализовать возможность попыток противника к глубоким операциям на стыке Дон и Добрармий.

Донося изложенное, прошу о решении Вашем меня уведомить. Снова прошу оставить в моем распоряжении Тульскую бригаду.

Калединск. 7-го октября 1919 г. 24 часа. Нр. 0604/К. Генерал Сидорин».

Чтобы дать возможность Кавказской, по существу Кубанской, армии перейти в решительное наступление, надо было немедленно создать отдельную Кубанскую армию, поставив во главе ее настоящих кубанских офицеров; надо было настойчиво и последовательно проводить в жизнь постановления выразителя воли населения Кубани — Кубанской Краевой Рады — по вопросам государственной, национальной, экономической, аграрной и социальной политики. Значит, надо было отказаться от борьбы за неделимую Россию, отказаться совсем от «похода на Москву»;

надо было укреплять государственную самостоятельность Казачьих Республик; надо было немедленно организовать Союз Дона, Кубани и Терека, создать единое руководство казачьими вооруженными силами; надо было немедленно прекратить войну против Украины и против народов Кавказа...

Мог ли ген. Деникин и все сонмище возглавляемых им русских людей стать на **Казачий путь** борьбы? Могли-ли русские люди, оставаясь русскими, отказаться от борьбы за неделимую Россию?

На казачий путь русские не стали и от борьбы за Россию отказаться не смогли. В то же время **не отказались и от вредительства казачьему освободительному движению...**

Между тем на всем Южном антибольшевицком фронте создалось **грозное** положение. 7-го октября большевики отобрали у Деникина гор. Орел и сильно нажимали на г. Курск...

Для русского «белого» движения вновь наступили весьма критические дни.

Потеря г. Орла и выше приведенная телеграмма ген. Сидорина должны были заставить Деникина и его штаб глубоко задуматься над создавшимся положением и сделать соответствующие выводы.

Что же мы видим в действительности? 8-го октября ген. Врангель прибыл в Таганрог и посетил штаб Деникина. «В оперативном отделении видел я нескольких молодых офицеров генерального штаба, старых моих знакомых, и убедился, что непрочность нашего стратегического положения им в полной мере ясна», повествует Врангель. «Некоторые из них обращались ко мне с просьбой «обратить внимание Главнокомандующего», «повлиять на Главнокомандующего»... Видно было, что вера в высшее командование среди ближайших сотрудников в значительной мере поколеблена» (Врангель. Записки, т. 1-й стр. 215).

Однако, если верить сообщению Врангеля, сам Деникин находил, что «общее наше стратегическое положение было блестящим... Восстанию разбойника Махно в тылу Деникин также серьезного значения не придавал» (там же). И в тот же день на совещании генералов Деникина и Врангеля было решено военной си-

лой заставить Кубань пойти по русской дороге (см. далее: «Ноябрьский переворот на Кубани»).

На другой день, 9-го октября, Деникин послал следующий ответ на выше приведенную телеграмму ген. Сидорина:

«Командарм Дон, копия Донскому Атаману.

Нр. 0604/К. Тульскую бригаду можете оставить в своем распоряжении. Изъ Вашей телеграммы Нр. 0604/К вижу, что хорошие уроки и прошлый опыт быстро забываются (намек на переписку, приведенную, в части, нами в разделе: «Русское командование и Донская армия»). Я бы не хотел Вам их напоминать, но Ваша телеграмма меня к этому вынуждает.

Вы вините Кавказскую армию в том, что Вам пришлось потерять треть Донской области, меня в том, что ослаблен порыв Донского фронта. Но (Вы) забыли, что в свое время вся территория Дона была освобождена и Донская армия возрождена, главным образом, Кавказской и Добровольческой армиями. Кавказская армия и ослабленная все время надежно обеспечивала Ваши операции, поставив неодолимую преграду всем стремлениям советского командования вновь овладеть Царицыном и прорваться на Юг. Добровольческая армия не только все время двигалась впереди Донской, тем привлекая на себя главные удары противника, но и ликвидировала прорывы на Донском фронте и постепенно занимала участки Донского фронта и выделила Корпус для помощи Донской армии.

Вы спорите из-за конной бригады, взятой для выполнения общей задачи, упуская из вида, что она многократно компенсирована хорошей дивизией, работающей на Вашем фронте.

С сожалением должен убедиться, что зачастую об'единение командования понимается только в порядке помощи Вашему фронту.

Разгром Приволжской группы противника, о которой Вы пишете и которая в значительной степени уже потрепана, должен быть произведен, для этого с Вас снято Елецкое направление и армия усилена Кавказской дивизией, а бригада Морозова будет возвращена немедленно по ликвидации Махно.

Нр. 03941, Таганрог. 9 октября 1919 г. Генерал Деникин».

В этой телеграмме Деникина не соответствует действительности, во-первых, утверждение, что будто бы «территория Дона была освобождена и Донская армия возрождена» Добровольческой армией. Мы хорошо знаем, какую скромную роль играла дивизия-корпус ген. Май Маевского, зимою и весною 1919 г. действовавшая (ший) в западной части Донецкого бассейна; знаем и то, что эту дивизию-корпус **именно казаки не раз спасали весною 1919 г. от полного уничтожения** (см. соответствующие места во 2-й части «Трагедии Казачества»); знаем и то, как легко и быстро разлетелась деникинская Крымско-Азовская армия зимою 1919 г. Знаем хорошо и о том, благодаря кому большевицкие армии были выброшены за пределы Дона весною того ж 1919 г.

Утверждение Деникина, что Добровольческая армия принимала будто бы на себя главные удары противника, так же решительно не соответствует действительности, так как ударные группы русских войск, состоявшие из единоплеменников Деникина и руководимые коллегами Деникина по академии генерального штаба — Селивачевым, Шориным, Егорьевым и другими, как мы хорошо знаем, в августе-сентябре 1919 г. наносили удары именно по казачьим армиям — Донской и Кавказской. Даже 18-го сентября 1919 г. главком Каменев по прямому проводу раз'яснял командующему Юго-Восточным фронтом Шорину, что «центр тяжести операции против Деникина лежит на Вас»...

Так же не соответствует действительности и утверждение Деникина, что Добровольческая армия «ликвидировала прорыв на Донском фронте», так как в действительности августовский прорыв красных группы генерала Селивачева был ликвидирован Кубано-Терским корпусом и частями 3-го Донского корпуса при содействии 4-го Донского корпуса Мамонтова, разгромившего тылы Южного советского фронта.

Надо ли говорить о том, что утверждение Деникина о выдвижении Добровольческого корпуса «для помощи Донской армии» тоже не соответствует дей-

ствительности, так как в сентябре в Воронежский район был выдвинут 3-й Кубано - Терский казачий корпус, в начале октября решительно обессиленный уводом Терской дивизии против Махно...

10-го октября командующий Донской армией послал ген. Деникину нижеследующий ответ:

«Таганрог. Главкому, копия Донскому Атаману. Новочеркасск.

На Нр. 03941. В телеграмме 0604/К я позволил себе высказать Вам, как Главнокомандующему, свой взгляд в связи с общей обстановкой и хорошо Вам известным планом красных на значение не только Донского, но всего правого фланга Южного фронта.

Считая это не только своим правом, но и обязанностью, я был далек от мысли заняться теми мелочными счетами, а тем более спором, которые Вы приписываете мне в своей телеграмме.

Придавая особо важное значение правому флангу всего фронта, я, конечно, не мог не доложить о том, что его следует усилить, а не ослаблять, последнее совершенно не вяжется с мыслью о том, чтобы под единым командованием я разумел инстанцию, к которой надлежит обращаться за помощью.

Вновь внимательно перечитывая свою телеграмму, я увидел с полным удовлетворением — что никакой оценки деятельности соседних армий я в ней не делал, а тем более в том виде, как это мне приписывается. Нет в ней и намека на то, что благодаря Кавказской армии оставлена треть Донской области. Указание же на слабость ее и на необходимость усиления есть следствие той обстановки, которая сложилась на всем фронте от Волги до Воронежа. Судя по телеграмме командующего Кавказской армией им обстановка эта понимается так же, как и мною.

Моему ходатайству вернуть возможно скорее с внутреннего фронта Терскую дивизию, Сводную и Тульсукю бригады, а также, по возможности, усилить правый фланг Добрармии придано значение каких то мелких счетов и узких интересов Донармии в то время, как я имею в виду, указывая примеры, цели и гораздо более глубокие и гораздо более важные для всего Юга России.

Неожиданность Вашего ответа на мое искреннее желание доложить Вам свой взгляд на общую обстановку заставляет меня в будущем от этого воздержаться.

10 октября 19 г. Нр. 0634/К Гор. Калединск. Ген. Сидоринъ».

Пока генералы Деникин и Врангель организовывали заговор против Кубани, пока Деникин вел словесный бой с командующим Донской армией, конный корпус Буденного и 8-я красная армия все сильнее и сильнее производили нажим на фронте Воронеж-Лиски, осуществляя директиву командюж о выходе на р. Дон на этом фронте.

После ожесточенных боев Воронежская конная казачья группа 8-го октября отошла на фронт Боево-Тавровский-Масловка, а соседние левофланговые части 3-го Донкорпуса — на линию Давыдовка-Голешовский (севернее ст. Лиски).

Под натиском Буденного в ночь под 11-е октября казаки оставили г. Воронеж и отступили на западный берег р. Дона.

Следует подчеркнуть, что, согласно официальным данным, во время оставления казаками гор. Воронежа в конной группе ген. Шкуро, состоявшей тогда, как известно, из 1-й Кавказской - Кубанской дивизии и 4-го Донкорпуса, было всего 4 тысячи коней.

Отметим также и то, что бывший командующий Южным сов. фронтом Егоров о Воронежской операции говорит следующее: ...«Заняв Воронеж и отбросив корпуса Шкуро и Мамонтова на запад от Дона, корпус Буденного, несмотря на грандиозный моральный эффект этого обстоятельства, **все же не достиг главного:** оба корпуса белых понесли тяжелые потери, получили весьма ощутительный удар, **но не были разбиты**, чем главным образом и об'ясняется медленное продвижение вперед конного корпуса в полседующие дни» (цитир. выше работа Егорова, стр. 188).

Еще два дня шли ожесточенные и упорные бои на подступах к станции Лиски, но 12-го октября «в Лискинском районе наши части, после упорного боя

в течение целого дня, отошли на правый берег р. Дона и заняли позицию от устья р. Икорец до р. Урыв, удерживая переправы за собою», говорит оперативная сводка.

Таким образом этот весьма важный железнодорожный узел снова попал в руки советских войск.

Пока шли выше описанные бои, в результате которых конная группа Буденного заняла Воронеж и подошла вплотную к р. Дону, а части 8-й армии овладели Лисками, оттеснив за Дон левофланговые и части центра 3-го Донкорпуса, правофланговые части того же корпуса и 2-й Донкорпус стремительно продвигались вперед. 8-го октября Донцы заняли Семеновский Поселок, что лежит всего верстах в 10-ти к юго-востоку от гор. Боброва, и в тот же день казаки заняли станцию Таловую; 9-го октября в руки казаков попали Александровский Поселок, Н. Чигла, что находятся верстах в 10-15 севернее железной дороги Таловая – Бобров – Лиски, заняли и Шишовку на р. Битюге, 10-го октября казаки захватили Александровку, Бурляевку, Ивановку и станцию Абрамовку, отбросив красных за р. Елань на участке от Новохоперска до ст. Колено; в тот же день Донцы вели бой на переправах через р. Битюгу у Коршево, Шишовки и Мечетки, и, наконец, 14-го октября донские пластуны под командованием кубанского ген. Гулыги заняли г. Бобров.

После этого 8-я сов. армия занимала фронт по р. Дону с севера на юг, от Ендовища вниз до района Лисок, потом фронт этой армии круто поворачивал на северо – восток, поднимаясь до Коршево и Стар. Чиглы и далее, в общем на восток (40-я дивизия). Корпус Буденного располагался на правом фланге 8-й армии, стремясь прорваться через р. Дон на ее западный берег...

Еще недавно, 7-го октября, командующий Донской армии предлагал Деникину «отказаться временно от движения на север на фронте Добрармии, образоразовав за этот счет достаточный резерв за ее правым флангом, дабы решительно парализовать возможность

попыток противника к глубоким операциям на стыке Дон и Добрармий»... Деникин не обратил должного внимания на это предупреждение...

14-го октября командующий Добровольческой армией ген. Май-Маевский телеграфировал Деникину следующее:

«Главкому, копии генералу Шкуро и командарм Дон.

Вполне присоединяясь к категорически и ясно выраженному мнению генерала Шкуро в его телеграмме наштаглаву Нр. 04271 относительно сложившейся у него обстановки, **усердно ходатайствую о соответствующем распоряжении, ограждающем мой правый фланг и тыл от переправы конницы Буденного на правый берег Дона, имея в виду, что в данное время натиск красных на всем фронте и особенно на левом фланге армии все увеличивается и что я совершенно не в состоянии что-либо выделить для противодействия коннице Буденного, если она прорвется в вышеуказанном направлении.** При этом считаю нужным оговорить, что предписанная директивой моей Нр. 01041 перегруппировка вряд ли может скоро совершиться, ибо **войска прикованы к фронту отражением непрерывных атак противника.**

Харьков. 14 октября 1919 г. Ген. Май-Маевский».

В то время Добровольческая армия уже отступала по всему фронту с территории Великороссии на территорию Украины. Русский народ не захотел принять у себя «избавительницу от власти кучки захватчиков власти»... Русский народ против добровольцев выставил десятитысячные армии.

В тылу Добровольческой армии по всей Украине поднялись восстания против деникинских властей. Против махновцев в степях действовали Терская и Чеченская дивизии и бригада донцов, вырванные Деникиным с антибольшевицкого фронта (Деникин. Очерки, т. 5-й, стр. 234). Резервов не было и нечем было прикрыть правый фланг Добровольческой армии...

14 октября командир казачьей конной группы ген. Шкуро направил 4-й Дон. корпус ген. Секретева (без двух полков) против Лискинской группы большевиков. Вместе с тем Шкуро доносил, что «оставшихся

у него сил совершенно недостаточно для нанесения удара противнику и для противодействия большим силам красных, сосредотачивающимся в районе Гвоздевки».

В ответ ген. Деникин отдал следующий приказ командующему Донской армией:

«Командарм Дон. Ввиду донесения ген. Шкуро о движении значительных сил конницы и пехоты противника в обход его левого фланга для удара по открытым флангам Донармии или Добрармии, приказываю разбить конную группу противника, для чего сосредоточить в руках Шкуро возможно сильный конный кулак с поддержкой пехоты. Таганрог. 15 октября 1919 г. ген. Деникин».

А в это время ген. Врангель, испоняя поручение Деникина о производстве переворота на Кубани, выбирал в Кавказской армии «надежную» часть для отправки в Екатеринодар... И это делалось, как об'яснял Врангель, благодаря затишью на фронте. Фронт шатался и готов был рухнуть, а руки нескольких русских и казачьих генералов взялись рубить в это время кубанский дуб, под сенью которого они, собственно говоря, спаслись...

Была ли в силах Донская армия выполнить поставленную ей генералом Деникиным задачу?

После занятия донцами гор. Боброва, части 3-го Донского корпуса стремились продвинуться далее в сторону Воронежа. Большевики оказывали упорное сопротивление, вследствие чего шли жаркие бои между реками Битюгом и Икорец.

Конные группы 3-го и 2-го Донских корпусов стремительно продвигались далее на северо-восток, в разрез 8-й и 9-й советских армий. Донские части 15-го октября заняли г. Новохоперск.

Другие части 2-го Донкорпуса, отбрасывая все далее на северо-восток и на восток разбитые дивизии 9-й сов. армии, 8-го октября переправились через р. Хопер в районе Усть-Бузулуцкой, Акишевской и Тишанской и неудержимо наступали далее вверх по берегам р. Бузулука. 10-12 октября Донцы вышли на железную дорогу Поворино-Царицын в районе стан-

ций Филоново – Панфилово – Кумлыга. 11-го октября была взята казаками ст. Урюпинская.

14-го октября доблестные части 2-го корпуса окружили в районе хуторов Суходольского, Княжевского и Барышникова 22-ю сов. дивизию и вели упорнейшие бои за полное ее уничтожение. Однако. 15-го октября 22-я дивизия вырвалась из окружения у станции Себряково.

10-я и 14-я донские конные бригады 15-го октября, из района раз'езда Рогожино, несколько раз атаковывали ст. Себряково, но были отбиты сильнейшим огнем противника.

К западу от станции Себряково, в районе хутора Чаплыженского, эти две конные бригады были стремительно атакованы красной конницей Думенко, прибывшей в этот район с Царицынского фронта. В этом бою обе Донские бригады были приведены в настолько сильное расстройство, что поспешно отошли к станицам Скуришенской и Глазуновской, потом через ст. Кумылженскую были отведены за р. Хопер (данные оперативной сводки Донармии).

И в этом случае особенно ярко проявились пагубные последствия пребывания Кавказской армии в неказачьих руках. Около 15-го октября ген. Врангель осматривал части этой армии и нашел «полки значительно пополненными и в прекрасном виде»... Несмотря на это, Кавказская армия стояла без движения всего верстах в 45-50 к северу от Царицына, так как Врангель и весь ее старший командный состав усиленно занялись подготовкой переворота на Кубани, а не войной с большевиками (Врангель. Записки, г. 1-й, страницы 214-243). Красное командование как нельзя лучше использовало это и бросило конницу Думенко, как уже об этом мы говорили выше, против Донской армии.

Появление красной конницы Думенко на стыке 1-го и 2-го Донских корпусов и неудачный для казаков бой у х. Чаплыженского, явились поворотным пунктом в действиях Донской армии. В это время конные части 2-го Донкорпуса весьма успешно действовали между Новхоперском и станцией Поворино. Только в боях 14-го и 15-го октября донская конни-

ца этого корпуса взяла 3.300 пленных, 80 пулеметов и 16 орудий, а 16-го октября казаки захватили уже и станцию Поворино и продвинулись за станцию Кардаил, очистив от красных самые северные границы Дона.

Однако, эти успехи казаков левого фланга геройского 2-го Донского корпуса были в значительной мере парализованы успехами красной конницы к западу от Себряково — против правого фланга того же корпуса.

Большие неудачи на правом фланге 2-го корпуса, наступившие после 15-го октября, находились в непосредственной связи с событиями на фронте правее расположенного 1-го Дон. корпуса. Выше мы отметили уже, что 1-й корпус в своих действиях был в значительной мере связан тем, что Кавказская армия по тем или иным причинам оставалась в районе г. Царицына и в октябре не продвинулась севернее Дубовки — устье р. Иловли.

Донское командование 5-го октября обратилось к командованию Кавказской армией с нижеследующей телеграммой:

«Наштарм Кав., копия Комкор 1-го отдельного.

Ожесточенные бои 4-го октября на правом фланге 1-го Корпуса и отход противника против группы генерала Улагая (командующий конной группой Кавказской армии) **несомненно определяют отказ противника от операции против Царицына с севера** и его перегруппировку для действий между реками Арчеда и Дон. Все возможное к правому флангу 1-го Корпуса уже сосредоточено. Войска Корпуса дали максимум напряжения, но, понеся большие потери в рядовых бойцах и командном составе, могут оказаться в трудном положении, если противник еще больше усилить действующую здесь группу Думенко. Вместе с тем представляется момент для серьезного разгрома правофланговой группы 10-й армии красных совместными усилиями группы генералов Улагая (Кавказской армии) и Сутулова (Донской армии). Не признает ли возможным Командарм Кав. продвинуть

левое крыло армии на линию р. Берды, уперев левый фланг в Дон у ст. Кременской. Это дало бы возможность первому Донкорпусу снять сильный 30-й конный полк и, будучи спокойным за свой правый фланг, проявить еще большее напряжение в борьбе с группой Думенко...

5 октября 1919 г. 14 час. Нр. 0575/К. За наштарм полк. Кислов».

Ответ на телеграмму был следующий:

«Срочно. Вне очереди. Миллерово. Наштарм Дон.

Нр. 0575/К. При личном свидании с ген. Сидориным командарм сообщил боевой состав Кавармии. Активность 1-го Донского корпуса заставила противника оттянуть свою конницу к Арчеде. Учитывая тяжелое положение 1-го Донского корпуса, командарм приказал Кавармии перейти в наступление. Кавармия скует противника на фронте и при первой возможности, до возвращения против нее корпуса Думенко, нанесет еще один короткий удар, что не позволит противнику убрать с фронта Кавармии другие части. Протяжение фронта до Кременской при малочисленности Кавармии невыполнимо. Значительное продвижение на север при отсутствии в армии транспорта зависит всецело от получения обещанных генералом Мамонтовым повозок.

Сарепта. 5-го окт. 1919 г. Нр. 03277. ген. Шатилов».

В этот же день начальник штаба Донской армии послал следующую телеграмму начальнику штаба Кавказской армии:

«Вне всякой очереди. Оперативная. Секретно.

Наштарм Кав., копия Комкору 1.

Правофланговые части 1-го Корпуса встретили упорное сопротивление красных севернее Кременской. Находятся кроме того в чрезвычайно тяжелых и хозяйственных условиях в районе сыпучих песков, почему Комкор просит настоятельно выяснить в кратчайший срок, предположено ли Кавармией немедленное выполнение предположенного выдвижения на линию Вертячий-Кременская. В положительном случае Комкор 1 надеется настоять на задержании правофланговой группы Корпуса для действий в ныне занимаемом районе. В противном же случае принужден

отвести пехоту на Клецкий тет де пон, а конницу — на левый фланг для действий в направлении на Себряновку и далее на Арчеду. Сообщая изложенное в дополнение Нр. 0575/К, прошу не отказать ответить по содержанию сейчас же.

Миллерово. 5-го окт. 1919 г. 19 часов. Нр. 0575/К.
За наштарм полковник Кислов».

Генерал Врангель говорит: «Пордвижение Донцов на север заставило красное командование вскоре оттянуть с моего фронта свою конницу. Это позволило моей армии самой перейти в наступление... 4-го октября все части северного фронта Кавказской армии перешли в наступлении и... вышли на линию Дубовка-хутор Шишкин, где и остановились, выдвинув передовые части на высоту села Лозного. Третье наступление красных окончилось также неудачно, как и первые два (августовское и сентябрьское). В шестинедельных упорных боях Царицынская группа противника, в состав которой вошли части 2-й, 4-й 10-й и 11-й красных армий, была жестоко разгромлена. Дух противника был сломлен. **Между тем успевшая отдохнуть и значительно пополниться Кавказская армия, после ряда одержанных побед, успела окрепнуть.** Опасность Царицыну можно было считать **на долгое время устраненной».** (Врангель. Записки, т. 1-й стр. 208).

Все эти обстоятельства прекрасно были известны командованию Донской армии, почему оно вышеприведенными телеграммами и просило Врангеля продвинуть Кавармию несколько вперед — на высоту станицы Кременской. При этом донское командование, совершенно в соответствии с действительностью, подчеркивало то весьма важное обстоятельство, что «представляется момент для серьезного разгрома правофланговой группы 10-й армии красных».

Говоря выше о рейде Мамонтова, мы отметили, что в августе 1919 г. красное командование взяло из состава 10-й красной армии конный корпус Буденного и бросило его на борьбу с корпусом Мамонтова. Мы также тогда отметили, что уход Буденного с фронта против Кавказской армии чрезвычайно облегчил задачи этой последней. Как известно, после це-

лого ряда боевых перепитий корпус Буденного в двадцатых числах сентября оказался в Воронежском районе, всею своею тяжестью повиснув на левом фланге Донской армии.

В начале октября 1919 г. красное командование, как сказано выше, сняло с Царицынского фронта и конницу Думенко и эта последняя сначала сильно нажала на правофланговый 1-й корпус Донской армии. Врангель и его штаб прекрасно знали, что Донская армия в двадцатых числах сентября перешла в энергичное наступление на всем своем фронте, и неся большие потери, скоро достигла больших успехов, разбив 8-ю и 9-ю сов. армии.

Руководители Кавказской армии прекрасно понимали, насколько важной для общего дела была теперь своевременная помощь Дону со стороны Кавармии. Уже за границей Врангель написал правду о состоянии Кавказской армии, признав, что она **отдохнула, пополнилась значительно и совершенно окрепла.** А тогда, в ответ на настойчивые просьбы Дона о скорейшей помощи, о выходе на линию р. Берды, начальникъ штаба Кавармии ген. Шатилов ответил: «Значительное продвижение на север при отсутствии транспорта зависит всецело от получения обещанных ген. Мамонтовым повозок», как будто Кавармия не имела своих транспортных средств.

Что это была простая, но, в тех страшных условиях борьбы, вне сомнения, **преступная отговорка**, ясно видно из писаний командующего Кавармией ген. Врангеля. Описывая состояние Кавармии в самом начале сентября того года, Врангель говорит: ...«Захваченной у противника артиллерией укомплектовывались наши батареи, число орудий в большинстве батарей стало нормальным. **Огромные, попавшие в наши руки неприятельские обозы, давали возможность сформировать войсковые и армейские транспорты»...** (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 202).

Куда же могли деваться эти все транспортные средства в течение сентября? Конечно, Кавказская армия обладала в октябре 1919 г. совершенно достаточными транспорными средствами.

Но, Врангель, вместе с другими генералами, ре-

шили заняться подготовкой и осуществлением государственного переворота на Кубани. Взоры «белых» генералов были устремлены тогда не в сторону большевиков, а на самостийную Кубань. Решив заняться переворотом на Кубани и послав для осуществления этого дела генерала Покровского в Екатеринодар, генерал Врангель решил посвятить и все свои силы этому противоказачьему делу.

Поэтому Врангель 6-го октября 1919 г. издал следующий **приказ Кавказской армии:**

«Ст. Сарепта. 6-го октября 1919 г. Славные войска Кавказской армии! Два месяца тому назад противник, собрав многотысячные полчища, бросил их на Царицын. Истомленные четырехсотверстным походом через безводную Калмыцкую степь, с рядами поредевшими в кровавых боях под Великокняжеской, Царицыном и Камышином, Вы были сильны одной лишь доблестью. Бестрепетно приняли Вы удар во много раз сильнейшего врага.

Отходя шаг за шагом, с безмерным мужеством отбивая жестокие удары противника, Вы дали мне время укрепить Царицын и собрать на помощь Вам войска (2-я Кубанская пластунская бригада с Украины, 3-я Куб. конная дивизия из-за Волги и пополнения с Кубани, примечание ред.).

В решительном сражении 23-26 августа Вы разгромили 2-ю и 10-ю неприятельские армии и десятитысячную конницу врага, наступавшие на Царицын с севера. 18.000 пленных, 31 орудие и 160 пулеметов стали Вашей добычей.

Обратясь на юг, Вы в боях с 1-го по 10-е сентября нанесли полное поражение обходившим Вас с тыла частям 4-й и 11-й неприятельских армий, вновь захватив 3.000 пленных, 9 орудий и 15 пулеметов.

Выдвинув подкрепления, враг с мужеством отчаяния через 15 дней пытался повторить удар. В боях с 28-го сентября по 3-е октября все бешенные атаки его отбиты, и 4-го октября армия перешла в наступление.

Ныне противник отброшен к северу от города на 50 верст, и Царицыну в настоящее время опасность не угрожает.

Блестящая разработка операции штабом армии, во главе с генералом Шатиловым, прекрасное руководство боем старших начальников, генералов Улагая, Писарева, Топоркова, Бибиева, Савельева и Мамонтова, доблесть войск обеспечили победу.

Ура Вам, славные Орлы Кавказской армии!

Генерал Врангель»

На другой же день после издания этого приказа, 7-го октября, ген. Врангель выехал из Царицына в Ростов и Таганрог для обсуждения с Деникиным и иными вождями «белого» русского движения мер воздействия на казачьих самостийников (см. об этом далее: «Ноябрьский переворот на Кубани»).

Кавказская армия после этого долго оставалась пассивным зрителем событий, происходивших на длинном фронте Донской армии и корпуса Шкуро.

Большевицкое командование, очевидно, было хорошо осведомлено о той схватке между русскими единонеделимцами и кубанскими самостийниками, которая в сентябре-октябре 1919 г. приняла такие острые формы. Поэтому большевицкое командование демонстрировало нажим на Царицын частями 11-й сов. армии с юго-востока, из района Черного Яра, обстреливало Царицын артиллерийским огнем с восточного берега Волги и в то же время забрало с Царицынского фронта конную группу Думенка и бросило ее против фронта Донской армии. О силе и смелости удара этой группы свидетельствует выше описанный ее набег на тылы Кавармии, осуществленный в самом конце сентября...

К 14 октября красная конница Думенко сосредоточилась в районе х. Плетнев-Лог-Арчеда. 14-го октября из этого района эта неприятельская конная группа быстро двинулась на северо-запад и 15-го октября нанесла сильный удар Донской коннице на правом берегу р. Медведицы, после которого Донская конница отскочила далеко на запад.

Надо было спасать положение Донских частей между реками Хопром и Медведицей.

17-го октября коннице 2-го Донского корпуса было дано следующее задание:

«Генералу Коновалову по радио, копия полковнику Поливанову и начдиву 3 для передачи всеми имеющимися средствами.

Думенко из района Себряково действует с пехотой на стыке 1-го и 2-го корпусов и вышел 16-го на линию Скуришенская - Андреевский - Суходольский. Дальнейшее его продвижение может создать осложнение на фронте. Командарм приказал Вам, прикрыв частью сил Ваш левый фланг, бывший вчера на линии Филоново - Долгий - Бурацкая (?), теперь же стянуть остальную конницу в наиболее выгодное положение для противодействия Думенко, причем Вам приказано немедленно же вступить в управление всем Корпусом и выполнить задачу согласно переданной полковнику Поливанову Директивы нр. 0714/К.

Наштарм. ген. Кельчевский.»

В тот же день командование Донской армии обратилось к командующему Кавказской армией с нижеследующей телеграммой:

«Командарм Кав. Боем за 16 октября установлено присутствие конницы корпуса Буденного в районе Себряково. Конница 1-го Корпуса, расстроенная боями с Думенко, сосредоточивается в районе Глазуновской. Вся конница 2-го Корпуса в районе Новохоперска. Дальнейшее развитие успеха Думенко в западном направлении от Себряково может поставить в тяжелое положение **первый** и **второй** Корпуса и привести к серьезным осложнениям на Донском фронте. Командарм Дон просит ударом левого фланга Кавармии воспрепятствовать дальнейшему продвижению Думенко и тем облегчить положение на Донском фронте.

Калединск. 17-го октября 1919 г. Нр. 0713/К.»

Именно в это время ген. Врангель, вместе с генералами Покровским, В. Науменком и другими, был всецело занят спешной подготовкой военного переворота на Кубани, который был намечен на время сессии Кубанской Краевой Рады, созванной на 24 октября в Екатеринодаре.

На всем фронте Донской армии шли упорные

бои. Ожесточенные бои происходили в районе Воронежа. Снова оружием решалась судьба Казачества.

Однако, в эти явно трагические для Казачества дни русские генералы главное внимание обратили на организацию борьбы с самостийной Кубанью. В эти дни напряженнейшей русско-казачьей борьбы на огромном фронте от Воронежа до Черного Яра на Волге, на совещании Деникина с Врангелем последний предложил Деникину: «Воспользовавшись **затишьем на фронте, отправить в Екатеринодар, под предлогом укомплектования и отдыха, некоторое число моих частей» для осуществления переворота** (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 216)...

Донское командование посылало командующему Кавказской армией одну телеграмму убедительнее другой, настойчиво прося о некотором продвижении Кавармии на север. 5-го октября Донцы просили продвинуть Кавармию хотя бы на широту станицы Кременской. Но в этом было отказано со ссылкой на отсутствие в Кавармии транспортных средств — «повозок ген. Мамонтова». 17-го октября Донское командование просило вновь «ударом левого фланга Кавармии воспрепятствовать дальнейшему продвижению Думенко и тем облегчить положение на Донском фронте». Но и на эту просьбу начальник штаба Кавармии ген. Шатилов послал следующий ответ:

«Калединск. Генералу Кельчевскому. Командарм приказал уведомить, что Кавармия при настоящем своем составе и полном отсутствии транспортных средств совершенно неспособна предпринимать наступление, связанное с удлинением фронта или удалением от технических средств подвоза.

Царицын. 17-го октября 1919 г. Нр. 03528. Ген. Шатилов».

Генералы из Кавармии официально ссылались на малочисленность состава этой армии, а за несколько дней перед этим Врангель находил, что «армия значительно пополнилась и в прекрасном виде находится»... Да и фактически именно в эти дни Врангель был занят выбором частей для отправки в Екатеринодар и выбрал для этой цели целую бригаду полк. Буряка.

Левый фланг Кавказской армии располагался на

железной дороге Царицын — Поворино и при продвижении на север мог пользоваться этой же дорогой.

Если бы Донская армия начала аргументировать отсутствием железных дорог при операциях на северо-восток области, то ей бы давно пришлось прекратить борьбу в Усть-Медведицком и Хоперском округах, так как она имела в тылу только одну железную дорогу Новочеркасск-Воронеж и ни одной в северо-восточном направлении. Кроме того, Кавказская армия летом того же года наступала от Царицына до Камышина и далее на север. Если допустить, что она тогда была численно сильнее, то и противник — 10-я армия — тоже был тогда сильнее, как пехотой, так, особенно, и конницей. Все лето 1919 г. сильный корпус Буденного входил в соств 10-й армии и в июне-июле был много раз бит казаками.

В письме на имя ген. Покровского 21-го октября 1919 г. Врангель сообщал, что кубанские полки, в сравнении с их составом в середине сентября, усилились в 3-8 раз. Как видно из приказа Врангеля от 6-го октября, приведенном нами выше, Кавказская армия доблестно разбивала 10-ю армию при условии, что тогда в ее составе был и конный корпус Думенко. В октябре этот корпус ушел на Донской фронт, весьма значительно ослабив 10-ю армию.

И что же оказывается: слабая численно Кавказская армия била 10-ю в сентябре, когда в 10-й был корпус Думенко; а в октябре, численно в 3-8 раз усилившаяся Кавармия не могла разбить 10-ю, ослабленную теперь на целый конный корпус Думенки.

Суть дела была, конечно, не в численном составе армий противников под Царицыном, а в том, что генералы **замитинговали**, что генералы, по поручению Деникина, занялись **работой подготовки переворота, подготовки издевательства над Кубанским выборным народным органом** — Радой. Суть в том, что генерал Врангель, при содействии старших начальников частей в Кавказской армии занялся устройством митингов в самой армии. Например, 18-го октября Врангель собрал на митинг целую 1-ю Кубанскую дивизию и выступил перед ней с речью, полной клеветы на Кубань,

и призывал обманутых генералами казаков поддержать генералов (см. об этом далее: «Ноябрьский переворот на Кубани»)...

Положение и задачи Донской армии, ее командующий ген. Сидорин оценивал 17-го октября следующим образом:

«Обстановка: Конный корпус 10-й армии красных, **переброшенный с фронта Кавармии в район сл. Михайловки** и получивший задачу наступления, видимо, против нашей Себряковской группы, 15-го октября, при поддержке пехоты, перешел в наступление в секторе между нижней Медведицей и железной дорогой Себряково-Филиново и вышел на линию Скуришенская-Андреевский-Суходольский. Части 23 дивизии и конница Блинова пытаются потеснить левый фланг 2-го Корпуса с линии Бударино-Провоторская (?). В районе ст. Михайловской противник пытается задержать продвижение нашей конницы на Поворино. Далее на запад, не проявляя особой активности между Хопром и Икорцем, противник выдвинулся к Лискинской и переправился через Дон в районе Устья, Воронежа, Н. Животинского, обозначив нажим на фланги нашей конной группы (4-й Донкорпус и Кавказ. дивизия, прим. ред.).

Дабы не дать коннице 10-й армии обрушиться на выдвинутый правый фланг 2-го корпуса, командарм приказал:

1. Первому корпусу — помешать наступлением между Медведицей и Хопром...

Лишь в крайнем случае **отойти** за Дон и Хопер...

2. Второму корпусу — выполнять задачу и лишь в крайнем случае **отойти** за Хопер, не допустив переправы противника...

3. Третьему — овладеть Лискинским узлом.

4. Ген. Шкуро — обеспечивать фланги Донской и Добровольческой армий».

Таким образом, намечался отвод Донской армии за Дон и за р. Хопер.

В августе – сентябре 1919 г. Дон мобилизовал всех своих сынов до 48 летнего возраста. В сентябре-октябре осуществил блестящее наступление на огром-

ном фронте, но, не поддержанный в должной мере соседями, не смог освободить свои северные округа полностью. Теперь снова инициатива перешла в руки настойчивого противника.

Тяжело, очень тяжело было седому, славному, казачьему Дону...

Что происходило в это время на фронте Добровольческой армии?

30-го сентября эта армия заняла было гор. Орел, но 7-го октября принуждена была уже оставить его под ударами советских войск, в составе которых важнейшую роль сыграли тогда Латышская и Эстонская дивизии.

7-го октября командующий Южным советским фронтом полк. Егоров приказал 14-й, 13-й и 8-й армиям перейти в решительное наступление, при котором 14-я армия должна была сломить сопротивление противника в районе Дмитриева и решительно наступать в направлении Фатеж-Курск; 13-я армия должна была энергично наступать на фронт Щигры-Касторная, а 8-я должна была выйти на р. Дон. Конный корпус Буденного должен был, по овладении г. Воронежом, нанести удар в общем направлении на Курск с целью отрезать части противника, действующие к северу от железной дороги Воронеж-Курск. Ближайшей задачей конному корпусу ставилось овладение железно - дорожными узлами Касторная и Мармыжи.

«Таким образом согласно этой директиве только с 7-го октября можно считать идейно установленным взаимодействие наших частей в Орловском и Воронежском направлениях. Фактически же оно установилось еще позже», утверждают красные исследователи прошлых решающих событий на Южном фронте («Гражданская война 1918-1921», т. 3-й, стр. 277).

После 7-го октября еще несколько дней по всему фронту шли упорнейшие бои Добровольческой армии с советскими войсками. В этих боях обе стороны проявили уменье маневрировать, доблестно нападать и храбро защищаться. Все же красная армия сломила сопротивление Добровольческой и последняя медленно отступала по всему фронту.

Вместо похода на Москву Деникину надо было думать о спасении уже дрогнувшей Добрармии... И снова пришлось обращаться... к казакам.

17-го октября Деникин послал приказ Донской армии:

«Командарм Дон. Между флангом Донармии и Добрармии действует значительная активная конная группа красных. Обстановка не позволяет перебросить в этот район новых частей за счет Добрармии. Нахожу необходимым, чтобы Вы всеми имеющимися в Вашем распоряжении средствами пришли на помощь Конной группе ген. Шкуро и, использовав пехоту для пассивных задач, а конницу для широкого маневра, разбили группу противника, угрожающего флангам и тылам Донской и Добровольческой армий.

Таганрог. 17 окт. 1919 г. Нр. 014152. Ген. Деникин».

В тот же день начальник штаба Деникина телеграфировал ген. Шкуро:

«Комкор 3 Конного ген. Шкуро, копия командарм Дон. Главком вполне оценивает ту трудную обстановку, при которой Вам приходится выполнять Вашу теперешнюю крайне ответственную задачу, но имея ввиду, что Ваша группа состоит из таких частей, как Кавказская казачья дивизия и конница ген. Мамонтова, частей, всегда и везде знавших только победы, главком уверен, что Вы выйдете и теперь из положения. Главком считает, что по выяснении группировки противника Вам необходимо перейти к активным действиям с целью разгромить силы красных по частям.

Таганрог. 17 окт. 19 г. Ген. Романовский.»

Как видим, генералы «умно и честно» вели дело борьбы с большевиками:

а) командующему Кавказской армией ген. Врангелю было поручено подготовить и осуществить гнусное насилие над доверчивой казачьей Кубанью, отдавшей свои лучшие силы и огромные материальные средства на борьбу с русским большевизмом;

б) Донская армия должна была сдерживать натиск части 10-й, всей 9-й и 8-й сов. армий и, при по-

мощи Кубанской — Кавказ. дивизии, разбить конную группу Буденного;

в) против войск Украины ген. Деникин держал, на правом берегу р. Днепра 2-ю Терскую пластунскую бригаду и Доно-Кубанскую конную бригаду;

г) в степной Украине против повстанцев были пущены 1-я Терская и Чеченская дивизии и Сводная донская кон. бригада;

д) против «зеленых» в горах западного Кавказа боролись тоже казачьи части;

и е) наконец, казаками же Деникин воевал и в Дагестане...

Этим дело не ограничилось. Только 17-го октября начальник штаба Кавармии ген. Шатилов телеграфировал начальнику штаба Донской армии о том, что Кавармия «совершенно неспособна предпринимать наступление, связанное с удлинением фронта», но уже 18-го октября командующий Кавказ. армией ген. Врангель получил следующую телеграмму от начальника штаба Деникина — генерала Романовского:

«Обстановка на левом фланге Донской и на фронте Добровольческой складывается очень неблагоприятно. Противник, отчаявшись прорваться на фронте Вашей армии и правом Донской, в настоящее время повел операцию на фронт Воронеж-Лиски, с одной стороны, и Кромы-Севск, с другой; по овладении указанными участками фронтов, он развивает операцию в обход флангов Добрармии, сосредоточив к флангам ее и продолжая сосредотачивать крупные силы главным образом конницу. Все это требует принятия спешных мер, почему прошу спешно сообщить для доклада Главкому, **что Вы могли бы выделить из имеющихся у Вас казачьих дивизий**, при условии пассивной задачи, на каковой остановились при совещании, или же Вы могли бы немедленно начать активную операцию, дабы общим движением сократить фронт Донской армии и дать ей возможность вести операцию на северо-запад.

17-го октября 19 г. Нр. 014170. Романовский».

Врангель 18 октября послал такой ответ:

«014170. Развитие операции моей армии на север не может быть выполнено при отсутствии желез-

ных дорог и необеспеченности водной коммуникации. При малочисленности конных дивизий переброска одной-двух на то или иное направление не изменит общей обстановки и неразбитый хотя бы и приостановленный противник, оттеснив донцов за Дон, будет иметь возможность обрушиться на ослабленную выделением частей Кавармию. Неблагоприятно слагающуюся обстановку полагаю возможным изменить лишь крупным решением — выделив из состава Кавармии в Ваше распоряжение три с половиной кубанских дивизий не считая бригады посылаемой в Екатеринодар, оставить в Царицынском районе части 1-го корпуса и инородческую конницу, сведя их в отдельный корпус с подчинением его непосредственно Главкому. Буде таковое решение было бы принято, полагал бы желательным оставление комкором генерала Покровского. Царицын. 18 окт. 19 г. Врангель.»

На это последовал следующий приказ:

«Главком приказал срочно перебросить его резерв район Купянска один конный Кубанский корпус, желательно второй. Дальнейшее будет видно по обстановке. Таганрог. 19 октября 1919 г. Нр. 014252. Романовский.»

20-го октября генерал Романовский сообщал в Донскую армию о «создавшемся тяжелом положении на правом фланге Добрармии и невозможности быстро помочь в угрожаемом направлении живой силой» и требовал скорейшей присылки танков в гор. Харьков.

21-го октября командующий Донской армией ген. Сидорин в телеграмме на имя главкома Деникина сделал следующую общую оценку положения и боевых задач Донской армии:

«Главкому... На Донском фронте к данному моменту наиболее остро складывается обстановка на флангах армии. Уже приходившая к концу ликвидация левофланговой группы 9-й сов. армии в районе ст. Себряково не доведена до конца. Не только не удалось правому флангу Донармии закрепиться на фронте станций Арчеда-Кумылга, но первый корпус, не успевший оправиться после первого стоклновения с конницей противника, снова оттеснен в низовья

Медведицы. 10-я конная бригада, потерявшая свою артиллерию и обозы, отведена за Дон на пассивный участок. Значительная конная группа противника, отбросив 1-й Корпус, направляется видимо в охват правофланговых частей 2-го Корпуса, занявших долину Бузулука до ст. Филоново. Требуется принятие быстрых мер по упорядочению правого фланга и единственной мерой остается направление всего 2-го Корпуса с его конной группой на юго-восток против Себряковской группы противника. Это решение уже приводится в исполнение и таким образом пришлось отказаться от использования конной группы второго корпуса для действий против Воронежской группы противника. В случае ликвидации Себряковской группы противника предполагаю Первым и Вторым корпусами продолжить операцию в общем направлении на Камышин с целью разбить 10-ю армию противника и тем обеспечить последующие операции Донармии на север.

Еще более осложняется обстановка на стыке Дон и Добрармий, где уже обнажен левый фланг Донармии для совершенно свободного движения противника в юго-восточном направлении от Воронежа. Третьему Донскому корпусу приказано нанести удар в районе Боброва в **направлении на Воронеж,** но операция эта не может резко изменить обстановку в благоприятном для нас смысле до тех пор, пока вся конная группа не будет способна перейти к активным действиям. Мною отдается приказание, не взирая ни на какие препятствия, направить немедленно из района Михайловской Сводно-конную и пластунскую бригады, сформированные из отставших, выздоровевших больных и раненых казаков 4-го конного корпуса на присоединение к корпусу. Но переброска может быть произведена только походным порядком через Бутурлиновку – Остргоржск и, следовательно, потребует значительного времени. — Естественно, ослабление 2-го Корпуса, путем выделения названных частей, в значительной мере ослабит его энергию. — В ближайшие дни по окончании лечения отбывает на фронт генерал-лейтенант Мамонтов, появление которого в рядах Корпуса несомненно благоприятно отразится на

моральном его состоянии. — Усилив 3-й Донской корпус Тульской бригадой и собрав в кулак 4-й Конный корпус, совместными действиями этих двух корпусов я расчитываю отбросить Воронежскую группу противника и закрепить за нами Воронежский узел. По выполнению этой задачи может быть начата операция в направлении Балашов-Ртищево, но для решительного наступления на фронт Камышин-Балашов и далее на Ртищево требуется предварительное пополнение армии из запасных частей, могущих дать до 25 тысяч бойцов, остающихся без использования за отсутствием обмундирования.

Полагал бы крайне необходимым немедленной высылкой запасов обмундирования, хотя бы за счет других армий, дать возможность Донармии пополнить свои ряды и продолжить решительное наступление по вышеупомянутому плану. О вышеизложенном доношу и о Вашем решении прошу меня уведомить.

Калединск. 21 окт. 1919 г. Нр. 0737/К. Генерал Сидорин».

В день посылки этой телеграммы из состава 2-го Донского корпуса были взяты Сводная конная и Сводная пластунская бригады, силою в 1500 шашек и около 2000 штыков при 9 орудиях и 28 пулеметах и через Бутурлиновку – Острогоржск спешно направлены на помощь 4-му Донкорпусу, входившему в состав группы генерала Шкуро.

С 20-го октября на фронте 2-го Дон. корпуса разыгрались следующие события: конная группа этого корпуса, очистив Поворино, направилась на юг между р. Хопром и железной дорогой Поворино-Царицын, сбивая на своем пути большевицкие войска: 24 октября к северу от Макаровки казаки разбили 31-ю дивизию красных, 26 октября в районе к юго-востоку от хуторов Сантырский и Скобелин конница Коновалова уничтожила 203 и 204 сов. полки и отбросила к югу от ст. Петровской 201-й и 202-й полки 23 дивизии: конная группа Блинова тоже понесла поражение и была отброшена к хутору Сычеву, в бою 26-го взято 7 орудий, 80 пулеметов и 1000 пленных; 28-го октября ген. Коновалов снова отбросил конницу Блинова к северу от станицы Урюпинской,

другие большевицкие силы, были брошены к Акчерня и заняли Тепекинскую...

Тем временем между той же р. Хопром и железной дорогой Поворино — Царицын, с юго-востока на северо-запад двигалась конница Думенко: 20 октября она нанесла донцам сильное поражение у хутора Сенина, при этом казаки понесли большие потери, оставив в руки красных 2 орудия; упорнейшие бои потом разыгрались на переправах через р. Бузулук.

Другие большевицкие части нажимали на Донцов с северо-востока между р. Хопром и р. Бузулуком.

28 октября Думенко был уже в районе Акчеринских хуторов и в тот же день занял станицу Урюпинскую.

К 30 октября красные снова заняли всю линию р. Хопра. Казачья пехота и конница занимала правый берег этой реки.

За вторую половину октября на фронте 1-го Донского корпуса ничего выдающегося не произошло 17-го октября этот корпус занимал правый берег р. Дона от устья Иловли до станицы Клецкой и на левом берегу: Никуличев — Скуришенская — Андреевский — ст. Кумылженская — х. Бурлацкий у р. Хопра. К концу октября большевики заняли станицы Скуришенскую, Глазуновскую и Кумылженскую, оттеснив донцов к самым низовьям рек Медведицы и Хопра.

В то время, как 2-й Донкорпус с боями отходил на линию р. Хопра, 3-й Донкорпус 21 октября занял узловую станцию Лиски. К 24-му октября к северо-западу от гор. Боброва донцы достигли сел. Романовки, Масальского, Запрудского и Давыдовки. Так как красные в это же время на правом берегу р. Дона продвинулись уже к Девице, донские части, выдвинувшиеся тем временем, как сказано выше, к Можайскому-Масальскому, оказались в довольно тяжелом положении.

На линии Масальское-Давыдовка в конце октября шли весьма упорные бои; оперативная сводка за 27 октября отмечает, что «пластуны Донские после упорного боя в течение целого дня **с неоднократными штыковыми ударами** заняли с. с. Масальское, За-

прудское и восточную часть Можайского»... Все же 27 октября Донцы заняли Московское-Каширское и Коломенское, с юго-востока приблизившись к гор. Воронежу верст на 30-50.

28-го октября 3-й Донской корпус занимал линию, примерно, Таловая-Московское-Давыдовка (севернее Лисок)-Болдыревка (на р. Девице), то есть весь тот район, где 8-я сов. армия располагалась в конце сентября. 3-й Донской корпус в течение месяца вытеснил части 8-й красной армии из гор. Павловска, Бутурлиновки, станции Таловой, гор. Боброва, станции Лисок и отбросил части 8-й армии значительно севернее жел. дороги Лиски-Бобров-Таловая

За этот же период конная группа Буденного и правофланговые части 8-й армии заняли гор. Воронеж и дрались с частями Кавказской дивизии и Корпуса Мамонтова между г. Воронежом и станцией Касторная.

О положении 8-й армии бывший командующий Южным красным фронтом полк. Егоров говорит:

«Все происходившее за этот период на фронте 8-й армии создало следующее положение: в то время, как 12-я и 16-я дивизии (правый фланг армии) имели значительную свободу действий и полную возможность наступать, центр и левый фланг несли поражения и откатывались, цепляясь за местность, к северу. Неуспех на левом фланге повлек за собой усугубление тяжести положения центра, а это последнее свело на-нет все успехи правого фланга. И в результате конный корпус Буденного, стянувший к себе значительные силы белых, вынужден был действовать изолированно» (Разгром Деникина, стр. 191).

Бои за Касторную.

Корпус Буденного, при активной поддержке правофланговых дивизий 8-й сов. армии, 11-го октября, как уже было отмечено выше, занял гор. Воронеж. После этого командующий Южным сов. фронтом решил направить этот корпус через узловую станцию Касторная на гор. Курск, т. е., в общем, в западном

направлении. Однако главное советское командование приказало двинуть корпус Буденного в северо-западном направлении — на г. Землянск и далее на Ливны для совместных действий с левым флангом 13-й сов. армии в районе Ливны-Елец (Егоров, цит. его работа, стр. 186).

19 октября части Буденного заняли г. Землянск, имея дальнейшее движение на г. Ливны.

Так как к этому времени Добровольческая армия, 6-7 октября отдав красным г. Орел, отступала по всему фронту на юг, само собою отпала необходимость дальнейшего движения корпуса Буденного на Ливны. Поэтому командюж Егоров 20 октября приказал Буденному свернуть из района г. Землянска на узловую станцию Касторную.

Напряженность боев между казачьей конной группой и корпусом Буденного в районе между Воронежом, Касторной и Землянском усилилась необыкновенно.

Мы знаем, что штаб Деникина все надежды возлагал только на казаков. 19 октября начальник его штаба приказал Кавказской армии «срочно перебросить» в резерв главнокомандующего в район Купянска «один конный Кубанский корпус».

А где же были те белые русские силы, с которыми белые вожди хотели идти на Москву? Уже почти два года прошло с тех пор, как начала организовываться русская Добровольческая армия, поставившая себе целью спасение России от «кучки захватчиков власти над русским народом», который будто-бы ненавидел большевицкую власть. Где эти Южная, Крымско-Азовская, Западная, Северная, Колчаковская и Добровольческая белые армии, долженствовавшие сокрушить армию Ленина-Троцкого? Где же та армия, с которой белые вожди «Юга» думали покорять Украину и Кавказ? Ведь к двадцатым числам октября 1919 г. под властью Деникина всецело были значительная часть губерний Астраханской, весь Крым, Таврическая, Херсонская, Екатеринославская, Харьковская Полтавская, Киевская, значительная часть Подольской, Черниговской, вся Курская и часть Воронежской губерний. Вся эта территория и по своим размерам, и

по количеству своего населения **во много раз превосходила** территорию и количество населения **войск Донского, Кубанского и Терского.** Почему же так неотступно Деникин требовал именно от **казаков** выделения сил в район Касторной? Если у Деникина нечем было разбить конный корпус Буденного, то с чем же белые вожди хотели идти на Москву? Ведь если бы Ленин хотел, он мог бы в октябре 1919 г. значительно усилить новыми войсками свой Южный фронт. А что мог бы Деникин противопоставить этим новым большевицко-русским силам!?..

И почему именно в октябре 1919 г. русские белые вожди так набросились на казачью Кубань: 6-7 октября Деникин принужден был отдать большевицкой армии г. Орел, а 8 октября послал Врангеля организовать переворот на Кубани; 11-го октября красные заняли Воронеж, 19 октября Деникин приказал перебросить один Кубанский конный корпус в район Купянска для спасения положения фронта, а 21-го октября послал телеграфный запрос Кубанскому Атаману относительно того, подписала или не подписала Кубанская делегация в Париже проект договора между Кубанью и Горскою республикой...

21-го октября командующий Донской армией ген. Сидорин послал Деникину весьма пространную телеграмму, в которой сообщал о тяжелом положении на фронте 1-го и 2-го Донских корпусов, о необходимости «принятия быстрых мер по упорядочению правого фланга» Донской армии — на Себряковском направлении, сообщал о том, что командующий Донармией посылает в район Касторной на усиление 4-го Донского корпуса Сводно-конную и пластунскую казачьи бригады, что одновременно с тем приказано Донским войскам 3-го корпуса «нанести удар в районе Боброва **в направлении на Воронеж»...**

Несмотря на такое тяжелое положение Донской армии, несмотря на то, что командующий ее в район Воронежа-Касторной бросил значительные казачьи силы, на другой день генерал Сидорин получил следующую телеграмму:

«Командарм Дон — Калединск (Миллерово). Наиболее серьезная для нас со стороны противника уг-

роза создается в настоящее время в районе Воронежа. Последней директивой Нр. 013116 было указано сосредоточить главные силы Донармии к ее левому флангу. Это не приведено в исполнение. Главком приказал сосредоточить все усилия Донармии на этом угрожаемом направлении.

Таганрог. 22 окт. 19 г. Нр. 014350. Романовский».

Донская армия, ведя бои на длинном фронте с частями 10-й, 9-й и 8-й красных армий, не была просто в силах выполнить этот приказ белых вождей...

Того же 22 октября Буденный приказал своему корпусу овладеть Касторной. На рассвете 23 октября между этим красным корпусом и казачьей конной группой вновь завязались самые ожесточенные и упорные бои на фронте Архангельское-Нижнедевицк. Хотя после упорнейшего боя конница Буденного и заняла Н. Девицк, Орехово, Плоское, Горяиново и Погожево, но все атаки Буденного на станцию Касторную были отбиты Кубанской-Кавказской дивизией и частями 4-го Донского корпуса.

25-го октября командующий Донармией ген. Сидорин просил ген. Деникина об'единить в руках Мамонтова всю казачью конную группу, действовавшую в районе станции Касторной, при этом ген. Сидорин высказывал уверенность, что это приведет к исполнению директив командующего Донской армией и к тесному сотрудничеству Конной группы с 3-м Донским корпусом, что обеспечит фланги Донской и Добровольческой армий.

Однако, Деникин не удовлетворил эту просьбу командарма Дон и не назначил ген. Мамонтова командующим этой конной группой, в которой явно преобладали Донцы. Во главе Доно-кубанской группы был оставлен ген. Шкуро.

Почему же не была удовлетворена эта просьба командующего Донской армией? Не потому ли, что, подготовляя военный переворот на Кубани по поручению Деникина, ген. Врангель в длинном письме на имя председателя деникинского Особого Совещания ген. А. С. Лукомского 14-го октября писал: «Как командующий Кавказской армией, не могу, со своей стороны, не признать, что боеспособность армии в

полной мере зависит от проведения в жизнь указанных мер (переворота на Кубани). Приезд на Кубань ген. Шкуро в период созыва Краевой Рады чрезвычайно нежелателен, его поведение может лишь дискредитировать в глазах населения армию и я убедительно прошу Главнокомандующего принять меры к удержанию ген. Шкуро на фронте» (Врангель. Записки, т. 1-й стр. 221).

25-го октября г. Деникин издал приказ о предании военно-полевому суду членов Кубанской делегации в Париже (см. об этом далее).

26-го октября «Шкуро считал положение Касторной очень тяжелым в виду слабости и раз'единенности фронта соседней Марковской Добровольческой дивизии» (Журнал военных действий Донской армии).

В это время Марковская дивизия отступала под давлением 42-й и 3-й русских дивизий и эти последние приближались с севера к Касторной.

27-го октября ген. Шкуро весьма настойчиво просил Деникина о возвращении в район Касторной-Воронежа 1-й Терской дивизии, взятой, как известно, из под Воронежа в начале октября из состава Кубано-Терского корпуса и переброшенной в Екатеринославскую губ. для действий против Махно. Деникин не удовлетворил эту просьбу...

Совсем не то видим у русских «красных»: в двадцатых числах октября корпус Буденного был пополнен 11-й кавалерийской дивизией. Кроме того, к правому флангу корпуса Буденного подтягивалась 42-я стрелк. красная дивизия, а левому — 12-я красная дивизия. 42-я див. принадлежала к составу 13-й сов. армии и находилась на ее левом фланге, а 12-я стр. дивизия была правофланговой в 8-й сов. армии.

Изо дня в день шли упорнейшие бои к северу, к северо-востоку и к востоку от Касторной. Даже бывший командующий Южным сов. фронтом Егоров, много лет спустя после описываемых событий, признает, что «сопротивление противника (Казаков, прим. ред.) носило крайне упорный характер» (Егоров, Разгром ген. Деникина, стр. 196).

Красные войска делали отчаянные усилия, чтобы

овладеть Касторной. Для характеристики боев приведем оперативную сводку за 28 октября:

«Утром 28 октября 10-я Донская дивизия атаковала красных у Н. Ольшанки и потеснила противника, но затем была атакована красными одновременно от Нижне-Девицка и Погожево и **отошла с большими потерями** к Верхне-Девицку, у которого остановила продвижение противника...

Перед вечером бригада конницы красных из Лозовки наступлением через хутора Ольшанские заняла раз'езд Суковкино, однако атакой Кавказской дивизии двух полков 9-й Донской дивизии и батальона стрелков, к этому времени в свою очередь перешедших в наступление и овладевших селениями Погожево и Лозовка, был отброшен с этого раз'езда и, понеся большие потери, **в беспорядке** бежал на сл. Орехово, куда отошли и выбитые из Погожево и Лозовки части противника.

В районе Касторной красные повели наступление с 6-ти часов 28-го октября от Успенского, Знаменского и Архангельского, но нашим огнем были остановлены в тысяче шагов от наших цепей, где и залегли. Броневики отогнали красных. Наши разбили красных у с. Успенского»...

Бывший командюж Егоров признает, что «к 29 октября начинает определенно выясняться **бесплодность всех попыток корпуса Буденного»** (стр. 197 выше цит. работы Егорова).

Как сказано было выше, к последним числам октября 3-й Донской корпус производил сильнейший нажим от гор. Боброва и от Лисок в сторону г. Воронежа. 27-го октября командюж Егоров приказал:

...«8-й армии, действуя на флангах армии согласованно с соседями, ликвидировать в кратчайший срок противника в районе Коротояка-Лиски-Боброва и занять таковые пункты» (там же 229).

30 октября командюж Егоров и члены Револ. Военного Совета Сталин, Серебряков и начальник штаба Южфронта Петин в телеграмме на имя красного главкома подчеркивали, что «отход 8-й армии, повлекший за собой неуспех операции Буденного под Касторной»... и т. д. Таким образом действия 3-го

Дон. корпуса против 8-й армии отразились и на операциях красных под Касторной.

В самом конце октября бои у Касторной достигли наивысшего напряжения. Оперативная сводка за 31-е октября говорит об этом следующее:

...«Конная группа Шкуро. Н.-Девицк занят нами. Пехота красных атакует Касторную, Алексинскую и Егорьевскую, где **доходило до штыкового боя.** В результате все атаки противника были отбиты. Наши части удержали прежние позиции. В бою участвовал личный конвой командующего (Шкуро)»...

Надо принять во внимание, что только на фронте 3-го Донского корпуса и конной группы ген. Шкуро к началу ноября 1919 г. русские сосредоточили: 31-ю, 13-ю, 40-ю, 33-ю 15-ю 16-ю и 12-ю стрелковые дивизии 8-й советской армии, действовавшей на фронте Колено – Криуша – Московское – Каменка – Нижнедевицк; далее действовала конная группа Буденного в составе 6-й, 4-й и 11-й кавалерийских дивизий и еще далее 42-я стр. дивизия из состава 13-й красной армии...

Добровольческая армия, располагавшаяся левее конной группы ген. Шкуро, отступала, отдав красным: 21 октября гор. Ливны, 24 октября — г. Севск, 25 октября — г. Малоархангельск, 27 октября Долгое, что на железной дороге Ливны-Мармыжи, последние на железной дороге Воронеж – Касторная – Мармыжи – Курск; 30 октября добровольцы отдали красным г. Щигры, что лежат между Касторной и Курском...

Вследствие такого отступления Добровольческой армии, красные постепенно начали нажимать на Касторную с севера и северо-запада. Таким образом в самом конце октября Касторная была сжата красными уже с трех сторон...

И тем не менее **казаки продолжали упорно защищать ее.**

Бывший командюж Егоров говорит: ...«Обстановка властно требовала содействия (Буденному) флангов 13-й и 8-й армий... **Для успеха требовалось энергичное выдвижение 42-й дивизии** (от станции Набережная) **на юг к Касторной, тем более, что прочие**

части 13-й армии выходили к 30 октября на железную дорогу Курск-Касторная» (стр. 197).

Теперь красные решили покончить с сопротивлением казаков, защищавших так упорно и так доблестно эту важную узловую станцию на стыке Добровольческой и Донской армий. 1-го ноября Буденный приказал атаковать вновь Касторную, при чем с северо-запада и с севера наступала на нее 42-я дивизия из состава 13-й русской армии, с северо-востока — 11-я кавалерийская дивизия; южнее, фронтом на запад, были брошены 4-я и 6-я особенно сильные конные дивизии, перерезавшие железную дорогу Касторная - Ст. Оскол, южнее 6-й кавал. кр. дивизии наступала от Н.-Девицка на юго-запад 12-я стрелковая дивизия. Как видим, на Касторненский железно-дорожный узел было брошено сразу две пехотных и три кавалерийских советских дивизии...

А в это время в глубоком тылу казаков, дравшихся за удержание Касторной в казачьих руках, происходило следующее: 27-го октября Кубанский Атаман Филимонов, весьма активно и смело выполняя свою роль в задуманном генералами перевороте на Кубани, доложил Кубанской Краевой Раде приказ Деникина об аресте членов Кубанской заграничной делегации и о предании их военно-полевому суду; 29 октября ген. Врангель письмом на имя председателя Особого Совещания ген. Лукомского просил Главнокомандующего Деникина «по прямому проводу передать генералу Науменко для меня (Врангеля) в Екатеринодар одну из нижеследующих записок», при чем ставился вопрос прямо: «при сложившейся обстановке» произвести кровавую расправу с Кубанской Радой или же проявить «полное невмешательство во внутренние дела Кубани»; 31-го Деникин приказал расправиться с Радой; 1-го ноября, именно в тот день, когда красное командование, стянув выше перечисленные дивизии к Касторной, приказало разгромить там казачью конную группу, генерал Деникин приказал Врангелю — «предлагаю Вам по обсуждении вопроса с Кубанским Войсковым Атаманом» — произвести переворот на Кубани...

Ген. Покровский приступил к производству само-

го переворота на Кубани, а Буденный — к атакам на Касторную.

Самые упорные бои произошли 2-го ноября. Храбро дрались казаки, атакуемые противником с трех сторон, но принуждены были уступить красной русской силе, и с 3-го на 4-е ноября Буденный стал полным хозяином в Касторной.

О значении боев за Касторную быв. командюж Егоров говорит следующее: «Этотъ железнодорожный узел оказался еще более важным пунктом стыка донских и добровольческих частей... Белые понимали, что с потерей Касторной и при распространении красной конницы на юг от этого пункта под угрозу ставилась вся дальнейшая операция и с каждым шагом движения красных все более должно было нарушаться и без того не крепкое взаимодействие двух армий. Поэтому к Касторной были стянуты значительные силы белых (см. об этом далее), и район ее защищался с громадным упорством, которое конница, даже при содействии правофланговых частей 8-й армии, вышедших к Нижнедевицку и занявших этот город, **преодолеть не смогла. Потребовалось привлечение** еще третьей силы — левого фланга 13-й армии, и только с введением в дело у Касторной 42-й дивизии сопротивление белых было сломлено и начался окончательный их отход... Когда Касторная была взята и упорство белых было здесь окончательно ликвидировано, — фланги белых армий оказались уже раз'единенными, и представлялась полная возможность перейти к преследованию и уничтожению белых — отдельно Добровольческой и Донской армий (стр. 201).

Тот же автор приводит следующие большевицкие данные о силах, защищавших Касторную:

По данным разведывательных сводок перед фронтом корпуса (Буденного) действовали 33 конных и 21 стрелковый, а всего 54 полка, которые группировались у Касторной с основной задачей — во что бы то ни стало отстоять этот весьма важный узел путей» (Егоров. Разгром Деникина, стр. 188).

Эти большевицкие данные, конечно, не соответствуют действительности. Как видно из журнала во-

енных действий Донской армии (запись за 7-е ноября 1919 г.), на Касторнинском направлении было сосредоточено всего на всего:

1) в 1-й Кавказской - Кубан. дивизи Шкуро 500 шашек, 6 ор. и 25 пулем.

2) в 4-м Донском корпусе Мамонтова 2000 шашек.

Далее, в период сосредоточения:

2-й Кубанский корпус севернее Н. Оскола 1500 шашек, из них бригада уже в бою;

1-я Свод. Донская бригада — Острогожск 730 шашек,

Команда пополнения 4-го корпуса 773 шашки,

1-й Сводный полк 300 шашек и 6 пулеметов.

Таким образом, в боевой линии у генерала Шкуро находится около 3 тысяч шашек и ожидается около 3 тысяч шашек», говорит журнал военных действий Донской армии.

Далее в том же журнале записаны следующие чрезвычайно важные данные о состоянии фронта и тыла:

...«По имеющимся данным, как части фронта, так и подкреплений **полураздеты, лошади плохо кованы.** Сам **Шкуро неудержимо стремится в Екатеринодар в Раду, почему устроил импровизированный штаб группы,** передав ее начальнику 1-й Кавказской дивизии ген. Губину, сдав эту дивизию полк. Шифнеру (своему начальнику штаба); комкор 2-го Кубанского ген. Науменко тоже в Раде (членом Рады не был, но занимался подготовкой и осуществлением насилия над Радой и Кубанью, примечание ред); начдив этого корпуса, 2-й и 4-й дивизий тоже временные и наштадивы тоже временные. Комкор 4-го Донского ген. Мамонтов, который должен был вступить в командование группой (?), без всякого уведомления командарма почему то оказался в Новороссийске; один из его начдивов — ген. Секретев тоже едет куда-то с фронта, отсутствуют многие комбриги и комполков. Такова общая картина конной группы», с грустью записывает офицер генерального штаба в журнале Донской армии 7-го ноября.

И далее продолжает: ...«Необходимо отметить,

что на остальном фронте комкор 2 ген. Коновалов настоял на своем отпуске и уехал в то время, как конница красных обозначила нажим от Новохоперска на Бутурлиновку, а в 3-м Корпусе происходит смена комкора генерала Иванова генералом Гусельщиковым, наштакор 3 тоже сменяется... Необходимо отметить, что обозы 4-го корпуса, действующего в районе Старого Оскола, до сих пор благодушествуют в районе восточнее Миллерово. Приказано немедленно...» (там же).

Такую характеристику дает, как видим, официальный документ Донской Армии...

К этому следует добавить, что 6-го ноября «главком приказал один полк из группы Шкуро передать в Добрармию для наблюдения за районом города Тима» (верстах в 50 восточнее от Курска).

6-го ноября ген. Деникин, при поддержке части кубанцев, донцов и терцев, произвел кровавый переворот на Кубани. В ночь под 7-е ноября военно-полевой суд из кубанских офицеров присудил А. И. Кулабухова к повешению...

Россия «красная» и Россия «белая» побеждали Казачество...

НОЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ НА КУБАНИ

К октябрю 1919 г. окончательно выяснилось, что «Московская директива», данная Деникиным 20-го июня, не может быть осуществлена.

Большевицкая власть разгромила армии адмирала Колчака и к октябрю 1919 г. отбросила их за р. Тобол.

На Туркестанском фронте красные разбили противников и отбросили их в песчанные пустыни, заняв всю Землю Войска Оренбургского, и постепенно сжимали в красных тисках немногочисленную, но чрезвычайно доблестную, армию Яицких казаков.

Северный фронт вступил в период полной ликвидации.

Западный фронт был пассивным и только на под-

ступах к Петрограду вела бои Северо-западная армия белых.

Положение на Южномъ антибольшевицкомъ фронте становилось грозным: большевики крепко держали в своих руках г. Астрахань и все нижнее течение р. Волги; Кавказская (Кубанская) армия была скована у Царицына; правый фланг Донской армии, не смея оторваться от Кавказской армии, не мог значительно продвинуться на северо-восток и на север; левый фланг Донской армии был связан упорными боями с 8-й сов. армией; казачья конная группа в составе 4-го Донкорпуса и 3-го Кубано-Терского корпуса начала сдавать под напором конного корпуса Буденного и правофланговых частей 8-й сов. армии; западная ударная группа советских войск с 1-го октября повела наступление со стороны г. Брянска, а 14-я советская армия производила весьма сильный нажим со стороны р. Десны.

«На пятисотверстном фронте от Бахмача до Задонска шли тяжелые бои Добровольческой армии против втрое превосходившего ее силами противника (20 тысяч против 50-60)», говорит Деникин (Очерки, т. 5-й, стр. 223).

Добровольческая армия уже в первых числах октября отдала большевикам гор. Орел и начала отступать.

Резервов не было.

Выше было отмечено, что правительство Украинской Республики въ июле-сентябре 1919 г. делало попытки установить контакт с армиями, бывшими под общим командованием ген. Деникина, с целью согласования борьбы против красной России. Когда же выяснилось, что русские белые не признают «никаких Украин», 11-го сентября 1919 г. Правительство Украины обратилось к своему народу с особым воззванием, в котором, между прочим, было написано:

...«Народе України!

Вже два роки обороняєш ти свою Народню Республику, яка дає тобі землю і волю. Всенароднім повстанням 1918 р. скинута була власть гетьмана Скоропадського. Після того явилися большевики-комуністи,

щоб годувати українським хлібом большовицьку Росію. І цього сильного і злого ворога удалося прогнати нашій славній армії. Та замість большевиків широкі простори нашої рідної землі забрав царьский ген. Денікін. За його полками йде ледаче панство, яке хоче надалі панувати над нашим народом... Армія Денікіна вертає панам добуту селянською кровю землю і відбирає громадянські права у робітника. Денікін не дозволяє українському народові вчитися в школі рідною мовою, народний український язик виГонить із державних установ, українські книжки палить, нищить українську кооперацію та всі культурні й господарські товариства, жорстоко переслідує українських діячів. Російське панство намагається шибеницями, катуванням і розстрілами вірних синів України держатися на нашій землі. Українське народнє правительство не хоче забирати чужі землі, а обороняє тільки свій рідний край... Всі нелюдські вчинки добровольчої армії на Україні і дальше перебування війська генерала Денікіна на нашій землі викличуть тільки новий большовизм і нове поневолення України комуністами Росії... Ми, Директорія і Правительство Соборної Української Народьної Республіки, звертаємося до нашого війська, селяц, робітників і всього народа України з закликом непохитно боротися за демократичні здобутки української революції...

...Знайте, що не один Український нарід бореться проти відновлення царської Росії. Вже вільні республики народів Кавказа, Естонії, Литви, Кубані повстали проти неділимої Росії, Колчака і Денікіна.

Під ударами нашого славного війська і повстанців, що жертвують своїм життям на щастя своїх дітей і онуків, впаде ця остання перешкода для вільного і самостійного життя Українського Народу.

Народе Український!

Настав слушний час! Всі, хто має силу і любов до свободи; в кому не згасло стремління до землі і волі; всі, кому дорога демократична Єдина Соборна Українська Республика, вставайте до посліднього рішучого бою з нашим ворогом». (О. Донцов. Літопис української революції, т. 2-й, книга 4, стр. 255-256).

Этим актом Украина об'явила войну Добрармии.

Независимо от этого, с 12-го сентября по 6-е октября, как было уже отмечено выше, Махно со своими войсками прошел огромнейший район от г. Умани до г. Мариуполя...

В Ставропольской и Черноморской губерниях действовали «зеленые»...

Однако, дело не ограничилось тяжелым, почти безнадежным положением на фронте Добровольческой армии.

Казаки не признавали власти Деникина... Работы Южно-русской конференции продолжались, но дело соглашения стояло на мертвой точке, при чем и сам Деникин и его главный представитель на этой конференции проф. Соколов стараются изобразить дело так, что именно кубанцы парализовали деятельность конференции (Деникин. Очерки, т. 5, стр. 203. Соколов. Правление Деникина, стр. 201).

В те времена тягчайших испытаний для Казачества оно, к глубокому сожалению, не выступило тогда с совершенно ясной программой государственного строительства. В политике казаков продолжали царствовать гибельные для дела разногласия. Чтобы документально охарактеризовать это, приведем выдержки из речей некоторых казаков, занимавших то или иное высокое положение в Войсках, речей, произнесенных на Донском Большом Войсковом Кругу, начавшим новую сессию 1-го октября 1919 г. (3-я сессия).

На первом же заседании выступили с приветствиями видные представители этого Войска.

Председатель Круга, открывая заседание, заявил следующее:

...«Борьба приближается к концу, враг уже надломлен, казаки Мамонтова нанесли ему непоправимый удар. Предстоит сделать последнее усилие для окончательной победы над ним... Под искусным водительством народного героя ген. Деникина и его ближайших сотрудников будут достигнуты счастье и спасение Дона и всей России. И только тода мы положим оружие, когда весь русский народ будет освобожден от большевицкого ига...

...Наши работы (на конференции) стремились к одной цели — воссозданию Единой Великой России, в неразрывном единении с которой мы полагаем Казачество»...

Донской Атаман ген. А. Богаевский не последовал примеру председателя Круга и не захотел, расходясь с истиной, в розовых красках изображать весьма мрачную действительность, какая была на фронте и в тылу. На том же заседании Круга ген. Богаевский в приветственной речи заявил:

...«Ныне наступило время последней ставки, время решительной борьбы с большевизмом. **Если не отбросим теперь красных, не разобьем их — гибель грозитъ всему Казачеству.** В этом я, как солдат, глубоко убежден. Наш упорный враг бросил против нас все имеющиеся в его распоряжении силы. Он замыслил и пытается провести в жизнь дьявольский план — овладеть Доном, Кубанью и пробиться на Кавказ, где и ожидать начала всемирного большевицкого пожара.

...Да не будет этого ужаса!» Восклицал Атаман 1-го октября, а 2-го октября послал ген. Деникину свое знаменитое письмо, по поводу которого читаем теперь у Деникина следующее:

...«В момент наивысшего напряжения, в октябре 1919 г. войско Донское выставило на фронт 48 тыс. бойцов, что составляло 32 процента всех Вооруженных сил Юга. И Донской атаман ген. Богаевский однажды, после очередного столкновения «добровольческого централизма» с «донским сепаратизмом», не без основания писал мне: ...«Если бы Дон изменил матери России, я швырнулъ бы атаманский пернач в лицо своему преемнику, который повел бы мою родину на самоубийство, а сам ушел бы к Вам хоть рядовым... Не верьте сплетням и будьте справедливы к Дону: падая и подымаясь, борясь с огромными силами противника, он несет тяжкую службу Родине, и без него едва ли возможны были бы блестящие успехи доблестных Добровольцев».

На заседании Донского Круга 1-го октября выступил с речью и командующий Донской армией ген. Сидорин: ...«Ныне, напрягая все силы, наша Армия

перешла в энергичное наступление. Есть твердая надежда, что через немного дней Дон будет освобожден от большевиков... Армия крепка духом. В нее вошли все казаки, от подростков до стариков, это — **вооруженный народ. Поэтому армия чувствует свою** особую связь с вами, своими избранниками. Она внимательно следит за вашей работой, имеющей такое громадное значение для Дона и всей России... Борьба еще не окончена, враг надломлен, но еще силен и имеет широкие замыслы. Необходимо напречь все усилия для борьбы с ним»...

В заседании Донского Круга 4-го октября было заслушано «Послание Оренбургского Войскового Круга»: — «Старший брат, Верховный Хозяин, Войсковой Круг Всевеликого Войска Донского. Третий брат по старшинству из российских казачьих сыновей, Оренбургский Казачий Круг» — так начиналось послание... А заканчивалось такими словами: «Да здравствует скорое свидание! Да здравствует всероссийское Казачество! Да здравствует верховный Правитель Государства Российского! Да здравствует Всероссийское Национальное Собрание»...

В тот же день было прочитано приветствие-письмо Войскового Атамана Семиреченского казачьего войска, генерала Ионова, в котором говорилось, что борьбу с большевиками Семиречье ведет с прежним упорством и прекратит ее не ранее взятия Москвы.

4-го же приветствовал Круг и представитель Терского Войскового Круга Г. А. Ткачев: ... «Терцы настроены твердо и намерены довести до конца свою борьбу против насильников России. Всякие обвинения Терцев в самостийничестве совершенно ложны, устраивать свою жизнь обособленно от России Терцы не собирались и не собираются. Вместе с тем, конечно, Терцы никогда не откажутся от самобытных особенностей казачьей жизни — могучей общины, права самостоятельно решать свои областные вопросы»...

В целях поддержания так необходимого контакта в работе законодательныхъ учреждений Дона и Кубани, Кубанская Законодательная Рада в самом начале октября тоже послала свою делегацию на Донской

Круг. 6-го октября эта делегация выступила на Круге с приветствием, при этом член делегации **С. Ф. Манжула** подчеркнул, что Южно-русская конференция определяет государственное бытие Казачества на многие годы; далее он коснулся слухов о самостийничестве казаков и заявил, что ни один Кубанец не является самостийником. «На Кубани, правда, принята идея о федерализме, но этот федерализм казаки понимают, как право самостоятельно вести экономическую политику, самостоятельно решать свои земельные дела, иметь свою армию, своих чиновников и прочее», заявил представитель Куб. Зак. Рады. «Но, ведь, этого же добиваются и другие Казачьи Войска — Донцы, Терцы», продолжалъ онъ.

Необходимо сказать, что заявление С. Ф. Манжулы о том, что будто бы «ни один Кубанец не является самостийником», конечно же, не соответствовало действительности, что видно и из дальнейшей части речи того же С. Манжулы, где он говорит о желании Кубанцев иметь свою армию. Известно, что самостоятельные армии имеют только самостоятельные государства.

Особенно важной частью в речи представителя Кубани было заявление Манжулы о желательности «вынесения общих и согласованных решений Донцов, Кубанцев и Терцев по всем основным вопросам», которые разбирает Южно-русская конференция. С. Манжула, по поручению Кубанцев, предложил «одновременно обсуждать эти вопросы на Дону, Кубани и Тереке» и упомянул при этом, что есть мысль **«о совместных заседаниях законодательных учреждений Дона, Кубани и Терека»**. При чем это заявление было встречено бурными аплодисментами большинства членов Донского Круга.

В заключение представитель Кубани подчеркнул, что **«Кубанцы приняли единое командование, но на диктатуру не согласились и никогда не согласятся. Казачеству нужно твердо держаться основ широкого народоправства.** Такой путь подсказывается и историей Казачества, и примерами Запада. **Кубанцы будут стойко поддерживать Донцов во все трудные минуты их жизни.**

При единстве же Казачества нет таких сил, которые могли бы сломить его, заставить отклониться от намеченного пути», закончил представитель Кубанской Законодательной Рады под аплодисменты большинства членов Круга.

Следуетъ подчеркнуть, что эти заявления были сделаны по соглашению Кубанской делегации на Круг с членами Кубанской делегации на Южно-русскую конференцию.

Таким образом, Кубанцы поставили вновь вопрос о необходимости **единого Казачьего фронта**, и даже о **желательности совместных заседаний Казачьих парламентов.** Чрезвычайно важно было то, что это предложение Кубанцев встретило явное сочувствие большинства членов Круга. На порядок дня стал вопрос о реализации этого предложения.

Эта публичная демонстрация казачьих политических стремлений, это желание казаков воплотить единство в реальные формы сотрудничества казачьих парламентов загоняло в тупик вождей русского «белого» движения: Украина и Кавказ восстали против «белых», а Казачество не признавало на Казачьих Землях власти русских генералов...

К тому же, 6-го октября, т. е. в тот самый день, как Кубанцы на Донском Кругу заявили, что они диктатуры Деникина не признавали и не признают никогда, Махно захватил Мариуполь и продвигался в сторону г. Таганрога; 6-7 октября «красные» братья «белых» захватили г. Орел; конный корпус Буденного приблизился к г. Воронежу; Деникин буквально вырвал с антибольшевицкого фронта у Воронежа Терскую дивизию, с Донского фронта была выхвачена Донская конная бригада и, вместе с Чеченской дивизией, все эти войска были брошены против Махно (Деникин. Очерки, т. 5-й, стр. 234).

Крах «белого» движения был очевидным. Особенно ясно и отчетливо это понимали и чувствовали сами «белые» вожди, в руках которых сходились все данные положений фронта и тыла.

Естественно, перед этими вождями вновь стал страшный вопрос: где выход из положения?

К началу октября 1919 г. «всего на противоболь-

шевицком фронте Киев-Орел-Воронеж-Царицын Астрахань мы имели 98 тысяч против 140-160 тысяч большевиков», говорит Деникин (т. 5-й, стр. 230). Из этих 98 тысяч на Донскую армию и на Кубано-терский корпус приходилось 50 тысяч и на Кавказскую армию 14 с половиной тысяч. Кроме того, казачьи войска были на правом берегу Днепра, на Черноморском побережьи, в Дагестане... Уже одни эти данные показывают, что более 2/3 всех сил, которыми располагало главное командование Юга, составляли казаки.

Деникин всячески боролся против казачьей политики, но все же открыто выступить против казаков пока не мог. К октябрю 1919 г. вновь создалось такое положение, что казаки могли сами взять ведение борьбы в свои руки. Донской Войсковой Круг заседал в Новочеркасске с 1-го октября; вскоре должны были собраться Кубанская Краевая Рада и Терский Большой Круг. Казачьи парламенты, учтя весь горький опыт сотрудничества с «белым» русским движением, учтя то, в какой тупик загоняли казаков русские вожди, могли сговориться между собою в деле организации общей казачьей власти для ведения оборонительной войны, а общеказачья власть могла добиться получения иностранной помощи оружием.

В таком случае русские вожди оставались бы не у дел.

Тяжесть и безвыходность положения «белого» движения, кажется, сознавали и некоторые его вожди. Неизвестно, дома ли или уже за границей Врангель сделал следующую весьма мрачную оценку положения «белых» в то время: ...«К октябрю месяцу были заняты Киев, Курск, Орел. Наша конница стояла под самым Воронежом, а казаки генерала Шкуро даже занимали город несколько дней. Весь богатый юг с его неисчерпаемыми запасами был занят войсками генерала Деникина. Ежедневно сводки штаба главнокомандующего Добровольческой армией говорил о том, как добровольцы «вгоняют» в вражеский фронт «клин к Москве».

«Вместе с тем», говорит Врангель, «для меня было ясно, что чудесно воздвигнутое ген. Деникиным

здание зиждится на песке. Мы захватили огромное пространство, но не имели сил для удержания его за собой. На огромном изогнутом дугой к северу фронте вытянулись жидким кордоном наши войска. Сзади ничего не было, резервы отсутствовали. В тылу не было ни одного укрепленного узла сопротивления. Между тем противник твердо придерживался принципа сосредоточения сил на главном направлении и действий против живой силы врага. Отбросив сибирские армии адмирала Колчака на восток, он спокойно смотрел на продвижение наших войск к Курску и Орлу, сосредоточивая освободившиеся на сибирском фронте дивизии против моих войск, угрожавших сообщениям сибирской красной армии. Теперь, отбросив мою армию к Царицыну, ясно отдавая себе отчет в том, что обескровленная трехмесячными боями Кавказская армия не может начать новой наступательной операции, красное командование стало лихорадочно сосредотачивать свои войска на стыке Донской и Добровольческой армий. Сосредоточившейся новой крупной массе красных войск, Главнокомандующему нечего было противопоставить» (т. 1-й, 212-213).

Как мы говорили выше, подобную оценку внутренней и внешней политики Деникина сделал и близкий к Деникину проф. Соколовъ (см. выше: «Добрармия губила героические усилия и великие жертвы Казачества»).

Даже сам Деникин не отрицает того, что говорят о политике «белого» движения Врангель, Соколов, ген. Лукомский и многие другие видные представители этого движения на Юге (Деникин. Очерки русской смуты, соответствующие места из 4-го и 5-го томов. Ген. Лукомский. Воспоминания, т. 2-й. Проф. Соколов, К. Н. Правление генерала Деникина и т. д.).

Фронт Добрармии трещал... В административном аппарате Добрармии царствовал хаос... На восставшей Украине удержаться нельзя было...

Неудержимо надвигавшийся крах фронта Добрармии ставил перед вождями на порядок дня вопрос о том, куда теперь уходить, где найти спасение, где снова искать реальной возможности продолжать борьбу за неделимую Россию?..

Оставалась единственная возможность — отступление на Казачьи Земли, на Кубань...

Но, ведь, между Добрармией и Кубанью все время происходила напряженная борьба, особенно обострившаяся к октябрю 1919 г.

Кубань не признавала Особого Совещания Деникина и вообще отказалась признать гегемонию Добрармии в каком бы то ни было из вопросов внутренней или же внешней политики. Самостийники Кубани твердо вели свою линию, как внутри Кубани, так на Южно-русской конференции и, сверх того, за границей через Парижскую делегацию, действовавшую в контакте с национальными делегациями других народов бывшей России...

6-го октября кубанские самостийники через свою делегацию на Большой Войсковой Круг открыто поставили вновь вопрос о тесном сотрудничестве Казачества и это предложение встретило горячее одобрение большинства членовъ Круга...

При всех этих условиях для руководителей «белых» на Юге оставался один из двух выходов: или совсем не мешать казакам строить свою государственную жизнь и организовать военную защиту своих земель, или же сделать новый натиск на казачью самостийность и расчистить себе пути отступления на Казачьи Земли...

В соответствующих местах 1-й и 2-й частей и в предыдущем изложении в 3-й части настоящего очерка мы уже не раз отмечали попытки генералов расправиться с кубанскими самостийниками, при чем это мы сделали исключительно на основании материалов, опубликованных самими представителями «белого движения». Бывший Кубанский Атаман Филимонов повествует, что «расправа с (Кубанской) Радой намечалась еще в конце 1918 г. ...«Такая мысль мне (Атаману) неоднократно подсказывалась и во время разговоров с Деникиным», рассказывает Филимонов. «Особенно настаивал на этом его помощник (ген. Романовский). — Совершенно не понимаю вашего характера, — говорилъ он. Как вы терпите все это? Почему не разгоните Раду?» (статья А. П. Филимоно-

ва — «Разгром Кубанской Рады», напечатанная в 5-м т. «Архива русской революции», стр. 322).

С своей стороны, ген. Деникин отмечает, что Кубанский Атаман А. Филимонов «не раз говорил: я еще в Мечетке (на Дону, в мае 1918 г.) хотел покончить с Правительством и Радой» (Деникин. Очерки, т. 3-й).

С этой же мыслью давно носился ген. Врангель: еще в ноябре 1918 г., потом весною и летом 1919 г.

Когда в августе-сентябре 1919 г. Кубанская Законодательная Рада повела еще более твердую политику для укрепления государственной самостоятельности Кубани (см. выше), мысль о необходимости устранения этой Рады с русской московской дороги стала снова на порядок дня. Особенно остро стал вопрос после того, как Законодат. Рада удалила опору Добрармии на Кубани — ген. В. Г. Науменка.

Как рассказывает бывший заведующий Отделом осведомления и пропаганды «Особого Совещания» К. Соколов, «во второй половине сентября к нам — в Ростов — приехал один член Краевой Рады полковник N, имевший на Кубани большие политические и родственные связи и сыгравший заметную роль при последних атаманских выборах. Хотя я все еще не вступал в должность (после летней поездки в составе деникинской делегации в Париж), он посетил меня и, давая понять, что выражает мнение серьезных линейских кругов, начал горько сетовать на нас за то, что мы не ведем настоящей политической работы на Кубани. Тут же он предложил свои услуги по организации широко разветвленной политической агентуры, которая должна, по его мнению, состоять исключительно из кубанских элементов и делать исключительно кубанскую политику, однако в направлении, желательном для Главного Командования, **борясь с Черноморцами и содействуя линейцам.** В план кампании входила подготовка роспуска и перевыборов Краевой Рады, а **конечной целью являлась конституционная реформа — в смысле усиления атаманской власти и создания устойчивого правительства путем упразднения Законодательной Рады, которая постепенно превратилась в неприступную цитадель**

самостийничества. От нас N ждал моральной поддержки и, конечно, материальных средств», повествует Соколов.

Далее он же продолжает: «Несмотря на то, что осуществление проекта полковника N должно было вызвать, как водится в таких случаях, довольно крупные, по нашим понятиям, расходы, — помнится, речь шла об ассигновании до 600 тысяч рублей — предложение показалось мне заманчивым. Действительно, помимо специальной информационной сети Отдела Пропаганды, политическая агентура Главного Командования на Кубани отличалась всеми признаками кустарности... Поэтому, обсудив с полковником N в общих чертах план его организации и поставив ему непременным условием установление и поддержание полной связи с полковником У., я направил его к моему помощнику Б. А. Энгельгардту, который в то время управлял Отделом и был правомочен принять окончательное решение. Полковник Энгельгардт, ввиду серьезности дела и размеров ассигнования, доложил обо всем генералу Лукомскому. Председатель Особого Совещания, с своей стороны, одобрил наши предположения. Из секретных сумму полковнику N был незамедлительно выдан значительный аванс, и он в наилучшем настроении уехал в Екатеринодар «ставить» свою агентуру» (статья К. Соколова: «Кубанское действо», помещенная в «Архиве русской революции», т. 18-й, стр. 239).

В этом авторитетном признании важно то, что председатель Особого Совещания ген. Лукомский «одобрил наши предположения», направленные к «упразднению Законодательной Рады, которая постепенно превратилась в неприступную цитадель самостийничества».

Здесь мы должны оговорить, что размеры и задачи нашего очерка не позволяют нам в полной мере использовать то обилие материалов, которым мы располагаем по вопросу о подготовке и проведении «белыми» переворота на Кубани в ноябре 1919 г.

В конце сентября 1919 г., с целью подготовки переворота на Кубани, из Кавказской армии в Екатеринодар был послан ген. Покровский, известный тем,

что еще в феврале 1918 г. сыграл весьма пагубную роль на Кубани (см. ч. 1-ю «Трагедии Казачества», стр. 73-97), что в ноябре того же года, вместе с генералом Шкуро, предлагал Атаману Филимонову произвести вооруженный переворот на Кубани.

Достаточная осведомленность ген. Покровского в кубанских делах, его сотрудничество в начале 1918 г. и во время 1-го Кубанского похода с ген. В. Г. Науменком, который потом, с конца 1918 г. до половины сентября 1919 г., занимал пост военного министра на Кубани и прославил себя тем, что не допустил проведения в жизнь закона Рады о Кубанской армии; близость ген. Покровского к семье Кубанского Атамана Филимонова, сотрудничество его с кубанской буржуазией, присущие ему наклонности палача, позволявшие ему с иключительной жестокостью расправляться с покоренным населением, делали кандидатуру этого генерала (по мысли «белых») наиболее подходящей для роли технического организатора намечавшегося переворота.

Прибыв в Екатеринодар, ген. Покровский был постоянным и желанным гостем у Атамана Филимонова, что дало ему возможность быстро и успешно наладить «работу», ради которой он и был сюда послан.

Как собщает ген. Врангель, в самом начале октября 1919 г., за несколько дней до от'езда Врангеля из Царицына, он, Врангель, «имел продолжительный разговор по аппарату с находящимся в Екатеринодаре ген. Покровским, который, с своей стороны, **на основании ряда разговоров с войсковым** (Филимоновым) **и Походным** (Науменком, хотя в то время ген. Науменко уже не был военным министром Кубани и эту должность тогда занимал ген. Звягинцев) **Атаманами и некоторыми членами Рады, вынес то же убеждение»**, — что «грозный окрик Главнокомандующего может отрезвить кубанцев, а твердо проводимая в дальнейшем, определенная общеказачья политика даст возможность установить взаимное доверие и сотрудничество в работе» (Врангель, Записки, т. 1-й, стр. 216).

Это свидетельство Врангеля ясно говорит о том, что в самом начале подготовки переворота на Ку-

бани поддержку заговорщикам оказали Атаман. А. Филимонов, ген. Науменко и «некоторые члены Рады»...

Какъ известно, на Кубани в 1917-1919 годах было два основных политических течения — одно стояло **за Россию**, а другое — **за государственную самостоятельность Кубани** и федеративные, конфедеративные или союзные связи с соседними молодыми государствами.

Один из виднейших представителей русского течения — А. П. Филимонов с 1917 г. занимал пост Кубанского Атамана.

Было не раз уже отмечено, что политику Филимонова в общем поддерживали все русские политические партии на Кубани, состоявшие из русской интеллигенции — конституционно-демократы, соц.-революционеры и соц.-демократы...

Уже за границей, по своему описывая подготовку переворота на Кубани, А. П. Филимонов говорит: ...«Вместе с той частью членов Рады, которая меня поддерживала, мы выработали план борьбы» (против самостийников). Мы решили предоставить представителям оппозиции высказаться до логического конца и тем самым открыть свои карты» (выше цитир. его статья, стр. 325).

Другой видный представитель русского течения на Кубани, принадлежавший тогда к группе А. Филимонова, — Д. Е. Скобцов, повествуя о перевороте, о политических стремлениях этого течения говорит следующее: ...«Мы, — другая группа кубанских общественно-политических деятелей, — «линейцы», — мы считали необходимым «об'единение всех действующих в одном направлении сил (следовательно и добровольцев) при установлении государственного строя в России»... Во имя этого мы боролись внутри собственной кубанской среды с ее центробежными течениями» (статья Д. Е. Скобцова — «Драма Кубани», напечатанная в журнале «Голос минувшего на чужой стороне», кн. 1 за 1926 г., стр. 225).

Не только среди штатской части кубанской ин-

теллигенции, но и среди кубанцев-военных нашлось достаточное число защитников неделимой России и «белого дела», возглавлявшегося тогда ген. Деникиным. Мы уже отмечали, что из 14-ти запрошенных в июле старших начальников Кубанских войсковых частей по вопросу об организации Кубанской армии, 13 высказалось **против** организации такой армии, значит, против проведения в жизнь закона Кубанской Краевой Рады, принятого еще в начале декабря 1918 г.

Надо признать, что все высшие должности в Кубанском Крае были заняты кубанскими офицерами, которые были сторонниками возрождения неделимой России. Такими были: Кубанский Атаман Филимонов, военный министр В. Науменко, его помощник ген. Звягинцев, начальник Войскового Штаба полк. Лещенко, начальник артиллерии ген. Чумаченко, все почти командиры кубанских войсковых частей на фронте и в тылу, почти все атаманы отделов и т. д.

Защитники России на Кубани не были пассивны. Они широко вели устную и печатную пропаганду через русский «Осваг», через издаваемые на Кубани газеты и т. д. Они руками министра внутренних дел в Правительстве Ф. Сушкова — ген. Успенского — еще в марте 1919 г. закрыли единственную в то время на Кубани самостийническую газету «Кубанский Край»...

Почти все кубанское духовенство стало на сторону Деникина и России...

Обиженные земельной реформой кубанские помещики всеми мерами поддерживали русскую политику, веря, что будущая Россия отменит на Кубани земельную реформу и возвратит им земли или же заплатит за них соответствующее вознаграждение. Помещичья политика Деникина и его Особого Совещания сулила кубанским помещикам реальные надежды. Надо было только добиться, чтобы Деникин действительно восторжествовал в России и чтобы Кубань осталась в составе России...

Ни общерусская буржуазия, ни буржуазия Казачьих Земель не присматривались особенно к тому, что в действительности происходило на фронтах борьбы; буржуазия не видела, что со стороны красных бьются многотысячные русские армии, ведомые в бой русски-

ми офицерами и унтер-офицерами; буржуазия не хотела видеть для нее неприятного факта, что фронт держится казаками; для русских людей было руководящим то, что Деникин имел уже под своей властью Царицын, Одессу, Киев, Харьков, Курск и даже Орел... Сам Деникин и его начальник штаба обещали направо и налево «скоро пить чай в Москве». Этот чай с русским самоваром, успокаивающе шумящим на белом столе, являлся символом возвращения былого спокойствия, довольства и сытости.

И чем ближе в воображении русских был этот обворожительный «самовар», тем с большей ненавистью все русские относились к казачьим самостийникам, «вставлявшим палки в колеса» победоносно, казалось, продвигавшейся к Москве русской колесницы Деникина, и тем яснее становился вопрос о крайней необходимости скорейшей и беспощадной ликвидации «злокачественного нарыва, который мутит кубанскую жизнь», как говорил Деникин (т. 5-й, стр. 207).

Как свидетельствует ген. Врангель, 8-го октября 1919 г. ген. Деникин признавал «общее наше стратегическое положение блестящим» (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 215), надо только вскрыть и очистить самостийнический нарыв и все пойдет отлично...

Поэтому некоторые старшие кубанские офицеры занялись даже открытой пропагандой необходимости поддержки русской политики Деникина во что бы то ни стало. Осенью 1919 г., например, ген. Павличенко раз'езжал с такой проповедью по станицам вдоль Черноморско-Кубанской железной дороги, а ген. А. Шкуро в начале сентября выступал в станице Баталпашинской. Свое отношение к самостийникам ген. Шкуро формулировал очень просто: ...«Я не верю в это предприятие, просто чепуха, это выпады местной кучки интеллигенции и они исчезнут. И все Бычи-Макаренки — чепуха. У нас великая задача — «возрождение России» (О. Доценко. Літопис укр. револ., т. 2, кн. 4, стр. 164).

Весьма показательным для тогдашних отношений на Кубани было, например, то, что после того, как Куб. Законодательная Рада удалила ген. Науменко с

поста военного министра за долгий, явный и сознательный саботаж чрезвычайно важного дела — организации Кубанской армии, генерал Шкуро в начале октября прислал ген. Науменко следующую телеграмму: «Только что узнал о твоей отставке. Весь состав Корпуса и я считаем оставление тобою поста походного атамана в настоящее время большой незаменимой потерей для Кубани. Стыдно кубанцам своих лучших сынов приносить в жертву необузданным политическим страстям».

Что это была генеральская политическая демонстрация, ясно видно из того, что эта телеграмма была широко распубликована в русских газетах (например, «Приазовский Край», 12 окт. 1919 г.). Кубано-Терский корпус, которым командовал ген. Шкуро, был расброcан в районе Воронежа и вел упорную борьбу с наседавшими большевицкими войсками и, конечно же, не обсуждал да и не мог обсуждать факта ухода ген. Науменка в отставку, однако ген. Шкуро нашел для себя допустимым говорить от имени «всего состава Корпуса».

Ген. Шкуро аргументировал целым корпусом, ген. Врангель — Кавказской армией, ген. Деникин интересами всего Южного фронта и даже всей необ'ятной России, а тем временем председатель Особого Совещания ген. Лукомский выдал деньги на русскую пропаганду на Кубани и подготовку разгона Законодательной Рады, имевшей самостийническое большинство... А Донской Атаман Богаевский уверял Деникина в том, что он бросит атаманский пернач в лицо своему возможному преемнику казаку-самостийнику... В это же время ген. Покровский сидел в Екатеринодаре и «вел ряд разговоров с Войсковым и Походным атаманами и некоторыми членами Рады», и все пришли к единодушному выводу о необходимости и спасительности «грозного окрика Главнокомандующего»...

Такъ за казачьими спинами плелась паутина предательства и подготовлялся переворот на Кубани.

7-го октября командующий Донской армией ген. Сидорин прислал ген. Деникину весьма обстоятельную телеграмму, в которой говорил об «ослабленном состоянии Кавказской армии», о потере трети Дон-

ской области, о призванных в донскую армию казаках-стариках, о вынужденной приостановке наступления Донской армии, о возможности оставления казаками г. Воронежа, о возможности глубокой операции противника на стыке Донской и Добровольческой армий (см. выше: «Осеннее генеральное сражение»).

Эта телеграмма уже указывала на возможность краха всего антибольшевицкого движения на Юге, если только не будут приняты меры усиления Кавказской и Донской армий и умиротворения тыла, раздираемого войной на Украине и на Кавказе, борьбой между «белым движением» и Казачеством.

Как видно, эта телеграмма командующего Донской армией вывела Деникина из душевного равновесия и потому он послал генералу Сидорину телеграфный ответ, переполненный не соответствующими действительности утверждениями.

В тот же день, 8-го октября, состоялось двухчасовое совещание Деникина с Врангелем, на котором обсуждалось внешнее и внутреннее положение Добрармии. При этом «с величайшим раздражением говорил Деникин о «самостийности казаков», особенно обвиняя кубанцев», повествует Врангель (т. 1-й, стр. 216).

Об этом совещании ген. Деникин рассказывает следующее:

...«В начале октября в Таганрог прибыл ген. Врангель. Очертив ему политическую обстановку, я указал на необходимость покончить с тем злокачественным нарывом, который мутит кубанскую жизнь. По словам Врангеля, он, на основании армейских настроений, пришел к тому же убеждению и ехал ко мне с тем же предложением.

Выполнение этой задачи я возложил на него, как на командующего Кавказской армией. Ген. Врангель должен был переговорит со старшими кубанскими начальниками и представителями «линейской» группы и сосредоточить в район Екатеринодара ко времени открытия Краевой Рады надежные войска, чтобы затем действовать в зависимости от обстоятельств. Во избежание каких-либо ненужных эксцессов, не оправдываемых государственными интересами, я коман-

дировал в помощь ген. Врангелю, в качестве советника по части политической, начальника отделов законов и пропаганды К. Н. Соколова.

Они приступили к действиям: «Группой членов Рады — как докладывал за сим ген. Врангель — составлен был проект изменения кубанской конституции, который предположено было внести на утверждение Краевой Рады». Сущность этого проекта, обсуждавшегося затем бароном Врангелем совместно с проф. Соколовым, заключалась в том, чтобы, не посягая на автономию края, придать выборному атаману действительную власть, сохранив ответственность его перед Краевой Радой.

В общем схема управления представлялась в следующем виде:

1. Высшая власть в крае — Краевая Рада.
2. Исполнительная (отчасти и законодательная) власть — атаман и назначенное им правительство.
3. **Законодательная Рада упраздняется.**
4. Краевая Рада созывается и распускается атаманом ежегодно. На время созыва Рады вся власть принадлежит ей.
5. **Необходимость создания отдельной Кубанской Армии отвергается.** (Очерки, т. 5, стр. 207-8).

Повествуя о том же совещании, ген. Врангель тоже подтверждает участие членов Рады в подготовке переворота.

На другой день после совещания генералов по тому же вопросу состоялось совещание, 9-го октября, сначала в составе генералов Деникина и Лукомского и начальника отделов законов и пропаганды К. Н. Соколова. Последний об этом совещании, бывшем в Ростове, рассказывает следующее:

...«В среду, 9 октября, меня вызвали к телефону и от имени генерала Лукомского передали, что Главнокомандующий желает меня видеть по спешному делу и ждет меня в кабинете председателя Особого Совещания. Я тотчас же отправился в дом Бурцева, где и был принят ген. Деникиным в присутствии ген. Лукомского. Первые слова, с которыми обратился ко

мне Главнокомандующий, запечатлелись в моей памяти с фотографической точностью.

— «То, о чем я буду Вам сейчас говорить», сказал ген. Деникин, «не подлежит ни обсуждению, ни разглашению, а только исполнению». Дальше Главнокомандующий пояснил, что командование Кавказской армии доложило ему о назревшей необходимости решительных мер против зарвавшегося в политиканстве Екатеринодара. Кубанские самостийники окончательно потеряли голову и все смелее подкапываются под фронт, дискредитируя общие цели борьбы и сея рознь между Казачеством и Командованием... Генералы Врангель и Покровский берутся провести такую реформу через Краевую Раду, на меня же, как на управляющего Отделом законов, возлагается задача составить примерную схему тех изменений в кубанской конституции, которые отвечали бы потребностям чрезвычайного времени и видам Главного Командования»... («Архив руск. револ.», т. 18-й, стр. 240).

Позже на это же совещание прибыл ген. Врангель. «Кратко, ясно и определенно ген. Врангель изложил нам свой план. Он был очень прост, этот план. К началу заседаний Краевой Рады, открытие которой должно было состояться в двадцатых числах октября, ген. Врангель прибывает в Екатеринодар, где уже находится ген. Покровский, имея в своем распоряжении заблаговременно переброшенные туда «на отдых» с фронта верные части. В качестве командующего Кавказской армией Врангель является в Раду и поднимается на трибуну. Он произносит речь, в которой указывает на тяжелое положение армии, забытой политиканствующим тылом, и от имени фронта настаивает на необходимости пересмотра краевой конституции. Немедленно после его речи группа членов Рады вносит соответствующее, заранее разработанное предложение. Если оно принимается Радой, ген. Врангель прощается, выходит к войскам, принимает парад и в тот же день, приказав воинским частям грузиться для возвращения на фронт, сам также отбывает в Царицын. Ну, а если Рада категорически отвергает конституционную реформу, тогда ген. Врангель тоже выходит к войскам и об'являет им, в чем дело...

Впрочем, сам командующий Кавказской армией был совершенно уверен, что к крайним мерам прибегать не придется и что все сойдет мирно и гладко. В этом его убеждали имевшиеся у него положительные сведения, что оппозиция в Раде очень тяготится искусственно поддерживаемым засилием «черноморцев» и охотно поможет безболезненному проведению конституционной реформы»... (Там же, стр. 241).

После этого началась усиленная подготовка к самому перевороту, при чем дело велось в строжайшей тайне. Вечером того же дня Врангель и Соколов просмотрели статью за статьей «Временное положение об управлении Кубанским Краем», утвержденное Кубанской Краевой Радой в декабре 1918 г., и отметили статьи, подлежащие изменению или отмене. «Было решено, что к двадцатому октября я приготовлю текст желательных с точки зрения Главного Командования поправок в кубанской конституции», повествует К. Н. Соколов (там же).

Потом ген. Врангель поехал в Екатеринодар, куда и прибыл 10-го октября. Об этой своей поездке Врангель рассказывает следующее:

...«В Екатеринодаре, приняв встретивших меня должностных лиц и почетный караул Кубанского гвардейского казачьего дивизиона, я проехал к Атаману во дворец... С ген. Филимоновым разговаривать было бесполезно и я решил посвятить в дело ближайшего помощника его, исполнявшего должность походного атамана и начальника военного управления, ген. Науменка. Последний, весьма разумный человек, отлично отдавал себе отчет в необходимости изменить существующий порядок вещей. **После обеда у атамана, я с генералами Покровским и Науменко беседовали весь вечер...** Ген. Покровский был настроен крайне решительно, предлагая просто «разогнать Раду» и «посадить атамана, облеченного всей полнотой власти. Генерал Науменко, более осторожный, конечно, против этого возражал. **Я изложил намеченный мною план действий, который и был, в конце концов, всеми принят.**

Предполагалось, что немедленно по открытии заседания Краевой Рады, созыв коей был намечен на 24

октября, группой Лабинцев будет внесен проект нового положения об управлении краем... Законодательная Рада упраздняется... Проект отвергает необходимость создания отдельной Кубанской армии...

...Ко времени открытия заседания Краевой Рады решено было перебросить в Екатеринодар один казачий полк и батарею. На другой день я выехал в Царицын» (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 218-219).

Осуществляя разработанный генералами план переворота, Кубанский Атаман А. П. Филимонов 15 октября распубликовал распоряжение о созыве Куб. Краевой Рады на 24 октября.

В беседе с сотрудниками газеты «Кубанская Земля» Филимонов следующим образом об'яснял создавшуюся обстановку и причины созыва Краевой Рады:

...«Мысль о созыве Рады была у меня давно. Впечатления, вынесенные мною из об'езда отделов, подвинули это дело: настроение населения достаточно нервное. С одной стороны — муссируются слухи, вызывающие враждебное отношение к Добровольческой армии, с другой — распространяются малодостоверные слухи о каких-то предстоящих чрезвычайных выступлениях самостийных групп, — слухи, разжигающие любопытство и подымающие настроение в казачьих станицах». («Куб. Земля», 17 окт. 1919 г.).

Для осуществления задуманного переворота необходимо было иметь вооруженную силу. Организаторы переворота решили в самом Екатеринодаре собрать под ружье все, что только возможно. Были призваны на военные занятия все офицеры, при чем эта мера публично об'яснялась необходимостью защиты г. Екатеринодара от возможного нападения «зеленых», а также для пресечения в корне большевицкого восстания в самом Екатеринодаре...

В действительности никакие «зеленые» столице Кубани не угрожали и фактически не было никакой угрозы большевицкого восстания в Екатеринодаре.

Ничего не зная о выше описанных закулисных мероприятиях заговорщиков, но видя, как вдруг все русские элементы засуетились в Екатеринодаре и по всей Кубани, какую бешеную агитацию развивали они в городах и станицах, подготовляя общественное мне-

ние к возможному выступлению деникинцев, Кубанская Законодательная Рада занялась этим вопросом на публичном заседании 17-го октября. В виду особой важности того, что тогда было вскрыто в этом заседании, приведем выдержки из тогда произнесенных речей некоторых членов Рады.

Первым говорил депутат Майкопского отдела — председатель Об'единения федералистов-республиканцев — есаул **Подтопельный,** заявивший между прочим следующее:

...«Год прошел, как Кубань освободилась от тяжкого ига большевиков. Год прошел, как на Кубани перестала литься кровь и мы вздохнули свободно. Но кубанцы не остались в своих «самостийных» границах и освободили Терек, помогли освободиться донцам и сейчас освобождают Россию. Мы же у себя в крае, за спиной наших надежных защитников установили принципы народоправства, мы законодательствуем, проводим законы на пользу нашего народа.

И естественно, когда проводятся законы на пользу большинства, затрагиваются интересы меньшинства и создаются кадры недовольных. Сейчас эти кубанские недовольные присоединились к тем, кто и ранее был недоволен Вольной Кубанью, и в приятном содружестве они начали против нас кампанию на потеху большевикам.

Мечтая о воссоздании старого и о возвращении своих утраченных привиллегий, они прежде всего обрушились на Раду и стремятся свалить ее. При большевиках они прятались, не смели открыть рта, теперь же, когда между большевиками и нами встала живая стена **казачьих** бойцов, они начали преступную агитацию, заключающуюся во лжи, клевете, в гнусных нашептываниях, забывая, что те, на кого они клевещут первые восстали за дело воссоздания государства.

Их клевета раз'едает душу нашего народа и нынешнее положение напоминает нам конец 17-го и начало 18-го года, когда враги народа добились своего и казачество, пока не разобралось в чем дело, перестало нам верить.

И вот опять, как и тогда, ползет клевета, распространяется ложь и всюду муссируются самые нелепые

слухи. В последнее время в городах и по станицам распространяются слухи о каком-то готовящемся восстании, выступлении и т. д. Слухи эти имеют вполне определенную цель — создать соответствующую обстановку, внедрить в сознание масс, что такое выступление возможно, и тогда попробовать испытать это настроение.

Мы, представители народа, не можем отвернуться и отмахиваться от этих слухов. Мы обязаны разрядить сгущенную атмосферу и рассеять тучи»...

Далее член Рады г. Подтопельный предложил «обратиться к населению с соответствующим возванием, в котором рассеять черную работу врагов народа».

Председательствующий в Раде Султан-Шахим-Гирей поддержал заявление г. Подтопельного и с своей стороны отметил, что преступная агитация приняла за последние месяцы исключительные размеры. Весь Край наводнен прокламациями какого-то Доно-Кубано-Терского союза. Прокламации эти призывают к разгону Рады, полны лжи и клеветы на Кубанские Законодательные Учреждения и вносят сумбур на местах (кубанцы тогда только догадывались, что эта агитация ведется по планам и на средства Особого Совещания). Доходит до того, что атаманы станиц запрашивают Раду, как поступить с этой литературой и нужно ли действительно расклеивать эти листки. **Затем председательствующий в Раде подтверждает распространение слухов о готовящемся выступлении.** Об этом поступают письма, предупреждения и проч.

Далее член Рады **Д. Н. Гудзь** тоже заявил: ...«То, что творится у нас, на Кубани, не может не возмущать всех, кто желает блага своему народу. Уже около года открыто ведется преступная работа. Мы не раз слышали здесь голоса возмущения и негодования. Заседавшая в феврале в этом зале Краевая Рада вынесла определенное постановление о борьбе с преступной работой большевиков и монархистов. Краевая Рада потребовала прекращения на территории Кубани проповеди большевизма и монархизма. Однако, до сих пор ее воля не выполнена.

Д. Н. Гудзь призывает перейти, наконец, от слов к делу, и предлагает на усмотрение Рады законопро-

ект, сурово карающий виновных в агитации против законно установленных учреждений Края и существующего на Кубани образа правления.

С пространной речью выступил затем член Рады **А. И. Кулабухов** — член Парижской делегации Краевой Рады, недавно прибывший на Кубань из Парижа. Оратор удивляется, как могло случиться так, что «Кубань, освободившаяся от большевиков, оказалась вновь ими окружаемая, только на этот раз с правой стороны. Как змеи, ползут клеветники по телу Кубани и брызжут ядовитой слюной»...

Переходя к вопросу, поднятому во внеочередном заявлении Подтопельного, А. И. Кулабухов об'ясняет слухи о восстании вылазкой ядовитых змей перед созывом Краевой Рады. Оратор в ужас приходит от той разнузданной клеветы и агитации, которые свободно процветают сейчас на Кубани. — «Я с ужасом, говорит А. Кулабухов, прочел в «Станичном Слове» открытое заявление о том, что Рада и депутаты ее — большевики... В самой свободной стране этого бы допущено не было», заявляет А. Кулабухов и признает, что Краевое Правительство должно принять самые решительные меры борьбы с подобного рода печатью.

«Казачество не допустит, чтобы по тому Краю, на котором пролиты реки казачьей крови, ехала тяжелая колесница комиссаров или генерал-губернаторов»...

Члены Рады **Ситник** и **Кислов** констатируют растлевающее влияние монархической агитации на местах. Член Рады Кислов сообщает, что ему известны факты из жизни Майкопского отдела, когда под влиянием агитации некоторые станицы боялись пахать отданную им Радой землю помещичью, так как эти агитаторы заявляли: «Пашите, пашите, а собирать то не вы будете».

Обстоятельную критику деятельности монархистов на Кубани делает член Рады **С. Ф. Манжула.** Выступивший после него член Рады **Ф. Аспидов** отмечает, что вопрос о преступной агитации обсуждался на С'езде станиц Лабинского отдела. «Монархисты стремились долгое время свить в Лабинском отделе теплое гнездо, но ошиблись в своих расчетах. Население с ни-

ми не пошло Ф. Аспидов присоединяется к предложению Д. Н. Гузя об издании закона о борьбе с преступной печатью, предлагает избрать особую комиссию для составления обращения к населению, рекомендует призвать на борьбу с монархической агитацией отдел пропаганды Краевого Правительства и обращает также внимание на агитацию, которая нередко совершенно открыто ведется чиновниками в краевых правительственных учреждениях.

После этого Законод. Рада **единогласно** приняла следующую резолюцию:

«Заслушав и обсудив внеочередное заявление о текущем моменте и констатируя наличность непрестанной, все увеличивающейся агитации монархической и других преступных идей, широко распространяемых среди населения Кубанского Края, и, имея факты, что пропаганда, будучи щедро субсидируема, зачастую производится лицами, находящимися, как на службе Краевого Правительства, так и различных организаций, и принимая во внимание, что таковая преступная деятельность, разлагая население и поселяя вражду между отдельными частями его, в то же время подрывает доверие к органам краевой власти, как-то: Правительству и Раде, чем вносится разрушение в столь ненавистный монархистам и другим преступным элементам установившийся порядок в крае, и насаждает таким образом анархию, неповиновение, а самое главное, имеет своею преступной целью дискредитировать в глазах кубанского народа идею истинного народоправства и светлые идеалы борьбы за землю и волю. Законодательная Рада, учитывая то обстоятельство, что в настоящий момент напряженной гражданской войны распространение провокационных слухов может вызвать нежелательные эксцессы и тем внести расстройство в организацию борьбы на фронте и отдалить момент скорейшего окончания самой борьбы, а также во исполнение постановления Краевой рады от 13 февраля, протокол Нр. 48 (§ 8, пункт 4) постановила:

1) поручить судебно-юридической комиссии в самом срочном порядке представить законопроект, строго карающий пропаганду преступных идей — монар-

хизма, большевизма и других, подрывающих авторитет Правительства, Краевой и Законодательной Рад и всех законопоставленных органов власти;

2) предложить Правительству немедленно принять меры к полному прекращению распространения в Крае разлагающих идей монархизма и лиц, участвующих в подобного рода пропаганде и находящихся на правительственной службе, немедленно удалить со службы;

и 3) обратиться к населению края от имени Законодательной Рады с воззванием, освещающим истинное положение».

(«Кубанская Воля» № 19, 19-10-19).

18-го октября Законодательная Рада **единогласно** приняла «Обращение к населению Кубани, кончавшееся так:

...«К вам, казаки, мы особенно обращаемся и говорим: если нас упрекали в том, что мы в 1905 году помогли реакции в борьбе с русской демократией, то какое же отношение будет к Казачеству, если руками казаков, отуманив наши головы заманчивыми обещаниями, приведут нас к монархии, которая, безусловно, долго продержаться не сможет и наступит снова гражданская война, в которой весь русский народ казаков будет считать виновниками этих новых несчастий. Это нужно понимать и идти той дорогой, которую мудро указала Краевая Рада.

Собирается Краевая Рада 24 октября с. г. и темные силы продолжают делать свое дело: тысячи нелепых слухов и десятки тысяч прокламаций наводнили Кубанский Край. Обилие монархических газет, миллионы всякого рода прокламаций свидетельствуют о том, что все недовольные новыми реформами об'единились и тратят на агитацию огромные деньги. Вся эта темная работа создает нервное напряженное состояние населения. Ходят слухи, будто бы готовятся погромы на базаре, будто зеленоармейцы и большевики готовятся сделать выступление в Екатеринодаре, будто бы арестовываются члены Рады.

Знайте все, что действительной опасности ни от большевиков, ни от зеленоармейцев, ни базарных погромов нет. Слухи же эти распространяются с опре-

деленными целями: приучить сознание народа к мысли, что все это может случиться, а раз так, то почему же темным силам не попытаться сделать какое-нибудь выступление и в суматохе не рассчитаться со своими политическими врагами. И об убитом председателе Краевой Рады сначала пускали слух, что он убит, или, что его следует убить, а потом и совершили свое гнусное дело.

Мы переживаем тяжелую годину: напряженная борьба с анархией за народные права унесла сотни тысяч лучших сынов родины, и наш долг перед павшими в этой борьбе, пренебрегая лишениями, довести их святое дело до конца...

Кубанцы, вы гордитесь своими славными предками, борцами за свободу! Так дайте же возможность и вашим детям с гордостью вспоминать о ваших героических подвигах в борьбе с анархией слева и справа, в борьбе за истинное народоправство, за святую свободу, за землю и волю».

В тот же день Закон. Рада занялась вопросом о «блокаде» Кубани. Член Рады полковник **Фесько** пред'явил Кубанскому Правительству следующий запрос, подписанный 39 членами Рады:

«В обществе идут усиленные слухи, что якобы Особое Совещание при Главнокомандующем вооруженными силами Юга России об'явило экономическую блокаду Кубанской области. Не имея возможности получить точные сведения из какого либо источника, мы, нижеподписавшиеся члены Законодательной Рады, предлагаем Зак. Раде принять следующий запрос Кубанскому Правительству:

1. Что известно Правительству об экономической блокаде Края;

2. Если блокада существует, то какие причины вызвали ее об'явление и что предпринимается Правительством для ее ликвидации».

На том же заседании Рады было постановлено: «В виду предстоящей 24 октября сессии Краевой Чрезвычайной Рады, Законодательная Рада признала необходимым вызвать Кубанскую делегацию, принимающую участие в работах Южно-русской, конфе-

ренции, чтобы иметь возможность информировать членов Краевой Рады».

Как видим, Законодательная Рада предложила Кубанскому Правительству принять небоходимые меры для сохранения спокойствия и порядка в Кубанском Крае, раз'яснила населению истинный смысл происходящих событий, призвала население быть настороже, приняла меры для публичного раз'яснения вопроса о блокаде и отозвала свою делегацию с Южно-русской конференции.

Следует отметить, что некоторые из этих постановлений были приняты в Раде единогласно, а все другие подавляющим большинством голосов.

Дальнейшие шаги должна была предпринимать кубанская исполнительная власть.

Деникинцы также не сидели сложа руки. На некоторых Екатеринодарских площадях и на окраинах города производилась учеба призванных офицеров разных возрастов и чинов и очень пестраго обмундирования. Русские газеты усилили травлю самостийников.

Главный организатор переворота — ген. Врангель — энергично действовал в Кавказской армии. 14-го октября он писал председателю Особого Совещания ген. Лукомскому, между прочим, следующее:

...«В связи с намеченным на 24 октября созывом Кубанской Краевой Рады, группой членов Рады, сознающих необходимость создания на Кубани твердой власти, предположено внести на утверждение Краевой Рады проект изменения существующей ныне конституции. Сущность этого проекта уже обсуждалась мною с К. Н. Соколовым в бытность мою в Ростове 9 октября... Институт Законодательной Рады является излишним и упраздняется... Проект отвергает необходимость создания отдельной Кубанской армии... Вместе с тем, дабы, в случае нового порядка вещей, Атаман и его правительство могли бы действительно продуктивно работать на пользу края и воссоздания России, признается совершенно необходимым проведение в жизнь главным командованием нижеследующих мер:

1. Уплата в определенный срок денежного долга Кубани и своевременная уплата впредь за сырье и предметы провольствия, отпускаемые Кубанью.

2. Передача Кубани дела продовольствия Кавказской армии.

3. Прекращение действий в пределах Кубани реквизиционных и ремонтных комиссий, передача Войску лошадей, уже закупленных в его пределах ремонтными комиссиями.

4. Установление права Войска на получение определенной части захваченной Кавказской армией военной добычи.

5. Откомандирование в распоряжение Войска всех казаков из некубанских войсковых частей, учреждений и организаций.

6. Воспрещение впредь принимать в неказачьи войсковые части и учреждения Кубанцев — офицеров и казаков, без согласия Войскового Штаба.

7. Предоставление Войску права призвать на службу в ряды Кубанских частей иногородних Кубанской области, непризванных еще, по 99 год включительно, а из призванных уже — тех эвакуированных, кои находятся ныне на Кубани.

Как командующий Кавказской армией, не могу, со своей стороны, не признать, что боеспособность армии в полной мере зависит от проведения в жизнь указанных мер.

Приезд на Кубань генерала Шкуро в период созыва Краевой Рады чрезвычайно нежелателен, его поведение может лишь дискредитировать в глазах населения армию и я убедительно прошу Главнокомандующего принять меры к удержанию ген. Шкуро на фронте.

В заключение прошу распоряжений ген. Тихменеву о заготовке потребного числа эшелонов для переброски по первому моему требованию на ст. Пашковская одного полка конницы с одной батареей. **Пользуясь затишьем на фронте**, я, по соглашению с Войсковым Штабом, наметил отвод поочередно для отдыха на Кубань частей армии»...

Если к выше приведенным 7-ми пунктам добавить еще требование организации самостоятельной Кубан-

ской армии, то будут охвачены все те требования, которые постоянно, с 1918 г., выставляли кубанские самостийники, опираясь на желание широких кругов рядового Кубанского казачества.

О размерах задолженности за взятые с Кубани продукты для армии будет сказано ниже. Теперь же подчеркнем, что кубанцы давно уже добивались передачи самой Кубани дела продовольствия Кубанской (Кавказской) армии, добивались прекращения действий на Кубани деникинских реквизиционных и ремонтных комиссий, освобождения кубанцев из всех некубанских войсковых частей и призыва в кубанские части неказаков Кубани — иногородних. За все эти требования деникинцы **травили** кубанцев, а теперь один из главных переворотчиков эти требования включил в программу своей деятельности...

Далее ген. Врангель рассказывает:

«Тотчас по приезде в Царицын, я решил проехать в конную группу, чтобы лично выбрать те части, которые предполагалось отправить в Екатеринодар... Я нашел полки значительно пополненными и в прекрасном виде; однако, из разговоров со старшими начальниками вынес убеждение, что, увеличившись численно, части изменились в худшую сторону. Присланные за последнее время Кубанью пополнения в значительной мере состояли из тех казаков, которые в тяжелые июльские дни, пользуясь безвластьем в крае, укрылись в тылу. Ныне эти шкурники вернулись, значительно развращенные усилиями самостийников. Переговорив с ген. Топоровым и ближайшими его помощниками, я наметил для переброски в Екатеринодар бригаду полковника Буряка, неуспевшую еще получить пополнений, малочисленную, но крепкую духом»... (Записки, т. 1-й, стр. 223).

Врангель не стеснялся называть кубанцев, вынесших на своих плечах тяжелую борьбу с врагом, шкурниками только за то, что они понимали, к чему ведет их политика русских «вождей»... В то же время, Врангель отмечает соучастие в подготовке переворота на Кубани и старших кубанских фронтовых офицеров...

18 октября ген. Врангель выступил перед одной из кубанских дивизий со следующей речью:

...«Голоса отдельных людей, засевших в тылу и говорящих от имени Кубани, не могут быть приняты за голос всего Кубанского казачества. Те, кто кровью своей обеспечивает счастье и благоденствие Кубани и те, кто в поте лица обрабатывает родную землю, те не говорят ни о какой самостийности. Я был в Екатеринодаре, куда приезжал, чтобы убедиться, отчего та армия, которая взяла десятки тысяч пленных, прошла многие сотни верст, отчего эта армия в ту минуту, когда, истекая кровью, просила у Кубани поддержки, не получила ее. Отходя в тяжелой борьбе к Царицыну, я взывал о помощи, как путник на разбитом бурей корабле. Но помощи не было. Ни один казак на полонение, ни одна лошадь, ни фунта хлеба не было выслано. Кубань оставила Кубанскую армию. Она не явилась для своей армии той матерью, которая посылает сыну последний фунт хлеба и чистую рубашку. Я поехал туда и увидел, что там лишь внутренние раздоры, среди которых тонул мой голос.

Мой старый боевой соратник, ген. Науменко, был единственным человеком, который взял на себя защиту интересов армии. В порядке 57 статьи, минуя Законодательную Раду, проведен был закон о мобилизации коней, но в благодарность за эту поддержку, Рада выразила ген. Науменко недоверие. Теперь я хочу сказать хозяину земли Кубанской, ее Краевой Раде, всю правду. Я хочу, чтобы голос армии был услышан»...

«С напряженным вниманием, стараясь не пропустить ни одного слова, выслушали кубанские казаки дивизии слова своего командующего и, когда он кончил, громовыми криками одобрения встретили их. Казаки подняли на руки своего командующего и понесли его» («Вечернее Время», 23 октября 1919 г.).

Эта агитационная речь Врангеля была издана отдельной листовкой и в десятках тысяч экземпляров распространена на фронте и в тылу.

Почти то же самое находим у Деникина, который, повествуя о «взаимоотношениях Юга с Кубанью» и подготовляя читателя к мысли о неизбежности вооруженного переворота на Кубани, говорит следующее: «Положение становилось чрезвычайно тягостным. Ни одна из наших попыток установления государственной связи не увенчалась успехом, нам не было пред'явлено к тому же ни одного контр-проекта со стороны кубанских правителей, если не считать не прикрытого пожелания — полного невмешательства главного командования в дела Кубани... Кубань волею судьбы являлась нашим тылом, источником комплектования и питания Кавказской армии и связующим путем как с Северным Кавказом, так и с единственной нашей базой — Новороссийском. Кубанские части в октябре составляли все еще 12 процентов Вооруженных сил Юга. Нас сковывали цепи, которые рвать было невозможно.

В конечном результате, к осени 1919 г. положение было таково: на Царицынском фронте стояла страшно поредевшая Кавказская (Кубанская по составу) армия, сохранявшая еще, благодаря, главным образом, влиянию лояльного и национально - настроенного кубанского генералитета и офицерства, бодрость духа и дисциплину. Но с тыла, с Кубани, к армии не шло более на пополнение ни казаков, ни лошадей». (Очерки, т. 5-й, стр. 199).

— Мысль о том, что Кубань не давала будто бы продовольствия для Кавказской армии, не давала пополнений людьми и лошадьми муссировалась на разные лады еще во время самого хода борьбы, муссируется и за границей в писаниях представителей русского «белого» движения.

Нет никакого сомнения в том, что подобные обвинения не имеют под собой действительных оснований и являются сплошной и дерзкой клеветой на Кубань, клеветой, имеющей целью подобными измышлениями дать моральные основания для того страшного насилия, которое было совершено в ноябре 1919 г.

В виду особой важности вопроса, мы не смеем пройти мимо него. Разбераемся же внем.

Прежде всего, **мобилизацию всего иногороднего**

населения Кубани, начиная с освобождения Кубани от советской власти летом и осенью 1918 г. и до оставления Кубани в 1920 г., **производил сам Деникин и мобилизованные иногородние Кубани поступали только в добровольческие, а не казачьи части.** Кубанское Правительство мобилизовало только казаков и горцев Кубани. На плечи исключительно этого населения пала вся тяжесть питания бойцами кубанских строевых частей, бывших с лета 1918 г. в почти беспрерывных боях.

Другая **половина** населения Кубани — иногородние — питала Добровольческую армию после освобождения Кубани от советской власти.

Уместно будет отметить, что на Дону Донское Правительство и только оно само **мобилизовало по своему усмотрению все население:** и казачье и неказачье.

В предыдущем изложении, разбирая в общем боевые события на фронте в 1918-1919 годах, основываясь на данных политических противников Казачества, основываясь на документах, мы последовательно установили, что **Кубанцы**

а) освободили Кубань, Черноморскую и Ставропольскую губернии, при незначительной поддержке настоящих **Добровольцев** и иногороднего населения этого обширнаго края,

б) кубанцы сыграли первостепенную роль при освобождении Терского Края,

в) в феврале-мае 1919 г. кубанцы, действуя в Донецком бассейне, не раз спасали добровольческую дивизию ген. Май-Маевскаго,

г) в апреле-мае того же года кубанцы разгромили на р. Маныче, на р. Сале, на Есауловскомъ Аксае 10-ю сов. армию,

д) в июне кубанцы взяли, неприступный до того и сильно укрепленный Царицын,

е) в июле кубанцы взяли г. Камышин,

ж) в июне-августе кубанцы взяли Лозовую, Синельниково, Александровск, Екатеринослав, Кременчуг, Черкассы и т. д. и т. д...

з) в августе-сентябре выдержали много упорных и кровавых боев на обоих берегах р. Волги и

удержали в своих руках Царицын, несмотря на самые упорные и отчаянные атаки многочисленного, предприимчивого и хорошо вооруженного противника, нажимавшего на Царицын с трех сторон,

и) в августе-сентябре Кубанская-Кавказская 1-я дивизия, действуя совместно с 1-й Терской дивизией, спасла г. Харьков и совершила победный и кровавый путь тяжелых боев от Харькова до самого Воронежа и т. д. и т. д..

За героическую работу Кубанского конного корпуса в ноябре 1918 г. в Ставропольских степях Врангель получил чин генерал-лейтенанта. Необыкновенная доблесть кубанцев в боях и их действительно блестящие успехи были подчеркнуты в приказах Врангеля: 10 января 1919 г., данного на Минеральных Водах, 20 января — там же, 8 мая 1919 г. — в Великокняжеской, 18 июня — в Царицыне, 29 июля — в письме Врангеля на имя Деникина, в приказе 6 октября — в Сарепте у Царицына...

Если данные ген. Врангеля о количестве пленных, взятых кубанцами с ноября 1918 г. по октябрь 1919 г., подсчитать, получим во всяком случае более **ста** тысяч человек...

В тяжелых боях с красными кубанцы несли большие потери убитыми и ранеными и **эта огромная убыль постоянно возмещалась новыми пополнениями.**

При неудачных атаках Царицынских укрепленных позиций в конце мая и в начале июня 1919 г., по вине Врангеля, кубанцы понесли тягчайшие потери; и эта убыль была пополнена новыми бойцами. Весь путь от Царицына до Камышина и далее на север и обратный путь до Царицына густо усеян кубанскими казачьими трупами...

Замечательно то, что сам Врангель признает, что в конце августа того года «пополнения с Кубани стали подходить... казаки массами возвращались на фронт, полки быстро пополнялись» (т. 1-й, стр. 202). Например, 3-я Куб. пласт. бригада понесла в августе огромные потери и была сведена в батальон, скоро была вновь пополнена до нормального состава, но в сентябре у Черного Яра эта бригада опять понесла тяг-

чайшие потери (Врангель, т. 1, стр. 205). И снова была пополнена.

То же самое было и со всеми другими кубанскими частями в течение всей борьбы 1918-1919 годов. В октябре 1919 г. Врангель снова нашел, как сказано выше, «полки значительно пополненными и в прекрасном виде», однако, это все не мешает ему открыто, перед целой кубанской дивизией, говорить заведомую неправду, вводить казаков в заблуждение, лишь бы оправдать свое злодеяние в отношении Кубани, принесшей такие огромные жертвы в течение 1918-1919 годов.

Вообще же кубанские войсковые части, набиравшиеся из населения всего в 1 мил. 650-700 тыс. душ, за год и несколько месяцев совершили колоссальную боевую работу и достигли величайших успехов. Несмотря на это, генералы говорили и писали о кубанцах явную неправду.

Кажется, является общепризнанной истиной, что во время Мировой войны 1914-1917 г.г. императорская Россия проявила максимум напряжения при мобилизации населения. И что же оказывается? Как утверждает проф. Н. Н. Головин, 1 мл. 500 тысяч населения России выставляли **одну** дивизию — 15-16 тыс. человек. Разве может быть малейшее сомнение в том, что боевое напряжение Кубани в 1919 г. было во много раз больше того, какое императорская Россия проявила в войне с Центральными государствами и с Турцией (Н. Н. Головин. Мысли об устр. буд. рос. вооруж. силы, стр. 67).

Зная прекрасно все это, русские вожди осмеливались еще делать упреки измученной, доблестной Кубани.

Что касается отношения Кубанских Краевой и Законодательной Рад к дезертирству, можно отметить постановление Краевой Рады, принятое ею 13 февраля 1919 г., гласящее: «Подвергнуть решительному преследованию дезертирство» и постановление Законодательной Рады 4-го мая того же года, решительно осуждающее дезертирство, а именно:

«Признавая дезертирство изменой Краю и Родине и предательством по отношению к сво-

им же братьям, доблестно и честно выполняющим свой долг на фронте, Законодательная Рада признает настойчиво необходимым вести самую энергичную, беспощадную и планомерную борьбу с этим позорным явление» («Траг. Казачества», ч. 2-я, стр. 163 и 287).

Отметили мы так же и то, что в конце июля, по предложению самостийника П. Макаренка, Законодательная Рада ассигновала 42 миллиона рублей на закупку лошадей для кубанских частей, вместо 7 милл., предлагавшихся военным министерством. При чем, при обсуждении в Зак. Раде этого вопроса, именно самостийники глубоко возмущались тем, что военный министр ген. Науменко так затягивает вопрос с закупкой лошадей.

Если военное министерство Кубани и после этого саботировало вопрос о закупке лошадей для армии, в этом не было вины Закон. Рады. А если и была, то она заключалась в том, что еще весною того года эта Рада не удалила ген. Науменка с поста военного министра, когда было констатировано в Раде, что вопрос об организации армии саботируется. Но ведь, 21 мая того года Войсковой Атаман Филимонов клятвенно заверял Раду, что никакого саботажа со стороны Науменка нет, что Куб. армия уже организована и т. д.

Если говорить о поставке Кубанью лошадей для армии, необходимо иметь в виду и то, что в пределах Кубанского Края совершенно свободно и беспрепятственно работали деникинские реквизиционные и ремонтные комиссии, по своему усмотрению забиравшие лошадей для армии.

Важным было и то, что весь административно-военный аппарат Кубани находился всецело в руках Войскового Атамана Филимонова, военного министра В. Науменка, его помощника ген. Звягинцева, начальника Войскового Штаба полк. Лещенко, начальника артиллерии ген. Чумаченко и 7-ми Атаманов Отделов, тоже полковников. Законодательная Рада в работу их не вмешивалась и вмешиваться не могла. Ген. Науменка удалила с поста военного министра за злостный саботаж закона об Армии и вообще за отсут-

ствие должной заботы о кубанских войсковых частях.

Вообще же Законодательная Рада, как орган законодательный и контролирующий деятельность Правительства, сделала максимум для организации Кубанской Армии, для снабжения кубанских частей всем необходимым и для того, чтобы кубанские вооруженные силы не были использованы для тех целей, которые противоречили желаниям населения Кубани, выраженным в постановлениях Кубанской Краевой Рады.

Что подавляющее большинство Кубанского казачества, как и Казачества вообще, не хотело бороться за государственные идеалы Деникина-Врангеля и Особого Совещания, это правда, как было правдою и то, что и русское белое движение не хотело бороться за идеалы Казачества.

По своей сути эти два движения не сходились, а расходились. Одна из трагедий Казачества в том и заключается, что оно, к сожалению, вступило в союз с русским «белым» движением, вожди которого, опираясь на часть казачьих верхов, хотели этот союз притворить в подчиненіе Казачества себе, руководителям белых вождей.

Свою любовь к Казачеству, к Родной Земле кубанцы проявили не на словах, а на полях сражений, а свою свободу и свои права обильно полили своей кровью.

И, конечно же, не русским генералам учить казаков **казачьему** патриотизму.

Такой же клеветой на Кубань является и утверждение, что будто бы были месяцы, когда с Кубани не поступало для армии продовольственных продуктов.

Согласно официальному документальному отчету Начальника управления хлебозаготовки, с октября 1918 г. по 15 ноября 1919 г., в адреса 1) интенданта главнокомандующего вооруженными силами на Юге России, 2) интенданта Всевеликого Войска Донского и 3) интенданта Кубанского Края **Кубань отправила пшеницы, муки, ячменя, овса и других зерновых продуктов 8. 728**

(восемь тысяч семьсот двадцать восемь) **вагонов на сумму 351.360.700 рублей, или в среднем ежемесячно около 700 вагонов зерновых продуктов, на 28 милл. рублей.**

При этом Кубань за все это добро, переданное интендантам, получила только частичное вознаграждение бумажными деньгами, так что на 15 ноября 1919 г. **интендантства оставались должны кубанскому правительству за зерновые продукты 229.974.308 рублей.** Иначе говоря, было выплачено бумажками приблизительно только за одну треть продуктов, полученных с Кубани для армий.

Генералы Деникин, Врангель и другие, желая оправдать в глазах Войска Донского и Терского, в глазах русской общественности, в глазах своих армий ту борьбу, которую эти генералы вели против Кубани по политическим мотивам, бессовестно клеветали на Кубань, что она будто бы не дает хлеба для армий и принуждает бойцов голодать. Особенно эта клевета усилилась в период подготовки переворота на Кубани. Врангель дошел до того, что в агитационной и деморализующей фронт речи, перед одной из кубанских дивизий, 18-го октября позволил себе говорить, что в самый тяжкий период отступления Кавказской армии к Царицыну «ни фунта хлеба не было выслано, Кубань оставила свою армию» и т. д.

Эту клевету горячо поддерживал ген. Деникин. Но уже за границей тот же ген. Деникин, вступив в полемику с быв. Донским Атаманом ген. П. Н. Красновым, сам распубликовал следующее опровержение заявлений Врангеля и своих собственных:

...«Уже с весны 1919 г. на Дону создалось тяжелое положение в отношении провольствия и Главное командование, при серьезном сопротивлении Кубанского Прдавительства, **производило наряд Кубанского и Ставропольского хлеба для Донской области. Так в июне напр., отпускалось, кроме довольствия его армии, для населения области — 445 тысяч пудов, позднее больше. В общем наряде для армии и населения Кубань давала 60 процентов,** а Ставропольская губерния 40 процентов» («Донская Летопись», книга 3, стр. 366).

Из этого сообщения ген. А. Деникина видно, что с Кубани и Ставропольской губ. в июне 1919 г. Деникинъ взял для населения Дон. обл. 445 вагонов хлеба, а **потом брали больше,** и что Кубань давала 60 процентов всего, что требовалось для прокормления армии и населения.

Когда нужно клеветать на Кубань, то говорили, что Кубань не дала **ни одного фунта хлеба,** а когда нужно было «осадить» Донского Атамана, тогда говорят, **что Кубань давала 60 процентов для удовлетворения нужд армии и населения.** Где же правда?! Где же мораль и честность!

Кроме ежемесячно отпускавшихся с Кубани для армии зерновых продуктов, в срденем по 700 вагонов в месяц, было **отправлено для фронта,** с 1-го января по 1-е октября 1919 г., **134.128 пудов мясных продуктов на сумму 18.287.125 рублей.**

«При этом нужно принимать во внимание», говорит один из серьезных исследователей прошлой борьбы, «что все продукты доставлялись по твердым ценам, а не по рыночным. По последним ценам сумма отпущенного во много раз больше» (Г. Покровский. Деникинщина. 1923. Стр. 228).

Что часается вопроса специально о поставках продовольствия для Кавказской (Кубанской) армии, то Кубань, обыкновенно, отпускала ежемесячно для армии больше того, чем просило интендантство. Но беда была в том, что Кубань, отпуская ежемесячно для армии продукты, была лишена возможности контролировать самую перевозку продуктов в армию, ибо Деникин держал в своих руках всю работу по доставке питания в армию и кубанская власть за границы Кубани не распространялась. Управляющий ведомством продовольствия на Кубани доложил в заседании Кубанской Краевой Рады 28-го октября 1919 г. вопиющие факты разбазаривания, разграбления и т. д. деникинскими властями того колоссального количества разного добра, которое Кубань отпускала для довольствия армии (отчет о заседании Рады).

Например, еще в августе 1919 г. **следствием** было установлено, что В. В. Жуков — юрисконсульт Особого Совещания при Деникине и товарищ председа-

теля служащих Особого Совещания — **продавал по 50 тысяч рублей удостоверения на вывоз с Кубани вагонов муки в Новороссийск** (правительственная газета «Вольная Кубань», 27 августа 1919 г.).

Несмотря на все это, ген. Врангель распространял в армии и среди населения самые нелепые, решительно противоречащие фактам, сведения об отношении Кубани к Кавказской армии. Например, в газете «Заря России» было помещено интервью с Врангелем, в котором имются такие места:

...«К сожалению, в самые тяжелые минуты, когда Армия истекает кровью, сдерживает напор в десять раз превосходящего ее силами противника, шаг за шагом отходя от Саратова к Царицыну, она этих забот не чувствовала. Вследствие тяжелых потерь полки дошли до состава сотен, очень много казаков осталось без лошадей. Между тем все мои просьбы к Кубани о помощи, начиная с конца июля, остались без удовлетворения. Я просил и требовал для армии помощи. **Но ни один казак, ни одна лошадь не прибыли на фронт...** Из ста тридцати одного вагона, которые должны были быть доставлены в июле для Армии, не пришло ни одного»... («Утро Юга», 26-X-19).

Эта клевета на Кубань была помещена во всех русских газетах.

Между тем фронтовые казаки-кубанцы, которых столько времени безнаказанно ген. Врангель настраивал против Законодательной Рады, ознакомившись из документальных докладов членов Кубанского Правительства в Краевой Раде о действительном положении дела, и поняв, как их на фронте бессовестно обманывали, сами начали рассказывать о глубоко возмутительных фактах, которые они наблюдали лично, проезжая из Царицына на Кубань. Часть этих наблюдений была распубликована в газете кубанских самостийников — «Кубанская Воля». Для примера приведем следующее:

«**Голос фронтовиков.** Один фронтовик рассказывает: станция Царицын буквально забита составами вагонов, **но их упорно почему-то не желают направлять в места погрузки продовольствия и фуража...**

Другой фронтовик обращает внимание на то, что

многие станции ближнего тыла забиты фуражом и провиантом, но незаметно стремления наладить транспорт от этих станций к тылам действующих частей, отстоящих от этих станций на сотню верст...

Фронтовики единодушно заявляют, что напрасны жертвы Кубани лошадьми, так как через две недели по прибытии конских пополнений в строевые части лошади от полной бескормицы приходят в полную негодность». («Кубанская Воля», 2 ноября 1919 г.).

Как видим, Кубань только в руки интендантов Добровольческой, Донской и Кубанской армий отпустила в течение года 8.700 вагонов зерновых продуктов; кроме того, для Кавказской армии за 9 месяцев отпустила 134 тысячи пудов мяса; Кубанская Законодательная Рада в конце июля 1919 г. отпустила 42 миллиона рублей на закупку лошадей; на Кубани беспрерывно работали деникинские реквизиционные и ремонтные комиссии; сам Деникин признает, что из общего наряда для армии и населения Кубань сама давала 60 процентов; за отпущенное Кубанью по твердым ценам Кубани не заплатили свыше 200 миллионов рублей; кубанские казаки всюду сражались доблестно и достигли больших боевых успехов на Северном Кавказе, в Донбассе, на Маныче, на Волге, на Украине и т. д.

Несмотря на все это, русские единонеделимцы открыто и бессовестно клеветали на Кубань, лишь бы ее унизить в глазах населения и армии, лишь бы на самой Кубани посеять смуту, внести разложение и, воспользовавшись этим, произвести переворот, подготовлявшийся руками русских и некоторых кубанских генералов...

Следует обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. Кубань не завела своего станка для печатания кредитных билетов. Денежные знаки печатались на Дону — донские. Широко так же было поставлено печатание денег и в Добровольческой армии. Кубань получала кредитные билеты с донского печатного станка.

Естественно возникает вопрос: как распределялись денежные знаки, напечатанные на Дону? Как видно из доклада управляющего отделом финансов Всеве-

ликого Войска Донского М. В. Керженевского на Донском Кругу, с конца 1918 г. до конца октября 1919 г., на Дону было выпущено кредитных билетов на 9.488 миллионов рублей. Из этой суммы за тот же период было выдано:

Добровольческой армии	4.418	миллионов	рубл.
Дону	4.292	»	»
Кубани	610	»	»
Тереку	80	»	»

Кубань кормила всех, доблестные сыны Кубани поражали всюду большевизм — на Северном Кавказе, на Днепре, на Волге и на Донце и за все это злобные носители идеи неделимой России, в октябре 1919 г., обволокли Кубань густою пеленой клеветы, насмешек, открытого издевательства...

Чтобы более ясно и точно можно было представить весьма большую работу Кубани в деле поставки продуктов питания для армии и населения, остановимся теперь, хотя в самых общих чертах, на описании того, что в этом деле происходило на Дону.

25-го октября 1919 г. Большой Войсковой Круг заслушал доклад председателя «Комиссии по обревизованию отдела продовольствия, транспортного отдела бывшей областной продовольственной Управы и органов главного Начальника военных снабжений и войскового интендантства по части заготовок и закупок последним продовольствия и фуража». Было Войсковому Кругу доложено, что ревизия пока еще не закончена и потому вполне исчерпывающего доклада о результатах работы Комиссии дать нельзя. Все же председатель Ревизионной Комиссии доложил следующее:

Работа интендантства. Выяснилось, что в работе интендантства не видно плана, нет системы. Работа интендантства, его закупки и заготовки носят случайный характер. С отчетностью дело обстоит плохо, надзор за подчиненными отсутствует, а между тем все это создает атмосферу крайне благоприятную для всякого рода злоупотреблений... Целый год подчиненные интендантству органы не имеют законной отчет-

ности, но управление интендантства даже об этом не знает... Заготовитель не отчитывался еще в прежнем авансе, а ему выдают второй и третий... Встречались авансы совсем неожиданные. Например, несколько десятков тысяч рублей было выдано председателю судебно-следственной комиссии на... довольствие войск. Этот аванс до сих пор не возвращен. Крупные, на несколько миллионов рублей, заготовки поручаются иногда компаниям из нескольких родственников, что, конечно, ненормально. К поставщикам относятся, подчас, с совершенно излишней предупредительностью: бывали случаи, когда производился расчет с поставщиком, между тем, как в действительности, еще ничего не было поставлено... В самую смутную пору на Украине, когда там уже появились большевицкие войска, туда посылается из интендантства заготовитель с суммою денег в **три миллиона рублей.** Этот заготовитель так и пропал и, вместе с ним, 3 миллиона рублей. В делах интендантства нет никаких указаний, чтобы оно заинтересовалось этим случаем и предприняло какие-нибудь шаги к отысканию посланного и денег. Точно так же, никаких мер не принималось к отысканию и другого заготовителя с 800-ми тысячами рублей, отправленных туда же...

Транспортное дело. Отчетность по этому отделу оказалась в таком хаотическом состоянии, что ревизовать пока нечего, надо разобраться в документах и составить по ним книги... В этом отделе колоссальную ценность представляет тракторное имущество, из которого, по мнению докладчика, многое пропало бесследно. Сохранившееся надо учесть и тем спасти от дальнейшего расхищения... Это имущество прибыло в Ростов незадолго до большевицкого переворота в 13-ти поездах. По этому можно судить о его ценности и обширности, говорит докладчик. Отсутствие отчетности повело к тому, что фактические распорядители его стали смотреть на него, как на свое собственное. Каковы были порядки, можно видеть хотя бы из того, что один из распордителей подарил один трактор высшему учебному заведению в собственность, в благодарность за полученное в этом заведении образование...

Отдел продовольствия. И тут мало хорошего... Общее впечатление безотрадное. В деле продовольствия, как и в интендантстве, нет общего плана работы, нет системы, работа идет как-то по инерции. Получается впечатление, что сложили руки на груди, легли на спину и плывут по течению... Служащих масса, средства отпускаются колоссальные — казалось бы, отдел мог попытаться облегчить неимоверную тяготу жизни нашей, на деле же выходит нередко наоборот: плывя по течению и даже забегая вперед, отдел способствует бешеной спекуляции; не только не борется, но зачастую поощряет спекуляцию... Из отдела бухгалтерии в июне месяце были затребованы необходимые для ревизии сведения. Было обещано дать их через две недели, но до сих пор этих сведений не получено. Вследствие этого к ревизии приступлено только на днях.

Картина грустная: книги за 1918 г. до сих пор (октябрь 1919 г.) еще не закончены. Книги 1919 года обрываются — некоторые на феврале, другие — на марте месяце. Баланса в 1919 г. не выведено еще ни за один месяц. И это в государственном учреждении, ворочающем сотнями миллионов рублей. Ведь, в бухгалтерии, как в зеркале, должна отражаться вся жизнь учреждения; запутается бухгалтерия, запутается многое: помутнеет вода, а в мутной воде всегда найдутся охотники и рыбку ловить, поучал председатель Ревизионной Комиссии М. И. Мельников...

Отдел снабжения. Об отделе снабжения докладчик говорил следующее. Любопытно сопоставить, какими целями руководились, открывая этот отдел, и к каким результатам пришли. Целями задавались широкими: 1) учет запасов и тары, 2) заготовка предметов первой необходимости, 3) распределение предметов на нужды армии и населения, 4) наблюдение за ввозом и вывозом, 5) регистрация спекулятивных лиц и фирм и разработка мер по борьбе со спекуляцией и 6) организация товарообмена.

Благие намерения не осуществились... Отдел продовольствия обратился в какой-то торговый дом, в лавочку... Это не борьба со спекуляцией, это сама

спекуляция, притом в самой отталкивающей форме, т. к. проделывается казенным учреждением.

Некто Асеев, имеющий фарбрики в Тамбовской и Пензенской губерниях, обратился в Отдел продовольствия с предложением поставки изделий своих фабрик, и отделение снабжения не только рассматривает это, по меньшей мере, преждевременное предложение, но вырабатывает договор, соглашаясь теперь же выдать аванс в 9-10 миллионов рублей. Любопытен тут и другой момент — начальный срок поставки: ...«Через **три** месяца после восстановления деятельности городских самоуправлений».

Средствами Донского Войска в 1918 году было заготовлено в Сальском округе сено для армии. Но по резолюции Донского Атамана Краснова это сено даром передали коннозаводчикам с тем, однако, что коннозаводчики должны возвратить это сено в 1919 году. Однако, до осени коннозаводчики сена не возвратили...

Союз рыбопромышленников обязался поставить для войска 35 тысяч пудов рыбы. Поставил в мае всего 4500 пудов и на этом покончил, а в июле и августе, по разрешению отдела проровольствия, вывез за пределы Войска 15 тысяч пудов. Теперь Союз заявляет, что рыбы нет, что у него ее лишь одна тысяча пудов, и просит повысить цену с 85 рублей до 300 рублей.

Поставщик был обязан поставить отделу сельдь по выгодной цене. Сроки проходят, сельдь не приходит, но это не мешает отделу разрешить поставщику вывоз рыбы за пределы области и там наживаться... А теперь ходатайствуют о повышении цены на 215 рублей на пуде. Ничего почти не поставляется: Союз рыбопромышленников избавили от призыва по мобилизации и дали заработать большие деньги...

Фирма «В. и Б.» обязалась поставить 15 тысяч пудов каспийских сельдей и получила аванс в сумме 2 милл. 250 тысяч рублей. Договор заключен 15 июля. В момент составления договора имелось другое предложение, более выгодное, на рубль на пуде дешевле и рыбный промысел этого поставщика находился в наших пределах, тогда как фирма «Ваме-

тов и Буданов» имела промыслы в Азербейджане. Более выгодное и осуществимое предложение отвергли. В результате: сельдей не получили, а аванс в сумме 2 милл. 250 тысяч выдали, при чем в торговых книгах фирмы записано на приход 2 милл. рублей, а четверть миллиона ушла неизвестно куда. Интересно при этом отметить и такое явление: договор заключили, фирма ничего не доставила, миллионы ей выдали, а попутно выдано и разрешение на вывоз рыбы за пределы Войска. В июле и августе «Ваметов и Буданов» вывезли из пределов Войска 100 вагонов сельдей, а когда на рынке сельдей не осталось, последовало запрещение вывоза.

Еще один кричащий факт: донской тыловой интендант заключил договор на поставку рыбы по 130 рублей за пуд в то время, как на рынке пуд стоил 50 рублей. По этому поводу Войсковой контролер бьет тревогу, шлет запросы. В ответ на это интендантство присылает краткое и вразумительное об'яснение: «Мы закупили дешево, так как Отдел продовольствия закупил по 180 рублей за пуд». Сравнение цифр говорит само за себя: 50 рубл. на рынке, 130 рубл. в интендатстве и 180 рубл. в Отделе продовольствия, печально повествовал председатель Ревизионной Комиссии.

«Какая может быть борьба с дороговизной, на что расчитывать издерганному, измученному обывателю, когда государственные **казачьи** учреждения таким образом швыряют вверенные им суммы», восклицал докладчик на Войсковом Кругу.

Скот и мясо. Скот, поступающий на убойную камеру, а оттуда в остывочную, а затем и в продажу, взвешивается единственный раз живым весом и только. Мясо продается и только после того высчитывается, сколько же мяса вышло из убитых животных, — другими словами, получится столько, сколько запишут, а все незаписанное идет благополучно в карман. Такая блестящая постановка привела к тому, что выход мяса — на бумаге, конечно, определяется в 40 процентов и даже в 32-33 процента, а остальное — от 60 процентов и даже до 65-67 процентов шло «в отход»...

Солонина. В декабре и январе донским Отделом продовольствия было засолено около 60 тысяч пудов солонины. Она быстро пропала тогда же зимой — войсковые части стали ее браковать, как совершенно негодную к довольствию казаков. Тогда Отдел продовольствия решил употребить эту совершенно невыгодную солонину на колбасы. Вся колбаса признана абсолютно негодной в пищу... Казна Войсковая понесла огромные убытки.

Другой случай. С фирмою Дуракова заключен договор на поставку 3-х тысяч пудов колбасы по 8 руб. за пуд. Однако, заведующий донским отделом продовольствия не взял этой колбасы, а в то же время освободили от военной службы рабочих этой фирмы, Дуракову выдали удостоверение на беспрепятственную закупку и прогон скота в Донскую область, **добивались, чтобы и Кубань разрешила Дуракову закупку и прогон скота.** На Кубани не поверили этим удостоверениям донского Отдела продовольствия и скота не дали...

Заготовка хлеба. В заготовке хлеба — ни плана, ни сметы. В результате — пустые амбары. Хотели спастись Кубанью, говорил докладчик, но с конвенциями ничего не вышло. В итоге за последние три месяца 1918 г. Отдела выполнил около 5 процентов заказа потребителей (200 вагонов, вместо 4.000). Первые 4 месяца текущего года дали результат и того хуже — выполнено меньше пяти процентов.

Донской хлебный отдел выплачивает комиссионеру некоему Молдавскому комиссионных только: за пуд пшеницы 11 рублей, муки — 13 рублей, ячменя и овса — 15 рублей. Молдавский получил от Одела около 12 с половиною миллионов комиссии и считает долгом за Отделом еще несколько миллионов рублей комиссионных.

Совершенно непонятно, за что, собственно, донской хлебный отдел платил Молдавскому такие колоссальные деньги, так как, как свидетельствовал председатель Ревизионной Комиссии, **заготовкой хлеба занималось Кубанское Правительство** и с этим Правительством рассчитывался донской отдел продовольствия, а Молдавский был всего лишь посредником...

В результате такой работы отдела запросы армии и населения выполнялись в среднем в размере 7 процентов, и только в последнее время 10-12 процентов; сена заготовлено только 0,8 процентов всего заказа, мяса — 4 процента, солонины — нуль процентов.

Кавказская армия снабжалась и снабжается мясом из Астраханских степей, покупая это мясо около 100 рубл. за пудъ живого веса. **Поставщиков было сколько угодно.** Но вот в сентябре появляется там приемочная комиссия донского отдела продовольствия и повышает **сама, без всякой к тому необходимости, цену почти вдвое**, переплачивая от 60 до 80 рублей на пуде живого веса.

В результате не оправдывается... трата народных денег, поощрение спекуляции, голодание Кавказской армии... Докладчик далее констатировал перед Большим Войсковым Кругом факт ужаснаго взяточничества в донском отделе продовольствия, где «и брали, и берут». Берут по разному... Берут определенную сумму за предоставление подряда, отчисляют около 10 процентов с оплачиваемого отделом счета, берут за снабжение деньгами под дубликаты и проч. — по разному берут... Берут с глаза на глаз в служебном кабинете, бывает и так, что на квартиру поставщика является «неизвестный», предлагает «устроить» дело, неналаживающееся ранее и проч., говорит докладчик М. И. Мельников.

Выше мы привели только выдержки из той части доклада М. Мельникова на Донском Кругу, которая была распубликована в газетах с разрешения донской цензуры («Приазовский Край», номер 243, 27 октября 1919 г.).

На донских верхах не было тогда самостийников. Деникин и Врангель в 1919 году не позволяли себе по адресу Дона бросать обвинения, так обильно сыпавшиеся по адресу Кубани...

Кубань дала для борьбы с большевиками лучшую часть своего населения — храбрых бойцов в армию; Кубань дала для обеспечения успеха той же борьбы очень большие материальные средства; с донского станка для печатания денег Кубань получила сравни-

тельно незначительную часть денежных знаков; за отпущенное Кубанью продовольствие для армии и населения кубанцам должны были свыше 200 миллионов рублей; кубанское добро растрачивалось в пути или его просто не доставляли по назначению и... кубанские фронтовые части голодали, лошади от бескормицы выходили из строя.

И, в довершение всего, 19 сентября 1919 г. Добрармия об'явила Кубани «блокаду»...

Кубанское Правительство запросило Особое Совещание: 1. Имелось ли в виду это распоряжение распространить на железнодорожные станции внутри Кубанского Края. 2. Распространяется ли это распоряжение на грузы, идущие из Донской и Терской областей. 3. Касается ли это распоряжение грузов, идущих по договорам, заключенным ранее, по которым Кубань выдает определенный эквивалент. 4. Распространяется ли это распоряжение на товары, идущие из-за границы, не производящиеся на территории Добровольческой армии, через Новороссийский порт.

В ответ на эту телеграмму помощник главнокомандующего и председатель Особого Совещания ген. Лукомский прислал следующую телеграмму Кубанскому Правительству: «Главное командование в лице Особого Совещания и отдельных управлений уже целый год стремится к экономическому об'единению Юга России и уничтожению таможенных рогаток между отдельными автономными областями и территорией, находящейся под управлением главнокомандующего. К сожалению, все усилия его в этом направлении были напрасны, и главное командование сочло необходимым применить в отношении вывоза из территории Добровольческой армии те же меры, которые давно применяются Кубанью, Доном и Тереком, т. е. разрешать вывоз не иначе, как при условии возвратного по ценности количества товара из соответствующей области. Прибегнуть к такой мере главное командование вынуждено было, между прочим, тем обстоятельством, что Донское Правительство выпускало за границу и в Закавказье такие товары, которые оно свободно получало с территории Добровольческой армии, в то время, как управление торговли и промыш-

ленности не разрешило вывоза тех же товаров за границу, в виду острой потребности в них армии и населения. Таким образом, к принятию указанной меры главное командование вынуждено было обстоятельствами, от него не зависящими, а самая мера представляет собой лишь применение тех же начал, которые уже свыше года систематически применяются краевыми правительствами, и в особенности Кубанью, с той, однако разницей, что никаких «регистрационных» или иных сборов с товаров Добровольческая армия не взимает. При этом главное командование по прежнему считает, что внутренние таможенные рогатки, препятствуя естественному обмену отдельных областей предметами своего производства, только вызывают дальнейшее повышение цен, порождают спекуляцию и препятствуют правильному снабжению сырьем промышленных предприятий. В виду этого, в случае согласия краевых правительств на отмену запрещений вывоза товаров на началах взаимности, главное командование, с своей стороны, готово во всякое время отменить все существующие ограничения вывоза с территории Добровольческой армии в другие русские области».

Ген. Лукомский в этой телеграмме поместил одно основное несоответствие с действительностью: Добровольческие генералы и руководители Добрармии вообще никогда не стремились **к об'единению** казачьих и неказачьих республик, **а только к подчинению их своей власти.** Казаки на подчинение не шли.

Экономическая блодака продолжалась, внося всюду большое недовольство, раздражение, усложняя и без того враждебные отношения между Кубанью и Добрармией. В Кубанскую Законодательную Раду стали поступать приговоры станичных обществ с выражением негодования по адресу командования Добровольческой Армии, разрушающего экономическую жизнь тыла... «Нельзя надеяться на прочность фронта», говориться в одном из приговоров — «когда сражающиеся в рядах Добровольческой армии наши дети знают, что их отцов блокирует командование этой же армии. Между командирами и солдатами непременно будет вражда». (Покровский. Деникинщина, стр. 207).

16-го октября ген. Деникин прислал Кубанскому Атаману телеграмму, в которой говорил: «В интересах наивыгоднейшего использования имеющихся на Юге России запасов сырья, для получения нужных для армии предметов снаряжения считаю безусловно необходимым об'единенное и согласованное регулирование вывоза за границу. В виду сего считаю необходимым участие представителей Дона, Кубани и Терека в соответствующих органах: комиссии по обороне, комиссии по заграничным заказам, экспортной комиссии, при чем основание участия представителей краевых правительств в указанных органах должны быть определены особым соглашением. Предложенные Кубанским правительством операции по товарообмену с заграницей не встретят возражений если вывоз известных категорий сырья не будет противоречить государственных интересам. Представляется необходимым намеченные операции по товарообмену рассмотреть в экспортной комиссии по обороне... При существующем положении не могу согласиться с вывозом хлеба и других продовольственных продуктов в Закавказье. Иностранные транзитные товары будут пропускаться на Кубань беспрепятственно».

Рядом с этой телеграммой председатель Особого Совещания ген. Лукомский прислал тоже на имя Атамана длинное письмо, в котором пояснял детали предлагаемого способа разрешения спорного вопроса («Кубанская Воля», 23 окт. 1919 г.).

Законодательная Рада тогда еще ничего не знала об уже готовящемся перевороте и со всей серьезностью 21-22 октября обсуждала и телеграмму Деникина, и письмо Лукомского, доложенные ей Куб. Правительством. Было констатировано следующее:

1. Кубанский Край по Конституции, принятой Краевой Радой 5-го декабря 1918 года, есть суверенное государство.

2. Пользование морями и портами Кубанского Края никем не может быть ограничено.

3. Телеграмма главнокомандующего Добровольческой армией нарушает конституцию Края, вмешиваясь в экономическую жизнь Кубани (там же).

В результате обсуждения вопроса в Законодатель-

ной Раде, Кубанское Правительство послало Особому Совещанию следующий ответ:

1. Запрещение вывоза и ввоза заграничных товаров Куб. Правительство считает покушением на экономическую самостоятельность Кубанского Края.

2. Исходя из того, что необходимо единство экономической политики, Правительство в то же время считает, что орган для урегулирования внешней торговли должен быть организован на паритетных началах.

3. Кубанское правительство не считает возможным участвовать в этом органе впредь до отмены всех запрещений ввоза и вывоза заграничных товаров.

Этот ответ Кубанского Правительства был новым доказательством того, что Кубань упорно держалась своей независимости. А так как Добрармия так же упорно держалась единонеделимческих позиций, создавалось совершенно безвыходное положение. Ни одна из борющихся сторон не хотела сойти со своих позиций.

Надо признать, что Гордиев узел казачье-русских отношений, действительно, мог быть разрешен только оружием. И было ясно, что если казаки не заставят русских «белых» подчиниться казачьей воле на Казачьей Земле, то русские люди подчинят Казачьи Земли Русской воле. Казаки на решительные меры не пошли, а добровольцы пошли. Так как Донской Атаман и Донское Правительство, в общем, лояльно относились к Деникину, так как Терский Атаман и Терское Правительство занимали такую же позицию, так как Кубанский Атаман, кубанское офицерство и часть (хотя и меньшинство) членов Законодательной и Краевой Рад занимали одинаковую позицию с выше названными органами власти на Дону и на Тереке, естественным было желание «белых» насильственными мерами отстранить со своей дороги кубанских самостийников, сосредоточивших свои силы в Кубанской Законодательной Раде и ее разветвлениях — Кубанской заграничной делегации в Париже и Кубанской делегеции на Южно-Русской конференции...

Оберегая экономическую самостоятельность Кубанского Края, Кубанское Правительство с лета 1918

г. регулировало внешнюю торговлю Кубани, поэтому на границах Кубани находились «рогатки».

Подготовляя военный переворот на Кубани, русские люди обратили внимание на то, что хлеборобское население Кубани, особенно соседних с Доном и Ставропольской губернией районов, весьма стеснено было в своих торговых операциях с соседями. Цены на сельско-хозяйственные продукты на Кубани были гораздо ниже цен на те же предметы в соседних областях. В то же время вывоз большинства сельскохозяйственных продуктов с Кубани можно было делать только с разрешения органов Кубанского Правительства, стремившегося за кубанские товары ввезти не бесценные кредитные билеты, а тоже товары, необходимые для населения.

Противники казачьей самостоятельности повели по станицам Кубани соответствующую работу с целью настроить население против Кубанского Правительства. И до известной степени добились результатов. Как сообщали газеты, в Управление Ейского отдела «в последнее время стали поступать приговоры станичных обществ с просьбами о снятии кордонной линии и разрешения свободной торговли». В станице Уманской состоялся с'езд уполномоченных станиц, на котором также обсуждался вопрос о снятии кордонной линии. С'езд вынес постановление: ходатайствовать о разрешении свободной торговли и об отмене таможенных ограничений («Приазовский Край», 18 окт. 1919 г.).

Подобное постановление было вынесено 14-го октября в г. Армавире на С'езде представителей станиц Лабинского отдела.

По этому поводу русские газеты писали, что население Кубани будто бы ждет не дождется ликвидации самостоятельности Кубанского Края.

Выше мы отметили уже то сильное недовольство, которое вызвал Земельный Закон Рады среди крупных и мелких помещиков и вообще земельных собственников на Кубани. Многие из кубанцев, принявших активное участие в подготовке и проведении ноябрьского переворота, были землевладельцами или их родственниками.

Вместе с кубанскими землевладельцами на борьбу с кубанской самостийностью поднялся и торгово-промышленный класс городов (элемент не казачий), деятельность которого была значительно ограничена кубанским законодательством и мероприятиями Кубанского Правительства.

Незадолго до переворота промышленники и торговцы были поставлены на ноги. И среди них переворотчики искали себе поддержки. И действительно «Совет об'единенной промышленности и торговли Кубанского Края» обратился к Войсковому Атаману Филимонову с обширной докладной запиской, в которой подробно изложил свою точку зрения на экономическое положение Края в связи с текущими политическими событиями (Покровский. Деникинщина, стр. 220).

«Политика обособления от других частей России», поучал Совет промышленности и торговли, «до сих пор проводившаяся Кубанью и выразившаяся между прочим, в установлении ею собственных таможенных застав, привела к крайне нежелательным последствиям. Вызвав соответствующий ответ со стороны правительства Добровольческой Армии, воспретившего, в свою очередь, свободный пропуск товаров на Кубань, она уже поставила Кубанский Край в крайне тяжелое положение. В дальнейшем, если эта политика не будет в корне изменена, она грозит вызвать еще большие осложнения, которые должны будут пагубно отразиться на всей хозяйственной жизни Края. Это обстоятельство побуждает в настоящее время Совет об'единенной промышленности и торговли Кубанского Края, как организацию, особенно тесно соприкасающуюся с нуждами хозяйственной жизни Кубани, возвысить свой голос и обратить внимание на серьезность создавшегося положения и на крайнюю желательность того, чтобы, как Кубанской краевой властью, так и Особым Совещанием при главнокомандующем, в сознании общих интересов, связывающих Кубань с остальными частями России, были немедленно приняты меры к устранению причин, ведущих к обострению отношений между Кубанью и остальной Россией, — обострение, которое в конечном счете не может

быть, разумеется, выгодным ни для той, ни для другой стороны».

«Основная причина переживаемой нами ныне беспримерной разрухи кроется, по глубокому убеждению Совета, в распаде российской государственности, в отсутствии у нас единой всероссийской власти... Экономическая политика, проводившаяся до сих пор на Кубани, была основана на стремлении воспрепятствовать свободному вывозу местных продуктов за пределы края... Эта политика не принесла реальной пользы и самой Кубани»...

И — «Совѣт об'единенной промышленности и торговли Кубанского края» стал всецело на сторону генерала Деникина и его Особого Совещания...

Чем ближе был день открытия работ Кубанской Краевой Рады, тем интенсивнее становилась работа противников Кубанской самостийности.

Совершенно неожиданно для заговорщиков, в октябре 1919 г. возвратился на Кубань из Парижа член Кубанской заграничной делегации и член Кубанской Рады Алексей Иванович Кулабухов, привезший письменные и устные информации. В очередном письме главы этой делегации Л. Л. Быча на имя заместителя председателя Кубанской Законодательной Рады, от 11-го октября 1919 г., было написано, между прочим, следующее:

«Я послал на Ваше имя 10-го прошлого сентября обширный доклад (более 70-ти печатных страниц). Не знаю, получили-ли Вы его или нет. На всякий случай посылаю одновременно с сим второй экземпляр этого доклада.

К большому сожалению, мы уже давно ничего не получаем от Вас: это ставит нас в очень трудное положение, так как мы начинаем чувствовать себя оторванными от Рады и от Кубани.

На днях нам привезли (капитан Адамс) газеты с пометкой Законодательной Рады, но письма на имя Делегации не было.

В дополнение к предыдущим нашим просьбам, мы снова повторяем свою покорнейшую просьбу посылать

нам хотя бы краткие сообщения о положении дел и о настроениях, пользуясь всяким случаем.

В дополнение к докладу своему от 10 прошлого сентября считаю нужным сообщить следующее: Как и следовало ожидать (это высказано в нашем докладе от 10 сентября), между генералом Деникиным и Петлюрой соглашение не состоялось и началась война. Как тогда, так и теперь мы думаем, что это приведет к печальному концу. И хотя мы знаем, что ген. Деникин одерживает победы и приблизился к Москве уже на 250 верст, но мы не думаем, чтобы это победное шествие принесло желательные результаты. Мы уже не говорим о том ужасном положении, в которое поставлена Кубань по отношению к Украине, ибо часть Кубанцев несомненно участвует в покорении Украины и, следовательно, фактически выходит так, что Кубань ведет войну с Украиной и, следовательно, прошлогодние торжественные заверения ныне стали ложью, которая ляжет темным, позорным пятном не только на того, кто эти заверения провозгласил, но и на всю Раду, которая горячими аплодисментами их приветствовала.

При сем я посылаю Вам воззвание Украинского Правительства к народу Украины; из этого воззвания Вы усмотрите, что со стороны украинцев делались попытки предотвратить кровопролитие, но попытки эти ген. Деникиным были отвергнуты и он предпочитает лить кровь вместо того, чтобы об'единить усилия в борьбе против большевиков, которая могла бы скоро закончиться.

Конечно, мы не желали бы, чтобы лилась кровь и большевиков, так как это кровь русского народа; и тем более мы не желаем пролития крови тех, кто борется против большевиков и кто защищает права и интересы народные.

Мы слышим здесь о появлении в тылу армии Деникина повстанческих отрядов и думаем, что это только начало того страшного явления, которое, вероятно, разразится в скором времени.

Если есть легковерные люди, а их, кажется, к сожалению, не мало, которые думают, что взятие ген. Деникиным Москвы внесет успокоение и создаст в

России порядок, они в этом должны будут жестоко разочароваться; они слишком близоруки, так как проводимая ныне в жизнь политика создает почву для величайшей анархии, уничтожая и те немногие, не окрепшие еще организации народных масс, которые с трудом поддерживали кое-какой порядок. А затем нельзя смотреть на вещи только с точки зрения данного момента и отдельного фронта, хотя бы даже и такого сравнительно победоносного, каким ныне является фронт Деникина. Необходимо учитывать совокупность условий и обстановку в более широком масштабе, а эта обстановка очень сложна»...

Выступление А. И. Кулабухова 17-го октября в заседании Законодательной Рады с обширной речью против русских монархистов и единонеделимцев, заявление его о том, что «Казачество не допустит, чтобы по тому Краю, на котором пролиты реки казачьей крови, ехала тяжелая колесница комиссаров или генерал-губернаторов», его горячий призыв к Кубанскому Правительству «принять самые решительные меры борьбы» против «разнузданной клеветы и агитации, которые свободно процветают сейчас на Кубани на глазах Правительства» — вызвали чрезвычайно сильную тревогу среди русских вообще и среди заговорщиков в частности.

Первоначальный проект переворота на Кубани, составленный 8-9 октября в Таганроге-Ростове на совещаниях генералов Деникина, Врангеля и Лукомского при участии К. Соколова и потом осуществляемый Врангелем, предусматривал необходимость изменения Кубанской Конституции в смысле а) уничтожения Кубанской Законодательной Рады, б) установления единоличной власти атамана и в) уничтожение закона о Кубанской армии.

Совершенно ясно обозначившаяся во второй половине октября 1919 г. катастрофа на фронте Добровольческой армии и на стыке ее с Донской армией (см. выше: «Осеннее генеральное сражение»), появление на Кубани А. И. Кулабухова и распространившиеся слухи о возвращении на Кубань главы Кубанской Заграничной Делегации Л. Л. Быча ко времени на-

чала работ Краевой Рады 24-го октября были причиною того, что среди русских, подготовлявших переворот на Кубани, тогда наметилось два течения: одно из течений возглавлял ген. Врангель, а другое ген. Деникин.

Ознакомившись на фронте у Царицына с настроением кубанских казаков, ген. Врангель увидел, что в некоторых казачьих частях преобладает явно самостийническое настроение. Особенно это относилось к казакам, прибывшим перед тем с Кубани на пополнение. Поэтому ген. Врангель, отправляя в Екатеринодар бригаду полковника Буряка, «счел нужным указать ему (ген. Покровскому) на необходимость с его стороны всеми мерами избегать вооруженных выступлений. Я надеялся, говорит Врангель, что мне удастся одним призраком военного переворота образумить зарвавшихся самостийников».

21-го октября ген. Врангель написал ген. Покровскому в Екатеринодар:

«Глубокоуважаемый Виктор Леонидович! Вернувшись в армию, я переговорил с большей частью начальствующих лиц, об'ехал части и обстоятельно разобрался в обстановке. Армия ныне пополнилась — большая часть высланных Кубанью пополнений уже влилась в части; полки, дошедшие в середине сентября до 80-90 шашек, ныне увеличились до 200-250, однако, усилившись в 3-8 раз, части, неизбежно, изменили свой облик и изменились в худшую сторону... Усилия «самостийников» за последнее время направились на наиболее стойкие отделы — линейцев, и пополнения из этих отделов наиболее развращены (надо пояснить, что за весь 1919 г. до самого переворота было совершено только две поездки самостийников на «линию»: один раз на празднование годовщины освобождения Баталпашинска и другой — на такое же празднование в ст. Константиновскую. Ред.) При этих условиях расчитывать на полки в случае внутренних осложнений ныне несравненно труднее, чем полтора-два месяца тому назад. По данным контр-разведки штаба армии, те части, которые намечены Вами для переброски в Екатеринодар, на время созыва Рады, развращены не менее других; в частности во 2-ом

Уманском полку отношения между офицерами и казаками таковы, что мне пришлось отказаться от переброски этого полка. Конечно, армия по прежнему чужда всякой «самостийности», как чужды ей и широкие слои Казачества, писал Врангель, но при настоящем составе полков расчитывать на стойкость частей, в случае разрешения внутренних вопросов оружием, трудно. Предлагая известные требования, можно опереться на армию, но использовать это оружие как «Домоклов меч», отнюдь не нанося им удара. По моим сведениям, призрак военного переворота уже пугает кубанских «Мирабо» и его можно и должно использовать, однако, отнюдь не воплощая в жизнь. При настоящем положении, я обуславливаю мое выступление в Раде от имени армии лишь **совершенно исключая какие бы то ни было вооруженные выступления, аресты и т. д. Примите меры к недопущению этого, во что бы то ни стало. Направление, принятое «Большим Войсковым Кругом на Дону», еще более укрепляет меня в принятом решении. Работа левого крыла круга и «самостийников» на Кубани происходит в тесной связи и ежели бы военный переворот на Кубани и увенчался успехом, то успех этот, кратковременный и непрочный, несомненно вызвал бы бурю на Дону, бурю, которая не только свела бы на нет этот успех, но и потрясла бы мощь воздвигаемого с таким трудом здания новой великой России.** Жму Вашу руку. Ваш П. Врангель». (Копию этого письма Врангель переслал генералу Лукомскому в Ростов).

В это время положение на фронте становилось явно катастрофическим. 19-го октября ген. Деникин потребовал срочной переброски из состава Кавказской армии 2-го Кубанского конного корпуса в район гор. Купянска. В конце концов было решено перебросить туда 2-ю и 4-ю кубанские дивизии.

«В связи с ослаблением и без того малочисленной армии и полного истощения фуражных и продовольственных средств в районе станции Котлубань - станицы Качалинской», пишет Врангель, «я решил занять более сосредоточенное расположение, отведя конницу свою к югу от станции Карповка-хутора Россошинского. Вместе с тем, для прикрытия Царицына с во-

стока, я решил занять небольшой плацдарм на левом берегу Волги, перебросив туда небольшой отряд в составе вновь сформированного стрелкового полка 3-й Кубанской казачьей дивизии, батареи и дивизиона конницы».

«24-го октября, ко дню открытия заседания Краевой Рады, я от имени армии телеграфировал ее председателю:

«От имени Кавказской армии шлю привет Краевой Раде. Обеспечивая жизнью своею мир и благоденствие родного Края, Кавкзские Орлы верят, что Рада — носительница высшей власти в Крае, найдет верные пути к созидательной работе на пользу Родины и обеспечит нужды тех, кто в поволжских степях проливает свою кровь за счастье России. 24 октября 1919 г.. Нр. 49229. Врангель».

Все выше приведенные документальные данные свидетельствуют о том, что Врангель якобы не хотел кровавой расправы на Кубани и думал путем «давления на Раду» и, опираясь на помощь самих кубанцев — сторонников Деникина-Врангеля, добиться изменения Конституции в желательном для «белых» смысле.

Другое течение, как сказано выше, возглавлял сам Деникин, тоже опиравшийся на помощь некоторых кубанцев.

Как было уже отмечено, возвратившийся из Парижа член Кубанской Делегации А. И. Кулабухов 17-го октября выступил в Законодательной Раде с предложением самой решительной борьбы с врагами Казачества. Кроме того, на частных совещаниях членов Законод. Рады. А. И. Кулабухов весьма категорически выступал с заявлениями о необходимости немедленно устранить ген. А. П. Филимонова с поста Кубанского Атамана за явно предательскую политику в отношении Кубани и Казачества вообще. Эту точку зрения поддерживали издавна все кубанские самостийники, но никак не могли найти подходящего кандидата на пост Атамана. Не мог указать его и А. И. Кулабухов...

Через своих информаторов из среды людей, близких к самостийникам, ген. Филимонов и его партия были осведомлены о роли А. И. Кулабухова среди членов Рады. Так как ген. Филимонов все время весьма цепко

держался за атаманскую булаву, хотя прекрасно знал, что его политика идет в разрез с желаниями подавляющего большинства Кубанского казачества и, в то же время, не вполне удовлетворяет Деникина и его окружение, настояния А. И. Кулабухова удалить Филимонова с занимаемого им поста, естественно, вызвали крайнее раздражение среди руссофильской группы членов Рады и страх, что с уходом Филимонова с поста Атамана она потеряет важную позицию и тем самым может уйти в тень кубанской политической жизни. Больше всего, все же, боялся этого сам Филимонов.

20-го октября 1919 г. в газете «Кубанский Путь» появилась статья Д. Скобцова — «Сюрпризы дипломатии», в которой читаем следующее:

«Руссагеном доставлено известие о заключенном будто бы договоре между Кубанью и Республикой Союза Горских народов Кавказа — «договор дружбы».

Основание его — **признание** суверенитета и полной политической независимости обоими названными государственными образованиями и взаимное обязательство не предпринимать, ни самостоятельно, ни в форме соучастия с кем бы то ни было никаких мер, клонящихся к уничтожению или умалению суверенных прав.

Подписали якобы этот «торжественный акт» со стороны Кубани Л. Л. Быч, ген. Савицкий, А. И. Кулабухов и А. А. Намитоков, со стороны Горской Республики г.г. Чермоев, Гайдаров и др.

Учитывая окружающую действительность, просто не верится в возможность подобной авантюры. Но указание на то, что сообщение появилось в газете осведомленной в горских делах, в «Вольном Горце», а также и наличие в Екатеринодаре некоторых «частных слухов» данного направления, — все это заставляет призадуматься над фактом появления подобных известий.

По существу для нас не так важно, что пишут и говорят о г.г. Чермоевых, Гайдаровых и др., ибо много всякого люда появилось на авансцене горькой российской действительности, но для нас совершенно не безразлично, в каком свете выступают представители Кубани. **Ведь если допусить хотя на один момент, что подобный договор совершившийся факт, то лица под-**

писавшие его, несомненно должны рассматриваться, как государственные преступники и должны быть немедленно привлечены к законной ответственности, или весь этот «торжественный акт» должен рассматриваться, как юмористическое произведение веселых людей...

...Получается недопустимое положение: одной рукой мы созидаем, а другой — разрушаем. Фронт истекает кровью, а работники тыла своими выступлениями омрачают неоценимые жертвы, приносимые лучшей частью Кубани» — и т. д.

Таким образом, Д. Е. Скобцов обращал внимание защитников единой и неделимой России на необходимость привлечения членов Кубанской заграничной делегации «к законной ответственности»...

И действительно, в тот же день, 20 октября, ген. Деникин прислал следующую телеграмму Кубанскому Атаману Филимонову:

«В газете «Свободная Речь» Нр. 226 приведен договор между Кубанским Правительством и горским меджилисом. Благоволите телеграфировать, подписывал ли подобный договор Кулабухов. Таганрог 20/10. Нр. 016439. Деникин».

А 21 октября в газетах было опубликовано открытое письмо члена Рады П. Каплина члену Кубанской делегации А. И. Кулабухову следующего содержания:

«М. Г., Алексей Иванович!

«В печати появились сведения о якобы заключенном Кубанской делегацией в Париже с представителями так называемой Горской Республики договоре о взаимном признании полной государственной самостоятельности (суверенитета) Кубани и Горской Республики и взаимной поддержке этой самостоятельности.

В числе лиц, подписавших этот договор, значитесь и Вы.

Считая указанный договор совершенно фантастическим и полагая, что такой нелепый акт не мог быть подписан Вами, но с другой стороны, не встречая никаких опровержений с Вашей стороны, я позволю себе обратиться к Вам, как к единственному наличному члену Делегации из числа якобы подписавших указан-

ный договор, с настоящим открытым письмом и просить Вас ответить печатно на следующие вопросы:

1. Соответствуют ли действительности сведения о заключенном Кубанской делегацией договоре.

2. Если бы к моему удивлению оказалось, что оглашаемые в печати сведения верны, то представляло бы большой общественно политический интерес узнать: а) на основании каких полномочий был заключен указанный договор и б) сколько еще и с кем именно были заключены от имени Кубани подобные договоры.?

Член Законодательной Рады П. Каплин».

И вновь, как бы по заранее условленному плану, из Таганрога в Екатеринодар 23 октября летит телеграмма:

«Екатеринодар. Войсковому Атаману. Главнокомандующий просит немедленно телеграфировать, был ли заключен Кубанской делегацией тот договор с горским меджилисом, который указан в телеграмме Нр. 016439. Нр. 016620. Таганрог. 23 окт. 1919 г. Романовский».

24 октября Атаман Филимонов телеграфировал генералу Романвоскому:

«Срочно. Таганрог. Нач. штаба армии ген. Романовскому.

016620. 016439. О заключении Бычем, Кулабуховым и другими договора с горским Меджилисом мне и Правительству ничего не известно. Произвожу расследование, о результатах сообщу срочно. 3698. Ген.-лейт. Филимонов. 24 окт. 19 г.».

(Эти телеграммы взяты нами из «Архива русской рев.», т. 5, стр. 358).

Между тем лица, участвовавшие в подготовке переворота, принимали довольно решительные меры в том направлении, чтобы не только с фронта привезти в Екатеринодар надежные войсковые части, но чтобы и в самом Екатеринодаре в руки переворотчиков прибрать вооруженные силы.

Было обращено внимание на то, что начальник стражи г. Екатеринодара, состоявшей из казаков и

несшей обязанности полиции, — полковник Цыбульский является сторонником самостийности Кубани, и поэтому Екатеринодарская стража в решительный момент может поддержать тот порядок в Екатеринодаре, который хотели нарушить переворотчики.

Чтобы устранить это препятствие, перед началом работ Краевой Рады Кубанский Атаман Филимонов, помимо Кубанского Правительства, издал приказ «об освобождении полк. Цыбульского от исполнения должности начальника стражи г. Екатеринодара», назначив на эту должность желательное для заговорщиков лицо.

Одновременно с этим таким же незаконным приказом Атаман Филимонов отстранил от должности атамана Лабинского отдела полковника Цвешко, так как этот полковник стоял за соблюдение постановлений Кубанской Рады и Правительства в том самом отделе, на который русские обратили особое внимание и откуда были родом ген. А. Филимонов, сотник Д. Филимонов, Д. Е. Скобцов, И. В. Горбушин и другие видные сторонники ген. Деникина.

Совет Кубанского Краевого Правительства, ознакомившись с приказом Войскового Атамана об устранении полк. Цыбульского и полк. Цвешко от занимаемых ими должностей, «нашел эти приказы противоречащими Кубанской Конституции и воздержался от освобождения от должностей названных чиновников». («Кубанская Воля», 26 окт. 1919 г.).

Тем не менее Кубанский Атаман устранил неугодного для заговорщиков начальника Екатеринодарской стражи полк. Цыбульского.

Одновременно с этим конфликтом между Кубанским Правительством и Атаманом министр внутренних дел Кубани К. А. Безкровный, видя, что конфликт между кубанскими самостийниками и деникинцами принимает формы крайне напряженной борьбы, подал прошение об отставке. Однако, «Совет Краевого Правительства, ознакомившись с мотивами поданного членом Правительства по внутренним делам К. А. Безкровным прошения об отставке, признал их неудовлетворительными» и настаивал на том, чтобы К. Безкровный не уходил в оставку в такое тяжелое для Кубани время. Все же Безкровный вышел в отствку.

Гарнизон г. Екатеринодара, состоявший из кубанских казаков, весьма внимательно и с большим сочувствием относился к работам Законодательной Рады. Между казаками гарнизона и военной охраной Рады существовала постоянная связь. Председатель Военной Комиссии в Законодательной Раде, он же и товарищ председателя в самой Раде, полк. К. Гончаров, принадлежа к лагерю самостийников, ведал набором казаков для охраны Рады, ведал собиранием информаций о настроениях кубанских войсковых частей и, в частности, о настроении казаков в частях Екатеринодарского гарнизона. В этом деле ему помогали офицеры и казаки охраны Рады, что также хорошо было известно заговорщикам.

Перед самым началом работ Краевой Рады Атаман Филимонов и временно управляющий военным ведомством ген. Звягинцев издали следующий приказ:

«По имеющимся у меня сведениям, некоторые лица пытаются вести политическую пропаганду в воинских частях, проникая для того в район казарменного расположения частей. Считая это совершенно недопустимым, приказываю командирам частей не допускать политической пропаганды во вверенных им частях, от кого бы такая не исходила. Лиц, нарушивших это распоряжение, приказываю задерживать и препровождать в распоряжение коменданта».

В то время как Кубанский Атаман ограждал кубанские части в Екатеринодаре от политической пропаганды самостийников, один из видных заговорщиков, ген. В. Покровский, был постоянным посетителем в Атаманском дворце, а другой заговорщик, ген. Врангель, безнаказанно занимался пропагандой на фронте, разлагал кубанские войсковые части, настраивал их против органов власти, установленных Конституцией Кубани, и во время приездов в Екатеринодар тоже был желанным и дорогим гостем во дворце Атамана. Пропаганда самого скверного и преступного, с точки зрения законов Кубани, характера находилась под покровительством Атамана Филимонова.

Кубанская Законодательная Рада своим постановлением 17 октября требовала от Правительства, а зна-

чит, и от Атамана, принятия решительных мер для защиты государственной самостоятельности и демократического устройства Кубани, но за короткое время, прошедшее от этого постановления до начала работ Краевой Рады 24 октября, произошли следующие события: 18 октября ген. Врангель выступил на фронте перед одной из дивизий с агитационной речью, пересыпанной клеветой на Кубанскую Законодательную Раду и на Кубань вообще, и призывающей казаков к борьбе против Рады; 20-21 октября члены Рады Д. Скобцов и Д. Каплин об'явили члена Кубанской заграничной делегации А. И. Кулабухова государственным преступником, хотя этот делегат Кубани действовал в полном согласии с постановлением Краевой Рады, принятым после доклада Л. Л. Быча еще 11 ноября 1918 г.; 22-24 октября Атаман Филимонов незаконно отстранил от должностей начальника Екатеринодраской стражи и атамана Лабинского отдела, именно тех лиц, которые были склонны защищать постановления Рады и потому были неугодны заговорщикам; в то же время Деникин добивался знать, подписал ли А. И. Кулабухов договор между Кубанью и Горской Республикой, а министр-самостийник тихо отошел в сторону от кресла управляющего внутренними делами Кубани...

Войсковой Атаман, старшие начальники кубанских войсковых частей и лица, занимавшие высшие должности в Кубанском Крае — все были на стороне Деникина-Врангеля-Покровского... А бывший в течение долгого времени военным министром — ген. В. Г. Науменко сам принимал активнейшее участие в заговоре...

Когда командующий Донской армией умолял командный состав Кавказской армии продвинуться с этой армией несколько на север и тем облегчить наступление Донской армии с целью освобождения Хоперского и Усть-Медведицкого округов, захваченных русскими красными, тогда полководцы из Кавказской армии отказывались удовлетворить просьбу соседней казачьей армии; когда же ген. Деникин только пальчиком закивал на этих полководцев и потихоньку показал на тыл — на Кубань, все они набросились на

вольнолюбивую Кубань, сразу нашлись силы и средства для борьбы с самостийным казачьим духом...

Так «красные» губили Казачество ударами с фронта, а «белые» наносили ему удары с тыла...

В этом и заключалась страшная трагедия Казачества...

Заседания Краевой Рады начались 24 октября. В этот день был отслужен в помещении Рады молебен, закончившийся провозглашением... «многолетия Верховному Правителю», хотя этого самого Правителя Рада не признавала. Русское духовество на Кубани само стремилось подвести Кубань под Колчака. После этого многолетия провозглашена была «вечная память убиенному рабу Божию Николаю (Рябоволу). «При этих словах весь зал, как один человек, опустился на колени, и оставался так в глубокой неподвижности все время скорбного песнопения», говорит отчет об этом.

После молебна Президиум занял свои места, причем кресло убитого председателя Рады Н. С. Рябовола, обвитое траурными лентами, все время оставалось свободным.

Товарищ председателя Краевой Рады полк. Роговец обратился к Раде со следующей речью: ... «Господа члены Чрезвычайной Кубанской Краевой Рады! Восемь месяцев прошло с момента закрытия второй сессии. За это время мы лишились нашего председателя Н. С. Рябовола, убитого предательской рукой (все члены Рады встают). Во все эти восемь месяцев велась героическая борьба казаков вместе с русскими лучшими людьми за Великую Свободную Россию. В результате этой борьбы значительная территория Юга России очищена и вместе с тем жизнь выдвинула перед нами новые сложные вопросы, которые придется разрешать в тяжелой обстановке бушующих политических страстей, главные стрелы которых направлены на казаков. Главная задача момента сейчас умиротворение Юга России. И не только одним штыком будет достигнуто это. Нужна большая созидательная работа. Дай Бог выполнить нам эту работу на благо Края и Великой Единой Свободной Федеративной России.

По поручению президиума об'являю третью сессию Чрезвычайной Краевой Рады открытой.

Приглашаю господ членов Рады завтра, в 11 часов утра, пожаловать на панихиду по покойном Председателе, имеющую быть на могиле его на Крепостной площади», закончил полк. Роговец.

Мы умышленно привели эту речь, сказанную при открытии Рады, чтобы показать, какими в действительности настроениями жил тогда президиум Рады.

25 октября было посвящено всецело памяти убитого председателя Рады Н. С. Рябовола: сначала была отслужена панихида на могиле покойного при участии всего гарнизона г. Екатеринодара и многих тысяч населения, потом памяти покойного было посвящено целое заседание Краевой Рады.

Заместитель председателя Рады Султан-Шахим-Гирей между прочим сказал: ...«Рука, поднявшаяся против председателя Краевой Рады, занесена была против всей Рады, против хозяина Земли Кубанской. Враги народа надеялись своим черным делом внести смуту, расстроить наши ряды. Но они ошиблись в расчетах. Кубань вознегодовала, загорелась ненавистью к предателям и десятками приговоров вольных кубанских станиц заклеймила гнусное, злое, черное дело.

Умер председатель Краевой Рады, но бойцы еще есть. Ряды их уплотняются. И не сломить врагам народа духа народного и не запугать предателям народных представителей.

Вечная память тебе, председатель Кубанской Краевой Рады, слава Кубанской Краевой Раде!»

Все последующие ораторы в самых решительных выражениях осуждали гнусное убийство и проклинали не только физических, но и моральных убийц лучшего кубанского казака.

В заключение прекрасный Кубанский Войсковой Хор пропел **Заповит** Т. Г. Шевченка и Кубанский гимн. Вся Рада и публика выслушали пение стоя.

В общем, это заседание превратилось в демонстрацию против внутренней и внешней политики Добрармии.

Это хорошо поняли «белые» вожди. Недаром ген. Деникин даже за границей, много лет спустя, написал

по этому поводу: ...«С первого же дня Рада, подчинившись вполне влиянию самостийной группы, приняла ярко враждебную нам позицию», написал он в Брюсселе в 1926 году, т. е. семь лет спустя после описываемых событий. (Очерки, т. 5-й, стр. 208).

В тот же день, 25-го октября, в отдельских заседаниях членов Рады было предрешено следующее: 1) председателя Рады не избирать, считая, что это место занято Н. С. Рябоволом, чем подчеркивалось, что Кубанская Краевая Рада не желает сходить с того пути, которым она шла под председательством покойного своего бессменного председателя; 2) большинство членов Рады не захотело принять кандидатуру Ф. С. Сушкова в заместители председателя Рады, так как Ф. Сушков был сторонником политики Деникина, и то же большинство согласилось голосовать за выдвинутую самостийниками кандидатуру И. Л. Макаренка.

И. Макаренко перед этим был товарищем председателя первого Войскового Правительства в 1917 г., товарищем председателя Правительства Юго-Восточного Союза, председателем кубанской части кубано-деникинской согласительной комиссии в 1918 г., кубанским Краевым контролером в 1918-1919 г. и членом и председателем кубанской делегации на Южно-русскую конференцию в 1919 г.

Такое начало работ Рады, естественно, вызывало большую и понятную тревогу в русских кругах вообще и среди руководителей «белых» в особенности.

Надежда на возможность осуществления на Кубани «мирного» переворота, намеченного на совещаниях генералов 8-9 октября, исчезла...

Поэтому русские заговорщики начали действовать более энергично.

25-го октября Кубанский Атаман Филимонов телеграфировал в Таганрог Деникину:

«По об'яснению Султан-Шахим-Гирея договор с Горской Республикой был заключен и подписан Кулабуховым и другими, как проект, подлежащий утверждению Законодательной Радой, на случай, если бы Антанта признала власть большевиков».

И в тот же день ген. Деникин разослал Атаманам Кубани, Дона и Терека, а также и командующим ар-

миями и главноначальствующим областей следующую телеграмму:

«В июле текущего года между правительством Кубани и меджилисом горских народов заключен договор, в основу которого положена измена России и передача кубанских казачьих войск Северного Кавказа в распоряжение меджилиса, чем обрекается на гибель Терское войско. Договор подписан Бычем, Савицким, Кулабуховым и Намитоковым, с одной стороны, и Чермоевым, Гайдаровым, Хадзагаровым и Бамматом, с другой. Приказываю при появлении этих лиц на территории Вооруженных сил Юга России немедленно предать их военно-полевому суду за измену».

Получив эту телеграмму, Филимонов спрятал ее, выжидая дальнейших шагов Краевой Рады.

26-го октября Рада приступила к выборам заместителя председателя Рады. В это время были пущены в ход все силы и все средства, лишь бы не допустить избрания в председатели Краевой Рады самостийника.

На сцену открыто выступили «русские казаки», стараясь использовать печальный инцидент, происшедший в заседании Законодательной Рады за два дня до открытия работ Краевой Рады. Дело в следующем. Кубанская делегация на Южно-русскую конференцию, вызванная в Екатеринодар постановлением Закон. Рады, 22 октября выступила в этой последней с обстоятельным докладом о работах конференции в августе, сентябре месяцах. Председатель этой делегации, И. Л. Макаренко, делая доклад о работах конференции и о положении на Дону, остановился на общей оценке боевой деятельности донского героя генерала Мамонтова. Отзываясь с чрезвычайной похвалой об этом донском герое, И. Макаренко выразил сожаление, что, по его мнению, «несчастная Кубань не могла даже породить двух-трех порядочных генералов». Председательствующий в заседании Рады Султан-Шахим-Гирей немедленно остановил докладчика замечанием о недопустимости подобных выражений. После об'явленного перерыва И. Макаренко раз'яснил, что он не имел в виду нанести оскорбление кубанским генералам, а

имел в виду только их политическую подготовку — он выражет сожаление, что Кубань не породила двух-трех политически зрелых генералов.

Этот инцидент вызвал бурю протестов со стороны кубанских генералов и был широко и умело использован переворотчиками.

В самый день выборов заместителя председателя Краевой Рады, 26 октября, в газетах появилось «Открытое письмо вр. Управляющего Военным Ведомством Кубанского Краевого Правительства председателю Кубанской Краевой Рады», гласящее между прочим следующее:

...«Эта огульная оценка касалась тех генералов, которые сейчас на полях кровавых сеч отдают свою жизнь за спасение родной нам Кубани, тех генералов, которые отдали и отдают всю свою молодость, все свои силы и весь свой опыт, приобретенный долголетней службой, на благо родины... Когда я пишу это письмо, ко мне поступают запросы от наших генералов, — чем вызван этот оскорбительный отзыв г. Макаренко о кубанских генералах, возродивших Кубанские части, ведших их к славным победам, генералов, сложивших свои головы за счастье родной Кубани. Что я им отвечу? Ведь, г. Макаренко член Законодательной Рады, политически зрелый человек, ответственный за свои поступки и слова. Президиум Рады удовлетворился поправкой г. Макаренко, но кубанские генералы этим не удовлетворены, конечно, и я, как стоящий на страже интересов Армии, во имя чувства служебного долга и справедливости не могу умолчать об этом и полагаю, что этот вопрос, в виду переживаемого момента очень острый и важный, должен быть разрешен Краевой Радой.

Ее нелицеприятный суд должен установить границы дозволенного в отношении Армии, устранив всякую возможность незаслуженных и жестоких оскорблений Армии, откуда бы они не исходили. Это особенно важно теперь, когда каждому из нас приходится напрягать все свои моральные силы в тяжелой борьбе. Нельзя работать, неся на своей совести позорное пятно, и пока оно не будет снято, нельзя ручаться за то, что тяжесть этого позора не повлечет за собой

единоличных попыток так или иначе освободиться от нее.

Пусть же этого освобождение будет естественным и законным путем, по которому пойдут наши народные избранники.

Подлинное подписалъ: ген.-майор Звягинцев. С подлинным верно: сотник Костенко. 25 октября 1919 г. Г. Екатеринодар».

В то время, как ген. В. Г. Науменко был военным министром на Кубани, генерал Звягинцев был его первым помощником и принимал участие в недопущении проведения в жизнь закона Краевой Рады о Кубанской армии. Генерал Звягинцев прекрасно знал, что желание Кубанского казачества **иметь свою армию** было неизменно и непоколебимо. Знал ген. Звягинцев и другое, что именно кубанские генералы, а в том числе и сам ген. Звягинцев, сделали все, чтобы не допустить организации Кубанской армии.

Если ген. Звягинцев выступал теперь в защиту чести и доброго имени кубанских генералов, что входило, конечно, в его обязанности, то почему он сам или кто-либо другой из кубанских генералов, бывших у власти в тылу или на фронте, не выступили так же смело и публично в защиту Закона об Армии Кубани? Почему кубанские генералы терпели издевательства Деникина и его окружения над Кубанью? Где были кубанские генералы, когда кубанские казаки, тысячами умиравшие на фронте, тысячами калечившиеся в боях, требовали через Краевую и Законодательную Рады, требовали через множество приговоров станичных обществ **организации самостоятельной Кубанской армии?** В каждом государстве все граждане, а в том числе и генералы, должны честно исполнять ясно выраженную волю народную. Кубанское казачество требовало организации **своей Кубанской армии.** Где же была совесть и честь ген. Звягинцева, когда он занимал высокий пост помощника военного министра и, уже в силу этого, обязан был со всей энергией взяться за организацию Кубанской армии?!

Никто не имеет права оскорблять генералов, как не имеет права оскорблять и казаков. Но разве те генералы, которые **не допускали оранизации Кубанской**

армии, не издевались над казаками, разве они не оскорбляли их правосознание, разве они не доводили их до отчаяния!..

Больше того, подготовляя переворот на Кубани, ген. Врангель поставил одной из целей этого переворота **уничтожение самого закона о Кубанской армии.** Об этом намерении Врангеля хорошо знали некоторые кубанские генералы, занимавшие посты в тылу или на фронте.

Когда ген. Звягинцев писал свое письмо в защиту чести генералов и просто справедливости, ведь он уже участвовал в заговоре против Краевой Рады, ибо он хорошо знал о задуманном плане переворота, хорошо знал о цели переброски на Кубань фронтовых частей, прекрасно знал, какую именно работу проводил на Кубани ген. Покровский... И при всех этих условиях ген. Звягинцев нашел в себе моральные силы апеллировать к той самой Краевой Раде, которую некоторые генералы вели на явное заклание, вели на унижение, на позорище, которым она в действительности подверглась потом...

Член Краевой Рады ген. А. Гейман также поместил в газетах письмо, весьма резко осуждавшее поступок И. Макаренка.

Вообще говоря, выше описанный инцидент в Законодательной Раде подлил масла в огонь...

Атаман Филимонов, имея уже в кармане неопубликованный еще приказ ген. Деникина об аресте и предании военно-полевому суду членов Кубанской заграничной делегации, 26 октября обратился с официальным письмом на имя президиума Краевой Рады, в коем указывал «на возможность осложнений в отношениях Кубани и Добровольческой армии в случае избрания одиозной для него кандидатуры И. Л. Макаренка» на пост председателя Рады.

Внутренняя борьба в самой Раде достигла весьма большого напряжения: одни депутаты стояли за кандидатуру Ф. С. Сушкова, как сторонника Добровольческой армии, а другие также настойчиво поддерживали кандидатуру И. Л. Макаренка.

Однако, ни агитация, ни запугивания, ни письмо ген. Филимонова на имя президиума Рады, ни откры-

тое письмо ген. Звягинцева не помогли сторонникам Добрармии: при выборах заместителя председателя Рады за И. Макаренка было подано 253 голоса, а за Ф. Сушкова — 158 голосов.

На следующий день, 27-го октября, Войсковой Атаман Филимонов выступил в Раде с приветственной речью, в которой заявил: ...«Весь мир, вся Россия смотрят на Казачество с восхищением... И все же на Кубани не все благополучно. Достаточно было послушать речи, посвященные памяти Н. С. Рябовола или присутствовать вчера на выборах председателя, чтобы понять и почувствовать это. В бочке Кубанского меда есть деготь. Появились мрачные тени, которые сеют зло и ненависть... Мы должны выйти отсюда примиренными. Если этого не случится, мы не дождемся конца ужасной бойни»...

После Атамана говорил председатель Кубанского правительства **П. И. Курганский...** Он говорил о борьбе за Кубань, за святую, но поруганную мать Россию... «Мы, Кубанцы, стоим сейчас на распутьи большой исторической дороги, которая от родных станиц, сел и аулов ведет нас в Екатеринодар, а отсюда к великой России и дальше на мировой путь международных отношений», говорил П. Курганский...

Из приветственной речи заместителя председателя Законодательной Рады **Султан-Шахим-Гирея** отметим следующее: ...«Есть поговорка: стрела бьет хорошо, когда хороша тетива. Строительство России будет зависеть от того, как мы сумеем провести здесь принципы народоправства. Если доблестная наша армия идет победно по большой дороге, а здесь, в тылу будет твориться великая несправедливость, от завоеваний фронта ничего не останется. Вот вам пример: кругом волнения, восстания, а на Кубани нет их. Это потому, что во главе у нас стоят народные избранники, а не люди по назначению. В этом сила и залог будущей победы Кубани над большевизмом, и справа, и слева. Наше среднее демократическое положение тяжело, путь наш тернист, но на нашем знамени: — Демократическая, федеративная Российская Республика», восклицал заместитель председателя Законод. Рады.

Далее приветствовал Раду представитель Дона ген. **Ажинов,** который выразил уверенность, что «Москва не забудет казаков, и да будет тогда стыдно тем, кто навязывал казакам самостийность». Ген. Ажинову отвечал **Ф. К. Воропинов,** выразивший такую уверенность: ...«Но теперь, когда милостью Божьей и доблестью казачьей свергнут большевизм, три брата, три Войска Казачьи могли бы собраться вместе и сразу сговориться»...

Почти то же говорил и представитель Терека **Г. Фальчиков,** твердивший, что Казачество борется за Россию, но что казаки «власть законодательную отдадут только Всероссийскому Учредительному Собранию», и веривший, что «настоящая сессия Кубанской Краевой Рады претворит в общегосударственные формы чаяния и надежды Кубани и Терека» (бурные аплодисменты).

Отвечавший ему член Рады Г. В. Омельченко подтвердил, что мнения, высказанные сейчас г. Фальчиковым, являются убеждением всего Терского войска.

Войсковой Атаман Филимонов и от себя приветствовал представителей Дона и Терека. Атаман вспомнил недавние встречи Атаманов всех трех Войск — Донского, Терского и Кубанского, — и заявил: «Докладываю, что после этих свиданий я ношу твердое убеждение, что никто, никогда, никакие силы не отнимут наших вольностей». И далее тот же ген. Филимонов восклицал: «Великая Русь встанет! Мы ей поможем, и Русь отдаст нам земной поклон! Русь должна будет посадить нас на переднюю скамейку в Учредительном Собрании... И когда я слышу малодушные опасения, что кто-то покушается на казачью волю, я не верю и считаю такие опасения вредными» (зал гремит рукоплесканиями)...

Это говорил выборный Кубанский Атаман, у которого в кармане уже два дня лежал приказ Деникина о предании военно-полевому суду членов заграничной делегации Рады.

После этих приветствий об'явлен был перерыв и далее началось деловое заседание. С докладом выступил все тот же Атаман Филимонов. Об'яснив причины

созыва Рады, Филимонов далее говорил следующее: ...«Первый вопрос, которым вам, вероятно, придется заняться, это вопрос о парижской делегации. Парижская делегация — это яблоко раздора между властью на Кубани и Добрармией. При всех встречах с ген. А. И. Деникиным и другими представителями командования мне всегда указывали на поведение делегации. Мне указывали на те меморандумы, которые неоднократно подавались делегацией. Ген. Деникин неоднократно и в самых резких выражениях говорил мне о непозволительном, самостийном, сепаратистическом поведении делегации... Особенное же возмущение ген. А. И. Деникина вызвал договор с Республикой горских народов, который А. И. Деникин считает преступным и квалифицирует, как государственную измену. ...Тем не менее, с большим трудом мне до сих пор удавалось убедить ген. Деникина предоставить в этом вопросе разобраться нам, казакам.

Но вот... получена мною телеграмма, адресованная также Донскому и Терскому атаманам, командующим армиями, военному губернатору Черноморской губ. и другим, в которой четыре члена делегации, подписавшие договор с Горской республикой, обвиняются в государственной измене и требуется представить их в суд (в зале раздается глухой ропот, слышится сдавленный гул).

Таким образом, хотя моя программа и не предусматривает вопрос о делегации, но эта телеграмма обязывает вас этим вопросом заняться в первую голову. Вы должны будете выслушать оба направления, оба течения до конца и отнестись серьезно, искренно, правдиво, чтобы предотвратить катастрофические последствия» (среди членов Рады шум)...

Здесь важно отметить то, во-первых, что Кубанский Атаман два дня скрывал приказ Деникина, во-вторых, то, что этот приказ Атаман сам доложил Раде, и, в третьих, что у Кубанского Атамана не было ни слова протеста против приказа ген. Деникина о предании военно-полевому суду членов Кубанской Рады, членов выборной заграничной Делегации, приказа, который являлся открытым и прямым издевательством над Кубанью...

Выборный глава Кубанского Края, президент Кубани, верховный вождь вооруженных сил Кубани выступал не в роли защитника чести, достоинства и независимости Кубанского Края от посягательств ген. Деникина, а в роли лица, подчиненного Деникину, в роли передаточной инстанции между Деникиным и Кубанской Краевой Радой...

Но, Кубанская Краевая Рада, узнав о приказе, не потянула к ответственности Атамана Филимонова за неисполнение им своей первой обязанности перед краем — защиты его от посягательств русского генерала. Краевая Рада вообще не сразу реагировала на этот приказ... Как будто ничего особенного не случилось, Рада решила сначала заслушать некоторые информационного характера доклады. Очевидно, президиум Рады думал, на основании документов, нарисовать полную и правдивую картину жизни Кубани, ее политического, военного и экономического положения, ее взаимоотношений с Добровольческим командованием, чтобы отбросить ту массу безосновательных обвинений, которые бросались самостийникам со стороны русских вообще и со стороны добровольческих генералов в частности.

Вне сомнения, такой порядок работ Рады после об'явления приказа Деникина свидетельствовал о слабости самостийнических кубанских сил. Если бы самостийники чувствовали себя сильными, они не занимались бы информационно-агитационными докладами, а немедленно бы реагировали на приказ Деникина, в самом корне отрицавшим самостоятельность Кубанской Республики... И провозглашение на молебне 24-го октября «многолетия верховному правителю», оставшееся не опротестованным, и речь полк. Роговца при открытии Рады в тот же день, и последующие речи членов Рады, посвященные памяти Н. С. Рябовола 25-го октября, и приветственные речи 27-го октября ясно говорили, о том, что говорившие не чувствовали себя **гражданами** своего независимого государства, а выступали в роли граждан России, только стремившихся перестроить ее на известных началах — одни на федеративных, а другие — на автономных. Между этими речами и духом договора между Ку-

банью и Горской Республикой, запроектированного Кубанской делегацией в Париже, была целая пропасть. На Раде Кубань выступала, как часть России, а в договоре, как **самостоятельное государство,** вольное распоряжаться своей внешней и внутренней политикой.

Вот этот диссонанс между Делегацией Рады и самой Радой и решили использовать русские, опиравшиеся, как мы знаем, на помощь со стороны кубанских землевладельцев, кубанских купцов и торговцев, кубанских генералов и вообще на кубанских единонеделимцев...

Единонеделимцы хорошо знали, что кубанские самостийники еще слабы, что они не найдут помощи ни на Дону, ни на Тереке, ни за Кавказскими горами, ни на Украине...

Уже одно это соотношение сил показывало, на чьей стороне будет победа. Офицерские верхи армии были на стороне Деникина, самостийники не смогли с самого начала взять в свои руки кубанские вооруженные силы: еще перед Первым походом на пост командующего куб. вооружен. силами попал чужой Покровский; в марте в этой роли выступил генерал Корнилов, а потом — генерал Деникин; закон об армии Кубани оставался на бумаге, кубанцами командовал чуждый (и по происхождению, и по духу) — ген. Врангель, которого поддерживал кубанский генералитет...

По существу вопрос сводился только к тому, как неделимцы сумеют технически осуществить переворот...

28 октября был заслушан доклад заместителя председателя Законодательной Рады Султан-Шахим-Гирея о работах Законодательной Рады и о постоянной борьбе против нее. В тот же день председатель Военной Комиссии Зак. Рады полк. К. Гончаров сделал доклад по вопросу о том, почему не была организована Кубанская армия, при этом он документально доказывал, что главная вина падает на бывшего военного министра ген. В. Науменка. После полк. Гончарова выступил Войсковой Атаман Филимонов, стремившийся оправдать ген. Науменка и себя и свалить все на «обстоятельства»...

В следующие дни были заслушаны доклады члена Куб. Правительства И. П. Тимошенка по делам продовольствия и члена того же Правительства В. Н. Иваниса по делам торговли и промышленности. Оба эти докладчика рассеяли обвинения Кубани в отсутствии забот об Армии и нарисовали в действительности весьма и весьма мрачную картину отношений между Кубанью и Добрармией.

Если взять в целом доклады Султан-Шахим-Гирея, полк. К. Гончарова и членов Правительства И. Тимошенко и В. Иваниса, получится, что на скамье подсудимых сидели русские военные и гражданские руководители «белого» движения на юге, а обвинителем являлась обвиняемая ими Кубань... Справедливым и суровым судьей должна была явиться кубанская вооруженная сила, карающая предателей и изменников, но она находилась в руках подсудимого... И этот подсудимый, проиграв борьбу с красной Россией, вдруг из подсудимого обратился в судью, собиравшегося покарать ту самую Кубань, благодаря которой он спас свою жизнь, откормился на кубанских белых хлебах и поднялся было до самого г. Орла...

Кубанские полки слушали на фронте генеральскую клевету на Кубань и, сбитые с толку, носили на руках поносителей Кубани...

Когда генералы увидели, что пришедшие с Кубани новые казачьи пополнения начинают разбираться в обстановке, начинают понимать, кто в действительности **предает** казаков, кто разграбляет и деморализует казачий тыл, генералы пришли в бешенство и набросились на Раду, на ту самую Раду, которая, как говорили на ней многие ораторы, и не собиралась окончательно отделяться от России...

Не чувствуя за собой никакой вины, Рада продолжала свою работу по определенной программе. 31 октября она установила следующую повестку дня: 1. О приказе ген. Деникина, 2. О парижской Делегации. 3. О Кубанской армии. 4. О деятельности Законодательной Рады. 5. О финансово-экономическом положении Кубани. 6. О работах Южно-русской конференции. 7. Об атаманах отделов. 8 Закон о выборах в Краевую и Законодательную Рады...

В том же заседании долго несмолкавшими овациями была покрыта речь казака, говорившего от имени всех депутатов, прибывших с фронта. «Вот вы говорите, что все посылаете для фронта, почему оно не доходит, так мы этого не знаем... Господа, Краевая Рада! Мы не получаем на фронте сведений о ваших работах, разве отпускной привезет кто. Читаем какой-то «Голос Руси»... Просим присылать вашу литературу... Господа, Краевая Рада! Пока в наших руках крепко держутся шашки и винтовки, вы можете спокойно работать», закончил свою речь фронтовик. Рада встала и, казалось, от гула аплодисментов содрогалось здание...

Потом в тот же день, 31 октября, Краевая Рада приступила к обсуждению вопроса о телеграмме-приказе Деникина о предании военно-полевому суду членов Кубанской делегации. Снова первым говорил Атаман Филимонов, рассказавший историю появления этого приказа. Затем ген. Филимонов, скрывая от Рады существование заговора против нее, сообщил о том, что он будто бы пригласил в Раду командующего Кавказской армией генерала Врангеля, что Врангель вначале ответил, что он приедет 28-го октября. И, оказывается, был в Екатеринодаре, но, приехав в час ночи, в 3 часа уехал обратно, докладывал Атаман. «А сегодня я получил телеграмму, об'ясняющую его поведение. Телеграмма гласит:

«Оскорбительные выражения, допущенные нынешним председателем Краевой Рады в отношении войсковых начальников, безнаказанное присутствие среди членов Краевой Рады, об'явленного изменником, преданного военно-полевому суду, Кулабухова, лишает меня возможности воспользоваться Вашим приглашением посетить Краевую Раду, что при настоящих условиях считаю несовместимым с достоинством ни моим личным, ни армии, во главе которой я стою. Кисловодск. 31 октября. Ген. Врангель».

В ответ на эту телеграмму с мест раздались возгласы: «Не запугаете»...

Ген. Филимонов обманывал Раду. Причины неприезда Врангеля были иные, о чем будет сказано далее.

Теперь же обратимся к обсуждению вопроса о приказе Деникина.

Первым после речи Атамана говорил Султан-Шахим-Гирей:

...«Тяжелый вопрос подлежит нашему разрешению... Прежде всего в этом вопросе нужно отличать некоторые моменты. Нужно отграничить Добровольческую армию от Особого Совещания и личность ген. Деникина от последней телеграммы... Приказ издан не только губернаторам губерний, занятых Добровольческой армией, но и Войсковым Атаманам Казачьих Войск, во внутреннем своем управлении совершенно независимым от Особого Совещания и Главнокомандующего... Встает вопрос: кто мы и кто лицо, стоящее над Добровольческой армией? Является ли Кубанский Край вассальным владением главнокомандующего?... Поборов большевизм, Кубань целый год работала на фронте и в тылу, обеспечивая жизнь и благосостояние Кубанского Края и содействуя успехам Добровольческой армии на Тереке и на Дону.

Нам нужно решить вопрос, самостоятельны мы или зависимы? Если мы самостоятельны, всякий акт, исходящий не от власти Кубанского Края, не может иметь никакой силы на Кубани.

Нужно отвести меч, который занесен над делегацией. И лучший путь для этого, путь сговора, соглашения. Если возник вопрос о государственной измене, то Краевая Рада и в этом разберется, а ген. Деникину следовало бы обратиться к Краевой Раде и если бы слетели чьи либо головы, то только под мечем Краевой Рады (аплодисменты)»...

Переходя далее к существу заключенного договора, Султан-Шахим-Гирей констатирует, что Главнокомандующий в данном случае введен в заблуждение, неправильно информирован:

...«Наша делегация с представителями меджилиса никакого договора не заключала, а заключила его с представителями Правительства бывшей Горской Республики, разогнанного Добровольческой армией. Договор заключен был 8-го июля, когда Правительства названной Республики уже не существовало и, следо-

вательно, с юридической стороны ценность договора равна была нулю»...

Далее заместитель председателя Законодательной Рады опроверг указание в приказе на то, что «договор дружбы» угрожал Терскому Войску и отмечает, что еще покойный Атаман Войска Терского всегда был самым ярым сторонником и инициатором дружбы с горцами... Говорить о гибели Терского Войска более чем несправедливо»...

Далее в Раде выступили представители отделов.

Член Рады **Оверя** от Ейского отдела заявил, что «приказ ген. Деникина самым решительным образом оскорбляет правосознание населения Края, что ген. Деникин не имеет права карать или поощрять лиц поставленных Краевой Радой, и протестует против приказа, как попытки установления диктатуры. Ейский отдел считает, далее, совершенно недопустимым участие Кубанской делегации в работах Южно-русской конференции впредь до отмены телеграммы Деникина, и предлагает сообщить о конфликте и причинах его вызвавших большим Кругам Дона и Терека, и представителям Союзных миссий и, наконец, широко распространить постановление Рады».

Член Рады **Подтопельный** о постановлении Майкопского отдела докладывает, что отдел «взглянул лишь на формальную сторону дела, имел ли ген. Деникин право предавать Кубанских представителей в Париже полевому суду.

Признавая, что представители Кубанского Края за свои действия подлежат ответственности только перед Краевой Радой, Майкопский отдел постановил: протестовать против предания полевому суду указанных в приказе лиц, настаивать на отмене приказа и, выслав Кубанскую делегацию на Южно-русскую конференцию, поручить ей продолжать вести переговоры с представителями Командования до отмены приказа».

От имени Лабинского отдела выступил сотник Д. А. Филимонов, предложивший существо договора устранить из поля зрения Рады. Затем Д. Филимонов от имени отдела предлагает в протесте против телеграммы Деникина указать, что Рада не пройдет мимо настоящего договора... Он высказывается также про-

тив перерыва переговоров Кубанской делегации на Южно-русской конференции с уполномоченными Главного Командования, считая такой перерыв — ультиматумом, после которого должны будут заговорить ружья.

От имени Сельско-городской группы делает заявление **Ю. А. Коробьин.** Эта группа постановила: 1) выразить протест против телеграммы, нарушившей Конституцию Края, и 2) признать участие в конференции до отмены телеграммы недопустимым.

«Если мы проглотим эту пилюлю», заявил Ю. А. Коробьин, «мы упустим почву, и завтра нам заявят, что мы губерния, и, чего Боже упаси, если будут противоречить на конференции наши представители, нас об'явят изменниками» (смех).

По поручению Баталпашинского отдела член Рады **Ширяев** предлагает, не входя в оценку вопроса по существу, поддержать протест и требование отмены телеграммы Деникина, а также о конфликте довести до сведения Дона и Терека.

Что касается Южно-русской конференции, то Баталпашинский отдел высказался против отозвания Кубанской делегации и предложил продолжение работ конференции не ставить в связь с телеграммой Деникина и скорее эти работы закончить.

Екатеринодарский отдел тоже протестовал против издания приказа и требовал отмены его.

От имени Кавказского отдела выступил **Ф. К. Воропинов,** возражавший против опасения, что Дон и Терек не поддержут Кубань в ее справедливой борьбе. Оратор напомнил недавнее прошлое, когда при аналогичной попытке со стороны Особого Совещания сделать наскок на Терское Войско и превратить Атамана Войска Терского в исправника, Дон и Кубань самым энергичным образом поддержали терцев.

Далее Ф. Воропинов высказывал крайнее удивление тому, что ген. Деникин, отдавая себе отчет в том, что делает, мог издать приказ, в котором нарушил не только права Кубани, но и Дона, и Терека, так как и Донскому и Терскому атаманам приказано задержать упомянутых в приказе лиц. «Генерал Деникин», заявляет оратор, «опытный человек и знает, что де-

лает, и если мы и после этого будем играть в тонкую политику, из этого ничего хорошего не выйдет».

Ф. Воропинов напомнил случай, когда Временное Правительство об'явило Донского Атамана Каледина изменником и Дон на это ответил: «С Дона выдачи нет!» Точно так же должна поступить теперь и Кубань. «Не будем уподобляться Крыловскому повару, который читает нотации коту, преспокойно поедающему курятину», заканчивает Воропинов, призывая Раду к решительным мерам борьбы для защиты самостоятельности Кубани.

Горская фракція тоже считала необходимым протестовать против приказа Деникина.

Ввиду разнообразия предложений, сделанных представителями отделов, горской и сельско-горской групп, Радой была избрана особая комиссия для выработки общей резолюции Краевой Рады по вопросу об отношении к приказу Деникина.

1-го ноября Краевая Рада заслушала весьма обстоятельный доклад члена Рады и Заграничной Делегации Рады А. И. Кулабухова.

И только 2-го ноября всеми голосами, при одном воздержавшемся, Краевая Рада приняла следующее постановление:

«Кубанская Краевая Рада, не касаясь существа вопроса о «договоре дружбы», постановляет: 1) протестовать самым энергичным образом против приказа ген. Деникина и во 2) требовать срочной отмены этого приказа.

Настоящее постановление Краевая Рада поручает президиуму довести до сведения ген. Деникина, Союзных миссий, Правительств Дона и Терека, а также в срочном порядке оповестить об этом постановлении население Кубанского Края».

Пока Краевая Рада производила свою работу, за кулисами произошли такие события.

Ген. Враегель утверждает, что распоряжение ген. Деникина об аресте и предании суду членов Кубанской заграничной делегации было для него «совершенной неожиданностью» (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 226).

«Из поименованных в телеграмме лиц член Рады

Кулабухов находился в Екатеринодаре, что не могло не быть известно Главнокомандующему. Приказ об аресте его в Екатеринодаре мог быть выполнен лишь распоряжением местной краевой власти, согласия каковой на это у генерала Деникина быть не могло. Было совершенно ясно, что конфликт между главным командованием и Кубанской Краевой Радой на этой почве неизбежен. Конечно, впредь до разрешения этого конфликта не могло быть и речи о возможности пересмотра и изменения Краевой Радой самого положения о Крае», пишет Врангель.

«Предоставив мне полную свободу действий, carte blanche, как он выразился, генерал Деникин, ни слова мне не сказавши, посылкой своей телеграммы ставил меня перед совершившимся фактом, совершенно спутывая все мои карты», продолжает Врангель.

«Профессор К. Н. Соколов, предупрежденный мною телеграммой, должен был ждать меня на станции Тихорецкая. В Екатеринодаре также были предупреждены о моем приезде. Я решил от'езд не откладывать, проехать в Екатеринодар и, в зависимости от обстановки на месте, действовать в дальнейшем. — Я прибыл в Екатеринодар поздно вечером. Отпустив встретивших меня лиц, я пригласил к себе в вагон генералов Науменко и Покровского. Телеграмма Главнокомандующего лишь подлила масла в огонь. И Атаман, и Правительство, и Рада усмотрели в ней нарушение основных прав Кубани. Рада готовила решительный протест... Генерал Покровский вновь настаивал на самых решительных действиях, предлагая попросту оцепить Раду войсками, схватить и на месте расстрелять целый ряд лиц. После этого, по его словам, «Рада выберет атаманом того, кого ей прикажут». — Я самым решительным образом воспретил ему какие бы то ни было выступления, аресты и т. п. без моего на то разрешения. Сам я решил, не останавливаясь в Екатеринодаре, проехать в Кисловодск, где выждать в зависимости от дальнейшего хода событий возможность действовать. **Генерала Науменка я прсил ежедневно по прямому проводу осведомлять меня об обстановке».** (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 226-227).

С своей стороны К. Н. Соколов, ожидавший на станции Тихорецкой приезда ген. Врангеля из г. Царицына, рассказывает следующее:

...На станции Тихорецкой «прошли мимо нас эшелоны двух «верных» полков, перебрасываемых с фронта в Екатеринодар «на отдых». Проехал пассажирским поездом туда же командир второго Кубанского корпуса ген. Науменко. Казачьи эшелоны произвели неблагоприятное впечатление. Казаки все время горланили разухабистые песни, а один из эшелонов, отходя от станции, обстрелял ее беспорядочным огнем из винтовок... В понедельник 28-го октября станция Тихорецкая с утра чистилась и принаряживалась, а после обеда к дебаркадеру подошел внушительный поезд Командующего Кавказской армией...

По дороге в Екатеринодар мы имели возможность обсудить с генералом Врангелем, как выражаются газетные хроникеры, «создавшееся положение». Ген. Врангель был тоже очень поражен телеграммой от 25-го октября. Она застигла его врасплох, как раз накануне от'езда. Конечно, она шла в разрез с прежними его планами и создала в Екатеринодаре совершенно новую обстановку. Ведь, не может же он, Командующий армией, получивший от своего Главнокомандующего приказ арестовать и предать суду четырех изменников, выступать с приветственной речью перед собранием, в котором присутствует один из этих изменников. С другой стороны, как он может исполнить приказ Главнокомандующего в отношении Кулабухова, раз Екатеринодар не входит в его армейский район и ни в какой мере ему не подчинен. Поэтому вот что он придумал. Надо, чтобы Главнокомандующий включил Кубань в тыловой район Кавказской армии. Командующим тылового района будет назначен ген. Покровский. Он, Врангель, предпишет ген. Покровскому привести в исполнение приказ Главнокомандующего. И только после того, как это будет сделано, для него откроется возможность выступить в Раде и настоять на проведении реформы конституции...

...В Екатеринодаре, куда мы прибыли вечером, никакой встречи Командующему армией не было, а про-

сто в вагон генерала Врангеля вошли генералы Покровский и Науменко... Покровский доложил Врангелю екатеринодарскую обстановку. Распоряжение Главнокомандующего о включении Кубани в тыловой район армии еще не получено. Между тем в политическ. кругах царит страшное возбуждение. Правительство и Рада заседают и протестуют...

...Из совещания генералов, которого я был молчаливым слушателем, для меня выяснилось, что помимо ареста члена Рады Кулабухова ген. Покровскому ставилась еще задача положить конец деятельности «самостийников» путем удаления из Рады главных смутьянов, численность которых определялась различно — от 10 до 40 человек. И то, и другое — арест Кулабухова и устранение группы «самостийников» ген. Покровский принимал на себя с тем, чтобы возможно меньше вмешивать в дело Главное Командование и генерала Врангеля... Ген. Врангель, напротив, настаивал, чтобы все было сделано в строгом порядке, чтобы каждый нес свою долю ответственности за свои действия и распоряжения... В конце концов было признано, что ген. Врангелю пока в Екатеринодаре нечего делать и что он поедет в Пятигорск и Кисловодск и вмешается в ход событий позднее, в зависимости от указаний Главнокомандующего и донесений ген. Покровского...

...При прощании я в свою очередь задал ген. Науменко вопрос, считает ли он неизбежным принятие крайних мер. Популярный кубанский генерал, не колеблясь, ответил, что это совершенно неизбежно и что «стукнуть» необходимо. Ген. Покровский обратился со своей стороны ко мне с личной просьбой. В виду возможного избрания его Войсковым Атаманом, он просил меня на всякий случай составить проект обращения его правительства к населению края и двух приказов — Кубанскому казачьему войску и Кубанцам, сражающимся на фронте». (Статья Соколова: «Кубанское действо» т. 18-й «Архива русской рев.», стр. 224-247).

Таким образом, и ген. Врангель, и проф. К. Соколов неопровержимо устанавливают участие ген. В. Г. Науменка в перевороте. 9 месяцев он был военным ми-

нистром Кубани и сделал все, чтобы не допустить организации Кубанской армии, а теперь поднял руку и на Кубанскую Краевую Раду...

Большевицкие армии били Кубань с фронта, а русские и свои генералы наносили удары с тыла. В этом заключалась страшная трагедия Казачества...

Обратимся снова к генеральскому совещанию, происходившему 28 октября на станции Екатеринодар.

Условившись с ген. В. Г. Науменком относительно того, что ген. Науменко будем ежедневно по прямому проводу осведомлять Врангеля об обстановке в Екатеринодаре, ген. Врангель «тут же на вокзале... написал письмо генералу Лукомскому» — председателю Особого Совещания.

«Учитывая возможность дальнейших осложнений», говорит Врангель, «я желал иметь точные указания Главнокомандующего».

Вот выдержки из этого письма:

«Глубокоуважаемый Александр Сергеевич!

«Я препроводил Вам копию с письма моего ген. Покровскому от 21 октября, из коей явствует **мое несочувствие к вооруженному вмешательству во внутренние дела Кубани.** С одной стороны неполная уверенность в войсках, успевших значительно развратиться «самостийниками», с другой, опасение, даже в случае успеха, бури на Дону, могущей отразиться на фронте, требует от нас особой осторожности. Я надеялся на благоразумие одной части Рады и на достаточность военной угрозы для другой... К сожалению, избрание председателем Краевой Рады И. Макаренка заставляет признать, что обнаглевшие «самостийники» окончательно закусили удила... Если Рада пойдет по пути демагогии, то, по глубокому моему убеждению, силою вещей придется перейти от угрозы к действиям. Много сделано, чтобы войска, на которые я мог бы опереться, оправдали мое доверие. В Екатеринодар посланы наиболее стойкие части, во главе которых стоят крепкие начальники. Мой конвой составлен из отборных казаков моей 1-й конной дивизии и офицеров лично мне известных. На месте принят ряд мер для обеспечения успеха... Что касается последствий, могущих произойти, в случае подобного образа дей-

ствий и, в частности, опасности бури на Дону, то это вопрос общей политики и я его решить без указаний Главнокомандующего не могу. Учитывая возможность политических осложнений, я сделаю все, чтобы избежать применения силы, но ход событий заставляет предвидеть возможность такого порядка вещей, когда отказ от военного вмешательства будет признанием слабости, а это, по моему убеждению, равносильно гибели. Докладывая об изложенном, испрашиваю срочных указаний Главнокомандующего»...

Немедленно после написания этого письма и отсылки его по назначению (полк. Лебедевым) ген. Врангель, вместе с Соколовым, выехал в Кисловодск. Доверенным лицом Врангеля в Екатеринодаре остался ген. В. Науменко, а техническим исполнителем был ген. Покровский.

На другой день по от'езде Врангеля из Екатеринодара, между ген. Науменком и генералом Врангелем происходит следующий разговор по прямому проводу Кисловодск-Екатеринодар:

Ген. Врангель: — «Здравствуйте, дорогой Вячеслав Григорьевич».

Ген. Науменко: — «Здравия желаю Вашему Превосходительству. С Радой ничего не выходит. Члены Рады идут на рожон... Прошу приказать ген. Покровскому ничего не предпринимать до нашего личного разговора. Нам надо поговорить лично. Когда Вы думаете приехать сюда, или может быть, мне приехать к Вам»...

Ген. Врангель: — «Предоставляю решить этот вопрос самому. **Ежели Вы полагаете присутствие генерала Покровского в Екатеринодаре нежелательным, то я могу снестись с Таганрогом и просить о его вызове или вызвать его сюда».**

Ген. Науменко: — «Это решить трудно, нам надо переговорить»...

(Из статьи быв. Войскового Атамана ген. Филимонова. «Историческая справка (к сведению Кубанской Рады)», напечатанной в газете «Новое Время» 11 октября 1923 г., нр. 738. Белград. Югославия).

Далее ген. Врангель говорит: «Представлялось яс-

ным, что выполнение требования Главнокомандующего касательно ареста члена Рады Кулабухова потребует вооруженного вмешательства, последствия которого трудно было учесть. Однако, отступать было уж поздно. Ясно было и то, что теперь добиться упразднения Законодательной Рады и изменения «Положения об управлении Краем» в смысле нам желательном возможно было бы лишь насильственным путем».

«Я просил профессора К. Н. Соколова доложить Главнокомандующему известную ему обстановку и предложить три решения», продолжает Врангель. «Первое из этих решений было предложенное ген. Покровским: разгон Рады, беспощадная расправа с самостийниками и возглавление Края насильственно посаженным Атаманом. Участвовать в этом я не считал для себя возможным. В этом случае я предполагал предоставить ген. Покровскому свободу действий, предоставляя ему, в дальнейшем, получат приказания непосредственно из Ставки. Второе решение предусматривало маловероятный случай, если-бы генерал Деникин, отказавшись от своего первоначального решения, попытался бы вступить на компромиссный путь мирных переговоров. Решению этому я, конечно, также сочувствовать не мог и предполагал в этом случае, отдав ген. Покровскому приказание о невмешательстве, немедленно вернуться в Царицын.

Наконец, третье решение намечало арест Кулабухова и других сочувствующих ему лиц, предание их военно-полевому суду, а затем переговоры с Радой, с целью добиться от нее изменения «Положения об управлении Краем». Это решение, наиболее трудное по исполнению, требовало большой твердости, осторожности и ловкости. Однако, по моему глубокому убеждению, оно в настоящих условиях было единственно правильным.

Я учитывал возможность и того, что генерал Деникин попытается вообще от всякого определенного ответа уклониться, я же считал необходимым обусловить свои действия точными указаниями Главнокомандующего. Быстро развивающиеся события при отсутствии определенных указаний свыше войскам, могли ежечасно вызвать вооруженное столкновение. Имея

это в виду, я писал Главнокомандующему, что, не получив до указанного срока никакого ответа, предоставляю генералу Покровскому возможность расправиться с Радой **по его усмотрению.** Мое участие в этом случае было бы ограничено лишь последующими переговорами с Радой. Возможность подобного исхода должна была побудить ген. Деникина дать определенный ответ. Вместе с тем, я просил Главнокомандующего о включении Кубани в армейский район Кавказской армии. Я вручил профессору К. Н. Соколову соответствующее письмо на имя помощника Главнокомандующего ген. Лукомского» (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 228-229).

Вместе с тем, ген. Врангель особой телеграммой просил Главнокомандующего не принимать решения до выслушания доклада проф. К. Соколова.

К. Н. Соколов, прибыв в Ростов, передал Лукомскому письмо Врангеля. Ген. Лукомский «склонился к третьему варианту» переворота и «распорядился, чтобы меня (Соколова) доставили в ставку экстренным поездом»... «В кабинете ген. Деникина я был встречен с нескрываемой иронией», повествует К. Соколов:

— «Вот таковы наши «переворотчики», сказал улыбаясь начальник штаба, **«сами заварят кашу,** а потом бьют отбой» (начальник штаба — ген. Романовский).

«И генерал Романовский протянул мне телеграмму, только что полученную от ген. Врангеля. Ген. Врангель просил в ней Главнокомандующего не принимать окончательного решения до выслушания моего доклада и прибавляя, что получил в свое распоряжение данные, **позволяющие расчитывать на мирное улажение конфликта.** Я ответил, что хотя подобно ген. Лукомскому лично считаю неизбежным решительные меры в смысле третьего из предложенных ген. Врангелем вариантов, тем не менее мне понятны сомнения, испытываемые «переворотчиками». Я сослался при этом на настроение фронта, на сложную обстановку в Екатеринодаре и на малую надежность переброшенных туда частей. Особо я отметил противоречие приказов от 25 октября первоначально принятому плану. Тут генерал Деникин прервал меня замечанием, что ему то-

же понятно недовольство ген. Врангеля этим приказом, который устраняет всякую возможность отступления... Подводя итоги моему докладу и последовавшей за ним беседе, ген. Деникин сказал, что, если ген. барон Врангель желает иметь бумажку с подписью его, Главнокомандующего, то он охотно такую бумажку дасть. Тут он поручил ген. Романовскому соединиться прямым проводом с Кисловодском и передать ген. Врангелю составленную им телеграмму. Текст телеграммы точно отвечал третьему варианту. Я пробыл в кабинете ген. Деникина, пока шли сношения с Кисловодском, почти до утра. За это время ген. Деникин ознакомил меня с содержанием речи, с которой он должен был выступить в следующий четверг на Большом Войсковом Круге в Новочеркасске. ...Наконец, уполномочив меня составить для ген. Покровского нужные ему документы, ген. Деникин пожелал мне счастливого пути в Кисловодск» (цитированная выше статья К. Соколова: «Кубанское действо», стр. 248-250).

Из этого сообщения одного из заговорщиков видно, что ген. Деникин, а не кто другой, приказал произвести переворот на Кубани и что Деникин не прочь был посадить Покровского Атаманом на Кубани, а сам собирался выехать в Новочеркасск убаюкивать Донской Круг своей речью...

31 октября ген. Врангель получил следующую телеграмму Деникина, о высылке которой сказано выше:

«Приказываю Вам немедленно привести в исполнение приказание мое Нр. 016729 и принять по Вашему усмотрению все меры к прекращению преступной агитации в Екатеринодаре, входящем в Ваш армейский район. 1 час 50 минут 31/10. 1919. Нр. 014598. Деникин».

О дальнейших приготовлениях заговорщиков против Казачества Врангель рассказывает так:

«Руки у меня были развязаны. В этот же день (31 октября) прибыл ко мне ген. Науменко. **Мы подробно обсудили дело.** Ген. Покровский должен был произвести аресты Кулабухова и ряда других лиц и немедленно предать их военно-полевому суду, каковой должен был быть сформирован при имеющейся у

него бригаде полковника Буряка. Дабы не ставить Атамана (Филимонова) в тяжелое положение и тем еще более не осложнять вопрос, я просил ген. Науменко переговорить от моего имени с ген. Филимоновым и постараться убедить его сложить с себя атаманское звание. Я тут же написал соответствующее предписание ген. Покровскому, которое и **передал ген. Науменко для вручения его Покровскому лишь после того, как Атаман примет решение».**

«Ген. Покровскому. Мною получена следующая телеграмма Главнокомандующего: (далее приводится текст выше приведенной телеграммы Деникина от 31 окт. нр. 014598)... Во исполнение изложенного приказываю Вам с получением сего арестовать члена Парижской конференции Кулабухова, а равно всех тех лиц, из числа намеченных Вами, деятельность коих имеет определенные признаки преступной агитации, в связи с текущим политическим моментом. Арестованных лиц немедленно предайте военно-полевому суду, каковой сформируйте при бригаде полковника Буряка и приговор суда **приведите в исполнение безотлагательно.** Кисловодск, 31 октября, нр. 163. Врангель». (Врангель, т. 1, стр. 230-231).

Ген. Науменко взял с собою этот приказ Врангеля и отправился в Екатеринодар с целью 1) уговорить Филимонова сложить с себя звание Атамана и 2) после этого только передать Покровскому приказ Врангеля об арестах и повешении ряда членов Кубанской Рады. Из этого видно, какую выдающуюся роль в перевороте на Кубани играл ген. В. Г. Науменко.

Между тем 1-го ноября, когда ген. Науменко прибыл уже с этими поручениями Врангеля в Екатеринодар и приступил к проведению их в жизнь, сам ген. Врангель получил следующее приказание Деникина.

«Предлагаю Вам, **по обсуждении вопроса с кубанским войсковым Атаманом,** привести в исполнение мое приказание по телеграмме Нр. 016729 в отношении Кулабухова. Если представится необходимым, Кулабухов может быть для осуждения препровожден в Таганрог. Ген.-лейт. Деникин».

Выходило, что Деникин настаивал только на аресте А. И. Кулабухова. Между этим приказанием и

телеграммой Деникина от 31 октября имеется различие.

Послав ген. В. Науменка в Екатеринодар, Врангель так оценивал свою роль: «Все распоряжения были отданы. мне оставалось только ждать». И далее додает: «2-го ноября я получил телеграмму председателя Краевой Рады Макаренко, в ответ на приветственную телеграмму, посланную мною Краевой Раде из Царицына» (24 октября):

«2 ноября 1919 г. Кубанская Краевая Рада в Вашем лице приносит глубокую благодарность за приветствие доблестной, предводимой Вами армии. Безмерно ценя мужество и неувядаемую стойкость сынов Кубани, Рада с своей стороны приложит все усилия к облегчению их настоящего ратного подвига и дальнейшего славного пути. Заместитель председателя Краевой Рады Макаренко».

1-го ноября ген. Науменко вступил в переговоры с Филимоновым с целью склонить последнего отказаться от атаманства. 2-го ноября он докладывал Врангелю по прямому проводу из Екатеринодара в Кисловодск результаты своих переговоров:

Ген. Науменко — **«Первое:** говорил с ген. Покровским. Он ожидает Вашего распоряжения. Не признаете ли нужным назначить его командующим войсками тылового района армии, в положительном случае прошу передать **через меня** телеграмму. **Второе:** относительно Рады говорил с Атаманом, но не мог доказать ему, что ему надо уйти. Приводил все выгоды этого, но тщетно. Полагаю необходимым переговорить еще раз и, если он останется при своем мнении — передать ген. Покровскому Ваш нр. 163. **Третье: Прошу разрешить мне после этого выехать в Царицын для дальнейшего следования в корпус.. Четвертое:** вчера говорил с Покровским, у него все организовано и он безусловно уверен...

Ген. Врангель: — «**Первое:** прошу принять и передать по всем адресам нижеследующую телеграмму: «Екатеринодар, ген. Покровскому, копии: Таганрог, Наштаглаву, Царицын — Наштармкаву: назначаю Вас командующим тылового района армии. Кисловодск. 2-го ноября, 10 часов, 30 мин. утра. Нр. 169. Врангель».

Второе: Главное командование настаивает на срочном выполнении своего приказания. Дальше медлить нельзя»...

(Из выше цитированной статьи ген. Филимонова: «Историческая справка»).

Не уговорив Филимонова отказаться от Атаманской власти, Науменко передал Покровскому приказ Врангеля об аресте членов Рады, о предании их военно-полевому суду и о безотлагательном приведении приговора суда в исполнение.

Что же в это время делал Кубанский Войсковой Атаман ген. А. П. Филимонов, отказавшись принять совет Врангеля-Науменко стать в стороне во время страшного насилия над Кубанской Краевой Радой? Что делал выборный глава Кубанского Края, в руках которого находилось верховное руководство вооруженными силами Края?

Ген. Филимонов прекрасно был осведомлен о заговоре. Но он не арестовал заговорщиков и не предал их Кубанскому суду.

Если ген. Филимонов, как В. Атаман, не считал себя в силе предпринять те шаги, которые он **обязан** был сделать в силу **добровольно** принятой на себя торжественной присяги перед старыми славными боевыми знаменами Кубанского Казачьего Войска, он, Филимонов, должен был немедленно явиться в Краевую Раду, избравшую его, сообщить о заговоре и сложить с себя звание Атамана.

Ген. Филимонов этого не сделал и, больше того, продолжал сноситься с заговорщиками и покровительствовал им в их черной работе...

Но этим Кубанский Атаман не ограничился. Отказавшись отойти в сторону, ген. Филимонов в тот же день явился в Раду и огласил там: 1) приказ Врангеля о включении Кубани в тыловой район Кавказской армии, 2) приказ Врангеля о назначении Покровского командующим войсками тылового района, 3) телеграмму начальника штаба Кавказской армии ген. Шатилова на имя Филимонова с сообщением о двух выше названных приказах и 4) телеграмму Врангеля о том, что он «при настоящих условиях» не может восполь-

зоваться» приглашением — посетить Краевую Раду». При этом ген. Филимонов очень сетовал в Раде на то, что Врангель лишен теперь возможности прибыть в Краевую Раду.

Филимонов не пришел в Раду с тем, чтобы довести до ее сведения о своем атаманском приказе, в корне уничтожавшем все эти генеральские сети на Кубани. Филимонов не пришел кликнуть Атаманский клич к кубанским войсковым частям — стать во всеоружии на страже независимости Кубани, ее Конституции, ее чести и достоинства. А между тем одного твердого слова Атамана было достаточно, чтобы ликвидировать генеральские замыслы против Вольной Кубани, чтобы призвать к порядку безумных сынов Кубани из окружения ген. Покровского, поднявших предательскую руку против своей родной Матери Кубани... Все эти офицеры из свиты Покровского и сам Покровский должны были быть немедленно арестованы по приказу Атамана. Если ген. Филимонов нашел возможным перед началом работ Краевой Рады, нарушая Кубанскую Конституцию и идя против воли своего же Правительства, удалить с должности начальника стражи гор. Екатеринодара, то тем с большим успехом он мог ликвидировать ген. Покровского, растоптавшего Кубанскую конституцию, уничтожившего власть самого Атамана...

Краевая Рада в целом тоже не оказалась на высоте той ответственной роли, которую она обязана была сыграть в те страшные дни. Если хозяин видит в своем дворе злодеев, пришедших его обокрасть, пришедших его убить, он, если имеет оружие, преследует этих разбойников и выгоняет их из своего двора... Краевая Рада сама называла себя Хозяином Земли Кубанской. Из прочитанных ей приказов: Деникина от 25 октября, Врангеля — от 2-го ноября Краевая Рада должна была видеть, что политические разбойники уже расположились в самой Кубанской столице, что они себя ведут дерзко, вызывающе...

Рада должна была понять, наконец, действительную роль Филимонова, который в Раде открыто говорил о дегте в кубанской бочке меда, разумея под этим дегтем не себя с ген. Науменко и другими, по-

могавшими Деникину обманывать Кубань, помогавшими Деникину вести кубанцев на кровавую московскую дорогу, а разумел самостийников, боровшихся за счастье Казачества, за его лучшее будущее; в то же время Филимонов, после обвинительной речи полк. Гончарова, защищал ген. Науменко (см. об этом выше); Филимонов превратился в посылного группы заговорщиков — он приходил в Раду затем, чтобы прочитать то приказ Деникина о предании военно-полевому суду членов Кубанской делегации, то приказ Врангеля о включении всей Кубани в тыловой район Кавказской армии...

Рада не разгадала роли Филимонова. Если бы она тогда же поняла это, она обязана была бы немедленно удалить Филимонова от должности Атамана и на его место поставить лицо, способное защитить Кубань от насилия.

Что же сделала Рада? В отчете о ее вечернем заседании 2-го ноября читаем, что Краевая Рада **единогласно,** при одном воздержавшемся, приняла следующее постановление:

«Заслушав и обсудив телеграмму ген. Врангеля за Нр. 580 о назначении ген. Покровского командующим тыловым районом, а равно телеграмму ген. Шатилова и, принимая во внимание, что на территории Кубанского Края может действовать только власть, установленная на основании Временного положения об управлении Кубанским Краем, Кубанская Чрезвычайная Краевая Рада постановила:

а) вышеприведенные распоряжения не имеют и не могут иметь никакой силы по отношению Кубанского Края,

б) Кубанскому Войсковому Атаману и Правительству наблюсти **неукоснительно** за соблюдением Кубанской Конституции и настоящего постановления Рады».

Формально Рада была права. Как Законодательное установление она приказывала исполнительной власти соблюсти и охранить **Кубанскую Конституцию, установившую государственную независимость Кубани.** Но по существу, Рада не была права, так как должна была видеть, к чему ведет дело Кубанский Атаман, докладывая в Раде приказы «белых» генералов. Для об'ек-

тивности отметим, что Атаман Филимонов и Кубанское Правительство 30 октября распубликовали **протест** против приказа Деникина о предании военно - полевому суду членов Кубанской заграничной делегации и в этом протесте находим между прочим следующее:

...«Во всяком случае, упомянутые лица являются дипломатическими представителями Кубани и, как таковые, пользуются неприкосновенностью, почему в случае совершения ими незакономерных действий могут подлежать суду только Кубанской Краевой власти, их делегировавшей. Приказ о предании названных лиц военно - полевому суду, является нарушением прав Кубанской Краевой власти и глубоко оскорбляют правосознание **Кубанского народа** и не может не отразиться на настроении народа и фронта» и т. д.

И надо сказать, что Краевая Рада, в общем, поверила тогда в честность и искренность заявлений **Краевой исполнительной** власти, которая ни словом не обмолвилась перед Радой, ни о своем бессилии, ни о своем нежелании использовать вооруженные силы Кубани, бывшие в непосредственном распоряжении Краевой власти в самом Екатеринодаре, для действительной защиты независимости Кубани.

Рада верила Правительству и Атаману. Рада знала, что Екатеринодарские войсковые казачьи части беспрекословно и с радостью исполнят **приказ** Краевой власти для **защиты** Кубани от посягательств русских генералов. И потому Рада ограничилась **приказом** исполнительной власти «наблюсти неукоснительно за соблюдением Кубанской Конституции». Конечно, Рада тогда не знала, к чему ведут дело предатели. Знали о предательстве некоторые члены Рады, но они не сказали Раде о ждущей ее участи. Если бы сказали, 2-го ноября легко можно было ликвидировать разбойничье гнездо ген. Покровского.

Рада единогласно приняла постановление, но ни Атаман, ни Правительство не приняли необходимых мер для ликвидации заговора.

С своей стороны, Краевая Рада решила искать моральной поддержки у своих соседей — на Дону и на Тереке.

Депутаты Ейского отдела на своем отдельском за-

седании 1-го ноября единогласно решили предложить Раде послать на Большой Войсковой Круг делегацию в составе по одному представителю от каждого из семи отделов Кубани, от Горской группы и от сельско-городской группы. По мнению Ейского отдела эта делегация Краевой Рады не только должна информировать и приветствовать Донской Круг, но провести мысль о необходимости «созыва Об'единенного собрания Донского и Терского Кругов и Кубанской Рады для обсуждения вопроса об организации Южно-Русской власти («Куб. Воля», 2-е ноября 1919 г.).

2-го ноября Краевая Рада выслала свою делегацию на Донской Круг, а другую делегацию послала на Терек. 4-го ноября делегация Рады выступила уже с приветствиями на заседании Донского Круга и с раз'яснением необходимости поддержки Кубани со стороны Круга. Глава Кубанской делегации Белашов, об'ясняя создавшуюся на Кубани обстановку, говорил:

...«На горизонте Кубани сгустились ныне тяжелые, зловещие тучи. В борьбе за возрождение России Кубань понесла жертвы. Между темь, есть основания полагать, что Кубанское государственное устройство игнорируется и ее высшие краевые учреждения считаются как бы недействительными. Мы, Кубанцы, твердо надеемся, что Дон не забудет помощи, оказанной ему Кубанью в критический момент — марте сего года (см. 2-ю часть «Траг. Казач.») и Донцы, в свою очередь, придут к нам на помощь в нынешнее тяжелое для Кубани время и тогда **об'единенными усилиями мы выйдем на светлый путь.** Об'единение Казачества вызывается насущными требованиями жизни. Сплоченное, демократически настроенное Казачество даст возможность в ближайшем будущем пробиться к центру России, к Москве и там через созыв Всероссийского Учредительного Собрания создать порядок, дать землю и волю многострадальному русскому народу. Путем этого единения мы можем достигнуть заветной цели — Российской Федеративной Демократической Республики» («Приазовский Край», 10- ноября 1919 г.).

И эта речь, как и многие другие подобные речи кубанских политических деятелей, свидетельствует о

том, что среди тогдашних самостийников не было ясности политического мышления, что в головах их была большая путаница...

Несмотря на такие миролюбивые речи Кубанской делегации, председатель Донского Круга В. А. Харламов, поддержаннный некоторыми, особенно энергичными и политически слепыми сторонниками Деникина, сделали все возможное, чтобы Большой Круг **до переворота на Кубани** не оказал моральной поддержки Кубанской Краевой Раде, выдерживавшей натиск русских «белых» сил...

Войсковой Круг **два дня** обсуждал вопрос, поставленный Кубанской делегацией и не вынес никакого постановления... Председатель Круга Харламов усиленно звал Деникина на Круг, чтобы рассеять впечатление от заявлений Кубанской делегации и речей оппозиционно настроенных по отношению к Деникину членов Донского Круга...

Действительно, ген. Деникин прибыл на Круг и выступил там 7-го ноября с **трехчасовой** речью соответствующего содержания. Совпадение ли событий или планомерная деятельность руководителей похода на Казачество были причиной того, что Деникин выступил на Донском Кругу в тот самый день, когда палач Кубани — Покровский повесил в Екатеринодаре борца за казачьи права — А. И. Кулабухова...

Делегация Кубани на Терек тоже не имела успеха... Терский Атаман говорил с Врангелем, говорил по прямому проводу с Новочеркасском... Терское правительство и Атаман ограничились только выслушанием Кубанской делегации...

Этот явный неуспех на Дону и на Тереке убивал настроение у Кубанцев и подбадривал насильников генералов...

Должно быть особенно подчеркнуто и то, что со времени подготовки переворота на Кубани особенно участились сообщения русских газет о провале украинского освободительного движения. Когда же Деникин издал свой приказ об аресте и предании суду членов Кубанской делегации, подобные сообщения особенно участились.

Надо ли говорить о том, что ежедневно печатав-

шнеся во всех газетах сведения о катастрофе украинского национального движения в весьма сильной степени влияли на настроение и линию поведения известной части руководителей самостийников в Кубанской Краевой Раде, как влияли и на поведение их противников в Раде и вне ее...

Таким образом, кубанские самостийники оказались в полном и безнадежном одиночестве: ни с Дона, ни с Терека поддержки нет, а украинское освободительное движение тоже переживало дни катастрофы. Это прекрасно сознавали самостийники, хорошо понимали и русские люди и производили все усиливающийся нажим на Казачество.

Не только Кубанский Атаман Филимонов, бывший военный министр Кубани ген. Науменко, некоторые старшие начальники казачьих частей и казачьи офицеры из окружения ген. Врангеля принимали то или иное участие в подготовке вооруженного переворота на Кубани, в этом злом деле принимали известное участие и иные, не военные кубанцы.

Как рассказывает бывший член Куб. Правительства и Рады Д. Е. Скобцов, «как-то возвращаясь домой из заседания Рады числа 29-30 октября, я встретил члена Рады Литовкина. Мы с ним были знакомы, встречались в Раде, в более частной обстановке виделись всего 3-4 раза. Неожиданно Литовкин остановил меня и с таинственным видом сообщил последние новости. По его словам ему пришлось узнать из совершенно достоверного источника о цели прибытия в Екатеринодар ген. Покровского. Вопрос о репрессиях в отношении определенной группы членов Рады предрешен. При этом самому Атаману Филимонову, в случае его противодействия, не сдобровать, — во всяком случае, дни его Атаманства сочтены. Выслушав мое совершенно осуждающее подобный образ действий мнение, Литовкин, к большому моему удивлению, заявил, что ген. Покровский, по его, Литовкина, сведениям желает со мною поговорить и наверное на этих днях обратится с просьбой о свидании» (статья Д. Скобцова: «Драма Кубани», напечатанная в жур-

нале «Голос минувш. на чужой стороне», нр. 1 за 1926 г. Париж, стр. 231).

Хотя Д. Скобцов старается изобразить дело так, что ему и его группе принадлежит роль «третьей стороны», все же даже из вышецитированного признания его видно, что далеко до переворота он, Скобцов, и его собеседник Литовкин знали о готовящихся событиях.

Не менее важным было и то, что ген. Деникин, издавая приказ о предании суду членов Кубанской делегации, действовал в полном соответствии со статьей того же Д. Скобцова, напечатанной им еще 20 окт. в одной из Екатеринодарских газет и квалифицировавший поведение членов этой Делегации, как измену, и потому, писал Скобцов, эти «государственные преступники и должны быть немедленно привлечены к законной ответственности».

Если даже допустить мало вероятное, а именно то, что член Рады Скобцов узнал о готовящемся перевороте впервые только от члена Рады Литовкина 29-30 октября, то и то является вопрос, что же он сделал для предотвращения надвигающихся грозных событий, против которых он будто бы протестовал. Проще всего было прийти в Раду и доложить ей о замыслах врагов кубанской государственности.

Нет, ни Скобцов, ни Литовкин в Раду не пришли и не доложили ей о готовящемся на нее нападении. Они не открыли глаза Раде на существующий заговор, они скрыли от Рады известные им причины пребывания ген. Покровского в Екатеринодаре.

Далее Д. Скобцов рассказывает о том, что «как то в перерыве между заседаниями» он встретился за сценой с членом Парижской делегации А. И. Кулабуховым и что последний «в группе собравшихся стал громко сетовать на то, что многие его, «друзья в ковычках» советуют ему скрыться от якобы грозящей ему опасности, в связи с приказом ген. Деникина. Но ничуть не бывало, — он останется и будет продолжать работу. Так же громко, чтобы все слышали, я (Скобцов) отозвался на его слова: «Не знаю, к каким друзьям своим Вы меня относите, Алексей Иванович, — в кавычках или без кавычек, но я от всей души посовето-

вал бы Вам скрыться, и как можно скорее» (там же стр. 223).

И это признание Д. Скобцова не вызывает сомнений относительно его своевременной осведомленности.

...«И вот уже 3-го или 4-го ноября», повествует Д. Скобцов... «ко мне пришел ген. Н. М. Успенский. Я всегда относился к нему с большим уважением. Отозвав меня в сторону, он сказал, что ему известно о приглашении меня к себе Покровским, и о моем отказе пойти к нему. Так вот теперь он, Успенский, пришел ко мне и советует мне пойти к Покровскому. — Быть может, Вам удастся предотвратить многое».

«Посоветовавшись тут же с ближайшими политическими друзьями, я дал Успенскому согласие пойти на следующий день утром к Покровскому. Чтобы избежать всяких кривотолков, я на утро пригласил к себе на квартиру своих политических друзей, а также представителя другой группы — К. А. Безкровного, к этому времени уже не состоявшего членом Правительства. Предупредив их всех, куда иду, я обещал рассказать по возвращении содержание разговора с ген. Покровским, в руках которого была в те дни судьба Кубани... У Покровского меня провели в небольшую комнату... Наше толкование началось с того, что он дал мне прочитать часть вышеуказанного документа, — официального письма, — написанного размашистым, незнакомым мне тогда почерком (впоследствии мне пришлось познакомиться с почерком ген. Врангеля, думаю, что письмо было его). Сложено письмо было так, что подписи нельзя было прочесть. В этой части письма Покровскому предлагалось — произвести необходимые действия, арестовать известных ему членов Рады (всего, помнится, около 32 человек) и предать военно-полевому суду. К этому, помню, добавлялось: «Суд должен быть скорый и исполнение немедленное».

В 1926 г., составляя статью «Драма Кубани», Д. Скобцов записал: «До глубины души я был возмущен этим»... «Но неужели Вы не понимаете, что подобные действия будут иметь совершенно обратные ожидаемым результаты?» заметил я. «О-о, знаете, виселица имеет свое значение, — все притихнут»...

Во время этого же свидания Покровский показал Скобцову список членов нового кубанского правительства, которое должно придти к власти после переворота. «Каково же было мое удивление, когда во главе этого замечательного списка я увидел собственную фамилию, — я как председатель Правительства, Сушков, как член Правительства по ведомству народного просвещения, Успенский — по ведомству внутренних дел или военных» и т. д.

Мы должны сейчас заметить, что после переворота в действительности роли были распределены несколько иначе, а именно: Д. Скобцов стал председателем Краевой Рады, Ф. Сушков — председателем Правительства, ген. Успенский — Кубанским Атаманом.

Как видно из сообщения самого Скобцова, он сносился с ген. Покровским с ведома целого ряда лиц, которых он называет своими политическими друзьями. По возвращении от Покровского «дома я передал весь разговор заранее приглашенным лицам», повествует Скобцов, а потом пошел к Войсковому Атаману и... «передал Атаману вкратце содержание нашей беседы» с Покровским... (там же, стр. 236-241).

Из всех весьма путанных сообщений Д. Скобцова важно признание того, что 1) Кубанский Атаман, Д. Скобцов и их единомышленники заранее знали о готовящемся вооруженном насилии над Краевой Радой, знали и о том, что целая группа членов Краевой Рады была обречена на смерть, и 2) что главный палач Кубани — ген. Покровский из состава политических противников членов Рады, обреченных на смерть, составил список нового Кубанского Правительства.

Что же предприняли Кубанский Атаман Филимонов, член Рады Скобцов и его «политические друзья», узнав от Покровского о предполагаемом кровавом перевороте? Если Д. Скобцов и ген. Филимонов действительно возмущались предполагаемым насилием над Радой, как эти лица пишут это теперь за границей, то почему они не пришли в Раду и не сказали ей о намерениях ген. Покровского, почему они не сказали об этом тем лицам — членам Рады, которых ожидала смерть?

Почему они не сделали этой простой и естественной вещи, если только не участвовали в заговоре и в его проведении?!

Замечательно то, что ген. В. Г. Науменко, приняв самое активное участие в подготовке расправы и доведя организацию переворота до того момента, как в руках Покровского оказались необходимые документы и военные силы для осуществления самого переворота, не остался в Екатеринодаре, а уехал на фронт. Подобное видим и у Д. Скобцова: узнав от ген. Покровского все данные о готовящемся злодеянии и поинформировав своих «политических друзей», 5-го ноября вечером, как пишет Скобцов, «счел возможным очень рано уйти с заседания и дома пораньше лечь спать, тем более, что предыдущие дни пришлось совсем отказаться от сна» (цит. статья Скобцова, стр. 241). К этому следует добавить, что в тот вечер, когда Д. Скобцов очень рано ушел спать, ген. Покровский пред'явил ультиматум и т. д.

К 3-му ноября, в общем, создалось следующее положение в Екатеринодаре: Кубань была включена в тыловой район Кавказской армии и всеми вооруженными силами, расположенными на Кубани, с согласия Войскового Атамана Филимонова и военного министра ген. Звягинцева, фактически распоряжался ген. Покровский; те самые генералы, которые так были возмущены брошенным в их адрес неосторожным обвинением, которые так горячо защищали честь порядочность и прочие хорошие людские качества, теперь притихли и никто из них почему то не протестовал против насилия над целым Кубанским Казачеством, хотя многие из них присягали соблюдать законы, установленные Кубанской Краевой Радой, состоявшей из представителей всего коренного населения Кубани.

Хотя 2-го ноября Краевая Рада единогласно и категорически опротестовала распоряжение о включении Кубани в тыловой район Кавказской армии и приказала Кубанскому Атаману и Правительству оберегать самостийность Кубани, но фактически **Кубанская исполнительная власть никаких действительных мер к**

проведению в жизнь этого постановления Рады не предпринимала, при чем Кубанский Атаман с целой группой членов Рады поддерживал дружеские отношения с ген. Покровским и после того, как уже было им известно, что Покровский с минуты на минуту может приступить к арестам членов Рады, список коих был известен и Филимонову, и Скобцову, и их «политическим друзьям». Председатель Кубанского Правительства, исполнявший в то же время обязанности министра внутренних дел, встречался с ген. Покровским, вел с ним мирные разговоры и даже брался устроить встречу самостийников с ген. Покровским. О списке лиц, намеченных к уничтожению, кроме А. И. Кулабухова, председатель Правительства не знал.

Словом, одни совершенно сознательно предавали своих коллег по Краевой Раде, а другие попустительствовали...

Покровский имел постоянно около себя группу в несколько десятков преданных идее переворота офицеров, кубанских и русских, бдительно охранявших его. Поддерживали Покровского и военные училища, находившиеся в Екатеринодаре, что определялось, конечно, тем, что офицерский состав этих училищ был на стороне Добрармии.

Следует здесь отметить и то, что в закрытом вечернем заседании Краевой Рады член ее С. Ф. Манжула прочитал очередное донесение ген. Деникину в Таганрог, составленное группой офицеров, в которую входили высшие должностные лица в Кубанском Крае. Эта группа непосредственно от себя посылала сообщения в штаб Деникина о политической и военной ситуации в Екатеринодаре. Участники этой группы, названные по фамилиям, не отрицали самого факта своего участия в такой тайной работе, направленной против Рады. Когда потом арестованных членов Рады перевозили из Екатеринодара в Новороссийск для дальнейшей отправки за границу, начальник караульной команды, кубанский полковник X., вызывал к себе в вагон С. Ф. Манжулу и долго, но безуспешно, добивался узнать, кто из офицеров выдал самостийникам состав и работу этой группы высоких должностных лиц...

Что делали в то время те, против кого были направлены удары Деникина – Врангеля – Покровского – Науменко – Филимонова? Во-первых, их задачей было направлять работу Краевой Рады так, чтобы она не сошла с самостийнических позиций и своими постановлениями отбивала нападения Деникина и его помощников. В этом, как мы видели выше, самостийники имели полный успех: Рада единогласно отбрасывала натиск русских и стойко защищала самостийнические позиции. Настроение Рады было настолько крепким в этом отношении, что даже те лица, которые, как потом оказалсь, принимали прямое участие в заговоре, голосовали вместе со всей Радой (поднятием рук). Вовторых, самостийники приняли особые меры, чтобы создать такую охрану Рады, которая могла бы с успехом выдержать вооруженное нападение Покровского.

Самостийники полагали, что необходимо выдержать первый натиск переворотчиков, пока не будут пущены самостийниками в ход казачьи войсковые части гарнизона г. Екатеринодара, и пока приведенные с фронта казаки бригады полк. Буряка не разберутся, в чем дело, и не присоединятся к казачьему гарнизону, защищающему Краевую Раду. Квартира заместителя председателя Рады, где почти каждую ночь собирались самостийники на совещания, также охранялась командой казаков, расположенной внутри здания (на Соборной площади). И надо признать, что отборный состав казаков и прекрасный состав офицеров охраны Рады давали самостийникам уверенность в том, что отряд охраны Рады, состоя всего из 180-200 человек, с успехом выполнит возложенную на него ответственную задачу. Необходимо сказать, что после того, как Атаман Филимнов передал ген. Покровскому все вооруженные силы Кубани, только отряд Рады не подчинялся Покровскому.

Особенно следует подчеркнуть то важное обстоятельство, что руководители самостийников даже в своей тесной среде ни разу не ставили и не обсуждали даже вопроса о возможности или необходимости какихлибо вооруженных выступлений с их, самостийников, стороны, против воли Кубанской Краевой Рады и поставленных ею властей. Казалось, что в таком высту-

плении нет никакой нужды, ибо только 2-го ноября Краевая Рада единогласно постановила поручить Атаману и Правительству, как органам исполнительной власти, принять все необходимые меры для торжества принципов, положенных в основу государственного строительства Кубанского Края.

О всей закулисной работе заговорщиков, оставшиеся в живых и попавшие за границу, самостийники узнали только здесь, за границей. Больше того, когда группа самостийников, высланных за границу, находилась в гор. Константинополе, в марте 1920 г., туда прибыл тоже ген. В. Г. Науменко и с ним высланные вели совершенно мирную беседу, так как тогда еще не знали о той роли, какую он сыграл при перевороте на Кубани.

Возвращаясь теперь к событиям первых чисел ноября 1919 г., ради полной об'ективности, не мешает отметить и то, что один из самостийников, П. Л. Макаренко, 3 ноября, в послеобеденном заседании Краевой Рады выступил с пространной речью, в которой подчеркнул прошлую долгую борьбу России против соседей, окончившуюся победой России; указал на то, что, по его мнению, и в настоящее время происходит та же титаническая борьба между Россией и ее соседями; что против самостийников разных народов ведут наступление русские большевицкие силы под руководством Ленина, с одной стороны, и русские монархические силы, с другой... Едет историческая русская колесница и под ней трещат кости покоренных народов; говорил о том, что самостийники борятся за самостоятельность Кубанск. Края, добиваются своей Кубанской армии, ищут соглашения с соседями, но они не замышляют вооруженный переворот и находят и далее необходимым единое командование антибольшевицкими силами...

Целью этого выступления было искреннее желание устранить возможную кровавую развязку отношений на Кубани, устранить кровопролитие, к успешному завершению которого самостийники не были подготовлены в полной мере; по существу, они еще не имели своей стройной, с ясной программой и тактикой организации; их выступления в Раде, на Донском Круге,

в газете «Кубанская Воля» свидетельствовали о том, что они еще не собирались отделять навсегда Кубань от России, что они будто бы стоят за федерацию; некоторые самостийники публично иногда говорили и писали, что на них клевещут, когда их называют самостийниками; самостийники в начале ноября 1919 г. не имели в своем распоряжении вооруженной силы, если не считать незначительного, сравнительно, отряда охраны Рады, достаточного только для первого отпора; самостийники тогда не имели в свем распоряжении столько подготовленных людей, чтобы в свои руки взять кубанские вооруженные силы.

Не безинтересно будет привести здесь ту оценку положения Кубани и Казачества вообще, которую дал глава Кубанской заграничной делегации Л. Л. Быч в своем очередном письме из Парижа, датированном 4-м ноября 1919 г.:

«Неполучение от Вас сообщений в продолжении весьма значительного времени начинает нас сильно безпокоить, тем более, что здесь прошли тревожные слухи о событиях на Кубани... Но вот вчера барон Штенгель передал нам, что он слышал от бывшего военного атташе ген. Игнатьева, что Деникин прислал в Екатеринодар отряд для разгона Законодательной Рады, который и произвел аресты некоторых членов Рады... Впрочем, этим сведениям мы не даем полной веры, **так как трудно допустить, чтобы на руководителей добровольческой армии напало такое ослепление, что они осмелятся поднять руку на Раду,** особенно, если они читали приговора станиц по поводу убийства Н. С. Рябовола... Ну, а затем, вероятно, не трудно предвидеть, что последовало бы за разгоном Рады на фронте. **Нам давно бы следовало твердо себе усвоить, что мы, казаки, являемся основой, и я скажу, даже единственной вполне реальной и надежной силой, на которой базируется борьба с большевизмом, и потому, казалось бы, не нам должны диктовать свою волю и желания, а мы можем, вместе с Доном и Тереком, диктовать эти условия другим. И тем более это было бы правильно, что мы для себя ничего не требуем: мы стоим на точке зрения защиты интересов народа и свободы.** И если теперь, когда в нас так сильно нуждаются, с нами,

с нашими нуждами совершенно не считаются, то нужно себе представить, как с казаками будут обращаться, если доберутся до настоящей власти и мы больше не будем нужны, **как пушечное мясо»...**

В этой выдержке важно подчеркнуть, что и глава Кубанской заграничной делегации Л. Л. Быч не верил, чтобы добровольческие генералы осмелились «поднять руку на Раду»...

Точно так думали и тогдашние вожди самостийников на Кубани, и на этом и провалились. В эти трагические дни, обыкновенно, по окончании вечерних заседаний Краевой Рады некоторые из группы самостийников собирались на квартире у заместителя председателя Рады И. Л. Макаренка и бсуждали создавшееся положение и дальнейшую тактику. Состав участников этих совещаний не был постоянным, бывали там: И. Л. Макаренко, Султан-Шахин-Гирей, А. И. Кулабухов, Ф. К. Воропинов, И. А. Билый, С. Ф. Манжула, М. Х. Хатгогу, Г. В. Омельченко, П. Л. Макаренко и др.

При чем, на этих собраниях не ставился и не обсуждался вопрос о том, чтобы самостийники взяли на себя **почин** военного переворота на Кубани. Все решали делать **через Раду и по постановлению Рады.** И это было ошибкой, как показали события ближайших дней.

Следует отметить и то, что даже на этих узких собраниях самостийников не было избрано одно лицо, которое должно было бы, при чрезвычайных обстоятельствах, сосредоточить в своих руках все руководство борьбой, когда уже не представлялось бы возможным собирать совещания. Поэтому, когда пришло время для решительных действий, оказалось, что среди самостийников **не было вождя**, авторитет которого об'единял бы, возглавлял и направлял работу в то время, когда надо было предпринимать быстрые и решительные **действия.**

Словом, самостийническое возглавление не являлось, к сожалению, боевой организацией, а представляло из себя группу людей, решивших вести борьбу исключительно **парламентскими способами.** Когда против них выступила военная организация, самостийники были разгромлены.

Самостийники жили твердой верой в людскую честность, порядочность, в ненарушимость присяги... Они не верили, чтобы целая группа лиц, приняв присягу на верность Кубанскому Краю, нарушила бы эту присягу. Самостийники прекрасно знали, что без прямой помощи со стороны кубанцев Покровский на переворот не пойдет. Зная это и не веря в предательство, самостийники оберегали Раду от нападения группы заговорщиков и в этом отношении предпринятые шаги были, как будто, достаточны...

Сам Покровский и все его главные кубанские помощники отлично понимали, что прямым нападением на Раду цель переворотчиков не может быть достигнута, так как охрана Рады с успехом выполнит свое назначение, а могущий наступить после первого вооруженного столкновения открытый бой между защитниками Кубани и сторонниками Добоармии не давал русским надежды на успех.

Ставка Деникина весьма нервничала, благодаря медлительности действий Покровского. Врангель волновался в Кисловодске. Большевики уже взяли Касторную, разорвав фронт на две части, а Покровский все «бездействовал»...

3-4 ноября в Екатеринодаре создалось, казалось, безвыходное положение: самостийники не переходили к ликвидации Покровского, а Покровский не решался еще пойти на риск — ворваться в Краевую Раду с группой своих офицеров и произвести аресты: не мог он открыто повести против Рады и тех казаков, которые были приведены с фронта, а без этих казаков он не мог справиться с охраной Рады... Один из организаторов переворота — проф. К. Соколов говорит: ...«Между получением генералом Покровским инструкций от генерала Врангеля и началом активных действий прошло несколько дней. Наши правительственные круги ставили даже в упрек генералу Покровскому такое промедление. Но, повидимому, оно вызывалось особенностями обстановки, сложившейся в Екатеринодаре и требовавшей большой осторожности и тщательной подготовки» (цит. выше статья Соколова, стр. 250).

Как мы знаем, генерал Деникин 1-го ноября при-

казал произвести переворот **«по обсуждении вопроса с Кубанским Войсковым Атаманом»**. Необходимость советоваться с Атаманом связывала, конечно, ген. Покровского. Зато только явное попустительство Атамана могло обеспечивать успех всего генеральского противокубанского предприятия.

Было решено взять самостийников обманом. Д. Скобцов рассказывает, что во время свидания с ген. Покровским он, Скобцов, посоветвал будто бы своему собеседнику поговорить с «вожаками большинства» и что Покровский принял этот совет. Это было 4 или 5 ноября. Атаман Филимонов согласился эту «мирную встречу» ген. Покровского с «вожаками большинства» устроить у себя во дворце. Чтобы прикрыть действительные намерения переворотчиков, решено было об'яснить самостийникам, что Атаман Филимонов, по просьбе ген. Покровского созывает у себя во дворце совещание членов Рады, как группы самостийников, так и группы «линейцев», для совместного обсуждения с ген. Покровским и Атаманом выхода из создавшегося положения.

В этом смысле Атаман Филимонов 5-го ноября около 4-х часов вечера написал собственноручное приглашение на имя заместителя председателя Краевой Рады И. Л. Макаренко. В этой записке была указана цель созываемого совещания и список членов Рады, «черноморцев» и «линейцев», которые приглашались на «совещание» на 7 часов вечера того же дня.

И. Макаренко, получив эту записку, пригласил к себе на квартиру тех самостийников, которые значились в списке приглашаемых на «совещание». В своей среде самостийники установили, что решение вопроса об отношении к приглашению Атамана может быть такое: на «совещание» во дворец Атамана не идти или идти, но при условии, что перед началом совещания из охраны Рады будет послан ко дворцу достаточно сильный отряд хорошо вооруженных казаков и будет расположен в сквере непосредственно против атаманского дворца, после этого приглашаемые являются во дворец и начинается «совещание».

Пока заместитель И. Макаренко в своем кабине-

те в доме Богарсукова поджидал приглашенных членов Рады, время затянулось и было уже 7 часов, когда уже должно было бы начаться во дворце «совещание». Атаман Филимонов несколько раз звонил И. Макаренко, прося его поторопиться во дворец со всеми приглашенными. В конце концов, И. Макаренко ответил Атаману, что приглашаемые на «совещание» явиться не могут, так как в тот же день было вечернее заседание Рады. Ответ этот был простой отговоркой, так как, в конце концов, решено было на «совещание» не ходить.

Уже за границей быв. Атаман Филимонов об этом несостоявшемся «совещании» писал так:

...«В Екатеринодар прибыл Покровский. «Ген. Деникин», заявил мне Покровский, «настаивает на немедленном аресте Кулабухова и всех видных представителей оппозиции, всего около тридцати-сорока человек. Кулабухов-же должен быть арестован в первую очередь». Я начал доказывать Покровскому, что эти аресты совершенно недопустимы, что пользы от этого, разумеется, никакой не будет. «Может быть, эти господа», заявил тогда Покровский, «найдут нужным и возможным устроить вместе со мною совещание». Я согласился на просьбу Покровского помочь ему устроить такое совещание, причем Покровский просил, чтобы все это происходило у меня. «В другое место», говорил он, «эти господа вряд ли пойдут» (напомним, что Д. Скобцов рассказывает, что это он, Скобцов, посоветывал собрать такое совещание во дворце Атамана или на квартире у Председателя Правительства). Согласившись и на это, я потребовал, однако, у Покровского, чтобы он гарантировал личную неприкосновенность всех членов Рады, которые придут на совещание. Покровский заверил меня честным словом, что он гарантирует полную безопасность участникам совещания (просто замечательно: глава вооруженных сил Края, Атаман, дворец которого охранялся казаками, у входа во дворец были казаки, «просил гарантировать личную неприкосновенность» членов Рады — гостей Атамана да еще в атаманском дворце; тут что-то не в порядке). Разговор этот происходил 5 ноября в 4 часа дня. Сове-

щание было назначено в тот же день в семь часов вечера. В присутствии Покровского я написал председателю Краевой Рады Ивану Макаренко записку о том, что прошу представителей оппозиции прибыть ко мне на совещание. Для того, чтобы это не бросалось въ глаза, я пригласил и лидеров, поддерживавшей меня группы. Все они обещали придти, предупредив, что немного опоздают. Но не было еще семи часов, когда я, сидя у себя в кабинете, услышал, что по лестнице поднимается большая группа лиц. Меня это заинтересовало, и я послал узнать, в чем дело. Оказывается, это пришел ген. Покровский и с ним человек семь-восемь офицеров. Я тогда пригласил Покровского в кабинет к себе и спросил его: что же это значит? В ответ на мой вопрос Покровский довольно развязно заявил, что он решил при выходе с совещания арестовать «всех этих господ». Но, ведь, вы дали мне обещание не делать этого. Осуществление вашего проекта я считаю совершенно недопустимым... «Вы здесь не при чем», возразил Покровский, «арестовывать буду я, а не вы. Я отвечаю за свои поступки. Я — дал слово, а теперь — беру его обратно. Мною уже отдан соответствующий приказ гвардейскому дивизиону окружить этот дом. Тогда я заявил Покровскому, что не допущу ареста и что совещание у меня не состоится, так как предателем я не был и не буду... После разговора со мною Покровский согласился отпустить офицеров и дал слово, что отменит все свои распоряжения. Однако, я все же принял меры предосторожности; немедленно вышел в соседнюю комнату и протелефонировал Ивану Макаренко, что сам приеду в Раду и что назначенное совещание отменяется» (цит. выше статья А. П. Филимонова «Разгром Кубанской Рады», стр. 326-327).

В этом сообщении Филимонова правда перепуталась с неправдою. Явным вымыслом является сообщение его о том, что он будто бы расстроил совещание, когда узнал об истинных намерениях Покровского. Во-первыхъ Филимонов давным давно знал о действительных намерениях Покровского, во-вторых, самостийники сами отказались явиться на «совещание»,

так как для них было совершенно ясно, что дворец Атамана является простой ловушкой.

Когда Филимонов и Покровский увидели, что намеченные к аресту лица во дворец Атамана не явились и этим расстроили их план, во дворце Атамана произошло следующее:

«После этого Покровский», рассказывает Филимонов, «снова пришел ко мне в кабинет и сообщил список лиц, которых он считал необходимым арестовать. В списке было человек тридцать. На мое возражение, что это совершенно недопустимо, Покровский ответил, что он готов ограничиться и меньшим числом, при этом он высказался в том смысле, что хорошо было-бы, если-бы подлежащие аресту разбежались. Последнее указание я пропустил мимо ушей, так как уж, конечно, я не мог делать такого предложения своим политическим противникам. После долгих переговоров, Покровский остановился на шести лицах, подлежащих аресту. Такими были: Петр и Иван Макаренко, Манжула, Воропинов, Роговец и Безкровный. Об этом он сообщил мне официально, как о своем ультимативном требовании, в случае неисполнения которого он прибегнет к силе оружия. Его ультимативное письмо начиналось по общей форме словами «милостивый государь» (цит. статья Филимнова, стр. 327).

Как видим, Кубанский Атаман в атаманском дворце принял непосредственное участие в составлении списка лиц, подлежащих аресту, а перед этим только тот же Филимонов пишет, что он протестовал против ареста, что он расстроил «совещание», что он был так благороден, что не хотел посоветывать «своим политическим противникам» разбежаться...

Что же делает выборный Кубанский Атаман, получив «ультимативное требование» о выдаче Покровскому членов Рады?

Он не приказал немедленно арестовать ген. Покровского и предать военно-полевому суду за работу против Кубанского Края. Он также не кликнул клич к войскам стать на защиту Кубани...

Вместо этого ген. Филимонов спешит в Краевую Раду и, прибыв туда, обращается к председательству-

ющему в Раде Ивану Макаренко с устным заявлением о выдаче А. И. Кулабухова ген. Покровскому, исполняющему приказ Деникина от 25 октября.

В это время в закрытом заседании Рады шло весьма напряженное и весьма бурное обсуждение вопроса о деятельности Кубанской заграничной делегации вообще и о подписанном ею проекте «договора дружбы» в частности. При этом горячие защитники идеи сохранения единой и неделимой России, такие как соц.-рев. доктор Н. С. Долгополов, соц.-дем. Коробьин и другие, весьма энергично осуждали деятельность Делегации. Депутат Коробьин истерически вопил на всю Раду, что в «договоре дружбы» он не видит России: «Здесь России нет», «здесь России я не вижу». С другой стороны, кубанские самостийники так же энергично защищали и Делегацию, и А. И. Кулабухова...

На заявление Атамана Филимонова о выдаче А. И. Кулабухова председательствующий в Раде И. Макаренко потребовал от ген. Филимонова письменное подтверждение. После этого Атаман Филимонов уехал к ген. Покровскому.

Этот разговор между Атаманом и председательствующим в Раде произошел под шум речи одного из депутатов, при чем члены Рады не знали содержания этого разговора.

Как только Филимонов уехал к Покровскому, председательствующий в Раде приказал подчиненной ему охране занять все входы и выходы в здании, где заседала Краевая Рада (зимний театр), занять телефон и без особого разрешения председательствующего никого не впускать в помещение Рады и никого не выпускать из этого помещения, а также без особого разрешения председательствующего не дозволять вести разговоры по телефону... Рада была изолирована от внешнего мира.

Сейчас же было устроено летучее совещание некоторых из самостийников, на котором было решено: если только Войсковой Атаман привезет в президиум Рады письменне подтверждение требования Покровского о выдаче А. И. Кулабухова, немедленно это требование доложить Краевой Раде и далее кон-

статировать, что Кубанский Атаман из главы Края и вождя вооруженных сил Кубанского Края превратился в посыльного ген. Покровского, что поэтому Кубань осталась фактически без Атамана, которому только недавно, 2-го ноября, приказала неукоснительно соблюсти Конституцию Кубани, а значит, ликвидировать ген. Покровского; так как на перевыборы Атамана совершенно не было времени и возможно было ночное нападение ген. Покровского на Раду, **предложить Раде самой временно взять в свои руки высшую исполнительную власть в Кубанском Крае на время полной ликвидации возникшего конфликта между Добрармией и Кубанью,** т. е. временно всю полноту власти Войскового Атамана передать президиуму Краевой Рады во главе с Иваном Макаренко.

Предполагалось, как только Краевая Рада одобрит такое предложение, президиум немедленно возьмет в свои руки исполнительную власть, особым актом оповестит об этом население Кубани и примет меры для немедленной ликвидации гнезда заговорщиков во главе с ген. Покровским, и вообще президиум Рады примет все необходимые меры, как во внутренней, так и во внешней политике Кубани.

Словом, руководители самостийников налету приняли решение через постановление Краевой Рады временно фактически взять власть в свои руки (большинство в президиуме Рады имели самостийники) и вывести Кубанский Край из того ужасного и крайне унизительного положения, в котором он находился. В связи с этим планом, еще до возвращения ген. Филимонова от ген. Покровского, было послано казачьим частям гор. Екатеринодара от президиума предупреждение быть наготове и по первому требованию выступить к зданию заседаний Рады.

В очень скором времени Филимонов привез и передал председательствующему в Раде И. Макаренко письмо Покровского на имя Атамана о выдаче А. И. Кулабухова.

Здесь будет уместно отметить, что сообщение Филимонова в его статье «Разгром Кубанской Рады» о том, что он, Филимонов, будто бы огласил в Раде в ночь с 5-го на 6-е ноября письмо ген. Покровского

о выдаче шести членов Рады, в состав коих А. И. Кулабухов не входил, не соответствует действительности: никакого письма о выдаче шести членов Рады в ночь с 5-го на 6-е ноября президиуму Рады пред'явлено не было, также и сам ген. Филимонов подобного письма в том заседании Рады не об'являл; в ту ночь речь в Раде шла только об А. И. Кулабухове, что, конечно, не исключает возможности нахождения в то время в руках Филимонова и письма о выдаче и шести членов Рады...

По получении из рук Филимонова письма Покровского о выдаче А. И. Кулабухова, на трибуну Рады выступил заместитель председателя Рады И. Л. Макаренко, прочитал Раде привезенное Филимоновым письмо, в коротких словах обрисовал создавшуюся обстановку и **предложил Раде временно, до ликвидации конфликта между Кубанью и Добровольческой армией, взять всю власть в руки Рады, поручив президиуму принять необходимые меры.** И. Макаренко констатировал, что после того, как Атаман Филимонов превратился в ад'ютанта ген. Покровского, «у нас нет Атамана!» На это заявление кто-то из сторонников Филимонова – Деникина – Покровского выкрикнул: «Есть Атаман!» Обращаясь лицом к кричавшему, И. Л. Макаренко резким голосом повторил: «Нет Атамана! У нас нет Атамана!» В ответ на это среди депутатов Лабинского отдела поднялся крик нескольких депутатов: «У нас есть Атаман!» При чем депутаты этого одела начали схватываться с мест и громко и дружно выкрикивали все то же: «У нас есть Атаман!!!»

Все это произошло чрезвычайно быстро. Поднялся сильный шум среди депутатов. Наступил перерыв заседания Рады...

Пришел решающий момент, предопределявший дальнейший ход событий... В перерыве почти все депутаты оставались на своих местах, обсуждая создавшееся положение. Фракция иногородних (свыше 50 человек) вызвала к себе одного из самостийников и попросила об'яснить, какой, собственно, план дальнейших действий имеют самостийники в случае перехода власти в Крае к президиуму Рады, и имеют ли самостийники в своем распоряжении достаточную во-

оруженную силу, чтобы в действительности провести в жизнь намеченные нелегкие мероприятия, как во внутренней жизни Кубани, так и в ее внешней политике. Фракция иногородних получила необходимыя раз'яснения и заверения, что казачий гарнизон г. Екатеринодара, вне сомнения, поддержит Краевую Раду в возможной вооруженной борьбе с силами, которыми в действительности располагал ген. Покровский..

В это время Атаман Филимонов послал своего ад'ютанта к телефону, находившемуся за сценой, сообщить ген. Покровскому о том, что его письмо о выдаче А. И. Кулабухва уже оглашено в Раде. Часовой у телефона не позволил разговора по телефону без разрешения председательствующего в Раде. Тогда ген. Филимонов сам направился к телефону, но результат получился тот же самый — без разрешения председательствующего говорить по телефону нельзя.

В связи с этим и с обнаружившейся ролью Филимонова на сцене за столом президиума Рады произошли очень бурные об'яснения между Филимоновым и некоторыми самостийниками, в глаза и громко упрекавшими Филимонова в предательстве. Эти жаркие словесные схватки едва не окончились стрельбой из револьвера по Филимонову...

На поверхность бурной жизни в Раде вдруг снова выплыла давняя истина: там, где необходимо быстро и решительно действовать для разрешения тех или иных государственных вопросов, там должна действовать сильная единоличная воля.

После бурного перерыва на трибуну выступили ген. Филимонов и произнес одну из наиболее удачных своих речей, когда-либо сказанных им в защиту положений, выгодных для Добрармии и ее руководителей... Он говорил о неприкосновенности Кубанской Конституции, о своей непоколебимой верности принятой им присяге на верное служение Кубани, клятвенно уверял Краевую Раду в том, что он решительно не допустил бы никаких насилий и издевательств над кубанской независимостью, что он мог бы устранить самое распоряжение Деникина – Врангеля о включечении Кубани в тыловой район Кавкзской армии, что

не пришлось бы даже говорить о выдаче Кулабухова чуждой для Кубани власти ген. Покровского, **если бы только сам Филимонов твердо знал, что Кубанская Краевая Рада — Верховный Хозяин Земли Кубанской —действительно ему доверяет и активно и всецело его поддерживает,** если бы об этой поддержке знали руководители Добровольческой армии; говорил ген. Филимонов и о том, что Законодательная Рада «расхитила власть Атамана», что в своих действиях Атаман, к сожалению, тяжелыми путами самостийников связан по рукам и ногам, что он — выборный Атаман — лишен возможности говорить даже по телефону в столице родной ему и дорогой Кубани, которой он так деятельно служит около двух десятков лет, что хорошо знают депутаты Лабинского отдела...

В заключение Филимонов покорно, чуть не унизительно, просил Раду теперь же разрешить вопрос о том, доверяет ли она своему выборному Атаману, занимающему этот высокий пост с 1917 г. и освободившему Кубань от большевицкого ига; при этом он заявил, что за власть никогда не держался и не держится и готов теперь же передать атаманскую булаву в руки своего более счастливого преемника. Если Краевая Рада поддержит своего Атамана, он немедленно примет самые действительные меры к ликвидации конфликта, во всяком случае, Филимонов клянется своими сединами, что он не допустит никаких насилий со стороны ген. Покровского, в адрес которого Филимонов пустил несколько весьма резких замечаний...

Речь Филимонова неоднократно прерывалась возгласами одобрения и аплодисментами его единомышленников...

Перед Краевой Радой во весь рост встал вопрос: что лучше — взять ли всю исполнительную власть в свои руки, фактически передав ее президиуму, который должен будет вооруженной рукой разрубить гордиев узел весьма сложных и запутанных предыдущими событиями кубано - добровольческихъ отношений, или же вынести доверие Войсковому Атаману, уверенно и клятвенно заверявшему Раду в полной возможности мирным путем ликвидировать конфликт... Чле-

ны Рады понимали, что переход исполнительной власти в руки самостийников неизбежно повлечет за собой чрезвычайное осложнение внутреннего положения Кубани и кубано – добровольческую войну, результаты которой совершенно неизвестны...

Перед голосованием был об'явлен перерыв, во время которого выяснилось, что большинство членов Рады стоит за мирное разрешение конфликта и что предложение самостийников, сделанное председательствующим в Раде И. Макаренко, принято не будет, а Рада выразит доверие Атаману Филимонову, дав этим ему возможность в полном об'еме применить власть главы Кубанского Края и его вооруженных сил...

Действительную роль генерала Филимонова в кубано – добровольческом столкновении тогда знали только заговорщики.

Учтя создавшуюся обстановку в самой Раде, председательствующий И. Л. Макаренко после перерыва выступил перед Краевой Радой с заявлением, в котором пояснил, что раз Краевая Рада в такой, решающий судьбу Края, момент не поддержала его предложения, он слагает с себя обязанности заместителя председателя Рады.

После этого Краевая Рада выразила доверие Филимонову. Многие из самостийников не приняли никакого участия в голосовании и только наблюдали за голосованием...

Атаман Филимонов взял потом слово для благодарности Раде за оказанную ему поддержку в тяжелые, роковые минуты жизни Кубани. Об этой речи Атамана его единомышленник и соратник в борьбе против самостийников, Д. Е. Скобцов, говорит следующее:

...«В большое смущение привел Филимонов многих, если не всех, при вторичном своем выступлении в том же заседании. Речь шла все о том же злочастном приказе Деникина, о поручении Войсковому Атаману добиться отмены его и не допустить роковых его последствий. Перед нами стоял уже не первый гражданин своего Края и не стойкий защитник прав и достоинства Войска, а человек, усваивающий для себя лишь роль жалкого ходатая. «Я пойду на пря-

мой провод, я буду просить, буду умолять ген. Деникина»... (цит. статья Скобцова, стр. 243).

Этому не приходится удивляться. Филимонов, как это стало известно только много лет спустя, сам принимал участие в заговоре и в его осуществлении: когда нужно было по планам заговорщиков, Филимонов собрал Краевую Раду; перед началом ее работ Филимонов устранил начальника стражи г. Екатеринодара; когда Филимонов увидел, что начало работ Рады сопровождалось победой самостийников, он послал Деникину телеграмму о том, что член Рады и Парижской делегации А. И. Кулабухов подписал договор с Горской Республикой и эта телеграмма послужила сигналом к наступлению Деникина на Кубанскую Раду, при этом, нет сомнения в том, что Филимонов, посылая эту телеграмму, прекрасно сознавал ее значение; 26-го октября Филимонов протестовал против выбора кандидата самостийников в заместители председателя Рады; когда генеральский натиск на Раду потерпел поражение, Филимонов 27 октября прочитал в Раде приказ Деникина о предании военно- полевому суду членов Парижской делегации; чтобы не обнаружить своей действительной роли в подготовляемом перевороте, Филимонов 30 октября публично опротестовал телеграмму Деникина о предании членов Кубанской делегации военно - полевому суду; в то же время Филимонов выступил в Раде с горячей речью в защиту ген. Науменка, который сыграл такую гибельную роль на Кубани; 2-го ноября Филимонов об'явил в Раде распоряжения генералов о включении Кубани в тыловой район Кавказской армии и о назначении Покровского командующим войсками этого района; Филимонов письмом пригласил к себе на «совещание» членов Рады, намеченных к аресту и казни; когда это не удалось, Филимонов вместе с Покровским составляет список членов Рады, подлежащих аресту, и после этого «полюбовного» решения с Покровским в атаманском дворце, Филимонов принимает «ультиматум» Покровского о выдаче этих членов Рады; в тот же вечер Филимонов везет в Раду распоряжение Покровского о выдаче А. И. Кулабухова; когда в Раде был поставлен вопрос о передаче временной власти са-

мостийникам, Филимонов выступил с клятвенными заверениями перед Радой, имевшими целью добиться доверия Рады и провалить предложение самостийников; когда же Рада поверила Филимонову, не приняв предложения самостийников, Филимонов снова выступил перед Радой в той роли, которую в действительности играл все время на Кубани — в роли «жалкого просителя»...

Эта речь Филимонова была вступлением к тому предательскому делу, которое было совершенно 6-го ноября.

Снова победил сторонник ген. Деникина. Самостийники понесли весьма тяжелое и роковое для Кубани поражение...

Вотировав доверие Филимонову, Краевая Рада прекратила заседание после 4-х часов ночи и ее члены с тяжелыми чувствами расходились в ночном мраке по квартирам...

А Атаман в автомобиле спешил на совещание с ген. Покровским о дальнейших шагах заговорщиков, так как никто из самостийников еще не был арестован...

Ночное заседание Краевой Рады под 6-е ноября окончилось, как сказано выше, в четыре часа с минутами, а утреннее должно было начаться в 9 часов утра. Атаман Филимонов честным словом обязался хранить ненарушимость Кубанской Конституции. Ген. Покровский без прямого согласия Филимонова не мог распоряжаться воинскими частями в пределах Кубани, а потому никакого переворота совершить бы не смог...

Что же в действительности произошло утром 6-го ноября?

На совещании Покровского с Филимоновым было решено, что Войсковой Атаман пригласит к себе во дворец предназначенного к аресту члена Рады и Заграничной делегации А. И. Кулабухова и членов Рады Д. Е. Скобцова, Ф. С. Сушкова, И. В. Горбушина, Ф. Т. Аспидова, ген. Н. М. Успенского и полк. Успенского.

Какими мотивами об'ясняли А. И. Кулабухову его вызов во дворец, нам неизвестно, так как по прибы-

тии его в атаманский дворец он был там задержан, потом арестован и перевезен в штаб Покровского, там осужден и утром повешен, при чем до своей смерти он никому не мог сказать ничего о том, что ему говорили или писали, приглашая его к Атаману, другая же сторона пока еще молчит об этом.

Необходимо отметить, что даже среди главных заговорщиков не было точно установлено, что собственно конкретно надо было провести на Кубани для обеспечения интересов России: 8-9 октября Деникин, Врангель, Лукомский и Соколов сошлись на признании необходимости изменения Конституции Кубани с целью упразднения Законодательной Рады, уничтожения закона о Кубанской армии и укрепления единоличной власти атамана; 21-го октября Врангель писал Покровскому о совершенной недопустимости «каких бы то ни было вооруженных выступлений, арестов и т. д.»; 25 октября Деникин издал приказ о предании военно-полевому суду членов Кубанской заграничной делегации; 27 октября из Екатеринодара Врангель писал ген. Лукомскому уже о необходимости «перейти от угрозы к действиям», быть готовым к применению силы»; 29 октября Врангель пришел к заключению — «ясно было и то, что теперь добиться упразднения Законодательной Рады и изменения «Положения об управлении Краем» в смысле нам желательном возможно было лишь насильственным путем», при чем Врангель хотел всю ответственность за переворот возложить на Деникина; 31 октября Деникин приказал Врангелю привести в исполнение приказ об аресте членов Кубанской заграничной делегации и, в то же время, весьма туманно говорил о необходимости «принять по Вашему усмотрению все меры к прекращению преступной агитации»; того же 31 октября Врангель приказал конкретно «арестовать члена Парижской делегации, а равно всех тех лиц, из числа намеченных Вами, деятельность коих имеет определенные признаки преступной агитации» и далее приказывалось арестованных предать суду и «приговор суда приведите в исполнение безотлагательно»; а 1-го ноября Врангель получил письменное приказание Деникина «привести в исполнение приказание по телеграмме Нр.

016729 в отношении Кулабухова» и ничего в этом приказании не говорилось об аресте других членов Рады...

При всех этих условиях широкое поле деятельности отводилось для ген. Покровского, согласно совершенно ясному приказанию Деникина от 1-го ноября, обязанному действовать в согласии с Кубанским Войсковым Атаманом Филимоновым. Иначе говоря, Деникин требовал ареста только одного Кулабухова, да и этот арест Покровский должен был произвести, только посоветовавшись с Филимоновым. Что же касается дальнейших шагов переворотчиков, то и тут в полной мере должна была проявиться воля Кубанского Атамана Филимонова...

Краевая Рада, поверив лживым речам Филимонова, выразила ему свое доверие. Замечательно и то, что в это же время Деникин тоже доверял Филимонову, иначе он не приказывал бы осуществить переворот **«по обсуждении вопроса с Кубанским Войсковым Атаманом»**.

Ну, а если бы этот Атаман, поклявшись ночью под 6-е ноября перед Радой защитить самостоятельность, честь и достоинство **Войска Кубанского** и получив от Рады ту поддержку, которой добивался, **категорически заявил бы** Покровскому и всем, стоящим над ним, генералам, **что Кубанский Атаман категорически воспрещает русским генералам какие либо действия, направленные против Кубани, против Рады, против ее членов, против членов парижской делегации; что, если бы Филимонов утром 6 ноября обратился к населению Кубани и к кубанским войскам с определенным приказом, в котором бы, опираясь на кубанскую Конституцию, на волю Кубанской Краевой Рады, решительно и при том единогласно опротестовавшей все распоряжения генералов-заговорщиков, и в этом приказе ясно сказал бы, что Кубанский Атаман категорически воспрещает деятельность в пределах Кубани властей, поставленных не от Кубанской Рады и не назначенных Кубанским Атаманом и правительством,** что бы тогда мог сделать ген. Покровский со своей группой офицеров?...

Является абсолютно ясным и ни в какой степени неоспоримым, что Кубанский Атаман совершенно лег-

ко мог не допустить того, что произошло в Екатеринодаре 6-7 ноября. Последовавшие аресты и самая казнь казака-мученика А. И. Кулабухова произошли только благодаря явному попустительству со стороны Атамана.

К 9-ти часам утра 6-го ноября в центр Екатеринодара, поближе к зданию, где заседала Краевая Рада, были стянуты Софийское и Кубанское военные училища и из ст. Пашковской подтянута кубанская конная бригада полк. Буряка с батареей.

Важно подчеркнуть, что войскам было об'явлено, что они выходят на парад. Почему для парада войска располагались по улицам гор. Екатеринодара, а не собирались на какой нибудь площади, по какому поводу устраивается парад, — это не было известно. Действительные цели стягивания войск к центру Екатеринодара «на парад» знали только старшие начальники частей.

В то время, как около 9-ти часов утра войска постепенно занимали указанные им места по Красной улице и по Гоголевской, напротив Рады, члены Краевой Рады, морально и физически измученные всем предыдущим, собирались на заседание...

Около половины 10 часа утра члены Рады были уже в сборе и занимали свои места в зале заседаний. Большинство членов президиума Рады тоже были за столом президиума, но заседание Рады почему-то не начиналось. Члены Рады вели тихие разговоры между собою. Публика отсутствовала.

Почему же президиум не начинал заседания Рады?

В это самое время, когда члены Рады собирались на заседание, а войска стягивались к зданию Рады, во дворце Кубанского Войскового Атамана происходило весьма важное заседание, на котором присутствовали следующие лица: Атаман А. П. Филимонов, ген. Покровский и приглашенные Атаманом члены Краевой Рады — Д. Е. Скобцов, Ф. С. Сушков, ген. Н. М. Успенский, И. В. Горбушин, Ф. Т. Аспидов и полк. Успенский.

Как видно из сообщений самих участников этого совещания, Покровский об'явил присутствующим о его

намерении немедленно арестовать и предать военно-полевому суду целый ряд членов Рады. Присутствующие протестовали против «мер жестокой расправы с политическими противниками — членами Рады» и убеждали Покровского дать согласие на посылку делегации Краевой Рады к ген. Деникину.

Участник этого совещания Д. Скобцов рассказывает: ...«Единодушие мнений несомненно смутило Покровского. Уже с меньшей самоуверенностью он заявил, что вопрос идет совсем не о расправе с названными лицами, необходимо лишь их обезвредить. Он де сам против кровопролития, поэтому хорошо было бы, если бы названные лица сами отдались бы ему, а он ручается, что даже «волос не упадет с их головы».

И далее Скобцов продолжает: «Сказав это, он посмотрел на часы, которые носил браслетом на руке, и более решительно заявил: «Уезжая де во дворец, он отдал приказание своим полкам в такое-то время (он назвал 11 или 12 часов) выступить из станицы Пашковской в Екатеринодар. У нас совсем мало времени. Войска теперь выступили. А раз придут войска, я должен им указать цель движения. Если к этому времени названные лица не отдадутся ему в руки... Подумайте, господа»...

Сказав это, он вышел. **За ним последовал Войсковой Атаман и в полуотворенную дверь видно было, как они рука об руку ходили по Малому залу (во втором этаже) взад и вперед», повествует** Д. Скобцов.

Вот это хождение Покровского и Филимонова «рука об руку» было наглядным внешним проявлением полного сотрудничества выборного Кубанского Войскового Атамана А. П. Филимонова с кровавым агентом Добрармии — ген. Покровским, при осуществлении переворота на Кубани... Покровский потребовал выдачи А. И. Кулабухова и других членов Рады, Покровский растоптал Кубанскую Конституцию, Покровский насмеялся над правами Кубанского Казачьего Войска, завоеванными морями крови казачьей, Покровский бесконечно унизил самого Атамана, бесцеремонно, как на своей кухне, распоряжался в атаманском дворце, но Войсковой Атаман, только перед несколькими часами поклявшись перед Краевой Радой в

своей преданности Кубани, верности присяге, решительном желании во всеоружии атаманской власти выступить на защиту попираемых прав Кубани, Филимонов — дружески беседовал с палачем Кубани о дальнейших шагах для осуществления переворота...

Какова же была дальнейшая роль иных участников утреннего совещания в атаманском дворце?

Оговоримся еще раз: все наше изложение о ходе трагических для Кубани событий мы стараемся вести с наибольшей об'ективностью, чтобы кого-либо из участников этих ужасных событий не выставить в роли, ему в действительности не принадлежащей. Поэтому, повторяем, мы принуждены довольно часто обращаться к тому, как эти события описаны самими участниками их, в необходимых случаях вводя неизбежные коррективы, так как мы располагаем данными о линии поведения всех групп политических деятелей, участвовавших в перевороте: верхов «белого» движения, кубанской группы лиц, сочувствовавших идее переворота или принимавших то или иное участие в его осуществлении, и группы кубанцев, к устранению которых с политической арены или просто к уничтожению которых шли руководители русского антибольшевицкого движения на Юге и их русские единомышленники среди кубанцев. Кроме того, мы располагаем данными о поведении массы населения Кубани, выявившемся в постановлениях Краевой Рады, в поведении войсковых кубанских частей, юнкеров Кубанского военного училища и т. д.

«По нашему общему мнению было важно прежде всего выиграть время», продолжает Д. Скобцов. «Попав в положение людей, которым стала известна заблаговременно подробность намеченной кампании — войска вышли, войска двинутся и должны иметь реальную задачу (отметим, что здесь Д. Скобцов правильно говорит, что им «стала известна заблаговременно **подробность** намеченной кампании, так как в действительности Д. Скобцов и другие еще задолго до этого совещания 6-го ноября во дворце Атамана были хорошо осведомлены о том, что руками Покровского осуществляется кровавая расправа на Кубани. Ред.), — мы решили довести до сведения заинтере-

сованных лиц и всей Рады о сущности опасности, а также решили точно сообщить требования Покровского.

При этом для всех нас его фраза о том, что «волос не упадет с их головы» в устах подобного суб'екта представлялась полной двусмысленностью. Мы решили добиться от Покровского, быть может, менее торжественной фразы, но более реально формулированной гарантии жизни членов Рады, над которыми повис «меч Покровского». С общего согласия Ф. Т. Аспидов взялся поехать в Раду и сообщить там и эту формулу гарантии и всю сущность разговора с Покровским.

На себя мы смотрели лишь, как на могущих передать это, но какое-либо моральное давление нами совершенно исключалось (на кого давление: на Покровского, на подлежащих аресту или на Раду? прим. Ред.). Через несколько минут возвратился Покровский. По нашей просьбе он расшифровал свою туманную формулу, дав «слово русского офицера», что жизни указанных лиц опасность не угрожает. Вместе с тем он обещал не препятствовать сношению Рады через свою делегацию с ген. Деникиным, а, до выяснения судьбы задержанных, оставить их во дворце Атамана.

Мы сообщили ему о готовности Ф. Т. Аспидова поехать в Раду и сообщить всю суть нашего разговора там. После некоторого раздумья Покровский согласился, поставив вопрос так, что остальным из нас следовало бы остаться во дворце до получения вестей из Рады» (все выше приведенные цитаты о ходе совещания во дворце Атамана взяты из выше неоднократно уже цитированной нами статьи Д. Скобцова: «Драма Кубани», стр. 245-247).

Фактически от этого совещания во дворце Кубанского Атамана в Раду были посланы двое: Ф. Т. Аспидов и полк. Успенский. Они везли с собою следующий список лиц, которые должны были явиться во дворец Атамана: Петр Макаренко, Иван Макаренко, Ф. К. Воропинов, С. Ф. Манжула, Г. В. Омельченко, Т. К. Роговец и К. А. Безкровный. Главная жертва — А. И. Кулабухов — отсутствовал в списке потому, что

его с утра Атаман пригласил к себе во дворец, где он и был задержан, хотя сразу арестован не был.

Явившись в Раду, Ф. Т. Аспидов и полк. Успенский направились прямо в президиум, ища лиц, поименованных в списке. Ф. Аспидов был товарищем председателя Рады, в Законодательной Раде был активным председателем Земельной Комиссии, разрабатывавшей Земельный Закон в Законодательной Раде, когда обсуждался вопрос об административной, аграрной и рабочей политике руководителей Добр. армии и Особого Совещания, Ф. Т. Аспидов выступал в Раде с довольно резким осуждением этой политики. Когда в октябре надвигались грозовые монархические тучи над Кубанской Законод. Радой, Ф. Т. Аспидов в заседании этой Рады выступил с резким осуждением монархических затей. Кроме того, он бывал в гостях у некоторых из тех лиц, которые значились теперь в списке. Все эти данные об Аспидове были причиною того, что руководители самостийников относились к нему с известным доверием. Все это хорошо было известно организаторам переворота. Поэтому выбор его в делегаты от совещания во дворце был сделан удачно.

Другой делегат, полк. Успенский, был ад'ютантом ген. Романовского — начальника штаба Деникина, так что в лице полк. Успенского могла быть представлена военная партия Кубани, с большим сочувствием относившаяся к делу Деникина и к методам его государственного творчества.

Эти два делегата из атаманского дворца, прибыв в Раду около 10 часов утра, из лиц, значащихся в выше приведенном списке, нашли в Раде только Ф. К. Воропинова, Г. В. Омельченко и Т. К. Роговца, позже пришел П. Л. Макаренко. Посланцы из дворца обратились к этим лицам и об'яснили им, что во дворце Кубанского Атамана было только что совещание в составе ген. Филимонова, ген. Покровского, Д. Е. Скобцова, Ф. С. Сушкова, И. В. Горбушина, Ф. Т. Аспидова, ген. Успенского и полк. Успенского, что это совещание обсуждало вопрос о выходе из создавшегося к утру настоящего дня положения, что бывшие на совещании кубанцы находят крайне желатель-

ным и неизбежным для ликвидации конфликта, возникшего между Добровольческой армией и Кубанью, посылку делегации от Краевой Рады к главнокомандующему в гор. Таганрог, но что командующий тыловым районом Кавказской армии ген. Покровский в самой категорической форме отказывается пропустить делегацию от Кубанской Рады к Деникину, если только в Раде будут оставаться следующие лица: П. Л. Макаренко, И. Л. Макаренко, К. Я. Безкровный, Ф. К. Воропинов, С. Ф. Манжула, Т. К. Роговец и Г. В. Омельченко; как особенно выразительно пояснял полк. Успенский, тут идет теперь дело просто о самолюбии ген. Покровского; чтобы найти выход из создавшегося положения, совещание, происходившее во дворце Атамана, решило обратиться к названным лицам с настойчивым предложением и советом проехать во дворец к Кубанскому Войсковому Атаману и побыть там до тех пор, пока Краевая Рада изберет делегацию и пока эта делегация не выедет из Екатеринодара к ген. Деникину; если же названные лица не послушаются данного им убедительного совета, ген. Покровский делегацию Рады не выпустит, применит оружие и произойдет в столице Кубани кровопролитие, которого можно избежать...

Члены Рады П. Макаренко, Т. Роговец, Г. Омельченко и Ф. Воропинов ответили делегатам из Атаманского дворца, что в Раду будут приглашены отсутствующие теперь, но входящие в список, И. Макаренко, С. Манжула и К. Безкровный и на совместном совещании всех вызываемых во дворец будет обсуждено предложение, привезенное Ф. Аспидовым и Успенским, и будет дан потом ответ...

С разрешения присутствовавшего здесь заместителя председателя Законодательной Рады Султан-Шахим-Гирея из охраны Рады были посланы гонцы к отсутствовавшим трем членам Рады с просьбой прибыть в Раду для разрешения весьма важного вопроса.

Все эти переговоры происходили на сцене театра, позади стола президиума; члены Краевой Рады были уже в сборе, сидели на своих местах, ожидая открытия работ Рады. Все члены Рады до крайности были измучены всем тем, что происходило в Раде, начиная

с 27 октября, когда Войсковой Атаман Филимонов доложил в Раде приказ Деникина о предании военно-полевому суду членов Кубанской Заграничной делегации. Особенно тяжело отразились на настроении всех членов Рады вышеописанные события последней ночи с 5-го на 6-е ноября, закончившиеся, как известно, вотумом доверия Филимонову, обещавшему использовать всю полноту атаманской власти для защиты Кубани... Тем не менее, члены Рады, после бурной, мучительной и бессонной ночи собираясь на заседание Рады, видели, что к зданию Рады подтягиваются военные училища в полном составе и подходят казаки бригады Буряка. Против входа в Раду расположилась сотня Кубанского военного училища...

Входы в Раду охранялись усиленными нарядами казаков из отряда Рады, бывшего в подчинении председательствующего в Раде Султан-Шахим-Гирея.

Скоро в Раду прибыл еще один из вызываемых — С. Ф. Манжула. Офицер, посланный на квартиры к И. Л. Макаренко и К. А. Безкровному, возвратившись в Раду, доложил, что этих двух членов Рады он дома не нашел и неизвестно, где они находятся. А. И. Кулабухова тоже не было, ни на квартире, ни в Раде...

По получении этих сведений состоялось совещание в составе членов Рады — П. Макаренка, Г. Омельченка, С. Манжулы, Ф. Воропинова и Т. Роговца. Могло быть принято одно из трех решений: 1). Во дворец Атамана не идти и начать вооруженную борьбу против насильников, 2) тем лицам, которым предложено идти в атаманский дворец, скрыться, к чему была еще возможность и 3) последовать совету совещания, происходившего во дворце под председательством Войскового Атамана.

Вся обстановка в Раде и вне ее после прошлой ночи была настолько неблагоприятной для начала вооруженной борьбы, что никто из членов этого летучего совещания членов Рады, вызываемых в атаманский дворец, даже и не предлагал начать бой. Ведь, для достижения победы самостийники должны были бы не только ликвидировать гнездо ген. Покровского, но и всех кубанцев, которые по тем или иным причинам с оружием в руках стали бы на сторону заговорщи-

ков. Надо было ликвидировать деникинцев, захватить власть, взять в свои руки ведение всей вооруженной борьбы против надвигавшихся большевицких армий. Словом, надо было суметь победить в самом Екатеринодаре, по всей Кубани, на фронте борьбы против большевицкой России и на новом фронте борьбы против белой России... Весь Южный фронт уже терпел поражение.

Но не только эти величайшие задачи стояли перед самостийниками. Прошлую ночь они понесли в самой Краевой Раде большое моральное поражение: Рада поддержала Филимонова.

Чрезвычайно угнетающе действовало и то, что ни : Дона, ни с Терека, куда были посланы, как мы говорили выше, делегации Краевой Рады, не приходило даже моральной поддержки.

Пока шло это совещание несколько раз подходил к совещавшимся на сцене полк. Успенский и убедительно просил поспешить с решением. Так совещание затянулось до 12 часов дня. Заседание Рады не открывалось, так как президиум Рады знал хорошо, что происходит около его стола. Члены Рады сидели на своих местах и не знали о происходящем.

Вдруг в зале заседания Рады появляется исполняющий обязанности члена Кубанского Правительства по военным делам ген. Звягинцев, быстро проходит на сцену с правой стороны, став лицом к группе вызываемых во дворец, вытянулся и отчетливо выкрикнул: «Генерал Покровский у ворот!» Потом сделал налево кругом и также быстро ушел со сцены...

Потом на сцене появился председатель Кубанского Правительства П. И. Курганский. Узнав в чем дело, он предложил вызываемым во дворец: «Я здесь имею автомобиль, я поеду с Вами»...

Таким образом, Кубанский Атаман, действуя совместно с Покровским и некоторыми видными кубанцами, приглашал группу представителей самостийников обязательно прибыть во дворец, дабы, избежав кровопролития, найти мирный выход из создавшегося весьма тяжелого положения; председатель Кубанского Правительства, сочувствуя вызываемым во дворец, предлагал сам туда же поехать с ними; а воен-

ный министр Кубани, который 26 октября распубликовал в газетах открытое письмо к президиуму Рады, защищая честь и достоинство кубанских генералов, теперь появился на сцене, чтобы прокричать: «Генерал Покровский у ворот!»

Фактически вопрос шел о головах небольшой группы членов Рады, вызываемых в атаманский дворец. Важным было и то, что трое из подлежащих аресту — А. И. Кулабухов, И. Л. Макаренко и К. А. Безкровный — в Раде отсутствовали и находились неизвестно где. Предполагалось, что все они уже арестованы... Потом оказалось, что А. И. Кулабухов был арестован, а остальные двое — скрылись.

При всех этих обстоятельствах вызываемые во дворец решили: боя не начинать и сдаться. Против этого решения категорически стоял один из вызываемых — Ф. К. Воропинов.

По поручению вызываемых во дворец, первый стоявший в списке их — П. Макаренко обратился к товарищу председателя Краевой Рады Султан-Шахим-Гирею с просьбой открыть заседание Рады и дать слово для внеочередного короткого заявления. Обе эти просьбы Султан-Шахим-Гирей исполнил немедленно.

Получив слово, П. Макаренко доложил Раде о прибытии из атаманского дворца делегатов — Ф. Т. Аспидова и полк. Успенского, доложил о сделанном этими делегатами предложении от имени совещания, происходившего во дворце, отметил личный состав совещания и заявил: «Дабы не быть инициаторами кровопролития на Кубани в такие грозные времена, мы решили отправиться во дворец; пусть берут наши головы, если они нужны». После этого взял слово Ф. К. Воропинов и заявил, что он не согласен с принятым решением, что он предпочитал бы застрелиться здесь, на месте, но, подчиняясь воле большинства вызываемых, он тоже направляется во дворец.

Когда члены Рады П. Макаренко, Г. Омельченко, Т. Роговец, С. Ф. Манжула и Ф. К. Воропинов спустились со сцены в партер и проходили перед сидящими на своих местах членами Краевой Рады, делегат из дворца Атамана полк. Успенский, обращаясь ко всем членам Рады, громко сказал, что отправляющиеся во

дворец делают патриотическое дело и потому полк. Успенский приглашает всех членов Рады в честь уходящих — встать. Все члены Рады молча встали, поднялись и члены президиума и все молчаливыми взглядами провожали уходивших...

Когда члены Рады вышли из здания Рады на улицу, их взорам представилась следующая картина: по обеим сторонам выхода на улицу толпились кубанские офицеры; между ними, против входной двери, вертелся ген. Покровский, на противоположном тротуаре улицы стояла сотня юнкеров Кубанского военного училища... Один из офицеров окружения ген. Покровского — кубанец полк. Непокупной, лихо выхватывая наган из кобуры и произнося кабацкую ругань, бросился к выходящим. Ген. Покровский, порывисто размахивая плетью, прокричал: «Оставить! Оставить! Оставить!» С искривленной неистовой физиономией полк. Непокупной отступил в толпу своих сотоварищей...

Потом членов Рады посадили в два крытых автомобиля — один председателя Кубанского Правительства, а другой еще чей-то и отправили во дворец. В вестибюле дворца находилась толпа офицеров-казаков и не казаков. Прибывших членов Рады направили в большой зал, обезоружили и ввели в угловую комнату дворца.

В это время в одной из комнат второго этажа во дворце находились члены совещания, от имени которого арестованных теперь членов Рады «приглашали» в атаманский дворец...

Приблизительно через полчаса к арестованным зашли ген. Покровский и Кубанский Атаман Филимонов. Ген. Покровский заявил: «Господа, я сделал то, что мне приказал главнокомандующий Деникин, без дальнейших распоряжений которого с вашей головы волос не спадет. Теперь я иду на прямой провод доложить главнокомандующему». Потом Атаман Филимонов заявил арестованным: ...«Я все содержание Ваше принимаю на Войсковой счет... Я тоже иду на телеграф и буду просить»...

Еще через полчаса арестованных перевезли в штаб Покровского. А. И. Кулабухова эти члены Рады

не видели, так как его покровцы держали в отдельной небольшой комнате.

После того, как члены Рады, вызванные в атаманский дворец, вышли из помещения Рады, ген. Покровский послал к председательствующему в Краевой Раде Султан-Шахим-Гирею требование: снять охрану Рады. Председательствующий немедленно подчинился этому требованию. Ген. Покровский приказал ввести в Раду кубанских юнкеров для несения караульной службы...

После этого Краевая Рада избрала особую делегацию к ген. Деникину и дала этой делегации наказ идти на такие уступки:

«1. Кубанская делегация во Франции лишается своих полномочий.

2. Куб. краевая Рада вновь торжественно подтверждает свою решимость вести борьбу с большевиками до победного конца в полном единении с Добровольческой армией.

3. В интерасах борьбы за возрождение Единой, Великой, Свободной России должна быть организована общая власть на юге России с сохранением для Кубани, Дона и Терека автономии в их внутреннем самоуправлении».

Кроме того, Делегации поручается просить ген. Деникина:

1. Поручить организацию следствия и суда над членами Кубанской делегации во Франции — Кубанской судебной власти с участием, если того пожелает ген. Деникин, его представителей.

2. Освободить членов Рады. Если и это невозможно, то судить их в Кубанском суде.

3. Передать командование кубанскими тыловыми частями Кубанскому Войсковому Атаману.

Это постановление Рады было принято единогласно.

Разрешив эти вопросы, Рада прервала работу до следующего дня. Когда члены Рады расходились по квартирам, были арестованы члены Рады — полк. **Фесько,** есаул **Подтопельный, В. С. Жук, А. И. Балабас** и его брат — не член Рады, и тоже привезены в штаб ген. Покровского.

После этого ген. Покровский отдал приказ об аресте еще трех человек: **И. А. Билого, Л. В. Белашева** и **М. Зозули.** Но агенты Покровского фактически не в состоянии были произвести эти аресты.

Поздно вечером арестованным привезли больного тифом полк. **К. Гончарова.**

Избранная Радой делегация для поездки к ген. Деникину вечером того же дня посетила Покровского и просила его об облегчении участи арестованных.

Победа русских над Кубанью была полная. Вечером 6-го ноября Покровский сообщал Врангелю в Кисловодск следующее:

«Ультиматум был мною пред'явлен вчера, срок истекал к 12 часам дня. Сущность ультиматума вам известна. От 9 1/2 до 12 велась торговля. На совещании у Атамана присутствовали: Сушков, Скобцов, Горбушин, оба Успенские и еще какой-то член, не помню. Все уговаривали меня во избежание кровопролития отказаться от своих требований и убеждали дать согласие на посылку делегации Главкому. В виду полной неприемлемости и явно намеренной оттяжки, я к 12 часам отказался продолжать переговоры и направился к войскам. В этот момент совещание признало необходимым выдать мне Кулабухова, которого я арестовал и отправил к себе на квартиру. Тут же совещание по вопросу о выполнении моего второго требования — выдачи мне лидеров самостийников, постановило ехать в Раду и потребовать от них сдачи мне. Прибыв к войскам, состоящим на 3/4 из Екатеринодарского гарнизона, я был встречен ими криками «ура», мною был послан в Раду офицер, передавший президиуму мое требование — немедленно выдать мне лидеров и собрать Таманский дивизион охраны Рады, для сдачи оружия. В виду затяжки с ответом и истечения срока, мною была введена в Раду сотня для занятия караулов и разоружения таманцев. Против Рады была выстроена также сотня. В период процесса безболезненного разоружения ко мне стали являться самостийники, которые тут же арестовывались и отправлялись во дворец. Рада реагировала на все мои требования сочувственно. В данный момент у меня на квартире сидят: Петр Макаренко, Омельченко, Воропинов, Манжу-

ла, Феськов, Подтопельный, Жук, Балабас и сын Безкровного; брат Рябовола, Иван Макаренко и Безкровный скрылись и разыскиваются. Дальнейшие аресты производятся. Таманцы обезоружены и взяты под стражу. Рада выбрала делегацию для посылки Главкому, с из'явлением покорности и с декларативными заявлениями об ориентации на Единую Россию, делегация сидит у меня. Обратный мой проезд во дворец сопровождался криками «ура» всего населения. Убедившись в безболезненном окончании операции, атаман решил, что он может оставаться у власти, сочувствия со стороны политических деятелей нет, в данное время общая ситуация совершенно не в его пользу. После окончания разговора с вами, я соединяюсь со ставкой, дабы мой последующий совместный с Филимоновым разговор со ставкой, который я вынужден был ему обещать, не дал бы смягчающих решений в ставке». (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 232).

В этом донесении Покровский многое напутал умышленно, многое подкрасил. Процесс арестов нами изложен в полном соответствии с действительностью. Точно также и снятие караулов в Раде произошло по распоряжению председательствующего. Ни население, ни тем более войска, кроме сотни, стоявшей напротив дверей Рады, решительно ничего не знали об арестах, так как самый арест членов Рады был произведен во дворце Атамана. Последовавшую затем перевозку арестованных из дворца в штаб Покровского произвели в закрытых автомобилях и с опущенными шторами. Так что снова ни население, ни войска не видели арестованных...

Из этого донесения Покровского видно, что он считался с мнением Филимонова.

Получив донесение Покровского, Врангель в тот же вечер, 6 ноября, издал нижеследующий приказ:

«Приказ Кавказской армии. Нр. 557. 6 ноября 1919 г. Г. Кисловодск.

Прикрываясь именем кубанцев, горсть предателей, засев в тылу, отреклась от Матери-России. Преступными действиями своими они грозили свести на нет все то, за что десятки тысяч кубанцев пролили свою кровь. Некоторые из них дошли до того, что

заключили преступный договор с враждебными нам горскими народами, договор предания в руки врага младшего брата Кубани — Терека. Пытаясь развалить фронт, сея рознь в тылу и затрудняя работу Атамана и Правительства в деле снабжения и пополнения армии, преступники оказывали содействие врагам России, той красной нечисти, которая год тому назад залила Кубань кровью. Как командующий Кавказской армией, я обязан спасти армию и не допустить смуты в тылу. Во исполнение отданного мною приказания, командующим войсками тыла армии ген. Покровским взяты под стражу и преданы военно-полевому суду в первую голову **двенадцать** изменников. Их имена: Кулабухов, Безкровный, Макаренко, Манжула, Омельченко, Балабас, Воропинов, Феськов, Роговец, Жук; Подтопельный и Гончаров. Пусть запомнят эти имена те, кто пытался бы идти по их стопам. Ген. Врангель».

Поздно вечером А. И. Кулабухов был предан военно-полевому суду, который вынес следующее постановление:

1919 г., ноября 6 дня, г. Екатеринодар. Военно-полевой суд, учрежденный на основании приказа командующего войсками тылового района Кавказской армии от 6 ноября нр. 6, в составе председателя полк. Камянского, членов: есаула Лычева, есаула Прудий, есаула Зекрач и есаула Хорина, рассматривал дело об Алексее Ивановиче Кулабухове, казаке станицы Ново-Покровской, Куб. обл., и признал его виновным в том, что в июле текущего года он, в сообществе с членами Кубанской делегации: Бычем, Савицким Намитоковым, с одной стороны, и представителями Меджилиса горских народов: Чермоевым, Гайдаровым, Хазаровым, Бамматовым, с другой стороны, подписал договор, явно клонящийся к отторжению Кубанских воинских частей в распоряжение Меджилиса, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 100 части 3-й и 2-й ст. 101 и 108 Уголовного Уложения, и приговорил его к смертной казни через повешение».

«Настоящий приговор подлежитъ представлению на утверждение командующего войсками тылового района Кавказской армии». (Подписи).

На приговоре резолюция: «приговор военно-полевого суда утверждаю. Покровский».

В ту же ночь палачи Покровского повесили А. И. Кулабухова на Крепостной площади в Екатеринодаре, недалеко от могилы убитого русскими же председателя Краевой Рады Н. С. Рябовола.

В тот же вечер, 6-го ноября, Врангель сел в Кисловодске в поезд и поспешил в Екатеринодар. Когда он прибыл в столицу Кубани, А. И. Кулабухов качался еще на виселице. Об этом знал весь город.

Как же отнеслись в Екатеринодаре к палачу Кубани?

«На вокзале я встречен был Войсковым Атаманом, чинами Войскового Штаба, Походным атаманом (ген. Звягинцевым), ген. Покровским и многочисленными депутациями», хвастается Врангель. «Почетный караул был выставлен от Гвардейского казачьего (подчеркивает Врангель с наслаждением) дивизиона. Верхом, в сопровождении ген. Покровского и чинов моего штаба, я проехал на квартиру ген. Покровского по улицам, где шпалерами выставлены были войска — полки бригады полковника Буряка, юнкерское училище (Врангель путает: никакого юнкерского училища в Е-ре не было, а было военное), части местного гарнизона. Отданный мною вчера приказ уже был отпечатан и расклеен на стенах домов в большом количестве экземпляров» (стр. 233).

И Врангель донес Деникину: «Приказание Ваше Нр. 016729 исполнено — член Парижской конференции Кулабухов арестован и по приговору военно-полевого суда сего числа повешен. Екатеринодар, 7 ноября 1919 г., Нр. 181. Врангель».

В это время на Крепостной площади в Екатеринодаре происходило следующее: ...«С утра ряд за рядом, кучка за кучкой, идут жители к площади, и такая же лента людей молча возвращается обратно.

«На площади высятся столбы, у которых молчаливо колышется толпа. Ни слова, ни рассуждения, ни радости, ни насмешки... Толпа слишком подавлена зрелищем, чтобы выражать свои мнения.

«Через толстую перекладину перекинута веревка, и труп при каждом порыве ветерка чуть-чуть по-

качивается, да полы серой черкески раздуваются и волосы повешенного чуть-чуть шевелятся.

«Придет новый человек, спросит у стоящих и не отрывающих глаз от трупа:

— Это Кулабухов?

«Спрашиваемый вздрогнет, повернется и, словно во сне, нехотя бросит:

— Да, Кулабухов!

«И снова глаза обращаются к доске, где химическим карандашем написаны слова:

— За измену России
и Кубанскому Казачеству. —

«И снова взгляд обращается на бледное лицо трупа. Снова и снова приходят жители, среди которых много военных, и изредка мелькает лицо какого-нибудь члена Рады.

«Ни охраны, ни часовых...

«Все так просто...

«А живая лента все вливается в ворота площади, суетясь и перегоняя друг друга...

«Правосудие совершилось». («Кубанское Слово»)...

Первая часть программы работы предателей и палачей Кубани была выполнена. Теперь генералы приступили к осуществлению второй части. Об этом Врангель рассказывает так:

7-го ноября «от ген. Покровского я проехал в Раду, где к приезду моему собрались все ее члены... Встреченный в вестибюле Атаманом и Председателем Правительства, я прошел в зал. При входе моем вся Рада встала и члены ее и многочисленная публика, заполнявшая трибуны, встретила меня аплодисментами. Атаман, поднявшись на трибуны, приветствовал меня речью:

«Добро пожаловать! Позвольте мне быть искренним и в этой искренности поведать вам наши тяжелые печали и наше тяжелое горе. Тяжкие испытания переживает сейчас Кубань. Тяжесть ответственности момента особенно глубоко чувствуется народными избранниками, здесь заседающими. Ошибки времени привели к тем событиям, которые тревожат и волнуют и удручают нас. Мы удручены, мы подавлены, в

головах и сердцах наших происходящие события отзываются тяжелым ударом. И великое беспокойтсво внедряется в умы наши...

...Мы, представители народа, обращаемся к вам с просьбой учесть момент, учесть жертвы, принесенные нами, и прежде чем принять решение относительно задержанных членов Краевой Рады, взвесьте всю обстановку, в которой мы живем и которая нас окружает. Рада обращается к вам от чистого сердца с просьбой освободить их и передать в наши руки (крики «просим»). Ваше превосходительство, Краевая Рада сумеет в спокойной деловой обстановке обсудить их деятельность и сумеет вынести и определить им должное. Это наша единственная и горячая просьба» («просим»).

Потом ген. Врангель произнес очень длинную речь, в которой повторил все свои клеветы на Кубань и на Законодательную Раду.

Вся рада, стоя, выслушала его речь. Врангель уехал на станцию.

Потом Рада избрала особую делегацию специально к Врангелю, чтобы просить его об освобождении арестованных. Рядом с этим Покровский особой записочкой на клочке бумажки пригласил к Врангелю человек 7-8 членов Рады, которые не принадлежали к самостийникам. В числе этих был и известный уже нам Д. Скобцов.

Ген. Врангель, опираясь на помощь своих сторонников в Раде, решил добиться изменения Конституции Кубани в том смысле, как это было задумано заговорщиками еще 8-9 октября на совещании в Таганроге-Ростове. Поэтому «избранной Радой делегации ген. Врангель заявил о твердом своем решении «не оказывать послабления в отношении захваченных членов Рады».

Делегация Рады у Врангеля успеха не имела, зато приглашенные Покровским члены Рады вечером договорились с Врангелем на том, что на следующий день проведут через Раду те основные изменения, на которых настаивали русские.

«Всю ночь у меня на квартире занимались мы составлением проекта изменения Краевой конституции. Утромъ были привлечены к работе радянские юристы,

а в дневном заседании Рады изменения были приняты», повествует Д. Е. Скобцов (там же, 256).

О сути этих изменений говорить здесь не будем, так как Рада приняла все то, чего добивались генералы. Ген. Врангель с полным правом мог в тот же день телеграфировать Деникину:

«Идя навстречу высказанным мною пожеланиям, Краевая Рада приняла закон об изменении Временного положения об управлении Кубанским краем, пойдя в этом отношении даже далее моих предположений. С своей стороны, удовлетворяя ходатайство Рады, обещал сохранение жизни преданным суду лицам. Екатеринодар, 8 ноября 1919 г. Нр. 168. Врангель».

Неправдою в этой телеграмме является утверждение Врангеля о том, что будто-бы, кроме Кулабухова, кто-то из арестованных 6-го ноября членов Рады был предан суду. Фактически их суду не предавали, но их головами торговали, добиваясь от Рады нужных для «белых» изменений в Конституции.

Выехавшая 7-го ноября к Деникину делегация Рады, была принята им на станции в Ростове. Глава этой делегации, Ф. Щербина, потом доложил в Раде: «Выслушав делегацию, ген. Деникин ответил: «То, что произошло по моим распоряжениям, — я сделал с болью в сердце, но этого требовали интересы армии. Нужно было открыть карты. Меры приняты мною не только на Кубани, но и в Киевской губернии»... («Приаз. Край», 13 ноября 1919 г.).

Этим самым Деникин сказал, что он одинаково жестоко расправляется, как с казачьими, так и с украинскими самостийниками...

Потом все шло, как по маслу. 9-го ноября Краевая Рада избрала своим председателем Д. Е. Скобцова, который сыграл в перевороте особенно выдающуюся роль.

Ген. Филимонов делал очень большие усилия, чтобы сохранить за собою пост Атамана. Однако, Деникин, Врангель и Покровский были против этого, и поэтому 10-го ноября Филимонов подал в отставку. Добровольческие генералы помогли Филимонову в 1918 г. незначительным большинством голосов пройти в Атаманы (см. ч. 2 «Тр. Каз.»), теперь они же и

ссадили его. Все же Филимонов хотел показать кубанцам, что он уходит с поста Атамана по собственному желанию. С этой целью 10-го ноября он написал следующее:

«**Приказ по Кубанскому краю.** Нр. 56., 10 ноября 1919 г. Екатеринодар.

«После двух с половиной лет тяжкого и ответственного служения Краю в условиях бурного времени гражданской войны, я счел себя вправе сложить возложенные на меня полномочия и возвратить атаманскую булаву хозяину Края — Кубанской Чрезвычайной Раде. Не раз до сего времени, изнемогая под бремнем лежащих на мне заданий, я стоял перед соблазном передачи тяжелого креста службы в другие, более крепкие и счастливые руки, но чувство долга и любовь к Краю удерживали меня от этого шага, который мог быть истолкован, как малодушие. И чем сложнее и опаснее было положение, тем менее считал я возможным оставлять свой пост.

«**Ныне, когда кошмар большевицкого нашествия рассеялся, когда причина внутреннего разлада и недоразумений с корнем вырвана, туман, окутавший наши молодые представительные учреждения, как пелена с глаз, спал окончательно,** настает время усиленной творческой работы, требуется привлечение новых свежих сил всего Края, становится уместным и своевременным уступить место другому и я это делаю. Расставаясь с горячо-любимым и кровно родным мне населением Края, я от всей души благодарю всех за честь и доверие, мне оказанные. Благодарю от всей души всех своих сотрудников по многосложной и ответственной работе. Я бы хотел, чтобы при оценке моей деятельности, никогда не забывали, что я призван был и работал в условиях небывалой смуты, при страшном пожаре гражданской войны. Не созидать, а спасать нужно было жизнь Края.

И Край спасен, он будет жить!

Да процветает же и да благоденствует под мощной сенью Великой, Единой и Неделимой России наш благословенный Кубанский Край! Да здравствует славное его население и да не помянут Кубанцы лихом своего первого народного избранника. Войсковой

Атаман, Генерал-Лейтенант Филимонов». («Вольная Кубань», 13-11-19).

11-го ноября Краевая Рада избрала ген. Успенского на пост Войскового Атамана. В первой своей речи он сказал, между прочим, следующее: ...«Благо России и Родной Кубани будет служить мне путеводной звездой. В тесном содружестве с Главным командованием Добровольческой армии, в самом тесном единении с нашими братьями Донцами, Терцами и остальными Казачьими Войсками я мыслю существование и будущность родной Кубани, как части Великой России». («У. Юга», 13 ноября 19 г.).

После этой речи представитель Ейского отдела предложил Раде избрать ген. Успенского почетным председателем Краевой Рады. Рада единогласно утвердила это предложение и ген. Успенский расположился за столом президиума.

12 ноября ген. Деникин издал следующий приказ:

«Твердо верю, что Кубанское казачество искренно осудило обманувших доверие и ведших Край к гибели. Не желая проливать лишней крови, приказываю помиловать арестованных членов Рады и заменить угрожающее по суду наказание высылкой за пределы России. Деникин».

После этого арестованные члены Рады были переданы в распоряжение Атамана Успенского и в действительности были его пленниками.

В это время положение Кавказской армии стало критическим. «Ген. Деникин беспокоился и приказал мне спешить возвращением в армию», пишет Врангель.

13 ноября Врангель приказал Покровскому:

«В виду того, что ныне положение в тылу армии, в связи с политическими событиями последних дней, надо признать вполне благополучным, что изменение Конституции Края и нахождение во главе Края ген. Успенского гарантирует твердую власть, благожелательную великому делу воссоздания Единой России и дает основание быть уверенным в принятии срочных мер по обеспечению армии, — я, согласно Вашего ходатайства, признаю возможным освободить Вас от возложенных обязанностей командующего войсками

тыла армии. Ген.-Лейтенант Барон Врангель». (Записки, т. 1-й, стр. 242).

А что же Донцы и Терцы? Только 11-го ноября Большой Войсковой Круг принял постановление, в котором говорится, что с чувством глубокой скорби Войсковой Круг узнал о событиях, разыгравшихся на Кубани и об аресте членов Рады. Не входя совершенно в обсуждение пред'явленных арестованным обвинений, Войсковой Круг считает, что виновные должны быть судимы самими законодательными учреждениями в порядке, установленном принятыми ими наказами. Эта запоздалая резолюция была принята большинством всех против двух.

Если бы подобное постановление Донской Круг принял бы тогда, когда Кубанская делегация просила его о моральной поддержке, генералы не осмелились бы пойти на переворот на Кубани.

13 ноября прибыла на Кубань восьмичленная Делегация Большого Войскового Круга и выступила на Кубанской Раде. Из сказанного тогда Донцами на Раде отметим следующее:

Председатель Донской Делегации заявил, что основным стремлением Донцов является доведение до победного конца борьбы с большевиками в тесном единении с Добрармией и всеми казачьими областями... Для успеха в борьбе с врагом и скорейшего создания Единой, Великой и Свободной России должна быть создана единая власть, но с непременным сохранением казачьих вольностей. Для той же цели необходимо создание Юго-Восточного Союза всех казачьих областей. Для достижения соглашения, недостигнутого еще на Южно-русской конференции, Круг считает необходимым немедленный созыв совещания представителей парламентов Казачьих Областей... Последние события на Кубани вызвали глубокую скорбь на Кругу. Не входя в обсуждение существа вопроса, Круг считает, что члены Рады могут быть судимы только Кубанским судом. В связи с последними событиями врагами народа поведена кампания против всех Казачьих представительных учреждений и поэтому необходима

дружная работа всего Казачества против своих врагов...

Другой представитель Круга, Горчуков, заявил: «Горе, постигшее Кубань, было с великой болью пережито и Кругом. Во избежание таких нежелательных событий, должен быть немедленно организован Казачий Союз». («Утро Юга», 14-11-19.).

20-го ноября 1919 г. в заседании Терского Б. В. Круга в г. Пятигорске с докладами о событиях на Кубани выступил член Круга Ткачев, который сказал в общем следующее: еще задолго до работ Южно-русской конференции на Кубани началось неладное. Об этом были осведомлены члены Конференции. «Я был представителем Войска и приветствовал Донской Круг», говорил Ткачев, «и тогда уже среди нас, терцев и донцов, шли переговоры о положении на Кубани, предпринимались шаги сгладить те течения, что шли в Раде. Тот самый Макаренко, который тормозил работу Южно-русской конференции, как оказалось, был избран председателем Рады. Для нас стало ясно, что пути наши и донцов на Южно-русской конференции должны повести к расхождению с Кубанью Ген. Баскаков посылал письмо Макаренке с предупреждением, что Терек найдет невозможными дальнейшие занятия конференции, что положение настолько остро, что конференция вынуждена будет продолжать работу без участия Кубани. Это письмо воздействия не имело. Я получил поручение передать кубанцам, **что они ни с нашей стороны, ни со стороны донцов поддержки не встретят.** У меня сложилось убеждение, что кубанские самостийники бряцают оружием. Все же я скажу, что кубанский казак, как был русским гражданином, так и остался им, происшедшие события не должны повлиять на наши отношения с кубанцами в массе, ибо масса эта не при чем, работала кучка». («Утро Юга», 26-11-19.).

В свете этого отношения Дона и Терека к Кубани в момент, когда производилось там страшное насилие, более рельефно выступает то трагическое одиночество самостийников Кубани, в котором они находились в дни натиска на Кубань «белых» сил. А между тем, достаточно было твердого протеста Дон-

ского и Терского Атаманов против изданного Деникиным приказа о предании военно-полевому суду членов Кубанской делегации, чтобы Деникин не посмел осуществить своих намерений.

Свои же кубанцы предавали или попустительствовали, казаки-соседи не поддержали, потому то и пережила Кубань страшную трагедию ноябрьского переворота... А от этого пострадало все Казачество, ибо в решительный период борьбы начала 1920 г. рядовая масса кубанских казаков не верила ни своим, замешанным в ноябрьских событиях, не верила уже и другим казакам, в тяжелые дни оставивших Кубань без своей поддержки...

НОЯБРЬСКИЕ БОИ.

Красные преследуют белых.

(Схема 15).

Пока руководители белого движения и их казачьи пособники были заняты подготовкой и осуществлением переворота на Кубани, красное командование достигло весьма больших успехов в борьбе с антибольшевицкими армиями на длинном фронте между р. Доном и р. Десной.

К первым числам ноября 1919 г. советские армии разбили и отбросили на юг войска Деникина на больших просторах земель в треугольнике, основанием которого являлась линия г. Воронеж — устье реки Сейма, а вершиною — город Орел.

Ведя упорную борьбу с казачьей, кавказской и украинской самостийностью, ген. Деникин в то же время искал помощи у поляков. Польское Правительство решило не вмешиваться в борьбу Деникина с Лениным. Последний не имел сил для одновременной борьбы и против Деникина и против Польши. Вследствие этого осенью 1919 г. на польско-русском фронте, в общем, установилось затишье, что входило в планы красной Москвы.

Летом и осенью 1919 г. разгромив армии адмирала Колчака и безостановочно отбрасывая их остатки все далее на восток, во второй половине октября того же года разгромив Северо-западную белую армию на подступах к Петрограду и загнав ее к границам Эстонии, установив известного рода равновесие на своей западной границе, Советская Россия сосредоточила теперь все свое внимание на ликвидации Южного антисоветского фронта.

Поэтому 4-го ноября командующий Южным советским фронтом генерального штаба полковник А. И. Егоров поставил своим армиям следующие задачи:

1) 12-й армии с целью прочного обеспечения Киевского района выйти на линию Казатин-Белая Церковь - Гребенка - Лохвица - Михайлова, ведя на противопольском фронте усиленную разведку;

2) 14-й армии — продолжать самое энергичное наступление по всему фронту и выдвинуться на рубеж р. Псел - Сумы - Обоянь — ст. Ржава;

3) 13-й армии — по овладении Курском выйти на рубеж Ржава - Становая;

4) Конной группе Буденного организовать стремительное преследование отступающего противника в направлении Ст. Оскол - Белгород;

5) 8-й армии — по ливквидации Бобровской группы выходить на линию Становая-Сагуны-Павловск.

(Цитир. раб. Егорова, стр. 199 и 203).

Как видим, 12-я сов. армия в общем направлялась на юг, 14-я на юго-восток, 13-я на юг, конная группа Буденного на юго-запад и 8-я армия на юг.

Направление конной группы Буденного на Ст. Оскол-Корочу-Белгород и одновременное направление конницы 14-й сов. армии из района г. Льгова на станцию Готню, ясно указывали на желание красного командования сдавить и разбить между Белгородом и Курском основную группу войск Добровольческой армии.

Так как главное командование армиями Советской России 6-го ноября потребовало развития наиболее энергичного преследования разбитой армии Деникина, командующий Южным советским фронтом 6-го же

ноября «потребовал от армии выбросить всю дивизионную конницу вперед для нанесения ударов во фланг и тыл отступающим; кроме того, указывалось на необходимость широкого использования обывательского транспорта для скорейшей переброски войск» (там же, стр. 203).

Для обрисовки общего положения Казачества в это время следует припомнить, что 6-го ноября русские генералы произвели вооруженный переворот на Кубани.

Под натиском советских армий Добровольческая армия продолжала отступать: 5-го ноября красные заняли г. Батурин, 7-го ноября — г. Бахмач и Борзну, 13-го ноября — г. Обоянь, что лежит примерно на полпути между Курском и Белгородом....

Как мы знаем, в начале октября 1919 г. Добровольческая армия насчитывала всего около 20-ти тысяч бойцов. В октябрских боях за район города Орла и в боях, наступивших после захвата красными этого города, Добровольческая армия понесла большие потери.

В ноябрьских боях численный состав этой армии вновь заметно уменьшился. Поэтому неудивительно, что в журнале военных действий Добровольческой Армии уже 7-го ноября находим следующую запись: ... «На фронте Добрармии к 24 часам 6-го ноября отход продолжается; **отмечается слабая численность частей:** 3-ий Марковский полк 130 штыков: черноморцы по 20-30 шашек; они двигаются для приведения в порядок на Прохоровку. Советское радио: «Курск взят, путь по Украине на Харьков открыт....»

Путем сильного нажима 14-й красной армии с реки Десны на юго-восток советские войска сравнительно легко разорвали слабую связь между войсками Деникина Киевской области (ген. Драгомирова) и Добровольческой армией Май-Маевскаго, базировавшейся на Харьков. Вследствие этого образовалось два как бы совершенно самостоятельных театра военных действий — Киевский и Харьковский...

Полтавская губерния была охвачена восстаниями. Конный корпус ген. Юзефовича, прикрывая левый

фланг Добровольческой армии, отступал из района Бахмача в район Харькова...

Получившийся разрыв антибольшевицкого фронта в Полтавской губернии, малочисленность деникинских войск Харьковской и Киевской групп, антиденикинские восстания на Украине чрезвычайно облегчали задачи южного советского командования...

На фронте Донской армии.

(Схема 16).

Одновременно с организацией преследования разбитой и чрезвычайно ослабленной Добровольческой армии советское командование приказало красным армиям Юго-Восточного фронта приложить все усилия к тому, чтобы сломить упорное сопротивление казачьих армий: 9-я красная армия должна была действовать в общем направлении на Новочеркасск-Ростов, а 10-я и 11-я сов. армии «должны были овладеть Царицыным, а затем развить преследование противника вдоль железнодорожной линии Царицын - Тихорецкая» (Н. Какурин. Как сраж. рев., т. II-й, стр. 263).

Как это было в октябре 1919 г., так и в ноябре того же года на противоказачьем фронте фактически действовали не только 11-я, 10-я и 9-я красные армии, но и вся 8-я сов. армия и конная группа Буденного, поддержанная пехотной дивизией из 13-й сов. армии, наступавшей в общем в направлении Курск-Харьков.

Хотя боевая линия фронта беспрерывно менялась, все же в общем в первых числах ноября 1919 г. фронт Донской армии проходил от Нижне Девицка на юго-восток, перерезая р. Дон примерно в районе Борщево, поднимался далее на северо-восток в район селений Московского и Масальского, потом поворачивал снова на юго-восток и проходил через район Стари Чиглы, потом между станциями Таловой и Абрамовкой и спускался к р. Хопру в районе станиц Тепикинской и Луковской и далее по р. Хопру на юг до впадения этой

реки в р. Дон, и далее в общем вниз по течению р. Дона до устья р. Иловли.

Согласно данным Донского штаба на 1-е ноября 1919 г. боевой состав Донской армии определялся в 37.129 бойцов при 207 орудиях и 798 пулеметах.

По тем же данным красные на этом фронте имели 67.600 бойцов при 360 орудиях.

На основании данных, доложенных на заседании Большого Войскового Круга в конце октября 1919 г., мы уже отметили выше то весьма печальное явление, что дело снабжения Донской армии продовольствием поставлено было далеко не удовлетворительно.

К сказаному добавим, что Донское Правительство, активно поддерживавшее Деникина, умудрилось поставить Донскую армию в весьма тяжелое положение и в другом отношении. Официальный документ говорит следующее:

«Последние дни поступил ряд телеграмм от различных начальствующих лиц о критическом положении на железных дорогах, вследствие полного отсутствия угля — движение прекратилось и даже бронепоезда не могут выходить для выполнения боевых задач. Командарм по этому поводу послал телеграмму Донскому Атаману с просьбой принятия экстренных мер по снабжению головных участков углем» (журнал воен. д. Донской арм., запись 2 ноября 1919 г.).

В ближайшем тылу армии, на Донской территории были неисчерпаемые угольные богатства, а на донских железных дорогах наступил паралич из-за отсутствия угля.

Кроме того, подавляющее большинство частей Донской армии находилось в беспрерывных боях уже несколько месяцев подряд. Люди были измучены до крайности, лошади измотаны.

Все это ставило Донскую армию в весьма тяжелое положение и не могло не отразиться на ее боеспособности.

Обратимся теперь к общему рассмотрению событий на фронте.

Весь северный фронт против Донской армии, от Нижне Девицка до района станции Колено, занимала

8-я советская армия, 4-го ноября, как сказано выше, получившая задание энергично продвигаться на юг. Против этой армии действовал 3-ий Донской корпус.

На этом фронте вновь завязались упорнейшие бои, в результате которых красные заняли: 5-го ноября станцию Таловую, и Н. Чиглу, 6-го ноября — Березовку, Тульнево и Чесменку, 7-го ноября Шишовку и Коршево, а в направлении на ст. Лиски, на левом берегу Дона они заняли Аношкино, Давыдовку и Бодеево, приблизившись к станции Лиски; на правом берегу совет. войска заняли Яблочное, Оськино и Семидесятское, но из последнего вновь были выбиты донцами...

Донцы наносили красным весьма сильные контрудары. Особенно упорные бои разыгрались в районе Н. Чиглы, Коршево и В. Икорца... Красные приблизились к железной дороге Лиски-Бобров, но захватить эту дорогу все же не могли.

В это время 2-й Донской корпус успешно сдерживал нажим всей 9-й сов. армии на р. Хопре.

Дальнейшее продвижение 8-й армии на юг явно захлебывалось. Поэтому, как сообщает бывший командующий Южным советским фронтом полк. Егоров, 7-го ноября (20-го по новому стилю) командюж, сильно обеспокоенный длящейся борьбой частей 8-й армии с Ш корпусом Донской армии в Бобровском районе и не видя реальной поддержки со стороны соседней 9-й армии Юго-восточного фронта, дает депешу командюгвосту с копией наштареспу с настоятельной просьбой оказать реальное содействие операциям 8-й армии путем выдвижения конницы 9-й армии в район Бутурлиновка-Павловск...» (Егоров, цит. выше его работа, стр. 204).

Как видим, чтобы преодолеть геройское сопротивление 3-го Донского корпуса на фронте Лиски-Бобров, требовался удар 9-й сов. армии во фланг и тыл его.

В дело вмешался советский Главком: 10-го ноября «на имя командующих Южным и Юго-Восточным фронтами... посылает директиву, где, указывая на необходимость быстрых и решительных действий

по овладению районом Павловска, требует от фронтов сосредоточения на их внутренних флангах не менее чем по две стрелковых дивизии; командюгвосту предлагалось кроме того направить конный корпус Думенко в район Калача и ст. Нов. Криуша. Началом совместных действий назначалось 13 ноября (26 нов. ст.)» (там же 205).

Требование красного главкома сосредоточить между р. Доном и р. Хопром, на стыке 3-го и 2-го Донских корпусов, целых четыре стрелковых дивизии и конный корпус Думенко указывает на то, какое большое значение придавало главное советское командование именно этому участку фронта...

8-ая армия была усилена бригадой 61-й стрелковой дивизии и частями Туркестанской кавалерийской бригады.

10-го ноября 9-я сов. армия начала переправляться на западный берег р. Хопра у хутора Потапова, ст. Бурацкой и ст. Луковской.

11-го ноября красные заняли ст. Федосеевскую, 12-го ноября у хутора Суховского, против ст. Бурацкой, большевики разбили 1-ю Донскую пласт. бригаду, при чем в 1-м полку осталось только 5 офицеров и 20 казаков, а остальные попали в плен, во 2-м полку осталось 15 офицеров и 159 штыков; потеряно было более 30-ти пулеметов, батарея и большая часть обоза...

Эти бои на р. Хопре чрезвычайно облегчили задачи 8-й сов. армии, которая теперь получила возможность дальнейшего продвижения на юг. На левом фланге и в центре 3-го Донского корпуса 9-го ноября красные заняли Синия Липяги, Семидесятское, Болдыревку, Мостище, гор. Коротояк, Селявное, Копанище... В тот же день красные налетом захватили было Бутурлиновку. 10-го ноября в ее районе шел упорный бой.

Тогда же происходили самые ожесточенные бои у Коршево-Березовки-Николаевки, что к северу и на северо-запад от г. Боброва.

10-го ноября красные захватили, в конце концов, станцию Лиски, а 11-го ноября и гор. Острогожск,

Вследствие охвата Бобровской группы Донских войск с обоих флангов и вследствие выхода красных на тылы этой группы со стороны Лисок и со стороны Бутурлиновки, донские части принуждены были отступить на юг вдоль р. Битюга: 11-го ноября красные заняли г. Бобров, 12-го ноября Мечетку, что верстах в 18-ти к югу от г. Боброва. В селении Пчелиное красные внезапной атакой захватили часть обозов донских пластунов и английскую батарею. Штаб Донской бригады с трудом вырвался из красного окружения.

Этот отход Донцов на северном участке фронта находится, конечно, в теснейшей связи с отступлением на юг левее расположенных — конной группы ген. Шкуро и Добровольческой армии.

На фронте Кавказской армии.

(Схема 17).

2-го ноября 1919 г. Кавказская армия занимала в общем следующий фронт: а) на правом берегу р. Волги к юго-востоку от г. Царицына-Старицкое и Каменный Яр, б) на левом берегу Волги — Пришиб и Рахинку и в) между р. Волгой и р. Доном, севернее гор. Царицина, — Песковатку-Садки хут. Попов — хут. Песчинский и далее по левому берегу р. Иловли до ее впадения в р. Дон.

Кроме того, Кавказская армия была чрезвычайно обессилена морально тем, что белое командование старалось вести ее на борьбу за русские идеалы, чего кубанцы делать не хотели. Кроме того, из состава этой армии были взяты: конная бригада в Екатеринодар для производства вооруженного переворота (см. выше: «Ноябрьский переворот на Кубани»), а 2-й конный корпус перевозился на Оскольское направление.

Факт переброски этого корпуса с Царицынского на Оскольское направление стал известен большевикам уже 7-го ноября. Чтобы воспрепятствовать этой переброске, большевицкое командование приказало

10-й и 11-й армиям перейти в наступление на всей дуге царицынского фронта.

Морально и физически ослабленная Кавказская армия не выдержала натиска красных: на северном участке фронта — между реками Волгой и Иловлей — кавказцы оставили Дубовку, Пичугу и отступили на царицынскую укрепленную позицию; при очень тяжелых условиях левобережный, заволжский отряд Кавказской армии принужден был отступить к Царицыну, и во время ледохода, при труднейших условиях, переправился на правый берег р. Волги...

Конная группа.

Выше было уже отмечено, что после того, как 3-го ноября 1919 г. красные взяли узловую станцию Касторную, конный корпус Буденного 4-го ноября получил задание наступать на юго-запад — на Старый Оскол-Корочу-Белгород. В случае же отхода разбитых конных казачьих частей на гор. Валуйки, Буденному приказывалось «выделить для преследования в этом направлении особый отряд, главными же силами обрушиться по Курской группе противника с целью окончательного ее разгрома в кратчайший срок», повествует бывший командюж Егоров (стр. 199 его выше цитированной работы).

И далее тот же автор делает следующий вывод: ...«Таким образом, действуя на стыке 8-й и 13-й армий в определенном направлении и с определенными задачами, но без назначения определенной полосы действий, Буденный должен был не только заняться преследованием, как таковым, сколько добиваться уничтожения основных сил белых — Добровольческой армии — и второстепенное внимание уделить Донской армии (там же).

Казачья конная группа, состоявшая из 4-го Донского корпуса и Кавказской-Кубанской дивизии, 5-го ноября «под давлением 13-ти полков конницы красных отошла на линию Ново-Роговая, Солдатское, Знаменская (все эти пункты верстах в 15-ти к северу от Ста-

рого Оскола); красные достигли линии Богородицкое, Горшечная, Ключи, Быково» (журн. воен. действий Дон. арм.).

В военной литературе, говорящей об описываемых нами теперь событиях, можно встретить утверждение, что будто бы большевицкое командование, руководствуясь заранее обдуманным и принятым планом, направило конный корпус Буденного в разрез Добровольческой и Донской армий.

Выше мы уже говорили о том, что сентябрьский уход корпуса Буденного из района станицы Казанской в район гор. Воронежа об'ясняется не планами главного или южного советского командования, а самовольством штаба Буденного, пожелавшего разыскать корпус ген. Мамонтова и разбить его. Также мы отметили уже, что после взятия Буденным гор. Воронежа этот большевицкий корпус был направлен сначала на северо-запад от гор. Воронежа. И только после того, как Добровольческая армия отскочила от гор. Орла на юг, корпус Буденного был направлен в район Касторной. После взятия этой последней, этот корпус направляли на Корочу-Белгород, а не на Валуйки...

Если внимательно присмотреться к развитию боевых действий в первой половине ноября, можно заметить, что советское командование определенно стремилось 1) 10-ой и 11-й армиями поскорее захватить гор. Царицын, 2) 9-й армией овладеть районом Бутурлиновки и гор. Павловска, 3) 8-й армией захватить гор. Бобров, Лиски, Острогожск, Бирюч, 4) 14-й армией, наступая со стороны р. Десны на юго-восток, приблизиться к гор. Харькову с северо-запада...

Если сравним фактическое продвижение на юг корпуса Буденного, сидевшего на железной дороге Касторная-Валуйки-Купянск и 8-й армии базировавшейся на желез. дорогу Воронеж-Лиски-Новочеркасск, увидим, что это продвижение совершалось параллельно: 5-7 ноября 8-я сов. армия захватила Аношкино-Давыдовку-Бодеево, подойдя вплотную к станции Лиски, а Буденный за это время подошел только к Старому Осколу, оставаясь верстах в 25-30 севернее передовых частей 8 армии; 8-13 ноября Буденный за-

нял Ст. Оскол (8-го), Чернянку (12-го) и Новый Оскол (13-го), а 8-я армия за то же время заняла гор. Коротояк (9-го), Лиски (10-го), Бобров и Острогожск (11-го), Мечетку (12-го), Чибисовку. Чибисовка и Нов. Оскол находятся примерно на одной и той же широте. К этому надо добавить, что 9-я красная армия к 14-му ноября заняла Минин и гор. Калач, расположенные южнее Н. Оскола.

Если при этом сравнить боевое напряжение 8-й и 9-й советских армий с боевыми усилиями конной группы Буденного, которые в действительности пришлось проявить этим большевицким группам войск для преодоления сопротивления казачьих частей, то увидим, что для продвижения вперед корпусу Буденного требовалось прилагать меньшие усилия, нежели при продвижении вперед 8-й и 9-й советских армий...

Приведенные факты, кажется, ясно говорят о том, что большевицкое командование в первой половине ноября 1919 г. не ставило корпусу Буденного тех задач, которые потом, задним числом, некоторые красные и белые военные историки готовы были приписать действиям этого большевицкого корпуса.

В первой половине ноября казачья конная группа, действовавшая на Оскольском направлении, отступала перед большевицкой конной группой в связи с общим отступлением правее и левее расположенных частей антибольшевицких армий.

Бои во второй половине ноября.

(Схемы: 15, 16 и 17).

13-го ноября 1919 г. командующий Донской армией дал следующую директиву подчиненным ему войскам:

«Комкорам 1, 2, 3, ген. Мамонтову. копии Наштаглав, Наштарм Добровольческой и Наштарм Кавказской.

«Нажимом между Медведицей и Хопром противник вынудил наши части отойти за Дон. Проявляя попытки к переправе через Хопер в различных пунктах,

9-я армия красных выдвинула конную группу Блинова в промежуток между 2 и 3 корпусами в район Бутурлиновки. Одновременно в Воронежском направлении противник форсировал Дон, заняв плацдарм южнее Лискинского узла и район Коротояк-Острогожск.

На левом фланге севернее Н. Оскола группа красных осторожно продвигается вдоль железной дороги Касторная-Валуйки и, держась все время в кулаке, вышла на высоту ст. Чернянка.

Кавармия отошла на Царицынскую укрепленную позицию, а правый фланг Добровольцев после перегруппировки оказал отпор красным в районе ст. Солнцево-Ржава.

Я решил, сосредоточив конную группу ген. Мамонтова, усиленную пополнениями и подходящими Сводно-кавалерийской и Терской дивизиями, разбить группу красных, действующую на Валуйском направлении, для чего приказываю:

1-ому Корпусу не допустить переправу противника через Дон от стыка с Кавармией до устья Хопра и при первой же возможности вынести оборону на левый берег Дона;

2-му Корпусу, не допуская переправы противника через Хопер, конной группой, усиленной 14-й бригадой, разбить Бутурлиновскую и Новохоперскую группы красных;

3-му Корпусу, приведя в порядок расстроенные части и проведя перегруппировку, разбить красных, переправившихся через Дон, и овладеть вновь Лискинским узлом, оказывая одновременное содействие правым флангом коннице 2-го Корпуса;

Конной группе ген. Мамонтова, по окончании сосредоточения своих частей, разбить группу красных, действующую на Валуйском направлении, отбросив ее на Воронеж. Для содействия 3-му Корпусу и для связи с конной группой, впредь до особого распоряжения, оставить в подчинении комкора 3, 11-ю конную бригаду.

Разграничительная линия между 1 и 2 Корпусами ст. Морозовская — ст. Кумылга для 2-го Корпуса. Между 2-м и 3-м Ольховый Рог, включая 3-му Корпусу — ст. Калач и ст. Колено, оба для 2-го Кор-

пуса, и далее по р. Елань. Между 3-м и Конной группой Беловодск-Ольховатка-Острогожск — устье Девицы, все 3-му Корпусу, и далее по Дону.

Между Кавказской и Донской — р. Иловля, восточная граница области. Между Донской и Добровольческой: Таганрог-Славяносербск-Купянск-Короча-Тим и т. д.

13.XI.-19. 13½ часов. Калединск. Нр. 0975/К,

Генерал Сидорин».

Как видим, Донская армия получала три основных задачи: 1) удерживать и далее фронт по течению р. Дона от р. Иловли до устья р. Хопра и далее вверх по р. Хопру, 2) разбить Бутурлиновскую и Новохоперскую группы красных — конницу Блинова и Думенко и 3) овладеть Лискинским железно-дорожным узлом.

Кроме того, Доно-Кубано-Терской конной группе ген. Мамонтова было приказано разбить конную группу Буденного.

Была ли в силах Донская армия выполнить эти большие задачи при создавшемся тогда положении на всем южном антибольшевицком фронте?

Донские Корпуса были в беспрерывных боях с июня месяца. Бойцы — казаки и офицеры — были измотаны до крайних пределов...

В тот же день, когда была дана только что приведенная директива, в журнале военных действий Донской армии сделана следующая запись:

«13.XI. 1919 г. Получено донесение наштакора 4 конного полк. Петрова за № 01133, рисующее безотрадное положение, в котором находится вопрос об офицерах генерального штаба. Из 2-х дивизий (5-ть конных бригад) отсутствуют, большею частью без всякой причины, один начдив, один наштакор, два наштадив и 7 наштбригов; один из наштабригов 9 кон. Войсковой старшина Ф. умудряется быть в тылу безусловно без уважительной причины с 15 декабря 1918 г., т. е. почти год, и это в то время, когда на фронте дорог каждый офицер даже не со специальной подготовкой. Этой болезнью страдает не один вопрос об офицерах генерального штаба, но и вопрос с другими офицерами и особенно со старшими начальниками: 1) ген. Ма-

монтов, получив приказание ехать к конной группе (район Касторная), поехал туда, но через 5 дней оказался в г. Новороссийске; 2) комкор 2-го ген. Коновалов сдал Корпус полковнику Поливанову и, не испросив разрешения Командарма, уехал в отпуск; а из 4 конного после 2-го рейда умудрились уехать в тыл не только почти все казаки, но и некоторые комбриги и начдивы со своими штабами; последний факт, да и другие, настолько заразительны для охотников прятаться в тылу, что против этого необходимо принять серьезные меры, иначе всякий казак скажет: «Командиры едут, почему же и мне нельзя». Что и делается уже. В виду наблюдаемой за последенее время огромной утечки с фронта в тыл (как говорилось выше) казаков, боевой состав тает с каждым днем и не только от потерь, сколько от дезертирства, — командарм приказал комкорам 1, 2, 3 и 4 Корпусов внушить казакам, что большевики делают последнюю ставку и что нам необходимо полное напряжение сил, чтобы окончательно разбить их.

Наштарм Кавказской сообщает, что переход Кавармии на Царицынские укрепленные позиции не есть вынужденный отход северного ее фронта, а имеет целью при слабом составе армии — всего три с половиною тысячи штыков и три с половиною тысячи шашек — в благоприятных условиях нанести противнику решительный удар при использовании всех наших технических средств и силы позиции, действуя по внутренним операционным линиям».

Не входя в обсуждение об'ективности этой записи, все же надо отметить, что утверждение автора записи об уходе в тыл «почти всех казаков» 4-го Конного корпуса после 2-го рейда действительности не соответствует.

Действия Донской армии, естественно, должны были согласоваться с действиями иных армий южного антибольшевицкого фронта.

С своей стороны, главнокомандующий ген. Деникин 14 ноября 1919 г., дал следующую директиву войскам:

«Командарм Кав., Дон., Добр. и т. д.

Противник, усиленный частями с восточного и за-

падного фронтов, в центре на Курском направлении теснит наши войска к югу...

...Приказываю:

Первое: ген. Эрдели, обеспечивая Край со стороны Астраханской группы и прочно удерживая нынешнее положение в Закаспии, продолжать очищение Северного Кавказа от повстанцев.

Второе: ген. Врангелю, удерживая во что бы то ни стало Царицын, разбить, северную группу красных и отбросить ее на Камышин.

Третье: ген. Сидорину, направив часть сил для перерыва желез. дороги Поворино-Царицын и содействия Кавармии, главными — разбить 8-ю совет. армию, а конной группой 16-го сего ноября в наличном ее составе перейти в наступление и разбить Старооскольскую группу красных; дальнейшие действия конной группы будут указаны в зависимости от обстановки.

Четвертое: ген. Май-Маевскому в связи с действиями конной группы наступать на фронт Ливны-Орел-Брянск.

Пятое: ген. Драгомирову очистить Киевскую губернию от противника и, создав ударную группу, овладеть Бахмачским узлом и отбросить красных за Десну.

Шестое: ген. Шиллингу, передав в распоряжение ген. Драгомирова 6-ю пехотную дивизию и сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии, наступать на фронт Коростень-Новоградволынск-Шепетовка.

Седьмое: генералу Тяжельникову выполнить прежнюю задачу...

Таганрог. 14.-XI.-19. 20 час. 45 мин.

Нр. 015192. Главнокомандующий вооруж. силами юга России генер.-лейт. Деникин. Нач. шт. ген.-л. Романвоский.

Если примем во внимание то трудное положение, в котором находились казачьи армии на длинном фронте от нижней Волги до района г. Корочи; если примем во внимание то тяжелое положение, в котором находилась сильно потрепанная Добровольческая армия и войска Деникина на Украине; если примем

во внимание и то, что на внутреннем фронте — на Кавказе и на Украине — шла настоящая война между повстанцами и войсками, подчиненными Деникину, станет непонятным, какие об'ективные данные служили основанием для этой директивы, особенно в той ее части, котороя говорит о задачах войск Май-Маевского, имевших наступать на фронт Ливны-Орел-Брянск...

Рассмотрим теперь действия армий, приступивших к выполнению директивы Деникина, данной 14 ноября. Начнем с армии Кавказской. К моменту издания этой директивы Кавказская армия отступила на царицынскую укрепленную позицию.

«15-го на рассвете, после сильной артиллерийской подготовки, противник атаковал наши позиции, направляя главный удар вдоль берега реки», повествует Врангель. «Ударная группа поддерживалась жестоким огнем тяжелых батарей судовой артиллерии. Около десяти часов утра противнику удалось захватить небольшой участок укрепленной позиции. Неприятельские части стали распространяться внутри укрепленного плацдарма. Однако, брошенными резервами противник был смят и в беспорядке отброшен. К полудню мы полностью восстановили положение, захватив пленных и пулеметы».

16-го и 17-го неприятель продолжал свои атаки, но безуспешно, 18-го мы сами перешли в наступление, нанося главный удар конницей в охват правого фланга и в тыл противника в общем направлении на Дубовку. Под угрозой охвата, противник стал поспешно отходить, преследуемый по всему фронту нашими частями».

«К 20-му числу наши передовые части достигли Дубовки».

«С очищеннием нами левого берега реки, неприятель получил возможность безнаказанно обстреливать своей артиллерией Царицын. Я приказал мой поезд перевести в Сарепту» (Врангель, Записки, т. 1-й, стр. 242-243).

22 и 23 ноября Кавказская армия имела большой

успех, захватив 1200 пленных, 6 орудий и 20 пулеметов. Кубанцы снова заняли Дубовку и преследовали красных на Давыдовку и Лозное» (из оперативной сводки).

После этого на долгое время установилось равновесие на фронте Кавказской армии.

Так же и фронт 1-го Донского корпуса, расположеннаго левее Кавказской армии, во второй половине ноября не претерпел каких-либо значительных изменений, располагаясь в общем по реке Дону от устья Иловли до устья Хопра. Здесь происходили бои местного значения. Только 27-28 ноября доблестные Калединский и Назаровский конные полки, переправившись через р. Дон в районе Старо-Григорьевской, произвели «молодецкий налет на станцию Лог... взорвав жизненные станционные сооружения и сжегши большие подвижные составы... Полки под обстрелом двух бронепоездов, подошедших с севера, двинулись в обратный путь»... (Опер. сводка).

На всем остальном фронте казачье-русской борьбы происходили напряженные бои. Решающее значение имело появление известной нам конницы корпуса Думенко в районе г. Калача — на стыке 2-го и 3-го Донских корпусов. 17-го ноября красные заняли слободу Солонку, Старую и Новую Криушу и направились далее на юго-запад, приближаясь к реке Дону.

Из района Бутурлиновки, тоже в юго-западном направлении, наступали 21-я и 36-я совет. дивизии — правофланговые в 9-й армии, а с севера на г. Павловск спешила левофланговая 40-я дивизия 8-й сов. армии. Другие части 8-й армии весьма энергично наступали на юг от Лисок, Острогожска и Бирюча.

Уже в это время стали резко проявляться признаки страшного переутомления донских войск многомесячными, беспрерывными, тяжелыми боями... Снабжение войск, особенно 2-го Дон. корпуса, не имевшего в своем распоряжении ни железно-дорожного, ни водного транспорта, было поставлено неудовлетворительно... Эпидемия сыпного тифа безжалостно косила ряды доблестных казачьих полков...

В результате этих причин, целая 14-я конная бригада оказалась совершенно небоеспособной, «казаки

митинговали, так как не получали ни хлеба, ни денег», поясняло официальное сообщение. 21-го ноября командующий Донской армией возмущался поведением казаков этой бригады и призывал их «к защите Родного Края».

Вообще говоря, когда казачья масса начинала говорить о целях и методах борьбы, когда она открыто осуждала действия военных и гражданских властей и выходила из повиновения, казачьи верхи, чтобы побудить рядовое казачество к новым жертвам, говорили ей только о необходимости борьбы за Родные Казачьи Края, за Казачью Землю и Волю. Когда же казачья масса всецело углублялась в самый процесс ежедневной упорной борьбы, казачьи верхи продолжали вести свою излюбленную, но вредную и гибельную для Казачества политику — «борьбы за матушку Россию».

О том, в каком состоянии находился весь 2-й Донской корпус в двадцатых числах ноября 1919 г., свидетельствует нижеследующее сообщение командира этого корпуса на имя командующего Донской армией:

«Командарм Дон.

Состояние Корпуса плачевное — конные полки дошли до 200 бойцов, пешие бригады до 600, остальные разбрелись по госпиталям, тылам и обозам... Огромное количество больных сыпным и возвратным тифом, все хутора тыловой дороги забиты больными; большая смертность. Подвоз в отчаянном положении и несмотря на то, что подвоз до Казанской взяла на себя армия... Фронт от устья Хопра до Богучара по прямой линии 120 верст и левее до частей 3-го Корпуса — до Павловска еще 60 верст: **фланги Корпуса не обеспечены и висят в воздухе. Противник проявляет большую активность и всюду наступает. Положение почти безвыходное...**

20 ноября 1919 г. Нр. 2230. Ген. Коновалов».

В этих коротких, сухих официальных словах нарисована очередная картина ужасной трагедии Казачества...

Поэтому донское командование принуждено было отвести этот Корпус за естественную преграду — р. Дон. 25-го ноября красные войска победителями вошли в станицы Вешенскую и Казанскую. Таким образом

9-я сов. армия вновь подошла к р. Дону и заняла здесь то положение, в котором она уже находилась в сентябре 1919 г. перед переходом Донской армии в общее наступление.

Между сентябрьским и ноябрьским положением Донской армии сходство было в том, что в сентябре вместе с 9-й армией в район ст. Казанской подошел было и конный корпус Буденного и собирался переправиться на правый берег р. Дона в районе этой станицы, а в ноябре вместе с 9-й армией к р. Дону подошел корпус Думенко и готовился к переправе через р. Дон в районе Богучара, верстах в 40 на северо-запад от Казанской.

Вместе с тем за недолгие два месяца, с сентября по ноябрь, произошли очень большие изменения:

1) в двадцатых числах сентября, весьма значительно пополненная новой мобилизацией, Донская армия сама перешла в энергичное и успешное наступление, а в 20-х числах ноября та же армия, сильно ослабленная новыми двухмесячными беспрерывными боями, отступала перед победоносным теперь противником;

2) в сентябре конный корпус Буденного не смог переправиться на правый берег р. Дона и ушел далеко на север — к Воронежу в поисках победоносного корпуса ген. Мамонтова, а в ноябре, пополненный 11-й конной дивизией и усиленный пехотой, корпус Буденного почти безостановочно теснил на юг ослабленный корпус Мамонтова по линии Ст. Оскол-Валуйки-Купянск; а на месте Буденного на берегу р. Дона оказался теперь сильный, двенадцатиполкового состава, красный корпус Думенко, каждую минуту готовый переброситься на южный берег р. Дона;

3) в сентябре 3-ий Донской корпус на широком фронте отбросил за р. Дон 8-ю красную армию и, захватив Лиски, гнал эту армию за р. Икорец, а в ноябре 8-я сов. армия, наступая на юг от линии Лиски-Бирюч, в двадцатых числах ноября подошла к р. Черная Калитва, продвинувшись таким образом верст на 80-90 к югу от Лисок, чем значительно сократила фронт 9-й сов. армии и прикрыла с северо-запада район г. Богучара, где красная конница Думенко готовилась к переправе на южный берег р. Дона;

4) в сентябре Кубано-Терский корпус, успешно закончив ликвидацию прорыва ударной группы красных войск ген. Селивачева, захватив район гор. Воронежа и действовал верстах в 75-100 севернее станции Лиски, а в ноябре остатки Кавказской-Кубанской дивизии и одной Терской бригады этого славного корпуса отступали вместе с 4-м Донским конным корпусом под давлением корпуса Буденного и приданной к нему большевицкой пехоты, а другая бригада Терской дивизии прикрывала теперь в районе Константинограда левый фланг остатков Добровольческой армии;

5) в двадцатых числах сентября Добровольческая армия подходила к г. Орлу, а в конце ноября она, откатившись от г. Орла на юг более, чем на 300 верст, 29-го ноября отдала большевикам и город Харьков...

Вследствие всех этих причин 2-й и 3-ий Донские корпуса во второй половине ноября не смогли выполнить те задачи, которые были даны им директивой командующего ген. Сидорина 13-го ноября и директивой главнокомандующего ген. Деникина 14-го ноября (см. выше).

Разбирая октябрьские боевые операции казачьей и красной конницы в районе г. Воронежа, мы установили тот важный факт, что только благодаря неразумной политике русского командования, в период напряженных боев взявшего с Воронежского района и уведшего в глубокий тыл 1-ю Терскую дивизию, и благодаря разбросанности остальных частей казачьей конной группы, Буденный смог, после больших усилий, 11-го октября взять г. Воронеж.

Потом мы установили, что успех Буденного под Касторной в начале ноября об'ясняется все тем же ослабленным состоянием казачьей конной группы (1-я Терская дивизия действовала против Махно в Екатеринославской губ. на Украине) и серьезной помощи Буденному со стороны соседних 13-й и 8-й советских армий.

«После тяжелых боев у Воронежа, где был нанесен основной удар белой коннице», говорит бывший командующий южным советским фронтом Егоров, «после напряженной борьбы у Касторной, протекав-

шей к тому же в крайне неблагоприятных условиях погоды, конный корпус Буденного, не получая отдыха, в котором усталые дивизии весьма нуждались, должен был приступить к выполнению своих задач по преследованию белых в южном направлении»... (цит. работа Егорова, стр. 206)

:..«В данной разбираемой обстановке возможность нанесения контр-ударов со стороны белых, даже при условии начавшегося разложения их армий, вовсе не исключалась, тем более что положение на левом фланге 8-й армии все еще не получало своего окончательного разрешения. В равной степени и конница Мамонтова и Шкуро, хотя она и была сильно потрепана и деморализована, внушала некоторые опасения фронтовому командованию, а возможность переброски новых белых частей с их правого фланга (Кубанские части) создавала весьма существенную угрозу контрманевра в районе Валуйки-Купянск» (там же, стр. 204).

Так как оперативные сводки красной армии за 7-е ноября принесли сообщение о начавшейся выгрузке прибывших с Царицынского фронта частей 2-го Кубанского корпуса (там же, стр. 206), большевицкое командование, хорошо зная стремительность и силу удара казачьей конницы, принуждено было проявлять исключительную осторожность в действиях конной группы Буденного. Практически это выразилось в том, что на железную дорогу Касторная - Валуйки, служившую осью для группы Буденного, большевицкое командование посадило сильную 42 стрелковую дивизию, что самую конницу Буденного держало в кулаке и что, сверх того, эта конница поджидала продвижения вперед соседних 13-й и 8-й советских армий.

Описывая боевые собития первой половины ноября 1919 г., мы отметили, что продвижение группы войск Буденного на юг — 4-я, 6-я и 11-я конные дивизии и 42-я стр. дивизия, — шло параллельно с продвижением на юг 8-й советской армии вдоль железной дороги Воронеж-Лиски-Миллерово (Калединск) — Новочеркасск. Выше приведенная директива командующего Донской армией ген. Сидорина от 13-го ноября о группе Буденного говорит: ...«На левом фланге севернее Нового Оскола, группа красных

осторожно продвигается вдоль ж. д. Касторная-Валуйки... держась в кулаке».

Тем не менее 16-го ноября «главнокомандующий (Деникин), озабоченный направлением Бирюч-Валуйки... требует от командующего Донской армией принятия решительных мер, чтобы обеспечить это направление, тем более важное, что в Валуйках сосредотачиваются авиационные средства и все снабжение для конной группы».

17-го ноября штаб Донской армии ответил: «Наштаглаву. 505/015318. Вопрос обеспеченности Валуйского узла в настоящее время в силу забитости железной дороги с одной стороны и отсутствия более суток связи точно выяснен быть не может и главным образом зависит от операций конной группы ген. Мамонтова, которому при проезде через штарм указывалось на важность этого узла».

18-го ноября казачья конная группа занимала следующий фронт: 2-й Кубанский корпус был в районе Барсуки — верстах в 20-ти на северо-запад от Нового Оскола, Кавказская дивизия занимала Песчаное, что верстах в 7-10 южнее Н. Оскола, и 4-й Донской корпус занимал Серебрянку-Николаевску, верстах в 10-15 на юго-восток от Нового Оскола.

В это время части 8-й сов. армии, действуя в разрез между казачьей конной группой и левым флангом 3-го Дон. корпуса, весьма сильно нажимали со стороны г. Бирюча в направлении на Лутовиновку, обходя 4-й Дон. корпус с востока.

19-го 2-й Куб. корпус перебрасывали в район Шеншиновки-Лутовиновки, чтобы оттуда совместно с 4-м Дон. корпусом нанести удар по Бирюченской группе противника. Кавказская же дивизия, отходя на Волоконовку, прикрывала Валуйский узел.

Наступил один из решающих моментов в борьбе казачьей и красной конницы. Победа казаков над группою Буденного и правым флангом 8-й армии могла изменить в пользу казаков положение на всем фронте.

Однако, уже в то время во всей силе проявились пагубные последствия того страшного насилия, которое было совершено русскими генералами над Кубанью в начале ноября того года.

Совсем недавно, 7-12 ноября, русские и кубанские генералы торжествовали свою победу над Кубанской Радой (см. выше: «Ноябрьский переворот на Кубани»). Между тем сведения о перевороте на Кубани постепенно докатились до рядовой казачьей массы на фронте. Казачество заволновалось... Потускнели геройские казачьи очи и опустились крепки руки... Впереди — десятки тысяч красных штыков, направленных в казачью грудь, измученную двухлетней борьбой, а позади — кровавые лица генералов, повесивших А. И. Кулабухова и насмеявшихся над всей казачьей Кубанью...

Казаки тогда еще не знали, кто именно организовал и осуществил переворот на Кубани; но они хорошо понимали, что это каиново дело совершили русские «белые» правители и их казачьи приспешники.

Казачья масса постепенно начинала понимать всю бессмысленность борьбы под руководством русских генералов, предающих казаков... В то время, к глубокому сожалению, не нашлось настоящих казачьих вождей, которые повели бы Казачество единственно правильной дорогой борьбы, исключительно за государственную независимость и самостоятельность Казачества...

А в результате — глубокая, безмолвная трагедия Казачества.

Для характеристики создавшегося тогда во 2-м Кубанском корпусе тяжелого положения приведем нижеследующий документ:

«Главкому, копия Кубанскому Войсковому Атаману.

Комкор 2-го Кубанского от 19-го ноября доносит, что части Кубанского корпуса **деморализованы; наблюдается большая утечка людей в обозы,** полки 59 до 99 шашек. Полагаю, что главную причину развала Корпуса надо искать в нерадивом отношении Кубанской власти к интересам фронта (?). Непринятие мер в отношении укрывающихся в глубоком тылу и обозах также очевидно.

Комиссия, командированная мною с чрезвычайными полномочиями и военно-полевым судом для разгрузки незаконно занятого подвижного состава

встретила непреодолимые затруднения при освобождении подвижного состава из под многочисленных обозов Кубанских частей и массой укрывающихся бойцов. За недостатком личного состава я лишен возможности командировать особых лиц для чистки кубанских обозов. Нужны решительные меры к быстрому пополнению Кубанцев путем чистки обозов и тыла, в противном случае части 2-го Кубанского корпуса, вместо выполнения боевых задач, будут лишь загромождать ближайшие тылы и железные дороги, усложняя работу фронта и разлагающе влиять на части, сохраняющие боеспособность.

22.-XI.-19. Нр. 01114/К. Калединск... Ген. Сидорин».

Для переброски с Царицынского на Оскольское направление, как известно, были взяты лучшие Кубанские дивизии: 2-я и 4-я, наряду с иными Кубанскими дивизиями, совершившие перед ноябрьским переворотом чудеса храбрости, множество раз проявлявшие массовую доблесть в тяжелых боях с упорным противником... Теперь во главе 2-го корпуса стоял ген. Науменко. Тот самый ген Науменко, который, занимая пост военного министра на Кубани с декабря 1918 г. до половины сентября 1919 г., оставил Кубань без своей армии, который участием в ноябрьском перевороте угасил боевой дух у храбрых кубанских казаков... Этот генерал не мог быть боевым вождем и вдохновителем казачьих частей...

Как видно из вышеприведенной телеграммы ген. Сидорина, ген. Науменко, вместо чистосердечного признания своей вины перед Казачеством, **жаловался** донскому командованию на свой же корпус.

При выяснении вопроса о силах казачьей конной группы, находившейся на Валуйско-Оскольском направлении, следует обратить особое внимание еще на некоторые стороны деятельности белого командования казачьими силами. Как мы знаем, еще в начале октября Донское командование категорически протестовало против снятия боевых частей с боевой линии фронта и переброски их на внутренний фронт. Русское командование делало по своему: оно упорно продолжало вести такую политику на Кавказе и на Украине.

которая вызывала войну на Днепре и в Кавказских горах...

Ген. Шкуро, в конце октября, во время напряженнейших боев под Касторной, настойчиво просил поскорее вернуть на антибольшевицкий фронт 1-ю Терскую конную дивизию. Русское командование не удовлетворило и этой просьбы, хотя прекрасно понимало и знало, что появление 1-й Тер. дивизии у Касторной могло быстро изменить положение в пользу казаков.

Вместо Терской дивизии на Оскольское направление **медленно перебрасывали и по частям вводили в бой** 2-й Кубанский корпус.

Только около 10-го ноября решили с внутреннего фронта перебросить на Оскольское направление 1-ю Терскую кон. дивизию. При чем самую перевозку дивизии начали несколькими днями позже и осуществляли ее очень медленно. Да и этим дело не ограничилось; 20-го ноября последовал следующий приказ: «В виду непрекращающегося нажима красных против Добровольческой армии, Главком приказал Волгскую бригаду (1-я Терская див.), перебрасываемую с повстанческого фронта в район Валуек, повернуть на Харьков, а Горско-Моздокскую бригаду той же дивизии с 2-мя батареями передать в подчинение командующему конной группой»...

Таким образом, 1-я Терская див. была разорвана на две части и побригадно пущена в разные районы фронта.

Положение в Добровольческой армии в то время было настолько критическим, что одну Терскую бригаду главком Деникин бросил на левый, а другую — на правый фланг Добровольческой армии: Волгская бригада этой дивизии попала в район г. Константинограда Полтавской губ., а Горско-моздокская бригада — район г. Волчанска, Харьковской губ.

Если принять во внимание то, что, согласно официальным данным, во время погрузки перед отправкой на антибольшевицкий фронт 13-го ноября Терская дивизия в районе г. Мелитополя - Пришиба насчитывала в двух бригадах всего 1500 шашек, можно пред-

ставить, как гибельно было разделение этой дивизии на две части.

21-22 ноября Терская бригада была в районе г. Волчанска, 1-я Кавказ. дивизия, в районе Грушевки-Волоконовки, при чем между этими частями был значительный разрыв фронта; правее Кавказской дивизии располагались 4-й Донской и 2-й Куб. корпуса.

В общем же в этом районе казачьи силы были растянуты в нитку на фронте более чем 100 верст. Против них компактной массой действовали красные конные и пешие части группы Буденного, а также правого фланга 8-й и левого фланга 13-й советских армий.

Под давлением этих большевицких частей и в связи с отходом на юг Добровольческой армии и 3-го Донского корпуса, 26-го ноября 1919 г. казаки конной группы оставили гор. Валуйки.

27-го ноября конная группа состояла из следующих частей:

1) 4-й конный корпус:

9-я дивизия	— 1200	шашек
10-я дивизия	— 2300	шашек
всего	— 3500	шашек
2-й Кубанский корпус	600	»
1-я Кавказская дивизия	300	»
Сводно-Кавказская »	350	»
ИТОГО	— 4750	шашек.

2) Стрелковая бригада .... 650 штыков, одетых
700 » босых.
всего — 1350 штыков.
Донской пластунский полк ... 1000 штыков.

3) Пополнения: а) 250 конных и 650 пеш. в 4-й Дон корпус,
б) 100 штыков в 1-ю Кавказ. дивизию.

4) Танков 4.
Бронепоездов 6.

5) Авиоотряд: 13-ть аппаратов русских и 16 ап. английских.

(Данные штаба Донской армии).

Так как положение Добровольческой армии с каждым днем ухудшалось, русское командование казачьими силами стремилось к тому, чтобы эту конную казачью группу держать ближе к Добровольческой армии. В это время главные силы 3-го Дон. корпуса осаживали на юг вдоль линии жел. дороги Лиски-Миллерово-Новочеркасск. С отходом казачьей конной группы в район гор. Валуек, а главных сил 3-го Дон. корпуса в район р. Черной Калитвы между правофланговыми частями казачьей конной группы и левофланговыми — 3-го Дон. корпуса существовала весьма слабая связь, которая временами прерывалась совсем.

Точно так же существовала слабая связь между левофланговыми частями казачьей кон. группы и правофланговыми Добр. армии, державшимися ближе к железной дороге Белгород-Харьков.

Этими разрывами успешно пользовалось большевицкое командование.

К последним числам ноября положение Добровольческой армии, защищавшей подступы к гор. Харькову, стало катастрофическим. В результате главком ген. Деникин 27-го ноября приказал казачью конную группу целиком взять из подчинения командующего Донской армией и подчинить ее командующему Добровольческой армией. К каким последствиям это распоряжение привело, будет сказано несколько ниже.

Быстро шло продвижение вперед советских войск по территории Украины. 14-я сов. армия заняла: 18 ноября г. Прилуки и Сумы, 20 ноября — Ромны, 21 ноября — Лохвицу. Далее удары 14-й сов. армии были направлены на Полтаву-Харьков, при чем эта армия стремилась обойти гор. Харьков с запада и с юга.

Одновременно с этим быстрым продвижением 14-й сов. армии на юго-восток, 13-я сов. армия продвигалась все далее на юг: 23 ноября 14-я армия форсировала р. Ворсклу, захватив г. Ахтырку, а 13-я армия заняла г. Белгород.

24-го ноября штаб Добр. армии выехал из Харькова.

25 ноября 14-ая армия заняла г. Богодухов, а 26 ноября г. Злочев и г. Валки, выслав конницу Прыймака на Мерефу с целью перехватить железную дорогу Харьков-Лозовая. В тот же день, 26 ноября, 13-я сов. армия заняла г. Волчанск. Вследствие этого г. Харьков оказался охваченным советскими войсками с северо-востока, с севера, с запада и с юго-запада. Быстрое продвижение красных войск к Харькову заставило ген. Деникина уволить командующего Добровольческой армией ген. Май-Маевского и на его место назначить ... ген. Врангеля.

По этому поводу проф. Соколов говорит следующее: «Действительно, ген. Деникин, наконец, решился положить предел харьковскому скандалу, вызывавшему общий ропот и в войсках, и в гражданском населении. Уже давно со всех сторон только и говорили, что о командующем Добровольческой армией, об его удивительном образе жизни и действиях» (Правл. ген. Деникина, стр. 213).

Командующий Добровольческой армией ген. Май-Маевский пил запоем. О том, как ген. Май-Маевский и его штаб руководили Добровольческой армией, в которую, как мы знаем, входили и казачьи части, во времена ее тяжелого отступления, красноречиво повествует Г. Н. Раковский: ...«Для общей характеристики военного положения, создавшегося на фронте Добровольческой армии, весьма показательна та обстановка, в которой происходило военное совещание, устроенное по приказанию главнокомандующего 2 ноября 1919 г. в Харькове, в штабе Добровольческой армии, возглавляемой ген. Май-Маевским. На совещании, происходившем под председательством Деникина, присутствовали: начальник штаба главнокомандующего ген. Романовский, Май-Маевский с начальником своего штаба Ефимовым, командующий и генерал-квартирмейстер Донской армии Сидорин, Кислов и др. ...Когда приехал главнокомандующий и все прибыли в штаб, Деникин, первым долгом, обратился к Май-Маевскому с приказанием доложить о положении на фронте. Все перешли в оперативное отделение. **Оказалось, что нет карты.** Май-Маевский заявил, что карта находится на вокзале, где, по его предположе-

ниям, должно было состояться совещание. Больше часа ожидали участники совещания, пока привезут карту, так как фактически на чинов штаба, на командующего, на все оперативное отделение была только одна карта, которой все и пользовались. На участников совещания эта маленькая, но весьма характерная деталь произвела весьма тяжелое впечатление...

Долго ждали карты... Деникин начинал уже возмущаться задержкой. После часового ожидания, он приказал осветить общую обстановку ген. Романовскому. Относительно положения на донском фронте высказались Сидорин и Кислов. После этого Деникин предложил более детально осветить положение на фронте Добровольческой армии генерал-квартирмейстеру штаба этой армии полковнику Гоерцу, из доклада которого сразу-же выяснилось, **как мало осведомлен штаб о положении на фронте, о расположении частей, даже приблизительном.** Когда начался подсчет сил противника на основании сведений, добытых разведкой, то **чины штаба Добровольческй армии обнаружили свое полное незнание, кто перед ними и в каком числе воюет.** Из этого доклада можно было сделать один вывод: фронт Добровольческой армии сбит и отходит в полном беспорядке, потому что нельзя было иначе допустить, что никто не знает местонахождения многих частей, хотя условия связи, благодаря хорошо развитой железнодорожной сети, были весьма удовлетворительны.

В дальнейшем, на совещании обсуждался ряд различных стратегических вопросов. Из доклада Май-Маевского и оценки обстановки перед участниками совещания определенно выяснилось, что Добровольческая армия находилась в страшно расстроенном состоянии, что никаких резервов не было. На фронт в день совещания отправлялось последнее пополнение в 700-800 человек и больше в ноябре никаких пополнений не было. С полной ясностью выяснилось, что системы запасных частей на территории Добровольческой армии создано не было. Не было произведено и сколько-нибудь правильной мобилизации» («В стане белых», стр. 28-31).

Уже за границей о деятельности ген. Май-Маев-

ского ген. Деникин говорит следующее: ...«До поступления его в Добровольческую армию я знал его очень мало. После Харькова до меня доходили слухи о странном поведении Май-Маевского и мне два, три раза приходилось делать ему серьезные внушения. Но теперь только, после его отставки, открылось для меня очень многое: со всех сторон, от гражданского сыска, от случайных свидетелей посыпались доклады, рассказы о том, как этот храбрейший солдат и несчастный человек, страдвший недугом запоя, боровшийся, но не поборовший его, ронял престиж власти и выпускал из рук возжи управления» (Очерки, т. У-й, стр. 237).

Врангель говорит, что «в боевом составе армии ко дню моего приезда (26 ноября) числилось: в 1-м корпус — около 2600 штыков, в 5 кавалерийском корпусе — около 1015 сабель, в Полтавской группе 100 шт. и 200 сабель».

«Некоторые полки были сведены в батальоны, два Марковских полка, Алексеевская дивизия и особая бригада почти полностью уничтоженные, отведены были в глубокий тыл на формирование» (Врангель. Записки, т. I-й, стр. 245 и 260).

Если сравним данные о численном составе Добровольческой армии в начале октября (Деникин. Очерки, т. У, стр. 230) с вышеприведенными данными Врангеля, увидим, что боевой состав этой армии за два месяца уменьшился почти на 75 процентов.

Все же остатки Добр. армии еще два дня — 27-28 ноября — упорно и доблестно дрались на самых подступах к г. Харькову, и только 29 ноября красные заняли Харьков.

О боевых событиях, происходивших во второй половине ноября 1919 г., мы должны в общем сказать, что и в этот период 14-я сов. армия все время обходила Добров. армию с запада, а 9-я сов. армия охватывала 2-й и 3-й Донские корпуса с востока.

Если сравним продвижение вперед пяти потоков красных войск — 14-й армии, 13-й армии, группы Бу-

денного, 8-й армии и 9-й армии, — увидим, что это продвижение их на юг шло почти параллельно:

17-18 ноября на западе красные захватили города Прилуки и Сумы (14-я армия), а на востоке — станц. Евдаково (8-я арм.), Стар. и Нов. Криушу, Солонку (9-я арм.).

20-21 ноября на западе красные захватили Ромны-Лохвицу (14-я арм.), а на востоке — г. Павловск (8-я арм.).

23-26 ноября на западе красные заняли г. Ахтырку, Мурафу, г. Богодухов, г. Валки (14-я арм.), в центре — г. Валуйки (Буденный) и на востоке 8-я армия вышла на р. Чер. Калитву, а 9-я сов армия заняла станицы Вешенскую и Казанскую.

29 ноября пал Харьков, а 1-го декабря — Полтава.

На обширном театре военных действий от р. Хопра до р. Днепра 14-я и 9-я советские армии являлись фланговыми, при чем продвижение 14-й армии на юго-восток, а 9-й — на юго-запад в двадцатых числах ноября обгоняло продвижение конницы Буденного на юг в центре.

Общий план боевых операций советских армий в ноябре 1919 г. сводился к тому, чтобы 1) на левом фланге силами 11-й и 10-й армий вырвать из казачьих рук гор. Царицын, 2) продвинуть 9-ю армию с р. Хопра на р. Дон, 3) на правом фланге силами 12-й армии захватить г. Киев и прикрыть фланг и тыл 14-й армии, направленной с р. Десны в юго-восточном направлении — на Харьков и на Полтаву, 4) наступать на юг 13-й армией вдоль железной дороги Москва-Орел-Белгород-Харьков и 8-й армией вдоль жел. дороги. Воронеж-Лиски-Новочеркасск, 5) продвижение вперед 13-й и 8-й армий связывать и обеспечивать действиями группы войск Буденного, продвигавшейся на юг вдоль ж. д. Касторная-Валуйки-Купянск.

НА КАЗАЧЬИХ ВЕРХАХ.

Как относились казачьи руковящие круги к происходящим грозным событиям? Какие меры предпринимали казачьи правители, чтобы спасти Казачество?

27-го ноября 1919 г. командующий Донской армией ген. Сидорин **приказал** «принять меры к из'ятию из станиц и хуторов покинувших фронт казаков и офицеров». Решено было привлечь «членов (Донского) Круга к поездкам по области для помощи властям по очистке тыла». Члены Круга призывались поехать по станицам и хуторам с целью **поднять новый сполох** среди Казачества на борьбу с занявшими значительную часть Области армиями красных.

С своей стороны Большой Войсковой Круг, заканчивая свою двухмесячную сессию, 1-го декабря 1919 г. издал нижеследующий «Указ Большого Войскового Круга Донской Армии и всему населению Всевеликого Войска Донского»:

«Настал жестокий час борьбы Казачества и лучших русских людей с советской властью, с комиссарами и их наемниками.

Штыками и пулеметами коммунистов нагнали они на наш фронт толпы насильно мобилизованных русских людей и продолжают лить братскую кровь в междоусобной гражданской войне.

Комиссары знают, что не сломить им казачьей силы в честном бою! Дьявольской клеветой стараются они отравить душу родного бойца — казака и солдата.

Они распустили тысячи агитаторов в тылу и на фронте, чтобы внести рознь и разложение в наши ряды, в ряды наших бойцов.

Напрасны их усилия разложить наш единый фронт борьбы. Круг един и проникнут единой волей бороться и победить врагов единой России и свободного Казачества — советских комиссаров и их наемников.

В этой борьбе об'единились и Дон, и Кубань, и Терек, и Астраханцы, и лучшие представители Горцев и Добровольческая армия под единым водительством главнокомандующего генерала Деникина.

Путь один — победить насильников коммунистов и комиссаров. Воссоздать единую, свободную, великую Россию. Отстоять и сохранить свободу, вольность и права казачьи, права всего народа.

Войсковой Круг, Атаман и Войсковое Правительство предоставили все силы и средства нашему командующему для борьбы: тыл мобилизован — в наши ряды призвано все способное носить оружие; из тыловых учреждений все лишние люди командируются на фронт; беспощадными мерами дезертиры вновь возвращаются на фронт; мобилизован конский состав, чтобы увеличить ряды нашей непобедимой конницы; мобилизованы подводы, чтобы создать обозы для частей; у городского населения реквизируется теплое платье и белье, чтобы одеть бойцов на фронте; склады материй и платья забраны на нужды армии.

Нет жертвы, перед которой остановился бы Войсковой Круг.

Все для фронта!

Все для героев бойцов!

Тыл должен служить фронту.

Беспощадная борьба с шкурниками, мародерами и спекулянтами — они союзники советской власти в тылу.

Твердо стойте герои-бойцы!

С нами правда, с нами победа!

Председатель Войскового Круга В. А. Харламов.

Товарищи председателя: Янов, Уланов, Копанев, Прокопович, Сенюткин, Зотов, Попов Солдатов.

Секретарь Дувакин».

(«Приазовский Край», 3.XII.19. Нр. 273).

Как видим, донские казачьи верхи не совсем поняли происходившие тогда события: против Казачества шли русские армии, а не только «советские комиссары и их наемники», как пробовали утверждать составители вышеприведенного Указа Круга; Россия шла на завоевание Казачества...

Во всяком случае Круг не сказал ясного казачьего слова. Снова и снова ставилось две цели борьбы: борьба за Казачество и борьба за Россию, когда надо было бороться только за Казачество, предоставив самим русским решать свои русские дела.

Напрасно донские вожди говорили о единении Казачества с Добровольческой армией. Таковой в действительности не существовало, да и создать ее не с чего было, так как даже русское население Казачьих Земель не пошло под флагом Деникина. Почти двухлетний союз Казачества с русскими силами под водительством Деникина привел к явно плачевным результатам. И этого ясного, казалось, факта, видимо, не хотели понять авторы Указа.

В день прекращения сессии Большого Круга, 1 декабря 1919 г., командующий Донской армией ген. Сидорин обратился к Кубанскому и Терскому Атаманам с нижеследующей телеграммой:

«Кубанскому, Терскому Атаману.

На фронте идет напряженнейшая борьба. Красное командование поставило все на карту, чтобы добиться успеха. Как командующий Донской армией считаю своим долгом известить Вас, Атаман, что Донское Войско, сознавая значение происходящего, об'явило у себя **полный сполох.** Мобилизуются все от 18 лет до 50 лет, мобилизуются все лошади, все подводы. Реквизируется все, что есть из теплой одежды.

Время слишком грозное, чтобы не понять его последствий. Донское Войско вправе ожидать от Кубанцев и Терцев того же напряжения и скорейшей посылки на фронт всего, что есть боеспособного из людей и лошадей. Нужны быстрые и решительные меры.

Обстановка не позволяет мне бросить фронт, чтобы личным свиданием с Вами пояснить все подробности происходящих событий. Но, повторяю, они таковы, что требуют поднять на ноги все Казачество, если оно желает сохранить свою самобытность.

1 декабря 1919 г.

Генерал Сидорин».

Эта телеграмма была уже ближе к действительности: в ней нет слов о спасении России, идущей войной на казаков; в телеграмме говорилось только о сохранении казачьей **самобытности.** Ген. Сидорин тоже остановился на полпути: а надо было ясно ставить только один вопрос на разрешение — борьбу за казачью государственную независимость и самостоятельность...

Кубанью правили в то время лица, пришедшие к власти после **ноябрьского переворота, а некоторые из этих правителей и... путем этого переворота** — Атаман ген. Успенский, председатель Правительства Ф. Сушков, председатель Краевой Рады Д. Скобцов, начальник гарнизона гор. Екатеринодара ген. Корольков и т. д.

На выше приведенное обращение командующего Донской армией и на телеграмму главкома Деникина «об уравнении тяготы в борьбе с красными», Кубанский Атаман ген. Успенский 2-го декабря послал следующий ответ:

«Таганрог — Главкому, копия Командарм Кав, Командарм Дон, Командарм Добр. Пятигорск — Терскому Атаману.

015744. В Войске призваны казаки 21 года, разверстка полкам сделана, казаки находятся на сборных пунктах в ожидании подачи подвижных составов. Приказано немедленно приступить к занятиям с 20-м годом... Об'является мобилизация 6 тысяч лошадей, на которых будут посажены безлошадные казаки присяги с 1899 по 1920 год, находящиеся ныне в распоряжении отделов. Правительство ассигновывает сто миллионов рублей для уплаты за лошадей, имеющих быть приведенными казаками, помимо мобилизации... В Кавармию даю 1500 конных и 3000 пластунов. В будущем пополнения в Кавармию будут высылаться незамедлительно... Опять таки повторяю: впредь до разрешения тяжелой обстановки, в соответствии с указаниями Ставки, главная масса пополнений будет мною направляться в конные части армии ген. Врангеля. Пополнения 21 года готовы к отправлению на сборных пунктах, **задержка происходит неподачей подвижного состава.**

Екатеринодар. 2 декабря 19 г. нр. 02311. Войсковой Атаман ген.-майор Успенский. Зашифровал хорунжий Кузнецов».

На бумаге выходило все хорошо: и люди были мобилизованы, и шесть тысяч лошадей мобилизовано, и сто миллионов рублей ассигновано на уплату за лошадей, которых население приведет помимо мобилизации, **а на деле**, фактически, пополнения на фронт

все же не поступали в тех размерах, которые обеспечивали бы успех боевых операций. На примере действий 2-го Кубанского корпуса на Валуйско-Оскольском направлении в ноябре мы уже показали, какое настроение охватило рядовую казачью массу после ноябрьского переворота на Кубани.

Глубоко оскорбленное в своем правосознании этим переворотом, Кубанское казачество волновалось... Генералами поставленная виселица с тихо колышущимся на ней трупом А. И. Кулабухова стала между казаками и русскими генералами. Эта виселица была генеральской программой, которую Казачество не только отбрасывало, но за которую собиралось еще и отплатить...

То там, то здесь станичные сборы и целые воинские части требовали раз'яснения происшедших событий... В ответ на это требование в декабре во всех газетах был помещен следующий «Приказ Кубанского Войскового Атамана по Кубанскому Краю»:

«Нр. 65. 6-го декабря 1919 г. Гор. Екатеринодар.

Тяжелые для чести и достоинства Кубанского Края события произошли на Кубани.

В декабре прошлого 1918 г. Кубанская Чрезвычайная Краевая Рада и Краевое Правительство постановили послать во Францию делегацию для осведомления наших союзников о нуждах Кубанского Края, для защиты интересов Кубани и в помощь представителю России на Мирной конференции в Париже — Сазонову.

Недобрые слухи доходили на Кубань о действиях делегации. С возвращением же в сентябре 1919 г. члена делегации Кулабухова, привезшего отчеты и документы, стало определенно известно, что вопреки своей прямой задаче, Кубанская делегация направила свои стремления к отторжению Кубани от России.

Как оказалось, по прибытии в Париж, члены делегации не вручили своих полномочий Сазонову и отказались примкнуть к представителям борющейся против большевиков России; вместо этого они сблизились с представителями окраинных государственных образований — Грузии, Азербейджана и других, определенно стремящихся к раз'единению с Россией при

всяких условиях и заинтересованных не в возрождении России, а в ее ослаблении.

Действуя совместно с представителями этих окраинных образований, представители Кубани повели в Париже работу, направленную против признания единого российского представительства на Мирной конференции; вместо этого Кубанские делегаты стали добиваться признания Кубани независимым государством, т. е. отделения Кубани от России.

13 мая 1919 г. члены делегации Быч, Савицкий, Намитоков и Кулабухов, втайне от других членов делегации, посетили президента Северо-Американских Соединенных Штатов Вильсона, перед которым ходатайствовали о признании Кубани независимым государством.

29 мая 1919 г. те же делегаты подали союзным с Россией державам письменное сообщение (меморандум) с таким же ходатайством о признании Кубани независимым государством. Наконец, в июле 1919 г. теми же четырьмя делегатами был подписан «Договор Дружбы» с «Меджелисом республики горских народов» о взаимном признании независимости и о военной поддержке друг друга.

Горская Республика претендует на территорию Дагестана, большую часть Терского Края и часть Кубани. Договор предусматривает проведение границ между Кубанью и Горской Республикой, совершенно не принимая во внимание интересов Терского Войска. По этому договору воинские части каждой договаривающейся стороны, находясь на территории другой стороны, должны поступать в распоряжение этой последней. Если бы этот договор осуществился, Кубанские части, сражающиеся рука об руку с Терскими и Добровольческими частями в Дагестане против врагов России, возбуждаемыми агентами большевиков и упомянутой Горской Республики, должны были бы изменнически бросить своих братьев по оружию и поступить в распоряжение их врагов.

Кубанская делегация, хотя и не имела полномочий на подачу подобных заявлений и на заключение таких договоров, действовала, однако, именем Кубанского Краевого правительства и Краевой Рады и не могла не

возбудить тревоги в рядах Добровольческой армии. Между тем, осуждения деятельности делегатов со стороны Кубанских краевых органов власти не было. Только 27 октября Кубанское Краевое правительство вынесло постановление о признании «договора дружбы» недействительным и самочинным и о лишении делегации полномочий правительства и только 6 ноября Кубанская Краевая Рада лишила делегацию своих полномочий. Однако, эти постановления оказались запоздалыми.

Так как действия Кубанской делегации вредили интересам всех борющихся за возрождение России сил, Главнокомандующий вооруженными силами Юга России ген. Деникин 25 октября издал приказ о предании четырех Кубанских делегатов, подписавших договор с «горской республикой», военно-полевому суду за измену. Член делегации Кулабухов был арестован и по приговору военно-полевого суда казнен.

Вместе с тем, по приказу командующего Кавказской армией были арестованы и высланы заграницу 12 членов Кубанской Краевой и Законодательной Рад, которым вменялось в вину, что они, «пытаясь развалить фронт, сеяли рознь в тылу и, затрудняя работу атамана и правительства в деле снабжения и пополнения армии, оказывали содействие врагам России».

Я глубоко скорблю, что членов Кубанской делегации и членов Рады судили не Кубанская Краевая Рада или Краевой суд, образованный распоряжением Рады.

Но вместе с тем, я почитаю своим долгом сказать, что всякие действия, сеющие рознь между Кубанским казачеством и Добровольческой армией, всякие волнения и неустройства в тылу вредят общему делу возрождения России и могут быть крайне пагубны для судьбы нашего края.

Волею Краевой Рады избранный на пост Кубанского Войскового Атамана, я призвал к управлению Краем людей, неизменно с самого начала борьбы с большевизмом стоящих за возрождение Великой Свободной России и устроение нашего края мыслящих только в единении с нею. Назначенному мною прави-

тельству я вменяю в обязаность проводить программу, определенную постановлениями Чрезвычайной Краевой Рады 7 ноября с. г. — ведение борьбы с большевиками до конца в тесном союзе с Добровольческой армией и создание единой государственной власти на юге России с сохранением за Кубанью широких прав по устроению краевой жизни через свои представительные учреждения — Краевую Раду и органы исполнительной власти.

Наступили грозные дни. Враг обрушился на наш фронт с отчаянной, быть может, последней попыткой сломить наши ряды. В такой момент все силы должны быть направлены на поддержку фронта, — на пополнение наших полков, на снабжение их всем необходимым, на размещение раненных. Нужно оставить на время заботы о личном благополучии, нужно не жалеть трудов и усилий для блага Края, для спасения родины.

Пусть помнят все, что только за несокрушимой стеной наших Кубанских орлов может процветать в Крае народоправство, может спокойно работать хозяин земли нашей — Краевая Рада и может быть проведен в жизнь принятый Радой закон о земле.

Все сыны Кубани — казаки, горцы и иногородние — примут в ближайшем будущем непосредственное участие в деле краевого строительства.

И я требую, чтобы сыны Кубани исполнили свой долг до конца и, как один человек, оказали могучую поддержку Краевой Раде, мне и Краевому Правительству.

В этом залог нашей победы. В этом залог процветания Края и возрождения Великой Свободной России.

Кубанский Войсковой Атаман ген. штаба, ген.-майор Успенский.

Председатель правительства Ф. Сушков».

Этим приказом давалось полное моральное оправдание вешателям борца за казачьи права А. И. Кулабухова. Вместе с тем осуждались те казаки, которые хотели вести Казачество наиболее правильным путем к защите и своих Земель, и своих Вольностей.

Что иного могли написать составители этого приказа, в часы переворота на Кубани принимавшие участие в совещаниях с ген. Покровским, повесившим А. И. Кулабухова!

Такой приказ Атамана не мог поднять Кубанское Казачество на борьбу. Больше того, этот приказ ясно показал казакам, боровшимся за свои права и за казачьи вольности, что главные виновники переворота на Кубани не покараны и кубанские полки остаются в распоряжении тех самых генералов — Деникина, Врангеля, Покровского, которые насмеялись над Кубанью и повесили защитника казачьих прав.

В самом деле, кто как не явные, сознательные или бессознательные, пособники красной Москвы, могли назначить в ноябре палача Кубани ген. Покровского на пост командующего Кавказской армией состоявшей главным образом из Кубанцев? Кто иной, как не те же пособники красной Москвы, могли издать приказ о подчинении генералу Врангелю казачьей конной группы, действовавшей на Валуйско-Оскольском направлении? Верховное руководство над Кубанцами попало в руки организаторов ноябрьского насилия над Кубанью.

27-го ноября ген. Деникин подчинил Врангелю казачью конную группу, а 28-го ноября в журнале военных действий Донской армии сделана следующая запись: «Донскому Атаману и ген. Дубовскому послана телеграмма с просьбой принять меры к устранению вредного влияния большевицкой агитации среди войск; **события на Кубани являются благоприятным предлогом для распространения провокационных сведений»...**

Если ноябрьский переворот на Кубани разлагающе влиял на Донских казаков, то тем более пагубные последствия, этот переворот имел в смысле разложения казаков Кубанских. Как в конце 1917 г. и в начале 1918 г. кубанским властям приходилось прибегать к уговариванию целых казачьих воинских частей, так и в декабре 1919 г. пришлось вновь применить этот же способ воздействия на казаков. Так, например, с целью уговаривания 9 декабря ездили в ст. Пашковскую товарищ председателя Рады Рябцев и член

Краевой Рады Горб в расположенный там 3-ий сводный полк.

Но что могли сделать подобные поездки в Кубанские части, когда казаки видели ген. Врангеля — в роли руководителя казачьей конной группы, ген. В. Науменко — в роли командующего 2-м Куб. корпусом, ген. Покровского — в роли командующего Кавказской армией, ген. Королькова — в роли нач. гарнизона гор. Екатеринодара? (Известно, что ген. Корольков при ноябрьском перевороте широко использовал военное училище для целей переворотчиков).

Как фальшиво должны были звучать слова вышеприведенного приказа Кубанского Войскового Атамана о процветании народоправства на Кубани, о спокойной работе «хозяина земли нашей — Краевой Рады», когда ровно месяц перед изданием этого приказа русские и кубанские насильники унизили Кубанскую Краевую Раду, повесили А. И. Кулабухова, боровшегося именно за то, чтобы Кубанская Краевая Рада стала настоящим хозяином на Земле Кубанской, когда высшие должности на Кубани и в Кубанских войсковых частях занимали лица, так или иначе причастные к этому насилию над волей Кубанского казачества!..

Ни Указ Донского Круга, данный 1 декабря, ни Приказ Куб. Войскового Атамана, выпущенный 6 декабря, не явились и по своему содержанию не могли явиться теми словами, которые зажигают сердца на борьбу, воодушевляют на подвиг, указывают ясные цели, об'единяют и ведут к победе над врагом...

НАМЕРЕНИЯ БЕЛОГО И КРАСНОГО КОМАНДОВАНИЯ

Согласно официальным данным штаба Донской армии около 29 ноября 1919 г. русско-казачий фронт занимал следующее положение:

1. Кавказская армия: Черноярское направление: казаки занимали Солодники; Камышинское направле-

ние: 1-й Корпус занимал укрепленную позицию и Орловку; 4-й Куб. корпус генерала Топоркова занимал Каркагон-Араканцев.

2. **Донская армия:** от устья р. Иловли вверх по р. Дону до района г. Богучара, далее фронт поворачивал на запад и проходил между р. Черная Калитва и р. Богучар, пересекал р. Айдар примерно у сел. Березовки.

3. **Конная группа** ген. Мамонтова прикрывала г. Купянск; против казачьей конной группы располагалась конница Буденного следующим образом: 6-я сов. дивизия занимала Сиротино-Демино-Водяное-Цыганкова-Борчанский, на железной дороге на г. Купянск находилась 42 стрелк. красная дивизия, левее ее до района Б. Бурлука включительно занимали фронт 4-я и 11-я сов. дивизии.

Добровольческая армия — Марковцы, Корниловцы и Дроздовцы — находилась на линии Лебяжье, Каменная Яруга, что севернее г. Чугуева, Зотов, Тонкая, Мерефа, Ракитное, Знаменское — все в 10-25 верстах к югу от Харькова.

Далее до Миргорода антибольшевицких войск почти не было; еще далее фронт тянулся через Камышки, Сенгу, Чернухи, Пирятин, Петровку, Сальное, Гоголев, Княжичи, Киев, Вышгород. Немешаево, Бучу, Ясногородку, Пашковку, Грузское, Криковизну, Липки, Нехворощь, Семеновку — в пяти верстах к югу от Бердичева, ст. Демчик и к востоку от Староконстантинова.

Если сравним линию фронта на 1-е ноября с вышеозначенной линией фронта на 29 ноября, увидим, что 1) Кавказская армия на правом берегу р. Волги отступила от Черного Яра в район Солодников; та же армия очистила все Заволжье против г. Царицына; на северном участке фронта у Царицына Кавк. армия удерживала в конце ноября примерно тот же фронт, который она занимала в начале ноября; 2) 1-й Донской корпус удерживал фронт по р. Дону, 3) 2-й Донской корпус отошел с р. Хопра и расположился по правому берегу р. Дона от устья Хопра до района г. Богучара, отступив таким образом верст на 80-100; 4) 3-ий Донской корпус отошел в общем верст на 120-150;

5) Конная группа, выравнивая фронт с соседним справа 3-им Дон. корпусом и с соседней слева Добровольческой армией, отошла на юг верст на 200; 6) Добровольческая армия отступила вдоль железной дороги Курск-Харьков верст на 220, а по линии Бахмач-Константиноград — отступила верст на 300; 7) в Киевской области антибольшевицкий фронт особых изменений не претерпел.

Таким образом советские войска в течение ноября достигли весьма значительных успехов в общем вдоль железных дорог Курск-Харьков, Касторная-Купянск и Воронеж-Новочеркасск.

27 ноября командующий Донской армией дал следующую директиву подчиненным ему войскам:

«Комкорам 1, 2, 3 Донских корпусов и ген. Мамонтову, копия Наштам-Кав и Добр. и Наштаглав.

Противник, задавшийся целью достигнуть решительных результатов и перенося центр тяжести борьбы на конницу, ведет удар двумя конными группами: одной на Богучарском, другой на Купянском направлениях. Вместе с конницей продолжает продвижение и пехота, **непроявляющая особых боевых качеств**, и лишь пехотная группа, нажимавшая вдоль Дона на правый фланг 3-го корпуса, проявляет большое упорство. Обе конные группы действуют тоже **очень осторожно.**

Я решил, прикрываясь Доном и недопуская переправы через него противника, по окончании подготовки, разбить Богучарскую конную группу противника, а на Купянском направлении, выждав более благоприятный момент для нашей конной группы, разбить западную группу красных.

Для чего приказываю:

1) Первому Корпусу, недопуская переправы противника через Дон, сосредоточить главные силы ближе к левому своему флангу с целью оказать содействие второму Корпусу.

2) Второму Корпусу, недопуская переправы противника через Дон, привести в порядок свою конную группу, имея целью разбить конную группу противника.

3) Третьему Корпусу, сдерживая продвижение

противника на юг, произвести перегруппировку к своему правому флангу с целью оказать содействие своей конницей второму Корпусу при выполнении операции против конницы красных.

4) Конной группе ген. Мамонтова... при первой же возможности перейти в наступление и разбить конницу противника...

5) Принять все меры для внушения войскам, что от выполнения поставленной задачи зависит осуществление намеченного широкого плана нашей победы над советской властью и необходимо выиграть время для проведения всех намеченных мер.

27 ноября 1919 г. 23 часа. Нр. 01.197 /К:

Калединск. Ген. Сидорин».

В этом документе очень важным является подчеркивание того факта, что **русская красная пехота не проявляла особых боевых качеств.** Над этой пехотой казачья конница могла бы одерживать победы и теперь — в конце ноября 1919 г.

Большевицкая конница, состояла главным образом из казаков и вообще из уроженцев Казачьих Земель, искавших своего счастья в союзе с русскими большевиками. Без участия казаков и жителей Казачьих Земель большевицкая русская власть **не смогла** бы создать таких сильных конных корпусов, каковыми в действительности были корпуса Буденного и Думенко. А именно этим корпусам, как известно, принадлежала решающая роль в боевых действиях конца 1919 г., закончившихся отходом казаков за р. Дон...

Казачество сбилось со своей казачьей дороги: часть его пошла с Россией «белой», а другая часть с Россией «красной». Казаки подняли было Деникина на границы Великороссии, казаки же корпусов Буденного и Думенко привели Ленина в Новочеркасск и в Ростов.

Если бы Казачество блюло только **свои интересы**, если бы оно защищало только **свою землю**, если бы Казачество не разделилось внутри себя, если бы казаки и неказаки Казачьих Земель об‘единились и пошли дружными рядами под руководством только своих, **казачьих вождей — патриотов**, русская пехота никогда не смогла бы завоевать Казачьи Земли.

Не удивительно, что командующий Донской армией директивой 27 ноября ставил главной задачей казачьих сил — разбить конницу Думенко, сосредоточившуюся тогда в районе г. Богучара, на левом берегу р. Дона.

29-го ноября 1919 г. ген. Деникин дал следующую директиву:

«Противник продолжает наступление на всем фронте Вооруженных Сил Юга России, направляя главные силы к овладению Донецким каменноугольным районом.

Приказываю:

1) Ген. Покровскому, прочно удерживая Царицын, короткими последовательными ударами разбить северную и восточную группы противостоящего противника, не допуская их согласованного наступления.

2) Ген. Сидорину, обороняя линию р. Дона от Качалинской до Казанской, сосредоточить все возможные силы, дабы преградить наступление и разбить противника, надвигающегося на Воронежском направлении.

3) Ген. Врангелю (Добровольческая армия), обеспечивая каменноугольный район, продолжать сосредоточение и перегруппировку войск, имея в виду при первой возможности переход в наступление для обратного овладения Харьковским районом.

4) Ген. Драгомирову, активно обороняясь на левом берегу Днепра, энергично продолжать операцию, чтобы разбить в кратчайший срок правобережную группу красных.

5) Ген. Шиллингу — продолжать выполнение прежней задачи, обратив внимание на скорейшее приведение в боеспособный вид Галицкой армии и на скорейшее окончание операции ген. Слащева против Махно.

6) Ген. Тяжельникову и Эрдели выполнять прежние задачи...

29.-XI.-19. 21 ч. 25 м. Нр. 015724. Главком Деникин. Нач. штаба Романовский».

В тот же день 29-го ноября командующий Южным фронтом полковник Егоров дал своим войскам следующую директиву:

1) 12-й армии — овладеть г. Киевом и выйти на ранее указанную линию Казатин-Белая Церковь - Киев, причем левобережная группа должна занять Черкассы-Кременчуг.

2) 14-й армии — занять Полтаву, для чего должна быть использована только-что переброшенная в армию 45-я дивизия, а прочим частям наступать на линию Лозовая-Чаплино-Бердянск с задачей не допустить отхода белых, оперирующих на левом берегу Днепра, в Донецкий бассейн.

3) 13-й армии (без 9-й дивизии) — наступать на линию Славянск-Юзово-Ново-Николаевская, имея основной задачей овладение Донецким бассейном.

4) Конармии Буденного с приданными ему 9-й и 12-й стрелковыми дивизиями — стремительным продвижением занять Донбасс (железнодорожные узлы Попасное-Дебальцево-Иловайская) и отрезать все пути отхода белых в Донскую область; следующей задачей ставилось овладение г. Таганрогом.

5) 8-й армии (без одной дивизии) — овладеть районом г. Луганска.

(Егоров. Разгром ген. Деникина, стр. 212).

Кроме того, 9-я, 10-я и 11-я сов. армии, составлявшие Юговосточный большевицкий фронт, имели прежние задачи — выход на линию Новочеркасск-Великокняжеская.

НОВЫЙ КОНФЛИКТ.

Августовско-сентябрьское наступление двух ударных групп советских войск с северо-востока на Казачьи Земли, как мы знаем, не дало для красной России желательных результатов.

Как видно из вышеприведенной директивы Егорова, данной 29-го ноября, Советская Россия наносила свой новый удар на Казачьи Земли, теперь уже с се-

веро-запада, через Украину, т. е. повторяла свой маневр 1918 и 1919 годов.

Добровольческая армия, согласно описанию ее командующего, ген. Врангеля, в конце ноября 1919 г. находилась в таком состоянии, что не могла защищать даже небольшой участок фронта Лебяжье-Змиев-Мерефа. ...

Вся боевая обстановка того времени на всем фронте совершенно ясно указывала на то, что положение могут спасти только казаки и что самая ответственная задача в назревающих грозных событиях падала на казачью конную группу ген. Мамонтова, прикрывавшую Донецкий бассейн с севера.

Как свидетельствует бывший командующий советским фронтом полк. Егоров, действовавшая против конницы Мамонтова конница Буденного к тому времени была «усилена двумя стрелковыми дивизиями (особенно 12-я дивизия, только что укомплектованная Алатырской бригадой и насчитывавшая в своем составе 4500 штыков). (Егоров. Разгром Деникина, стр. 213).

Интересы всего антибольшевицкого фронта требовали самого внимательного и заботливого отношения командования, именно к той группе войск, которая действовала против группы войск Буденного.

Как же в действительности поступило русское командование казачьими силами?

Генералы Деникин, Романовский и Врангель, совершенно игнорируя представителей высшей казачьей власти на Дону, на Кубани и на Тереке, игнорируя Донское командование, еще 24-го ноября решили забрать эту конную группу из подчинения командующему Донской армией и подчинить ее вновь назначенному командующему Добровольческой армией ген. Врангелю, при чем еще перед назначением Врангеля на должность командующего этой армией, Деникин дал свое согласие на устранение донского героя, ген. Мамонтова, от командования казачьей конной группой и на замену его лицом, угодным Врангелю; доблестный ген. Мамонтов не мог быть игрушкой в руках добровольческих генералов, потому решено было его устранить...

Приказ о передаче конной группы Мамонтова в полное распоряжение ген. Врангеля был дан Деникиным в тот самый день, когда было оформлено назначение Врангеля на должность командующего остатками Добровольческой армии — 27 ноября 1919 г.

Это распоряжение ген. Деникина вызвало со стороны командующего Донской армией нижеследующую телеграмму:

«Оперативная. Секретно. Главком — Таганрог, копии — Донскому Атаману, Кубанскому Войсковому Атаману и Терскому Войсковому Атаману. «Последнее распоряжение Ваше, переданное телеграммой Наштаглав за Нр. 015652, от 27 ноября, об усилении Добрармии за счет из'ятия из состава Донармии в полном составе конной группы ген. Мамонтова обязывает меня донести Вам об общем положении на Донском фронте.

В данное время Донская армия выделила для усиления Добрармии и на внутренний фронт в ее тылу **шесть с половиною тысяч шашек и штыков** и всего с уже находящимися в движении пополнениями 8 тысяч шашек и штыков, т. е. отняты по нашему масштабу значительные силы, что не может не отразиться на устойчивости Донского фронта, и я **опасаюсь, что при дальнейшем нажиме противника, армия не будет в состоянии удержаться на берегах Дона, а отход при создавшихся условиях может повести к крайне тяжелому положению.**

В настоящее время осуществляется призыв 22 года, идет полная мобилизация лошадей и теплой одежды, **но это предел экономического напряжения и живой силы, дальше которого идти немыслимо.**

Между тем другие области Юга России и в том числе Кубанские и Терские войска далеки от той степени усилия, каковую испытывает Дон. Нельзя ограничиваться Кубани и Тереку выставлением таких конных частей, как 2-й Куб. корпус в составе 600 шашек и 1-я Кавказская дивизия в составе 350 шашек, при том на очень слабых лошадях.

В конной группе ген. Мамонтова, состоящей из 4-го Донского, 2-го Кубанского корпусов и Кавказской дивизии конного корпуса, на общее число 4450 шашек

— 3500 приходится на долю 4-го Донского корпуса. Нет со стороны Кубанского и Терского войск максимального напряжения и в пехоте.

Донское Войско, в былое время служившее только на конях, ныне за неимением лошадей две трети армии высылает пешим.

Опасаясь самых печальных последствий в ближайшем будущем, прошу Вас уравнять тяготу боевого напряжения всех областей Юга России и прежде всего Казачьих Войск.

Последние напряженные бои и болезни сильно ослабили армию; требуется пополнение и оно есть подготовленное, но **раздетое,** почему без Вашей помощи обмундированием не может быть выслано на фронт.

Одновременно необходимо направить в Донские запасные части мобилизованных других областей Юга России, и в особенности офицеров, так как все боеспособное на территории, занятой Донармией, уже использовано.

Прошу использовать все Ваше внимание для уравнения тяготы между Казачьими Войсками, дабы в ближайшее время можно было часть сил перебросить на Донской фронт и обеспечить его прочность.

Все вышеизложенное докладываю в полном сознании, что **напряжение Донского казачества достигло крайних пределов и дальнейшие усилия могут неожиданно привести к апатии и сознанию бесполезности и бесплодности своей героической борьбы.**

Нр. 01. 209. 28 ноября 1919 г. Калединск. Командарм Дон Сидорин».

В этой телеграмме изложена вся глубина трагедии не только **Войска Донского,** но и всего Казачества. Когда «напряжение Донского казачества достигло крайних пределов» и требовалась самая неотложная и самая энергичная помощь со стороны Кубани и Терека, Кубанское казачество, обманутое кубанскими и русскими «вождями» в деле организации самостоятельной Кубанской армии, глубоко оскорбленное ноябрьскими насилиями над Кубанской Радой, совершенно не верило ни белым генералам, ни кубанским властям,

поставленным после и вследствие ноябрьского переворота.

То, чего не могли сделать русские «красные» на фронте вооруженной борьбы, довершили русские «белые» в тылу — они привели уже значительную часть Казачества **«к апатии и сознанию бесполезности и бесплодности своей героической борьбы».**

Положение конной группы Мамонтова было очень тяжелым: против себя он имел сильную группу противника в составе трех конных дивизий и двух стрелковых дивизий; левый фланг казачьей группы не мог быть прикрыт частями Добровольческого корпуса вследствие понесенного этими частями поражения под Харьковом и крайней их численной слабости. Между правым флангом группы ген. Мамонтова и левым флангом 3-го Донского корпуса существовал разрыв; официальная сводка Донской армии 28 ноября говорит о том, что связь между 3-м Дон. корпусом и 4-м Дон. корпусом **утеряна** и **что для установления связи высланы были конные сотни из состава 3-го корпуса.** Сводка 29 ноября говорит о том. что «конная группа ген. Мамонтова, прикрывая Купянский узел с севера и ведя разведку к востоку до соединения с частями 3-го Корпуса, ведет бои на линии Анохин, Русанов, Тернка, Мироносовка, Двуречная, Гусынька». Сводка за 30 ноября говорит: ....«От сотен, посланных **для установления связи с ген. Мамонтовым, сведений не получено»...**

Именно этот разрыв между правым флангом конной группы ген. Мамонтова и левым флангом 3-го Дон. корпуса, как увидим далее, широко использовало большевицкое командование в ближайшие дни...

К 1-му декабря 1919 г. на фронте конной группы Мамонтова создалось следующее положение: левый фланг 3-го Донского корпуса был в районе Ново-Белая, а правый фланг Добровольческого корпуса находился в районе г. Чугуева-Лебяжье; конная группа ген. Мамонтова должна была защищать фронт между Лебяжьим и Н. Белой протяжением около 150 верст, что при численной слабости сил ген. Мамонтова, естественно, было для него **непосильной** задачей.

Именно в это время «белое» командование казаками подготовляло новый удар по казачьей конной группе: 1-го декабря Врангель приказал прибывшему к нему по его вызову ген. Улагаю отправиться в гор. Купянск для принятия командования конницей ген. Мамонтова (Врангель. Записки, т. I-й, стр. 252).

Об этом распоряжении Врангеля, Мамонтов ничего не знал. Заранее решив устранить ген. Мамонтова и уже отдав соответствующее приказание ген. Улагаю, Врангель искал только внешнего официального повода для отрешения Мамонтова от занимаемой им должности командующего конной группой. Поэтому 1-го же декабря ген. Врангель издал следующий приказ:

«Ген. Мамонтову... ген. Улагаю... ген. Кутепову. «Для прикрытия эвакуации, организации тыла и сосредоточения мною указано, задерживаясь на каждом рубеже, медленно отходить на линию Изюм-Ново Павловка. Ныне (Добровольческий) Корпус занял линию Чугуев — Мерефа и оборона его зависит от обеспеченности его флангов. Для этого признаю необходимым Вашей (ген. Мамонтова) группе удерживать Купянский узел, нанося противнику сильные короткие удары. Приказываю: ...собрав главную массу конницы на правом фланге группы и выставив заслон на северо-запад, обрушиться на запад и тем обеспечить положение Купянского узла.

Харцызск. 1 дек. 19 г. Нр. 010221. Врангель».

В это время главные силы Мамонтова были сосредоточены в районе Таволжанка — Панасовка, северо-восточнее г. Купянска.

Непосредственное вмешательство ген. Врангеля в действия ген. Мамонтова привело к весьма печальным последствиям. Согласно вышеприведенного приказа Врангеля, ген. Мамонтов должен был обрушиться своими главными силами на запад. Движение главных сил Мамонтова в этом направлении увеличило существовавший уже перед тем разрыв между его группой и 3-м Донкорпусом на линии Панасовка — Н. Белая. Этим немедленно воспользовался противник: 2-го декабря 6-я дивизия Буденного, обойдя в прорыве

конную группу Мамонтова с востока через Покровское, продвинулась в южном направлении и, поддержанная пехотой, заняла Куземовку - Сватово, что лежать на железной дороге верстах в 30-50 на юго-восток от гор. Купянска.

В тот же день красные, энергично наступая вниз по реке Айдар, тоже в разрез между группой ген. Мамонтова и 3-м Донским корпусом, заняли Белолуцкое, Осиновое, Белокуракино и в 15 часов 2-го декабря гор. Старобельск (оперативная сводка).

Официальные данные Донской армии отмечают, что во время этого прорыва большевиков правый фланг конной группы ген. Мамонтова был в районе Юрченки-Марченкова, верстах в 30-40 к востоку от г. Купянска, а левый фланг 3 Дон. к. — в районе Н. Белая. Иначе говоря, существовал разрыв фронта на протяжении около 50-60 верст на линии, примерно, Покровское-Березовка.

Именно на этом участке красная конница и пехота прошла далеко на юг и захватила линию Сватово-Старобельск, распространяясь далее на Ново-Астрахань, на Евсуг и еще далее — на г. Беловодск.

Одновременно с этим прорывом на стыке конной группы и 3-го Дон. корпуса, большевицкая пехота заняла гор. Купянск, а правофланговые части Буденного заняли Волхов Яр, что лежит верстах в 50-ти к юго-западо-западу от г. Купянска, и обходили здесь правый фланг Добровольческого корпуса.

Ген. Мамонтов принимал срочные и решительные меры для борьбы с нахлынувшим противником (об этом ниже).

4-го декабря ген. Врангель послал Мамонтову следующую телеграмму:

«Противник, наступая от Покровского пехотой и конницей, занял Сватово. На юг прорвались два бронепоезда и батарея Канэ. На направление Попасная — Сватово направляется 1-й Кубанский стрелк. полк. Несмотря на мои указания, Вы продолжаете стоять на месте, нанося удары лишь передовым частям противника. Действие Ваше считаю преступным. Приказываю Вам под личной Вашей ответственностью не-

медленно ударить по группе противника, направляющейся в охват Вашего правого фланга, разбить его и восстановить положение под Купянском, удержанию которого придаю важное значение.

Юзовка. Нр. 010271. Врангель».

В тот же день ген. Врангель, осуществляя давно подготовлявшееся обезглавливание конной группы, **отрешил** ген. Мамонтова от командования этой группой за «преступное бездействие»...

Между тем конная группа, действуя под личным руководством ген. Мамонтова, 4-5 декабря геройски дралась с превосходными силами красных в районе Сватово и имела успех. Официальное донесение Мамонтова штабу Донской армии об этом говорит следующее:

«Произведя перегруппировку и сосредоточив почти все войска группы против Сватов, сегодня, 4-го декабря, наши части от 12 часов атаковали район Ново-Екатеринославля, наступая с севера, запада и юга. Противник, оказывая упорное сопротивление, бросает значительную массу конницы в контр-атаку... Конница противника несколько раз врывалась в ряды нашей наступающей пехоты, но каждый раз, расстреливаемая в упор нашими донскими пластунами, должна была поспешно осадить обратно. Наши конные части в течение боя несколько раз удачно атаковали красных с флангов, доводя атаку ударом до холодного оружия, изрубили кавалеристов противника, беря пленных и лошадей. С наступлением темноты наши конные части отбросили конницу противника к северу и югу южной окраины деревни Сватово. Наши пластуны и стрелки, расстреливая артиллерийским и ружейным (огнем), сбросили с высоких обрывов Сватово конные массы противника и его артиллерию... В этом бою особенную доблесть проявили донские казаки и стрелки особой бригады, донская артиллерия, некоторые конные части. Со стороны противника действовали 4-я и 11-я конные дивизии, которые отошли по направлению Гончаровки и Преображенской. Боем руководил командующий конной»...

Когда с такими усилиями и жертвами был до-

стигнут этот успех, 6-го декабря к ген. Мамонтову прибыл ген. Улагай с приказом Врангеля об отстранении его от должности за «преступное бездействие»...

Глубоко и незаслуженно оскорбленный Мамонтов в тот же день послал следующую телеграмму.

«Командарм Дон и наштарм Дон. Сегодня прибыл ген. Улагай, которому, согласно директивы ген. Врангеля, сдал командование конной группой. А в состав конной группы входит три с половиною тысячи шашек и свыше тысячи штыков Донского корпуса, которому принадлежит сводно-кавалер. дивизия в 400 шашек и 400 штыков, кроме того в Корпус уже прибыло пополнение до 450 шашек и 700 штыков. Всего в Донском корпусе насчитывается свыше 4350 шашек и две тысячи штыков. Остальная часть группы состоит из Терской бригады, Кавказской дивизии и 2-го Кубанского корпуса, в которых насчитывается всего до тысячи шашек и 700 штыков и главным образом из большого числа штабов, бесконечных обозов и многочисленных штабных поездных составов.

С переходом конной группы в подчинение Добрармии я заменен ген. Улагаем. Учитывая боевой состав конной группы, я нахожу несоответствующим достоинству Донской армии и обидным для себя замену меня, как командующего группой, без видимых причин лицом, не принадлежащим к составу Донской армии и младшим меня по службе.

На основании изложенного считаю далее невозможным оставаться на должности командира 4 Дон. корпуса и потому прошу разрешения сдать Корпус старшему после себя заместителю и явиться с личным докладом.

Нр. 01458. 6 дек. 1919 г. 20 часов. Д. Удобное. Ген. Мамонтов».

6-го декабря ген. Мамонтов сообщил генкварму Донской полковнику Кислову следующее: «Я лично видел, как Кубанские и Терские части, бывшие у Кабанье (станция — верстах в 20-ти южнее Сватово), на свежих аллюрах без всякого сопротивления противнику уходили на юг. Под вечер мне стало известно, что кубанцы бросили три свои батареи, кажется, то

же сделали и терцы. Разрозненные части Терцев и Кубанцев сегодня на рассвете без офицеров прискакали в Лисичанск. Здесь в Лисичанске среди Кубанских и Терских частей **определенная тенденция идти на Кубань** и оттуда посмотреть, что будет. Взгляд этот разделяют и их офицеры»...

Заметим, что Лисичанск находится более чем в ста верстах на юго-восток от гор. Купянска и верстах в 55-60 на юго-восток от Сватово.

С своей стороны ген. Улагай тоже доносил ген. Врангелю о том, что «кубанские и терские части окончательно вымотались, было много безлошадных» (Врангель. Записки, т. I-й, стр. 254).

И все же при всех этих условиях генералы Деникин, Романовский и Врангель устранили ген. Мамонтова от командования казачьей конной группой.

Не может быть никакого сомнения в том, что эти действия генералов, сумевших стать во главе белого движения на Юге, принесли большую пользу советской власти, ибо в момент самых решительных боев в начале декабря 1919 г. морально ослабили казачью конную группу.

6-го ноября эти генералы произвели переворот на Кубани, 6-го декабря устранили Мамонтова, и того ж 6-го декабря Кубанский Атаман Успенский и председатель Куб. правительства Ф. Сушков, как сказано выше, издали особый приказ по Кубанскому Краю, оправдывавший действия вешателей А. И. Кулабухова и призывавший казаков идти под знаменами Деникиных - Врангелей спасать Россию, ту самую Россию, которая шла на завоевание Казачьих Земель.

Что устранением Мамонтова от командования конной группой белые генералы принесли пользу красным генералам, это важное обстоятельство признает и бывший командующий советским фронтом полковник Егоров в своем исследовании «Разгром ген. Деникина». Между прочим в этой книге читаем следующее: «Но помимо этого Деникин делает ряд ошибок в организации этой (конной казачьей) группы, пагубно отразившихся на ее действиях. Об'единив донцов и кубанцев в одну группу, Деникин назначил

командиром ее ген. Улагая, что сильно озлобило Мамонтова, который был все же очень популярен среди донских казаков. Мамонтов подал рапорт о своем нежелании подчиняться Улагаю и самовольно бросил корпус. **Обстоятельство это имело весьма существенное значение, ибо если кто-либо мог воодушевить казаков и сдержать их паническое бегство, то это был только Мамонтов»** (стр. 211).

Хотя правители Дона проводили тогда русскую политику и поддерживали ген. Деникина, все же командующий Донской армией понимал, какой вред казачьему делу принесло устранение ген. Мамонтова от командования конной группой. Поэтому ген. Сидорин 8-го декабря послал ген. Деникину след. телеграмму:

«Таганрог. Главнокомандующему, копия Командарм Добр.

Сегодня мною получены донесения от ген. Мамонтова о последних героических боях конной группы, на 5/6 состоящей из Донских частей, собранных, организованных и руководимых энергией, волей и талантом своего командира. Одновременно также ген. Мамонтов донес об отрешении его от командования и замене ген. Улагаем. Это отрешение, ничем не вызванное, незаслуженное, заранее предрешенное, помимо тяжкой обиды, нанесенной ген. Мамонтову, является оскорблением и всей Донской армии со стороны ген. Врангеля, ибо такое неуважение к одному из славнейших Донских вождей, оказавшему неоценимые услуги не только всему Казачеству, но и всей России, болью в сердце отзовется у каждого казака и подорвет веру в справедливое отношение к Донской армии и в справедливую оценку тех величайших усилий, которые сделали Донские казаки во имя спасения России. Такие меры разрушают все мои усилия создать правильные взаимоотношения между всеми армиями, ибо я сам вижу в этом акте величайшую несправедливость и чувствую за ген. Мамонтова горькую обиду. Учитывая все серьезные последствия этого шага, во имя наших общих высоких задач, я прошу об отмене приказа ген. Врангеля и о более бережливом и внимательном отношении старших начальников к частям Дон-

ской армии, временно входящих в состав других армий. Копии донесений ген. Мамонтова представляю.

Нр. 208. 8 дек. 1919 г. Ген. Сидорин».

На эту телеграмму Деникин ответил:

«Командарм Дон.

«208. Подобная переписка, без сомнения, известная низам, не может не оказать отрицательного морального впечатления. В такой тяжкой обстановке не время местничеству. И Атаманы, и Командармы выбираются не по старшинству. Штатная должность ген. Мамонтова — командир 4-го Корпуса, от которой его никто не отрешал. Заявление его считаю совершенно неуместным. В подчинении Донских частей доблестному Кубанскому генералу (Улагаю) ничего не соответствующего достоинству Донской армии не вижу. Ни генералов, ни частей единой Русской армии не разделяю. Ген. Мамонтов должен командовать Корпусом, руководствуясь благом Родины и отметая личное самолюбие.

Таганрог. 8 дек. 1919 г. Нр. 016058. Деникин».

9-го декабря ген. Сидорин вновь телеграфировал Деникину:

«Главкому, копия Донскому Атаману.

«016058. Моя телеграма низам не известна. Тяжкое и разлагающее влияние на войска имеет не она, а необдуманное решение ген. Врангеля. Вопрос идет не о местничестве, и не о личных самолюбиях, а о всем нашем будущем. Тяжкий исход конфликта я предусматривал своей телеграммой от 5 декабря Нр. 01305/К. Обстановка настолько тяжела, что для облегчения ее нельзя пренебрегать моральным состоянием казаков 4-го Корпуса и их начальников. Не могу по долгу перед Родиной молчать и считать вопрос решенным. Считаю необходимым экстренно сделать Вам личный доклад, для чего выезжаю в Ростов, чтобы увидеть Вас завтра.

Зверево. 9 дек. 1919 г. Нр. 01380/К. Сидорин».

В этой телеграмме ген. Сидорин почему-то говорит только о гибельности шагов ген. Врангеля, хотя командующему Донской армией хорошо было известно, что Врангель с согласия Деникина и его началь-

ника штаба ген. Романовского устранил ген. Мамонтова.

В тот же день 9-го декабря ген. Мамонтов разослал следующую телеграмму: «Командарм Дон, Донскому Атаману, Председателю Большого Войскового Круга, копия Деникину и ген. Врангелю.

«Доколе ген. Романовский и ген. Врангель будут распоряжаться Донцами, как пешками, я не считаю возможным занимать ответственной должности под их командованием. Полагаю, что насильное принуждение меня остаться в должности командира Корпуса при создавшихся взаимоотношениях не принесет пользы, а посему, дабы не вредить делу, прошу меня и моего начальника штаба, как разделяющего мой взгляд, освободить от должностей и назначить на любую должность, начиная с рядового казака».

Нр. 01373. Попасная. 11 часов 9-го дек. 19 г. Ген. Мамонтов».

Наконец то один из талантливых казачьих военноначальников, хотя с большим опозданием, указал на одну из главных причин трагедии всего Казачества: русские генералы, преследующие свои, русские, а не казачьи цели, распоряжались казаками и вели Казачество к гибели.

Можно себе представить, как эта телеграмма ударила по самолюбию тех неудачных кандидатов в правители России, которых она касалась...

На эту телеграмму Сидорин ответил следующее:

«Генералу Мамонтову.

01458 и 01373. Во имя спасения России и Дона считаю необходимым Вам остаться в рядах созданного Вами 4-го конного корпуса впредь до распоряжения. Если по долгу совести и чести Вы не можете принять на себя ответственности руководить Корпусом при создавшихся взаимоотношениях с высшим командованием Добрармии, то Вам все же надлежит по причинам морального характера не оставлять рядов 4-го Корпуса впредь до результатов моего личного свидания с ген. Деникиным, для чего я выезжаю к нему сегодня же.

Зверево. 9 декабря 1919 г. 15 часов. Нр. 01379/К. Ген. Сидорин».

Казачье-русский конфликт принял такие размеры, что не утерпел даже Донской Атаман ген. Богаевский, этот постоянно послушный исполнитель воли Деникина: 9-го декабря Донской Атаман послал ему следующую телеграмму:

«Таганрог. Главнокомандующему, копия командарму Дон.

«Вполне присоединяюсь к телеграмме ген. Сидорина относительно отрешения ген. Мамонтова. Чувство тяжкой, незаслуженной обиды за своего любимого вождя, пользующегося на Дону огромной популярностью, больно отзовется в сердце верного долгу Казачества, тем более, что сделано ген. Врангелем, имя которого пользуется на Дону большим уважением, после с большим трудом ликвидированной мною истории с контрибуцией, наложенной на Великокняжескую станицу. Вышеуказанным печальным инцидентом ставятся в большую опасность добрые отношения между Донской и Добровольческой армиями, для упорядочения которых я прилагал столько усилий, чему Вы не раз были свидетелем.

Бесцельное оскорбление славного Донского генерала, много раз рисковавшего жизнью за общее дело, только усилит падение духа на фронте, далеко не твердое в виду боевых неудач. Настоятельно прошу также об отмене приказа ген. Врангеля.

Нр. 050. 9 дек. 1919 г. Донской Атаман ген. Богаевский».

По поводу этого русско-казачьего конфликта в журнале военных действий Донской армии находим следующую запись, сделанную 9 декабря:

«Обострившийся конфликт с высшим командованием грозил еще больше запутаться, что еще большей тяжестью отразилось бы на фронте, и Командующий, чтобы разрешить этот вопрос наискорейшим образом, испросил свидание с Главнокомандующим. Между тем обстановка делалась все грознее, противник продолжал все глубже вклиниваться между Донской и Добровольческой армиями в направлении на Луганск с севера»...

Между тем устранение ген. Мамонтова от коман-

дования казачьей конной группой очень скоро принесло свои весьма пагубные последствия. Донская казачья масса под командованием ген. Мамонтова, как мы видели, доблестно дралась у Сватова 4-5 декабря, но та же масса не захотела воевать после того, как на место ген. Мамонтова стал ген. Улагай, а в командование 4-м Донским корпусом вступил известный нам кубанский молодой, преданный Врангелю, а не Кубани, ген. В. Науменко.

Все эти три генерала — Врангель, Улагай и Науменко — свою крайнюю непопулярность среди донцов и свое неуменье повести их в бой, старались об'яснить по своему. В виду особой важности разбираемого нами вопроса, приведем ниже еще некоторые документальные данные по этому поводу.

8-го декабря Врангель получил от Улагая следующее сообщение:

«Конница конной группы становится совершенно небоеспособной. Малочисленная по сравнению с кавалерийской армией противника, она совершенно потеряла сердце, разлагается с каждым днем все больше и больше. Для наглядности разложения в донских частях посылаю копию донесения ген. Науменко, который, за от'ездом ген. Мамонтова, временно командует Донским корпусом. Разбогатевшая награбленным имуществом, особенно богатой добычей после кавалерийского рейда, потрясенная беспрерывными неудачами, конница совершенно не желает сражаться и часто несколько эскадронов гонят целую дивизию. Нанести какой-либо удар или отразить наступление противника на фланге становится совершенно невозможным делом. Страшное преобладание в количестве делает невозможным даже сосредоточение всей конницы в одно место. Расчитывать на какой-либо успех нельзя, так как новые обходные колонны действуют панически и, чтобы избежать окончательной потери всей артиллерии, приходится опять оттягивать назад. При создавшемся положении вещей вообще расчитывать на эту конницу невозможно, ее надо лечить другими мерами, может быть, даже тяжелыми жертвами. Мне кажется, что немедленно нужно, быстро оттянув

оставшиеся кадры дивизий и корпусов, формировать совершенно новые полки, иначе пополнения, которые прибывают и вливаются в больные части, немедленно заражаются общим настроением и также становятся небоеспособными. Я уже доносил и теперь повторяю, что **в общем конницы у нас нет.** Расчитывать на что-либо серьезное от конной группы совершенно нельзя. Желательно было бы шифром получить от Вас совершенно истинное положение вещей, а главное, предполагаемую перегруппировку, дальнейшие мероприятия в связи с создавшимся положением на всем фронте, имея в виду совершенно правдивое освещение положения вещей».

В тот же день временно командующий 4-м Донским корпусом ген. Науменко доносил ген. Улагаю следующее: «10-я Донская дивизия около 13 часов ушла, под впечатлением большой колонны конницы, двигавшейся по большой дороге из Сватова на Кременную. Бегство не поддается описанию: колонна донцов бежала, преследуемая одним полком, шедшим в лаве впереди конной колонны. Все попытки мои и чинов штаба остановить бегущих не дали положительных результатов, лишь небольшая кучка донцов и мой конвой задержались на попутных рубежах, все остальное неудержимо стремилось на юг, бросая обозы, пулеметы и артиллерию. Пока выяснилось, что брошены орудия: двенадцатой, восьмой и двадцатой донских батарей. Начальников частей и офицеров почти не видел, раздавались возгласы казаков, что начальников не видно и что они ускакали вперед.

Лисичанск. 8 дек.».

Как сообщает ген. Врангель, вечером 8 дек. ген. Улагай прислал ему новую телеграмму такого содержания:

«Я уже докладывал неоднократно, что конная группа не боеспособна. Донские части, хотя и большого состава, но совсем не желают и не могут выдержать самого легкого нажима противника, меньшего числом вчетверо, не говоря уже о массовом наступлении противника. Кубанских и терских частей совершенно нет. Жалкие обрывки, сведенные в один полк, полк, совер-

шенно никуда негодны. Артиллерии почти нет, пулеметов тоже. Вчера донские дивизии бежали, гонимые несколькими эскадронами, за которыми в колоннах двигалась конница противника. Под натиском противника и обходимые со стороны Ново-Астрахани части группы с большим трудом и потерями перешли р. Донец. Донские дивизии, под напором наседавших частей конницы противника, большей частью отошли в район Лимана и Ямполя; остальные части переправились у Рубежного. Вся группа, переправившаяся через Донец, совершенно неспособна ни к каким активным действиям и, кроме того, принуждена была уничтожить переправы. Подавляющие массы конницы противника в данной момент все равно не дадут никакой возможности расчитывать на успех на этом фронте. Разложение частей настолько сильно, что даже лечить ее путем присылки пополнений и вливания в остатки едва ли возможно. Все мои сообщения относительно состояния конницы есть горькая правда, которой не имею нравственного права скрывать от Вас. 8 декабря 1919 г. Ген. Улагай». (Врангель, кн. 1, стр. 255-56).

Так русские генералы сумели всего в два дня, 7-8 декабря, сделать Донскую конницу не боеспособной. Ген. Врангель и Науменко, при поддержке Кубанского Атамана Филимонова, сумели подготовить и осуществить в начале ноября переворот на Кубани, чем окончательно подорвали дух победы в Кубанских боевых частях. А в начале декабря они же совершенно разложили казачью конную группу, главную массу которой составляли Донские части.

В момент смещения ген. Мамонтова — 6 декабря — конная группа занимала район станции Миловатка, станции Кабанье-Юрьевку-Николаевку-Алексеевское, имея штаб группы в Удобном. Через два дня, 8-го декабря, часть конницы была уже на левом берегу р. Донца в районе узловой станции Лиман и станции Ямполя, другая же часть конницы даже перешла на правый берег р. Донца у станции Рубежная. В общем, только за эти два дня конница отскочила на юг на 40-50 верст.

9-го декабря вся казачья конная группа находилась уже на правом берегу р. Донца — в районе Рубежная-Переездная-Белая, Гора-Каменка — Черногорский.

В этот день ген. Врангель подал ген. Деникину длинный рапорт, в котором признавал, что белое дело проиграно и что Добровольческой армии, «как боевой силы, нет» (см. об этом ниже).

И растерянные взоры генералов обращались к казакам. Ген. Сидорин посетил ген. Деникина. Решено было снова обратиться к опальному ген. Мамонтову.

10-го декабря штабом Донской армии была послана ген. Мамонтову нижеследующую телеграмму:

«Ген. Мамонтову, копия Луганск ген. Краснянскому и Комкору 3.

«Главком приказал Вам вступить командование 4-м Донским корпусом, который, как и всю Донскую конную группу сосредоточить в районе Луганска для прикрытия этого направления. По прибытии в Луганск Вам надлежит подчинить себе и отряд ген. Краснянского, имея в виду, что части Луганского гарнизона, кроме пополнений, следующих в Добрармию и конную группу ген. Улагая, подчиняются, согласно приказания Главкома, Донской армии. Делается также распоряжение Штаглавом о передаче в Донармию из группы ген. Улагая бронепоездов.... ...Командарм приказал Вам, выполняя это приказание Главкома, возможно скорее передвинуться со Штакором в Луганск, приняв меры к скорейшему приведению в порядок частей Корпуса и извлечения всего лишнего элемента из обозов.

Прикрывая Луганское направление и прочно удерживая в руках Родаковский узел, необходимо немедленно установить связь с левым флангом 3-го Корпуса, имея в виду, что конная группа ген. Егорова действует в районе Титовки юго-восточнее Беловодска, а также с правым флангом Добрармии. О получении телеграфируйте.

Зверево. 10 дек. 1919 г. 24 часа. Нр. 01415/К. Ген.-майор Кислов».

Так 4-й Донской корпус был передан в Донскую

армию и этому Корпусу возвращен его доблестный командир.

Терские и Кубанские части из бывшей казачьей конной группы были сведены в одну бригаду, которой командовал полк. Фостиков. Эта бригада оставалась в подчинении командующего Добровольческой армией ген. Врангеля. Генералы Науменко и Улагай отбыли в глубокий тыл — в Екатеринодар, а ген. Мамонтов после всего этого делал большие усилия, чтобы 4-й Донской корпус сделать снова боеспособным...

Весьма тяжелые и гибельные последствия очередного неудачного вмешательства «белых» генералов в казачьи дела, к глубокому сожалению, уже нельзя было исправить.

НА ФРОНТЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ДЕКАБРЯ

Остановившись выше на разборе намерений белого и красного русского командования в конце ноября 1919 года, мы привели директивы командующего Донской армией, главнокомандующего ген. Деникина и командующего красным фронтом полк. Егорва. Директива Деникина указывала ген. Драгомирову, «активно обороняясь на левом берегу Днепра, энергично продолжать операцию, чтобы разбить в кратчайший срок правобережную группу красных».

Ген. Драгомиров не смог выполнить этой задачи. Напротив, 12-я сов. армия сама перешла в наступление и 3-го декабря овладела г. Киевом.

После этого деникинские войска Киевской и Новороссийской группы были об'единены в руках ген. Шиллинга, принужденного продолжать отступление на юг.

1-го декабря красные заняли г. Полтаву. В то же время продолжалась весьма упорная борьба деникинцев с повстанцами Махно в районе Екатеринослава на обоих берегах Днепра.

Вообще же деникинцы переживали агонию на Украине, население которой щедрой рукой расплачива-

лось за все злодеяния, совершенные там русскими властями летом и осенью 1919 г.

Левый фланг остатков Добровольческой армии в районе Константинограда прикрывала бригада 1-й Тер. дивизии. Правее этой бригады находились остатки 5-го конного корпуса ген. Юзефовича. Временно командующий этим корпусом ген. Чекотовский в рапорте на имя командующего Добровольческой армией ген. Врангеля 4-го декабря о состоянии этого корпуса говорил следующее:

От'езжая сего числа в разрешенный мне отпуск по болезни, считаю своим долгом доложить Вашему Превосходительству истинное состояние тех полков, с которыми я непрерывно провел долгий боевой период. Постараюсь быть кратким и прошу верить, что в этом докладе не будет ни единого слова преувеличения. Конский состав дивизий дошел до полного изнурения. Выйдя в поход в июне месяце, до сих пор дивизия имела 5-6 дней, которые она стояла на месте, но все же готовая каждую минуту к выступлению. Если за эти полгода были случаи ковки, то это были случаи единичные. О зимней ковке не было речи. В настоящее время лошадь является обузой для всадника, которая на каждом шагу скользит и падает, так как все дороги в настоящее время сплошной лед, а замерзшие, вспаханные поля для движения невозможны. Скорость движения полков — три версты в час. Конные батареи впрягли в орудия все, что было возможно, до офицерских лошадей включительно, а офицеры ходят пешком. Чтобы взять какой-нибудь, даже незначительный под'ем, для этого первое орудие вывозится на руках, а остальные путем припряжки уносов из других орудий. Имея впереди 20-30-верстный переход, командиры батарей не ручаются, что они дотянут до ночлега... Если существует мнение, что в тылу есть большие пополнения, неиспользованные частями на фронте, то это несправедливо. Все, что возможно было взять из тыла, сколачивается и приводится в полки. Но эти пополнения прибывают частями до 20-50 человек и за несколько дней незаметно тают. Примером может служить 1-я бригада, кото-

рая 28-го числа имела 146 шашек, 29-го ноября, получив пополнение, имела 206 шашек, а сегодня, 2-го декабря, после боя у Ракитной, имеет 141 шашку. При столь ограниченном пополнении в числе рядов кадры офицерского состава гибнут, незаметно исчезают. Примером может служить Стародубский дивизион сводного полка 12-й кавалерийской дивизии, где из 24 кадровых офицеров осталось 12... Не желая вводить в заблуждение высшее командование громкими названиями «бригада», «дивизия», так как с этими наименованиями даются и задачи, я считаю своим долгом доложить, что 1-я кавалерийская дивизия представляет собой не боевую единицу, способную для выполнения каких-нибудь боевых задач, а лишь небольшую вымученную часть, которая своею численностью едва ли достигает численности полка слабого состава»...

Пехотные части Добровольческой армии безостановочно отступали на Изюм-Славянск. Этапы и скорость отступления остатков Добровольческой армии видны из последовательного перемещения штаба командующего этой армией ген. Врангеля. 27-28 ноября Врангель перемещается из г. Змиева в г. Славянск, 1-2 декабря штаб его переправляется из г. Славянска на станцию Юзовку, 12-го декабря — из Юзовки в Харцизск, 16-го декабря штаб Врангеля переходит на станцию Матвеев Курган у Таганрога, 19-го декабря Врангель оставляет и этот последний.

Выше было уже сказано о событиях на фронте казачьей конной группы за время с 27 ноября по 11 декабря 1919 г.

Обращаемся теперь вновь к событиям на фронте Донской армии. Согласно данным Штаба этой армии к 1-му декабря она, помимо 4-го Донск. корпуса ген. Мамонтова, располагала следующими силами:

	штык.	шаш.	оруд.	пулем.	вспомог.
1-й Дон. корп.	4196	2990	35	182	2873
2-й Дон. корп.	2413	8778	55	169	3137
3-й Дон. корп.	3174	1795	53	184	3513
Всего	9783	13563	143	535	9523

Согласно тем же данным красные на фронте только этих трех Донских корпусов имели:

	штыков	сабель
в 8-й армии	18600	1100
в 9-й армии	12100	13400
в части 10-й армии	7000	500
Всего	37700 шт.	25000 саб.

Или: против 23 тысячи бойцов Донской армии красные имели почти 63 тысячи бойцов в трех советских армиях. Если приведенные данные соответствовали действительности, красные обладали почти тройным превосходством сил.

Одновременно с вышеописанным прорывом большевицких войск на широком фронте в направлении Сватово-Старобельск-Евсуг, поставившим в очень тяжелое положение не только конную группу, но и 3-й Донской корпус, красные войска 8-й армии продолжали производить весьма сильный нажим на 3-й Дон. корпус к югу от р. Черная Калитва.

30 ноября в районе сел. Нов. Мельница и Криничная между частями этой армии и частями 3-го Донского корпуса произошел крайне ожесточенный бой, продолжавшийся до темноты, при чем 10-й и 11-й Донские полки понесли большие потери: были ранены командир бригады ген. Тапилин, командир 10-го полка с ад'ютантом и командир 11-полка. После этого боя Донские части отошли на линию сел Дерезоватое и Фисенково.

К западу от железной дороги произошли упорнейшие бои в районе селения Ивановка. В этих боях были ранены командир 36-го Дон. полка полк. Кащеев, командир 33-го Дон. полка полк. Рябов и командир Гундоровского полка полк. Шевырев.

1-2 декабря на фронте 3-го Донского корпуса красные заняли Талы на р. Богучар, Митрофановку на жел. дороге Лиски-Новочеркасск, далее Поддубное, Зоривку и Шрамовку — к западу от жел. дороги. 3-го декабря «в районе жел. дороги красные перешли в наступление в превосходных силах и после упорного боя, длившегося в течние всего дня, вынудили наши

части отойти на линию Смоглиевка-Журавка-Марковка-Моляров. При чем Смоглиевка несколько раз переходила из рук в руки», говорит официальная сводка Дон. армии.

На левом фланге 3-го Донкорпуса «после упорного боя с пехотой и конницей красных, наступающих от Поддубного и Кривоносовки на Ново-Белое, наши части к ночи 4-го декабря отошли в район Каменки. Бой отличался особым упорством», повествует оперативная сводка.

Выше приведенные официальные данные о событиях на фронте 3-го Донкорпуса, за время с 30 ноября по 4-е декабря, ясно говорят о том, с каким упорством дрались Донцы по весму фронту корпуса, храбро защищая подступы к Донской области с северо-запада.

Однако, доблестный 3-й Донской корпус попал в это время в особенно тяжелое положение: с фронта упорно нажимали превосходные силы 8-й сов. армии, а левый фланг этого Корпуса глубоко обошли красные части, 2-го декабря уже занявшие г. Старобельск и продвигавшиеся в сторну г. Беловодска, выходя на тыл 3-го Донского корпуса.

Далеко неблагополучно складывалась обстановка и на правом фланге 3-го Дон. корпуса. 30-го ноября началась переправа конницы Думенко у Голиевки, против г. Богучара, на правый берег р. Дона. Из штаба Донской армии был послан запрос командиру 2-го Дон. корпуса ген. Коновалову; «не признает ли он более целесообразным бить переправляющуюся конницу противника по частям» (Думенко переправлялся на фронте 2-го Донкорпуса). «Ген. Коновалов в ответ на это предложение донес, что он предполагает начать боевые действия против главного об'екта своих действий — корпуса Думенко — 2-3 декабря, но что он до сих пор не получил ни одного офицера, ни одной артиллерийской лошади, не получил даже теплого белья» (из сводки).

2-го декабря «конница красных силою двух бригад заняла гор. Богучар»... 3-го декабря к юго-востоку от Богучара, в районе Медова-Карасев «произо-

шел горячий встречный бой, конница красных неоднократно бросалась в атаку, но была каждый раз отбиваема и к вечеру была отброшена к Медова» — в 20-25 верстах к юго-востоку от г. Богучара.

Хотя дальнейшее продвижение конницы Думенко к югу от г. Богучара было временно приостановлено, все же укрепление положения этой неприятельской конницы на южном берегу р. Дона ставило в очень тяжелое положение как 3-й, так и 2-й Донские корпуса: 3-й корпус красные теперь охватывали уже с трех сторон — Думенко с востока со стороны г. Богучара, 8-ая армия — с севера вдоль жел. дороги и с северо-запада, а корпус Буденного — с запада и даже с юго-запада — со стороны г. Беловодска.

4-го декабря красные также переправились на правый берег р. Дона в районе ст. Вешенской и заняли хутор Базковский; переправились и в районе ст. Мигулинской, где заняли хут. Ковалев. Вследствие этого, 2-й Донкорпус отрывался от естественной преграды — р. Дона.

Хотя 1-й Донской корпус продолжал еще крепко держаться на линии р. Дона, однако, отступление 2-го и 3-го корпусов и конной группы ген. Мамонтова указывало на весьма тяжелое положение на фронте русско-казачьей войны.

При этих общих условиях 5-го декабря 1919 г. командующий Донской армией ген. Сидорин дал следующую директиву войскам:

«Комкорам 1, 2, 3 Донских отдельных, копии Наштарм Кав, Наштарм Добр и Наштарм Глав.

«Сосредоточение противником конной ударной группы в стыке Донской и Добровольческой армий и стремление его прорвать фронт другой конной группой на Богучарском направлении может вызвать необходимость отхода с рубежа Дона ранее окончания проведения в жизнь намеченного плана усиления армии для начала нового наступления. В таком случае рубежем, за которым окончательно должна задержаться Донская армия, должен вновь явиться Донец. Прибегая к этой мере лишь в случае крайней нужды, необходимо использовать все средства для замедления

продвижения противника, чтобы эвакуировать планомерно весь очищаемый район и лишь после этого продолжать отход, нанося противнику на каждом удобном рубеже короткий удар, главным образом пользуясь для этой цели конницей. На укрепляемый рубеж Донца и приспособляемый к обороне Константиновский плацдарм войска должны выйти не ранее того срока, когда Донец действительно может представлять собой серьезную преграду, то есть не ранее начала февраля.

Приказываю: сохранять занимаемое положение до крайней возможности; в случае необходимости:

1) Первому Корпусу отходить, имея в виду базирование на Цымлянскую и потом на Константиновскую. Свое движение согласовать с движением Кавармии и 2-го Корпуса, дав противнику отпор на высотах х. Манойлина, потом на рубеже Чира и на линии р. Кумшак и верховье р. Быстрой.

2) Второму и Третьему корпусам использовать все средства к обороне Миллеровского узла, затем районов станций Тарасовки и Глубокая с целью возможно дольшего прикрытия Каменской.

3) Конечным пределом отхода может быть следующий район: для Первого корпуса фронт Богоявленская — устье р. Быстрой; Второму корпусу — линия Донца далее до станицы Калитвенской включительно, и Третьему корпусу — линия Донца до района Славяносербска, при чем разграничительные линии назначаются: между Кавармией и Первым корпусом р. Дон (предположительно), между Первым и Вторым корпусами — Новочеркасск-хутор Усть-Быстрянский-р. Быстрая-Гнилая-до станицы Милютинская-ст. Еланская... Между Вторым и Третьим корпусами — Новочеркасск-станция Репная-Ольховый Рог-г. Богучар. Между Донской и Добровольческой армиями (тогда 4-й Дон. корпус входил в Добровольческую армию) — станица Аксайская - Славяносербск - Старобельск, все, кроме Аксайской, для Добр. армии...

Нр. 01320/К. 5 декабря 1919 г. Ген. Сидорин».

Как видим, командующий Донской армией решил повторить тот маневр, к которому прибегла Донская

армия зимою 1919 г. и который тогда дал такие блестящие результаты...

Выше мы отметили уже, что вслед за директивой командующего Донской армией, данной 13 ноября, ген. Деникин дал свою директиву 14 ноября; за директивой команд. Дон. армией 27 ноября последовала директива Деникина 29 ноября. Так было и в декабре: 5-го декабря ген. Деникин приказал:

1) Ген. Покровскому — продолжать оборонять Царицын, выделив в резерв Главнокомандующего, в район Новочеркасск-Аксайская, 1-ю конную дивизию.

2) Ген. Сидорину — удерживать линию Славяносербск-Калединск (Миллерово) и, прикрывая железную дорогу Лихая-Царицын, обеспечивать по Дону левый фланг Кавказской армии; все усилия направить к тому, чтобы левым своим крылом, совместно с Добровольческой армией, разбить противника, наступающего на фронте Луганск-Миллерово.

3) Ген. Врангелю — активно оборонять линию реки Донец (от стыка с Донской армией) и далее через Славянск-Лозвую надежно обеспечивать каменноугольный район; к своему правому флангу сосредоточить ударную группу с целью, совместно с донцами, разбить противника, наступающего в общем направлении на Луганск.

4) Ген. Шиллингу прикрывать Новороссийскую область и Крым, удерживая железнодорожные узлы: Синельниково, Кременчуг, Черкассы, Бобринская, Цветково, Христиновка, Винница, Жмеринка; главные же силы спешно направить в район Екатеринослава для быстрой ликвидации банд Махно и дальнейших действий во фланг и тыл противника, наступающего против Добровольческой армии.

Ген. Эрдели — срочно направить в резерв Главнокомандующего в район Новочеркасск-Аксайская одну конную и одну пластунскую бригады...

(Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 253).

Именно в это время невыносимо тяжелого положения на всем фронте генералы отстранили Мамонтова от командования казачьей конной группой и этим бесконечно облегчили задачи красного командо-

вания.... Вместо разгрома конной группы Буденного получилось то, что красная конница 11-го декабря захватила Луганск, поставив тем в чрезвычайно критическое положение весь наш фронт.

Почти одновременно с ударом конницы Буденного в направлении на Луганск, конница Думенко через х. Сетраков 7-8 декабря прорвалась на юг, захватила район Дегтево, Терновой и Ольхового Рога, «вклинившись между частями 2-го Донского корпуса, вследствие чего 4-ая (Донская) дивизия утеряла связь со штабом (2-го корпуса) и была подчинена комкору 3-го Корпуса» (из оперативной сводки Дон. армии).

Еще перед этим прорывом «стали появляться признаки, что конная группа 2-го Корпуса, боясь ввязываться в бой с конницей Думенко, видимо не оправдает возлагаемых на нее надежд» (из опер. сводки). Поэтому 7-го декабря из штаба Донской армии «комкорам послана телеграмма поднять дух бойцов и самим не оглядываться назад» (журн. воен. действ. Дон. арм.).

С целью ликвидации большевицкого клина между 3-м и 2-м Донскими корпусами 8-го декабря комкорам этих корпусов было «приказано возможно большей частью сил обрушиться на конницу противника, группирующегося в районе Дегтево». Однако, несмотря на все усилия казачьих частей, к глубокому сожалению, не удалось ликвидировать этот весьма опасный прорыв донского фронта конницей Думенко...

Глубокий охват частей 3-го Донского корпуса большевицкими частями с обоих флангов — Буденный с запада, а Думенко с востока — принудил его к дальнейшему отходу на юг — вдоль жел. дороги Воронеж-Новочеркасск: 6-го декабря красные заняли г. Беловодск, 10-го декабря шли весьма тяжелые бои у Баранниковского и Титовки — верстах в 30 к юго-востоку от г. Беловодска, 11-го декабря красные заняли слободу Мальчевскую, х. Волошин и Ларионов-Деркульский, 12-го декабря советские войска заняли узловую станцию Миллерово (Калединск) и всю железную дор. Миллерово-Луганск.

Эти большие неудачи на левом фланге и в центре

Донской армии принудили донское командование начать отвод с р. Дона на юг и 1-го Донкорпуса. В декабре на переправах через р. Дон в разных местах фронта 1-го корпуса происходили бои, иногда достигавшие весьма большого напряжения. Например, 9-го декабря в районе устья р. Хопра — у хутора Зимовного — произошел бой, «в котором наши (Донские) части оказали упорнейшее сопротивление, потеряв до половины своего состава и почти всех офицеров» (опер. сводка).

12-го декабря на правом берегу р. Дона большевики заняли станицы Усть-Медведицкую, Н.-Григорьевскую, Сиротинскую, Трех-Островянскую, что указывало на то, что и 1-й Донской корпус оторвался от р. Дона и отступал на юг и юго-запад, равняясь по 2-му Корпусу слева и по Кавказской армии справа.

Тем временем части ген. Врангеля тоже продолжали отступать, сосредоточиваясь в Донецком бассейне: на левом фланге этой армии отходила Терская конная бригада, в центре — части Добровольческого корпуса и на правом фланге — Кубано-Терская конная бригада....

Наконец, 15-го декабря 1919 г. ген. Деникин отдал войскам следующую директиву:

«Противник продолжает наступление, нанося главный удар в разрез между Донской и Добровольческой армиями. Имея в виду сокращение фронта армии и надежное прикрытие наиболее важных райнов, впредь до сосредточения сил и перехода в наступление, **приказываю:**

1) Ген. Покровскому, начав теперь же планомерную эвакуацию Царицына, отходить за линию реки Сала (Торговое Цымлянская), для прикрытия Ставропольского и Тихорецкого направлений.

Одну Кубанскую конную дивизию выделить в мой резерв, направив ее в район станиц Хомутовской, Ольгинской, Манычской;

2) Донской и Добровольческой армиям прикрыть Ростовское и Новочеркасское направления; а) ген. Сидорину, поддерживая правым своим крылом связь с

Кавказской армией и задерживаясь на удобных оборонительных рубежах, постепенно отойти на линию Цымлянск-Усть-Белокалитвенская - Каменская - Ровеньки; б) ген. Врангелю, продолжая отход на намеченную линию — Ровеньки-Дьяково-Матвеев Курган- Лиман Мисский, сосредточить главные силы к своему правому крылу. Возможно дольше удерживать, хотя бы бронепоездами с дессантами, железно-дорожные узлы: Чистяково, Криничная, Доля; в) начальнику инженерных снабжений принять меры к наискорейшему укреплению Ростово-Новочеркасского плацдарма, линии рек Тузлов и Донской Чулек. **На этой позиции в случае надобности будет дан решительный отпор противнику;**

3) ген. Шиллингу продолжать выполнение прежней задачи, поставив главной целью прикрытие и оборону Крыма и Северной Таврии;

4) ген. Тяжельникову и Эрдели выполнять прежние задачи»....

По поводу этой директивы сам ген. Деникин говорит: «Задержка армий была необходима тем более, что не была еще закончена переброска к Ростову подкреплений и не эвакуированы армейские тылы: Таганрог, Ростов, Новочеркасск. В ближайший плацдарм Ростова и Новочеркаска под начальством ген. Топоркова сосредотачивался мой резерв» — 1-я кон. казачья дивизия, 1-я Терская пластунская бригада, конная бригада 2-й Терской дивизии, Ейская и Ставропольская школы для подготовки офицеров (Деникин. Очерки, т. 5-й, стр. 264. Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 269).

Вышеприведенная директива ген. Деникина ничего не говорит уже о походе на Матушку Москву, а только об организации «решительного отпора пртивнику» на ближайших позициях у Ростова и Новочеркасска....

После издания «московской директивы» не прошло и 6-ти месяцев, а о ней уже и не вспоминали.... И в резерв неудачного «спасителя России» снова стягивали **казачьи** части....

КАТАСТРОФА.

Военные и гражданские руководители «белого движения» начали искать причины неудержимо надвигавшейся катастрофы.

Командующий Добровольческой армией ген. Врангель 9-го декабря 1919 г. подал рапорт на имя Главнокомандующего вооруженными силами Юга ген. Деникина и в этом рапорте говорил между прочим следующее:

... «Прибыв 26-го ноября в Добровольческую армию и подробно ознакомившись с обстановкой на этом, в настоящее время главнейшем участке общего фронта Вооруженных Сил Юга России, долгом службы считаю доложить следующее: наше настоящее неблагоприятное положение явилось следствием, главным образом, двух основных причин:

1. Систематического пренебрежения нами основными принципами военного искусства,

и 2. Полного неустройства нашего тыла...

Гонясь за пространством, мы бесконечно растянулись в паутину и, желая все удержать и всюду быть сильными, оказались всюду слабыми.

Между тем, в противоположность нам, большевики твердо придерживались принципа полного сосредоточения сил и действий против живой силы врага. В то время, как продвижение Кавказской армии к Саратову создало угрозу коммуникациям восточного большевицкого фронта,красное командование спокойно смотрело на продвижение наших войск к Курску и Орлу и неукоснительно проводило в жизнь план сосредоточения ударной массы в районе Саратова с тем, чтобы, обрушившись на ослабленную тысячеверстным походом и выделением большого числа частей на добровольческий фронт Кавказскую Армию, отбросив ее к югу.

Лишь после того, как остатки Кавказской армии отошли к Царицыну и, окончательно обескровленные, потеряли всякую возможность начать новую наступательную операцию, — красное командование, сосредоточив силы для прикрытия Москвы, начало опера-

ции против Добровольческой армии, растянувшейся к этому времени на огромном фронте при полном отсутствии разервов, и, обрушившись на нее, заставило ее покатиться назад.

Несмотря на расстройство транспорта и прочие затруднения, принцип сосредоточения сил проводился красным командованием полностью.

Продвигаясь вперед, мы ничего не делали для закрепления захваченного нами пространства; на всем протяжении от Азовского моря до Орла не было подготовлено в тылу ни одной укрепленной полосы, ни одного узла сопротивления. И теперь армии, катящейся назад, не за что уцепиться.

Беспрерывно двигаясь вперед, армии растягивались, части расстраивались, тылы непомерно разрастались. Расстройство армии увеличивалось еще и допущенной командующим армией мерой «самоснабжения» войск.

Сложив с себя все заботы о довольствии войск, штаб армии предоставил войскам довольствоваться исключительно местными средствами, используя их попечением самих частей и обращая в свою пользу захватываемую военную добычу.

Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами — в грабеж и спекуляцию.

Каждая часть спешила захватить побольше. Бралось все; что не могло быть использовано на месте — отправлялось в тыл для товарообмена и обращения в денежные знаки. Подвижные запасы войск достигли гомерических размеров — некоторые части имели до двухсот вагонов под своими полковыми запасами. Огромное число чинов обслуживало тылы. Целый ряд офицеров находился в длительных командировках по реализации военной добычи частей, для товарообмена и т. п.

Армия развращалась, обращаясь в торгашей и спекулянтов...

Неудовлетворительная постановка контр-разведки и уголовно-розыскного дела, работавших вразброд, недостаточность денежных для них отпусков в неудач-

ный подбор сотрудников, все это дало большевицким агитаторам возможность продолжать в тылу армии разрушительную работу.

Необеспеченность железнодорожных служащих жалованьем повела к тому, что наиболее нужные служащие при приближении большевицкого фронта бросали свои места и перебегали на сторону противника.

Население, встречавшее армию при ее продвижении с искренним восторгом, истрадавшееся от большвиков и жаждавшее покоя, вскоре стало вновь испытывать на себе ужасы грабежей, насилий и произвола.

В итоге — развал фронта и восстания в тылу.

Войска, вследствие беспрерывных переходов и распутицы, переутомлены до крайности; лошади изнурены совершенно, и артиллерия и обозы сплошь и рядом бросаются, так как лошади падают по дороге.

Состояние конницы самое плачевное. Лошади, давно не кованные, все подбиты. Масса истощенных с набитыми холками. По свидетельству командиров корпусов и начальников дивизий боеспособность большинства частей совершенно утеряна.

Вот горькая правда. Армии, как боевой силы, нет. (Записки, т. 1-й, 257 и далее).

Ген. Деникин не оспаривал в то время вышеприведенных утверждений Врангеля, настолько эти утверждения были очевидны.

Ген. Врангель, по своему обыкновению, всю вину провала «белого движения» старался свалить на чужие плечи. Между тем, если бы Врангель действительно хотел быть об'ективным, он должен бы был признать, что и сам сделал очень много такого, что, вне сомнения, содействовало неуспеху борьбы. Врангель просто не понимал событий, происходивших в самой Великороссии, как не понимал он и событий, происходивших на Казачьих Землях.

И в певую очередь, Врангель и ему подобные русские люди не понимали совершавшихся национальных революций; не понимали, что Южный фронт держится почти исключительно казачьими силами и что основная масса Казачества борется только за освобождение своих Родных Земель...

Врангель с осени 1918 г. носился с мыслью о необходимости путем военного переворота заставить Кубань идти под командой русских людей; Врангель сделал все, что было в его силах, чтобы не допустить организации самостоятельной Кубанской армии; Врангель всеми силами поддерживал изменническую политику в отношении Кубани со стороны некоторых кубанцев, занимавших ответственные посты в Кубанском Крае; Врангель был душой ноябрьского переворота на Кубани и тот же Врангель путем устранения ген. Мамонтова от командования казачьей конной группой сделал эту группу совершенно небоеспособной...

Подобными своими действиями Врангель принес большую пользу советской России и величайший вред Казачеству...

«Вопрос о «политическом курсе» был поставлен у нас на практическую очередь довольно внезапно. Мы давно, с весны еще болели этим вопросом, много раз говорили о нем и в Особом Совещании, и в общественных организациях, и в частных беседах, но безрезультатно. Сдвинуть его с места помог нам Махно», рассказывает правая рука Деникина, проф. Соколов.

«Собственно, в махновщине не было ничего неожиданного. Движение это, в форме отдельных местных выступлений, наблюдалось уже давно, да и процесс нарастания и, так сказать, «систематизации» его тоже не был тайной для всякого, кто более или менее следил за жизнью нашей больной «провинции». Но только тогда, когда у Махно создалось нечто вроде армии, когда он стал осуществлять элементарные, конечно, стратегические планы, когда он стал серьезно тревожить наш тыл, когда для борьбы с его отрядами пришлось снимать части с фронта, где каждый человек был на счету, только тогда у нас в центре задумались над причинами, питавшими махновщину. В одну из октябрьских сред, вскоре после того, как движение стало затихать, Главнокомандующий предложил всем членам Особого Совещания собрать весь имеющийся у них материал по этому поводу для последующего совместного обсуждения его. Было ре-

шено, удобства и скорости ради, сосредоточить это дело в одних руках. Мы должны были передать всю нашу информацию Н. И. Астрову, которому выпало на долю систематизировать все данные и представить Особому Совещанию специальный доклад. Это и было исполнено, и доклад Н. И. Астрова состоялся в среду, 6 ноября.

«Сами собой рамки первоначально поставленной докладчику задачи раздвинулись. Н. И. Астров представил нам очень обстоятельное рассуждение, которое, помимо разбора условий возникновения махновщины и ошибок, допущенных в борьбе с ней, явилось суровой критикой всех наших правительственных порядков. Выделив конкретные вопросы об ответственности тех или иных представителей власти, докладчик затем остановился на характеристике нашего управления и с организационной, и с политической точки зрения. Он говорил об Особом Совещании, которое справедливо характеризовал, как машину, работающую без приводных ремней. Он говорил об отсутствии связи между центром и провинцией, о том, что власти на местах не чувствуют над собой постоянного надзора и твердого руководства и, кроме прямых злоупотреблений, позволяют себе частые отступления от политических начал, возвещенных в различных речах и приказах Главнокомандующего. Он коснулся и персонала местных учреждений и, в частности, подчеркнул неудачные назначения по Управлению Внутренних Дел и по Отделу Пропаганды. В общем все это было не очень ново для большинства из нас. Но впервые картина нашего внутреннего нестроения была представлена Особому Совещанию в связном виде. **Впечатление получилось тяжелое, настолько тяжелое, что ген. Деникин, видимо, пожелал смягчить его и с улыбкой сказал, что** положение не так уж мрачно, иначе **нам оставалось бы только отчаяться** Затем, по нашему обыкновению, дело это затормозилось»... (Соколов. Правление ген. Деникина, стр. 209-210).

2-го декабря, под председательством Деникина состоялось новое совещание в составе Н. И. Астрова, Н. В. Савича, К. Н. Соколова и ген. Романовского. Но и это совещание ничего нового не дало.

14-го декабря Деникин дал Наказ Особому Совещанию и в этом наказе повторил свои старые, отвергнутые жизнью программные положения (т. 5-й, стр. 280. «Очерков рус. смуты»).

16-го декабря член Особого Совещания Фенин подал Деникину записку, в которой между прочим отметил следующее: ...«Мы не станем перечислять ошибки и упущения, допущенные военными и гражданскими органами, призванными Вами служить делу борьбы за воссоздание государства и установление элементарного порядка. Ошибки эти многообразны. Главнейшие из них по нашему мнению: допущение развития дурных нравов в армии и безнаказанность высших попустителей, а также отсутствие организованного, сильного аппарата центральной власти, об'единенного в своем составе единым пониманием задач, стоящих перед властью, единством методов действий, и полная изолированность от жизни и населения того органа, который являет собою весьма несовершенный суррогат власти» (там же, стр. 282).

Далее в записке г. Фенина много говорилось о необходимости «распустить Особое Совещание и на его месте образовать Правительство в составе семи лиц, с привлечением в него трех представителей от Казачьих Войск»...

... «Создавая новое Правительство в минуты опасности и тревоги, Вы снова поднимите бодрость в армии и населении, снова окрылите надежды, ибо вместо непопулярного Особого Совещания около Вас будет новый орган, которому будут поставлены новые ясные задачи», продолжал г. Фенин.

«Тогда можно будет начать решительную борьбу с пороками, разлагающими Армии и тыл. Тогда можно будет противопоставить новую организованную власть развивающимся опасным течениям в Амрии и в тылу. Тогда можно будет **привлечь соседние государственные образования к борьбе за воссоздание русского государства»..**

... «Громоздкое и неспособное действовать Особое Совещание исполнило свое назначение и пережило се-

бя. Ни Вам, ни делу оно больше не может быть полезно», говорил г. Фенин (там же, стр. 284).

Председатель Особого Совещания ген. Лукомский тоже подал ген. Деникину доклад, в котором говорил:

«1. Наиболее животрепещущий вопрос данного момента — это наша неудача на фронте. При неудаче всегда масса (и на фронте и в тылу) ищет виновников. Конечно, этим дела не исправить, да и занятие, которое хотя и нервирует массу и создает известное настроение и в армии и в тылу, довольно бесполезное, ибо дела не исправит».

«Но если для массы это занятие бесполезное, надо помнить, что известное настроение и впечатление от этой массы передается и тем, от коих очень многое может зависеть».

«Одни обвиняют Ставку, другие Особое Совещание. Те, кои обвиняют Особое Совещание, в свою очередь, разделяются на два лагеря: одни ругают за слишком правое направление, другие за слишком левое направление. Лично думаю, что **виновны обе стороны: и Ставка и Особое Совещание.**

«Ставка, правильней штаб, виновен тем, что не организована была военная сила в тылу, что допущено было чрезмерное продвижение войск вперед без соответствующего устройства тыла (и в военном и в гражданском отношении) и что, повидимому, штаб не знал состояния войск.

«Особое Совещание (главным образом управление Внутренних дел) виновно тем, что не справилось с устройством тыла. Это я отмечаю не с целью искать виновных, а для того, чтобы предостеречь от опасности искать неудачу в области политики.

А эта опасность есть. И. П. Романовский на этих днях сказал мне примерно следующее: «Мы с Вами несколько расходимся в наших политических воззрениях и я не могу умолчать, что, по моему глубокому убеждению, мы сорвались на том, что в Малороссии фактически, проводили слишком правую «гетманскую» политику». Н. И. Астров, представляя свою записку об изменении политического курса, также считал, что одна из причин неудачи — это неправильная полити-

ка. Я лично считаю, что здесь не в политике дело, а в том, что мы не умели устроить тыла, не умели и не могли обуздать грабежи и насилия, чинившиеся и войсками, и государственной стражей, и органами контрразведки.

Если же мы теперь начнем менять политический курс, то попадем в еще более тяжкое положение.

2. Реорганизация Особого Совещания.

Сговориться с казаками теперь будет трудно. Вчера мне Харламов сказал: «Не скрою от Вас, что настроение среди членов Конференции несколько изменилось и некоторые говорят так: когда Добрармия занимала Орел, то с нами не церемонились и говорили очень твердым языком; **теперь пора и нам заговорить другим языком».**

Но если-б даже разговоры с казаками шли гладко — вряд ли теперь своевременно создавать всю ту постройку, которая намечалась... Должен сказать, что с эвакуацией начальников Управлений в Новороссийск, а Управлений в Крым — дело осложняется чрезвычайно. Ясно, что Особое Совещание действительно надо реорганизовать, но как — это сказать трудно» (там же, 284-285).

Таким образом, записка Астрова, рапорт Врангеля от 9-го декабря, записка Фенина и доклад Лукомского одинаково признавали **провал** военной и гражданской политики Деникина и его Особого Совещания, как носителей стремлений и желаний «русского белого движения на Юге»..,

16-го декабря ген. Деникин издал приказ **об упразднении** Особого Совещания и об образовании Правительства из «глав шести ведомств».

«В сущности», говорит Деникин, «все в правительстве должно было оставаться по старому до создания новых форм управления, слагавшихся в процессе работ южно-русской конференции. Последние приказы мои означали: невозможность опереться на либералов, нежелание передать власть всецело в руки правых, **политический тупик и личную драму правителя.** В более широком обобщении они свидетельствовали об одном, давно назревшем и теперь

особенно ярко обнаружившемся явлении: **о кризисе русского либерализма»...**

«Особое Совещание и с ним целый период жизни противобольшевицкого Юга отошел в прошлое. Судить нас будет история. Я хотел бы отметить», говорит Деникин, «одно только явление, общее для всех поднявшихся против безумного советского режима частей Российского государства — общее для Севера, Востока, Юга и Запада, для Казачьих Областей, Закавказских новообразований и западных лимитрофов... Первые же шаги насаждения государственного строя на обломках прежнего, поросших большевизмом, различаясь внешними формами, большей или меньшей радикальностью и демократизмом содержания, худшей или лучшей организацией — имели везде одну, проникавшую существо их черту: они направляли народную жизнь в старое русло... Свидетельствовало ли это явление только о той цепкой связи и зависимости от прошлого, которое довлело над страной и строителями, быть может, иногда помимо сознания и воли их... Исходило ли оно из бессилия и неумения деятелей революции прорыть, не выжидая, новое русло, в которое могла бы хлынуть и успокоиться очищенная в крови и страданиях волна народной жизни.. Или, наконец, было оно признаком жизненности основных вех, по которым шло последовательно, веками русское строительство... Ответ даст будущее» (там же, стр. 287).

Руководители «русского белого движения», как видно, все же не могли понять простой истины: от русской жизни они оторвались, а на Казачьих Землях они были чужие.

Никакие «записки», «рапорты», «доклады», никакие перемены и перестановки в составе деникинского правительства, никакие изменения в его названии этой печальной для «русского белого движения» сути изменить не могли и в действительности не изменили.

В политическом и в военном отношении деникинцы потерпели полный крах... Затягивался только период ликвидации деникинщины благодаря тому, что

русское «белое движение» сумело цепко связать себя с Казачьим Освободительным движением.

Трагедией Казачества было то, что оно не сумело во время и решительно отмежеваться от «русского белого движения», обреченного историей на гибель...

ОТХОД ЗА Р. ДОН.

Как сообщает ген. Врангель, «13, 14 и 15 декабря Донская и Добровольческая армии продолжали по всему фронту отход. Конница ген. Улагая перешла в район станции Алмазная - станция Алчевская-Селезневка-Ящиково. Пехота 1-го корпуса (добровольческого) **без давления противника и пользуясь местами железно-дорожными перевозками,** согласно приказа командира, корпуса, **отходила»** в Донецкий бассейн (цит. выше работа Врангеля, стр. 268).

И далее ген. Врангель продолжает: «Конница красных настойчиво продолжала продвигаться вперед. Часть этой конницы, численностью до дивизии большого состава обрушилась на 4-й Донской корпус ген. Мамонтова в районе Иллирия-Юрьевка и жестоко потрепала его. Остатки Корпуса сосредоточились в районе станции Ровеньки. Одновременно, Буденный с шестью полками обрушился на части полковника Фостикова у станции Мануйловки и оттеснил их к станции Депрерадовка, откуда полк. Фостиков перешел 16-го декабря к станции Чернухина. Оставив шесть конных полков действовать на фронте Городище-Чернухина, Буденный 4-мя полками двинулся в район Депрерадовка-Дебальцево, вытеснил отсюда Марковскую дивизию и продолжал движение с этими четырьмя полками на Ольховатку. Наши части отходили на юг. Одновременно еще одна бригада конницы Буденного была обнаружена в районе Троицкое-Луганское (в 12 верстах к северу от станции Хацепетовка)... Я переходил с моим поездом на станцию Матвеев Курган» (стр. 268).

«17-го декабря полк. Фостиков, оставив Чернухи-

на, продолжал отходить на юго-восток вдоль железной дороги. Марковская дивизия, отходя с боями из района Депрерадовка-Дебальцево, к 17-ому декабря заняла 1-м полком район Чистяково, где с утра начался бой. Красные наступали с востока, запада и юга» (стр. 270).

«18-го декабря конница противника продолжала наступать. Части полк. Фостикова в районе станции Ровеньки соединились с 4-м Донским корпусом; последний занимал фронт Ровеньки-Картушино. Атаки красной конницы 4-м Донским корпусом были отбиты. Корниловцы в районе станции Бесчинская были атакованы конницей противника и стали отходить на юг, но затем направлены были на село Степановку, куда отступили от Чистякова после тяжелого боя марковцы. При отходе три полка конницы противника отрезали и захватили обоз корниловцев. 2-я дивизия отходила от Сердитой на Степановку; дроздовцы, оставив полк для прикрытия эвакуации станции Иловайская, отступили на станцию Кутейниково. Отход Марковской и 2-й дивизии совершался в весьма тяжелых условиях. Марковцы, отступая от станции Чистякова через села Алексеево-Леоново, были в этом селении атакованы со всех сторон конницей красных, потеряли все обозы и артиллерию и часть пулеметов и едва пробились к селу Степановка, где расположились совместно с корниловцами. 2-я дивизия, отступая от Сердитой на Степановку и Мариновку, проходя мимо Алексеево-Леоново, также была атакована конницей красных, и, отбивая ее атаки, отошла к деревне Мариновка,преследуемая частями 4-й и 6-й дивизий Буденного» (там же, стр. 272)...

Таким образом ген. Врангель признает, что добровольческие части понесли весьма серьезные поражения и потери в боях с конницей красных, в то же время конница ген. Мамонтова, над боеспособностью которой генералы Науменко, Улагай и Врангель еще 7-8 декабря поставили было крест, 18-го декабря отбила атаки красной конницы в районе Картушино-Ровеньки.

Далее тот же Врангель признает, что 4-й Донской

корпус 19-го декабря **«одержал победу, выбив противника из ряда хуторов, лежащих в балках Должин и Медвежья, отбросив его на север и заняв хутора Ивановский, Медвеженский и деревню Варваровку, при чем захвачено было 6 орудий и 12 пулеметов»** (стр. 273).

Не только постоянное давление со стороны неприятельской конницы и пехоты было причиной отступления казачьих частей... Эпидемия сыпного тифа, принявшая просто невероятные и страшные размеры, косила славные ряды казачьей пехоты и конницы. Один из очевидцев этого бедствия народного следующим образом описывает им виденные картины: ...«На станцию Миллерово (Калединск) ...привозили с предыдущей станции Чертково целые поезда с мертвыми телами сыпно-тифозных, которые умирали от холода, от недостатка ухода, от голодовки, от отсутствия примитивных удобств. Из поездов трупы по несколько десятков грузили на большие телеги, хозяева которых, взгромоздившись на эти возы, от'езжали на кладбище, где в общие могилы сваливали свой страшный груз...

... «Все это можно было наблюдать и на других станциях... Эпидемия сыпного тифа свирепствовала по всему югу России. И нередко можно было видеть на тех-же станциях вокзальные здания, переполненные больными и мертвыми, беседки в станционных садиках, переполненные трупами сыпнотифозных, сложенными, как дрова, в высокие штабели. Смертность царила колоссальная»... (Раковский, Г. Н. «В стане белых», стр. 32-33).

17-го декабря от сыпного тифа умер Кубанский Войсковой Атаман ген. Успенский...

20-го декабря на станции Ростов состоялось совещание генералов Деникина, Сидорина, Врангеля, Романовского и др. На этом совещании ген. Деникин об'явил, что он **расформировывает** Добровольческую армию и из ее остатков организуется Корпус под командой ген. Кутепова. Этот добровольческий Корпус в оперативном отношении был подчинен командующему Донской армии ген. Сидорину (Деникин. Очерки, т. 5-й, стр. 266. Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 274).

«Когда участники совещания перешли к рассмотрению вопроса, касающегося обороны Ростова и Новочеркасска, то обнаружилось, что, хотя давно было ясно, что войска отойдут к этим пунктам, — к укреплению огромной важности позиций никаких мер до сих пор принято не было. Когда на совещание прибыли инженеры, которым было поручено укрепление этих позиций, то выяснилось в полной мере, что кое-где есть окопы для стрельбы с колена на узеньком фронте, кое-где навалены колья для проволочного заграждения, кое-где имеются бревна для постройки блиндажей. Больше ничего не было. Не были оборудованы и телефонные линии для связи с местами будущих штабов, не были оборудованы базы для действия танков, хотя их предполагалось выставить весьма значительное количество и на ростовском, и на новочеркасском фронтах».

«Хотя полная непригодность позиций выяснилось с очевидностью, однако, это мало встревожило начальника штаба главнокомандующего ген. Романовского, который указывал на ценность позиций с психологической стороны, а именно на то, что войска будут знать о предстоящем упорном бое перед Ростовом. Кучки материала и обозначенные окопы будут указывать на эти позиции. После выступления Романовского участники совещания назвали эти позиции «психологическими».

«Интересно отметить, что присутствующим на совещании бросалось в глаза крайне пессимистическое настроение Деникина и Романовского, для которых Ростов и Новочеркасск были, повидимому, последней ставкой. Романовский даже спросил одного из участников совещания: «Неужели вы думаете, что, если мы принуждены будем оставить Ростов и Новочеркасск, то возможно еще какое-нибудь сопротивление?» (Раковский. В стане белых, стр. 47-48).

Добровольческий корпус и Донская армия сравнительно быстро отступали к Ростову и Новочеркасску: 22 декабря большевики заняли Мариуполь, а 24 декабря ими был занят и гор. Таганрог.

Командующий Донской армией ген. Сидорин

«развернул войска, прикрыв Ростов Добровольцами, Новочеркасск Донцами и в центре на уступе поставив конные корпуса Топоркова и Мамонтова» (Ден. Очерки, 5-й, стр. 266).

В это время в ближайшем тылу изнуренного фронта творились ужасные дела. «Утром, 23 декабря», рассказывает Раковский, «я из Батайска... отправился в Ростов и Новочеркасск, чтобы быть свидетелем решительного боя, который должен был состояться под Новочеркасском.

«Вся дорога от Батайска до Ростова была покрыта отходившими частями, одиночными конными и пешими людьми и потоком беженцев, состоявшим, главным образом, из представителей буржуазии... По дороге то и дело попадались завязшие в грязи и брошенные автомобили, поломанные телеги, экипажи. На возах — груды вещей: тюфяки, чемоданы, мопсы... Куда бегут — никто не знает. Все охвачены одним желанием: бежать и бежать подальше от фронта.

Под Ростовом поток беженцев сгустился до такой степени, что, порою, начинало казаться, будто население всего огромного города покидает насиженные места. Среди беженцев попадались казаки-кубанцы, одиночные офицеры и солдаты с винтовками на плечах. То были отбившиеся от своих частей.

Тянулись батареи. Иногда, тяжело увязая в грязи, проходили расхлябанные воинские части. Возле Ростова вместо дороги — сплошное болото, в котором барахтались люди и лошади. Несколько опрокинутых карет, очевидно помещичьих; возле них труп солдата в грязи; автомобиль, брошенный своими пассажирами... все свидетельствовало о страшной панике. Это было понятно, ибо поток беженцев с территории Добровольческой армии носил определенную окраску. Все это, по преимуществу, были: представители интеллигенции, или помещики, или служащие в учреждениях Добровольческой армии. Значительная-же часть беженцев состояла из тех моллюсков, которые присосались к Добровольческой армии и ее учреждениям...

А в это время по всем дорогам, находящимся восточнее, тянулся другой поток беженцев. Это были

Донские казаки, вернее их семейства и калмыки. Старики, женщины, дети, почти поголовно, станичными и окружными таборами во главе со станичными и окружными атаманами двигались на юг. Они гнали перед собою стада скота и свое главное богатство — табуны лошадей. Здесь народные массы, не желавшие подчиниться большевикам, уходили со своей территории, покидали родные станицы, хутора и кочевья, шли в неизвестном направлении, не зная, что их ждет там, впереди, но зная, что позади вместе с большевиками они жить не могут. Это была грандиозная картина переселения целого народа, возвращавшая нас к давно минувшим временам средневековья»... (Рак. В стане белых, 54-55).

Эту страшную трагедию Казачества П. А. Скачков описывает так: ...«С оставляющей Дон Донской Армией, покидали свои очаги десятки тысяч казачьих семей. И нужно было видеть в декабре 1919 г. бесконечные степные дороги, по которым, утопая в грязи, тянулись сотни тысяч голов скота и овец, табуны лошадей и десятки тысяч подвод, нагруженных стариками, женщинами и детьми, и нужно было видеть те бесчисленные могильные холмики, устилавшие этот Крестный путь, чтобы понять всю трагедию Донского Казачества... Тот десяток тысяч героической Добровольческой Армии, истекавшей кровью в отходе от Орла, было все то, что дала стопятидесятимилионная масса русского народа — в защиту своей Национальной Чести.

С пятидесятитысячной Донской Армией шел Атаман, Правительство, Войсковой Круг и свыше трехсот тысяч беженцев»... («Донская Летопись», т. 1-й, стр. 7-8).

«Отдавался целый ряд распоряжений о выдвижении на Дон для устройства переправ всех корпусных и дивизионных; приказания писались, а мостовое дело вперед не продвигалось, так как силы были совершенно недостаточны для столь большого дела. Только мороз, ударивший 24 декабря вслед за оттепелью с туманом, сковал лед и переправы вновь стали возможными.

«Операция, предпринятая командованием впереди Новочеркасска и Ростова, грозила кончится полной катастрофой, ибо надежды на успех почти не было, а в тылу армии лежала большая река, лед на которой к 24 декабря едва выдерживал отдельных лошадей, постоянные же мосты имелись только у Ростова (2) и г. Нахичевани (один). (Журн. воен. действий Дон. армии, запись за 24 декабря 1919 г.)

«После трехдневного затишья на всем фронте Донской армии, 24 декабря начались боевые действия в районе Александро-Грушевска. Сильная конная группа противника в составе не менее трех бригад, поддержанная пехотой, повела наступление на фронт 3-го Корпуса, направляя удар вдоль линии желез. дороги и обходя правый фланг. После упорного боя нашими частями были оставлены Шахтная и Александро-Грушевск. Отбив ряд новых атак у Каменоломни, ослабленные части Корпуса продолжают отход»... (Журн. воен. д. Дон. арм.).

«Накануне оставления нами Новочеркасска интересный был разговор между офицерами красным и нашим: по телефону из Александро-Грушевска вызывают офицера штаба белой армии; подходит к телефону есаул Измайлов — штаба 3 Корпуса,который был в Новочеркасске (в здании духовной семинарии).

Красный офицер спрашивает — после обычных приветствий: «Что же, еще сидите в Новочеркасске?» «Да, мы здесь и уходить не думаем».

— «Напрасно», отвечают из Грушевки, «уходили бы лучше»...

— «Нет, мы еще подеремся, у нас танки»... — «Какие там танки! Когда мы весной 19-го года уходили с Маныча, так нам никакой черт помочь не мог; так и вы, раз уж духа нет, так уж нечего задерживаться; только другим мешаете» (журн воен. действий Дон. армии, стр. 141/11).

«Рождественскую ночь войска провели под Новочеркасском. Казалось, что вся обстановка складывается в пользу Донцов. В последних боях, в особенности под Провальскими конными заводами, пассивно отступавшие казаки, что называется, огрызнулись, да так,

что не одна тысяча красноармейцев осталась на поле сражения. Все офицеры и генералы в один голос говорили о бодром, уверенном настроении Донцов. В Атаманском дворце я встретил, — расказывает Раковский, «председателя Донского Войскового Круга Харламова, который вместе с командующим Донской армией ген. Сидориным только что вернулся после посещения частей Корпуса ген. Мамонтова. Его общий вывод сводился к тому, что, как командный состав, так и простые казаки настроены великолепно и готовы двинуться в бой, куда нужно, куда прикажут».

«С утра в первый день Рождества на подступах к Новочеркасску начался решительный бой. Морозило. Яркое солнце освещало покрытый снегом, притихший город. Во дворце Атамана, где я увидел ген. Сидорина, на мой вопрос о положении дел он ответил: «Телеграфируйте в газеты, что мы бодры и верим в успех».

«Верили в успех все. Все, казалось, было сделано, чтобы разбить врага и, кто знает, быть может, тем самым значительно изменить ход событий.

В городе было тихо и безлюдно. Изредка по улицам проезжали конные казаки, двигались какие-то пешие команды.

Проходит час, другой. Грохот орудийных выстрелов становится все слышнее и слышнее. В городе попрежнему было спокойно.

С крыши здания Войскового штаба я наблюдал за ходом происходившего вдали на буграх боя. Обстановка казалась не ясной. Стоявший возле меня инспектор Донской артиллерии ген. Майдель недовольно качал головой.

«Наши отходят», заметил он.

Вдали чуть-чуть видны были черные точки, темные пятна и линии: то наши и неприятельские части маневрировали и наступали друг на друга...

«В полевом штабе командующего царило выжидательное настроение. Проходит еще час, другой... Грохот орудийных выстрелов приближался. В сердце начинали закрадываться тревога и беспокойство. Настроение быстро понижалось.

«Сбили с бугров», — эти роковые слова кем-то произнесенные, в одно мгновение облетели всех. К трем часам дня как-то сразу стало ясно, что наступает критический момент боя. В Новочеркасске начиналась сумятица. Заметались отдельные всадники и беженцы. Выстрелы раздавались уже под самым городом. По улицам быстро проходили обозы. Возле Атаманского дворца спешно строились конвойные сотни. Через Новочеркасск в образцовом порядке порою с песнями проходили уже и строевые части.

Происходило что-то непонятное, необ'яснимое... Сил, казалось, было более, чем достаточно. Настроение войск великолепное. И вдруг... столица Дона... — г. Новочеркасск, оставлялся Донцами, можно сказать, без упорного, кровавого, беспощадного боя, к которому, повидимому, войска были вполне готовы.

Уж над городом начинали рваться шрапнели. Все заторопились.

Вечерело. Войска и беженцы спускаются вниз, проходят через балку и направляются на Аксай. Все, казалось, никак не могли уяснить себе смысла и значения того, что произошло. Это было видно из тех летучих фраз, которыми обменивались между собою отступавшие. «Мы-бы расколотили сегодня Думенко, да Буденный со своей конницей подоспел»... «Жалко Новочеркасска, Господи, как жалко»... «Ничего, все равно дня через три, через пять вернемся обратно. Пусть только Мамонтов подойдет...

«Мы свое возмем: не первый раз покидаем Новочеркасск»...

Расположенный на высокой горе, освещенный последними лучами солнечного заката, город был удивительно красив... Настроение у всех, казалось, все-же бодрым. Иногда с песнями проходили пехотные части. Тяжелое впечатление производили лишь беженцы, с котомками за плечами шедшие из Новочеркасска. Мороз крепчал. Города уже не видно. Лишь багровые языки огня поднимались там, откуда вышли последние части Донской армии» («В стане белых», 55-58).

«Причина этой неустойчивости весьма простая», поясняет быв. нач. оперативного и развед. отделения

Дон. армии: — «Казаки знали, что в тылу у них полузамерзший Дон с единственной в то время мостовой переправой у станицы Аксайской, и не могли продолжать борьбу, имея у себя в тылу такую преграду». (Полк. Добрынин. Борьба с большевизмом, стр. 93).

Новочеркасск пал 25-го декабря, а Ростов большевицкие войска заняли 26-го декабря.

«Падение Ростова и Новочеркасска об'ясняется, главным образом, общими причинами... В силу общих причин, в особенности, в виду развала Добровольческой армии, участь Новочеркасска и Ростова, казалось, была предрешена фатальным ходом событий. Но среди представителей высшего командования за несколько дней до оставления Ростова и Новочеркасска стала укрепляться уверенность в том, что, быть может, и удастся отстоять эти в высшей степени важные пункты. Боеспособность и дух Донской конницы, в особенности 4-го корпуса, которым командовал Мамонтов, сильно повысилась благодаря тому, что в течение нескольких дней, после продолжительных неудач, конница имела несколько удачных боев в том числе и под Провальскими конными заводами. Во время этих боев донцы приобрели даже утерянное в период отступления оружие и пушки. Таким образом, к моменту подхода большевиков к Новочеркасску ядро Донской армии, 4-й Корпус ген. Мамонтова, являлся вполне надежной боевой единицей.

В виду этого, более слабому 3-му Донскому корпусу, которым командовал ген. Гусельщиков, была поручена оборона Новочеркасска. Оборона Ростова была поручена ослабленному продолжительным отступлением и упорными боями Добровольческому корпусу, которому была придана прибывшая с Кавказа Терская бригада. Оборонять Ростов должна была и конная группа ген. Топоркова, состоявшая из неушедших домой Кубанцев и Терцев. Корпус Мамонтова был расположен в виде резерва между Ростовом и Новочеркасском. Донское командование предполагало, повидимому, использовать его следующим образом: если большевики прежде направят удары свои на Ростов,

то — против Ростова, если — на Новочеркасск, то — против новочеркасской группы красных. Первой группой советских войск командовал «главковерх» Буденный, второй — Думенко.

24 декабря стало выясняться, что бой под Новочеркасском начнется раньше, чем под Ростовом, так как Буденный шел медленнее Думенко. В виду этого из штаба Донской армии был послан Мамонтову приказ идти на Александро-Грушевск с целью разбить группу Думенко, Топорков со своим отрядом должен был защищать правый фланг Добровольческого корпуса. Мамонтов же отдал распоряжение ударить против ростовской группы большевиков — против Буденного. В виду позднего получения новой директивы, он донес в штаб, что вынужден действовать против Буденного. Это и было санкционировано штабом.

25 декабря Мамонтов вместе с Топорковым имели крупный успех и сильно потрепали части ростовской группы большевиков» (Раковский. В стане белых, 59-60). Об этом радостном событии на печальном фоне общих неудач было разослано войскам нижеследующее официальное сообщение: «В бою 25 декабря в районе Дарьевской — Генеральский Мост группой ген. Мамонтова, совместно с конницей ген. Топоркова, разбиты 33 и 16 пешие дивизии, Туркестанская конная бригада, 6-я конная дивизия и остатки 15-й пешей дивизии. Взято в плен и уничтожено свыше четырех тысяч, захвачено 8 орудий и до 30 пулеметов».

«Под вечер в этот день (25-XII) Мамонтов узнает о тяжелом положении Новочеркасска. Вместо того, чтобы продолжать свои атаки на группу Буденного, он отошел в исходное положение и решил утром 26 декабря наступать на Новочеркасск. «Положение... было тяжелое. Имея бой с противником, я прошел 35 верст, потом вернулся назад. Сделав почти 80 верст, я должен был на следующий день вести снова тяжелый бой» (слова ген. Мамонтова).

26 декабря начался бой на «психологических» ростовских позициях. Буденный ринулся вперед, прорвал и почти целиком захватил в плен Терскую

бригаду. Отряд Топоркова начал тогда отход без боя.

«Весьма опасаясь за переправы», рассказывал Мамонтов, «видя, как болезненно отражается на моих казаках оттепель, которая с часу на час могла отрезать нам возможность отхода по льду за Дон, я отошел за аксайскую переправу» (Раковский, стр. 61 выше цит. его работы).

27 декабря антибольшевицкие части были уже за р. Доном.

28-го декабря 1919 г. в «Журнале воен. действий Донской армии» сделана следующая запись: «По отходе частей Донской армии за Дон Командармом послана телеграмма всем комкорам, Донскому Атаману, Председателю Правительства и председателю Круга, в которой отметив факт упадка духа у рядовых бойцов и начальствующих лиц, Командующий обрисовал обстановку, сложившуюся на фронте красных и внутри государства перед началом последнего вторжения, отметил: причину нашего отхода, состояние красной армии — не совсем блестящее, как это кажется, — состояние наших войск, **не уступающих противнику ни численно, ни по качеству, но потерявших сердце»..**

В тот же день на фронте Добровольческого корпуса были захвачены в плен красные летчики — бывший генерального штаба капитан Строев и поручик Шурыгин. Опрошенные в штабе Корпуса, они показали, что «армия Буденного состоит из 4-й, 6-й и 11-й дивизий, численность коих им не известна; эпидемия сыпного тифа занятием красными покинутых нами местностей в частях противника увеличилась; вследствие террора интендантом красноармейцы одеты удовлетворительно и снабжены всем необходимым. В связи с последними успехами в войсках противника наблюдается уверенность в скором окончании гражданской войны, а в тылу, **особенно в Великороссии, просыпается национальное чувство и удовлетворенность, что разрозненная Россия собирается без помощи иностранцев, несмотря на тяжелые внешние и внутренние условия.** Полагают, что большевизм будет изжит эволюционым путем. Террор в Совдепии уменьшается. Население встречает красных доброже-

лательно, предпочитая советвласть **вследствие допущенных белыми частями сильных грабежей и реквизиций. Особенно было возбуждено население появлением помещиков и творимыми ими расправами с населением, что успешно используется большевицкими агитаторами»...**

В этом показании пленных русских летчиков чрезвычайно важным является указание на то, как смотрела Великороссия на успехи большевицкого оружия — там просыпалось национальное русское чувство и уверенность в том, что именно под руководством большевицкой власти «разрозненная Россия вновь собирается без помощи иностранцев, несмотря на тяжелые внешние и внутренние условия»...

Словом, Ленин без помощи иностранцев делал то, что Деникин и Колчак хотели сделать при помощи иностранцев. И Ленин и Деникин **собирали Россию.**

28-го декабря «ген. Кутепов просил сменить его Корпус частями Донармии с тем, чтобы Добровольческий корпус отвести в резерв для пополнения и приведения частей в порядок. Командарм (ген. Сидорин) не нашел возможным сделать это и указал комкору Добр. о возможности справиться с задачей при помощи конного корпуса ген. Топоркова.

29-го декабря «ген. Кутепов донес о том, что некоторые части ген. Топоркова проходят прямо на юг, не останавливаясь в указанном им районе. Явление повального бегства с фронта Кубанских и Терских казаков наблюдается с момента оставления Ростова, т. е. с 26 декабря. Нескончаемые обозы тянутся вглубь Кубани, сопровождаемые тысячами дезертиров пеших, и, главным образом, конных. Одни идут просто домой, не скрывая этого, другие же под предлогом формирования, «гарнизоваться», как казаки говорят. Многочисленные обозы Донских частей также кишат дезертирами, и там, по донесению ген. Калинина, которому поручена очистка обозов, находится 9/10 нашей армии» (запись в «Журн. воен. дейст. Дон. армии»).

Части 1-го Донского корпуса тоже отошли на южный берег р. Дона.

Кавказская армия, 20-го декабря оставив г.

Царицын, который она держала в своих руках свыше 6-ти месяцев, к первым числам января 1920 г. отошла за р. Сал.

Следует отметить, что большевицкие силы 10-й и 11-й красных армий, к 12-му декабря 1919 г., определяли в 31400 штыков и 5430 сабель и 160 орудий. (Е. Ковтюх. От Кубани до Волги и обратно, стр. 72).

Штаб ген. Деникина переехал в Тихорецкую, штаб Донской армии — в Сосыку, а штаб командира Добровольческого корпуса ген. Кутепова разместился в Кущевке.

Собственно, война была уже кончена.

То, что было потом на Кубани, Новороссийская и Черноморская катастрофы и самый Крым — все это были лишь судороги конца.

Казачество на этот раз проиграло.

Вернее — проиграли за него другие, те другие, кому некоторые казаки помогали творить не казачье дело.

Оглавление:

IMPRIMERIE COOPÉRATIVE ETOILE 18-20, Fbg. du Temple, Paris (11e)

БИБЛИОТЕКА
«ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА — ВІЛЬНОГО КОЗАЦТВА»

Цена: 1 амер. доллар.